

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1977 ГОД

Основан в 1957 г.

академиком

М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1978

73614

«Археографический ежегодник за 1977 год» включает статьи и сообщения, посвященные проблемам археографии, архивоведения и специальных исторических дисциплин, а также обзоры и описания архивных документальных материалов. Публикуются материалы в связи с 60-летним юбилеем Великой Октябрьской социалистической революции (о собирании документов о Великом Октябре, публикациях и источниковедческом изучении декретов Советской власти и др.); о сокращенных изданиях массовых источников XVII—XX вв.; о развитии и перспективах советской полевой археографии и методике археографических экспедиций; о работах по составлению списков древнерусских рукописей и рукописей на восточных языках; об изучении археологической документации; о грамофонной пластинке как историческом источнике; об источниках по истории исторической науки (изданиях «Истории Российской» В. Н. Татищева, неизданном томе «Опыта русской историографии» В. С. Иконникова); об археографической работе видных советских ученых и др.

В подготовке «Ежегодника» к печати принимали участие сотрудники Археографической комиссии Ю. В. Андрияшайтите, Н. А. Долдобанова, В. Б. Павлов-Сильванский, И. Е. Тамм.

Редакционная коллегия:

С. О. ШМИДТ (ответственный редактор).

Ю. В. АНДРЮШАЙТИТЕ,

Н. А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),

В. А. ДЬЯКОВ, Б. Г. ЛИТВАК, В. А. ЧЕРНЫХ

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

А. А. Курносков, В. А. Черных, С. О. Шмидт

О СОСТОЯНИИ И ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОЙ ПОЛЕВОЙ АРХЕОГРАФИИ

(К итогам Первой Всесоюзной конференции
по полевой археографии)¹

В нашей стране получила широкое развитие деятельность научно-исследовательских учреждений, архивов, музеев, библиотек, учебных заведений по выявлению, учету, изучению и приобретению на государственное хранение документальных памятников (рукописей, редких изданий, фотографий и т. д.), находящихся в личной собственности граждан и вместе с тем представляющих общенародную научную и культурную ценность. Эта деятельность, имеющая целью обеспечение сохранности памятников культуры, пополнение источниковой базы исторической науки и других гуманитарных научных дисциплин, а также изучение документальных памятников непосредственно в среде бытования — у населения, получила в последние годы название «полевая археография»². В этом определении подчеркивается прежде всего тесная взаимосвязь собирания документальных памятников с последующими этапами их введения в научный обиход — описанием и изданием, единство исследовательского процесса и его методов на всех этапах археографической деятельности. С другой стороны, оно указывает на близость задач и методов собирания документальных памятников у населения к задачам и методам полевых этнографических, диалектологических, фольклористических исследований, также связанных с собиранием и изучением различных видов памятников в среде их бытования³. В то же время все больше утверждается представление о полевой археографии как об одном из направлений изучения народной культуры — широкой комплексной научной проблемы, разрабатываемой под разными углами зрения многими гуманитарными научными дисциплинами.

Традиции собирания документальных (прежде всего письменных) памятников в научных целях восходят в нашей стране к 30-м годам

¹ В основу статьи положены доклады и выступления авторов на Первой Всесоюзной конференции по полевой археографии (Москва, декабрь 1976 г.) и рекомендации конференции. Частично использованы также материалы, которые готовила для конференции старший научный сотрудник Археографической комиссии АН СССР Д. И. Тверская (1925—1975), см.: АЕ за 1975 год. М., 1976, с. 354—358, 370.

² Лихачев Д. С., Шмидт С. О., Покровский Н. Н. Уважение к древности.— Правда, 1973, 14 августа; Поздеева И. В. Археографы ведут поиск.— Правда, 1974, 1 апреля; Шмидт С. О. Археография, архивоведение и специальные исторические дисциплины.— В кн.: Развитие советской исторической науки. 1970—1974. М., 1975, с. 337—339; Тверская Д. И. О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период.— История СССР, 1976, № 1, с. 106—124.

³ Черных В. А. О предмете археографии и ее месте в кругу смежных научных дисциплин.— СА, 1976, № 6, с. 46—53; Шмидт С. О. Некоторые итоги и перспективы развития археографии отечественной истории.— В кн.: Археография и источниковедение. Сыктывкар, 1977, с. 4—22; ср.: Жданко Т. А., Крупянская В. Ю., Терентьева Л. Н. Об организации и методике полевых этнографических исследований.— СЭ, 1956, № 3, с. 25—34.

XVIII в., когда Академией наук были предприняты первые экспедиции для ознакомления с рукописями в местных государственных и монастырских хранилищах и собирания документов. Само понятие археографии как особого вида научной деятельности по собиранию, описанию и изданию письменных памятников утвердилось в отечественной исторической науке со времени известных археографических экспедиций первой половины XIX в. и особенно в результате многолетней деятельности петербургской Археографической комиссии (1834—1931). Результатом этой работы явилось образование богатейших собраний памятников письменности.

Одновременно и параллельно с собиранием, описанием и изданием письменных памятников на русском и других славянских языках в России с начала XIX столетия проводилась не менее интенсивная работа с восточными рукописями. Основным научным центром этой работы явился Азиатский музей Академии наук, созданный в 1818 г. Собиранием и изучением письменных памятников на разных языках занимались в равной степени как историки, так и филологи.

Изучение истории собирательской деятельности научных учреждений и рукописных хранилищ дореволюционной России, а также отдельных коллекционеров в связи с историей формирования рукописных собраний является важной исследовательской проблемой, до настоящего времени разработанной лишь фрагментарно⁴. Между тем это важно не только для определения места полевой археографии в развитии исторической науки и отечественной культуры вообще, для определения корней традиции в этой отрасли научной деятельности, но и потому, что в работах наших предшественников (и иногда очень давних) обнаруживаются нити, ведущие к новым находкам, забытым или разрозненным собраниям памятников.

Неизученным остается и вопрос о методике собирания русскими дореволюционными археографами письменных памятников непосредственно у населения. Можно полагать, что они еще не ставили перед собой задач изучения функционирования памятников письменности в естественной среде их бытования, фиксирования связей книжности с другими элементами народной культуры. Например, П. М. Строев и другие русские археографы XIX в., создавая богатейшие собрания рукописей и других документов, считали возможным изымать эти рукописи или даже их фрагменты из состава тех монастырских, ведомственных, вотчинных или фамильных фондов, в которых они ранее хранились, не заботясь о том, чтобы хотя бы как-то зафиксировать разрушаемые при этом органические связи⁵. Едва ли не первым русским археографом, разработавшим и практически применившим научную методику сбора рукописных и старопечатных книг у населения, был ученый хранитель рукописей Библиотеки Академии наук В. И. Срезневский, предпринявший в самом начале XX в. ряд экспедиций в северные губернии России⁶.

Огромная работа по спасению памятников письменности и передаче их на государственное хранение была развернута в нашей стране сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции⁷. В тя-

⁴ Значительный материал по истории собирания письменных памятников в дореволюционной России был выявлен и частично обработан Д. И. Тверской. Археографическая комиссия АН СССР продолжает изучение этой темы.

⁵ Уо Д. К. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева.— ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 184—203.

⁶ Копанев А. И. Всеволод Измаилович Срезневский — библиотекарь Библиотеки Академии наук.— В кн.: Сборник материалов по книговедению, вып. 3. Л., 1973, с. 214—245.

⁷ Макасов В. В. Архивное дело в первые годы Советской власти. М., 1959; Шмидт С. О. К истории архивного строительства в первые годы Советской власти.— В кн.: Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. Л., 1970, с. 19—35; Очерки истории музейного дела в СССР, вып. 6—7. М., 1968—1974; Абрамов К. И. Библиотечное строительство в первые годы Советской власти. М., 1974.

желейших условиях разрухи и гражданской войны В. И. Ленин подписал ряд декретов о реорганизации и централизации архивного дела, об охране исторических памятников⁸. В 1919 г. управляющий делами Совета Народных Комиссаров РСФСР В. Д. Бонч-Бруевич по личному поручению В. И. Ленина написал брошюру «Сохраняйте архивы», выдержавшую несколько изданий и разошедшуюся большими тиражами. «Пусть знают все,— писал В. Д. Бонч-Бруевич,— что если мы умеем до основания разрушать старые общественные, политические и государственные учреждения России, эти организованные и укрепленные орудия власти, угнетения и порабощения трудящихся, то во всем остальном,— в областях науки, исторических исследований, искусства, архивного дела,— мы стоим нерушимой стеной, ограждающей все ценности культуры нашей страны, все возможности развития и расцвета творчества нашей родины в будущем, и эти интересы не только не чужды, но первостепенны, близки, важны и являются для всех нас столь же необходимыми, как воздух, хлеб и вода». В этой же брошюре В. Д. Бонч-Бруевич специально отмечал необходимость «тщательно охранять архивы частных лиц»⁹.

В послереволюционные годы центральными и местными библиотеками, музеями, архивами было собрано огромное количество книг, рукописей, документов из заброшенных усадеб, закрытых монастырей и церквей. Известный французский историк и архивист Ш. Ланглуа, ознакомившийся в конце 1920-х годов с документами такого характера, собранными в советских архивохранилищах, сказал сопровождавшему его Е. В. Тарле: «Ваша революция была умнее нашей», имея в виду массовое уничтожение помещичьих и монастырских архивов в годы Великой французской революции¹⁰.

Характерной особенностью собирательской работы советских научных учреждений и хранилищ в 20—30-х годах явилось пристальное внимание к письменным памятникам нового и новейшего времени, прежде всего к документам, отразившим историю рабочего класса и крестьянства, революционного движения, Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, первых шагов социалистического строительства. Широко развернулась деятельность по собиранию, изучению, введению в научный оборот памятников истории и культуры народов нашего многонационального государства. В эту работу были вовлечены и сами трудящиеся¹¹.

Важную роль в собирании и издании документальных памятников сыграли центральные и местные государственные и партийные архивы, Комиссия по изучению истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии (Истпарт), Институт Ленина при ЦК ВКП(б)¹², Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, Общество старых большевиков, многие музеи¹³, а позднее — Главная редакция «Истории фабрик и заводов»¹⁴, редакция «Истории гражданской войны», Комиссия

⁸ К 50-летию советского архивного дела. Основные постановления Советского правительства. М., 1968; Охрана памятников истории и культуры. Сб. документов. М., 1973.

⁹ Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения, т. 3. М., 1963, с. 334—335.

¹⁰ Тарле Е. В. Сочинения, т. XII. М., 1962, с. 229.

¹¹ Шмидт С. О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки.— ТМГИАИ, т. 22. М., 1965, с. 43—45.

¹² Комаров Н. С. Создание и деятельность Истпарта (1920—1928 гг.).— Вопросы истории КПСС, 1958, № 5, с. 153—165; Он же. К истории Института Ленина и Центрального партийного архива (1919—1931 гг.).— ВИ, 1956, № 10, с. 181—191.

¹³ Зякс А. Б. Из истории Государственного музея Революции СССР (1924—1934 гг.).— ТНИИМ, 1963, вып. 10; Межова К. Г. Деятельность В. Д. Бонч-Бруевича по собиранию документов личного происхождения.— СА, 1973, № 3, с. 37—42.

¹⁴ Тарле Г. Я. Ранние опыты организации собирания материалов по истории фабрик и заводов.— История СССР, 1959, № 4, с. 170—172; А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов. М., 1959.

по истории Великой Отечественной войны (учрежденная в конце 1941 г.)¹⁵ и другие организации. Весьма ценный опыт собирательской деятельности этих учреждений и история формирования их рукописных фондов также нуждаются в обобщении и изучении.

Колоссальный объем документальных памятников, поступавших в архивы, библиотеки и музеи, затруднял их углубленное археографическое изучение. Описание их проводилось по необходимости весьма суммарно. По сути дела, лишь в ходе получившей в те годы небывалый размах публикационной работы документы изучались археографически, как памятники истории и культуры. Именно в тот период само понятие «археография» оказалось суженным и стало употребляться как синоним публикации исторических документов¹⁶.

Настоятельная необходимость быстрого «освоения» собранных документальных богатств отодвинула на задний план проведение археографических экспедиций. Лишь немногие учреждения, в частности некоторые музеи, предпринимали отдельные поездки за рукописями в предвоенные годы.

Полевые археографические исследования получили значительное развитие после Великой Отечественной войны в связи с огромным ростом исторического самосознания народов нашей страны. Было преодолено и пренебрежительное отношение к традиционным элементам народной культуры (в частности, отраженным в памятниках культового назначения), нередко проявившееся в предвоенные годы¹⁷.

В этой обстановке встретило широкую поддержку выступление М. Н. Тихомирова с призывом принять неотложные меры по спасению письменных памятников, «спешно организовать новую «археографическую экспедицию» для собирания рукописей у населения»¹⁸. В письме в редакцию журнала «Вопросы истории» М. Н. Тихомиров высоко оценил инициативу сотрудника ИРЛИ В. И. Малышева, который первым начал систематическое обследование северных районов европейской части СССР с целью выявления и собирания рукописей и книг, хранящихся у населения.

В 1956 г. М. Н. Тихомиров возглавил созданную по его инициативе Археографическую комиссию АН СССР. В 1958—1962 гг. Археографической комиссией были предприняты экспедиции в Забайкалье и на Дальний Восток, с которых и началось «археографическое открытие» Сибири.

Выдающийся вклад М. Н. Тихомирова и В. И. Малышева в дело сохранения культурных богатств народов нашей страны, в организацию и развертывание практической работы по выявлению и охране памятников письменности неоднократно освещался в литературе¹⁹. Именно этими учеными были заложены теоретические, методические и организационные

¹⁵ Курносоев А. А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР. (Организация и методика собирания.) — АЕ за 1973 год. М., 1974, с. 118—132; Левшин Б. В. Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — В кн.: История и историки. Историографический ежегодник. 1974. М., 1976, с. 312—317.

¹⁶ Валк С. Н. Советская археография. М.—Л., 1948.

¹⁷ Шмидт С. О. О критериях оценки исторических памятников. — В кн.: Вопросы научного атеизма, вып. 20. М., 1976, с. 88—103.

¹⁸ Тихомиров М. Н. Письмо в редакцию. — ВИ, 1948, № 3, с. 159; Об охране и сборе древнерусских рукописей. (По поводу письма в редакцию чл.-корр. АН СССР М. Н. Тихомирова). — ВИ, 1948, № 9, с. 134—136.

¹⁹ Валк С. Н. Археографическая деятельность академика М. Н. Тихомирова. — АЕ за 1962 год. М., 1963, с. 5—20; Шмидт С. О. Памяти учителя. — АЕ за 1965 год. М., 1966, с. 7—30; Павлов-Сильванский В. Б. М. Н. Тихомиров — организатор археографических экспедиций. — АЕ за 1970 год. М., 1971, с. 244—263; Бударокин В. П. Хранилище древнерусских рукописей Пушкинского Дома (к 25-летию). — АЕ за 1974 год. М., 1975, с. 85—89; Панченко А. М. «Археографическое открытие» Сибири. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975, с. 152—156; Он же. Памяти Владимира Ивановича Малышева. — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 397—398; Он же. В. И. Малышев как археограф. — Наст. изд., с. 214—218.

основы развития полевой археографии как особого направления научной деятельности. Исключительный интерес в этом отношении представляет статья В. И. Малышева «Задачи собирания древних рукописей»²⁰.

Дальнейшее развитие полевых археографических исследований в 60—70-х годах показало, что основные принципы их организации и проведения, равно как и этические нормы работы с населением, сформулированные М. Н. Тихомировым и В. И. Малышевым главным образом применительно к собиранию и изучению древнерусских памятников, в значительной степени сохраняют свою силу и для археографов, собирающих документы нового времени, а также рукописи на других языках.

Важную роль в привлечении внимания общественности к проблемам сохранения и изучения памятников старинной письменности и в разработке конкретных путей их решения сыграли статьи и выступления Д. С. Лихачева²¹. После его доклада о новых открытиях памятников письменности в марте 1972 г. Президиумом Академии наук СССР на Археографическую комиссию АН СССР было возложено координирование и перспективное планирование археографических экспедиций.

Археографическая комиссия и ранее проводила работу в этом направлении. Весной 1968 г. на заседании комиссии обсуждался доклад Н. Н. Покровского о методике полевого изучения письменных и этнографических источников; в «Археографическом ежегоднике» печатались материалы по полевой археографии²². Аналогичные материалы систематически публиковались также в «Трудах отдела древнерусской литературы» ИРЛИ АН СССР, «Записках отдела рукописей ГБЛ» и в ряде других изданий.

В 1970 г. состоялась специальная научная конференция, посвященная опыту организации археографических экспедиций в РСФСР. Она позволила наглядно представить размах полевых исследований по собиранию памятников кириллической книжности — рукописей и старопечатных книг, сопоставить их организацию и методику, совместно наметить дальнейшие пути развития этой работы²³. Конференция уделила известное внимание и вопросам собирания документов нового времени²⁴.

Итоги развития полевой археографии в послевоенный период, вклад отдельных научных коллективов в работу по собиранию у населения памятников письменности (прежде всего кириллической книжности) были проанализированы в обобщающей статье Д. И. Тверской²⁵. Осуществленная ею чрезвычайно трудоемкая и важная в научном отношении работа по сбору и анализу сведений обо всех археографических экспедициях за последние 30 лет позволила ей сформулировать вывод, что «этот вид практической деятельности постепенно начинает приобретать характер специфического исследования». «Возможно, — отметила Д. И. Тверская, —

²⁰ ТОДРЛ, т. XX. М. — Л., 1964, с. 303—332.

²¹ Лихачев Д. С. Памятники культуры — всенародное достояние. — История СССР, 1961, № 3, с. 3—12; *Он же*. О планировании изучения древней русской литературы. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, с. 5—12; *Он же*. Новые открытия памятников русской письменности и литературы. — Вестник АН СССР, 1972, № 4, с. 55—65; *Он же*. Об изучении древней русской литературы в Академии наук. — Русская литература, 1974, № 2, с. 3—13.

²² АЕ за 1968 год. М., 1970, с. 435—436; Поздеева И. В. Археографические экспедиции Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ в 1966—1967 гг. — Там же, с. 254—261; Алексеев В. Н., Дергачева-Скоп Е. И., Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К. Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР в 1965—1967 гг. — Там же, с. 262—274.

²³ Тихомировские чтения 1970 года. Материалы научной конференции, посвященной опыту организации археографических экспедиций в РСФСР. М., 1970. 198 с. (ротапринт); Альгман В. В. Тихомировское чтение. — Вестник АН СССР, 1970, № 9, с. 140—142.

²⁴ Андроников И. Л. О современных коммуникациях в сфере археографических поисков. — АЕ за 1970 год, с. 232—243.

²⁵ Тверская Д. И. О некоторых итогах..., с. 106—124. В статье приведена обширная библиография по теме.

мы присутствуем у истоков становления нового самостоятельного научного направления — полевой археографии — отрасли знания, призванной разрабатывать комплекс проблем, связанных со сбором памятников письменности непосредственно в среде их бытования у населения»²⁶.

Результаты полевых археографических исследований последних лет подтвердили справедливость этих выводов. В СССР в 1976 г. насчитывалось более 20 учреждений, регулярно организующих специальные археографические экспедиции. При этом количество письменных памятников, поступающих в государственные хранилища, растет пропорционально увеличению числа научных коллективов, занимающихся их собиранием, и расширению районов поиска. Приведем сводные данные о количестве памятников кириллической письменности, полученных в результате экспедиций за 1975—1977 гг.:

Год	Рукописные книги						Старопечатные книги				
	XV в.	XVI в.	XVII в.	XVIII в.	более поздние	всего	XVI в.	XVII в.	XVIII в.	более поздние	всего
1975	1	9	9	30	275	324	5	60	39	70	174
1976	—	12	24	66	470	572	5	66	74	178	323
1977	4	11	23	110	559	707	16	145	115	162	438
Итого:	5	32	56	206	1304	1603	26	271	228	410	935

Эти данные свидетельствуют о том, что, вопреки неоднократно высказывавшимся прогнозам о скором оскудении поля археографического поиска, сохраняются еще значительные перспективы собирания славяно-русских рукописей и книг кириллической печати, не говоря уже о рукописных и старопечатных книгах на других языках, а также документальных памятниках более позднего времени. Следует подчеркнуть, что деятельность археографов в полевых условиях не сводится только к поиску и собиранию документальных памятников, но непременно предусматривает также фиксирование их культурно-бытового и исторического окружения. (Особенно это относится к книгам и документам, сохраняющим свои первоначальные функции.)

Новые, исключительно благоприятные условия для дальнейшего разветвления полевых археографических исследований и повышения их эффективности создались в нашей стране в связи с принятием 29 октября 1976 г. Верховным Советом СССР Закона СССР об охране и использовании памятников истории и культуры²⁷. Этот закон явился новым проявлением заботы Коммунистической партии и Советского правительства о сохранении культурного наследия народов нашей страны, воплощением ленинского отношения к историческим и культурным ценностям. Широкое, поистине всенародное обсуждение проекта закона стало вместе с тем свидетельством возросшего культурного уровня советского народа, его кровной заинтересованности в сохранении и наилучшем использовании памятников прошлого.

Среди видов памятников истории и культуры в законе особо выделены «документальные памятники — акты органов государственной власти и органов государственного управления, другие письменные и графические документы, кинофотодокументы и звукозаписи, а также древние и

²⁶ Тверская Д. И. О некоторых итогах..., с. 124.

²⁷ Правда, 1976, 31 октября, см. также: Коммунист, 1978, № 11, с. 53—56.

другие рукописи и архивы, записи фольклора и музыки, редкие печатные издания» (ст. 5). В соответствии с законом «предметы старины... рукописи, коллекции, редкие печатные издания, другие предметы и документы, находящиеся в личной собственности граждан и представляющие значительную историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, признаются памятниками истории и культуры и подлежат государственному учету в целях наиболее полного выявления памятников и оказания содействия в обеспечении их сохранности...» (ст. 12). По закону «собрание старинных документальных памятников... организациями либо гражданами допускается при наличии специальных разрешений, выдаваемых и регистрируемых в установленном порядке» (ст. 27).

Эти положения закона имеют кардинальное значение для улучшения организации всего дела собирания, охраны и использования документальных памятников в нашей стране.

Состоявшаяся в Москве в декабре 1976 г. Первая Всесоюзная конференция по полевой археографии имела целью подвести итоги многообразной работы по собиранию документальных памятников у населения и изучению этих памятников в среде их бытования, обменяться опытом организации и проведения полевых археографических исследований, наметить пути совершенствования их организации и методики. В конференции приняли участие 180 человек из 29 городов страны: представители научно-исследовательских институтов, архивов, библиотек, музеев, высших учебных заведений, общественных организаций, краеведы, руководители туристско-краеведческих экспедиций школьников. На пленарных заседаниях, а также на заседаниях трех секций (кириллической книжности, восточных рукописей, документов нового времени и советского общества) выступили более 100 человек²⁸.

Материалы конференции показывают, насколько углубилась за последние годы проблематика современной полевой археографии, вырос теоретический и методический уровень исследований, расширился круг вопросов, привлекающих внимание археографов, а также круг учреждений и лиц, причастных к этому роду деятельности. Возрос интерес общественности не только к результатам, но и к самому процессу и приемам поисковой работы археографов.

Стало очевидным, что археографические экспедиции являются не только средством спасения от гибели и приобретения на государственное хранение ценных документальных памятников, но и необходимой формой изучения народной письменной культуры, важной составной частью широких культурологических исследований. Эта мысль особенно отчетливо прозвучала в докладах А. С. Мыльникова и Н. Н. Покровского на пленарном заседании Первой Всесоюзной конференции по полевой археографии.

Вместе с тем конференция показала, что теоретическая разработка проблем полевой археографии получила несколько одностороннее развитие и была направлена главным образом на вопросы собирания и изучения памятников древнерусской книжности. Что же касается собирания экспедиционными методами письменных памятников на других языках, а также документальных памятников нового времени, то здесь накоплен большой практический опыт, однако он еще недостаточно осмыслен и обобщен в теоретическом и методическом плане.

Полевая археография развивается на стыке ряда гуманитарных научных дисциплин исторического, филологического, социологического профиля. Близкие к археографии отрасли этих дисциплин располагают более или менее развитыми методиками полевых исследований, взаимно допол-

²⁸ Курносое А. А., Черных В. А. Первая Всесоюзная конференция по полевой археографии.— ВИ, 1977, № 4, с. 141—145; Мироненко М. П., Морозов В. В. Всесоюзная конференция по полевой археографии.— СА, 1977, № 2, с. 119—121; см. также наст. изд., с. 370—373.

вящими и обогащающими друг друга. Необходимо использовать и богатый опыт координации полевых исследований археологов и этнографов.

Конференцией приняты рекомендации, в которых сформулированы важнейшие задачи дальнейшего развития полевой археографии в СССР²⁹. Признано необходимым улучшить координацию полевых археографических исследований, осуществляемых государственными учреждениями, независимо от их ведомственной подчиненности. Основная роль здесь принадлежит Археографической комиссии АН СССР и Междудомственному совету по приобретению документальных материалов личного происхождения в собственность государства при Главархиве СССР.

Важной задачей является разработка методических пособий разных типов для участников полевых археографических поисков с учетом опыта, накопленного архивами, музеями, библиотеками и другими организациями. Не вполне обеспечена подготовка кадров полевых археографов. В настоящее время такие кадры готовятся в Ленинградском, Московском, Новосибирском и Уральском университетах. В стороне от этой работы стоит Московский государственный историко-архивный институт, где студентов не знакомят с опытом полевой археографии ни в плане разыскания памятников кириллической письменности, ни в плане поисков и изучения в среде бытования документов нового и новейшего времени. Следует рассмотреть вопрос об организации преподавания основ полевой археографии народов СССР в составе циклов специальных историко-филологических дисциплин в университетах и педагогических институтах, многие выпускники которых практически руководят широко развернувшейся краеведческой работой школьников. Неотложной задачей является разработка соответствующих учебных программ и пособий.

В области собирания и изучения рукописных и старопечатных книг кириллической традиции конференция отметила большую и плодотворную работу ИРЛИ, БАН, Сибирского отделения Археографической комиссии АН СССР, МГУ, ЛГУ, УГУ.

Конференция отметила также важное научное значение проведения в районах с относительно полно сохранившейся традиционной книжной культурой комплексных археографических исследований с участием историков, лингвистов, искусствоведов, музыковедов, этнографов, социологов. Такие исследования позволяют всесторонне изучать весьма глубокие пласты народной культуры.

Обращает на себя внимание, однако, крайняя неравномерность археографического обследования районов, где еще возможны находки уникальных произведений древнерусской книжности и изучение связанных с ними элементов традиционной культуры (песенного фольклора, изобразительного искусства и т. д.). Поэтому необходимо в ближайшие годы предпринять на основе современной научной методики сплошную археографическую разведку перспективных, но необследованных территорий с целью их археографического районирования и картографирования³⁰. В этой связи актуальной является задача четкого разграничения районов поиска между различными учреждениями. Конференция разработала достаточно гибкие и вместе с тем четкие принципы такого разграничения.

Общепризнано, что наилучшей формой организации собирания и хранения рукописных и старопечатных книг, в наибольшей степени отвечающей задачам всестороннего изучения истории народной культуры,

²⁹ Рекомендации Первой Всесоюзной конференции по полевой археографии. М., 1977. 15 с. (ротапринт).

³⁰ Подробнее см.: *Поздеева И. В.* Комплексные археографические экспедиции.— *История СССР*, 1978, № 2; *Она же.* Задачи и особенности работы экспедиций, собирающих памятники кириллической книжности (Из опыта работы археографов Московского государственного университета).— *Наст. изд.*, с. 56—61.

являются территориальные собрания. В тех же случаях, когда объединение разрозненных территориальных собраний оказывается практически невыполнимым, целесообразна подготовка силами учреждений, хранящих книги, происходящие из определенных районов, их сводных каталогов или обзоров.

В области собирания и изучения памятников восточной письменности конференция отметила высокий научный уровень работы в ГПБ, Институте рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР, Институте древних рукописей им. М. Маштоца (Матенадаран) при Совете Министров Армянской ССР и других учреждениях, продуманную методику полевых археографических исследований в Казанском государственном университете им. В. И. Ульянова (Ленина), широкой размах работ по сбору документальных и эпиграфических материалов Институтом истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР. Вместе с тем этот положительный опыт недостаточно обобщается и распространяется. Условия хранения восточных рукописей в некоторых учреждениях остаются неудовлетворительными. Конференция сочла целесообразным организовать в составе Археографической комиссии АН СССР секцию восточной археографии, в задачи которой должны входить координация деятельности по собиранию, хранению, описанию и изданию восточных рукописей, оказание научной и методической помощи соответствующим учреждениям³¹.

На конференциях и совещаниях архивных и музейных учреждений, в печати широко обсуждаются вопросы комплектования хранилищ документами личного происхождения³². В области собирания у населения документов по истории нового времени и советского общества конференция отметила успешную работу ЦГАЛИ, ЦГАНХ, ЦПА ИМЛ, ААН, некоторых других центральных и местных государственных и партийных архивов, ОР ГБЛ, ОР ГПБ, многих центральных и местных музеев. В эту работу все больше включаются университеты и педагогические институты. Заслуживает внимания опыт Вологодского пединститута по собиранию писем с фронта, Казанского университета — по выявлению материалов новостроек десятой пятилетки, Смоленского пединститута — по научной фиксации данных об исчезающих сельских поселениях и находящихся там памятниках культуры. Выявлению личных архивов и документальных собраний способствуют советы ветеранов, созданные при некоторых министерствах и ведомствах, объединения ветеранов войны, комиссии содействия архивному делу, сформированные при многих исполкомах Советов депутатов трудящихся. Большую собирательскую деятельность ведут и общественные организации, школьные и внешкольные организации, объединяющие сотни тысяч учащихся. О растущем интересе к этим вопросам свидетельствует, в частности, все более значительный удельный вес соответствующих тем в программах состоявшихся в последние годы конференций, посвященных специальным и вспомогательным историческим дисциплинам, и в частности археографии³³.

Развернутая в широких масштабах деятельность по сохранению недавно возникших памятников письменности требует осмысления ее тео-

³¹ Бюро Отделения истории АН СССР 27 июня 1978 г. приняло решение об организации секции восточной археографии Археографической комиссии АН СССР. Председателем секции утвержден академик А. Н. Кононов.

³² Новикова А. А. К вопросу о комплектовании государственных архивов фондами личного происхождения.— Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР, т. I. М., 1965, с. 277—284; Житомирская С. В. Некоторые проблемы собирания и использования письменных источников.— АЕ за 1970 год, с. 28—42; Методические рекомендации по комплектованию Государственного архивного фонда документальными материалами личных архивов. М., 1969 и др. См. также дискуссионные статьи на тему: «История и каждый из нас». — Литературная газета, сентябрь 1976 — июнь 1977.

³³ Черных В. А. Региональные археографические конференции.— ВИ, 1976, № 6, с. 173—174; см. также: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Се-

ретических и методических принципов, изучения и оценки накопленного к настоящему времени опыта.

Заслуживает внимания вопрос о применении к собиранию и изучению документов нового времени теоретических и методических основ полевых исследований, выработанных собирателями кириллической книжности и проверенных ими на практике. Плодотворность изучения памятников недавнего прошлого и современности непосредственно в среде их бытования и в процессе их функционирования не вызывает сомнений. Ученые, занимающиеся собиранием такого рода материалов, располагают несравнимо большими, чем исследователи древних памятников, возможностями непосредственного наблюдения, фиксирования и сохранения комплексов личной документации, как принятых на государственное хранение, так и оставшихся у населения. Изучение состава и содержания семейных и личных собраний, соотношения внутри них различных типов и видов памятников, анализ роли документов в жизни авторов и владельцев могли бы быть направлены на создание и сохранение представительных территориальных собраний личных фондов и коллекций документов. Такие территориальные собрания могли бы отразить среду бытования памятника и его окружение («конвой»), культуру местного населения, «культурные гнезда» — большие и малые, их взаимосвязи с культурой иных областей, миграцию и населения и памятников культуры. Этим объясняется интерес отнюдь не только к уникальным памятникам, но к типичным, наиболее распространенным их видам, важным для познания именно данной культурной среды.

Вместе с тем нельзя не учитывать и существенную специфику документов XIX — начала XX в. и тем более советского периода. Изменились структура личных архивов, соотношение разных видов документации личного происхождения. Широко распространились совершенно новые формы источников (фото-, фоно- и кинодокументы), также являющиеся необходимым элементом формирующихся документальных комплексов. Кроме того, с помощью фотографии, киносъемки, магнитофонной записи в ходе экспедиций могут создаваться новые источники (прежде всего записи воспоминаний), дополняющие уже существующие комплексы и фиксирующие среду их бытования. В процессе этих работ необходимо использовать опыт и теоретические достижения таких дисциплин, как источниковедение, социология, информатика, архивоведение и др. С помощью согласованных методов и средств целесообразно было бы провести выборочное обследование личных документальных собраний в селах и городах нескольких отличающихся своими историческими судьбами районов.

Особая группа проблем, связанных с полевой археографической работой в этой области, касается принципов ее организации. Если в сфере собирания и учета кириллической книжности работает сравнительно ограниченный круг учреждений, как правило объединяющих квалифицированных ученых, опирающихся на более или менее развитые теории, методику и традиции, то в археографии нового и советского времени методика и традиции как нечто единое, общепринятое, почти отсутствуют. Методика здесь определяется конкретными целями учреждений, принадлежащих к разным ведомствам, и разрабатываемыми ими темами. Эти учреждения не всегда работают согласованно. В частности, имеются некоторые противоречия между действующими положениями о государственном архивном и музейном фондах.

Разнообразие целей и интересов учреждений (создание музейных экспозиций, пополнение архивных фондов, использование документов в учебно-воспитательном процессе и т. д.), неодинаковая квалификация участников этой работы и их многочисленность, широчайший круг хранителей

верный археографический сборник, вып. 1. Вологда, 1970; Южноуральский археографический сборник, вып. I. Уфа, 1973.

и владельцев материалов, наконец, многочисленность и пестрота самих материалов — все это в совокупности создает проблемы чрезвычайной сложности.

Культурно-историческое значение массовых материалов личного происхождения нового времени и современности далеко не всем очевидно. Для многих держателей они представляют прежде всего личную или семейную ценность. Привычность, нередкость непроизвольно ассоциируются с представлением о неценности личных документов, что ведет к их гибели или даже сознательному уничтожению. В решении этой проблемы важную роль играют средства массовой информации: печать, радио, телевидение. Публикации в газетах и журналах, телевизионные и радиопередачи содействуют психологической переориентации широких кругов общестственности, изменению отношения к хранимым или пайдепным памятникам недавнего прошлого. Археографы призваны участвовать в формировании современного общественно-исторического сознания.

Решающее значение имеет обеспечение сохранности и использования полученных у населения материалов государственными учреждениями. Экспонирование документов в музеях, издание в тематических и иных сборниках создают определенные гарантии хранения подобных же материалов в семьях, расширяют возможности сбора и учета. Очень важно завоевать доверие владельцев массовых источников личного происхождения. В этом отношении общезначимыми являются морально-этические принципы: недопустимость каких-либо форм припудительного отчуждения, строгое соблюдение обязательств, принятых на себя археографами.

Следующая группа проблем связана с вопросами учета и использования документальных памятников. Необходим централизованный учет документов личного происхождения, находящихся в распоряжении государственных и общественных организаций и учреждений. Документы, распыленные по сотням и тысячам мелких собраний (прежде всего по школьным и народным музеям), часто недоступны исследователям. Из-за недостаточной квалификации и опыта организаторов этих музеев, из-за неправильного отношения некоторых администраторов хранящиеся в них документы порой утрачиваются. Необходима строгая организация учета и информации о документальных памятниках школьных музеев³⁴. Очень важной представляется публикация методических пособий, а также обзоров, путеводителей и других справочников по фондам народных и школьных музеев. Такие издания не только позволяют ориентироваться в составе и тематике документов, но и способствуют их сохранению. К сожалению, таких пособий пока выпущено очень немного в Москве, Ленинграде и некоторых других городах³⁵.

Важно, чтобы в работе школьников-следопытов активное участие принимали отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Педагогического общества, как это имеет место, например, в Тульской области³⁶.

Разумеется, сосредоточение десятков тысяч мелких собраний в крупных хранилищах невозможно и нецелесообразно. Выход видится в созда-

³⁴ Фоломеев Б. А., Шкурко А. И. Учет и хранение фондов школьных музеев (методические указания). М., 1976.

³⁵ В школах Ленинграда создано 135 музеев и залов боевой славы, в которых экспонируются материалы по истории Великой Отечественной войны. См.: Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени Дворец пионеров им. А. А. Жданова. Музеи славы боевой. Методические рекомендации и справочные материалы по школьным музеям и залам боевой славы Ленинграда. Л., 1976; Московский городской Дворец пионеров и школьников. Выставки и музеи школ Москвы. Методические материалы из опыта работы. М., 1970. См. также: [Верба И. А., Курносое А. А., Туманов В. Е.] О сборе и использовании памятников по истории и культуре родного края. (Рекомендации учителю — руководителю поисковой и музейной работы.) М., 1977.

³⁶ Комсомольская правда, 1977, 3 марта.

нии в крупных культурных центрах межведомственных органов по координации, контролю, методическому руководству, учету документов. Эти центры должны состоять из квалифицированных представителей партийных и государственных органов, в частности архивов, учреждений министерств культуры и просвещения, вузов, а также обществ по охране памятников истории и культуры, книголюбов и т. д. Необходимо издание ведомственных и межведомственных инструкций, методических и учебных пособий по организации и хранению небольших собраний. Важна и пропаганда значения документов личного происхождения и личного хранения. В этом плане хорошее начало положено научно-популярной книгой М. О. Чудаковой «Беседы об архивах» (М., 1975).

Состав и содержание документов, находящихся в личной собственности граждан, почти не изучены, что препятствует оптимальному решению проблем, связанных с организацией их собирания, хранения и использования. Эти сложные проблемы могут быть разрешены только путем согласованной коллективной работы всех заинтересованных учреждений и ведомств.

Первая Всесоюзная конференция по полевой археографии отчетливо показала, что донныне, казалось бы, разрозненные направления полевой археографической деятельности, связанные с собиранием учреждениями различного профиля (научно-исследовательскими институтами, архивами, библиотеками, историческими, краеведческими, народными и школьными музеями, высшими и средними учебными заведениями) документальных памятников разных типов, разного времени, на разных языках, при всех частных особенностях в организации, непосредственных задачах и конкретных способах проведения этой работы, — постепенно сливаются на наших глазах в единое, хотя и разветвленное направление научной деятельности с общими задачами сохранения и введения памятников в научный и культурный обиход, со специфическими методами их собирания и изучения.

Как всякое формирующееся научное направление и отрасль практической деятельности, полевая археография нуждается в разработке понятийного и терминологического аппарата, в четком определении своего предмета и областей взаимодействия со смежными научными дисциплинами.

В настоящей статье не все проблемы полевой археографии могли быть сформулированы с должной полнотой. Проблематика эта сложна и многообразна и нуждается в дальнейшем изучении. Задачи могут быть решены только совместными усилиями, путем теоретического осмысления богатейшего опыта, накопленного различными коллективами, принимающими участие в полевых археографических исследованиях.

Развитие поисковой работы по выявлению и введению в научный оборот документальных памятников, умение ценить и сохранять памятники прошлого — один из показателей возросшего уровня современной культуры.

А. В. Добровская, С. Т. Плешаков

ЦГАОР СССР КАК НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР является крупнейшим хранилищем документов по истории революционного и общественного движения в России в XIX — начале XX в., истории Великой Октябрьской социалистической революции и советского общества, возникновения и развития советского государственного и общественного строя, строительства социализма и коммунизма в СССР. ЦГАОР СССР хранит и микрофотокопии документов по истории СССР из зарубежных архивов.

Архив был организован в октябре 1920 г. История, основные направления работы архива уже освещались в исторической литературе¹. Наша цель — показать развитие и становление ЦГАОР СССР как научного учреждения.

Положение архивов в системе научно-исследовательских учреждений имеет некоторые особенности, которые определяются прежде всего тем, что объект исследования — документы — находится в самом архиве и изучается как его научным коллективом, так и многими другими научными учреждениями. Архив исследует документы в двух направлениях: изучает их содержание и разрабатывает методы их комплектования, хранения, использования. Научная работа в архиве связана и с другими аспектами его практической деятельности, требующими большой затраты научно-вспомогательного и технического труда. Поэтому важно определить объем и место исследовательского элемента во всей деятельности архива.

Идея развития архива как научного учреждения была заложена в документах, регламентирующих его деятельность. Во всех положениях об Архиве Октябрьской революции с первых лет его существования подчеркивалось научное значение его работы, хотя сущность этой работы в разное время понималась по-разному. Так, уже Положение от 2 мая 1923 г. предоставляло архиву права Истпарта² в вопросах сбора и научной разработки документов по истории Октябрьской революции³.

Постановлением Совнаркома РСФСР от 3 мая 1932 г. Центральное архивное управление РСФСР и восемь государственных архивов (в том

¹ *Максаков В. В.* Архив революции и внешней политики XIX и XX вв.— АД, 1927, вып. 13; *Костомаров Г.* Центральный архив Великой Октябрьской социалистической революции.— АД, 1938, № 3 (47); *Прокопенко Н. Р.* Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР.— ИА, 1957, № 5; *Он же.* Об основных направлениях работы ЦГАОР СССР.— ВА, 1965, № 2; *Он же.* ЦГАОР СССР — 50 лет.— СА, 1970, № 5 и др.

² Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии (большевиков).

³ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 7, д. 55, л. 157, 158.

числе Архив Октябрьской революции) были отнесены к научно-исследовательским учреждениям⁴. В соответствии с этим постановлением было разработано новое положение об архиве. Вместо прежнего деления архива по тематическим группам фондов были созданы четыре сектора: управления, методики и техники хранения, научно-исследовательской работы, обслуживания учреждений и лиц. В задачи сектора научно-исследовательской работы входили подготовка документов к публикации, тематическое выявление документов, составление тематических обзоров, разработка методических статей и инструкций по всем видам работ⁵.

Однако эта попытка выделить работу научно-исследовательского характера из всех видов архивной работы оказалась неудачной, так как осуществлялась без должной подготовки и без учета неупорядоченного состояния документов архива. Часть работ, проведение которых требовало научного подхода, осталась за рамками деятельности научно-исследовательского сектора. Описание и классификация дел, составление фондовых обзоров и путеводителей были отнесены к ведению сектора методики и техники хранения, который, кроме всего прочего, должен был заниматься разработкой архивно-методических проблем «по всем вопросам методики и техники архивного дела»⁶.

В соответствии с Положением 1935 г. Центральный архив Октябрьской революции был признан самостоятельным научно-исследовательским учреждением и при его директоре в качестве совещательного органа создан Научный совет⁷.

Положение о Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства, принятое в соответствии с положением о Государственном архивном фонде СССР, относило к научно-исследовательским задачам архива использование документальных материалов путем подготовки сборников документов, монографий, публикаций и статей⁸. Учет, централизация, хранение и экспертиза документов, так же как составление описей и путеводителей, не были тогда отнесены даже в какой-то части к научно-исследовательским работам. Согласно ныне действующему Положению об архиве, принятому в 1963 г., ЦГАОР СССР обязан проводить изучение состава и содержания хранящихся в нем документов и организовывать их научную разработку. Этим Положением перед архивом впервые в отчетливой форме была поставлена задача разработки теоретических и методических вопросов архивного дела и источниковедения, связанных с его деятельностью⁹.

Таким образом, в документах, регламентирующих деятельность ЦГАОР СССР и отражающих основные этапы его развития, делается попытка определить задачи архива в области научных исследований и выделить их из общего объема архивной работы. Но в них недостаточно четко отражены изменения характера работы архива и влияние этих изменений на состояние и направление научных исследований. Кроме того, отсутствует должная ясность в определении задач и особенностей научно-исследовательской работы архива.

Рассмотрим, как складывались основные направления научно-исследовательской деятельности ЦГАОР СССР в процессе его становления как научного учреждения.

Тесные связи и совместная работа с Истпартом и Институтом В. И. Ленина оказали в первые годы существования архива значительное влияние на его формирование и развитие.

⁴ СУ. 1932, № 40, ст. 178.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 5142, оп. 1, д. 177.

⁶ Там же, л. 35.

⁷ Там же, д. 194.

⁸ Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР. 1941 г. М., 1942; ЦГАОР СССР, ф. 5142, оп. 1, д. 252б, л. 16—18.

⁹ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 3, д. 673, л. 132—139.

С возникновением Института В. И. Ленина, который начал создаваться в 1923 г. и был открыт по решению XIII съезда партии в мае 1924 г.¹⁰, архив приступил к планомерному выявлению и передаче институту ленинского документального наследия. Работа эта, продолжающаяся и сейчас, приобрела самостоятельное значение в деятельности архива. Совершенствовались методы поиска и учета ленинских документов, проводились тщательные исследования, обосновывающие авторство Ленина, уточняющие даты документов, не датированных Лениным, факты бесед и встреч Владимира Ильича с отдельными лицами. Результаты этой работы нашли отражение во II—V изданиях Сочинений В. И. Ленина и в «Ленинских сборниках». При подготовке Полного собрания сочинений В. И. Ленина архив по заданию ИМЛ при ЦК КПСС проводил выявление не только автографов Владимира Ильича, но и документов о его жизни и деятельности для составления биографической хроники, существенно изменив методы поиска, перейдя от выборочного просмотра дел к сплошному выявлению.

В процессе выявления ленинских документов формировался коллектив научных сотрудников, способный вести исследовательскую работу. Члены этого коллектива подготовили серию журнальных публикаций «По поручениям В. И. Ленина»¹¹. Этими публикациями было введено в научный оборот более 150 документов, знакомящих исследователей с резолюциями, устными распоряжениями, запросами, указаниями и личными просьбами Владимира Ильича. В результате многолетней деятельности архива по выявлению ленинского документального наследия на хранение в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС передано более 5690 автографов и подлинных документов В. И. Ленина, около 9 тыс. отпусков, копий и других документов о его жизни и деятельности. Опыт этой большой работы обобщен в статьях, раскрывающих ее методику и характеризующих выявленные документы¹². Совместная деятельность партийных и государственных архивов по выявлению ленинских документов подробно освещена в книге С. И. Кузьмина¹³.

Другое направление научных исследований ЦГАОР СССР, которое тоже начало складываться с первых дней существования архива,— это публикационная деятельность.

Первые шаги публикационной деятельности значительно отличались от организации и проведения этой работы в наши дни. К середине 20-х годов истпарты и архивные органы начали уточнять свои функции и определять более четкий порядок совместной работы. Истпарты занимались в основном научной разработкой и изданием документов, государственные архивы осуществляли сбор документов, хранение, приведение их в порядок и подготовку к использованию. Материалы ЦГАОР СССР использованы в шести томах издававшейся Истпартом хроники событий Октябрьской революции¹⁴ и в ряде других изданий Истпарта.

¹⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 8-е изд., т. 3. М., 1970, с. 121.

¹¹ ИА, 1962, № 1; История СССР, 1965, № 2; 1969, № 2; СА, 1966, № 1, 5.

¹² *Максаков В. В.* Документы о В. И. Ленине в государственных архивах СССР, их выявление и описание.— ИА, 1961, № 3, с. 234—248; *Веселина М. С., Кузьмин С. И.* Выявление документов В. И. Ленина в государственных архивах СССР.— ВА, 1964, № 2, с. 13—27; *Веселина М. С.* Из истории собрания ленинского документального наследия.— Вопросы истории КПСС, 1969, № 11, с. 116—120; *Веселина М. С., Беляков С. Т.* Из опыта поисков и собирания документов В. И. Ленина.— Вопросы истории КПСС, 1966, № 3, с. 150—155; *Шапиро Л. А.* Выявление документов В. И. Ленина в ЦГАОР СССР.— СА, 1969, № 4, с. 15—21; *Прокопенко Н. Р.* Документы ЦГАОР СССР о жизни и деятельности В. И. Ленина.— СА, 1970, № 2, с. 21—25; *Амиантов Ю. Н., Веселина М. С., Русанова И. Б.* Пополнение фондов Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС (1968—1971).— Вопросы истории КПСС, 1972, № 7, с. 114—122.

¹³ *Кузьмин С. И.* Бесценное ленинское наследие. Поиски и находки. М., 1976.

¹⁴ Революция 1917 года (Хроника событий), т. 1—6. М.—Л., 1923—1930.

В конце 20-х — начале 30-х годов архив принимал участие в выявлении документов для сборников по истории борьбы за установление Советской власти, подготовленных Центрархивом¹⁵. Публикации архива в виде тематических подборок документов по отдельным вопросам истории Октябрьской революции систематически помещались в исторических журналах: «Красный архив», «Пролетарская революция», «Красная летопись» и др.

ЦГАОР СССР активно сотрудничал с Институтом советского строительства и права и Комиссией по истории пролетариата при Коммунистической академии. По просьбе этих учреждений проводилось тематическое выявление, составлялись картотеки, аннотации по истории Советов в 1917—1921 гг., национальной политике Советского государства, истории революции 1905—1907 гг.¹⁶

В 30-х годах было организовано выявление документов для многотомных изданий по истории гражданской войны и истории фабрик и заводов. Результатом многолетней работы явилось создание тематической картотеки (40 тыс. карточек) по истории гражданской войны и подготовка около 100 тематических обзоров по истории отдельных предприятий¹⁷.

Наряду с работой по выявлению документов архив все больше занимался подготовкой архивных материалов к печати. Публикационная деятельность раньше других была отнесена к научно-исследовательскому направлению и получила соответствующее организационное оформление. В 1935 г. Положение об отделе научных публикаций так определяло его основную задачу: «...подготовка к изданию документов ЦГАОР по истории Октябрьской социалистической революции и гражданской войны отдельными сборниками, а также в виде журнальных и газетных публикаций документов»¹⁸. С того времени это структурное подразделение неизменно существует в архиве, и, пожалуй, нет другого направления архивной работы, которое было бы так стабильно и четко выделено в организационном отношении.

С течением времени значительно изменился характер публикационной работы. От тематического выявления и публикации отдельных документов архив перешел к выявлению, отбору, археографической обработке и комментированию документов для тематических и серийных сборников, готовящихся совместно с другими научными учреждениями. Сотрудники архива стали полноправными авторами и составителями этих сборников. Особенно активно публикационная работа развернулась после Великой Отечественной войны. В настоящее время архив проводит эту работу в содружестве с ИМЛ при ЦК КПСС, АОН при ЦК КПСС, институтами АН СССР. Богатство и разнообразие документальных материалов ЦГАОР СССР определяют широту и разносторонность тематики публикационной деятельности.

Особое внимание архив всегда уделял разработке документов по истории Великой Октябрьской социалистической революции. Наибольший вклад в расширение источниковой базы по этой теме — десятилетняя документальная серия «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1957—1963). В канун 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции архив совместно с ИМЛ при ЦК КПСС и Институтом истории АН СССР выпустил в свет первое пофондовое издание документов советского периода — «Петроградский Военно-революционный комитет»¹⁹. Кроме документов самого ВРК, составители

¹⁵ Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. М., 1927; Второй Всероссийский съезд Р. и С. Д. М.—Л., 1928; Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., т. I—II. М.—Л., 1930—1931.

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 5142, оп. 1, д. 300, л. 23.

¹⁷ Там же, д. 180, л. 15, 16; д. 300, л. 22—27.

¹⁸ Там же, д. 194, л. 18, 20.

¹⁹ Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы в 3-х т. М., 1966—1967.

включили в сборник документы о его деятельности из фондов ЦПА ИМЛ (фонды В. И. Ленина, Совнаркома, ЦК РСДРП(б)), некоторых фондов ЦГАОР СССР, а также печатные источники. Таким образом, удалось опубликовать наиболее полный комплекс документов Петроградского ВРК и дать возможность широкому кругу исследователей проводить их глубокое изучение.

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина ЦГАОР СССР совместно с ИМЛ при ЦК КПСС подготовил трехтомник «Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России»²⁰. Эта документальная серия была продолжена изданием «Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905 гг.»²¹.

К 50-летию образования Союза ССР совместно с ИМЛ при ЦК КПСС был издан сборник документов «Образование Союза Советских Социалистических Республик»²². В нем наиболее полно представлены работы В. И. Ленина, решения партийных и советских съездов, СНК и ВЦИК по этой проблеме. Ряд документов из ЦПА ИМЛ и ЦГАОР СССР опубликован впервые. Развивая тему о братском союзе советских народов, архив совместно с Академией общественных наук при ЦК КПСС предпринял издание сборника документов о вовлечении женщин различных национальностей в строительство социализма²³. В содружестве с Институтом истории СССР АН СССР архив трудится над завершением многотомного документального издания «Восстание декабристов». В 1975—1976 гг. вышли очередные XIII и XIV тома серий²⁴.

В последние годы уровень публикационной деятельности архива значительно вырос, составители проводят большую исследовательскую работу, занимаясь выявлением, отбором документов, их источниковедческим анализом и комментированием. В истекшем пятилетии в содружестве с другими научными учреждениями научным коллективом архива (И. Н. Владимирцевым, Л. И. Завалищенко, К. Г. Ляшенко, Н. В. Михайловой, А. С. Севериной и др.) было подготовлено и выпущено в свет восемь документальных сборников в 9 томах общим объемом 327 п. л.

Подготовленные архивом документальные издания по истории революционного и общественного движения в России, истории Великой Октябрьской социалистической революции, строительства социализма и коммунизма в нашей стране и другим проблемам служат расширению источниковой базы общественных наук, «вносящих все более весомый вклад в строительство коммунизма, оказывающих все более осязаемое влияние на все сферы развитого социалистического общества...»²⁵.

Одна из основных и наиболее сложных задач государственного комплекующегося архива — максимально раскрыть возможности документов как источников информации для наиболее полного удовлетворения общественных потребностей в ретроспективной информации. Решение этой задачи тесно связано с созданием различных видов справочников к документам архива. До сего времени не удалось четко определить объем и роль исследовательского элемента в проведении этой трудоемкой и сложной работы. Однако несомненно, что, накапливая и обобщая опыт практической работы, архивисты подготовили базу для создания научно обоснованной системы научно-справочного аппарата ЦГАОР СССР.

²⁰ Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг. Сб. документов в 3-х т. М., 1969—1970.

²¹ Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905 гг. Сб. документов в 3-х т., т. 1—2. М., 1974—1975.

²² Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сб. документов. М., 1972.

²³ Раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана Великим Октябрем. М., 1971.

²⁴ Восстание декабристов. Документы, т. XIII. [М.], 1975; т. XIV. [М.], 1976.

²⁵ Трапезников С. Общественные науки — идейное богатство партии и народа. Коммунист, 1976, № 12, с. 20.

В первые годы существования архива большой объем документов, поступавших в неупорядоченном состоянии, вынуждал идти по пути составления суммарных описей и кратких обзоров фондов, заменявших описи. Подробные описи, раскрывавшие содержание документов, составлялись лишь по некоторым фондам. В 1926 г. в связи с острой необходимостью как-то упорядочить поступившую в архив массу документов было решено «заменить ведущуюся в настоящее время в архиве архивно-научную работу над материалами архивно-технической обработкой их, поставив основной задачей учет и охрану материала...»²⁶. В 1926 г. было разобрано и систематизировано около 100 тыс. дел, в 1927 г. — около 140 тыс.²⁷ Большой объем, тяжелые условия работы не способствовали созданию полноценных описей. В то время элемент научного исследования в работе по упорядочению и описанию документов был мал, она осуществлялась в большей степени на основе опыта, интуиции и энтузиазма. Описи, составленные в 20—30-х годах, недостаточно раскрывали содержание документов и являлись по преимуществу средством учета. Поэтому в 40-х годах была поставлена задача значительного улучшения качества описей как научно-справочных пособий. Была осознана необходимость проведения описательных работ на научной основе.

В те годы в архиве в значительных масштабах стал планироваться и проводиться сложный комплекс работ, получивший название «научно-техническая обработка фондов». В его состав входили экспертиза, описание и классификация дел по новой схеме с последующим изменением шифров. Была предпринята серьезная попытка организовать эту работу так, чтобы она носила научный характер. Вводился обязательный порядок предварительного изучения фонда, составлялись исторические справки, рабочие инструкции, которые являлись своего рода программой исследования, объединявшей научные, организационные и технические задачи. Однако большой объем работы (в 1945 г. ЦГАОР СССР по плану должен был обработать 200 тыс. дел)²⁸, недооценка ее сложности, слабая дифференциация исследовательских и чисто технических приемов нередко снижали ее уровень. Все же внимание к вопросам описания принесло свои плоды: создание описей уже не означало только «приведение документов в порядок», а приблизилось к их научному описанию.

По мере упорядочения документов вставал вопрос о подготовке наряду с описями и тематическими картотеками таких видов справочников, которые могли бы познакомить с документами архива более широкий круг исследователей. Архивом был издан «Краткий путеводитель по фондам ЦГАОР СССР» (М., 1946). Идея создания путеводителя по фондам архива возникла намного раньше. Еще в 1934 г. состоялось совещание архивистов и ученых по этому вопросу. Требования исследователей тех лет к путеводителю по фондам архива были достаточно скромными: наименование фонда, количество дел, их сохранность, структура фонда или его ведущих частей²⁹. В 1944 г. вопрос о подготовке путеводителя обсуждал Научный совет архива. А. А. Покровским и О. Е. Карнауховой были разработаны схема расположения характеристик фондов в путеводителе, принципы группировки документов фонда при составлении аннотаций. Участвовавшие в обсуждении историки А. М. Панкратова, Э. Б. Генкина, Е. А. Луцкий предложили по возможности тематизировать аннотации, указывать в них крайние даты и объем отдельных групп документов. Столь же единодушно ученые просили архив продолжить работу по созданию тематических каталогов³⁰.

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 5142, оп. 1, д. 63, л. 3.

²⁷ Там же, д. 180, л. 12, 13.

²⁸ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 10, д. 2231, л. 7; д. 2233, л. 12; д. 2238, л. 13.

²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 5142, оп. 1, д. 178.

³⁰ Там же, д. 275, л. 1—20.

Анализируя опыт работы по созданию описей, путеводителей, фондовых обзоров, архивисты пришли к мысли, что при этом выявляется большое количество информации, но рамки перечисленных справочников ограничивают возможности ее классификации. Так возникла идея составления систематических каталогов, дающих возможность классифицировать документную информацию во всех ее аспектах, не ограничиваясь рамками фондов и описей. Создание систематических каталогов было тесно связано с тематической разработкой фондов, в процессе которой проводится полистный просмотр дел и выявляется вся информация, которую можно сформулировать в определенную тему или вопрос. Готовя такой вид справочника, архивисты стремились удовлетворить пожелания всех категорий исследователей, работающих над архивными документами, раскрыть содержание, указать объем и даты документов.

В обосновании методики каталогизации, в разработке классификационной схемы по дореволюционным материалам архива велика заслуга архивиста и историка Т. Г. Снытко, искусно сочетавшего научные методы архивоведения с глубиной исторического мышления.

В Основных правилах работы государственных архивов³¹ четко изложена методика работы по созданию каталогов различных видов, в том числе и систематических. Значительно повлияло на организацию работы по созданию каталогов в государственных архивах издание Главархивом СССР Схемы единой классификации³².

ЦГАОР СССР в настоящее время имеет два систематических каталога по документам советской и дореволюционной эпох. Для составления первого из них была проведена каталогизация фондов, а также частей фондов, наиболее насыщенных информацией: Совнарком РСФСР, ВЦИК (за 1917—1923 гг.), протоколы и постановления заседаний Президиума и Секретариата ЦИК СССР (1922—1938), Совета Труда и Оборона СССР и др. Основой каталога дореволюционного периода явилась информация, полученная в результате тематической разработки фонда Департамента полиции (Особого отдела, 3-го и 7-го делопроизводства). Оба каталога связаны системой отсылочных карточек с другими справочниками архива, описями и отдельными тематическими картотеками. Их составление было начато в 1959 г. и проводится научным коллективом архива под руководством В. А. Роговой. Почти вся имеющаяся в архиве информация по определенной теме, например по истории революции 1905—1907 гг. (за исключением сведений, отраженных в предметно-тематическом каталоге, составленном по документам личных фондов), сосредоточена в соответствующих разделах каталога. Около 10 тыс. карточек расположены по единой классификационной схеме, отражающей события первой русской революции: 9 Января в Петербурге, всеобщая железнодорожная забастовка, вооруженные восстания, деятельность Советов депутатов трудящихся, рабочее движение, движение в армии и флоте, крестьянское движение и т. д. Внутри разделов систематизация проведена, в соответствии с характером материалов, по железным дорогам, городам, губерниям. Последней ступенью классификации является хронология.

В соответствующих разделах каталога советского периода сосредоточена основная информация документов архива по вопросам государственного строительства СССР, деятельности высших, центральных и местных органов государственной власти и государственного управления.

Положительную оценку научной общественности получили справочники, облегчающие использование документов III отделения с. е. и. в. канцелярии. Это тематические листовые каталоги к материалам 1-й экспедиции (1826—1866) и 3-й экспедиции (1859—1880). Их создание позволило,

³¹ Основные правила работы государственных архивов. М., 1962.

³² Схема единой классификации документальных материалов Государственного архивного фонда СССР в каталогах государственных архивов (советский период). М., 1962.

с одной стороны, сохранить первоначальную структуру фонда и делопроизводственные описи, которые сами в настоящее время являются источниками изучения истории III отделения, с другой — детальнее раскрыть содержание фонда и расположить документную информацию по более удобной для использования тематической схеме.

Созданием этого каталога восполнено недостающее звено в системе справочников ЦГАОР СССР, раскрывающих содержание документов по истории революционного движения в России XIX — начала XX в. Листовая форма каталога выбрана для удобства его размножения и использования.

Создание таких видов справочников предполагает изучение документов в различных аспектах и оценку их как исторических источников.

Методы работы по созданию справочников обогащаются практикой и совершенствуются. В последнее время ЦГАОР СССР совместно с ВНИИДАД проведен ряд исследований о соотношении и развитии отдельных звеньев научно-справочного аппарата, о дифференцированном подходе к описанию документов, обобщен опыт каталогизации и др. С 1970 г. в архиве действует отдел научно-справочного аппарата, который занимается созданием общеархивных справочников, координирует работу отделов архива по составлению научно-справочных пособий, обобщает их опыт.

Разработка методики составления архивных справочников традиционно оценивается как научная работа, результаты ее неоднократно обсуждаются и оформляются соответствующим образом. В то же время работа по созданию конкретных справочников, требующая не только архивоведческих знаний, но и широкого исторического кругозора, как правило, не проходит должной научной апробации, и результаты ее остаются вне научной оценки.

В последние годы архивом делаются попытки организовать и оценить создание сложных справочников как научную деятельность. В Главархив СССР на конкурс научных работ, выполненных сотрудниками государственных архивов, был представлен тематический листовый каталог к материалам 3-й экспедиции III отделения с. е. и. в. канцелярии, получивший поощрительную премию. В 1976 г. составление нового вида справочника — межархивного указателя «Победа Великой Октябрьской социалистической революции» официально зарегистрировано во Всесоюзном научно-техническом информационном центре (ВНИИЦ) как научная работа. Проспект и методика подготовки первого выпуска указателя получили апробацию на Научном совете ЦГАОР СССР.

Одной из сторон научно-информационной деятельности архива является использование документов в агитационно-пропагандистских и культурно-просветительных целях. К установленным формам этой работы относятся: организация документальных выставок, вечеров встреч с общественностью, экскурсий по архиву, подготовка тематических подборок документов в виде фотокопий, публикации сообщений о документах в периодической печати, использование материалов архива для документальных и художественных фильмов, радио- и телепередач.

Подбор документов для выставок, участие в их организации и проведении как самостоятельно, так и с другими учреждениями осуществляется архивом с первых дней существования. ЦГАОР СССР неизменно участвует в выставках, посвященных важнейшим политическим и историческим событиям. Начиная с середины 60-х годов документы архива экспонировались на выставках: «Навстречу XXIV съезду КПСС», «50 лет образования СССР», «70 лет II съезду РСДРП», «30 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «25 лет Нюрнбергскому процессу», «150-летие восстания декабристов» и др. Документы архива были представлены на международных выставках в Англии и Франции, на выставке для делегатов VII Международного конгресса.

архивов. Пока что отсутствуют критерии оценки работы по тематическому выявлению и использованию документов архива с точки зрения наличия в ней исследовательского элемента.

Не менее сложно обстоит дело с оценкой научного характера одного из основных направлений работы архива — комплектования его документальными материалами. Систематическая научная разработка проблем комплектования государственных архивов началась во второй половине 50-х годов. Тогда же в конкретное изучение этих проблем включился ЦГАОР СССР. В первые десятилетия существования архива его комплектование преимущественно носило стихийный характер, определявшийся в значительной степени неупорядоченным состоянием документов в ведомственных архивах. Однако уже в предвоенные годы архивисты приступили к созданию методических основ комплектования. С 30-х годов начали действовать ведомственные перечни с указанием сроков хранения дел. Были попытки решать и такие проблемы комплектования, как дублетность, поглощенность документов. Но практическая работа проводилась на довольно слабой научно-организационной основе.

Наличие элемента стихийности в работе по комплектованию отмечалось Научным советом архива 9 января 1945 г., обсуждавшим первый пятилетний план комплектования ЦГАОР СССР на 1944—1948 гг. В этом плане архив впервые определил круг учреждений и организаций, от которых будут приниматься документы. При обсуждении подчеркивалось значение отбора документов на государственное хранение, ставился вопрос о необходимости дальнейшего уточнения профиля архива³³.

В ноябре 1959 г. Научный совет Главного архивного управления при Совете Министров СССР принял решение об улучшении работы по комплектованию Государственного архивного фонда СССР и экспертизе ценности документов, чем было положено начало осуществлению целого комплекса организационно-методических мероприятий в этой области. Существенно изменились традиционные направления работы. Теперь комплектование архивов предусматривало предварительное определение круга учреждений, документы которых подлежали государственному приему, привлечение к работе с архивами учреждений и к организации документов в делопроизводстве сотрудников государственных архивов, строгий учет документации, находящейся на ведомственном хранении, рассмотрение и утверждение экспертно-проверочными комиссиями описей дел, подлежащих приему в государственные архивы³⁴.

ЦГАОР СССР также перестроил и заметно упорядочил эту работу на новой организационно-методической основе. Прием документов происходит в соответствии с пятилетними планами комплектования, основные направления которых периодически обсуждаются на заседаниях Научного совета архива.

Наличие широкого круга разноотраслевых учреждений, сдающих документы в ЦГАОР СССР, делает необходимым проведение научных исследований в области экспертизы документов, определения критериев их отбора на государственное хранение. Это направление научно-исследовательской деятельности архива получило за последние годы значительное развитие. Из 19 архивоведческих тем, над которыми архив работал в истекшем пятилетии, 9 посвящены вопросам экспертизы документов. Эти исследования, проводившиеся совместно с ВНИИДАД, имели целью разработку и научное обоснование методов отбора на государственное хранение документов с повторяющейся информацией, критериев экспертизы источников, документирующих получение образования, присвоение ученых степеней и званий, награждение граждан СССР, и другие вопросы.

³³ ЦГАОР СССР, ф. 5142, оп. 1, д. 275, л. 27—41.

³⁴ Елагьевский А. В., Коленкина Т. Г., Цапкин В. В. Комплектование документальными материалами советских государственных архивов.— СА, 1970, № 1, с. 24.

Поставленная перед архивом задача влиять на организацию документов в делопроизводстве, т. е. на качество проведения экспертизы, формирования и описания дел, значительно расширила круг исследовательских проблем архива. Стало необходимым изучать документы в процессе их функционирования в сфере управления, соотношения содержания деятельности учреждения с организационными формами и документированием этой деятельности. Такое изучение документов является основой для создания перечней, составления примерных и конкретных номенклатур дел, для работы по приведению в порядок документов учреждений, а также для работы делопроизводственной службы учреждения, связанной с организацией документов.

Специфика *комплектующегося* государственного архива как научно-исследовательского учреждения заключается не только в том, что основной объект исследования находится в составе архива, но и в том, что он в виде документов постоянного хранения создается и длительное время хранится в других учреждениях, на работу которых с этими документами государственный архив может лишь оказывать определенное влияние. Это влияние затрудняется тем, что очень часто научно апробированные методы работы с документами приходится претворять в жизнь силами недостаточно квалифицированных сотрудников делопроизводственной службы.

Для ЦГАОР СССР очень острой является также проблема комплектования документами личного происхождения. Недавно созданный в архиве отдел личных фондов занимается ее решением в двух направлениях: во-первых, в соответствии с характером деятельности учреждений, сдающих документы архиву, пытается определить круг лиц, которые создают документы, расширяющие сведения об отдельных сторонах этой деятельности или содержащие результаты творческой работы; во-вторых, выявляет лиц, хранящих документы, существенно дополняющие историко-революционную тематику архива.

ЦГАОР СССР на протяжении всей своей истории был тесно связан с деятельностью других научных учреждений. Истпарт, Комакадемия, ИМЛ при ЦК КПСС, ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, Институт истории СССР АН СССР и другие академические институты, занятые разработкой проблем в области общественных наук, МГИАИ, ВНИИДАД, ГБЛ — вот неполный перечень этих учреждений. Формы связей начали складываться прежде всего в процессе подготовки совместных публикаций. Вначале архив выступал как поставщик документов, но в последующие годы стал полноправным соавтором совместных работ.

Имеет длительную историю сотрудничество архива с МГИАИ. Архивисты помогают институту в подготовке студентов, систематически проводя практические занятия по документам ЦГАОР СССР.

Ученые-историки принимают активное участие в работе Научного совета архива. Уже в первый состав совета входили Е. Н. Городецкий, Б. Д. Греков, И. И. Минц и другие видные ученые³⁵. В послевоенные годы активное участие в работе Научного совета ЦГАОР СССР принимали также А. М. Панкратова, М. В. Нечкина, Э. Б. Генкина, Е. А. Луцкий и др.

На заседаниях Научного совета обсуждались схемы построения различных видов справочников, принципы проведения экспертизы, макеты сборников, перспективные планы развития отдельных направлений деятельности архива. Ученые-историки выступали на заседаниях с докладами: «Об основных проблемах изучения истории советского общества и задачах ЦГАОР», «Об изучении документов по истории Советского государства», «Из истории первой Конституции СССР». Эти доклады, безусловно, оказывали влияние на формирование научного подхода коллек-

³⁵ ЦГАОР СССР, ф. 5142, оп. 1, д. 225, л. 21.

тива архива к работе с источниками. Например, идея подготовки сборника «Образование Союза ССР» была высказана в одном из докладов Э. Б. Генкиной еще в 1947 г.³⁶

В настоящее время при решении вопросов, связанных с изданием сборников документов, общearchивных и межархивных справочников, с экспертизой документов, с анализом отдельных документационных систем, необходимо тесное сотрудничество архивистов и ученых, работающих в области общественных наук.

ЦГАОР СССР, накапливая ценнейшие документальные источники по истории нашей Родины, много сил уделял и уделяет чисто хранительским функциям. Непосредственное осуществление этих функций связано с большим объемом технической и научно-вспомогательной работы. Но и в этой работе есть исследовательские элементы: изучение условий хранения документов для постановки определенных задач перед специалистами соответствующих областей; разработка такой методики учета и системы хранения, которая позволяла бы в каждый отрезок времени иметь четкое представление об изменении в объеме и составе хранящихся документов; обоснование принципов создания страхового фонда. С 1957 г. архив систематически осуществляет подготовку дел к микрофильмированию. Многие вопросы отбора дел для создания страхового фонда являются предметом научного исследования, проводимого архивом совместно с ВНИИДАД.

Мы попытались рассмотреть в развитии специфические направления научной деятельности архива, отличающие его от других научных учреждений. Понимание, что архив должен складываться и развиваться как научно-исследовательское учреждение, присутствовало на всех этапах его истории. Но длительное время существовал непреодолимый разрыв между задачами и состоянием архива, испытывавшего трудности из-за наличия массы неупорядоченных документов, бессистемности комплектования, эвакуации и реэвакуации документов в военные годы, нехватки квалифицированных кадров. В настоящее время ЦГАОР СССР располагает реальными возможностями вести работу как научно-исследовательское учреждение.

В последнее десятилетие усиленное внимание к исследовательской работе стало характерной чертой деятельности центральных государственных архивов СССР. Главархив СССР предпринимает конкретные шаги по обобщению опыта исследовательской работы архивов и выработке организационных принципов ее проведения³⁷. Издано методическое пособие по планированию, координации, учету и организации научно-исследовательского труда в архивных учреждениях СССР³⁸.

Опыт ЦГАОР СССР свидетельствует о том, что научно-исследовательская деятельность должна быть основой практической работы архива. Однако еще не все направления деятельности архива получили необходимое научное обоснование.

Решениями XXV съезда КПСС, высоко оценившего роль и место науки в коммунистическом строительстве, ученые, работающие в области общественных наук, призваны смело и творчески разрабатывать научные проблемы в тесной связи с социальной практикой развития социализма, формировать научное мировоззрение советских людей, способствовать утверждению высоких коммунистических идеалов.

³⁶ Там же, д. 275.

³⁷ Долгих Ф. И. Повышение научного уровня работы — необходимое условие совершенствования архивного дела. — СА, 1973, № 2; Болдырева Н. Д., Калишевич З. Е., Плешаков С. Т. Организация научно-исследовательской работы в центральных государственных архивах СССР. — СА, 1974, № 6.

³⁸ Основные положения организации научно-исследовательской работы в архивных учреждениях СССР. М., 1975.

Коллектив архива должен раскрывать для науки новые виды источников, определять пути их использования. Специфика исследовательской работы архива делает необходимым в первую очередь изучение самих документов, в результате чего создается основная научная продукция архива. В архиве должны формироваться научные работники не только широкого архивоведческого плана, но и специалисты по ведущей профильной тематике архива (истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР). Это создает прочную базу для архивоведческих исследований и будет способствовать росту научного авторитета архива. Перед архивом стоят большие задачи в области организации исследований, учитывающих специфику архива как научного учреждения. Современная структура архива, сочетающая подразделения, хранящие документы, с функциональными отделами по каждому направлению деятельности, создает возможность для формирования научных коллективов с учетом склонностей и способностей специалистов.

Следует шире информировать заинтересованные круги общественности о проводящихся в архиве исследованиях. Более систематическими и плодотворными должны быть связи с учеными, работающими в области общественных наук. Полезно привлекать ученых не только для участия в работе Научного совета архива, но и в качестве консультантов и рецензентов. Мы ждем от ученых-источниковедов более активного участия в развитии научных принципов и критериев отбора документов на государственное хранение и в решении вопросов комплектования ЦГАОР СССР.

В. Л. Янин

СТАРАЯ ГРАММОФОННАЯ ПЛАСТИНКА КАК ОБЪЕКТ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

В 1977 г. исполнилось ровно 100 лет с момента великого открытия принципа обратимости звукозаписи, которое было совершено независимо друг от друга французом Шарлем Кро и американцем Томасом Альвой Эдисоном. Гениальная идея Кро осталась тогда невоплощенной, Эдисон создал фонограф. Однако прошло еще десятилетие, прежде чем способ воспроизведения звуков был дополнен изобретением массового промышленного тиражирования звуконосителей, когда немец Эмиль Берлинер запатентовал граммофон и поддающуюся дублированию цинковую пластинку с фонограммой.

В 1896 г. это изобретение получило необходимую техническую основу для выхода в свет: изобретатель граммофона разработал состав шеллачной массы, соответствующей требованиям массового производства, и открыл в Кэмпдене (США) первое предприятие по изготовлению граммофонных пластинок. 1898 год считается начальной датой торговой деятельности Берлинера, будучи фиксирован первым рекламно-торговым каталогом фирмы, выпущенным 16 ноября. Фонд звукозаписей, предложенных этим каталогом, начал формироваться с 1895 г.

Мнение о том, что первые русские записи были сделаны в 1897 г. в Ганновере¹, пока не находит документального подтверждения и представляется сомнительным. Известные в коллекциях и торговых каталогах наиболее ранние диски русского репертуара датированы мартом 1899 г., однако состав группы записывавшихся тогда певцов маловыразителен. Более значительна следующая сессия русских записей, начавшаяся в апреле 1899 г. в Петербурге, когда для граммофона пели такие звезды тогдашней оперы, как И. В. Тартаков, Ф. Г. Орешкевич, Г. А. Морской, М. М. Чупрытников, К. Т. Серебряков, О. О. Палечек и М. Б. Черкасская². С января 1902 г. в Риге начала работу первая, принадлежавшая английскому акционерному обществу «Граммoфон» русская фабрика пластинок, остававшаяся вплоть до 1915 г. главным в России центром их производства.

С тех пор прошло около 80 лет. Фонд русских записей, увеличиваясь от года к году, достиг десятков тысяч номеров, отразив на блестящих дисках живой голос небывалой в истории эпохи. Но этот фонд поразительным образом прошел и проходит мимо внимания историков, не разглядевших в нем первоклассный источник формирования детальных знаний прежде всего по истории культуры.

¹ Волков-Ланит Л. Ф. Искусство запечатленного звука. Очерки по истории граммофона. М., 1964, с. 29, 86, 88.

² Музыкальная энциклопедия (т. 2. Гондольера — Корсов. М., 1974, стлб. 36) неверно относит первую запись И. В. Тартакова к 1897 г., а И. В. Ершова — к 1899 г. В действительности все записи Ершова для фирмы «Граммoфон» (их шесть) сделаны в 1903 г.

Грамофон с момента своего появления совершал в России триумфальное шествие. Некоторое представление о масштабах его применения дают следующие цифры. К 1907 г. в России находилось в употреблении около 0,5 млн. звуковоспроизводящих аппаратов; на 1 июня 1914 г. в одной только Москве насчитывалось 232 постоянных грамофонных магазина, не считая временных, на воскресных рынках³. В эпоху, когда еще не совершилось революционизирующее внедрение в массовый быт радиотрансляции, для миллионов людей именно грамофон сделался основным средством приобщения к музыкальной культуре, совершая более широкое воздействие на формирование художественных вкусов, нежели малодоступный театр. Для характеристики того, насколько это обстоятельство не привлекло до сих пор внимания исследователей, отметим, что даже в фундаментальном коллективном труде, специально посвященном зрелищным искусствам и музыке 1895—1907 гг. и вышедшем в недавнее время, о грамофоне упомянуто лишь однажды, да и то в самой пренебрежительной форме, как о средстве массового распространения кафешпантанного репертуара⁴.

Два обстоятельства, на наш взгляд, лежат в основе такого пренебрежения. Во-первых, общепринятое мнение о несовершенстве старых звукозаписей, которые якобы не передают должным образом тембровых оттенков вокализации. Во-вторых, столь же распространенное представление о репертуарной ущербности и даже превалирующей пошлости дореволюционного фонда грамофонных пластинок. Рассмотрим оба этих тезиса.

Первый явно основан на нескольких заблуждениях. В наше время старую грамофонную пластинку чаще всего прослушивают на современных проигрывателях, вовсе для этого не приспособленных, или же на старомодных патефонах. Между тем старая акустическая пластинка сбалансирована на современный ей аппарат, прогресс которого достиг вершины еще в 10-х годах XX в. созданием напольных безрупорных грамофонов, стоивших в дореволюционное время баснословную сумму — от 275 до 700 руб. и, следовательно, малораспространенных прежде и в еще меньшей степени сохранившихся до сегодняшнего дня. Акустический баланс таких аппаратов часто также бывает нарушен заменой вышедшей из употребления мембраны на менее совершенную. Пресловутый грамофон «с трубой» представляет систему аппаратов более низкого класса, действительно искажающих звучание. Еще несовершеннее бытовая замена грамофона — распространенный с 20-х годов патефон. Другое заблуждение вызвано тем, что лишь с 1925 г. окончательно установился общепринятый для грамофонных пластинок стандарт скорости (78 оборотов в минуту). До этого скорость варьировала (75, 80, 82 оборота и т. д.), а отсутствие регуляторов на современном проигрывателе консервирует вынужденное искажение тембров. Даже при наличии регуляторов установление правильной скорости проигрывания дело, по-видимому, не самое простое, коль скоро ее нарушение постоянно испытываешь в современных перезаписях старых дисков на долгоиграющие (подлинная скорость на самих пластинках не указывалась). Наконец, еще одно заблуждение определено эмоциональным восприятием звукозаписи: порой слушатель не находит в ней того, чего ожидает, будучи подготовлен преувеличенными литературными восхвалениями того или иного исполнителя, вызванными недостаточной культурой критики.

Более того, осмелимся утверждать, что старая акустическая пластинка обладала даже некоторыми преимуществами для демонстрации исполни-

³ Волков-Ланнит Л. Ф. Искусство запечатленного звука, с. 27.

⁴ Русская художественная культура конца XIX — начала XX века, кн. 1. Зрелищные искусства и музыка. М., 1968, с. 385.

тельского голоса перед современной стереозаписью. На акустической пластинке достоинства и недостатки певческого голоса подчеркнуты в силу того, что певец, певший в рупор записывающего устройства, был несколько отдален от сопровождения и ему не приходилось вступать в пагубное соревнование с мощным оркестром.

Что касается второго тезиса, он опирается на смещение акцентов, определяемое преобладанием шлягеров отнюдь не в репертуаре, а в тиражировании. Действительно, в практике коллекционирования старых граммофонных записей чаще приходится встречаться с эстрадой, порой низкопробной (что, надо полагать, характерно и для современного мирового рынка). Однако это не означает, что она господствовала и в практике звукозаписи. Напротив, граммофон сохранил все разнообразие серьезного репертуара начала века и все многообразие исполнительского мастерства той эпохи, запечатлев голоса Н. Н. Фигнера и М. И. Фигнер, Л. М. Клементьева и И. А. Алчевского, В. П. Дамаева и Д. А. Смирнова, И. В. Ершова и Л. В. Собинова, В. И. Касторского и Ф. И. Шалашина, А. В. Секар-Рожанского и К. И. Михайлова-Стояна, М. К. Максакова и Г. А. Бакланова, И. В. Тартакова и М. Е. Медведева, Л. Я. Липковской и А. В. Неждановой, а также десятков других талантливых певцов. И не только их. Со старых дисков звучат голоса Л. Н. Толстого и Л. Н. Андреева, В. Я. Брюсова и Н. А. Морозова, В. Н. Давыдова и М. Н. Ермоловой, А. И. Южина и Г. Н. Федотовой. Правильное представление о высоких шедеврах эстрады, которая далеко не всегда бывала пошлой, невозможно составить, не зная гениальной манеры А. Д. Давыдова и В. В. Палиной, не слышав голосов А. Д. Вяльцевой, Н. Г. Северского, М. И. Вавича и Ю. С. Морфесси. Будучи зеркалом времени, дореволюционный граммофон отразил даже в шлягерах русско-японскую войну и революцию 1905 г., первую мировую войну и Февральскую революцию, а в документальных записях — политические речи С. А. Муромцева и П. Н. Милюкова, изъятые из продажи сразу же после выпуска.

Высказывается иногда еще одно сомнение, касающееся прежде всего записей оперных фрагментов. Коль скоро опера является единством сценического действия, в котором осуществляется синтез музыки, драмы и декоративно-художественного оформления, запись оперного фрагмента разрушает этот синтез, взяв из него только музыку и лишая слушателей возможности видеть. Но это относится и к современным записям, а также к радиопередачам. В русской опере драматургия вокализации всегда, со времен О. А. Петрова и А. Я. Петровой-Воробьевой, была главной основой, и русскую оперную культуру отличает стремление достигнуть музыкально-драматического синтеза выразительными средствами единства музыкальной и словесной ткани произведения, т. е. прежде всего средствами самого голоса. В еще большей степени это касается камерного вокала, слушая который в исполнении выдающихся музыкантов мы видим изображенное в романсе действие или эмоциональное движение, хотя для этого нет необходимости разглядывать стоящего на эстраде певца. Уместно принципиальное сравнение граммофонной пластинки с лентами немого кинематографа, где синтез как будто еще более нарушен заменой слова мимическим действием. Но бережно сохраняя старые киноленты и восхищаясь трепетной игрой Лилиан Гиш или непостижимой выразительностью Конрада Вейдта, мы ведь не только видим, но и слышим их бессловесное действие.

Вернемся, однако, к граммофонной пластинке. Разумеется, само изучение тиражей разных категорий звукозаписи составляет особую тему в исследовании формирования общественного художественного вкуса. В таком исследовании, к примеру, нуждается в правильной оценке коммерческий провал прекрасной серии записей Н. В. Плевицкой, напевшей для граммофона множество курских народных песен, при колоссальном

успехе ее же песенных эрзацев, поделанных аранжировщиками⁵. Однако более важным представляется нам восстановление подлинной истории русского исполнительского мастерства первых двух десятилетий нашего века, отраженного в тысячах записей. В современной историко-музыкальной литературе главной основой оценки является анализ прессы, т. е. реакции современников на творчество артиста, тогда как важнейший первоисточник — сами фонограммы — остается вне исследования. В силу этого все больше и больше складывается искаженное мнение, избирательно выделяющее наиболее крупные фигуры за счет полного забвения многих прекрасных мастеров прошлого. Великие имена Ф. И. Шаляпина, Л. В. Собинова и А. В. Неждановой предстают перед нами чаще всего в некой пустоте, в которой только в последние годы поставлены около них как бы вырванные из небытия фигуры Н. Н. Фигнера и И. В. Ершова, используемые критикой больше для противопоставления (Фигнер — Ленский «с бородкой», а Собинов — Ленский «в кудрях»). Между тем принцип историзма требует разносторонней оценки полной картины вокального искусства. Не говорим уже о том, что только что названные гиганты исполнительского мастерства просто не могли бы существовать без партнеров высокого класса.

Если в истории итальянского оперного искусства тенор Э. Карузо делит славу со своими современниками А. Бончи и Ф. Де Лючия, а баритоны М. Баттистини и Т. Руффо — с А. Маджини-Колетти и А. Скотти, то же историческая справедливость требует сохранения более обстоятельной памяти о выдающихся русских певцах Г. А. Морском и Л. М. Клементьеве, И. В. Грызунове и Н. С. Ермоленко-Южиной, И. А. Алчевском и М. Н. Кузнецовой-Бенуа, В. И. Касторском и Г. А. Бакланове, как, впрочем, и обо всех тех, кто создал славу Мариинской оперы, Большого театра и Оперы Зимина. И если сегодня мы числим в своем золотом фонде записи Ф. И. Шаляпина 20—30-х годов, нельзя признать справедливым основанное на незнании забвение В. С. Розинга, гениальность которого была провозглашена Бернардом Шоу, и необыкновенного таланта М. М. Куренко, создавшей в ансамбле с А. Т. Гречаниновым шедевры камерной лирики.

Несомненно непреходящее значение записей музыкальных пьес, подготовленных исполнителями вместе с их авторами. Музыковеды всего мира тщательно исследуют грамофонные записи Ф. Таманьо, запечатлевшего в них образ Отелло, и пластинки В. Мореля с записью арий Яго и Фальстафа потому, что эти певцы были первыми интерпретаторами указанных партий, созданных ими под непосредственным руководством самого Верди. Русская фонотека располагает равноценными национальными сокровищами, сохранив фрагменты «Пиковой дамы» в интерпретации Н. Н. Фигнера и М. И. Фигнер, первых исполнителей Германа и Лизы, готовивших свой дебют в творческом общении с П. И. Чайковским, а также записи Н. Н. Фигнера из «Дубровского» и А. В. Секар-Рожанского из «Садко». И Э. Ф. Направник и Н. А. Римский-Корсаков в премьерах этих опер слышали названных певцов.

Между тем грамофонные записи хрупки. Они поддаются разрушительному воздействию времени в большей степени, нежели рукописи и книги. Существует несколько обстоятельств, способствующих их необратимой утрате.

Первое из них касается больше всего самых ранних записей. На заре века, когда грамофон еще не вошел в жизнь основательно, тиражи пластинок были мизерными. Недолговечны были и матрицы ранних дисков, отчего певцам приходилось периодически записывать одни и те же пьесы, создавая всякий раз по существу новые, но такие же малотиражные

⁵ *Нестьев И. В.* Звезды русской эстрады (Панина, Вяльцева, Плевницкая). Очерки о русских эстрадных певцах начала XX века. М., 1970, с. 98.

педевры. Именно поэтому самые ранние записи исключительно редки. А среди них первые фонограммы Ф. И. Шалипина, Л. В. Собинова, Н. Н. Фигнера, М. К. Максакова, О. О. Палечека, повторное тиражирование которых с разрушившихся матриц было уже невозможно. В известной степени это относится и к некоторым записям 1912—1914 гг., коммерческому распространению которых помешала начавшаяся вскоре война. Поэтому необычайно редкими оказались сделанные тогда некоторые фонограммы Ф. И. Шалипина, а также граммофонные пластинки Н. И. Забелы-Врубель, А. И. Мозжухина, П. Я. Курзнера. То же касается продукции маломощных граммофонных фирм, в частности первой русской фирмы Ребикова, основанной в 1902 г., но очень быстро ликвидированной под ударами мощного английского конкурента, а в ребиковских записях — и только в них — был увековечен голос основателя болгарской оперы К. И. Михайлова-Стояна.

Второе обстоятельство — технический прогресс, возникновение электрозаписи на смену акустической, а на месте электрозаписи открытие долгоиграющих дисков, отодвинувшее в прошлое старые системы акустического воспроизведения и сделавшее старую пластинку неинтересной в глазах современного слушателя, о чем уже говорилось выше.

Третье обстоятельство — истребление пластинок, активно прогрессирующее особенно теперь, когда улучшение жилищных условий и связанное с ним массовое переселение на новые квартиры понуждает людей бросать лежащие мертвым грузом тяжелые фонотеки. Временами истребление пластинок приобретало организованный характер, как это было, например, на протяжении 30-х годов и в первые послевоенные годы, когда недостаток в стране импортного шеллака возмещался сбором скрапа, т. е. битых и целых старых дисков, используемых, однако, не для изготовления новых пластинок, а в основном в пуговичном производстве. Своеобразной формой организации уничтожения этого ценнейшего источника оказывается и отсутствие в нашей стране антикварной торговли старыми дисками и граммофонами, прекращение производства граммофонных игл старого типа, иными словами, обстоятельства, превращающие бесценный диск в глазах его владельца в ненужный хлам.

Наконец, еще одно обстоятельство можно назвать решающим среди губительных для граммофонных пластинок факторов — отсутствие в стране целенаправленной работы по собиранию старых дисков государственными учреждениями культуры и связанное с ним отсутствие работы по дискографии, т. е. научному учету того, что, когда и где было записано, что из этого фонда уцелело, что составляет основные ценности звукозаписи, которые мы обязаны хранить как завещанное нам общенародное культурное достояние. Подобная работа давно ведется за рубежом, где дискография признана важной вспомогательной дисциплиной истории⁶.

Если за рубежом граммофонные пластинки давно уже наряду с книгами собираются крупнейшими государственными библиотеками и специальными архивами, а дискография получила прочную опору в создании научных обществ и издании многотомных дискографических серий⁷, у нас в стране только в последние годы сделаны лишь первые, еще робкие шаги в утверждение этой дисциплины публикацией дискографий Ф. И. Шалипина, Л. В. Собинова, Н. Н. Фигнера, Е. К. Катильской и И. С. Паторжинского⁸. Во всех случаях эти списки неполны, а порой

⁶ См., например: *L'Histoire et ses méthodes*. Paris, 1961, p. 802—819.

⁷ Назовем прежде всего организованную Дж. Р. Беннетом 11-томную (издание продолжается) серию «Voices of the Past», публикуемую в Оксфорде, а также благородную и неутомимую деятельность Дж. Денниса по изданию дискографического журнала «The Record Collector» в Ипсвиче (Великобритания).

⁸ *Боярский И. Ф.* Граммофонные записи Ф. И. Шалипина. — В кн.: Федор Иванович Шалипин. Статьи, высказывания, воспоминания о Ф. И. Шалипине, т. 2. М., 1958, с. 584—595; [*Боярский И. Ф.*] Дискография Л. В. Собинова (граммофонные и патефонные пластинки). — В кн.: Леонид Витальевич Собинов, т. 2. М., 1970, с. 427—

лишены нормальной источниковедческой основы, не содержат элементарных опорных данных, в том числе и достоверной хронологии⁹.

Существующее в нашей стране объединение коллекционеров-филофонистов не ставит перед собой научных целей, организуя главным образом собирателей современных долгоиграющих пластинок вокруг задач музыкальной пропаганды, но не ради охраны культурного наследия¹⁰. Показательно, что в адресованном издательством «Советский композитор» собирателям сборнике «Любителям грампластинки» в материалах двух его выпусков имеется только одна статья, содержащая призыв к защите старого граммофонного диска¹¹. Постоянные запросы владельцев старых дисков в «Известия», «Неделю», «Советскую культуру» и другие газеты о том, как поступить с ненужными им старыми пластинками, получают стереотипный ответ, рекомендуемый связаться с частными собирателями. И сами государственные учреждения, обязанные располагать собственными исчерпывающими дискоотеками, такие, как Всесоюзная фирма «Мелодия» или Центральное радио, в организации перезаписей и ретроспективных радиопрограмм любые — даже рядовые — материалы получают от крупнейших собирателей — И. Ф. Боярского, Ю. Б. Перепелкина, Б. В. Рудзеевского и др. Частное коллекционирование во всех других его проявлениях в конечном счете питает государственные собрания. Однако в высшей степени неопределенной остается дальнейшая судьба частных дискоотек, не заинтересовавшая пока государственные учреждения.

Очевидна в этой связи выдающаяся роль принятого в 1976 г. Закона СССР об охране и использовании памятников истории и культуры¹², который впервые ввел в число безусловно охраняемых памятников записи фольклора и музыки. Соответствующий параграф закона ориентирует на собирание старых дисков, но сама организация такого собирания требует не только неотложных административных решений, но и научных разработок, выработкой методики собирания, хранения и классификации, а также активизации работы по составлению свода сведений о существующих записях. Источником такого свода могут быть наличные частные коллекции, торговые каталоги граммофонных фирм и их летучие издания, рекламные и критические разделы дореволюционных граммофонных журналов и даже уцелевшие конверты старых дисков, на которых иногда публиковались рекламные сведения.

Поскольку даты записи и выпуска пластинок на самих дисках, за самыми редкими исключениями, не обозначались (эта дурная традиция продолжается и сейчас) и вопросы хронологии нуждаются в разрешении средствами источниковедения, настоящая статья знакомит читателя с основами дискографического источниковедения на примере продукции крупнейшей фирмы «Грамофон» («Пишущий амур»), на долю которой

432; *Котляров Ю. Ф.* Граммофонные записи Н. Н. Фигнера. — В кн.: Фигнер Н. Н. Воспоминания, письма, материалы. Л., 1968, с. 168—177; *Он же.* Звукозаписи Е. К. Катульской. — В кн.: Елена Клементьевна Катульская. М., 1973, с. 283—308; *Он же.* Звукозаписи И. С. Паторжинского. — В кн.: Иван Сергеевич Паторжинский. М., 1976, с. 246—256. В научном отношении (при некоторой ее неполноте) наиболее значительна из изданных дискография Л. В. Собинова.

⁹ Ценная публикация Беннета свода записей русского репертуара фирмы «Грамофон», составившая т. 11 его серии (1977), к сожалению, изобилует многочисленными ошибками, в том числе и принципиального характера.

¹⁰ О задачах объединения филофонистов см.: *Салганов Ю. А.* Филофония. (О коллекционировании музыкальных произведений, записанных на грампластинках и магнитофонных лентах). М., 1970.

¹¹ *Гурвич В. Е.* Рассказ коллекционера. — Любителям грампластинки. Сб. статей, вып. 2. М., 1972. Назовем также книги: *Волков-Ланниг Л. Ф.* Искусство запечатленного звука; *Он же.* Голос, сохраненный навеки. (Как записали и восстановили речи В. И. Ленина). М., 1960 — и статью: *Михайлова Г.* Приходите в среду! — В кн.: Коллекция служит людям. Л., 1973, с. 156—165 (в последней рассказывается о деятельности и коллекции Ю. Б. Перепелкина).

¹² Правда, 1976, 31 октября.

приходится основное число русских дореволюционных записей. Главные элементы источниковедческого анализа сгруппированы ниже по соответствующим рубрикам.

Величина дисков. К моменту начавшегося массового производства граммофонных пластинок был установлен единственный их стандартный размер — 7 дюймов (17,5 см). В конце 1901 г. появились первые пластинки более крупного размера — в 10 дюймов (25 см), получившие наименование «гранд» в противоположность 7-дюймовым «миньонам». Наконец, в 1904 г. началась продажа больших дисков в 12 дюймов (30 см), которые приобрели наименование «монарх» или «гигант». Естественно, запись для этих разновидностей началась несколько раньше — на «гранд» с начала 1901 г.; в частности, в России уже в 1901 г. были записаны 10-дюймовые пластинки Н. Н. Фигнера, М. И. Фигнер и Ф. И. Шаляпина. Первые записи для 12-дюймовых дисков относятся к июню 1903 г. Запись «миньонов» в России полностью прекратилась в 1907 г., хотя отдельные наиболее популярные диски этой категории продолжали тиражироваться по старым матрицам вплоть до 1915 г. (в серии «Зонофон»).

Размещение фонограммы. Поначалу все граммофонные пластинки были односторонними. Первые двусторонние диски осуществляются в серии «Зонофон», и лишь в 1909 г. фирма проводит реформу своей основной продукции, согласно которой односторонние диски сохраняются для записи только выдающихся певцов. Такую привилегию вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции из русских певцов имели только Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, А. В. Нежданова, В. П. Дамаев, Г. А. Бакланов, Л. Я. Липковская и Д. А. Смирнов, диски которых никогда не имели фонограммы на обороте (исключение составляет единственная пластинка В. П. Дамаева, записанная им в дуэте с В. Н. Петровой-Званцевой).

Наименование фирмы. Наиболее ранние пластинки 1899—1901 гг. выпущены от имени самого Э. Берлинера, и, хотя в декабре 1900 г. фирма была преобразована в акционерное общество, получив название «Gramophone and Typewriter Ltd», выпуск «берлинеров» продолжался на протяжении всего 1901 г. Начавшая свою деятельность в первые дни 1902 г. рижская фабрика «берлинеров» уже не выпускала. Компания «Грамофон» в России существовала до Октябрьской революции, базируя производство в Риге. В 1915 г. завод был эвакуирован в Москву, где было освоено новое здание на Щипке с 90 прессами и собственным гальваническим цехом. Здесь производилось тиражирование пластинок со старых матриц, также эвакуированных в Москву. В 1919 г. производство пластинок на Щипке (так же как и в других центрах, базирующихся на предприятиях фирм «Метрополь» в Апрелевке и «Патэ» на Бахметьевке) было прекращено из-за недостатка шеллачной массы, а в 1922 г. вновь возрождено уже на Бахметьевке, куда был передан и фонд матриц компании «Грамофон». Новое предприятие получило наименование «Фабрика имени Пятилетия Октября» и функционировало до 1925 г., когда было переведено на возобновившую производство фабрику в Апрелевке, которая тогда же получила название «Фабрика имени 1905 года»¹³. С образованием объединения Грампласттрест тиражирование дисков со старых матриц не прекратилось и продолжалось до начала 30-х годов, когда внедрение электрозаписи позволило в широких масштабах приступить к записыванию современных артистов. В 20-х годах новая запись была лишь эпизодической. Мы видим, таким образом, что фонд дореволюционных записей продолжает работать долгое время и после 1917 г.

С 1904 г. в рамках деятельности компании «Грамофон» начинается широкий выпуск серии пластинок дочерней фирмы «Зонофон» (пона-

¹³ Регистер Е. И. Грамофонная пластинка. Звуковые качества, технология, общие сведения. М.—Л., 1940, с. 704.

чалу бывшей самостоятельной, но затем поглощенной мощным конкурентом), для которых в основном использовались грамофоновские матрицы уже осуществленных и достаточно популярных дисков. Такое повторное тиражирование («перевод») было связано с понижением рыночной цены записи: пластинки «Зонофон» были дешевле оригинальных, хотя и были двусторонними.

Этикетка. Вплоть до начала 1902 г. выпускаемые в продажу диски не имели вклеенной этикетки, а все необходимые сведения были оттиснуты на самой массе, занимая центр диска. Такой способ является отличительным признаком всех «берлинеров».

Начиная с 1902 г. этикетки всегда вклеены в массу горячим способом. Цвет этикетки с самого начала был индикатором цены. Все диски делились на «обыкновенные» и «экстра». Для первых избирался черный цвет, для вторых — красный. Иногда отмечаются случаи переоценки дисков. Так из разряда «экстра» в 1909 г. в разряд «обыкновенных» были переведены пластинки Фигнеров, позднее — И. В. Грызунова. Напротив, первые записи Л. В. Собинова и А. В. Неждановой с черными этикетками позднее были переведены в разряд «экстра» (встречаются пластинки Неждановой, на которых новая красная этикетка наклеена поверх черной). В 1907 г. учреждается и еще более высокий разряд оранжевых (позднее розовых) этикеток для дисков Ф. И. Шаляпина, Л. В. Собинова и Д. А. Смирнова.

Цвет как обозначение цены был употреблен и для более низких, нежели «обыкновенные», разрядов записей. Так, все «зонофоновские» диски снабжены зелеными этикетками. Тот же цвет был избран для грамофоновских дисков популярного характера, а синий — для совсем дешевых пластинок в основном «народной» эстрады. Оба последних разряда стали выпускаться в продажу с 1 октября 1913 г.

Не менее важное значение имеют полиграфические признаки этикетки. До 1908 г. красный или черный фон этикетки сочетался с надписями, печатанными золотой краской. После указанного времени в разряде пластинок «Грамофон» этикетка становится полихромной, сохраняя свою традиционную композицию с изображением пишущего на диске амура.

Каталожный номер. Все пластинки «Грамофон» имеют два разных номера, оттиснутые на самом диске, в поле пластинки между этикеткой и концом фонограммы. Один из этих номеров повторен и на печатной этикетке. Этот номер называется каталожным. Именно он указывается в каталогах фирм и торговых домов как основа идентификации определенного варианта записи. Каталожная система нумерации в ее окончательном виде была введена в начале 1900 г. и основывается на следующих принципах.

В пятизначном числе, составляющем номер, первые две цифры являются индексами. Из них начальная обозначает язык записи или национальную принадлежность исполнителя-инструменталиста (2 — Россия, включая Польшу, 3 — Франция, 4 — Германия, 5 — Италия и т. д.). Вторая цифра — способ исполнения (0 — оркестр, 1 — чтение, 2 — мужской певческий голос, 3 — женский голос, 4 — вокальный ансамбль, 5 — фортепьяно и почему-то корнет, 7 — струнные и т. д.). Остальные три цифры дают порядковый номер записи в соответствующей рубрике. С появлением пластинок «гигант» в индексе стало включаться и условное обозначение их размера в виде цифры 0, ставившейся в самом начале шифра. Нумерация «грандов» и «миньонов» не имела различительной индикации. Таким образом, к примеру, № 022014 означает, что перед нами 12-дюймовый диск с записью русского мужского голоса, исполняющего сольную музыкальную пьесу.

В разряде пластинок «Зонофон» нумерация способа исполнения была та же, но индексы национальностей иные. Так, Россия обозначалась на них цифрой 6, а Италия — цифрой 9.

Очевидно, что изучение последовательности записей внутри каждой каталожной рубрики приводит к построению относительной хронологии, которая может приобрести элементы абсолютной, если мы каким-либо способом датируем отдельные ее звенья, чему способствует анализ каталогов и сведений о календарных датах записей выдающихся певцов (например, Ф. И. Шаляпина и Л. В. Собинова). Практическое значение для обобщенных датировок имеет следующее обстоятельство. Когда в одном из разрядов полностью исчерпывались возможности порядковой нумерации, т. е. число одноразрядных пластинок превышало 1000, в начале шифра помещалась дополнительная цифра: 2-, 3- и т. д. В разряде русских сольных мужских пластинок № 2-22000 появился в 1903 г., № 3-22000 — в 1906 г., № 4-22000 — в 1909 г. В разряде женских № 2-23000 — в 1905 г., ансамблевых № 2-24000 — в 1907 г. Заметим только, что в конце 1901 г., когда серия 22000—22999 была исчерпана, а описанный принцип индикации следующей серии еще не был предложен, в свет вышло свыше двухсот номеров дисков, повторивших уже употребленную нумерацию с № 22000 по № 22203¹⁴.

С началом выпуска в 1913 г. пластинок зеленой серии они получили особые трехзначные индексы: 222 — для мужских, 223 — для женских и 224 — для ансамблевых. Соответственно 12-дюймовые пластинки этой серии получали в начале шифра полагающийся им нуль.

До введения описанной системы каталожной нумерации русские пластинки, записанные в марте 1899 г., имели индекс 11 (например, 11099), а с апреля до конца того же года — индекс 20; разряды по исполнению в них не выделялись.

Когда в конце каталожного номера помещается буква «х» (или чрезвычайно редко «z»), это значит, что так помечен новый вариант записи, которая ранее уже производилась певцом и фигурировала в каталоге, но уже не могла быть тиражирована из-за порчи первоначальной матрицы. Естественно, в таких случаях мы имеем дело с самостоятельным фактом звукозаписи. Заметим, что этот принцип выдерживался весьма непоследовательно, и многие повторные варианты имеют совершенно самостоятельные номера.

Иногда в конце каталожного номера (только оттиснутого на массе, но не напечатанного на этикетке) помещаются крупные буквы «А», «М», «Р» и т. д. Так помечались повторные тиражи с одной и той же матрицы, нумерация этих тиражей выражена последовательностью букв в словах GRAMOPH. LTD.

Матричные номера. Другой номер, оттиснутый на массе диска и не повторяющийся на его этикетке, называется матричным. Он никогда не бывал отражен в торговых каталогах, поскольку интересовал только фирму, идентифицирующую по нему техника-звукооператора. Однако с источниковедческой точки зрения он, по-видимому, еще более важен. Только при помощи этого номера, в частности, простейшим способом отождествить «граммофоновские» и «зонофоновские» двойники, коль скоро каталожный номер при «переводе» оригинальных матриц на диски «Зонофон» совершенно изменялся, не отражая более хронологической последовательности записей, а знаменуя только последовательность «перевода», определяемую целиком рыночной конъюнктурой.

Еще более важен этот номер для установления фактов относительной и абсолютной хронологии. Матричные номера были закреплены за техниками персонально и (с 1904 г.) составляли «триплет», поскольку диски разного размера имели особые литерные обозначения. Так, Ф. Гайсберг, с именем которого связаны главные успехи звукозаписи первых двух

¹⁴ Нечто подобное случилось и в «зонофоновской» серии, в которой существуют два ряда одинаковых номеров с 62 300 по 62 418, но один состоит из дисков «миньон», а другой — из «грандов».

десятилетий ее существования, пользовался триплетом a/b/c. Буквой «а» метились пластинки «мишень», буквой «b» — «гранд», буквой «с» — «гигант». Следовательно, например, матричный номер 2801а означает, что помеченная им пластинка была 2801-й записью Ф. Гайсберга в разряде 7-дюймовых дисков вне зависимости от ее языка и способа исполнения. Его брат У. Гайсберг пользовался триплетом d/e/f, В. Синклер-Дарби — триплетом g/h/i, Ф. Гампе — триплетом k/l/m и т. д. До установления этой системы триплеты были иными: У Синклера-Дарби — V/x/y, у Гампе — C/z/Pr. Исчерпание возможностей алфавита позднее привело к построению сложных индексов: «ab», «ac» и т. д.¹⁵

Очевидно, что сопоставление двух систем нумерации — каталожной и матричной — содержит возможность наиболее детальных датировок, поскольку оно вводит в оборот всю сумму данных не только русского, но и зарубежного происхождения.

Иногда в конце матричного номера стоит дробная цифра $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ (например, 2871 $\frac{1}{2}$ с). Так обозначались дублированные самим певцом записи. Если в момент записывания пьеса была повторена исполнителем, на матрицах обозначалась очередность попыток: в первом случае матричный номер не имел дроби, во втором к нему добавлялась $\frac{1}{2}$, в третьем $\frac{3}{4}$. «Х» каталожных номеров в ряде случаев отражает введение в оборот таких дублей.

Номер заказа. С октября 1913 г., когда были выпущены зеленая и синяя серии «граммофоновских» пластинок, на них, кроме каталожного и матричного номеров, стали помещать (только на этикетке) также «№ заказа», единое обозначение конволюта двух сторон диска. Эти номера имели особые индексы «В» (например, В2002) для обозначения пластинок «гранд» и «Н» — для обозначения пластинок «гигант» в зеленой серии, а в синей — индекс «Р» (она состояла только из 10-дюймовых дисков). Нумерация велась отдельно по указанным индексам, а очередность заказов отражает реальную последовательность изготовления пластинок и следовательно имеет также хронологическое значение.

Не следует, однако, изложенную систему путать с обозначением «№ заказа» на дисках розовой, красной и черной серии, где такой номер тождествен каталожному на односторонних пластинках «экстра» или одному из каталожных на двусторонних «обыкновенных». В этом случае мы имеем дело с повторным тиражированием дисков со старых матриц на эвакуированной в Москву рижской фабрике в 1915—1917 и, по-видимому, даже в 1918 г. Выпущенные в условиях военного времени, эти пластинки, как правило, оттиснуты на массе плохого качества. Самые поздние образцы этой продукции снабжены лишь шаблонами этикеток, на которых ни надписи, ни номера не напечатаны, а в лучшем случае написаны карандашом.

Рассмотрение основных элементов пластинки, важных для ее хронологического определения, показывает, что только общая дискография, учитывающая все разнообразие фактов, связанных с граммофонным диском, способна привести как к учету всего зафиксированного в фонограммах звукового богатства, так и получению детальных хронологических характеристик этого источника. Проводимая автором этой статьи работа по составлению русской дискографии дореволюционного времени вряд ли может быть доведена до конца без деятельной помощи со стороны всех, кто интересуется этой темой, а по существу без организации специального научного коллектива, необходимость создания которого неизбежна, если мы действительно хотим сохранить фонд нашего фонографического наследия. В настоящее время практически завершена работа над

¹⁵ Kelly A. Rec.: Moor J. A. Voice in the Time: The Gramophone of Fred Gaisberg, 1873—1951. London, 1976.— The Record Collector (Ipswich), 1976, vol. 23, N 3—4, p. 73—90.

подготовкой свода русских записей фирмы «Граммoфон». Но масса записей осуществлялась другими русскими фирмами («Метрополь» в Москве, «Экстрафон» в Киеве, «Сирена» в Варшаве) и некоторыми зарубежными («Коламбия», «Фаворит — Бека» и др.) и менее значительными центрами, продукция которых также должна быть исследована научными методами.

Однако самой неотложной задачей сейчас является спасительное собрание. Разумеется, мы имеем в виду в первую очередь государственное собрание, создание специального центра хранения и изучения старой граммофонной пластинки. Роль такого центра лучше всего мог бы выполнять недавно созданный Центральный государственный архив звукозаписей СССР, в планах которого должна отразиться забота о пополнении фонда не только современными материалами, но и дисками первых десятилетий нашего века. Однако, подобно книге, пластинка не может быть достоянием единственного архива. Репрезентативные государственные дискотеки должны существовать в больших библиотеках и музеях, в первую очередь в театральных и музыкальных. Они должны составлять специализированные отделы архивов. Очевидно, что для того, чтобы фонд звукозаписей был собран, сохранен и мог широко использоваться для исследования, в планах развития таких учреждений нужно предусмотреть и создание специальных хранилищ, и штат специалистов.

А. А. Формозов

АРХЕОЛОГИЯ И АРХИВЫ

(К вопросу об изучении
археологической документации)

Исторические источники чаще всего делят на две группы: письменные и вещественные. Первые сосредоточены в архивах, библиотеках и изучаются «чистыми историками», архивоведами, специалистами по палеографии, дипломатике, сфрагистике. Вторые — или входят в состав музейных коллекций, или расположены под открытым небом. Это археологические памятники (курганы, городища, каменные изваяния, наскальные изображения, следы древних горных разработок и оросительных сооружений и т. п.), памятники архитектуры, здания, имеющие мемориальное значение. Их изучают археологи, историки искусств, музейеведы.

Деление это, разумеется, условно. Многие важные письменные источники открыты археологами в ходе раскопок. Таковы египетские папирусы, покрытые иероглифами, глиняные таблички с клинописью из Передней Азии, мраморные плиты с древнегреческими и латинскими надписями, новгородские берестяные грамоты. Археологи, изучающие те периоды истории, когда существовала письменность, не ограничиваются в своей работе одними материалами раскопок, а обязательно привлекают и тексты, дошедшие от исследуемой эпохи. Менее известно, какую большую роль в деятельности археолога играют сведения, содержащиеся в архивных документах. Этому вопросу и посвящена данная статья.

Археологические источники обладают одной важнейшей особенностью: раскопки, даже если они проведены на самом высоком методическом уровне, неминуемо их уничтожают. Историки еще тысячи раз будут читать произведения Геродота и Тацита, «Повесть временных лет», Декларацию прав человека и гражданина, следственные дела декабристов, но ни одному археологу не удастся второй раз раскопать Майкопский курган, Чертомлык или Солоху. В результате раскопок в руках ученых остаются, с одной стороны, найденные в древней могиле или в культурном слое предметы, а с другой — записи и чертежи, освещающие условия находки: взаиморасположение вещей в могиле, позу погребенных, конструкцию погребального сооружения, перекрытие одних объектов другими, последовательность слоев, следы жилищ и т. п.

Эти данные, даже весьма несовершенно зафиксированные много десятилетий назад, сохраняют свою ценность навсегда. Н. И. Веселовский, раскопавший в 1897 г. Майкопский курган, не потрудился зарисовать на месте ни могилу, ни размещение в ней вещей и скелетов. Все, чем мы располагаем, — это рисунок, выполненный в Петербурге по рассказу Веселовского известным художником Н. К. Рерихом. Конечно, это совсем не точное воспроизведение могилы, но закономерно, что даже этот схематический рисунок многократно перепечатывался как в русских, так и в зарубежных изданиях. Ведь, кроме коллекции находок и краткого

отчета о раскопках, это единственный документ, характеризующий памятник первостепенного значения.

По мере совершенствования научной методики некоторые сделанные в прошлом археологические находки могут быть исследованы еще не раз под новым углом зрения, например проанализированы недавно разработанными методами естественных наук. Но сведения об условиях находок, как бы они ни казались нам неполны и неточны, по-прежнему останутся для нас единственным доступным и незаменимым историческим источником. Хотя и редко, но в старых записях и чертежах со временем удается находить какие-то детали, которые не были поняты людьми, производящими раскопки, но ясны для нас. Это возможно при двух условиях: если документация составлялась тщательно, фиксировались даже детали, казавшиеся исследователю непонятными или маловажными, и если новые раскопки сходных объектов позволяют проверить старые наблюдения. Примером может служить Одесский курган бронзового века. Его раскопал в 1912 г. молодой тогда археолог А. В. Добровольский и опубликовал о нем чисто информационную заметку. Но детали были описаны добросовестно, и не выдавший кургана опытный археолог В. А. Городцов сумел по записям начинающего коллеги разобраться в последовательности захоронений и благодаря этому восстановить сложную картину смены древних племен в данном районе Причерноморья. В последние годы предложена новая интерпретация стратиграфии Одесского кургана на основе того же отчета А. В. Добровольского¹.

Бесспорное положение об утрате важной информации при раскопках без должной документации можно как будто несколько ограничить. Ведь гораздо чаще, чем с уникальными памятниками, вроде Майкопского кургана или Солохи, археологи имеют дело с рядовыми захоронениями, содержащими бедный инвентарь и более или менее стандартные по обряду захоронения. Например, рядовые могилы энеолитической ямной культуры или скифов-кочевников мало отличаются друг от друга. Находка еще одной такой «типовой могилы» не слишком нас обогатит, а утрата сведений о ней не будет катастрофой. И все-таки каждый подобный объект ценен хотя бы для статистических подсчетов, для картографирования памятников определенного типа. Новые же раскопки богатых «царских» могил никогда не дают полного повторения ранее изученных комплексов. За последнее десятилетие после долгого перерыва раскопаны новые богатые захоронения как майкопской культуры эпохи энеолита, так и скифского времени. Находки в них исключительно интересны, но Нальчикская гробница не повторяет относящиеся к той же культуре Майкопскую или Новосвободненскую и мало проясняет старые сведения о них, а скифская Гайманова могила не повторяет Чертомлык или Солоху.

Если от погребений мы перейдем к бытовым памятникам — стоянкам, селищам, городищам, древним культурным слоям в городах, возникших в античности или в средние века, то дефекты документации могут показаться восполнимыми. В отличие от курганов, бытовые памятники редко раскапываются целиком. Пусть утрачены данные о каком-то участке стоянки или городища, раскопки на соседнем участке позволят восстановить последовательность слоев, характер построек и т. д. И все же это будут данные о другом участке, тогда как разные части поселения далеко не всегда идентичны. В одном месте могли располагаться дома городской знати, в другом — жилища бедняков, в третьем — храм, в чет-

¹ Добровольский А. В. Раскопки кургана в предместье Одессы Слободка-Романовка.— Записки Одесского общества истории и древностей, 1915, XXXII, с. 121—144; Городцов В. А. Классификация погребений Одесского кургана.— В кн.: Отчет Российского исторического музея за 1915 год. М., 1917, с. 117—142; Збенович В. Г., Лесков А. М. О стратиграфии и классификации древнейших погребений Одесского кургана.— КСИА, 1969, вып. 115, с. 29—38.

вертом — пристань. Таким образом, общее положение о невосполнимости утраченных описаний археологических объектов остается в силе.

Добавим, что многие археологические памятники не дают никаких находок, но ценность их от этого не становится меньше. В 1945—1946 гг. А. В. Арциховский раскопал у подмосковного села Беседы курган, значительно превышавший по размерам обычные для этого района курганы вятичей. Никаких вещей там не было найдено, но выявились следы сторевшего погребального сооружения. Особенности его позволили сопоставить курган с аналогичными захоронениями на Среднем Дону и датировать VIII—X вв. От этого древнейшего славянского кургана в Подмоскowie остались лишь письменные материалы, отражающие процесс раскопок: планы и разрезы, записи в дневнике. Но историческая ценность этого памятника больше, чем рядового погребения женщины из племени вятичей, содержащего выигранные для экспозиции находки — серебряные семилопастные височные кольца, известные уже в сотнях экземпляров².

Весьма значительная часть погребений бронзового века в Северном Причерноморье и Нижнем Поволжье не содержит никаких вещей. Тем не менее, если на чертежах и в дневниках археологи добросовестно зафиксировали особенности погребальных сооружений, позу и ориентировку погребенных, из этих источников можно извлечь достаточно много. Докторская диссертация Н. Я. Мерперта посвящена анализу погребений ямной культуры III — начала II тысячелетия до н. э. и написана не столько по музейным коллекциям, сколько по материалам, сосредоточенным в архивах археологических учреждений. Вещи найдены едва ли в 10% могил, но, картографируя типы захоронений, Н. Я. Мерперт сумел выделить локальные варианты древней культурной общности, возможно, отражающие племенное деление населения³.

Из изложенного ясно, какое большое значение имеют для археолога зафиксированные в архивных документах данные о находках, сделанных в прошлом. При этом по мере развития археологии значение архивных материалов непрерывно растет. Когда-то господствовал антикварный подход к древностям. Ценились просто расписная «этрусская» ваза, античная гемма, меч или шлем вне зависимости от того, где и в каких условиях они найдены. Первые археологические коллекции были лишены какой-либо документации. Постепенно этот антикварный принцип изживался. Было понято, насколько больше можно узнать о прошлом, располагая данными о том, где, вместе с чем, выше и ниже чего сделана та или иная находка. Теперь основные типы древних вещей известны. Нам не так уж интересен еще один древний меч, еще одно височное кольцо, но важные условия, в которых они обнаружены.

Размах раскопок в нашей стране увеличивается с каждым годом. Этому способствуют как новостройки, в связи с которыми финансируется исследование памятников, попавших в зону строительства, так и быстрый рост кадров на местах. Во всех областных и многих районных центрах, в музеях и пединститутах есть люди, получившие право на проведение археологических раскопок. Можно утверждать, что в данный момент рост научных кадров опережает развитие издательской базы, вследствие чего нет возможности издавать отчеты обо всех раскопках. А это означает, что источниками для исследований все чаще будут материалы, хранящиеся в архивах. И если даже отчеты опубликованы, нам сплошь и рядом недостаточно содержащейся в них неминуемо обобщенной картины, а важно ознакомиться с полевыми документами — чертежами и дневни-

² Арциховский А. В. Большой Беседский курган.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 102—105.

³ Мерперт Н. Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тысячелетия до н. э.). Автореферат докт. дис. М., 1968.

ковыми записями, сделанными на месте в процессе раскопок. Все это мы должны найти в том же архиве.

С увеличением объема раскопок стремительно растет число археологических источников, что требует их регистрации, систематизации. Задача эта уже поставлена перед учеными. Возглавив в 1956 г. центральное археологическое учреждение страны — Институт археологии Академии наук СССР, академик Б. А. Рыбаков выдвинул идею издания «Свода археологических источников СССР». Одну из главных задач издания Б. А. Рыбаков видел в «наведении порядка в археологическом хозяйстве»⁴. В 1968 г. коллегия Министерства культуры СССР и Президиум Академии наук СССР вынесли решение о подготовке многотомного свода «Памятники культуры СССР». И в том и в другом издании, так же как и в публикуемых в ряде союзных и автономных республик (Белоруссия, Молдавия, Абхазия, Кабардино-Балкария) «Археологических картах», важное место должен занять максимально полный учет архивных материалов о древностях.

Рассмотрим теперь два вопроса: об интересных для археолога материалах, хранящихся в архивах неархеологических учреждений, а затем о главном археологическом архиве страны — архиве Института археологии АН СССР. Эта последовательность соответствует хронологии. Специальные археологические учреждения в России возникли только в середине XIX в. (в 1846 г. основано Русское археологическое общество в Петербурге, в 1859 г. — имп. Археологическая комиссия). Институт археологии АН СССР унаследовал архивы и этого общества, и Археологической комиссии. До середины же XIX в. сведения об археологических находках поступали в самые разные архивы — и местные, и центральные.

Археологические памятники упоминаются уже в летописях эпохи Киевской Руси, в разнообразных актах и других письменных источниках эпохи средневековья. Чаще всего курганы, городища, каменные изваяния служили ориентирами при размежевании земель. В документах XVII в. немало упоминаний о курганах и городищах связано с поисками кладов и использованием насыпной земли для изготовления селитры. Многочисленны и сообщения о древних горных разработках — «чудесных копах» на Урале и в Сибири, привлекавших внимание рудознатцев и землепроходцев⁵.

Проверка сведений средневековых источников, не раз проводившаяся в XIX в., показала, что эти сведения точны. Так, в дарственной грамоте Киево-Печерскому монастырю, приписываемой Андрею Боголюбскому, границы угодий проведены через два городища и четыре кургана: Перепет, Перепетовку, Великую могилу и курган на Невселовском поле. В середине XIX в. члены Киевской комиссии для разбора древних актов и сопровождавший их художник Тарас Шевченко отыскивали Перепет и Перепетовку. Их раскопали и обнаружили типичные скифские захоронения⁶.

Среди подобных источников, несомненно, есть и такие, где говорится об исчезнувших ныне памятниках. Во время составления «Книги большому чертежу» (1627) на многих курганах еще стояли то «человек камен», то «девка каменна». Когда в середине XIX в. ученые всерьез заинтересовались «каменными бабами», на курганах в причерноморских степях их уже не было. Статуи были оттуда сняты, расставлены вместо

⁴ Рыбаков Б. А. О корпусе археологических источников СССР. М., 1957.

⁵ Подробнее см.: Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961, с. 11—24.

⁶ Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных грамот. Киев, 1826, прибавление, с. 4; Древности, изданные временной комиссией для разбора древних актов. Киев, 1846. Вероятная дата грамоты — конец XVI—XVII в. (Шапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти Древней Руси. — В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 334).

верстовых столбов, увезены для украшения помещичьих садов, использованы как строительный материал. Поэтому для картографирования памятников данного типа указания средневековых источников чрезвычайно важны.

Начало собиранию археологических коллекций в России положили указы Петра I. Уже в первой половине XVIII в. Кунсткамера Петербургской Академии наук располагала ценным собранием древностей. Часть из них погибла при пожаре 1747 г., часть цела до сих пор. Сохранилась так называемая «сибирская коллекция» Петра I — более 200 украшений VII в. до н. э. — II в. н. э., выполненных в зверином стиле. Благодаря рисункам, сделанным в 1732—1735 гг. для предполагавшегося издания коллекций Кунсткамеры и хранящимся в ААН СССР в Ленинграде, мы знаем, как выглядели и утраченные вещи⁷, но где и при каких обстоятельствах сделаны находки, тогда мало кого интересовало. Сейчас нас волнует именно этот вопрос. Далеко не безразлично, происходит ли некий предмет из Поволжья или из Сибири.

Среди погибших при пожаре художественных произведений были изделия западноевропейских средневековых мастеров. Исходя из записи, что они поступили «из земель калмыков», В. П. Даркевич в недавней работе приурочил эти находки к Южному Уралу. Изучение сообщений начала XVIII в. показало, что это не так: вещи происходят из Семипалатинска (где тогда тоже жили калмыки)⁸.

Особенно важно решить, откуда поступила главная уцелевшая «сибирская коллекция». С XIX в. она не раз вызывала интерес русских и зарубежных ученых. Недавняя полная публикация ее, осуществленная С. И. Руденко, вскоре же была переведена на немецкий язык⁹. С. И. Руденко связывает эти находки с междуречьем Оби и Иртыша, т. е. с Северным Казахстаном и Барнаульским районом Алтая, но допускает, что часть вещей прислана с Тянь-Шаня и Тарбагатая. Высказывалось мнение, что некоторые предметы происходят и из Центрального Казахстана — из района Кокчетав и Павлодара¹⁰.

Весьма вероятно, что этот спор помогут решить поиски в архивах. Разумеется, мы не найдем там дневники раскопок или какие-либо чертежи, но отписки, с которыми находки присылались с мест сибирскому губернатору М. П. Гагарину, вполне могли содержать сведения, интересные для археологов. Кстати говоря, только недавно отыскано распоряжение Петра о присылке древностей в Петербург, не попавшее в Полное собрание законов Российской империи и предшествовавшее знаменитому указу о монстрах 1718 г.¹¹

Бесспорный интерес для археологов представляют и архивные материалы середины — второй половины XVIII в. Так, по указу 9 апреля 1771 г. землемеры должны были отмечать в своих журналах курганы, пещеры и развалины¹². Данные, содержащиеся в актах Генерального межевания, служат полезным источником для составителей археологических карт¹³.

⁷ ЛО ААН, р. IX, оп. 4.

⁸ Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). М., 1966, с. 12; Формозов А. А. Из истории Кунсткамеры. — ВИ, 1968, № 5, с. 214—216.

⁹ Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. М.—Л., 1962; Rudenko S. I. Die Sibirische Sammlung Peters I. Düsseldorf, 1964.

¹⁰ Руденко С. И. Указ. соч., с. 11, 12; Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразов А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 15.

¹¹ Завитухина М. П. Об одном архивном документе по истории сибирской коллекции Петра I. — Сообщения Государственного Эрмитажа, 1974, т. XXXIX, с. 34—36.

¹² ПСЗ I, т. XIX, № 13593.

¹³ См., например: Порфиридов С. И. Древности Казанского края в актах Генерального межевания. — Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 1904, т. XX, вып. 1—3, с. 1—16.

Но особенно важен для археологов следующий период, начало XIX в., — время патриотического подъема в годы наполеоновских войн, огромного успеха «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и общественного движения, связанного с декабристами. Тогда резко возрос интерес к национальному прошлому. Не случайно именно на эти годы падает ряд археологических находок, и сейчас служащих украшением наших музеев. Это шлем князя Ярослава Всеволодовича, брошенный им на месте Липецкой битвы (находка 1808 г., Оружейная палата), предметы IV в. из с. Концепты на Пруте (находка 1812 г., Государственный Эрмитаж), клад русских ювелирных изделий домонгольской эпохи из Старой Рязани (находка 1822 г., Оружейная палата), клад орудий и культовых предметов бронзового века из района Галича Костромской обл. (находка 1836 г., Государственный Эрмитаж). Характерно, что, в отличие от «сибирской коллекции» Петра I, все вещи уже имеют паспорт с указанием места, где они обнаружены. Несомненно, в те же годы были и другие интересные находки, сведения о которых могут сохраниться в архивах.

В 1829 г. академик П. И. Кеппен, много ездивший по стране, писал о переменах, замеченных им за 19 лет путешествий. Одна из них касалась зарождения краеведения. На глазах Кеппена в губернских и уездных городах появились любители и знатоки местных древностей и достопримечательностей. Кеппен подчеркивал, что в печати они выступали редко¹⁴. В действительности некоторые публикации краеведов начала XIX в. можно найти в журнале П. П. Свиньина «Отечественные записки». Это статьи кушца из Верховажья М. М. Мясицина по истории Ваги и Шенкурска, учителя из Новгорода-Северского И. Сбитнева, смотрителя уездных училищ Солупова о городищах Курганского уезда и даже девицы Е. Г. Зельницкой, составившей по бумагам отца статью о калужских достопамятностях¹⁵. Но, конечно, большинство записей краеведов начала XIX в. в печать не попало. кое-что, возможно, уцелело в архивах.

Наряду с краеведами работали и специальные археологические экспедиции. З. Я. Ходаковский, археолог и фольклорист, начал исследование славянских городищ и курганов. Развернулось изучение античных памятников в Северном Причерноморье. Обо всем этом при обследовании архивов мы также сможем узнать много нового. Так, в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде хранится большая — на 212 листах — рукопись замечаний Ходаковского на «Историю» Карамзина¹⁶.

Инициативу в сборе сведений о древностях проявляла и губернская администрация. В 1819 г. было напечатано «Приглашение смоленского гражданского губернатора барона Аша к отысканию и представлению старинных документов»¹⁷, содержащее весьма толковые указания по обследованию археологических памятников. Аналогичные начинания были тогда же в Бессарабии и ряде других губерний. Сообщения, поступавшие на такие запросы, не публиковались, а попадали в местные архивы.

Выявление материалов об археологических памятниках среди архивных документов важно по крайней мере в трех отношениях. Во-первых, могут найтись сведения о памятниках, обнаруженных в прошлом, а ныне не существующих, или о памятниках, сохранившихся и теперь, но почему-либо забытых археологами.

¹⁴ Кеппен Ф. П. Биография П. И. Кеппена. — Сб. ОРЯС, 1911, т. 89, № 5, с. 149.

¹⁵ Подробнее об этом см.: Формозов А. А. Первый русский историко-археологический журнал. — ВИ, 1967, № 4, с. 210.

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 2, № 1.

¹⁷ РВ на 1819 г., отд. 1, № 9—10, с. 69—79. Современный читатель знает о Казимире Ивановиче Аше по роману Л. Н. Толстого «Война и мир». Старый князь Болконский запрашивал Аша о движении Наполеона к Смоленску.

Во-вторых, могут отыскаться материалы об известных нам памятниках, отражающие их состояние 100 или 200 лет назад. Это тоже очень важно. Мы знаем древние города Херсонес или Ольвию неизмеримо лучше, чем те, кто осматривал их в XVIII или начале XIX в. Но наши предшественники видели на площади опустевших городов руины, исчезнувшие к нашему времени, разобранные на строительство окрестными жителями, затянутае землей. Поэтому пять планов Херсонеса Таврического, снятых с 1772 г. до начала XIX в., несколько чуть более поздних планов Ольвии пристально изучались археологами, раскапывавшими эти города¹⁸. Такого рода материалы в архивах, безусловно, еще есть.

Наконец, третья задача поисков — восстановление далеко не достаточно известной нам истории отечественной археологии как интересной страницы истории русской культуры. На протяжении почти 200 лет из книги в книгу переносится сообщение английского путешественника Д. Кларка о том, что изучение боспорских древностей начал во второй половине XVIII в. на Тамани русский генерал Вандервейде. В действительности, существовал инженерный начальник Фанагорийской крепости в офицерском, а не в генеральском чине по фамилии Фан-дер-Вейде. В 1801 г. П. С. Паллас назвал его покойным. Больше о нем мы ничего не знаем¹⁹. Нужны архивные поиски.

Одно из первых упоминаний об археологах в русской художественной литературе мы найдем в очерке М. Ю. Лермонтова «Кавказец» 1841 г. (Пушкин слово «археология» не употреблял; в «Родословной моего героя» Ходаковский назван им «любителем» или «ызыскателем древностей»). Лермонтов писал о военных кавказцах и о штатских, которые «занимаются археологическими открытиями»²⁰. Кого имел в виду поэт? Может быть, своего друга художника Г. Г. Гагарина или архитектора И. Бернардацци, много строившего при нем в Пятигорске и проводшего в 1829 г. экспедицию в Теберду для обследования аланских храмов X—XI вв.? Так или иначе очерки истории кавказской археологии начинаются сейчас с гораздо более поздней даты — 1849 г., с раскопок А. Фирковича в Дагестане²¹. Вопрос, одинаково интересный для археологов и литературоведов, смогут решить только архивисты.

Итак, несомненно, что в центральных и областных архивах хранятся документы, важные не только для историков, но и для археологов. Эти документы надо выявить, собрать. Но кто должен этим заняться? Казалось бы, ответ ясен: те, кто в этом заинтересован — сами археологи. Вероятно, археологи еще придут в архивы, но пока что они не имеют навыков такой работы, да и летние полевые исследования, зимой — разбор коллекций из раскопок ограничивают их во времени. Поэтому хотелось бы обратиться с просьбой к научным сотрудникам архивов и к историкам, систематически там работающим, не проходить мимо документов, которые могут представить интерес для археологов. Даже если содержащиеся в документах сведения о древностях покажутся случайными или наивными, нужно делать соответствующие выписки и присылать их в Институт археологии АН СССР.

Обратимся теперь к архиву этого учреждения. Это не единственное в нашей стране крупное собрание документов, освещающих археологию

¹⁸ *Бертге-Делягард А. Л.* Древности южной России. Раскопки Херсонеса Таврического.— Материалы по археологии России, № 12. СПб., 1903, с. 5, 6; *Карасев А. Н.* Планы Ольвии XIX в. как источник для исторической топографии города.— МИА, 1956, № 50, с. 9—34.

¹⁹ *Pallas P. S.* Bemerkungen auf einer Reise in den Südlichen Staathalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. II. Leipzig, 1801, S. 300; *Формозов А. А.* К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в.— Советская археология, 1975, № 2, с. 175.

²⁰ *Лермонтов М. Ю.* Кавказец.— Полн. собр. соч. в 5-ти т., т. IV. М.—Л., 1948, с. 164.

²¹ *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии.— МИА, 1941, № 3, с. 9; *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 26.

ческие памятники СССР и их исследование. Ценные собрания такого рода есть в институтах академий союзных республик, во многих музеях — от Государственного Исторического до межрайонного Минусинского им. Н. М. Мартыанова. Архив Института археологии АН СССР — центральный и самый большой архив определенного профиля, и на его примере можно рассмотреть задачи археологических архивов в целом.

После организации Археологической комиссии туда стали поступать отчеты о раскопках, проведенных членами комиссии и осуществленных с ее разрешения другими лицами, и о всех случайных находках древностей в пределах России. В результате за 1859—1917 гг. сложился цепнейший фонд источников (более 9 тыс. дел), полностью сохраняющих свое значение и поныне. Исчерпывающего представления о развитии археологии в России этот фонд не дает. Раскопки на частных землях комиссия не контролировала, да и на государственных раскопки нередко велись самостоятельно какими-нибудь другими учреждениями. Поэтому важные собрания документов о раскопках в России в конце XIX — начале XX в. остались в архивах провинциальных отделов Географического общества, губернских ученых архивных комиссий, музеев. Основная же масса отчетных данных поступала в Петербург. Отчеты кратки, в них мало чертежей и фотографий, но это все, что дошло до нас от работы наших предшественников.

В 1919 г. на базе Археологической комиссии была создана Академия истории материальной культуры (Российская — РАИМК, а с 1926 г. Государственная — ГАИМК). В 1937 г. ГАИМК вошла в состав Академии наук СССР в качестве Института истории материальной культуры (ИИМК), позднее переименованного в Институт археологии (ИА). Центр его сначала был в Ленинграде, а в Москве существовало отделение института (с небольшим архивом). В 1945 г. центр института был перенесен в Москву, а в Ленинграде осталось его отделение (ЛОИА).

РАИМК — ГАИМК — ИИМК — ИА АН СССР унаследовали как письменный, так и фотоархив Археологической комиссии. В послереволюционные годы в этот архив влились фонды Русского (744 дела) и Московского (1112 дел) археологических обществ, фотоархивы Петербургского археологического института, Реставрационных мастерских Главнауки и ряда других учреждений. Академия истории материальной культуры осуществляла контроль над археологическими раскопками в стране теперь уже без каких-либо исключений. Все отчеты поступали в ее архив. Было время, когда в ГАИМК, как и во всей исторической науке, поощрялись сугубо социологические работы, а анализ конкретных источников оказался в забвении. Это отразилось и на сокращении экспедиционной деятельности, и на том, что отчеты о раскопках стали предельно краткими, буквально в несколько страничек. Но уже к середине 1930-х годов положение было выправлено: отчеты должны были давать полную картину раскопок, содержать максимум чертежей и фотографий. Отражением этих тенденций был подготовленный под редакцией В. В. Гольмстен сборник «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.» (Л., 1941), где были помещены сжатые, но насыщенные фактами и богато иллюстрированные отчеты обо всех раскопках в республике за три года.

В дни героической обороны Ленинграда ученые ИИМК сохранили архив, законсервировав часть его в бронированной кладовой Эрмитажа, а часть — в особом помещении на Биржевом проспекте Васильевского острова. К 1944 г. архив был разобран и вновь открыт для посетителей.

При переносе центра института в Москву ленинградский фонд остался на месте. Отчеты о раскопках стали поступать уже не в Ленинград, а в Москву. Поскольку размах экспедиционной деятельности в СССР увеличивается с каждым сезоном, фонд московского архива за 1945—1976 гг. по числу дел стремительно догоняет ленинградский фонд

(на 1 января 1976 г. одних отчетов об экспедициях в московском архиве было 14 922).

Таким образом, археологическая документация за 1859—1944 гг. сосредоточена в Ленинграде, за 1945—1976 гг. — в Москве. Но это, конечно, лишь грубая схема. В ленинградском архиве есть документы об археологических исследованиях в России начала XIX и даже XVIII в. Таковы переписка А. Н. Оленина с разными лицами о Тмутараканском камне и документы, касающиеся раскопок и находок древностей, переданные Археологической комиссии при ее организации из министерств императорского двора, уделов, внутренних дел. В архив ЛОИА поступают отчеты о раскопках, полевые дневники, чертежи, фотографии от археологов, работающих в отделении сегодня. Фонд ГАИМК насчитывает 7760 дел, фонд ЛОИА — 7355.

Помимо официальных отчетов о раскопках, ценнейшую часть архивов в Москве и Ленинграде составляют личные фонды археологов. Значение их фондов не только и даже не столько в том, что здесь можно найти подробнейшие данные о проведенных ими раскопках. Каждый археолог за свою жизнь делает сотни зарисовок и фотографий с древних вещей, осмотренных им как в государственных, так и в иных собраниях — школьных, частных, принадлежавших краеведам и любителям. Судьба этих собраний не всегда складывается благоприятно. Школьные и частные коллекции нередко рассеиваются, депаспортизируются, теряются безвозвратно. В годы гитлеровского нашествия погибли фонды многих областных и районных музеев. Страдали они и от пожаров, краж, непонимания их ценности плохо подготовленными сотрудниками. Поэтому о значительном числе археологических находок мы теперь можем судить только по зарисовкам и фотографиям, сделанным некогда археологами²².

Любому археологу известны «корочки Спицына» — маленькие папки, в которых тематически разложены схематичные, но понятные специалистам зарисовки древних предметов, сделанные за полвека работы выдающимся исследователем прошлого нашей страны Александром Андреевичем Спицыным²³. Помимо его фонда, в архиве ЛОИА хранятся фонды таких видных ученых, как А. Н. Оленин, П. С. Савельев, Я. И. Смирнов, Н. И. Веселовский, Б. В. Фармаковский, А. А. Бобринский, А. В. Шмидт, А. А. Миллер, Н. И. Репников, В. В. Гольмстен, П. П. Ефименко, С. Н. Замятин, А. А. Иессен, Б. Л. Богаевский, А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий, В. Ф. Гайдукевич, И. И. Ляпушкин, А. Ю. Якубовский, Г. П. Сосновский, М. И. Аргамонов, Г. Ф. Корзухина, М. И. Максимова, Г. А. Бонч-Осмоловский, Т. Н. Книпович и др. (всего 55 фондов). В Москве находятся фонды А. А. Захарова, А. А. Мансурова, М. В. Воеводского, П. А. Дмитриева, С. В. Киселева, А. В. Збруевой, Т. С. Пассек, М. В. и И. А. Талицких и др.

Хранятся в архиве и рукописи многих научных работ: диссертаций, защищенных на заседаниях ученых советов, тезисов докладов на конференциях, оставшихся неопубликованными монографий (в Москве этот отдел архива насчитывает 2168 ед. хр.). Историкам следует иметь в виду, что в ГАИМК работали такие ученые, как В. В. Струве, Б. Д. Греков, С. Б. Веселовский, И. И. Смирнов, Н. П. Грацианский, С. А. Жебелев, С. И. Ковалев, Е. Г. Кагаров, К. М. Колобова, а с Русским археологическим обществом были связаны С. Ф. Платонов, П. Н. Милоков, так что в архиве ИА АН СССР немало интересных и для них материалов.

В Ленинграде есть и бесценный фотоархив. Сейчас там более 425 тыс. ед. хр. (около 186 тыс. негативов, 238 тыс. фотоотпечатков и пленки 7 кинофильмов). Сохраняются негативы и фотографии, изготов-

²² Ср.: *Вадорнов Г. И.* Архивные материалы по истории древнерусского искусства. — АЕ за 1974 год. М., 1975, с. 77—84.

²³ Описание фонда издано: *Бич О. И.* Архив А. А. Спицына. — Советская археология, 1948, т. X, с. 21—52.

ленные еще в XIX в. в Археологической комиссии (71 710 ед. хр.) и в Русском археологическом обществе. Обширен фонд ГАИМК (54 177 ед. хр.), непрерывно растет фонд ЛОИА. Тысячи памятников древности запечатлены на этих негативах и фотографиях. Многие из них служат сейчас единственным документом об исчезнувших музейных коллекциях или старинных зданиях. Кроме материалов, важных только для археологов, здесь колоссальное количество документов по истории русской архитектуры — с древнейших времен до XIX в. (фонды реставрационных мастеровских, Н. В. Султанова, П. П. Покрышкина, К. К. Романова, В. В. Суслова, Н. П. Сычева и др.). Недаром в письменный и фотоархив ЛОИА реставраторы обращаются не меньше, чем археологи. Имеются здесь и материалы, ценные для этнографов: фотографии жилищ, одежды, утвари²⁴.

Архив Института археологии ведет огромную работу: регистрируются и разбираются многочисленные новые поступления (в год поступает до 600 отчетов о раскопках, до 10 тыс. негативов и фотографий), обслуживаются посетители, составляются картотеки, справки по запросам различных учреждений, делаются микрофильмы. Советские археологи с глубоким уважением вспоминают работавших там в прошлом О. И. Бич, Т. М. Дэвель, Т. Б. Томес, с неизменной благодарностью — успешно трудящихся сегодня Т. Т. Владимирову, Э. С. Доманскую, К. М. Пескареву, которым автор выражает искреннюю признательность за консультации при написании этой статьи. Вместе с тем есть немало пожеланий на будущее.

Архив давно уже нуждается в расширении площади и числа сотрудников (сейчас четыре человека работают в Ленинграде и четыре в Москве). Не хватает рук для разбора поступающих материалов. Фонд С. Н. Замятнина, скончавшегося в 1958 г., не был разобран в Ленинграде даже в 1976 г. Отсутствие места заставляет сокращать круг материалов, принимаемых в архив: в Москве это только отчеты об экспедициях, но не полевые дневники и чертежи. А ведь основными документами являются именно записи и чертежи, сделанные в ходе раскопок. Правильно поступают в ЛОИА, требуя от сотрудников сдачи всей полевой документации.

Отчеты археологов, ведущих раскопки вне РСФСР, сдаются в академии наук союзных республик. В архив ИА попадают только копии отчетов сотрудников института, работающих в Узбекистане или Белоруссии. Между тем целесообразно было бы создать единый архив, содержащий документацию по всем раскопкам в СССР. Существует же ВГФ — Всесоюзный геологический фонд, куда идут отчеты геологов со всех концов нашей страны.

При создании централизованного архива в него должны были бы поступить и другие важные для археологов материалы: копии документов из общеисторических архивов, о которых шла речь выше, все без исключения личные фонды в полном их составе. Пока что часть из них рассеивается. Архив А. Я. Брюсова не попал в ИА, его половина сдана в Отдел рукописей ГБЛ, другая — в Отдел письменных источников Исторического музея. Не поступил в архив ЛОИА фонд крупного археолога, исследователя Пазырыкских курганов С. И. Руденко. Из большого архива Т. С. Пассек в московский архив были приняты материалы о ее исследованиях по трипольской культуре и только часть переписки. А покойная Татьяна Сергеевна была не только видным археологом, но и интереснейшим человеком, потомком герценовской «корчевской кухни» Т. П. Пассек, этнографа и статистика В. В. Пассека и гарибальдийки А. Н. Пешковой-Толливеровой, другом А. А. Ахматовой и Д. Д. Шостаковича, женой видного деятеля советского театра И. Я. Гремиславского. Другая часть ее переписки была сдана в Театральный музей им. А. А. Бахрушина, но стоило ли расчленять этот ценный фонд?

²⁴ Дэвель Т. М. Обзор коллекций фотоархива ИИМК.— Советская археология, 1950, т. XII, с. 289—336.

Более реальная и ближайшая задача — создание в Москве такой же негатеки, как в Ленинграде. Пока что она находится в зачаточном состоянии. В Ленинграде дело поставлено так, что после каждого заказа в фотолaborаторию на съемку древних вещей, чертежей, карт и т. п. заказчик получает отпечатки, а негативы передаются в фотоархив института. В Москве в аналогичных случаях негатив получает заказчик. В архив попадают случайные материалы, главным образом после смерти сотрудников. Вопрос о переходе на ленинградскую систему и в Москве уже поднят возглавившим в 1974 г. отдел полевых исследований института Д. Б. Шеловым. Будем надеяться, что и здесь постепенно образуется фотоархив, не уступающий по значению письменному архиву.

В случае расширения архива разгруженные от нескончаемой регистрационной работы сотрудники могли бы сделать много полезного. В свое время О. И. Бич и Т. Б. Томес опубликовали интересные сообщения о хранящихся в нашем архиве документах²⁵. Давно назрела необходимость в путеводителях. Для готовящегося общего обзора архивов АН СССР краткие справки по ИА составлены Т. Т. Владимировой, Э. С. Доманской и К. М. Пескаревой, но нужны более подробные справочники.

Очень нужны и картотеки. В Ленинграде некоторые подсобные картотеки (авторские, географические, по памятникам архитектуры) в архиве есть, в Москве же, кроме регистрационной, нет никаких. В любом археологическом учреждении Чехословакии и Польши имеются замечательные картотеки памятников; в одной они распределены по эпохам, в другой — по районам, в третьей — по исследователям. Каждый археолог, начинающий какую-нибудь новую работу, легко может узнать, что сделано до него, на что следует обратить внимание. У нас, к сожалению, этого нет. В 1952—1956 гг. автор настоящей статьи вел исследование стоянок каменного века в крымских пещерах. В этой работе у него было несколько предшественников. Имелись сведения о том, где расположены открытые ими стоянки, но так и не удалось выяснить, где осмотр пещер проводился без особых результатов и его не следовало повторять. В 1920-х годах Г. А. Бонч-Осмоловский обследовал 400 пещер, но было известно кое-что лишь о 16, содержавших культурные остатки. Не раз в какой-нибудь долине попадался в пещере заплывший шурф. Значит, кто-то уже побывал здесь. Но кто: Г. А. Бонч-Осмоловский, С. И. Забнин, Н. Л. Эрнст, С. Н. Бибииков, О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов? Ответа я не получил. Это печальный результат отказа от подробных отчетов в ГАИМК 1920-х — начала 1930-х годов. Если бы такие отчеты и картотеки были, не приходилось бы затрачивать даром и время и средства.

Конечно, создать картотеку памятников для такой огромной страны, как наша, неизмеримо труднее, чем для Польши или Чехословакии. И здесь нельзя полагаться на силы одних работников архивов. Это задача всех археологов СССР. Сейчас мы можем сказать, что правильную идею «наведения порядка в археологическом хозяйстве» трудно осуществить только путем издания «Свода археологических источников». Видимо, осуществлять ее можно также и путем составления сотрудниками Института археологии АН СССР картотеки памятников по определенным эпохам и территориям. Она служила бы не один год, а десятилетия многим поколениям ученых.

Разумеется, изложенные здесь соображения археолога, а не архивиста достаточно субъективны. Возможны и другие пути развития архивной базы археологии. Но исходное положение об огромной роли архивов для археологов остается неизменным, и из этого надо делать серьезные выводы.

²⁵ Бич О. И. Архивные данные о статуях, найденных в Керчи в 1850 г.— Советская археология, 1958, т. XXVIII, с. 87—90; Она же. Первые раскопки некрополя Пантикапея. Дневник раскопок П. Дюбрюкса 1816—1817 гг.— МИА, 1959, № 69, с. 296—324; Томес Т. Б. Заметки архивиста.— Советская археология, 1974, № 1, с. 240, 241.

М. Н. Воробьев, А. И. Рогов

**К ВЫХОДУ «ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СПИСКА
СЛАВЯНО-РУССКИХ РУКОПИСЕЙ XV В.,
ХРАНЯЩИХСЯ В СССР»**

(для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР)

«Предварительный список славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в СССР» (далее — ПС-XV) является продолжением работы Археографической комиссии по подготовке Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Цели ПС-XV соответствуют в основном задачам, которые решал «Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР» (далее — ПС-XIV)¹: уточнение количества славяно-русских рукописей в хранилищах СССР, определение местонахождения этих рукописей, учет печатных описаний. Полагаем, что, не претендуя на законченность, ПС-XV отражает более или менее точно количество славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в СССР.

Как известно, идея создания Сводного каталога славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР, принадлежит академику М. Н. Тихомирову, который в своих выступлениях, посвященных вопросам его создания, сформулировал основные принципы, которые легли в основу всей работы².

Публикация «Предварительного списка славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР» (составитель — к. и. н. Н. Б. Шеламанова) явилась первым шагом в деле создания Сводного каталога. В 1966 г. на расширенном бюро Археографической комиссии под председательством члена-корреспондента АН СССР В. И. Шункова было принято решение об учете славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в СССР³.

Подготовка ПС-XV была облегчена тем, что в течение работы над предшествующим ПС-XIV были накоплены определенный опыт и приемы, послужившие хорошей базой для работы над составлением ПС-XV.

При работе над ПС-XV были привлечены методические материалы, содержащиеся в двух выпусках «Методических рекомендаций» и позволяющие проводить исследования с рукописями не только XI—XIV вв., но и более позднего времени⁴.

В отличие от рукописей, вошедших в ПС-XIV, комплекс рукописей (славяно-русских), учтенных в ПС-XV, имеет свои особенности. Во-первых, для славяно-русских рукописей XV в. не составлялось ранее ни перечня, ни тем более сводного описания всех рукописей, относящихся к этому столетию. Во-вторых, число рукописей, учтенных в ПС-XV, пре-

¹ Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР до конца XIV в. включительно). — АЕ за 1965 год. М., 1966, с. 177—272.

² Изложение докладов академика М. Н. Тихомирова о принципах составления Сводного каталога на заседаниях Археографической комиссии в 1960 и 1961 гг. см.: АЕ за 1960 год. М., 1962, с. 368—369; АЕ за 1961 год. М., 1962, с. 467—471.

³ АЕ за 1971 год. М., 1972, с. 385.

⁴ Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 1. М., 1973; Методические рекоменда-

вышает число рукописей ПС-XIV более чем в 2 раза (в ПС-XV зарегистрировано около 3200 рукописей). В-третьих, имеется значительно большее число хранилищ, где находятся рукописи.

Перечисленные новые черты обусловили ход работы по составлению ПС-XV.

Сначала составлялась предварительная картотека рукописей XV в. по печатным описаниям. Затем путем запросов (по установленному Археографической комиссией образцу) были выявлены хранилища, где имеются рукописи XV в. Запросы посылались в архивы, музеи и библиотеки (научные и центральные). Объем переписки был значителен: около 900 хранилищ получили запросы Археографической комиссии⁵.

В Археографическую комиссию положительные ответы прислали следующие хранилища: Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, Центральный государственный архив древних актов, Центральный государственный исторический архив (Ленинград), Центральный государственный архив Карельской АССР, Государственный архив Калининской области, Государственный архив Костромской области, Государственный архив Псковской области, Государственный архив Ярославской области, Библиотека Академии наук СССР, Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотека Академии наук Украинской ССР (г. Львов), Государственная библиотека Казахской ССР им. А. С. Пушкина, Куйбышевская областная библиотека им. В. И. Ленина, Фундаментальная библиотека Академии наук Латвийской ССР, Центральная библиотека Академии наук Литовской ССР, Центральная научная библиотека Академии наук Украинской ССР, Горьковская областная библиотека, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения АН СССР (г. Новосибирск), Одесская государственная научная библиотека им. А. М. Горького, Ульяновская областная библиотека „Дворец книги“ им. В. И. Ленина, Харьковская государственная научная библиотека им. В. Г. Короленко, Научная библиотека Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова, Научная библиотека им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова (Ленина), Научная библиотека им. А. М. Горького Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, Научная библиотека им. А. М. Горького Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Научная библиотека Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Научная библиотека Тартуского государственного университета, Центральная научная библиотека Харьковского государственного университета, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Институт русского языка АН СССР, Матенадаран — Институт древних рукописей им. М. Маштоца при Совете Министров Армянской ССР, Владимиро-Суздальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, Вязниковский районный краеведческий музей, Горьковский историко-архитектурный музей-заповедник, Горьковский государственный художественный музей, Государственный Исторический музей, Государственные музеи Московского Кремля, Государственный музей религии и атеизма, Государственный музей Татарской АССР, Государственная Третьяковская галерея, Загорский государственный историко-архитектурный музей, Закарпатский государственный краеведческий музей, Ивановский областной краеведческий музей, Калининский областной краеведческий музей, Калужский областной краеведческий музей, Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Костромской историко-архитектурный му-

даци по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 2, в 2-х ч. М., 1976.

⁵ АЕ за 1971 год, с. 385.

зей-заповедник, Кременецкий районный краеведческий музей, Львовский государственный исторический музей, Львовский государственный музей украинского искусства, Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник, Переяславль-Залесский историко-художественный музей, Псковский историко-художественный музей, Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, Тульский областной краеведческий музей, Ярославль-Ростовский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

Для уточнения информации о рукописях XV в. сотрудники Археографической комиссии неоднократно ездили в Ленинград, Вологду, Череповец, Тотьму, Калязин, Вязники, Кострому и Саратов.

В эти хранилища посылался экземпляр размноженного на ротапринте вопросника (утвержденного Археографической комиссией), касавшегося даты, шифра, названия, материала, формата, объема (числа листов), почерка рукописей. Этот минимум сведений соответствовал в целом тем данным, которые академик М. Н. Тихомиров считал необходимыми и для «Предварительного списка»⁶. Некоторые ответы, присланные из хранилищ, содержали неусловительные сведения о рукописях, поскольку сотрудники этих хранилищ не всегда обладали необходимой квалификацией. В этих случаях запросы дублировались (всего их было послано около 3 тыс.).

После того как Археографической комиссией было принято решение о необходимости учета сведений о художественных особенностях рукописей, был проведен новый цикл переписки, результатом которой был сбор сведений о наличии в рукописях миниатюр и заставок.

Параллельно с перепиской продолжалась работа по просмотру печатных описаний рукописей. Сведения, содержащиеся в печатных описаниях, принимались за основные и корректировались на основании данных, присылаемых из хранилищ.

При выявлении существующих печатных описаний рукописей и литературы, связанной с этой проблематикой, были использованы «Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей»⁷ и книга А. И. Рогова о собраниях славяно-русских рукописей в СССР⁸. Также использовались описания собраний рукописей, отчеты о командировках в хранилища, обзоры и перечни рукописей, опубликованные в «Трудах отдела древнерусской литературы», «Записках отдела рукописей ГБЛ» и других изданиях.

В процессе просмотра печатных описаний было выявлено, что не все собрания описаны в литературе. В таких случаях приходилось ограничиваться сведениями, присланными из хранилищ. Литература с исследованиями отдельных памятников, как правило, не привлекалась.

Если печатное описание имеет дополнение или уточнение (опубликованные в печати или сделанные на машинке), то сведения, содержащиеся в этих дополнениях, обязательно учитывались. Здесь следует отметить чрезвычайно важную работу коллектива сотрудников отдела рукописей ГБЛ, подготовивших машинописные дополнения к ряду описаний.

В тех случаях, когда в печатных описаниях сведения об одной и той же рукописи противоречили друг другу (в основном это касалось датировок), то за основу принимались сведения из описаний, признанных наиболее авторитетными в хранилищах, а на другие описания давалась ссылка.

Для некоторых собраний ГИМ сведения о рукописях были взяты из инвентарных книг, поскольку печатных описаний не существует.

⁶ АЕ за 1960 год, с. 369.

⁷ Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей. Сост.: Н. Ф. Бельчиков, Ю. К. Бегунов, Н. П. Рождественский. М.—Л., 1963.

⁸ Рогов А. И. Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. М., 1968.

Хронологические рамки ПС-XV определяются первой половиной XV в. и концом XV — началом XVI в. Это мотивируется тем, что в «Предварительный список» XI—XIV вв. вошли рукописи конца XIV — начала XV в., а также тем, что точная датировка рукописей на рубеже XV—XVI вв. представляет известные трудности⁹. Уточнение датировок при помощи филигранологии (при всей важности этого метода) не могло быть произведено, так как водяные знаки большинства рукописей не выявлены, к тому же во многих местных хранилищах отсутствуют необходимые альбомы филиграней.

В ПС-XV рукописи систематизированы в следующем порядке: точно датированные рукописи XV в., расположенные по годам, и рукописи, не имеющие точной даты, — XV в. и конца XV — начала XVI в. Внутри разделов рукописи размещаются в алфавитном порядке.

Было решено отказаться от узких датировок типа «первая четверть», «начало второй четверти века» и т. п., несмотря на то что некоторые рукописи датировались именно таким образом (такую датировку часто давали современные археографы; составители прежних описаний их избегали).

Подобные стремления к точности создают, к сожалению, слишком большие возможности для появления ошибок. О ненужности и неправильности таких датировок говорил академик Д. С. Лихачев: «...неверно думать, что можно определить почерк с точностью до четверти века... Датирование почерков с точностью до четверти века не должно допускаться, пока не создана настоящая история письма»¹⁰.

Вопрос об изводе рукописей в ПС-XV оказался не менее сложным, чем в ПС-XIV. Случайный характер сведений, недостаточная компетентность сотрудников и малая изученность рукописей с точки зрения их языка побудили оставить в ПС-XV указания на извод рукописи только в тех случаях, когда он бесспорен.

Почерк у большинства рукописей определяется как полуустав. Уточнения (беглый, с элементами скорописи, переходящий в скоропись и т. п.) не учитывались, поскольку у специалистов все еще нет единого мнения по этому вопросу. На конференции по вопросам описания рукописей, состоявшейся в Ленинграде в марте 1973 г., ставился вопрос о том, как определять и классифицировать полуустав, однако никаких конкретных рекомендаций выработано не было¹¹.

В тех случаях, когда почерк рукописи определен как устав, это, разумеется, указывалось. Для XV в. характерно чрезвычайное распространение полууставного письма¹², поэтому те случаи, когда рукопись написана уставом, очень важны. В ПС-XV не содержится данных о наличии или отсутствии переплетов рукописей.

Из художественных особенностей оформления рукописей в ПС-XV оговаривается лишь наличие миниатюр и заставок, но не указывается их количество, не дается также их описание и характеристика. Формат рукописей указывается в традиционных терминах: «лист» (1°), «четверка» (4°), «восьмая» (8°) и т. д. Однако надо оговорить, что в тех случаях, когда сообщался формат, определенный в сантиметрах, приходилось пере-

⁹ Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967, с. 132. В этот период также происходит смена типа памятников (см.: Седельников А. Д. Послание от друга к другу и западнорусская книжность XV в. — Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. М., 1930, с. 237, 238). Об этом также говорил Я. С. Лурье в выступлении на конференции по вопросам описания рукописей в Ленинграде в 1971 г. (АЕ за 1971 год, с. 386).

¹⁰ Лихачев Д. С. Задачи составления методик описания славяно-русских рукописей. — АЕ за 1972 год. М., 1974, с. 240.

¹¹ АЕ за 1973 год. М., 1974, с. 323 (хроника конференции. Выступление заведующей ОР БАН д. и. н. М. В. Кукушкиной).

¹² Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, с. 171—172.

водить сантиметры в традиционные размеры, исходя не из места положения филигранны на листе рукописи, а из приблизительного расчета, в котором 25×15 см (и больше) соответствуют 1°, в пределах от 15×12 и до 25×15 см — 4° и т. д.

Названия рукописей в ПС-XV в основном унифицированы в соответствии с рекомендациями статьи Л. П. Жуковской, Н. Б. Тихомирова и Н. Б. Шеламановой «Рекомендуемые наименования памятников письменности»¹³.

ПС-XV представляет собой один из этапов в деле создания Сводного каталога. Его цель — учет (по возможности наиболее полный) рукописей; представляется важным обратить внимание на охранную функцию ПС. О значительной части рукописей нет никакой информации в научной литературе. ПС-XV, не будучи описанием, служит лишь указателем для исследователей. Но, несмотря на то что некоторые сведения о рукописях, помещенные в ПС-XV, носят предварительный характер, работа над составлением списка и анализ всего перечня рукописей позволяют сделать следующие выводы.

Центральные хранилища — ГБЛ, ГИМ, ГПБ, в которых число рукописей XV в. значительно, имеют 8—10% точно датированных рукописей от общего числа рукописей XV в. своих собраний. Под точно датированными имеются в виду рукописи, даты которых устанавливаются только на основании записи писца (идентификация почерка или другие косвенные указания не учитываются). Записи обычно кратки и не содержат каких-либо важных известий.

Наличие рукописей с точно датированными почерками позволяет поставить вопрос о возможности развернутого исследования почерков рукописей XV в. Представляется важным создание альбома образцов почерков точно датированных рукописей XV в. Это способствовало бы изучению полуустава; подобная работа также дала бы возможность проанализировать и уточнить филигранны многих рукописей.

Среди рукописей XV в. имеется довольно большое количество сборников, состав которых мало изучен, что затрудняет определение содержания, а наличие разных почерков часто усложняет датировку. Создание альбома образцов точно датированных почерков дало бы возможность более точно провести исследование этой важной части всего комплекса рукописей XV в.

В настоящей статье представляется важным сделать попытку предварительного анализа некоторых типов рукописей на основании их подсчета. Учитывая, что на данном этапе работы обрабатывать все рукописи, вошедшие в ПС, затруднительно, было решено остановиться на тех, которые предназначены в первую очередь для общественного богослужения, поскольку такие рукописи наиболее распространены. К таким рукописям относятся евангелия, апостолы, октоихи, триоди, прологи, служебники, паремейники, часословы и минеи.

Для подсчета были взяты рукописи XV в., хранящиеся в БАН, ГБЛ и ГПБ, — около 1900 рукописей, что составляет несколько больше половины всех рукописей XV в.

Примерное процентное соотношение от рукописей БАН, ГБЛ и ГПБ выглядит так: евангелия-тетр — 8%, евангелия-апракос — 3, апостолы — 2,5, апостолы-апракос — 1, октоихи — 1—1,5, триоди — 3, прологи — 4, служебники — 2, паремейники — 0,4, часословы — 0,8, минеи общие — 0,5, праздничные — 0,7, служебные — 11% (следует оговорить, что отрывок рукописи было решено считать (условно) за полную рукопись).

¹³ Жуковская Л. П., Тихомиров Н. Б., Шеламанова Н. Б. Рекомендуемые наименования памятников письменности и рукописей для славянского выпуска «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». — Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 2, ч. 1. М., 1976, с. 1—32.

Известно, что небольшое количество таких рукописей, как часословы, паремейники и минеи общие, объясняется частым и длительным использованием этих книг. Если без минеи служебных на каждый месяц можно было обойтись (в таких случаях пользовались общей и праздничной минеями), то без остальных богослужебных книг нельзя было вести церковную службу. Лучшая сохранность евангелий объясняется, с одной стороны, непродолжительным использованием книги во время богослужения (в отличие от часослова, паремейника и мией — общих и праздничных), с другой — тем, что развитие письменности в XV в. и увеличение числа монастырей и церквей обусловили появление значительного количества рукописей с текстами евангелий.

Однако если сравнить распространение евангелий в XV в. с предшествующим периодом — XIV в. (XI—XIII века дают слишком небольшое количество рукописей), то для XIV в. характерно распространение значительно большего числа евангелий-апракос (в сравнении с евангелиями-тетр), тогда как в XV в. картина меняется: евангелий-тетр почти в 3 раза больше, чем евангелий-апракос. Очевидно, что распространение евангелий-тетр отражает в известной мере рост образованности, с одной стороны, и увеличение объема книжной продукции — с другой, поскольку четвероевангелие могло использоваться не только для службы в церкви, но и для чтения (в первую очередь, конечно, в монастырях).

Если октоихи, триоди и служебники дошли до нашего времени в незначительном количестве, то прологи сохранились несколько лучше (в количественном отношении). Быть может, это следует объяснить более широким распространением этих рукописей, поскольку они использовались не только для богослужения, но и для келейного чтения (количество миней-четий для XV в. крайне невелико, и вполне вероятно, что прологи были распространены, так как содержали значительное количество житий святых). Здесь следует отметить, что в ПС-XV очень редко указываются стилизные прологи; это не соответствует, видимо, действительности, так как в описаниях рукописей стилизные прологи редко фиксировались.

Количество паремейников в XV в. приблизительно соответствует (в процентном отношении) их количеству в ПС-XIV. Однако в XV в. начинают появляться отдельные части Ветхого завета, составляя приблизительно 1,5% общего числа рукописей.

К сожалению, на данном этапе работы не представляется возможным выявить отдельные скриптории вследствие малой изученности всего комплекса рукописей XV в.

При сравнении рукописей в ПС-XIV и ПС-XV бросается в глаза, что на конец XIV — начало XV в. приходится очень незначительное число рукописей. С одной стороны, датировка рукописей этого периода представляет большие сложности, с другой стороны, здесь, возможно, сыграла известную роль гибель рукописей при нападении татар в конце XIV — начале XV в. на Москву и Владимир. Небольшое число рукописей этого периода является остатком того, что было уничтожено во время нападений (Москва в это время является центром рукописной книжности, и можно предполагать, что рукописи, созданные и хранившиеся в Москве, составляли наиболее значительную часть всего рукописного фонда конца XIV — начала XV в.).

Известная неполнота сведений и некоторые ошибки в ПС-XV, к сожалению, неизбежны. Но список носит именно предварительный характер. Работа по уточнению сведений о рукописях будет продолжена. Возможно, что некоторые рукописи будут передатированы или же будут внесены изменения в характеристики отдельных рукописей.

Выражаем искреннюю благодарность за помощь в работе над ПС-XV руководителям и научным сотрудникам рукописных отделов библиотек и архивов: М. И. Автократовой (ЦГАДА), С. В. Нефедовой (ГАУ), Н. П. Визирю (ЦНБ АН УССР), С. В. Житомирской (ГБЛ), М. В. Ку-

кушкиной (БАН), К. И. Сербиной (Архив ЛОИИ), М. В. Щепкиной, И. В. Левочкину, Т. Н. Протасевой (ГИМ), А. Г. Боннер (НБ ИГУ), С. П. Гордееву (Владими́ро-Суздальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник), И. В. Голубову (Калининский областной краеведческий музей), А. И. Грозевской (НБ Саратовского ГУ), И. А. Колобановой («Дворец книги» им. В. И. Ленина, Ульяновск), В. В. Лукьянову (Ярославль), И. Д. Мазуренко (Одесская государственная НБ им. А. М. Горького), В. И. Свенцицкой (Львовский государственный музей украинского искусства), Л. А. Творогову (Псков), А. И. Черкашину (Харьковская государственная НБ им. В. Г. Короленко).

Считаем своим долгом отметить тщательную и трудоемкую работу по составлению предварительной картотеки рукописей XV в., проведенную Б. Н. Флорей, которому выражаем свою искреннюю признательность. Приносим глубокую благодарность за советы, постоянную и большую помощь в работе над ПС-XV Е. Э. Гранстрем, В. М. Загребину, Н. Н. Розову (ГПБ), Н. Б. Тихомирову, А. А. Турилову (ГБЛ), Т. Н. Протасевой (ГИМ), О. А. Князевской, Н. Б. Шеламановой (Археографическая комиссия).

Надо надеяться, что публикация «Предварительного списка славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в СССР» будет стимулировать дальнейшую разработку этой важной проблемы отечественной археографии.

Дело изучения и охраны славяно-русских рукописей, являющихся выдающимися памятниками отечественной культуры, в настоящее время представляется особенно важным и актуальным в свете принятого недавно Закона СССР об охране и использовании памятников истории и культуры¹⁴.

Археографическая комиссия будет считать свою задачу выполненной, если предлагаемый список послужит решению этих государственных задач.

¹⁴ Правда, 1976, 31 октября.

И. В. Поздеева

**ЗАДАЧИ И ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ ЭКСПЕДИЦИЙ,
СОБИРАЮЩИХ ПАМЯТНИКИ
КИРИЛЛИЧЕСКОЙ КНИЖНОСТИ¹**

**(Из опыта работы археографов
Московского государственного университета)**

Среди многих факторов, определяющих цели, методику и структуру поисков и собирания памятников кириллической книжности «в поле», особенное принципиальное значение имеет положение о неразрывном единстве культуры человеческого общества в ее синхронном и диахронном аспектах и вытекающее из него представление о научном значении территориальных книжных собраний. И если положение о единстве культуры давно является основой любых культурологических исследований, то благодаря работам В. И. Малышева² собирание территориальных книжных коллекций стало сейчас ведущим принципом полевой археографии. Возможность составлять во время полевых работ территориальные собрания кириллической книжности обусловливается трехсотлетней историей старообрядчества. Традиционализм — один из основных принципов старообрядческого мировоззрения — определил его стремление сохранять и гальванизировать на протяжении веков древнюю культурно-психологическую среду. Основной структурообразующей частью этой среды по своей сути является книжная культура. Поэтому в определенном смысле старообрядчество и сегодня остается носителем книжной традиции средневековья.

Сохраненная замкнутыми группами носителей, эта культурно-психологическая структура в системе культуры современного общества может рассматриваться и как часть реальности эпохи, давно ушедшей, но в той или иной степени сохраненной в переосмысленном и модернизированном виде. Отсюда вытекает сложность функций каждого памятника внутри данного территориального собрания. Оценка же такого памятника как исторического источника зависит и от понимания его функций в прошлом и настоящем.

Эти положения и диктуют основные задачи археографических экспедиций, призванных параллельно с составлением территориального собрания кириллической книжности максимально полно и точно выявить и зафиксировать все историко-культурные, социальные, психологические аспекты бытования книжности в данном районе, т. е. выявить и зафиксировать археографическую стратиграфию данного территориального собрания. Но, поскольку речь идет об элементах культуры прошлого, они, так же как и сами археографические памятники, не всегда лежат на поверхности, а требуют скрупулезного поиска. Иными словами, такие полевые исследования направлены на то, чтобы поставить территориальное книжное

¹ В статье изложены основные положения доклада, прочитанного автором на Первой Всесоюзной конференции по полевой археографии, состоявшейся в Москве в декабре 1976 г.

² *Малышев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960; *Он же.* Задачи собирания древнерусских рукописей.— ТОДРЛ, т. XX. М.— Л., 1964, с. 303—332.

собрание в систему культурных и исторических связей, служащих определяющими координатами для полевого исследования кириллической книжности. Эти координаты позволяют найти для большинства памятников их собственное место не только в настоящем, но и в прошлом, возвращают книжной традиции полноту содержания, а результатам специальных исследований — локальную и историческую конкретность.

Полевая методика, с помощью которой делаются попытки решить поставленные выше задачи, вошла в практику ряда экспедиций как методика комплексных исследований. Принципы этой методики, выработанной на базе изучения наиболее сложной и традиционной кириллической книжности, очевидно, приложимы и к другим видам полевой археографической деятельности, поскольку изучение и собирание книжности любого общества и любой эпохи невозможно без учета традиции.

В высшей степени плодотворной может явиться разработка аналогичного круга проблем применительно к задачам полевой археографии в области собирания комплексов русских памятников XIX—XX вв. и древних иноязычных источников. Комплексная методика опиралась при своем возникновении на рекомендации М. Н. Тихомирова, идеи Д. С. Лихачева и громадный опыт В. И. Малышева. Элементы комплекса в конце 60-х — начале 70-х годов были введены в полевые работы сразу нескольких коллективов. Особенное значение с этой точки зрения имеют фундаментальные исследования истории и культуры русского населения Сибири, проводимые под руководством Н. Н. Покровского³.

Характер, состав и иерархия научных задач комплексного археографического исследования разрабатываются индивидуально для каждого района. Обычно эти работы в разных сочетаниях включают изучение тех аспектов истории местной культуры, которые наиболее прямо и существенно связаны с характером местной книжной традиции: это изучение истории и идеологии ее носителей; изучение устной формы словесности — фольклора и местного музыкального фольклора; исследование древней канонической музыки; местного изобразительного искусства; этнографии; социальной и исторической психологии. При этом полевые работы проводятся коллективом специалистов как системные исследования и от любых историко-культурных или историко-бытовых экспедиций отличаются тем, что в них на всех этапах работы целенаправляющим стержнем исследований остается изучение местной кириллической книжности. Необходимо уточнить сразу два положения. Во-первых, что в понятия «книжность» и «территориальное собрание», в отличие от привычных хранительских и издательских представлений, включаются и рукописная и печатная кириллическая книга, функционально равноправные внутри культуры интересующих нас эпох, и, во-вторых, что комплексная методика вовсе не является чем-то универсальным и обязательным при всех полевых работах. Существуют по крайней мере два обязательных фактора, обуславливающие как возможность, так и необходимость проведения комплексных экспедиций. Это прежде всего возможность составления в определенном историческом и географическом районе территориального собрания, достаточно репрезентативно отражающего местную кириллическую книжную культуру на разных этапах ее складывания и бытования. Репрезентативные собрания, как показали исследования В. И. Малышева, позволяют убедительно решить большинство вопросов истории местной

³ Алексеев В. Н., Дергачева-Скоп Е. И., Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К. Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР в 1965—1967 гг.— АЕ за 1968 год. М., 1969, с. 262—275; см. также: Поздеева И. В. Археографические экспедиции отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ в 1966—1967 гг.— Там же, с. 254—261; Покровский Н. Н. Методика комплексных археографических экспедиций.— В кн.: Тихомировские чтения 1970 года. М., 1970, с. 22—27 (ротапринт); Дергачева-Скоп Е. И. Выступление в прениях.— Там же, с. 179—183; Поздеева И. В. Выступление в прениях.— Там же, с. 68—80.

книги: о корнях и происхождении местной книжной культуры, ее особенностях, репертуаре, связях, условиях бытования и т. д.

Для проведения комплексных экспедиций необходимо также наличие в изучаемом районе еще достаточно компактного и неразмытого слоя носителей данного направления книжной традиции, сохранившего не только древнюю книжность, но и существенные элементы других аспектов соответствующей этой книжности историко-культурной среды.

Выявление и фиксация сохранившихся элементов среды бытования территориального книжного собрания, установление и изучение связей книжности и среды — вот научная задача комплексных полевых экспедиций. Эти условия определяют фактически и *terminus post quem*, до которого рассчитывать реконструировать книжность на полевом материале, очевидно, невозможно. И хотя мы еще находим редчайшие памятники XV и значительное количество книг XVI в., но они доходят до нас в составе книжных собраний, отражающих более поздние эпохи, и в лучшем случае могут быть осмыслены как возможные корни изучаемой книжной традиции. Общие вопросы истории книжности и ее места в структуре культуры общества для более ранних эпох ставятся и решаются рядом иных наук — от археологии и палеографии до источниковедения и литературоведения. На базе анализа полевого материала возможна постановка вопроса о характере, составе, репертуаре, истоках книжной культуры и ее развитии только со второй половины XVII в. — времени формирования старообрядческой книжной традиции.

Как показывает значительный опыт полевой археологии, в качестве начала полевых работ в ранее не исследованном районе оправдал себя метод сплошной археологической разведки.

Не касаясь самостоятельного вопроса о подготовке и организации экспедиций, упомянем только, что, как правило, подготовка сплошной разведки региона может быть разделена на несколько этапов, в результате которых составляется предварительная археологическая карта. Сначала — работа с литературой, периодикой и архивными материалами в данном научном центре; затем — областной и районный этапы, цель которых — познакомиться с фондами местных библиотек и музеев, материалами и опытом работы соответствующих советских и партийных учреждений. Необходимо также отметить, что сплошная разведка не является синонимом подворного обхода населенных пунктов — тактики, применяемой при необходимости на любом этапе полевых работ. Задача сплошной разведки — составление карты современного археологического состояния изучаемого района. Это означает выяснение для всего региона и внутри его для исторически и территориально определенных районов перспективности их с точки зрения археологических работ. Для этого необходимо, во-первых, выяснить уровень и объем сохранности книжной традиции, ее древность и характер; во-вторых, уровень сохранности историко-культурной среды, соответствующей книжной традиции; в-третьих, провести наложение данных разведки на предварительную карту района, что позволяет скорректировать историю района и разительные изменения сегодняшнего дня (при этом необходимо учитывать и завтрашний день исследуемых мест, социально-экономические перспективы их развития); в-четвертых, тщательно проведенная разведка обычно дает возможность наметить разнообразные связи носителей местной книжной традиции с другими территориями, учесть миграцию носителей книги и самой книги. Для получения необходимых материалов во время сплошной разведки используются самые разнообразные приемы работы, диктуемые конкретной историей района, а также несколькими принципиальными требованиями, определяющими при всем возможном разнообразии характер разведочных работ.

Это прежде всего необходимость познакомиться на месте с археологическим положением во всех населенных пунктах, отмеченных в резуль-

тате подготовки экспедиции на предварительной карте района. Характер этих работ также определяет правило, согласно которому при работе с живой книжной традицией целью разведки является не получение, а обнаружение и фиксация максимального количества находок, что дает возможность в те же сроки тщательно обследовать гораздо большую территорию и не вырывать памятники из их историко-культурного слоя. (Сказанное вовсе не означает, что во время разведки вообще нельзя собирать рукописную и печатную книгу.) Во время разведки также необходимо максимальное внимание к вопросам истории и современного состояния носителей традиционной кириллической книжности, к взаимоотношениям старообрядческих согласий, их связям, истории семей, системе авторитетов внутри разных групп. Задачи разведки требуют максимальной четкости поведения участников экспедиции и настойчивости в объяснении целей работы, сочетания широты поиска с попыткой проследить «до конца» хотя бы несколько возникающих «цепочек связей».

Уровень сохранности и особенности среды бытования книжности в районе выявляются параллельно основным поискам путем опроса, а также магнитофонных записей образцов говоров, фольклора, литургического чтения и пения, фотофиксации встречаемых памятников изобразительного искусства, интерьера домов и, главное, самих носителей книжной традиции. Фотоколлекции сами по себе содержат этнографическую, социальную и психологическую информацию и представляют особую ценность в сопоставлении с экспедиционными дневниками и отчетами. Уже на стадии разведочных работ полезно участие в экспедиции ученых разных специальностей.

Результаты сплошной археографической разведки дают возможность проведения археографического районирования, т. е. выделения на карте определенных районов с указанием степени их археографической перспективности. Экспедицией МГУ разработана оправдавшая себя «в поле» и принятая рядом других экспедиций классификация. Согласно ей выделяются три категории представляющих археографический интерес районов. Категория района определяется в зависимости от сохранности, степени древности, целостности, богатства и современного состояния как местной книжной традиции, так и соответствующего ей историко-культурного слоя, во-первых; от возможности проследить взаимосвязь и взаимообусловленность книжной традиции и среды ее бытования, от характера этих связей, во-вторых. Такая классификация позволяет учесть неповторимые исторически сложившиеся особенности каждого района и поставить соответствующие им индивидуальные задачи обследования.

К районам первой категории (явление достаточно редкое) относятся такие исторически сложившиеся и компактные районы, сохранность книжной традиции которых позволяет предполагать, что на их базе можно составить репрезентативное территориальное собрание местной кириллической книжности. Обычно такая сохранность книжной традиции определяется судьбами местного старообрядчества: в историческом плане — длительной замкнутостью, особенной в прошлом силой и богатством или неразрушенностью традиции, в социальном плане — сохранением элементов общины носителей данной религиозной традиции. Как правило, в районах первой категории умение грамотно читать и писать кириллицей еще достаточно распространено или было распространено совсем недавно. Наличие богатой, развитой и живой местной кириллической книжности предполагает в районе первой категории высокую степень сохранности и других элементов древней культуры, изучению которых как среды бытования территориального книжного собрания и посвящены в рамках комплекса специальные исследования. В конечном счете действительная репрезентативность территориального книжного собрания возникает как результат изучения всех материалов, полученных комплексными экспедициями.

Таким образом, применение метода комплексного исследования возможно и необходимо в полном объеме только там, где сохранился соответственный культурный комплекс, т. е. в районах первой категории.

К районам второй категории по указанной выше классификации относятся исторически и географически определенные регионы, степень сохранности кириллической книжности в которых позволяет собрать, как правило, интересную коллекцию, но не дает возможности в полном объеме проследить собственно местные традиции книжной культуры. Таким образом, самой терминологией подчеркивается необходимое различие понятий «репрезентативное собрание книжности» — для района первой категории и «территориальная книжная коллекция» — для района второй категории. Районы второй категории обычно имели в прошлом развитую и богатую книжность, которая была сравнительно недавно «размыта» или исчезла вместе с ее носителями. В таких районах сохраняются обычно отдельные элементы стратиграфии, изучение которых требует не комплексных, а отдельных специальных исследований. Их результаты, как правило, могут быть соотнесены с изучением книжной коллекции.

К районам третьей категории относятся территории, в прошлом или настоящем связанные с историей старообрядчества, но фактически не имеющие развитой кириллической книжности или ее утратившие. На их территории можно сделать только отдельные находки, случайные по отношению к книжной традиции прошлого, если таковая в районе была. По своей сущности эти находки близки к понятию «случайные находки» в археологии, т. е. вырваны из своего культурно-исторического слоя. Районы третьей категории требуют только тщательной проведенной сплошной разведки, контроля за возможной миграцией поставленных на учет книг, а при необходимости — повторных специальных выездов.

Опыт полевой работы с археографической картой, учитывающей данную классификацию, позволяет активно поддержать идею о срочности и необходимости составления такой карты на всю территорию Советского Союза и о том, что выполнение этой задачи позволит перейти от координирования полевых работ к их принципиальному планированию, что особенно важно в связи с принятием Закона СССР об охране и использовании памятников истории и культуры.

Известно, что все археографические полевые работы, за редким исключением, должны быть достаточно систематическими, т. е. развернутыми во времени. При проведении же комплексных работ важны не только сроки, но и последовательность различных исследований. Изучение истории носителей традиции, которая в той или иной степени уже известна в результате предварительной подготовки, должно быть продолжено с первых дней разведки; собрание и изучение крюкового пения также полезно развернуть сразу, а фольклора — по достижении определенного этапа других экспедиционных работ.

Системный подход, обеспеченный комплексными работами, позволяет ставить и решать новые для полевой археографии задачи. Примером таких возможностей является удачная попытка, исходя из общих представлений о пермском народном искусстве, промоделировать возможность складывания местной иллюминированной книги, стиль которой близок по своим эстетическим идеалам к местному искусству деревянной пластики. На археографической карте Пермской земли был выделен район, наиболее благоприятный с точки зрения возникновения, бытования и сохранения такой книги. В этом районе были проведены тщательные поиски — и такая книга была действительно найдена. Необходимо упомянуть еще одну задачу, которую могут и призваны решать комплексные археографические экспедиции. Ее можно сформулировать как проблему исторических судеб книжной традиции основных старообрядческих согласий.

Нередко уникальные возможности в рамках комплексных экспедиций получают представители других гуманитарных наук. Территориальное

книжное собрание служит для них источником объективной корректировки результатов полевых работ и научных выводов, сделанных на их основании. В ряде случаев это сопоставление дает возможность нового пути решения известных научных задач или постановки новых.

Естественно, проводимые в составе комплексных работ исследования разного профиля не могут полностью ориентироваться на полевую методику специальных самостоятельных экспедиций. И научные задачи и полевая методика вырабатывались в ходе экспедиции для каждого направления работ. Однако есть несколько правил, которые обеспечивают археографический характер общих исследований и в определенном смысле функциональный характер специальных задач. Первое из них было уже ранее сформулировано. На всех этапах полевой работы структура и основная тематика комплексных исследований определяются широко поставленными задачами изучения местной книжной культуры, нашедшей отражение в территориальном книжном собрании. Одним из принципов частных методик является параллельное исследование памятников книжной традиции и того или иного аспекта ее бытования. И, наконец, в процессе комплексных полевых работ исследование не может значительно отставать от сбора материала. Его результаты направляют и координируют весь комплекс полевых работ, делают все поиски целенаправленными.

Но не гибнут ли древние рукописи и книги, пока археографы ведут трудоемкие комплексные работы? В качестве весомого опровержения можно напомнить данные Д. И. Тверской⁴, сопоставившей количественные результаты различных экспедиций; признанные успехи сибирских археографов, с первых экспедиционных дней применивших элементы комплекса; успехи нового коллектива — Свердловской комплексной экспедиции. Что касается комплексных экспедиций МГУ, то за последние два года по отношению к общим находкам ими собрана треть всех древних кириллических рукописей (включая XVIII в.) вообще, половины древнейших (включая XVII в.) и 70% находок XVI в. Эти результаты объясняются, как нам представляется, именно комплексной полевой методикой, так как все специальные исследования отталкиваются от истории книги и каждый раз своим путем вновь «выходят» на книгу.

Необходимо отметить, что сегодня представляется не только возможным, но и необходимым включение в состав экспедиции на уровне сплошной разведки специалиста в области археографии нового и новейшего периодов. Предварительно, естественно, должен быть решен ряд вопросов организации этих работ и хранения полученного материала.

В результате комплексных археографических экспедиций возникает обширный комплекс разнообразных материалов: это территориальное книжное собрание или книжная коллекция, дневники и тетради находок, сотни фотографий, ящики картотек, километры фонозаписей, сотни писем. Все эти материалы неразрывно между собой связаны, точно локализованы и могут служить источником различных специальных и системных исследований в области истории и культуры. Очевидно, что они должны храниться как единое целое.

Таким образом, полевая археография в том виде, как она сегодня уже существует, имеет самостоятельный, отличный от иных областей научного знания объект, собственные научные цели и свою собственную методику исследований. Полевая археография призвана способствовать теоретически и практически решению проблем, связанных с поиском, обнаружением, фиксацией, получением, хранением и исследованием памятников реально существующей книжной традиции общества на разных этапах его развития; традиции, которая понимается как часть народной культуры соответствующей эпохи применительно к исторически, географически и хронологически данному региону и периоду.

⁴ *Тверская Д. И.* О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период. — *История СССР*, 1976, № 1, с. 106—124.

А. Б. Халидов

АРАБСКИЕ РУКОПИСИ В СССР И ИХ ИЗУЧЕНИЕ

На арабском языке существует богатая письменность — одна из богатейших в мире. Ее истоки ведут в арабские страны, но создавалась она не только там и не только арабами. В ранний период, от появления первой книги (Корана) в 30-х годах VII в. до середины VIII в., число арабских произведений и их рукописных экземпляров было, по-видимому, незначительно. Утверждение арабского языка в разнообразных сферах общественной и государственной жизни на всей территории халифата, среди многочисленных населявших его народов, большой размах переводческой деятельности, расцвет литературы, науки и религиозно-политической мысли в VIII—X вв. привели к появлению громадного количества книг и документов на этом языке. Все они, конечно, были рукописными. Во второй половине VIII в. на Ближнем Востоке произошла смена писчего материала, на место папируса и пергамена пришла бумага, и это способствовало наряду с другими причинами размножению рукописных книг.

Литературный арабский язык и рукописная книга на нем перешагнули границы областей, где когда-либо устанавливалось политическое господство арабов. На протяжении веков литературная и рукописная традиции старательно поддерживались всюду, куда проникали арабский язык и ислам. И другие конфессиональные общины на Востоке, в частности христианские и иудейские, пользовались арабским языком и вносили свою лепту в арабскую письменность.

Из рукописных книг складывались целые библиотеки, особенно крупные — в городах, которые становились на тот или иной период политическими и культурными центрами: Дамаске, Багдаде, Каире, Истанбуле (Стамбуле) и десятках других. Рукописи и библиотеки зачастую перемещались, переходили от одного к другому как дар, наследство, товар или военная добыча. Они не только создавались и умножались, но и гибли (от износа, вредителей, неблагоприятных условий хранения, стихийных бедствий) или уничтожались (во время войн, смут и грабежей).

Вплоть до конца XV в. арабские рукописные книги оставались там, где их создавали из века в век и повседневно ими пользовались. За пределы арабско-мусульманского мира арабские рукописи попадали только случайно и если сохранялись, то только в переводах, как, например, в средневековой Европе. Положение изменилось в XVI—XVII вв., когда европейские страны, вставшие на путь капиталистического развития, начали активное проникновение на Восток, а их образованные представители стали интересоваться языком и культурой восточных народов. Миссионеры и дипломаты, путешественники и торговцы стали покупать арабские рукописи и переправлять их в библиотеки и научные учреждения у себя на родине. Так возникли десятки собраний арабских рукописей в Испании, Италии, Нидерландах, Франции, Великобритании и др.

В арабско-мусульманском мире рукописная эпоха длилась свыше 1000 лет. Лишь в последние полтора столетия, когда появилось и набирало силу арабское книгопечатание, сфера употребления рукописей и круг переписываемых сочинений стали сужаться, рукописная книга отступала перед печатной, перед журналами и газетами и другими средствами массовой информации и распространения знаний. Зато подвижность рукописей усилилась, во все большем количестве они покидали традиционные места скопления и хранения (библиотеки в частных домах и дворцах, при мечетях, медресе и вакфных учреждениях) и поступали на местный и мировой рынок. Изменения политических границ и различные события социальной и культурной жизни на Востоке приводили ко все новым и новым перемещениям рукописных собраний. Наконец, в новейшее время независимые государства Востока, особенно арабские, стали проявлять заботу о рукописном наследии, принимать законодательные меры по сосредоточению рукописей в государственных хранилищах, по предотвращению их вывоза или гибели. Ныне арабские рукописи хранятся более чем в полусотне стран мира.

Что касается изучения памятников арабской письменности, прежде всего надо сказать, что определенные формы учета авторов и произведений и систематизации отраслей знания существовали на Востоке, находили отражение в биографических словарях, энциклопедических трудах, разных библиографиях и т. п. Однако библиотечные каталоги составлялись редко и представляли обычно не более чем инвентарные тетради с перечнем сочинений и авторов.

Новый шаг в изучении арабской литературы и рукописной книги был сделан в европейской науке. Именно в европейских странах (Испания, Италия, Нидерланды и т. д.) было положено начало описанию арабских рукописей в печатных каталогах, систематическому учету сохранившихся памятников арабской письменности. Первые каталоги в Европе были составлены в XVI—XVII вв., постепенно опыт каталогизации распространялся шире, применялся к возрастающему количеству рукописей, качество каталогов улучшалось благодаря положительной роли научной критики и преемственности. В то же время развивались историко-литературные исследования, критически издавались важнейшие памятники.

В странах Востока, где и теперь находится большинство арабских рукописей, каталоги издаются с конца XIX в. (Турция, Египет, Сирия), но их составление и публикация продвигаются медленно. Первоначально это были скорее инвентарные списки рукописных и печатных книг, т. е. в методическом отношении они продолжали старые традиции. Однако в последние два-три десятилетия в процессе укрепления политической независимости и становления национальных культур в странах Востока развиваются библиотечное дело и библиография, совершенствуются методы описания рукописей и выпускаются справочные пособия.

В 1953 г. Лига арабских стран учредила специальный Институт арабских рукописей; он издает с 1954 г. свой журнал «Маджаллат Ма'хад ал-махтутат», собирает фильмотеку наиболее ценных, редких и старинных рукописей из разных хранилищ, выпускает их каталоги.

В результате всей этой деятельности на протяжении 300 с лишним лет в печатных каталогах, списках и обзорах описаны более или менее подробно или просто перечислены десятки тысяч томов арабских рукописей; но все еще никак не отраженной в печати остается около половины арабского рукописного наследия. Это неудивительно, если принять во внимание массовый характер материала, его чрезвычайное обилие и разбросанность, относительно недавнее происхождение некоторой его части вследствие позднего развития книгопечатания в арабско-мусульманском мире.

Обратимся теперь к арабским рукописям Советского Союза, главному предмету настоящей статьи. В пределах СССР основными регионами рас-

пространения арабской письменности были Средняя Азия, Поволжье, Кавказ и Причерноморье. Первые надписи и документы на арабском языке появились в Средней Азии и Закавказье в начале VIII в., рукописные книги, видимо, немногим позднее. С 60-х годов VIII в. Самарканд почти 200 лет снабжал бумагой весь халифат; в X—XII вв. Бухара, Мерв и другие города имели библиотеки с тысячами томов арабских рукописных книг. И в более поздние эпохи, вплоть до начала XX в., арабский язык соперничал с литературными фарси и тюрки¹ и удерживал позиции как язык науки, юриспруденции, религии и школы.

Среди авторов арабских сочинений было много представителей народов нашей страны, уроженцев названных регионов. Достаточно вспомнить такие имена, как ал-Фараби, ал-Бируни, Ибн-Сина (Авиценна), ал-Бухари, аз-Замахшари, ас-Саккаки, ал-Фаргани, ас-Сам'ани, ал-Маргинани, — несколько самых знаменитых среди сотен других. Место переписки большого числа арабских рукописей связано с территорией СССР, и их изучение — важная задача советской науки.

В России ранний этап сбора и изучения арабских рукописей в научных целях относится к XIX в. и связан прежде всего с деятельностью четырех учреждений Петербурга: Азиатского музея Академии наук, Публичной библиотеки, Учебного отделения Министерства иностранных дел и факультета восточных языков Петербургского университета. В них стекалось большинство рукописей, собранных русскими востоковедами, дипломатами, путешественниками, коллекционерами-любителями, военными и гражданскими чиновниками. Насколько позволяли скромные ассигнования, эти учреждения время от времени пополняли свои фонды, приобретая рукописи на книжных рынках Востока и Запада, заказывая копии из других хранилищ мира, посылая своих представителей на поиски и покупку рукописей.

Именно собрания восточных рукописей этих четырех учреждений послужили основной базой дореволюционной русской арабистики и исламоведения, их освещению посвятили десятки статей и несколько каталогов и аннотированных списков академики Х. Д. Френ, Б. А. Дорн, В. Р. Розен, К. Г. Залеман, В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский и ряд других выдающихся востоковедов. Многие их историко-литературные, текстологические и источниковедческие труды основаны на рукописях из собраний Петербурга—Ленинграда. Поскольку эти собрания складывались на протяжении длительного периода, из многочисленных отдельных поступлений, состоявших нередко из единичных экземпляров или небольших групп рукописей, а посвященная им литература весьма обширна и разнородна, их подробное перечисление потребовало бы слишком много места. Ограничимся главными вехами пополнения ленинградских рукописных собраний в арабской их части и важнейшими трудами археографического плана.

Роль центрального учреждения страны по сбору, хранению и изучению восточных рукописей в течение всего XIX — первой половины XX в. принадлежала Азиатскому музею Академии наук, основанному в 1818 г. К этому времени Академия наук уже располагала незначительным числом рукописей арабской графики, точных сведений о которых не сохранилось; они слились потом с другими поступлениями. В 1819 г. русское правительство купило у бывшего французского консула в Халебе Ж. Л. Руссо коллекцию из 500 томов рукописей и передало в Азиатский музей. В 1825 г. Руссо продал свои оставшиеся 200 рукописей, которые также были приобретены для Азиатского музея. Обе коллекции включали ряд странных и редких арабских, персидских и тюркских рукописей, собранных в конце XVIII — начале XIX в. на Ближнем Вос-

¹ Оба языка пользовались арабским алфавитом и имеют много заимствований из арабского.

токе. Из 700 томов около 470 целиком или частично содержали сочинения на арабском языке.

Стараниями первого директора Х. Д. Френа (1782—1851) фонды Азиатского музея систематически пополнялись; в частности, поступления 1819—1821, 1826, 1828, 1834, 1837—1839 гг. принесли свыше 100 арабских рукописей, и за время деятельности Френа их число достигло примерно 600. Правда, и в дальнейшем, вплоть до 1915 г., крупных поступлений, которые могли бы сравниться с коллекциями Руссо, не наблюдалось. Но в составе нескольких десятков различных коллекций Азиатский музей приобрел еще около 200 арабских рукописей. 1915—1917 годы ознаменовались большим притоком рукописей в Азиатский музей, в результате чего число арабских в нем возросло в 2—3 раза. В. А. Иванов за две поездки в Бухару доставил 1057 томов, среди которых преобладали арабские. Посылки С. В. Тер-Аветисяна из района озера Ван принесли более 1000 единиц арабских произведений.

Второе собрание восточных рукописей в Петербурге сложилось при Публичной библиотеке. Здесь в 1813 г., т. е. за год до официального открытия библиотеки, хранились 42 арабские рукописи, в основном из собрания П. П. Дубровского. В 1828 г. поступили рукописи из ардебильской мечети, в 1829 г. — из Ахалцихе (192 рукописи, в том числе 173 арабские), Баязита и Эрзерума; к 1852 г. число арабских рукописей достигло 247. В 1858 г. из коллекции К. Тишендорфа поступило несколько христианско-арабских рукописей и фрагментов, в 1864 г. были приобретены коллекции Ж. Ж. Марсея (фрагменты Корана почерком куфи) и Н. В. Ханькова (30 арабских рукописей); в 1876 г. поступили большая партия рукописей из Средней Азии от К. П. Кауфмана и собрание караимского путешественника А. С. Фирковича, содержащее более 500 фрагментов арабских рукописей X—XIX вв., свыше 200 арабских документов XII—XIX вв., а также несколько рукописей и более 200 фрагментов арабских сочинений в еврейской транскрипции; коллекция епископа Порфирия Успенского (1883 г.) и архимандрита Антонина (А. Ф. Капустина, 1899 г.) дополнили библиотеку христианско-арабскими рукописями.

Также в первой половине XIX в. начало формироваться собрание рукописей при Учебном отделении МИД (основано в 1823 г.). Наиболее ценные арабские рукописи поступили сюда в составе коллекций А. Я. Италинского и П. П. Сухтелена. Впоследствии к ним добавились рукописи, подаренные преподавателями и бывшими питомцами Учебного отделения, и к 1877 г. число арабских рукописей достигло 229. В 1919 г. это собрание было передано в Азиатский музей. Тогда оно насчитывало около 250 арабских рукописей.

В 1855 г. был открыт факультет восточных языков при Петербургском университете, и в том же году в его библиотеку было передано из Казанского университета собрание из 178 рукописей, преимущественно арабских. Вместе со старым фондом (существовал с 1845 г.) и коллекцией Казанской гимназической библиотеки (передана в 1846 г.) эти рукописи положили начало рукописному собранию библиотеки Восточного факультета. Оно обогатилось потом рукописями, поступавшими от его профессоров А. К. Казембека, М. А. Тантави, А. О. Мухлинского, В. Ф. Гиргаса, Н. И. Веселовского, В. А. Жуковского, И. Ю. Крачковского, А. А. Ромаскевича.

После Великой Октябрьской социалистической революции произошло новое обогащение фондов восточных рукописей в ленинградских хранилищах. Азиатский музей пополнялся сначала благодаря перемещению в него восточных рукописей из других учреждений. Кроме упомянутых рукописей из библиотеки Учебного отделения МИД, в Азиатский музей перешли 42 тома почти сплошь христианско-арабских рукописей патриарха антиохийского Григория IV, которые поступили в 1913 г. и хранились

в библиотеке Зимнего дворца. Позднее, в 1934—1936 гг., археографическая экспедиция созданного на базе Азиатского музея ИВ АН СССР доставила много рукописей из Поволжья (1534 арабские); были приобретены в разные годы коллекции из Казани, Астрахани, Баку, Дагестана, Таджикистана, а также получены из недолго просуществовавшего Института книги, документа, письма АН СССР (бывшее собрание Н. П. Лихачева), из Музея истории религии, БАН и др. Общее количество арабских рукописей в Институте востоковедения АН СССР (с 1936 г. — его Ленинградском отделении) достигло примерно 5 тыс. томов.

Собрание ГПБ пополнялось в эти годы не так интенсивно; можно отметить только приобретения от А. И. Тамаева в 1939 г. (48 арабских рукописей), из Казани в 1964 г. (80 арабских) и от В. А. Крачковской в 1972 г. (63 арабские). Всего фонд стал насчитывать около 1500 арабских рукописей, фрагментов и документов. Университетское собрание пополнилось совсем незначительно, и общее число арабских рукописей в нем достигло 800 единиц. Ослабление притока арабских рукописей в ленинградские собрания за последние десятилетия произошло по вполне понятным причинам: во всех республиках Советского Союза стали складываться новые и укрупняться прежние хранилища рукописей, а поступления из зарубежных стран и прежде были редки.

Заслуживают, наконец, отдельного упоминания небольшие коллекции фрагментарных арабских текстов на папирусе: 75 единиц в Государственном Эрмитаже (поступили от В. Г. Бока), 95 — в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (поступили от Б. А. Тураева и Н. П. Лихачева).

Научная разработка арабских рукописей Петербурга — Ленинграда велась по мере их накопления востоковедами разных поколений. Х. Д. Френ первым оценил научное значение того комплекса важнейших арабских сочинений, который был представлен тогда в собраниях Азиатского музея и Публичной библиотеки. Он выступил в газете «Санкт-Петербургские ведомости» с обзорами первой² и второй³ коллекций Руссо и ряда других поступлений в оба учреждения⁴, всячески пропагандируя их сокровища, регулярно докладывал на заседаниях Академии наук о новых поступлениях⁵.

Опыт создания первого в России научного каталога рукописей арабской графики также принадлежит Х. Д. Френу. Около 1830 г. он закончил предварительную обработку соответствующего фонда Азиатского музея и составил на латыни инвентарный каталог, в котором распределил рукописи по девяти тематическим разделам, а внутри разделов сгруппировал по языкам. Таким образом, каждая рукопись получила в инвентарном каталоге свой порядковый номер, который и стал ее шифром. Этот каталог не был завершен и не вышел в свет, но он закрепил существовавшие слитного фонда разноязычных рукописей, определив систему шифров и расположение в хранилище.

² Френ Х. Д. Предварительное донесение о важном обогащении в нынешнем году арабскими, персидскими и турецкими рукописями Азиатского музея С.-Петербургской Академии наук, с показанием расположения одного, и о прежних его сокровищах. — С.-Петербургские ведомости, 1819, № 93, Прибавление. Статья была напечатана по-русски и по-немецки (Савельев П. С. О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855, с. 62, № 31 и 32), как и многие другие статьи Френа, она была переиздана: Dorn B. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. SPb., 1846, S. 201—216 (далее — As. Mus.).

³ Fraehn Ch. M. Vorläufiger Bericht über eine neue bedeutende Bereicherung des orientalischen Manuscripten-Apparats der Kais. Akademie der Wissenschaften. — As. Mus., S. 279—294.

⁴ As. Mus., S. 352—373, 378—385, 429, 444 (пространные названия небольших по объему статей и сообщений опускаем).

⁵ Отчеты о заседаниях и тексты докладов печатались, см.: As. Mus., S. 29, 34, 49, 52—53, 68, 77, 83, 89, 218—219, 253, 450—452, 540, 745—749.

Кроме того, Френ систематически использовал петербургские рукописи в своих исследованиях. В первую очередь его привлекали материалы о пародах Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии, содержащиеся в географических, исторических и энциклопедических сочинениях IX—XV вв. Работами «О русских и хазарах», «О башкирах» и рядом других⁶, в особенности капитальным исследованием об Ибн-Фадладе⁷, Френ заложил плодотворное направление русской арабистики — изучение арабских источников по средневековой истории России и сопредельных стран.

Сменив Френа на посту директора Азиатского музея, иранист Б. А. Дорн (1805—1881) продолжил во многом работы своего предшественника: регулярно публиковал сообщения о новых поступлениях в Азиатский музей и Публичную библиотеку⁸ и начал готовить каталоги. Под его редакцией был опубликован каталог восточных рукописей Публичной библиотеки⁹, но его материалы к каталогу рукописей Азиатского музея остались лежать в архиве.

Выход в свет первых каталогов, посвященных специально арабским рукописям, связан с именем В. Р. Розена (1849—1908), основателя целой научной школы. Сначала он дал систематическое описание арабских рукописей библиотеки Учебного отделения МИД¹⁰, а затем — 300 томов рукописей Азиатского музея¹¹. Ему и К. Г. Залеману принадлежит печатный список восточных рукописей в университетском собрании¹². Залеман, будучи директором Азиатского музея в 1890—1916 гг., публиковал краткие сведения о новых поступлениях в него¹³ и намеревался также подготовить каталог. В конце 1916 г. он скончался, смерть его «настигла среди работ по определению и регистрации вновь поступивших мусульманских рукописей»¹⁴.

Эстафета работы над арабскими рукописями ленинградских собраний перешла к И. Ю. Крачковскому. Он начал с печатной информации о новых поступлениях в Азиатский музей: составил список всех арабских рукописей Ванской коллекции и описал рукописи патриарха Григория IV, опубликовал статьи об особенно примечательных экземплярах из Бухарской коллекции¹⁵. И. Ю. Крачковскому (1883—1951) принад-

⁶ Их полный перечень см.: *Савельев П. С.* О жизни и ученых трудах Френа, с. 61—75, № 29, 33, 35, 36, 59, 126, 128, 129, 131, 162.

⁷ *Frähn C. M.* Ibn Fozzlau's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. Text und Übersetzungen nebst drei Beilage. SPb., 1823.

⁸ Взяв, вероятно, за образец упомянутый каталог Френа, Дорн составлял систематические описания рукописей, печатавшиеся обычно в «Известиях Академии наук» и затем повторно в серии сборников «Mélanges asiatiques» (т. I—XVI. SPb., 1852—1892), на которые и ссылаемся: т. II, с. 53—60; т. III, с. 49, 492—501, 725—734; т. IV, с. 34—54, 473, 498; т. V, с. 221—313; 455, 457; т. VI, с. 90—110, 116, 125—126, 671—677; т. VII, с. 397—399; т. VIII, с. 189—190.

⁹ *Catologue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Imperiale Publique de St. Petersburg.* SPb., 1852 (включает описание 247 арабских рукописей).

¹⁰ *Rosen V.* Les manuscrits arabes de l'Institut des langues orientales. SPb., 1877 (Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des Affaires étrangères, t. I). Включает описание 229 рукописей; еще 4 описаны в т. VI той же серии, вышедшем в 1891 г.

¹¹ *Rosen V. R.* Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique. SPb., 1881. Второй выпуск каталога не был закончен.

¹² *Залеман К., Розен В.* Список персидским, турецко-татарским и арабским рукописям Библиотеки СПб. университета.— ЗВО РАО, 1888, т. 2, с. 241—262; 1889, т. 3, вып. 3, с. 197—222; отд. оттиск с латинским заглавием. СПб., 1888.

¹³ *Melanges asiatiques*, т. X, с. 271—292; ИАН, V серия, 1898, т. 8, с. VI—XVIII; 1901, т. 14, с. XXI—XXIII; т. 15, с. XVI—XVII; VI серия, 1907, т. 1, № 18, с. 799—802; 1908, т. 2, № 18, с. 1297—1302; 1909, т. 3, № 12, с. 815—816; 1911, т. 5, № 4, с. 251—265; 1912, т. 6, № 14, с. 861—870; 1913, т. 7, № 14, с. 801, 803—804.

¹⁴ Отчет о деятельности Азиатского музея за 1916 г. Пг., 1917, с. 1.

¹⁵ *Крачковский И. Ю.* Арабские рукописи, поступившие в Азиатский музей Российской Академии наук с Кавказского фронта.— ИАН, VI серия, 1917, т. 11, № 13, с. 913—949; *Он же.* Арабские рукописи из собрания Григория IV, патриарха антиохийского. (Краткая опись).— Христианский Восток, т. 7, с. 1—20 (отд. оттиск из

лежат ряд статей, заметок и небольших монографий с описанием и исследованием арабских рукописей всех трех ленинградских собраний¹⁶, а также знаменитая популярная книга «Над арабскими рукописями».

В 20—30-х годах были опубликованы работы, посвященные арабским рукописям Ленинграда, советских востоковедов А. А. Ромаскевича, В. А. Эбермана, В. И. Беляева, А. Я. Борисова, М. А. Салье, С. Л. Волина. Не перечисляя всех, отметим продолжение списка университетских рукописей, аннотированный список арабской части Бухарской коллекции (В. А. Иванова) и описание бывшей коллекции Н. П. Лихачева, перешедшей потом в Институт востоковедения, обзор арабско-еврейских рукописей ГПБ, статью об арабских папирусах в Москве и Ленинграде¹⁷.

В послевоенный период начиная с 50-х годов вышли обзорные статьи об арабских рукописях ИВАН и ЛГУ, три выпуска подробного каталога Института востоковедения, обзор новых коллекций Публичной библиотеки¹⁸, а также ряд исследований и публикаций текстов, основанных на арабских рукописях из ленинградских хранилищ.

Самое большое число арабских рукописей в СССР сосредоточено в Институте востоковедения им. Бируни АН Узбекской ССР в Ташкенте. Рукописи арабской графики образуют здесь единый фонд, который все время пополняется. Число томов достигло примерно 17 тыс., а отдельных произведений — около 50 тыс., около половины из них — на арабском языке. Кроме того, здесь находится около 3 тыс. единиц актового материала.

Первоначально этот фонд складывался при Туркестанской публичной библиотеке (основана в 1870 г.), в 1943 г. передан Институту по изучению рукописей АН Узбекской ССР, преобразованному в 1950 г. в Институт востоковедения АН Узбекской ССР. По каталогу Каля 1889 г.¹⁹, в Публичной библиотеке было 87 рукописей, в том числе 7 арабских.

невыведшего тома. Л., 1924); *Он же*. Новая рукопись стихотворений Зу-р-Руммы.— ИАН, VI серия, 1918, т. 12, № 6, с. 369—380; *Он же*. Диван Зу-р-Руммы и петроградская рукопись.— ИАН, VI серия, 1923, т. 17, № 1—18, с. 149—156; *Он же*. Рукопись *Destructio philosophorum* ал-Газали в Азиатском музее.— ДАН. Серия В, 1925, с. 47—49.

¹⁶ Большинство их, как и названные выше, перепечатаны в его Избранных сочинениях (т. I, II, VI. М.—Л., 1955—1960), остальные перечислены в библиографических справках к этим томам.

¹⁷ Ромаскевич А. А. Список персидских, турецко-татарских и арабских рукописей Библиотеки Петроградского университета.— Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук, т. I. Л., 1925, с. 353—374; отд. оттиск с латинским заглавием. Л., 1925; Беляев В. И. Арабские рукописи Бухарской коллекции Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР. Л., 1932 (ТИВАН, II); *Он же*. Арабская рукописная книга в собрании Института книги, документа, письма Академии наук СССР. М.—Л., 1936; Борисов А. Я. Мус'тазилитские рукописи Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде.— Библиография Востока, 1935, вып. 8—9, с. 69—95; *Он же*. Об открытых в Ленинграде мус'тазилитских рукописях и их значении для истории мусульманской мысли.— Труды Первой сессии арабистов. 14—17 июня 1935 г. (ТИВАН, XXIIV). М.—Л., 1937, с. 113—125; Беляев В. И. Собрания арабских папирусов в Москве и Ленинграде.— Труды Второй сессии Ассоциации арабистов. 19—23 октября 1937 г. (ТИВАН, XXXVI). М.—Л., 1941, с. 71—80.

¹⁸ Беляев В. И. Арабские рукописи в собрании Института востоковедения АН СССР.— Ученые записки ИВАН. 1953, VI, с. 54—103; Беляев В. И., Булгаков П. Г. Арабские рукописи собрания Ленинградского гос. университета.— В кн.: Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Л., 1958, с. 21—35; Каталог арабских рукописей Института народов Азии АН СССР, вып. 1. Халидов А. Б. Художественная проза. М., 1960; вып. 2. Михайлова А. И. Географические сочинения. М., 1961; вып. 3. *Она же*. История. М., 1965; *Она же*. Обзор арабских рукописей «новой серии» Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— Восточный сборник, 1972, вып. 3, с. 43—60. Составляется каталог всех арабских рукописей ГПБ (В. В. Лебедев).

¹⁹ Каля Е. Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки. Ташкент, 1889.

В 1898 г. сюда поступили конфискованная библиотека минтюбинского ишана Мухаммад Али-халфа Сабирова (194 рукописи), затем собрания Джурабека, кади Мухйиддина, Н. Ф. Петровского. В 1912 г. было отмечено уже 318 рукописей. После очередной поездки в Среднюю Азию в 1925 г. академик В. В. Бартольд опубликовал сведения о целом ряде рукописей из этой библиотеки²⁰, не выделяя специально арабские. По инвентарю 1930—1931 гг. в ней числилось уже 1025 рукописей; в 1932 г. поступила коллекция В. Л. Вяткина (190 томов)²¹.

Рукописное собрание Публичной библиотеки в Ташкенте пополнялось особенно интенсивно после 1933 г., когда были объединены республиканские рукописные фонды. В 1934 г. поступили коллекции Рахманова (148 томов), А. Фитрата (150), Х. Зарифова (40); в 1936 г. — Шарифджана Махдума Зийа (300); в 1938 г. была вывезена из Самарканда часть книг и рукописей бывшей Бухарской центральной библиотеки и поступило частное собрание самаркандского медика Г. М. Семенова (около 130 единиц). Всего в 1933—1938 гг. поступило около 3300 рукописей. В дальнейшем была налажена регулярная работа по выявлению и приобретению рукописей у населения республики, продолжалось и объединение фондов разных учреждений.

Каталогизация рукописей была начата коллективом специалистов, работавших сначала в Государственной публичной библиотеке Узбекской ССР, потом в Институте по изучению рукописей АН УзССР под руководством А. А. Семенова, и значительно продвинулась в 1944—1945 гг. при участии ленинградских востоковедов, пользовавшихся гостеприимством жителей Ташкента во время эвакуации²². Позднее работа продолжалась группой сотрудников при том же руководителе, и в 1952 г. был наконец опубликован т. 1 каталога²³. С тех пор вышло в свет еще 9 томов в 1954—1975 гг. Каталог является одним из самых фундаментальных в советском востоковедении.

Принципы, положенные в основу этого каталога, как и состав его участников и редакторов, менялись на протяжении долгих лет его подготовки и издания. С т. 1 он выходил как тематический и охватывал рукописи арабской графики на языках арабском, персидско-таджикском, пушту, урду, тюркских; внутри тематических рубрик описания располагались в хронологическом порядке по датам сочинений и рукописей. Однако фронт подготовительных работ был узок, а количество материала — велико. Классификация рукописей (как прежних, так и новых поступлений) по языкам и темам, их идентификация и датировка продолжались параллельно с изданием готовых частей каталога, поэтому в последующих томах составителям приходилось возвращаться к тем тематическим разделам и сочинениям, которые освещались в ранее опубликованных. Существенный недостаток состоял в том, что описания располагались без учета такого важного критерия, как язык сочинения. Наблюдались колебания в подходе к описанию, отбору необходимых данных о рукописи и в последовательности их изложения; перечень использованных справочников пополнялся от тома к тому, но в использовании их сведений порой проявлялась непоследовательность; все это не могло не сказаться на общем плане каталога.

²⁰ Бартольд В. В. Занятия в туркестанских библиотеках и музеях летом 1925 года.— ИАН, VI серия, 1926, т. 20, № 3-4, с. 217—236; *Он же*. Туркестанская государственная библиотека и местная мусульманская печать.— Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук, т. I, с. 97—105.

²¹ [Сергеев В. С.] Перечень восточных рукописей В. Л. Вяткина в Государственной публичной библиотеке УзССР.— Труды ГИБ УзССР, т. I. Ташкент, 1935, с. 60—91 (названы 19 арабских и 4 арабско-персидские рукописи).

²² Это арабисты В. И. Беляев и К. Б. Старкова, иранисты Н. Д. Миклухо-Маклай и О. И. Смирнова, тюркологи А. Н. Кононов и А. С. Тверитинова.

²³ Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР, т. 1. Ташкент, 1952.

Том 7 посвящен только тюркским рукописям и содержит указатели, которые включают сведения о всех тюркских рукописях, описанных в более ранних томах; аналогичным образом построен т. 8, посвященный персидско-таджикским рукописям. Наименьшее внимание было уделено арабским рукописям: всего их описано в первых шести томах 1227 единиц — непропорционально малая часть общего их числа в этом фонде. Том каталога, специально посвященный арабским рукописям (о нем говорится в предисловии к т. 7), все еще не вышел в свет.

Собранию рукописей Института востоковедения АН УзССР посвящено также несколько обзорных статей²⁴, о наиболее примечательных арабских рукописях в его составе опубликован ряд специальных исследований.

Отдельное собрание имеет Ташкентский (бывш. Среднеазиатский) государственный университет, куда поступили также коллекции бывшего Восточного Туркестанского института. В двух выпусках каталога А. А. Семенова²⁵ описаны 100 арабских рукописей.

В Музее истории народов Узбекистана (Ташкент) хранится старинный экземпляр Корана, который датируют приблизительно VIII—IX вв.; предание еще более удреняет эту рукопись, полагая, будто она принадлежала халифу Осману, убитому в Медине в 656 г.; ранее она находилась в Самарканде, а затем несколько десятилетий — в Петербурге, где была детально исследована А. Ф. Шебуниным²⁶.

Библиотека Духовного управления мусульман Средней Азии (Ташкент) располагает богатым набором арабских рукописей, сведения о которых не публиковались. Недавно начало формироваться собрание рукописей при Государственном музее литературы им. Алишера Навои, и их число достигло 3 тыс. на 1974 г.; среди них есть немало арабских, которые также не освещались в печати.

В Баку Республиканский рукописный фонд АН АзССР хранит свыше 17 тыс. рукописей и документов, из которых до 10 тыс. написаны на арабском языке. Этот Рукописный фонд был основан в 1950 г. и объединил материалы разных учреждений республики; с тех пор он постоянно пополняется. Об арабской части этого собрания не публиковалось ни одной специальной работы, и лишь некоторые рукописи освещались в печати.

В статье Ф. Сейидова об исторических рукописях²⁷ описана одна арабская; в т. 1 каталога, опубликованном в 1963 г.²⁸, описаны 113 арабских и 19 арабско-персидских рукописей; обе работы написаны на азербайджанском языке. Три десятка рукописей перечислены в обзорной статье Б. А. Розенфельда²⁹.

²⁴ Семенов А. А. Государственная публичная библиотека и фонды восточных рукописей Узбекистана.— Литературный Ташкент, вып. 1. Ташкент, 1945, с. 112—117; *Он же*. Узбекстанские фонды восточных рукописей и актов.— Тезисы докладов юбилейной сессии АН УзССР, посвященной двадцатилетию УзССР. Ташкент, 1949, с. 92—93; *Азимджанова С. А.* Восточные рукописи Института востоковедения АН УзССР и их изучение.— Труды ИВАН УзССР, 1954, вып. 3, с. 145—154; *Семенов А. А.* Среднеазиатские рукописные фонды и важность их изучения.— Материалы I Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте, 4—11 июня 1957 г. Ташкент, 1958, с. 912—920; *Азимджанова С. А., Вороновский Д. Г.* Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР.— В кн.: Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. М., 1963, с. 110—127.

²⁵ Семенов А. А. Описание персидских, арабских и турецких рукописей Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского университета. Ташкент, 1935; *Он же*. Описание таджикских, персидских, арабских и тюркских рукописей Фундаментальной библиотеки САГУ, вып. 2. Ташкент, 1956.

²⁶ Шебунин А. Куфический коран имп. СПб. публичной библиотеки.— ЗВОРАО, 1892, т. 6, с. 69—133.

²⁷ Сейидов Ф. Тариха даир элжазмалары (*Сейидов Ф.* О рукописях по истории).— Труды Республиканского рукописного фонда АН АзССР, 1961, № 1, с. 9—29.

²⁸ Элжазмалары каталогу (Тарих, Чография эдэбијјат пэзэријјеси, тэзкирэлэр, бэди эдэбијјат ва муншэат), I чилд. Баку, [1963].

²⁹ Розенфельд Б. А. Арабские и персидские физико-математические рукописи в биб-

Небольшое собрание рукописей имеет Азербайджанский государственный университет; из них 24 арабских упоминались в работе В. В. Бартольда³⁰.

В различных учреждениях Казани находится свыше 4 тыс. арабских рукописей; самое крупное собрание — в отделе рукописей Научной библиотеки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова (Ленина). Первоначальное собрание Казанского университета, описанное И. Ф. Готвальдом³¹, было передано в 1855 г. (как и несколькими годами раньше рукописи Казанской гимназической библиотеки) в Петербургский университет (см. выше).

В 1895 г. И. Ф. Готвальд пожертвовал в библиотеку Казанского университета свою коллекцию из 95 рукописей³² и тем заново основал рукописный фонд³³, который, однако, в течение длительного времени не пополнялся.

В 20—30-х годах сложилось рукописное собрание при Центральной Восточной библиотеке-музее Татарской Республики, в основу которого легли коллекции Г. Галеева-Баруди и С. Г. Вахидова. Общую характеристику арабской части этого собрания по состоянию на 1924 г. дал И. Ю. Крачковский³⁴, опираясь на перечень избранных рукописей, составленный А. Хури³⁵. Последнему принадлежит также статья с описанием старинной рукописи (конца XII в.) одного из томов арабской исторической хроники X в.³⁶ В 1934 г. это собрание рукописей было передано в библиотеку Казанского университета, которая вновь стала основным древлехранителем в городе. Некоторые общие сведения об арабских рукописях в ее фонде содержатся в обзорных работах, вышедших в 1940, 1963 и 1972 гг.³⁷

С 1963 г. Казанский университет организует регулярные экспедиции по сбору рукописей на территории Татарской Автономной Республики и соседних областей Поволжья; в 1964 г. в его библиотеку передано около 600 рукописей из казанской мечети. На 1 января 1969 г. фонд насчитывал, согласно инвентарным книгам, 6685 единиц (из них 3670 на арабском языке) и, сверх того, коллекцию Готвальда и около 300 неинвентаризованных рукописей. В библиотеке есть тематический и алфавитный карточные каталоги рукописей, не отличающиеся, к сожалению, полнотой и точностью сведений. В Центральном государственном архиве Татарской АССР находится 5 арабских рукописей, в архиве ИЯЛИ КФАН — 15, в Государственном музее Татарской АССР — 34, в библиотеке казанской мечети — 156, в частном собрании Э. Максудовой — 229.

блиотеках Советского Союза.— В кн.: Физико-математические науки в странах Востока, вып. I (IV). М., 1966, с. 256—289.

³⁰ Бартольд В. В. Собрания восточных рукописей в Баку.— ИАН, VI серия, 1925, т. 19, № 17, с. 946—951.

³¹ Г[отвальд] И. Описание арабских рукописей, принадлежавших библиотеке имп. Казанского университета. Казань, 1855.

³² Описаны в кн.: [Катапов Н. Ф.] Имп. Казанского университета почетный член, профессор и библиотекарь Иосиф Федорович Готвальд. Казань, 1900.

³³ До поступления этой коллекции в библиотеке отмечено только 26 рукописей, в том числе 2 арабские: Опись книгам и рукописям, хранящимся в архиве имп. Казанского университета, на арабском, персидском, турецком, татарском, киргизском, джагатайском и монгольском языках. Казань, 1898.

³⁴ Крачковский И. Ю. Собрание арабских рукописей в Казани.— ДАН. Серия В, 1924, с. 169—172; см. также: Он же. Избранные сочинения, т. VI. М.—Л., 1960, с. 455—459.

³⁵ Этот перечень хранится теперь в Рукописном отделе ЛО ИВАН.

³⁶ Хури А. Рукопись истории Ибн-Мискавайха в Казани.— ДАН. Серия В, 1924, с. 184—186.

³⁷ [Романов Я. С.] Краткий очерк истории научной библиотеки Татарской республики при Казанском государственном университете, 1804—1839. Казань, 1940; Каримуллин А. Востоковедные фонды библиотеки Казанского университета им. В. И. Ульянова (Ленина).— В кн.: Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза, с. 228—236.

В рукописном фонде ИИЯЛ ДФАН хранится до 2500 томов рукописных книг, по преимуществу на арабском языке. Это собрание постоянно пополняется новыми поступлениями, так как ИИЯЛ регулярно организует археографические экспедиции и ведет сбор рукописей у населения. Здесь находится также много документов на арабском языке. Печатных работ об этом собрании практически нет, хотя сотрудники ИИЯЛ опираются в некоторых своих исследованиях на рукописные материалы из этого фонда или публикуют короткие тексты³⁸. В 1977 г. вышел т. 1 каталога, в который включено описание нескольких десятков рукописей, представляющих, с точки зрения составителей, наибольший научный интерес.

В Дагестанской АССР, в столице и аулах, есть еще ряд собраний арабских рукописей, принадлежащих как государственным учреждениям, так и мечетям и частным лицам. В музее Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина хранится около 300 рукописей, собранных проф. Р. М. Магомедовым; небольшое количество рукописей — в Дагестанском краеведческом музее и махачкалинской мечети; в частном собрании М. Г. Нурмагомедова — около 500 рукописей и документов. Рукописи в селениях: Акуша (около 200), Кадар, Кванхидатль Ботлихского района (около 200), Муги Левашинского района (у Магомед Зафира несколько десятков), Хуззах (около 1000, в том числе весьма древние), Шири Дахадаевского района (около 200) и др.

Небольшое число арабских рукописей дагестанского происхождения представлено в собраниях Ленинграда, Баку, Закаталы, Тбилиси и Еревана. Некоторые вопросы их состава, содержания и особенностей рассматривались в работах А. Н. Гепко, И. Ю. Крачковского и А. М. Барабанова³⁹.

Как писал А. А. Семенов⁴⁰, рукописное собрание ИЯЛ АН ТаджССР было образовано в 1953 г.: в него были переданы рукописи из Государственной публичной библиотеки им. Фирдоуси, Педагогического института им. Т. Г. Шевченко и других просветительных учреждений г. Душанбе; к 1957 г. оно насчитывало 2314 томов, включающих до 10 тыс. отдельных произведений и около 200 единиц актового материала. Однако объединение рукописных фондов Душанбе, видимо, не было доведено до конца; Государственная публичная библиотека им. Фирдоуси и Библиотека АН ТаджССР имеют свои рукописные фонды, судя по упомянутой работе Б. А. Розенфельда 1966 г. и тем сведениям, которые представили эти учреждения в 1972 г. в Археографическую комиссию АН СССР.

Арабские рукописи Таджикистана не выделены и отдельно не подсчитаны, никаких специальных работ о них не публиковалось. Изданные Институтом востоковедения АН ТДжССР пять томов каталога содержат описание только персидско-таджикских рукописей. Институт истории АН ТаджССР ведет большую работу по сбору документальных и эпиграфических материалов в республике.

³⁸ Например: Гидатлинские адаты. Махачкала, 1957; Саидов М. Дагестанская литература XVIII—XIX вв. на арабском языке.— Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва, 9—16 августа 1960 г., т. II. М., 1963, с. 118—123; Шихсаидов А. Р. Новые данные по средневековой истории Дагестана.— Ученые записки ИИЯЛ ДФАН, 1964, т. IX, с. 137—154; Баркуев К., Ахмедов М.-К., Шихсаидов А. Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей.— Там же, 1963, т. XI (серия историческая), с. 173—185; Алиев Б. Г. Памятники арабской письменности XVII—XVIII вв. по истории Верхней Даргинии.— Там же, 1970, т. XX, с. 253—262.

³⁹ Гепко А. Н. Арабский язык и кавказоведение.— Труды Второй сессии Ассоциации арабистов. 19—23 октября 1937 г., с. 81—110; Крачковский И. Ю. Избранные сочинения, т. VI, с. 551—622 и библиография на с. 629 и 631; Барабанов А. М. Пояснительные значки в арабских рукописях и документах Северного Кавказа.— Советское востоковедение. 1945, III, с. 183—214.

⁴⁰ Семенов А. А. Среднеазиатские рукописные фонды..., с. 915.

В Институте рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР (Тбилиси) хранится 1419 рукописей, около 300 фрагментов и 318 документов на арабском языке. Первый том каталога, опубликованный в 1969 г., содержит описание так называемой Каджарской коллекции, в том числе 34 арабских рукописей. Остальные входят в «локальную» и «среднеазиатскую» коллекции (соответственно 655 и 730 единиц)⁴¹.

В республиканском хранилище рукописей Матенадаран в Ереване находится 600 рукописей арабской графики; рукописи на арабском языке не выделены и в печатных обзорах этого хранилища никак не характеризованы.

В Москве шесть учреждений хранят арабские рукописи. Институт международных отношений унаследовал коллекции бывшего Лазаревского института восточных языков; в печатном каталоге 1888 г.⁴² кратко описаны 14 арабских рукописей, в издававшихся Лазаревским институтом «Древности восточных» были даны описания пяти арабских рукописей, поступивших позднее⁴³. В ГИМ находится коллекция Скобелева из 197 рукописей, в большинстве арабских; единственным печатным известием о ней служит обзорная статья немецкого востоковеда М. Хартмана⁴⁴. В составе библиотеки В. В. Вельяминова-Зернова Музей восточных культур приобрел коллекцию рукописей, среди которых лишь одна арабская; список этих рукописей был опубликован А. А. Семеновым⁴⁵. Небольшое собрание МГУ, включающее три арабские рукописи, было описано еще в 1837 г.⁴⁶ и с тех пор не пополнялось. В Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина находится около 190 арабских текстов на папирусе из коллекции В. С. Голенищева, поступившей в 1911 г.⁴⁷ ГБЛ хранит свыше 200 арабских рукописей; о некоторых из них, поступивших в свое время в Румянцевский музей, писали еще Х. Д. Френ и Б. А. Дорн; большинство рукописей отражено в неизданных инвентарных описях, составленных В. П. Старининым (152 единицы) и А. И. Михайловой (12 единиц)⁴⁸.

В Крыму И. Ю. Крачковский отмечал в 1924 г.⁴⁹, что в Бахчисарае и Евпатории находятся 10 рукописей. Ныне в Бахчисарайском музее насчитывается 140 арабских и 2 арабско-тюркские рукописи (согласно списку, по которому рукописи предполагается передать в ГПБ).

В 1925 г. И. Ю. Крачковский⁵⁰ обнаружил в Киеве 16 арабских рукописей в Библиотеке АН Украинской ССР, 6 — во Всенародной библиотеке Украины (из бывшего собрания Духовной академии и Церковного археологического музея) и 2 — в Институте народного образования. Теперь в ЦИБ АН УССР, включая коллекцию академика А. Е. Крымского, числятся 74 единицы хранения на арабском языке; в киевском Музее западного и восточного искусства — 1 рукопись и 4 фрагмента.

⁴¹ Каталог арабских, тюркских и персидских рукописей Института рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР. Тбилиси, 1969. Каталог арабских рукописей Института рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР. (Коллекция L), вып. 1. Тбилиси, 1978.

⁴² Каталог книг и рукописей библиотеки Лазаревского института восточных языков. М., 1888, с. 21—27, 111—115, 128—131.

⁴³ Древности восточные, т. 1, вып. 3. М., 1893. Протоколы, с. 30; т. 2, вып. 2. М., 1901. Протоколы, с. 177—178; т. 3, вып. 1. М., 1907, с. 24—33.

⁴⁴ Orientalistische Literaturzeitung. Jahrgang 5. Leipzig, 1902, S. 73—75.

⁴⁵ Семенов А. А. Восточные рукописи в библиотеке покойного В. В. Вельяминова-Зернова. — ИАН, VI серия, 1949, т. 13, № 15, с. 855—872.

⁴⁶ Петров П. Я. Обзорение арабских, персидских и турецких рукописей, находящихся в библиотеке Московского университета. СПб., 1837.

⁴⁷ Беляев В. П. Собрания арабских папирусов в Москве и Ленинграде, с. 75.

⁴⁸ Опираясь на машинописные экземпляры этих описей, наш гость из Ирака Абдалхамид ал-Алучи опубликовал краткий перечень рукописей в редактируемом им журнале «Ал-Маурид» (Багдад, 1973, т. 2, № 2, с. 212—222).

⁴⁹ Крачковский И. Ю. Отчет о командировке в Крым летом 1924 года. — ИАН, VI серия, 1924, с. 18, № 12, с. 662—670.

⁵⁰ Крачковский И. Ю. Отчет о командировке в Киев летом 1925 года. — ИАН, VI серия, 1925, т. 19, № 18, с. 996—1005.

Собрание библиотеки Харьковского университета, описанное А. П. Ковалевским⁵¹, включало 11 арабских и 1 арабско-тюркскую рукопись и с тех пор не пополнялось.

В Псковском областном краеведческом музее до войны было отмечено 5 арабских и арабско-белорусских рукописей⁵².

В Куйбышевской областной библиотеке недавно была обнаружена одна арабская рукопись, которая представляет выдающийся интерес для истории науки, так как включает 16 трактатов разных авторов X—XV вв. по математике, астрономии и оптике. Текст четырех или пяти трактатов впервые становится известным науке только благодаря этой рукописи. Предварительное сообщение о ней опубликовал Б. А. Розенфельд⁵³.

Еще в ряде городов нашей страны различные библиотеки, архивы и музеи хранят небольшие коллекции или единичные экземпляры рукописей и документов, написанных либо арабским алфавитом, либо на арабском языке. Каких-либо известий о них, как правило, не публиковалось. Приводимые ниже сведения присланы работниками этих учреждений в отдел публикации памятников Института востоковедения и в Археографическую комиссию АН СССР⁵⁴.

Алма-Ата, Центральная научная библиотека АН Казахской ССР — 50 арабских рукописей.

Ашхабад, Центральный государственный архив Туркменской ССР — 34 восточные рукописи; Республиканская публичная библиотека им. Карла Маркса — 3 рукописи; Рукописный отдел Института языка и литературы АН Туркменской ССР — около 300 арабских рукописей.

Бугульма, Бугульминский краеведческий музей — 67 рукописей, 57 документов.

Грозный, Республиканский краеведческий музей Чечено-Ингушской АССР — 27 арабских рукописей XVIII—XX вв.; Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и этнономики — 70 рукописей, преимущественно арабских.

Закаталы, Историко-краеведческий музей — 650 рукописей.

Иваново, Ивановский областной краеведческий музей — около 10 арабских рукописей⁵⁵.

Львов, библиотека Львовского государственного университета — 29 арабских и 9 персидских рукописей; Львовская научная библиотека им. Стефаника — 7 арабских рукописей; Львовский исторический архив — 1 арабская рукопись; Львовский исторический музей — 1 арабская рукопись XVI в.⁵⁶; Львовский музей истории религии и атеизма — 1 арабский фрагмент.

⁵¹ Ковалевский А. Описание восточных рукописей Центральной библиотеки Харьковского государственного университета. — Библиография Востока, 1935, вып. 7, с. 93—115.

⁵² Крачковский И. Ю. Избранные сочинения, т. VI, с. 507—509.

⁵³ Розенфельд Б. А. Важная находка по истории математики, астрономии и оптики. — Вопросы истории естествознания и техники, вып. 2—3 (47—48). М., 1974, с. 123—124. Эта рукопись передана теперь на хранение в ГНБ.

⁵⁴ Запросы были направлены по инициативе А. С. Тверитиновой (АЕ за 1973 год), полученные ответы предоставлены в наше распоряжение сотрудником Института востоковедения С. Б. Певзнером. Приводимые здесь цифровые данные основаны на подсчетах, производившихся при составлении аннотированной библиографии арабских рукописей во всем мире И. Б. Михайловой и автором данной статьи (ЛО ИВАН). Некоторые дополнения и уточнения внесены канд. филолог. н. В. В. Лебедевым (по городам Грозный, Иваново, Ленинград, Москва, Ташкент), аспирантом ЛО ИВАН Т. Айтберовым (по Дагестану), студентом Восточного факультета ЛГУ В. С. Рыбалкиным (по Киеву, Львову, Одессе), за что пользуюсь случаем выразить им искреннюю признательность.

⁵⁵ Рождественский Н. П. Отчет об археографической командировке в г. Иваново. — ТОДРЛ, 1954, т. X, с. 486.

⁵⁶ Оригинал рукописи, которую издал И. Ю. Крачковский по копии Френа, — грамота Иоакима IV, патриарха антиохийского, львовской пастве в 1586 г. (Крачковский И. Ю. Избранные сочинения, т. VI, с. 445—454).

Нахичевань, Нахичеванский литературный музей — 10 арабских и персидских рукописей.

Новосибирск, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения АН СССР — 7 арабских рукописей.

Одесса, Одесская государственная научная библиотека им. А. М. Горького — 36 арабских рукописей.

Оренбург, Оренбургский областной музей — 6 арабских рукописей.

Павлодар, Павлодарский историко-краеведческий музей — 6 арабских рукописей.

Пенджикент, Пенджикентский краеведческий музей — 15 рукописей и документы арабской графики — 123 ед. хранения.

Рига, Государственная библиотека Латвийской ССР — 7 арабских рукописей.

Саратов, Научная библиотека Саратовского государственного университета — 4 рукописи арабской графики.

Сурхандарья, Сурхандарьинский областной краеведческий музей — 14 арабских рукописей.

Ташкент, Государственный музей искусств Узбекской ССР — 2 рукописи, 4 свитка, 246 листов на арабском и персидском языках.

Тюмень, Тюменский областной архив — 16 рукописей на восточных языках.

Уфа, Научный архив Башкирского филиала АН СССР — материалы на арабском языке.

Хива, Хивинский музей-заповедник Ичон-кала — 16 рукописей, 8 тетрадей, 64 свитка, 139 листов на арабском и тюркских языках.

Челябинск, Челябинский областной краеведческий музей — 7 рукописей, 3 тетради.

Таким образом, при всей условности единицы исчисления и шаткости приведенных выше цифровых данных можно заключить, что в различных учреждениях и частных коллекциях СССР сосредоточено свыше 40 тыс. арабских рукописей, содержащих до 100 тыс. единиц (списков) отдельных произведений или фрагментарных текстов, кроме того, — несколько десятков тысяч единиц актового материала и прочих документов на арабском языке. Возможности выявления арабских рукописей и документов еще далеко не исчерпаны.

Здесь мы не можем вдаваться в подробную характеристику состава и значения арабских рукописей Советского Союза. Но в самой общей форме можно сказать, что среди них есть папирусные фрагменты из Египта конца VII—VIII в. и рукописи начала XX в. на фабричной бумаге, т. е. они охватывают период свыше 12 столетий; в большинстве своем они относятся к последним пяти столетиям. По месту создания сочинений и документов, по месту их переписки арабские рукописи Советского Союза происходят из разных стран, где был употребителен арабский язык: Испании и Северной Африки, арабских стран Ближнего Востока, Турции и Ирана, Индии и Афганистана, но больше всего из Средней Азии и Поволжья, Кавказа и Крыма. По содержанию — это языческая поэзия доисламской Аравии, переводы VIII—X вв. на арабский с греческого, сирийского, арамейского, среднеперсидского, санскрита и других языков, труды по истории, географии, медицине, философии, математике, грамматике, риторике, стилистике, Коран и шариат, учебные пособия, молитвы и духовные песнопения, записи фольклора и т. д., одним словом, литературные, идеологические и научные произведения, принадлежащие разным народам, разным государствам и религиозным общинам, разным эпохам и культурам. Все они представлены, разумеется, неравномерно и неполно.

Степень изученности различных собраний арабских рукописей в нашей стране неодинакова, но ясно, что предстоит провести большую работу, прежде всего по учету и хранению.

Элементарные требования к учету и обеспечению сохранности рукописей известны и просты: продезинфицировать и разобрать рукописные материалы, отделив их от печатной продукции, разместить в деревянных шкафах, свободно расставив на полках, обеспечить им постоянную защиту от пожара, вредного воздействия пыли, света, перепадов температуры, плесени (грибков), жучков и т. п.; снабдить каждую выделенную единицу хранения шифром, занести данные о ней в инвентарную книгу. Далее требуется провести консервационные и реставрационные работы, создать карточные каталоги хотя бы для служебного пользования, периодически проверять наличие и состояние материалов и т. п.

Пока же первичная обработка, учет и хранение арабских (равно как и других восточных) рукописей даже в ряде государственных учреждений оставляют желать лучшего. Именно необеспеченность работ на уровне хранения и учета служит серьезным препятствием для научного изучения рукописного наследия.

Что же касается публикации каталогов, списков и обзоров рукописных собраний, это вопрос особый. Как мы видели, и в этом направлении уже многое сделано и делается теперь в различных востоковедных центрах нашей страны. Однако до сих пор каталогизирована лишь небольшая часть общего числа арабских рукописей. Ни одно учреждение не опубликовало еще полного каталога своих рукописей. Это относится даже к ленинградским собраниям, которым посвящено столько печатных трудов.

За последние 15—20 лет в ЛО ИВАН проведена большая работа по описанию восточных рукописей. Издапы каталоги и обзоры ряда дальневосточных фондов⁵⁷, армянских, грузинских, курдских, индийских, арабских, персидских и тюркских рукописей и документов. Усилиями ряда авторов и коллективов разрабатывались методические вопросы⁵⁸. Группой сотрудников Арабского кабинета им. акад. И. Ю. Крачковского завершён и сдан в печать систематический каталог арабских рукописей (около 10 800 единиц).

Перед востоковедными учреждениями СССР встают вопросы, как преодолеть предварительный по существу этап и опубликовать каталоги; какими быть каталогам при современном состоянии востоковедной науки, в частности арабистики. Опираясь на опыт, накопленный коллективом ЛО ИВАН, можно попытаться сформулировать некоторые рекомендации и пожелания.

Прежде всего подчеркнем необходимость составления отдельных каталогов арабских (персидско-таджикских, тюркских и т. д.) рукописей; каталог должен включать описание материалов, однородных в языковом отношении. Этому отвечает и самостоятельность арабской филологии как научной дисциплины, и современная тенденция к более узкой специализации в востоковедении. Языковые каталоги удобнее для пользования в качестве справочников, их преимущества очевидны.

Однако в ряде вышедших до сих пор каталогов арабские рукописи описаны вместе с рукописями на других языках, в разных сочетаниях и пропорциях. Составление смешанных каталогов продолжается и теперь. Особенно часто объединяют в одном каталоге описание рукописей арабской графики на арабском, персидско-таджикском и тюркских языках. Такое объединение подсказывается состоянием материала: в каждой коллекции или библиотеке рукописи на этих языках встречаются в комп-

⁵⁷ О них см.: *Меньшиков Л. Н.* Дальневосточные и центральноазиатские рукописные фонды Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.— АЕ за 1970 год. М., 1971, с. 277—290.

⁵⁸ Обзор археографических работ, систематически проводившихся в ЛО ИВАН, и всех публикаций о ближневосточных рукописных фондах потребовал бы специальной статьи.

лексе, имеют общие шифры и картотеки; определенный процент составляют многоязычные сочинения (переводы, словари, комментарии) и рукописи (сборники, конволюты). Тем не менее трудности преодолены. Многоязычные сочинения можно отнести по преобладающему тексту к одноязычным, сборники и конволюты — расписать по частям и включить в разные каталоги.

Существует несколько возможных способов организации материала в каталоге: потопно, т. е. в соответствии с расстановкой рукописей в хранении; в алфавитном порядке названий сочинений или имен авторов; тематически, по разделам знаний, с хронологическим расположением описаний внутри разделов. Каждый из этих способов имеет свои преимущества и недостатки. Предпочтение следует отдать, по нашему мнению, тематико-хронологическому каталогу, так как в нем материал предварительно классифицируется не по формальному признаку, а по содержанию, лучше подготавливается для дальнейшего использования и исследования. Тематической классификация и уложение в хронологическую сетку всех сочинений и рукописей представляет известные сложности. Современные библиотечные или философские систематизации при этом не выручают. Опыт лучших каталогов арабских рукописей подсказывает и здесь практический выход: традиционная на Востоке систематизация отраслей знания позволяет наметить крупные тематические разделы и распределить по ним рукописи, а устойчивая традиция датировок в арабско-мусульманском мире позволяет успешно справиться и с хронологическим расположением материала внутри тематических разделов. Остается, правда, место для некоторых колебаний и возможных ошибок.

Полное научное описание рукописи складывается из множества разнообразных элементов, которые можно объединить в четыре группы: сведения об авторе, названии и содержании сочинения (свидетельства описываемой рукописи в сопоставлении с тем, что уже известно в науке); сведения об истории рукописи (где, когда и кем переписана, через чьи руки прошла и т. п.); внешние данные рукописи (размер листов и рамки текста, количество листов и строк на странице, характер пагинации, цвет и сорт бумаги и чернил, палеографические и художественные особенности, переплет, дефекты); библиография (прежние упоминания или описания этой рукописи, описания других рукописей данного сочинения, ссылки на историко-литературные труды и справочники).

Составителя каталога ожидают две опасности: увлечение пагромаждением общепознанных сведений и незначительных подробностей, с одной стороны, и игнорирование важных для характеристики сочинения или данной рукописи сведений — с другой. Подробность и обстоятельность каждого элемента описания должны быть поставлены в прямую зависимость от научного значения конкретного сочинения и конкретной рукописи. Каждый элемент описания требует поисков и констатации пайдепного, что выражается порою одним словом или одной фразой; лаконичность языка — важное требование к современному каталогу.

Поэтому лучше всего выработать правила, руководства или инструкции на начальном этапе работы коллектива (в наше время часто каталоги являются плодом коллективного труда), которые ставили бы определенные рамки, оставляя в то же время известную свободу выбора составителю.

Каталог должен быть снабжен справочным аппаратом, облегчающим пользование им, а именно указателями сочинений, имен авторов, имен переписчиков, датированных рукописей, автографов известных лиц, иллюстрированных рукописей и т. п. Обязательными представляются первые три указателя, остальные — по выбору.

Каталогизация рукописей — пройденный этап для классической и славянской филологии, даже для некоторых областей востоковедения, но в арабистике (равно как в иранистике и тюркологии) остается

актуальной по ряду изложенных причин. Она требует специалистов высокой квалификации, хорошей организации труда и большой затраты времени. Объем накопленной информации об арабских рукописях и истории литературы на арабском языке чрезвычайно велик, а наши библиотеки плохо оснащены справочниками. В планах и отчетах востоковедных учреждений археографическим работам не уделяется достаточно внимания, зачастую они не встречают должной поддержки и оценки. Кроме того, каталоги рукописей сложны для набора, выходят малыми тиражами.

Представляется необходимым, чтобы Археографическая комиссия, Совет по координации востоковедных исследований и соответствующие Отделения АН СССР рассмотрели вопрос о значении и ценности рукописей и документов на восточных языках, в частности на арабском, для всестороннего раскрытия истории и истории культуры народов СССР и сопредельных стран, приняли организационные меры для поощрения сбора и хранения восточных рукописей, подготовки кадров археографов-востоковедов и повышения их квалификации. Нелишне, видимо, напомнить всем учреждениям, хранящим восточные рукописи, об их ответственности за сохранность материалов, составление и публикацию научных каталогов; о пропагандировании опыта работы лучших библиотек, архивов и рукописных отделов; рассылке рекомендаций по сбору, хранению, консервации и реставрации, микрофильмированию и фотографированию, составлению рабочих карточек и каталогизации рукописей; об определении ведущих учреждений, которые могли бы оказывать другим методическую помощь, стать базой обучения и повышения квалификации кадров, даже взять на себя составление описаний разбросанных по стране небольших коллекций. Быть может, надо подумать и о централизации фондов рукописей, сосредоточивая их там, где им обеспечено лучшее хранение и разработка.

Комплекс подобных мероприятий поможет быстрее завершить первичную каталогизацию и перейти к следующему этапу археографических работ, систематическому исследованию и изданию важнейших письменных памятников, находящихся в хранилищах СССР.

Е. А. Рыбина

ПОВЕСТЬ О НОВГОРОДСКОМ ПОСАДНИКЕ ДОБРЫНЕ

Цикл древних новгородских повестей включает легенду о строительстве в Новгороде при посаднике Добрыне католической божницы. Это сказание было известно сводчику Новгородской Третьей летописи, записавшему под 1184 г.: «...заложилша церковь древяну Иоанн архиепископ Собор святого Иоанна Предтечи; и в лето 6700 пренесли церковь древяну святого Иоанна Предтечи на иное место, а на том месте поставиша Немецкую ропату, и о том бысть чудо о посадники Добрыни»¹. Текст и суть легенды, повествующей даже о двух чудесах, а не об одном, в летописи не приводится, но он включен в некоторые рукописные сборники XVI в. Ее содержание сводится к тому, что немцы, прибывшие торговать в Новгород, захотели поставить там свою церковь. Сначала им в этом было отказано, но потом, при содействии посадника Добрыни, они получили разрешение на постройку своей церкви, выбрав для нее место «посреди града в Торгу, где стоит церкви древяна святого Иоанна Предтечи. Посадник же Добрыня ослеплен мздою и научен диаволом, и повеле церкви святого Иоанна Предтечи пести на ино место, а то место отвел пемцам»². За такие действия Добрыня был сурово наказан: при возвращении домой через Волхов его насад вихрем был поднят на высоту и упал в воду, тело посадника с трудом выловили, а за свое «лукавство» он не получил православного погребения. Второе чудо связано с написанием образа Спаса на «ропатнем углу».

До недавнего времени исследователи пользовались двумя списками этой легенды. Судьбу одного из них проследил С. О. Шмидт в специальной статье³. Первый список — назовем его Волоколамским — не раз издавался в прошлом веке по тексту рукописного сборника, составленного в XVI в. при Иосифо-Волоколамском монастыре⁴. Второй список легенды — Ярославский, находящийся в коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области, впервые опубликован С. О. Шмидтом. Он входит в сборник, составленный в Новгороде при архиепископе Пимене в третьей четверти XVI в., о чем имеется запись на л. 90—90 об.⁵

Оба списка практически идентичны и, вероятно, восходят к одному оригиналу. При сличении их текстов обнаруживаются лишь незначительные различия, которые легко можно объяснить ошибками переписчиков. Единственным существенным различием является дата, завершающая Ярославский список. Она относится ко второму чуду, совершившемуся при строительстве иноземной церкви. Когда церковь была

¹ Новгородские летописи. СПб., 1879. с. 194.

² Памятники старинной литературы, вып. 1. СПб., 1860, с. 252.

³ Шмидт С. О. Предания о чудесах при постройке новгородской ропаты.— В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962.

⁴ Там же, с. 319—320.

⁵ Там же, с. 320.

построена, немцы пригласили мастеров написать «образ Спасов на ропатем углу на полуденной стране в верху», не доложив об этом архиепископу. После того как иконописцы закончили свою работу, пришла туча, и дождем с градом смыло написанный образ. В конце этого сообщения стоит дата: «В лета 6687 делащ 70 дний»⁶; таким образом, изложенное событие отнесено к 1179 г. В Волоколамском списке такая дата вообще отсутствует, он кончается словами: «Писания сия же до зде»⁷. Сама по себе дата 1179 г. противоречит сообщению Новгородской Третьей летописи, в которой о перенесении церкви Иоанна Предтечи, строительстве на ее месте немецкой ропаты и бывшем при этом чуде говорится под 1192 г. Кроме того, вызывает сомнение тот факт, что для написания образа Спаса потребовалось 70 дней. Упомянутая запись, вероятно, не имеет отношения к тексту легенды и включена в него невнимательным переписчиком. Действительно, обратившись к летописи, пойдем в ней под 1179 г. сообщение о строительстве церкви Благовещения, продолжавшемся именно 70 дней⁸. Надо полагать, что последние строчки этого сообщения при переписке и оказались в тексте легенды.

В то же время очевидно, что оформление текста легенды было тесно связано с летописанием. Можно предположить, что в одном из ранних списков Новгородской Третьей летописи имелся и текст легенды, замененный в дальнейшем только глухой ссылкой на него.

Оба списка легенды — Волоколамский и Ярославский — могут быть отнесены, следовательно, к одной редакции. Вопросы ее датировки подробно рассмотрены в статьях А. И. Никольского и С. О. Шмидта⁹, по мнению которых эта редакция возникла в середине или во второй половине XV в. Добавим в пользу такой датировки еще один аргумент. В легенде упомянут хутынский игумен Закхой, деятельность которого относится ко второй половине XV в., о чем свидетельствует данная им грамота игумену Палеостровского монастыря Конону, датированная 1477—1478 гг.¹⁰

Кроме этих двух существует еще один список легенды, введенный в научный оборот в начале пыпешиного столетия А. И. Никольским¹¹, но совершенно забытый в последующие годы. Во всяком случае ни в одной работе, так или иначе использующей данные легенды, он не упомянут. Вместе с тем его текст существенно отличается от названных выше списков.

Указанный документ является частью рукописного жития Иоанна Предтечи, хранящегося в рукописном отделе архива Синода (потому список в дальнейшем именуется Синодским). А. И. Никольский дает краткое описание рукописи. Она состоит из 132 листов в четвертку, написанных полууставом XVII в. Житие включает восемь сказаний о чудесах Иоанна Предтечи, из которых два последних связаны с постройкой в Новгороде католической церкви.

А. И. Никольский отметил, что по сравнению с известным в то время Волоколамским списком легенды Синодский представляет «редакцию совершенно особую». При этом основное внимание автор обратил на стили-

⁶ Шмидт С. О. Предания о чудесах при постройке повгородской ропаты, с. 325.

⁷ Памятники старинной русской литературы, вып. 4, с. 252.

⁸ «В лето 6687. Заложил архиепископ повгородчкын владыка Илья церковь каменну святых Богородица Благовещения, а начаша ю делати мая 21, а кончаша августа в 25, а всего дела церковного днии 70» (Новгородская Первая летопись. М.—Л., 1950, с. 225). «В лето 6687: Созда архиепископ Иоанн перковь Благовещения Богородицы камену в 70 дней» (Новгородские летописи, с. 194).

⁹ Никольский А. И. Сказание о двух повгородских чудесах из жития святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня.— ИОРЯС, 1907, т. 12, кн. 3, с. 98—116; Шмидт С. О. Указ. соч.

¹⁰ Корецкий В. И. Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря.— АЕ за 1957 год. М., 1958, с. 450, № 9.

¹¹ Никольский А. И. Сказание о двух повгородских чудесах...

стические особенности нового варианта легенды. В самом деле, события, связанные с постройкой в Новгороде католической церкви, описаны в нем более подробно, эмоционально и с определенной тенденцией. Посадник Добрыня, повелевший перенести церковь Иоанна Предтечи, а на ее месте поставить католическую церковь, называется латинским поборником, предавшим православную веру, и сравнивается с Иудой. Весь текст легенды носит обличительный характер и в конце содержит правоучение: «Добро творити, а не зло творити, душу спасти, а не погубити, бывающе не мздоимцы, ни лихоиматели, но правде и целомудрию любители наказующе себе самих от божественных писаний и от чудес Христовых и его угодников, паче же и от сего Предтечева чудесе, прочитаемого днесь на всечестный и святой праздник во ушеса всем вам, елико слышахом и разумехом и отцы наши поведаша нам не утаися от нас чад их в роды сия возвещаем бо хвалы господня и силы его и чудеса его. Ныне и присно и во веки веков. Аминь»¹².

Как видим, кроме правоучения завершающая часть сказания содержит весьма важную деталь, сообщающую о том, что это сказание читалось в один из праздников Иоанна Предтечи, вероятно, в посвященном ему храме. Таким образом, уже первое знакомство с текстом нового списка легенды обнаруживает его значительную особенность по сравнению с известными ранее текстами. Оба сказания о чудесах Иоанна Предтечи были предназначены для чтения в храме. Надо полагать, они произносились именно в той церкви Иоанна Предтечи, которая была перенесена из-за постройки католической божницы. Этим обстоятельством и объясняется страстный обличительный тон, которым буквально пропикнут текст сказаний, горячее осуждение Добрыни — «латинского поборника», повторяющиеся правоучения всем мздоимцам и восхваление Иоанна Предтечи.

А. И. Никольский, обратив внимание на стилистические особенности опубликованного им списка, отметил, что эти особенности «некоторым образом указывают на условия происхождения литературной обработки новгородских сказаний». Более подробно и детальное сравнение разных списков легенды выявляет не только особенности стиля и языка Синодского списка, но и его некоторые принципиальные отличия.

Синодский список

некоего от посадник Добрыню прозванием
посадник Добрыня... наоусти ю да глаголють в народе

дадите нам место во граде своем на здание божницы нашей

народ же... начаша молити архиепископа

архиепископ же не могий презрети людского прошения и посаднича споможения, преклонися воли их и повеле да дадут место во граде на поставление ропате латыньстеи

Волоколамский и Ярославский списки

посадник степенный Добрыня именем
посадник Добрыня... повеле немцом говорить старостам купецким и купцам повгородским

нашей божнице храму святых апостол Петра и Павла не быти у вас в Великом Новгороде

старосты купеческие и все гости повгородские начаша бити челом господину своему отцу архиепископу

и архиепископ и новгородцы послуша посаднича совета и гостей своих члобитья, повелеша немцом поставити ропату

¹² Никольский А. И. Сказание о двух новгородских чудесах..., с. 113. Второе сказание о чуде, связанное с написанием Спасова образа на ропате, также кончается традиционной формулой, завершающей церковную службу: «Ныне и присно и во веки веков. Аминь».

избраша едино место нарочито близ суще торго

Добрыня собрався с погибелною си честию. по обычаю своему с рабы его, вседе в насад хотя реку плыти и ити к дому своему

отцы наши поведаша нам не утаися от нас чад их в роды сия

Иноземцы всюду названы латинянами, латинской веры, а божица латинская.

немцы избраша себе место посреди града в торгу

поеха посадник Добрыня с веча к своею улице через Волхов в насаде с людьми своими

Сия ми поведа игумен Сергий Островского монастыря от святого Николы отец Захкиев нынешнего игумена Хутынского

Иноземцы всюду названы немцами, по немецким городам.

Второе сказание из Синодского списка об образе Спаса, написанном в углу ропаты, также отличается от изложения в двух остальных подробностями и общим обличительным характером. В нем кратко пересказывается первое сказание о посаднике Добрыне и содержится правоучение. Кроме того, встречается различие в терминах: «без повеления епископа», «а архиепископа не доложа».

Указанные различия, на наш взгляд, дают возможность определить старшинство редакций легенды и установить примерное время ее первоначального составления.

Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие в Синодском списке таких терминов, как «степенный посадник» и «старосты купеческие». Возникновение института степенных посадников связано с реформой Онцифора Лукинича и относится, следовательно, к середине XIV в.¹³ Когда возник институт купеческих старост, не известно, но впервые он упоминается в проекте договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом, относящемся к 1269 г. (немецкий текст)¹⁴. В русских документах термин «староста» впервые встречен в грамоте 1301 г.¹⁵, а «старосты купеческие» — в грамоте 1342 г.¹⁶ Следовательно, эта редакция возникла ранее XIV в. и является первоначальной относительно двух других списков. К вопросу о времени составления раннего варианта легенды мы еще вернемся, а пока обратимся к фактическим событиям, послужившим основой сказания.

Предания о чудесах, происшедших при постройке в Новгороде католической церкви, являясь памятником новгородской общественной мысли, содержат и реальную историческую основу. Они относятся к числу тех повествований, которые, по словам Ф. И. Буслаева, «проходят через три эпохи: во-первых, эпоху самого события или лица, послуживших предметом повествования, во-вторых, время, когда составились народные предания, и, наконец, эпоху литературной обработки и переработки предания»¹⁷.

Достоверность сообщения легенды о переносе при посаднике Добрыне православной церкви Иоанна Предтечи и строительстве на ее месте католической божицы, на наш взгляд, не подлежит сомнению. Факт переноса церкви зафиксирован в «Рукописании Всеволода»: «А буевище Петрытино дворище от прежних дверей святого великого Ивана...»¹⁸ Как видно, речь идет об известной церкви Иоанна Предтечи на Опоках. В. Л. Янин, анализируя изображение древней фрески на восточной стене этой церкви, убедительно показал, что ее первоначальное возникло-

¹³ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 369.

¹⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, с. 58, № 31.

¹⁵ Там же, с. 62, № 33.

¹⁶ Там же, с. 73, № 41.

¹⁷ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 2. СПб., 1861, с. 170.

¹⁸ Новгородская Первая летопись, с. 508.

венне на существующем ныне месте должно быть отнесено к 10-м годам XII в.¹⁹

Многие исследователи используют данные легенды для своих исторических построений²⁰, а некоторые авторы связывают события, изложенные в легенде, с постройкой в Новгороде церкви св. Петра на Немецком дворе в конце XII в., следуя за сообщением Новгородской Третьей летописи²¹. Однако в самом летописном рассказе имеется алогизм: строительство немецкой ропаты в 1192 г. связывается с именем посадника Добрыни, умершего в 1117 г.²² Н. М. Карамзин и Д. И. Прозоровский, отметив это несоответствие, отнесли даже легенду о Добрыне к числу вымыслов, не имеющих реальной основы²³. Тем не менее обращение к истории иноземных дворов и этапам развития внешней торговли Новгорода позволяет разобраться в этих противоречиях.

Известно о существовании в средневековом Новгороде двух иноземных дворов — Готского и Немецкого. Время их возникновения устанавливается косвенными данными развития торговых взаимоотношений Новгорода с его западными партнерами. Первыми в Новгороде появились купцы острова Готланд, господствовавшие в X—XII вв. в балтийской торговле²⁴. В Новгородской Первой летописи пахотим упоминание о готско-русских отношениях под 1130 г.: «В се же лето идуще и-замория с Гот и потоши лодии 7 и сами истопоша и товар...»²⁵

Оказавшись в Новгороде, готские купцы основали здесь свой двор с церковью св. Олафа, которую русские летописи знают как Варяжскую божницу²⁶. В новгородской летописи не раз сообщается о пожарах этой церкви. Впервые такое упоминание встречаем под 1152 г. «Априля 23 загореся церкы святого Михайла сред Торгу и много бысть зла и погоре весь Торг и дворы до ручья, а семо до Славна, и церкви горе 8, а 9-я Варяжская»²⁷.

Немецкие купцы появились в Новгороде лишь в конце XII в., после того как во второй половине XII в. они освоились на Готланде, основав там свою факторию, и стали устанавливать торговые отношения с партнерами готов, в том числе и с русскими. По примеру готов, они основали в Новгороде свой двор с церковью св. Петра²⁸. Если основателями Готского двора в Новгороде были купцы острова Готланд, то основателями Немецкого двора стали купцы немецко-готской компании Висби. В дальнейшем немцы полностью захватили в свои руки торговлю с Новгородом, объединив под своим управлением оба двора — Готский и Немецкий, которые зависели целиком от готско-немецкой компании Висби, а впоследствии от Ганзейского союза.

Поскольку рассматриваемая легенда связывает строительство католической церкви в Новгороде с именем посадника Добрыни, жившего в

¹⁹ Янин В. Л. Указ. соч., с. 88, прим. 173.

²⁰ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 122—123; Янин В. Л. Указ. соч., с. 88; Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960, с. 89—90 и др.

²¹ Шмидт С. О. Указ. соч., с. 320—321.

²² Новгородская Первая летопись, с. 20; 204.

²³ Карамзин Н. М. История государства российского, т. 3. СПб., 1818, с. 54—55. прим. 244; Прозоровский Д. И. Новые разыскания о новгородских посадниках.— Вестник археологии и истории, вып. 9. СПб., 1892, с. 104—105.

²⁴ Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. СПб., 1893; Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsgeschichte der Mittelalters. Lübeck, 1922.

²⁵ Новгородская Первая летопись, с. 22.

²⁶ Новгородские летописи различают варяжскую божницу и немецкую церковь.

²⁷ Новгородская Первая летопись, с. 29. О пожарах Варяжской божницы сообщается несколько раз. Последний раз она горела в 1311 г. (там же, с. 93) и, вероятно, после этого уже не восстанавливалась.

²⁸ Немецкая церковь упоминается в Новгородской летописи под 1275 г. в связи с ее пожаром: «В ночь загореся на княжи дворе подле Немецкого двора и погоре торг семо до Славна, а семо до Рогатицы, и горе церкы 7 древяных, а каменных 4 огореша, а 5-я Немецкая» (Новгородская Первая летопись, с. 323).

начале XII в., речь в ней, следовательно, может идти лишь о церкви св. Олафа на Готском дворе, так как немецкой церкви в это время в Новгороде еще не могло быть. Подтверждает существование в Новгороде в начале XII в. церкви св. Олафа и руническая надпись, обнаруженная на одном из крестов в Скандинавии. Надпись гласит, что этот крест поставлен в честь человека, умершего в Новгороде в церкви св. Олафа²⁹. Как показывают исследования, она относится к последним десятилетиям XI в., однако не исключена ее датировка первыми десятилетиями XII в.³⁰

Таким образом, анализ легенды и всего комплекса разнообразных письменных сообщений дает достаточные основания считать, что Готский двор с церковью св. Олафа на нем был основан в Новгороде не позднее первого десятилетия XII в. Несомненно, что строительство католической церкви в Новгороде вызвало недовольство и возмущение новгородцев, что и послужило непосредственной причиной составления легенды. Рассмотренный материал и история развития внешней торговли Новгорода позволяют проследить, как складывалась легенда.

Первой редакцией, как уже отмечено, следует признать Синодскую, составление которой состоялось не позднее XIV в. Некоторые особенности текста уточняют эту дату. В заключительной части списка сообщается, что рассказанную легенду «отцы наши поведаша нам не утаня от нас чад их в роды сия»³¹, т. е. несомненно, что легенда была создана вскоре после действительных событий, связанных с постройкой в Новгороде католической церкви, а именно в XII в., и рассказана впервые очевидцами этой постройки. Присутствие термина «епископ» в этом тексте также свидетельствует, что данная редакция составлена в XII в. Титулование новгородских владык епископами характерно лишь для XI—XII вв.³² С начала XIII в. оно уже не употребляется, поскольку новгородская епископия была преобразована в архиепископию.

Лишь один анахронизм проник в текст Синодской редакции — упоминание семидесяти городов: «...убо ближайши тамо сожителие иностранных латинския веры прислаша в Великий Новгород от семидесяти городов своих»³³. Союз немецких городов образовался в 1356 г., а окончательно оформился в 1370 г.³⁴ Возможно, и составление легенды поэтому следовало бы отнести ко второй половине XIV в., однако отсутствие каких-либо других примет этого времени делает более вероятным предположение о том, что семьдесят городов были включены в текст при последующих переписках.

Затем устный рассказ был записан и включен в житие Иоанна Предтечи. В дальнейшем легенда, видимо, неоднократно переписывалась и дошла до нас в рукописи XVII в., сохранив при этом некоторые характерные особенности, позволяющие считать этот вариант самой ранней редакцией из всех известных в настоящее время.

Другая редакция легенды, от которой до нас дошли два списка (Волоколамский и Ярославский), как уже указывалось, была составлена в XV в. Причины возникновения в Новгороде в это время интереса к сюжету легенды подробно рассмотрены С. О. Шмидтом. Нам же хочется обратить внимание на то обстоятельство, что к XV в. церковь св. Олафа на Готском дворе давно перестала существовать. Оба двора — Готский и Немецкий — объединились под одним управлением немецкой купеческой

²⁹ *Ruprecht A.* Die ausgehende Wikingerzeit im Leichte der Runeninschriften. Göttingen, 1958, S. 151, N 131.

³⁰ *Мельникова Е. А.* Сведения о древней Руси в двух скандинавских рунических надписях. — История СССР, 1974, № 6, с. 177.

³¹ *Никольский А. И.* Сказание о двух новгородских чудесах..., с. 113.

³² *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси, т. I. М., 1970, с. 56.

³³ *Никольский А. И.* Сказание о двух новгородских чудесах..., с. 107.

³⁴ *Hanserecense. Abteilung I.* Die Recessu und andere Akten der Hansetage von 1256—1430. Bd. I. Leipzig, 1870.

компаний. В XV в. Готский двор уже назывался Немецким речным двором³⁵. Народное предание к этому времени, вероятно, стало связывать перенесение церкви Иоанна Предтечи со строительством пемецкой церкви св. Петра. Поэтому в новой редакции легенды оба чуда отнесены к постройке немецкой ропаты, которая на самом деле возникла в конце XII в. Таким образом, возникло несоответствие в датах постройки церкви и имени посадника Добрыни, жившего в начале XII в.

Наличие в тексте этой редакции терминов «степенный посадник» и «старосты купеческие», а также прочие отличия ее от первой редакции доказывают, что в XV в. был составлен независимый от первой редакции текст легенды со всеми особенностями, характерными для этого времени. В первой редакции (Синодский список) иноземная божница не названа по имени святого, в честь которого она освящена, вероятно, потому, что имя св. Олафа не свойственно православному именослову, или потому, что духовенство не желало осквернить именем «чужого» святого православную службу, поскольку легенда в этой редакции была предназначена для богослужения. В редакции же XV в. католическая божница именуется храмом святых апостолов Петра и Павла. Следует отметить, что немецкая церковь называлась в честь только св. Петра. Это обстоятельство прослеживается по всем письменным источникам. Видимо, имя Павла было приписано к названию церкви самими новгородцами в силу известной русской традиции, не разделявшей эти имена.

Кроме того, в Синодском списке иноземные купцы названы всюду латинянами, их божница — латинской и т. д., тогда как во второй редакции они названы немцами, а их церковь — немецкой. Это различие может служить дополнительным аргументом в пользу нашей датировки первой редакции XII в. Однако не исключено, что название иноземных купцов латинянами в первой редакции объясняется особенностями церковной лексики, поскольку читаемый при богослужении текст должен был подчеркнуть иную веру иноземцев.

При составлении в XVII в. Новгородской Третьей летописи были использованы в числе разнообразных документов и многочисленны повести легендарного и полуполегендарного содержания, в том числе и повесть о посаднике Добрыне³⁶. Причем составителям летописи, видимо, была известна вторая редакция легенды, входящая в состав сборников XVI в., так как чудо о посаднике Добрыне они также связывают со строительством немецкой церкви. Вместе с тем авторам, вероятно, была известна из не дошедших до нас источников и дата постройки пемецкой церкви, поскольку они сообщают об этом под 1192 г. Не исключено, что эту дату следует признать правдоподобной. Хотя нам не известен точный год постройки Немецкого двора и церкви на нем, однако это событие должно быть отнесено к концу XII в., как уже указывалось выше.

Первая редакция легенды о Добрыне, включенная в житие Иоанна Предтечи, предназначенная для богослужения, вероятно, не вышла из круга церковных памятников. Косвенным доказательством тому служит то обстоятельство, что дошедшая до нас Синодская рукопись XVII в. с житием Иоанна Предтечи происходит из Деревяницкого монастыря, бывшего загородной резиденцией новгородских владык³⁷.

³⁵ «В лето 6980 (1472) месяца октября загорелось в Новгороде, с вечера в ночь, от Белого костра с берега и горе в гору всю ночь и до обеда, мало не оба конца выгорело и немецкий двор речной сторе» (Псковские летописи, вып. 2, М., 1955, с. 185).

³⁶ *Азбелев С. Н.* Указ. соч., с. 89—90.

³⁷ *Никольский А. И.* Описание рукописей, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода, т. 2, вып. 2. СПб., 1910, с. 619—621, № 3831.

В. А. Буров

НОВГОРОДСКИЕ СВАДЕБНЫЕ ДОКУМЕНТЫ XIV В. НА БЕРЕСТЕ

Во время раскопок 1957 г. в Новгороде на территории древнего Неревского конца экспедицией А. В. Арциховского были найдены четыре берестяные грамоты (№ 261—264), в которых перечислялись кожа и ткани, полученные от каких-то людей. Письма происходили из слоев 7—8-го ярусов (1369—1396 гг.) усадьбы Е, принадлежавшей боярину Сидору, состоявшему в родстве с посадничьей семьей Мишиничей-Онцифоровичей; все четыре грамоты являлись частями одного документа, написанного на нескольких листах березовой коры¹.

№ 261: «...илофиной блудо. От Лари... аля 3 тимо. От Саве от Тимошица 3. Ото ...»

№ 262: «...тимо. От Гориславица... 6 соръица цатрова. От Фляря... портище зелени. От Рацлава от подв... от Максима от Машкова 5 тимо».

№ 263: «...От Гюр... от Василя... попа' 3 полосца козия пуха. От Якуновъи от Фомине снохы 3. От Терънтея от Коя 5... От Офоносова 2 тимо. От Фляря от Коцанкова 5 портище голубине. От Бориса от Панте... тимо. От Павла от Еванова 3 тимо. От Онд...»

№ 264: «От Федора от Синофонтова 4 блюда тимо. От Поре... От Сыповои 5 тимо. От Онапии от Курицкого 4...»²

Первые попытки трактовки грамот вызвали среди исследователей существенные разногласия. И до сих пор нет единого мнения относительно содержания писем. Так, например, А. В. Арциховский считал, что автор данных грамот покупал у мелких производителей изготовленные ими одежду и обувь. «Тим», как он объясняет, представлял особый дорогой сорт мягкой кожи, «сороцица» — рубашку, «портище» — одежду³. В. Л. Янин полагает, что это перечень натурального оброка крестьян одной из деревень, принадлежащей Сидору. Впрочем, он не исключает возможности упоминания в записях не крестьян, а феодалов, стоящих на ступенях иерархической лестницы между Сидором и его крестьянами, о чем свидетельствует упоминание в перечне лиц имени Онания Курицкого, который в 1346 г. заложил церковь Кузьмы и Демьяна на Кузьмодемьянской улице Неревского конца⁴. Л. В. Черепнин отрицал гипотезу Янина и присоединился к трактовке Арциховского «полосцев из козьего пуха» как войлочных ковров из козьей шерсти⁵.

¹ Янин В. Л. Я послал тебе бересту. М., 1975, с. 133—142.

² Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, с. 88—91.

³ Арциховский А. В., Борковский В. И. Указ. соч., с. 88—91.

⁴ Янин В. Л. Указ. соч., с. 139—141.

⁵ Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 287—288.

Обе существующие точки зрения относительно грамот № 261—264 противоречат друг другу. О каких мелких производителях может идти речь, если среди них упомянуты лица с отчествами: Савва Тимоштин, Максим Машков, Флярь Коцанков, Борис Пант[елеймонов], Павел Еванов, Терентий Коев, Федор Сиофонтов. В ту эпоху отчество было наиболее характерно для лиц знатного происхождения. Кроме того, странно наблюдать среди «мелких производителей» священника Онания Курицкого, попа и Фомину сноху. А имя Саввы Тимошина (№ 261) заставляет вспомнить послание № 260, найденное на той же усадьбе Е, в том же 8-м ярусе. Начинается оно со слов: «[Прик]азо ко Остафии от Сидора. Возми у Григории у Тимошина рубль и 4 лосося. Да возми у Григории полорубля, цто Сидору сулилъ...»⁶ Савва (сын Тимофея) — брат Григория. Сидор берет у брата Саввы деньги. Несомненно, это состоятельные люди.

Итак, все перечисленные в письмах № 261—264 лица знатного происхождения, что расходится с трактовкой А. В. Арциховского и Л. В. Черепнина. Нет веских аргументов и у В. Л. Янина считать этих людей промежуточным звеном между Сидором и его крестьянами. Как объяснить, что знатные люди собирают для Сидора предметы производства? Мы полагаем, что для понимания содержания писем необходимо обратить внимание на формулу «от Василия... от Бориса... от Павла...» и т. д. Ни разу не встречено «у Василия... у Бориса... у Павла...», что характерно для грамот, перечисляющих оброк⁷. В нашем понимании формула подобного типа выражает дарственность: дарят дорогую кожу, одежду, блюда, войлочные ковры. Все берется на учет рачительным хозяином.

Длинный список дарителей (он явно не полон, сохранилась некоторая его часть) указывает на какое-то значительное событие в личной жизни владельца усадьбы Е. Невольно вспоминается книга иностранного посла Сигизмунда Герберштейна, побывавшего в Московии в начале XVI в., где описан русский обычай дарить подарки молодым на свадьбу: «В качестве приданого по большей части даются лошади, *платье*, оружие, скот, рабы и тому подобное. Приглашенные на свадьбу редко приносят деньги, но все же посылают невесте подношения или *дары*, *каждый из которых жених старательно отмечает и откладывает*. По окончании свадьбы он их вынимает и снова рассматривает по порядку, и те из них, которые ему нравятся и кажутся пригодными для будущего, он посылает на рынок и велит тем, кто назначает стоимость предметов, оценить каждый из них, а все остальные подарки и каждый порознь отсылает каждому порознь с выражением благодарности. За то, что он сохранил, он возмещает в годовой срок, согласно оценке, деньгами или другой какой вещью одинаковой стоимости. Затем, если кто-нибудь оценит свой подарок дороже, то жених тотчас обращается к присяжным оценщикам и заставляет его подчиниться их оценке. Точно так же, если жених по прошествии года не удовлетворит кого-нибудь или не вернет полученный подарок, то обязан удовлетворить то лицо вдвойне. Наконец, если он по небрежности не представит чьего-нибудь подарка для оценки присяжным, то он принужден возместить за него по воле и по усмотрению подарившего»⁸.

Понятно, что для расчета с дарителями жениху необходимо было «отметать», кто что дарил, и вести соответствующие записи. Очевидно, отрывок документа подобного рода и попал в руки археологов.

Находка свадебных документов XIV в. на бересте уникальна, так как источники по свадьбе XIV—XV вв. крайне ограничены⁹, а известные свадебные документы относятся только к XVI в.¹⁰

⁶ Арциховский А. В., Борковский В. И. Указ. соч., с. 86—87.

⁷ См. грамоты № 161, 179, 299, 320, 337, 348. Их подборка приведена у Л. В. Черепнина (Указ. соч., с. 226—240).

⁸ Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 71—72.

⁹ Козаченко А. И. К истории великорусского свадебного обряда.— СЭ, 1957, № 1.

¹⁰ Сахаров И. П. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. СПб., 1837, ч. III, доп., с. 3; Назаров В. Д. Свадебные дела XVI в.— ВИ, 1976, № 10.

Е. В. Кудряшов

К БИОГРАФИИ ЛЮБИМА АГИЕВА

О Любиме Агиеве — основоположнике так называемой костромской школы стенового писания XVII в. — исследователи до сих пор не располагают биографическими сведениями. Известно только, как распределяются работы этого мастера по времени, где они были выполнены и с кем работал живописец¹. Хотя и весьма краткое, но ценное сведение об этом художнике содержится между тем в «Материалах для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии XV—XVIII вв.», опубликованных В. и Г. Холмогоровыми в 1912 г.² Приведем его полностью: «137—138 [1629—1630 гг.] вотчина чуда арх. Михаила и в. чуд. Олексея по государеве жаловальной вотчин грамоте 93 г. и по сотной книге 104 г. да по сотной же книге 104 и 105 г. писано:

Погост Шунга на озере Шунецком, а на погосте церковь Покров Богород., да теплая церковь св. ап. Петра и Павла деревянные клетки, а в церквях образы и свечи и книги и ризы и колокола и всякое церк. строение мирское, а на погосте поп Василий Исаков, дьячек Степанко Семенов, пономарь Ондрюшко Сидоров, просв. Анница, да 6 келей, а в них живут нищие питаются от церкви божи, двор монастырской, 2 дв. детенышев, дв. земского дчк., дв. иконника Любимки Агиева (курсив мой. — Е. К.), крест и боб. 31 дв.»³ Таким образом, безуспешные поиски каких-либо исторических сведений о Любиме Агиеве по городу Костроме объясняются просто — мастер не жил на костромском посаде, а проживал в первой трети XVII в. на погосте Шунга Минского стана, в вотчине московского Чудова монастыря⁴. Представляется также возможным считать, что дополнительные данные о жизни и работе художника содержатся в архиве московского Чудова монастыря конца XVI — начала XVII вв.⁵

¹ *Забелин И. Е.* Материалы для истории русской иконописи. — ВМОИДР, кн. 7. М., 1850, с. 8—9; *Ровинский Д. А.* История русских школ иконописания до конца XVII века. — Записки имп. Археологического общества, т. VIII. СПб., 1856, с. 127; *Успенский А. И.* История стенописи Успенского собора в Москве. М., 1902, с. 6; *Он же.* Царские иконописцы и живописцы XVII века, т. IV. М., 1916, с. 58; *Суслов А. И., Чураков С. С.* Ярославль. М., 1960; *Чураков С. С.* Отражение рублевского плана росписи в стенописи XVII в. Троицкого собора Троице-Сергиевской лавры. — В кн.: Андрей Рублев и его эпоха. М., 1971, с. 194—212. Подписными работами Л. Агиева являются росписи церкви Николы Надеина в Ярославле (1640) и Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря (1641).

² *Холмогоровы В. и Г.* Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии XV—XVIII вв., вып. 5, Костромская и Плесская десятины. М., 1912.

³ Там же, с. 58.

⁴ «Шунга находится в 7 верстах от Костромы, на левом берегу Волги, за Ипатьевским монастырем, по дороге к Любиму» (курсив мой. — Е. К.) — *Лествицы В. И.* Заниски изографа Василия Никитина 1745 года. Ярославль, 1882.

⁵ Погост (а затем — село) Шунга с прилежащими деревнями с конца XVI в. и в течение XVII—XVIII вв. были вотчиной этого монастыря (*Холмогоровы В. и Г.* Указ. соч., с. 57—58).

Имя и фамилия художника — Любим Агиев — лишь наполовину «подлинны». В надписи на южной стороне юго-западного столпа ярославской церкви Николы Надеина мы находим настоящее имя этого мастера — «костромитин Иоаким Агеев сын Елепенков, а прозвище Любим». Можно предположить, что, подобно некоторым другим костромским живописцам XVII в., Иоаким Агеев сын Елепенков получил прозвище по месту своего жительства⁶ — погост Шунга, где он проживал, находился «по дороге к Любиму»⁷. Что же касается его подлинной фамилии — Елепенков, то мы располагаем данными, свидетельствующими о том, что в той же «Чюдовской слободке» (т. е. на погосте Шунга под Ипатьевским монастырем) в первой половине XVII в. проживали два брата художника, о профессиональной занятости которых источники, однако, не сообщают⁸.

Остается добавить, что творческую деятельность Любима Агиева можно ограничить временем от конца XVI в. до 1643 г.⁹ Умер художник, по-видимому, около 1644 г.

⁶ Также по месту жительства получили прозвища такие костромские художники XVII в., как Василий Ильин «Запокровский» (проживал в Костроме за церковью Покрова Богородицы, что в Царевской улице, «у Богоявленских у Святых ворот»), Яким Андреев «Зажарский» (родом из-за Жарков, деревни около Шунги) и др.

⁷ См. прим. 4. Не исключены, однако, и другие толкования его прозвища.

⁸ В 1649 г. там «... был... двор Ивашка да Ондрюшки Елепенковых. И Ивашко и Ондрюшка померли в мор во 163 [1654] году» ГАКостр. обл., ф. 558, оп. 2, ед. хр. 134, л. 479 об.).

⁹ В 1642—1643 гг. он еще принимал участие в росписи Успенского собора Московского Кремля.

С. С. Илизаров

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ ПЕРВОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Новым типом исторического источника, появившимся в России в XVIII в., являются географические словари¹. Этот источник сложный, быстро устаревающий для практического использования и, следовательно, не всегда поддающийся объективной оценке с точки зрения его историографической значимости. Первым опубликованным русским географическим словарем был «Географический лексикон Российского государства, или Словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясапныя зимовья, рудные заводы и прочия достопамятныя места обширной Российской империи, с объявлением и тех мест, которыя в прежнюю и нынешнюю Турецкую войну, а некоторыя преж того и от Персии, Российскою храбростию овладаемы были, из достопамятных известий собранные коллежским асессором и города Вереи Воеводою Федором Полуниным, а с поправлениями и пополнениями для пользы общества в печать изданный, трудами и с предисловием... Герарда Фридерика Миллера». Автор предисловия к словарю, Г. Ф. Миллер, писал: «В наш век... в обычай вошло преподавать науки по азбучному порядку *Словарями*», когда «исторические... науки систематическим порядком предлагаются»². Эти строки лишний раз подтверждают правильность общего положения Ф. Энгельса, что «для восемнадцатого века характерной была идея энциклопедии»³.

Литература о словаре невелика⁴, и в ней, кроме названия, объема, имени автора, редактора и т. п., ничего не сообщается. Таким образом, остается слабоизученной история его создания, судьба и ценность как исторического источника. А между тем почти все исследователи отмечают, что этот словарь был среди первых в России. Одно это делает его интересным источником для истории исторической науки.

О Федоре Афанасьевиче Полунине, авторе словаря, биографических сведений крайне мало. Точно не установлены даже даты его жизни. Лишь в небольшой статье Б. Гарского (Б. Л. Модзалевского) биографии Ф. А. Полунина было посвящено несколько строк⁵. Из них мы узнаем, что Ф. А. Полунин с 1747 г. находился на военной службе, в 1764 г. получил чин коллежского асессора, а в 1771—1774 гг. был воеводой г. Вереи Московской губернии.

Кроме того, в одном из номеров популярного журнала того времени

¹ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962, с. 441.

² Миллер Г. Ф. Предисловие.— В кн.: Географический лексикон Российского государства... М., 1773, с. [1] без пагинации (далее — Миллер Г. Ф. Предисловие...).

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 599.

⁴ Кауфман И. М. Географические словари. М., 1964, с. 14—15.

⁵ Русский библиографический словарь, т. XIV «Плавильщиков — Примо», 1905, с. 156—157.

«Ежемесячные сочинения» сообщалось, что Ф. А. Полуниин в 1755 г. был воспитанником Кадетского корпуса⁶. Вероятно, тогда же он впервые выступил как переводчик. В том же номере журнала был опубликован его перевод «Правила воспитания детей», подписанный инициалами переводчика «Ф. П.»⁷. В 1769 г. в переводе Ф. А. Полунина была издана книга Л. А. Караччиоли⁸. Большую известность приобрел его перевод «Принцессы Вавилонской» Вольтера, выдержавший несколько изданий⁹. Последней известной нам литературной и научной работой Полунина был словарь — «Географический лексикон Российского государства...», который и прославил имя автора.

Видимо, уже в конце 60-х годов XVIII в. Ф. А. Полуниин составил первоначальный вариант словаря, названный им тогда «Географический лексикон Российского государства»¹⁰. Мы не имеем сведений, чтобы в точности судить об оригинальности замысла. Насколько известно, в России Полуниин не имел предшественников, если не считать ходившего тогда в списках «Лексикона» В. Н. Татищева¹¹. Влияние же западной географической науки возможно, но представляется, что оно не было значительным.

Г. Ф. Миллер (которому было это известно лучше других) сообщал об основных источниках, использованных Полуниным при составлении статей словаря. Среди них он назвал собственные произведения, опубликованные в «Собрании Российской истории» («Sammlung Russischer Geschichte»), издававшимся на протяжении 1733—1764 гг., и в упоминавшемся выше журнале «Ежемесячные сочинения». Полуниину были также известны труды крупного немецкого ученого тех времен А. Ф. Бюшинга. Он мог познакомиться с ними в изданиях на языке оригинала, и к тому же в 1766 г. была переведена на русский язык одна из главных работ Бюшинга, касавшаяся географии России¹². Книга Бюшинга явилась не только одним из источников для словаря Полунина, но и, безусловно, оказала определенное влияние как на замысел, так и на структуру «Географического лексикона...».

По сообщению Г. Ф. Миллера, еще одной работой, из которой заимствованы сведения для словаря, была «Топография Оренбургская» П. И. Рычкова, опубликованная в 1762 г. Хотя Г. Ф. Миллер и не говорил об использовании других работ оренбургского историка, но можно предположить, что Полуниин привлек и их.

Статьи, написанные самим Полуниным, довольно легко выделить, так как точно известно, что они были посвящены лишь городам Московской губернии, состояние которых автор хорошо знал в силу своих служебных обязанностей. В предисловии к словарю высказывалось пожелание о получении очерков или каких-либо сведений от читателей для следующего издания «Географического лексикона...». Эти сведения были учтены, но уже в других, последующих словарях. Но и в издании 1773 г. было опубликовано (в предисловии это не отмечено) одно подобное боль-

⁶ Ежемесячные сочинения. СПб., 1755, май, с. 404—405.

⁷ Там же, с. 414—420.

⁸ Караччиоли Л. А. Истинный мантор, или Воспитание дворянства, соч. маркизом Караччиоли, полковником в службе королевства Польского. С французского перевел Федор Полуниин. М., 1769.

⁹ Принцесса Вавилонская. Соч., В*** [Вольтера]. С франц. перевел Федор Полуниин. М., 1770; изд. 2. СПб., 1781; изд. 3. М., 1788; изд. 4. М., 1789.

¹⁰ Миллер Г. Ф. Предисловие..., с. [IV].

¹¹ Не известно, был ли знаком Ф. А. Полуниин с рукописью В. Н. Татищева. Л. Е. Иофа, утверждавший это в работе «Современники Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев» (М., 1949, с. 73), не сообщил, на чем основан данный вывод.

¹² А. Ф. Бюшинга из сокращенной его географии три главы о географии вообще, о Европе и о Российской империи, переведенные с немецкого на русский язык Иваном Долинским. М., 1766. Другая его работа «Руководство к основательному и полезному познанию географического и политического состояния европейских государств и республик» была издана на русском языке в 1763 г.

пое описание, принадлежащее «уроженцу» Михайловской слободы графов Шереметевых (с. 177—180).

В 1770 г. «Географический лексикон...», составленный на основании перечисленных источников, автор передал в типографию Московского университета. С этого времени Полуниин, видимо, прекращает всякую работу над словарем, так как в связи со служебными делами покидает Москву. Когда первый лист «Географического лексикона...» был уже в корректуре, университетский «книгосодержатель» Г. Л. Вевер, занимавшийся его изданием, предложил Миллеру просмотреть и отредактировать его. Г. Ф. Миллер редактировал словарь «с согласия отсутствующего г. Полунина»¹³, фактически становясь его соавтором.

По признанию Г. Ф. Миллера, его собственные статьи, а в особенности известия А. Ф. Бюшинга, использованные Полуниным, к началу 70-х годов во многом устарели и требовали исправления, «а местами разсудилось привести и историческия обстоятельства, ко удовольствию читателей служить имеющие»¹⁴. Кроме того, известно, что редактированию подверглись и сведения, почерпнутые из работ П. И. Рычкова¹⁵. Миллер заново написал большие статьи: «Россия», «Москва», «Петербург». Первая статья была написана с учетом вновь присоединенных в это время Полоцкой и Могилевской губерний. Некоторые статьи дополнены Миллером таким материалом, который ранее, да и после нигде не был опубликован¹⁶. Эти дополнения, основанные на находящихся в его руках архивных источниках и дневниковых записях собственных путешествий, касались главным образом восточных районов страны (Сибирь). В качестве приложения в конце словаря была помещена «Роспись географическим долготам и широтам», составленная также Миллером и выпущенная в 1773 г. отдельным изданием.

Переработанный таким образом «Географический лексикон...» был подготовлен к печати. Однако его выход в свет задержался на два года. Автор предисловия вскользь отметил, что «бывшее общенародное 1771 году в Москве нещастие... на несколько месяцев совсем пресекло печатание сея книги»¹⁷. В другом месте Миллер писал, что «университетская типография стояла четыре (месяца.— С. И.) без действия, мало ж все типографские служители выбыли»¹⁸. Речь шла о чуме, свирепствовавшей в Москве в 1770—1772 гг.¹⁹

Известно, что особого напряжения события достигли в сентябре, точнее, в середине сентября 1771 г., известные в истории как «чумной бунт» («общенародное нещастие»). «Поправление» «Географического лексикона...» Миллером было сделано довольно быстро, и в сентябре 1771 г. словарь был готов к публикации. Хотя редактор и писал, что торопился с опубликованием словаря, однако не совсем ясно, почему он был издан лишь в сентябре 1773 г. Причины этого, видимо, следует искать в нехватке типографских служащих, а также скопившейся в типографии Московского университета работе.

Попытаемся коротко дать общую характеристику словаря. Словарь содержит 476 страниц текста в два столбца и состоит из 1537 описаний. Большая часть статей была посвящена различным типам населенных пунктов, в особенности городам (379 статей). Причем собственно города

¹³ Миллер Г. Ф. Предисловие..., с. [V].

¹⁴ Там же.

¹⁵ Пештич С. Л. Русская историография XVIII в., т. III. Л., 1971, с. 16.

¹⁶ Следовательно, «Географический лексикон...» можно рассматривать и в плане изучения научного наследия Г. Ф. Миллера.

¹⁷ Миллер Г. Ф. Предисловие..., с. [VI].

¹⁸ М[иллер Г. Ф.] Предисловие.— В кн.: Татищев В. Н. История Российская, кн. 2. М., 1773, с. 2.

¹⁹ См. в кн.: Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе в Москве с 1770 по 1772, с приложением всех для прекращения оной тогда установленных учреждений. М., 1775 (в особенности с. 96).

не смешивались с крепостями (91), острогами (75), замками (62) и т. д. Это весьма показательный факт в плане усиления внимания тогдашней историографии как к проблеме города в целом, так и к отдельным, частным вопросам этой темы — классификация, типология и т. д. Особенно важно в этом плане выделение в специальную группу населенных мест, не имевших четко выраженных характеристик города, как, например, «городки». Здесь под несколько устаревшим ко второй половине XVIII в. термином «городок» скрывается довольно важное обстоятельство, свидетельствующее о происходившей дифференциации в сознании историков и экономистов той поры различных типов горообразованием. Происходит расчленение понятия «город» в экономическом смысле от промежуточных типов поселений, которые в силу своего исторического развития перестали быть поселениями сельского типа, но еще не стали в полном смысле городами или, напротив, утратили черты города. В «Географическом лексиконе...» эта группа предгородских образований насчитывает 248 статей и в свою очередь имеет следующую классификацию: слободы (132), посады (3), городки (61), пригороды (46). Поселения же чисто сельского типа имели в словаре незначительный удельный вес: села (25), деревни (5)²⁰.

Сравнительно большое число описаний заводов и фабрик (191) показательно как отражение общего процесса усиления внимания к экономической тематике. Если перегруппировать статьи словаря порайонно, то увидим следующее. Слабо были описаны западные губернии (106); центральные: Московская (106), Смоленская (6), Воронежская (59), Белгородская (39), Нижегородская (13) и т. д. При большом числе статей, посвященных Украине (347), они, однако, содержали самую минимальную информацию. Города Украины, как правило, описывались так: «Борзна, город Неженского полку в Малой России, от Нежинска 48, от Батурина 33, от Киева 186 верст». Значительная масса статей в словаре относилась к номенклатуре восточных районов страны (595): Приуралье, Урал, Сибирь. При разбивке по губерниям представляется следующая картина: Казанская (105), Астраханская (29), Оренбургская (135), Екатеринбургское горное ведомство (66), Сибирская (170), Иркутская (90). Особенно бедно были описаны западные и юго-западные районы — Прибалтика, Украина, Белоруссия²¹.

Таким образом, словарь был посвящен в большой степени отдаленным и малоизученным районам страны, что вполне соответствовало требованиям времени. Подобная порайонная раскладка статей позволяет отчетливо выделить основные источники словаря — труды тех историков, о которых говорил Миллер в предисловии.

Кроме рассмотренных категорий различных населенных мест в «Географическом лексиконе...» присутствует несколько групп описаний, появление которых можно понять только при рассмотрении их порайонно. Так, для Прибалтики характерна группа описаний «Замок — дворянская мыза» (62). Естественно, в других районах эти термины не употреблялись. Сюда же территориально следует отнести небольшую группу так называемых «Увеселительных домов» (17) — загородных императорских резиденций. А такие категории населенных мест, как «стапичи, местечки» (112), присутствуют только в номенклатуре Украины.

Для восточных районов (Сибирь) характерны следующие категории поселений: зимовья (30), погосты (16), заставы (3). Интересно, что

²⁰ Уже в первых русских географических атласах XVIII в. имеется достаточно разработанный условно-терминологический аппарат для обозначения населенных пунктов и других объектов (*Фель С. Е. Картография России XVIII века. М., 1960, с. 186—188*).

²¹ В крупнейшем словаре конца XVIII — начала XIX в. А. Щекатова (7 томов издания Московского университета 1801—1809 гг.) наблюдается такая же картина (*Милов Л. В. К истории создания «Географического словаря» Афанасия Щекатова. — АЕ за 1968 год. М., 1970, с. 166—183*).

иногда у автора словаря появлялись такие неопределенные термины, как «жилище» (Костикова в Астраханской губ.), «жительство» (Юдомский крест в Иркутской губ.), «главное место» Строгановых (Новое Усолье Казанской губ.). Причем, объекты, описываемые под такими терминами, не равнозначны. Это могли быть различного типа поселения, которые в силу каких-то особенных, местных черт не вписывались в рамки привычных категорий.

В словаре были даны обширные описания с экскурсами в историю таких крупных городов, как Азов, Архангельск, Астрахань, Уфа и др. Так, например, в статье об Азове подробно рассказывалась история города с античных времен. С точки зрения современной науки правильно было выяснено происхождение названия города и прослежена в основных чертах его сложная и насыщенная бурными событиями история. В конце статьи указывались сведения об источниках для изучения истории Азова.

В словаре условно-географическая номенклатура занимала немного места — 179 статей ($\frac{1}{12}$ от общего количества), куда входили: океан (1), моря (8), озера (27), заливы (7), реки (88), острова (15), мысы (3), степи (3), горы (20). Работа редактора по насыщению историческим материалом статей, составленных Ф. А. Полуниным, несколько повлияла на характер словаря, он стал ближе к историко-географическому справочнику, что, впрочем, существенно не изменило первоначальную идею создания *географического* словаря. В отличие от других словарей XVIII в. «Географический лексикон...» содержал ничтожно мало статей по этнографии. В нем представлено 13 описаний народов, населявших Российскую империю и проживавших главным образом в районах Сибири и Оренбуржья.

Здесь необходимо остановиться на вопросе, кто же является автором «Географического лексикона...» 1773 г.? В историографии на этот счет существует неясность. Как, на наш взгляд, верно писал С. Л. Пештич, это произведение можно считать совместным трудом Полунина и Миллера²². Попробуем в связи с этим попытаться суммировать и расчленить долю участия в работе над словарем того и другого автора.

Безусловно, Полулин навсегда останется автором идеи и формы словаря, системы расположения материала в нем. Им же дано и название — «*географический*». Полуниным была проведена первичная подборка и обработка материала — работа в то время сложновыполнимая, так как опубликованных источников было еще мало. Полулин являлся также автором ряда самостоятельных описаний.

Миллер в автобиографии писал, что «Географический словарь...» по большей части мною сочинен²³. Представляется, что историк имел некоторое основание на подобное заявление. Как уже отмечалось, им была проведена большая работа над словарем. Это прежде всего общая его редакция, а также переработка и создание заново большинства статей. Участие Миллера в работе над словарем весьма существенно сказалось и на характере самого произведения — описания были дополнены историческими сведениями. Миллер до конца жизни трудился над новой редакцией словаря²⁴. Причем, по его представлениям, географический словарь 1773 г. должен был бы послужить основой для общего русского *исторического* словаря²⁵, который, как предполагалось, мог вылиться в грандиозный «Словарь исторической, политической, географической во всей той обширности, как сия науки требуют»²⁶. Словарь же 1773 г. мыслился им как первый подход, первая часть этого труда. Большое значение для истории отечественной науки имеет предисловие Миллера

²² Пештич С. Л. Указ. соч., т. III, с. 161.

²³ См. в кн.: Миллер Г. Ф. История в Сибири, т. I. М.—Л., 1937, с. 154.

²⁴ ЦГАДА, ф. 199, оп. 367, № 1; см. также: Пештич С. Л. Указ. соч., т. III, с. 161.

²⁵ Миллер Г. Ф. Указ. соч., с. 154.

²⁶ Миллер Г. Ф. Предисловие..., с. [III].

к «Географическому лексикону...», в котором определены основные положения и представления о форме, содержании, системе и структуре географического словаря.

За 30 лет до выхода в свет этой работы была предпринята попытка составления подобного словаря. Речь идет о работе В. Н. Татищева, которая не была доведена до конца и опубликована много лет спустя, после смерти автора. В научной литературе существует мнение, что первым русским географическим словарем следует считать труд В. Н. Татищева²⁷. Но анализируя содержание и характер статей словаря В. Н. Татищева, приходишь к выводу, что это сочинение по своему типу было первым опытом составления русской энциклопедии или энциклопедического словаря²⁸. Подобный труд был явно не по плечу одному человеку, даже столь деятельному и талантливому, как В. Н. Татищев. Это обстоятельство, по всей видимости, было решающим, и работа осталась незавершенной.

Публикация в 1773 г. первого русского географического словаря оказала определенное влияние на тогдашнее научное общество. Непосредственно под впечатлением труда Полунина и Миллера П. И. Рычков записал в конце жизни составлением особого топографического «Лексикона» Оренбургской губернии²⁹. «Лексикон» П. И. Рычкова также считается географическим словарем, причем региональным³⁰, точнее сказать, первым региональным справочником государственного направления, автор которого находился больше под влиянием словаря Татищева, чем Полунина. Таким образом, первым географическим словарем (и не только потому, что он был первым опубликованным) следует считать, на наш взгляд, «Географический лексикон...» Полунина³¹. В результате того, что в работе над словарем принял участие Миллер, первоначальная структура словаря как чисто географического претерпела некоторые изменения и характер его приобрел историко-географический оттенок при сохранившемся старом названии.

Разница в характере изданий отчетливо видна при сопоставлении их названий (курсив мой.— С. И.):

В. Н. Татищев

Ф. А. Полунин

П. И. Рычков

Лексикон Российский исторический, географический, политический и гражданский. СПб., 1793³²

Географический лексикон Российского государства, или Словарь... М., 1773.

Лексикон или словарь топографический Оренбургской губернии... [1776 г.]. ГБЛ ОР, ф. Музейный, № 2931, т. I, л. 2.

Миллер в предисловии к «Географическому лексикону...» писал, что читатели, сравнив его с «Лексиконом» В. Н. Татищева, ходившим тогда в списках, «могут себя уверить о совершенной их разности, как в намере-

²⁷ *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР. М., 1962, с. 441, 442; *Шапог Е. Г.* В. Н. Татищев и его деятельность в области русской географии. Автореф. канд. дис. ЛГУ, 1950, с. 17 и др.

²⁸ *Иофа Л. Е.* Современники Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев, с. 70; *Лебедев Д. М.* География в России петровского времени. М.—Л., 1950, с. 324; *Корженевский Н. Л.* О первых русских географических словарях.— Известия Академии наук Узбекской ССР, 1952, № 6, с. 94.

²⁹ *Пекарский П. П.* Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова. СПб., 1867, с. 151. Работа П. И. Рычкова осталась в рукописи и долгое время считалась утерянной.

³⁰ *Мильков Ф. Н.* П. И. Рычков. Жизнь и географические труды. М., 1953, с. 130; *Лярский П. А.* П. И. Рычков — выдающийся географ XVIII в. Автореф. канд. дис. Л., 1954, с. 15.

³¹ *Илизаров С. С.* Русский город глазами историков XVIII в.— В кн.: Русский город (Историко-методологический сборник). М., 1976, с. 161.

³² Название работы В. Н. Татищева было дано издателями. У автора словарь назывался «Российский исторический, географический и политический лексикон» (*Татищев В. Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950, с. 23—24).

пии, так и в производстве»³³. Это заявление в точности отражало действительное положение.

В том же предисловии Миллер предупреждал, что «некто, издавая перевод Шацовой Географии», при комментировании и исправлении «пользовался сим Словарем по печатным листам, еще прежде окончания онаго»³⁴. Миллер остерегался, что этот перевод выйдет прежде «Географического лексикона...». Однако география И.-Я. Шаца (Schatz), над переводом которой с середины 60-х годов трудился Х. А. Чеботарев, так и не была напечатана, потому что к тому времени уже устарела³⁵. Но Чеботарев, по-видимому, использовал словарь в своем руководстве по географии, вышедшем в 1776 г.³⁶

«Географический лексикон...» 1773 г. оставался единственным изданием такого рода в России в течение 15 лет. В 1788—1789 гг. вышел в свет новый словарь Л. М. Максимовича, изданный Н. И. Новиковым. Он открывался тем же предисловием Г. Ф. Миллера, что и словарь 1773 г., но, начиная со второго абзаца страницы V, оно было продолжено неизвестным автором. Он писал, что многие статьи полуниинского «Географического лексикона...» требовали исправления в связи с новым административным делением страны, а также необходимо было описать вновь присоединенные территории. Поэтому, словарь Ф. А. Полунина, «к вящему удовольствию почтенных читателей вновь будучи рассмотрен, пополнен, умножен и представляется вторым тиснением»³⁷. Автор нового словаря отводил себе скромную роль — роль редактора «Географического лексикона...» 1773 г.

В советской историографии утвердилось мнение, что словарь Максимовича превосходит полуниинский в объеме более чем в 5 раз³⁸. Вывод этот строился лишь на чисто внешних данных. Ширина формата полосы набора «Географического лексикона...» Полунина на 40 мм меньше, чем в словаре Максимовича. Объем первого — 476 страниц, а второго — 1891. Шрифт в словаре 1773 г. значительно мельче, чем в словаре Максимовича³⁹. При подсчете же количества печатных знаков в том и другом словаре получается, что объем первого словаря равен примерно 1,5 млн. знаков (37,5 уч.-изд. л.), а второго — 4,5 млн. знаков (112,5 уч.-изд. л.). Следовательно, объем словаря Максимовича больше полуниинского в 3 раза, а не в 5, как это считалось до сих пор.

Безусловно, словарь Максимовича имел самостоятельное значение, по следует признать, что по существу он является новой, расширенной редакцией словаря Полунина.

Для примера рассмотрим статьи обеих словарей с точки зрения их содержания. Например, под литерами «А», «Г», «Е» наблюдается сле-

³³ Миллер Г. Ф. Предисловие..., с. [VII].

³⁴ Там же, с. [VIII].

³⁵ Объяснительная записка проф. И. Г. Рейхеля по поводу перевода руководства по географии Шаца, от 3 ноября 1767 г.— В кн.: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в., т. III. М., 1963, с. 112—113.

³⁶ Географическое методическое описание Российской империи с надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще... из лучших новейших и достоверных писателей, собранное трудами Харитона Чеботарева. М., 1776.

³⁷ Максимович Л. М. Новый и полный географический словарь Российского государства... М., 1788, ч. 1, с. VI (курсив мой.— С. И.)

³⁸ См., например: *Воднарский М. С.* Первый русский географический словарь.— *Землеведение*, 1927, т. XXIX, вып. III—IV, с. 63; *Источникведение истории СССР*. М., 1973, с. 250 и др.

³⁹ «Лексикон» Ф. А. Полунина был отпечатан шрифтом, размер которого приблизительно соответствует современному кеглю 10 (Пробная книга всем азбукам, знакам и типографским украшениям, которые при ...типографии Академии наук находится. СПб., 1748). Шрифт же словаря Л. М. Максимовича приблизительно соответствует современному кеглю 12 (Образцы литер, находящихся в типографии Московского университета. М., 1796).

дующая картина: общее количество статей в словаре Полунина — 160, Максимовича — 427, т. е. во втором больше на 267 статей. Но из 160 описаний первого словаря большая часть (115) вошла в словарь Максимовича практически без каких-либо изменений. Около 30 статей были отредактированы и несколько дополнены. Лишь 5 статей словаря Максимовича содержали новые интересные исторические описания. Это статьи об Архангельске, Алексине, Архангельском монастыре и др.

Автор другого, самого крупного словаря конца XVIII в., в котором были широко использованы материалы словаря Полунина, А. Щекатов стремился придать своему труду более энциклопедический характер⁴⁰. Как видно, происходил возврат к Татищеву, к тому, от чего отказались на первом этапе Полунин и Миллер.

Мнение о том, что в скором времени по выходе в свет словарь 1773 г. быстро устарел, на наш взгляд, несколько неточно. И так же не совсем правомерно утверждение о случайности в подборе материала для словника «Географического лексикона...»⁴¹. Именно этот словарь послужил образцом и вошел целиком в качестве основной составной части в последующие работы подобного типа — в словари Максимовича и Щекатова. Это характеризует словарь как с точки зрения его особенности и отличия от «Лексикона» Татищева и Рычкова, так и со стороны его популярности и верности выбранного общего направления.

Подводя итог вышесказанному, можно с уверенностью утверждать, что работа Ф. А. Полунина и Г. Ф. Миллера определила развитие этой отрасли научных знаний по крайней мере на ближайшие 50 лет⁴². Поэтому анализ всех словарей, увидевших свет в XVIII в., невозможен без серьезного предварительного источниковедческого изучения словаря 1773 г.

⁴⁰ Милов Л. В. К истории создания «Географического словаря» Афанасия Щекатова. — АЕ за 1968 год. М., 1970, с. 167, 170.

⁴¹ Источниковедение истории СССР. М., 1973, с. 250.

⁴² В заслугу редактора словаря необходимо поставить и то, что им был очерчен круг источников, который мог быть использован при последующих изданиях: статьи «уроженцев города или места», «Путешественные описания академиков Гмелина, Палласа...» и проч. Допустимо представить, что существует связь между путешествием Г. Ф. Миллера по Московской губернии, предпринятым в конце жизни, и его планами по созданию нового словаря.

Н. А. Козлова

**Н. Н. БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ
И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АКТОВОЙ АРХЕОГРАФИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.**

В последние годы в литературе неоднократно обращалось внимание на развитие русской археографии и источниковедения XVIII в., и в частности на крупнейшее научно-историческое издание того времени — «Древнюю российскую вивлиофику» Н. И. Новикова¹. При этом наметились разногласия в оценке роли в подготовке этой публикации современников Новикова — Н. Н. Бантыш-Каменского и М. М. Щербатова. Г. Н. Моисеева² указывает на Щербатова как на основного поставщика исторических материалов для «Вивлиофики», а О. А. Омельченко³ в качестве наиболее вероятного помощника Новикова называет, и в ряде случаев убедительно, Н. Н. Бантыш-Каменского. Целесообразно вновь вернуться к этому вопросу, тем более что роль Бантыш-Каменского в развитии отечественной археографии XVIII в., и в частности актовой, настолько значительна, что заслуживает самостоятельного рассмотрения.

В 1762 г. Н. Н. Бантыш-Каменский поступил на службу актуариусом в МАКИД. Здесь он проработал свыше 50 лет, вплоть до смерти, став вместе с И. Г. Стриттером и М. Соколовским сначала соуправляющим (1783), а затем и единоличным руководителем МАКИД (1800).

Во второй половине XVIII в. МАКИД окончательно оформился как исторический архив, в котором хранились документы многих ликвидированных учреждений, в том числе богатейший архив Посольского и подведомственных ему приказов. Со временем МАКИД превратился в ведущий научный центр по изучению русской, преимущественно дипломатической, истории. Выполняя практические нужды русской дипломатии, сотрудники архива проводили огромную работу по систематизации и описанию хранившихся в нем документов, подготавливали описи, обзоры, выписки в ответ на запросы правительства. По нашим подсчетам, только одних описей на документальные комплексы Бантыш-Каменский составил свыше 70. В их числе описания исторических и церемониальных дел, азиатских, малороссийских, татарских, турецких, польских, сербских, грузинских и других дел.

В 1766 г. Н. Н. Бантыш-Каменский и М. Соколовский составили «Реестр» грамот Великого Новгорода с князьями, где описали 17 актов

¹ См., например: *Дербов Л. А.* Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974.

² *Моисеева Г. Н.* Литературные и исторические памятники Древней Руси в изданиях Н. И. Новикова. — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 276—293.

³ *Омельченко О. А.* «Древняя российская вивлиофика» Н. И. Новикова и М. М. Щербатова. — АЕ за 1975 год. М., 1976, с. 82—87. В 1971 г. нами также были приведены некоторые факты участия Бантыш-Каменского в подготовке «Вивлиофики» (*Козлова Н. А.* Н. Н. Бантыш-Каменский и «Древняя российская вивлиофика». — В кн.: *Материалы XXVI научной студенческой конференции [Тартуского ун-та].* Тарту, 1971, с. 21—23.

XIII—XV вв.⁴ Одновременно ими были сделаны и копии описанных актов⁵.

В 1767 г. Бантыш-Каменский завершил работу над «Реестром» духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XVI вв.⁶ Как и в случае с новгородскими грамотами, с них Бантыш-Каменский также снял копии⁷.

Оба «Реестра» стали первыми русскими дипломатическими исследованиями. В ходе их составления, а также тщательной выверки копий Бантыш-Каменский проводил работу по изучению актов. Его описательные статьи всегда полные, а иногда даже очень пространные. Здесь указывалось подробное содержание грамот, их составители (в тех случаях, когда они не были известны, Бантыш-Каменский устанавливал их), материал, внешний вид, сохранность актов и их печатей, включая тщательное описание изображений на них. Обращаясь к летописям, Бантыш-Каменский определял время написания грамот. При этом он отдавал предпочтение более широким хронологическим рамкам датировки документов, чем предпочтительным, хотя и более узким датировкам, которые могли оказаться ошибочными. Исходя из формуляра грамот и их терминологии Бантыш-Каменский устанавливал разнородности актов⁸.

Работа Бантыш-Каменского по описанию древнейших духовных и договорных грамот была проведена за несколько лет до издания «Древней российской вивлиофики» и «Истории Российской» М. М. Щербатова. В условиях ограниченного доступа в архив исследователей и научно-исторической ценности актов их копирование должно было исключить необходимость постоянно обращаться к подлинникам. Ведь еще с 1760 г. директор МАКИД Г. Ф. Миллер вынашивал планы издания дипломатических документов России, включая и самые древнейшие. В этих условиях копии Бантыш-Каменского духовных и договорных грамот так же, как и их своеобразный «пересказ» в «Реестрах», должны были стать и стали единственной основой их издания и в «Вивлиофике», и в «Истории» Щербатова⁹.

В 1773 г. во второй части первого издания «Вивлиофики» была опубликована «Выписка из грамот новгородских», где дано краткое изложение 14 грамот XIII—XV вв.¹⁰ В четвертой части «Вивлиофики» помеще-

⁴ ЦГАДА, ф. 180, оп. 13, д. 435. В 1800 г. Бантыш-Каменский составил на основании «Реестра» 1766 г. новый «Реестр новгородским грамотам между великими российскими князьями и Великим Новгородом». Позже, в 1813 г., он внес в него дополнения, появившиеся в процессе подготовки СГГД (там же, д. 436).

⁵ ЦГАДА, ф. 180, оп. 13, д. 435, л. 5.

⁶ Там же, д. 425. Текст написан переписчиком, но содержит исправления и дополнения Бантыш-Каменского.

⁷ Там же, ф. 135, отд. 1, рубр. 1.

⁸ В 1766 г. Бантыш-Каменский составил «Ответы на запросы Тауберта», где провел дипломатический анализ начальных частей грамот (титулов), относящихся к князю великого князя Ивана Васильевича, привлекая данные посольских книг, свидетельства иностранных источников, русских летописей (ОПИ ГИМ, ф. 450, 719/б, л. 1—4).

⁹ На основании указа Екатерины II МАКИД был обязан документы, «кои описывать будут, сообщать в копиях господину камер-юнкеру князю Щербатову». Миллер в одном из донесений в Коллегию иностранных дел (3 мая 1770 г.) подтвердил, что все дела, «по нынешнее число списанные, отсылаются на нынешней почте» к Щербатову (ЦГАДА, ф. 199, д. 389, ч. 1, л. 25). Сюда входили и копии Бантыш-Каменского. При сравнении грамот, опубликованных Щербатовым в «Истории Российской», обнаруживается совпадение описания палеографических особенностей их и копий Бантыш-Каменского. Расхождения в некоторых случаях касаются лишь модернизации текста. Например, Бантыш-Каменский при характеристике состояния печатей употребляется термин «скропились», в то время как Щербатов заменяет его на «разкропились». В ряде случаев совпадает и датировка грамот, хотя Щербатов стремился к более точному определению времени написания актов (ср., например: *Щербатов М. М.* История российской от древнейших времен, т. IV, ч. III. СПб., 1784, с. 13, 29, 115, 141; ЦГАДА, ф. 180, оп. 13, д. 425, л. 11, 27 об.).

¹⁰ ДРВ, изд. 1, ч. 2. СПб., 1773, с. 41—55.

на «Роспись старинным грамотам великих князей», носившая сходный характер¹¹. В ней пересказывалось содержание 146 грамот великих и удельных князей XIV—XVI вв. Полная публикация древнейших грамот была начата Н. И. Новиковым в 1774 г., когда он издал 17 новгородских грамот; а затем 21 грамоту XIV—XV вв., включая духовную Василия I, ошибочно датированную около 1455 г. Наконец, в 9-й части «Вивлиофики» были опубликованы еще 44 грамоты¹². В приложении к первой части второго издания Новиков поместил «Сокращение грамот, находящихся в первой части Древней российской вивлиофики». Первый раздел «Сокращения» (грамоты новгородские) содержал пространное изложение содержания новгородских докопчаний. Вторая и третья части второго издания «Вивлиофики» также содержали аналогичные «Сокращения» и духовные и договорные грамоты (соответственно с № 6 по 123 и с № 124 по 142)¹³. Говоря об источниках, «из коих обогатилось мое собрание для Вивлиофики», Новиков отмечал «отличное усердие покойного Миллера в ревностном споспешествовании сему изданию», услуги Щербатова, предоставившего документы «из ... книгохранительницы своей», и аналогичную помощь Бантыш-Каменского¹⁴.

Известно, что именно в 70—80-е годы XVIII в. Бантыш-Каменский принимал участие в подготовке и издании двух публикаций Новикова: сочинений А. П. Сумарокова и перевода Я. И. Булгакова труда аббата Ж. де-ла Порта «Всемирный путешественник, или познание Старого и Нового света»¹⁵. По спискам, предоставленным Бантыш-Каменским, Новиков опубликовал в «Вивлиофике» 39 грамот Иосифо-Волоколамского монастыря¹⁶. Говоря же о текстах духовных и договорных грамот, издатель «Вивлиофики» сообщил, что они были предоставлены ему Миллером на основании указа Екатерины II¹⁷. Это указание надо понимать в том смысле, что копии были даны Миллером как начальником МАКИД, а не в том, что их подготовил к изданию этот историк. Текст грамот был опубликован по копиям Бантыш-Каменского, которые периодически отправлялись Новикову¹⁸.

В «Вивлиофике» изданы только те грамоты, с которых Бантыш-Каменским были сняты копии. Здесь не оказалось, например, грамоты, включенной Бантыш-Каменским в свой «Реестр» 1767 г. под № 8: «У сей грамоты,— отмечал он,— начала и конца и с одной стороны края не имеется, почему и копии с оной списать не можно»¹⁹. Совпадает также правописание копий и публикации Новикова в тех случаях, когда в копиях находятся отличия от правописания подлинников. Так, например, в копии Бантыш-Каменского и в издании читается в начале духовной Ивана III «святыя живоначалныя» (Троицы), а не «святыя и живоначалныя», как в подлиннике, «коширу», а не «кошыру», как в подлиннике²⁰. Сам Бантыш-Каменский исправил в своей копии «Труевым» на «Туревым»²¹. Последнее чтение есть в «Вивлиофике», а в подлиннике

¹¹ ДРВ, ч. 4. СПб., 1773, с. 243—320.

¹² ДРВ, ч. 6. СПб., 1774, с. 409—470; ч. 8. СПб., 1775, с. 208—353; ч. 9. СПб., 1775, с. 222—264.

¹³ Там же, изд. 2, ч. 1. М., 1788, с. 429—446; ч. 2. М., 1788, с. 435—446; ч. 3. М., 1788, с. 472—476.

¹⁴ Там же, ч. 1, с. IX—XI.

¹⁵ ГБЛ, ф. 41, карт. 56, д. 24.

¹⁶ ДРВ, изд. 2, ч. 14. М., 1790, с. 122—292.

¹⁷ Там же, ч. 2, с. 434.

¹⁸ На обложке черновика «Реестра» 1767 г. рукой Бантыш-Каменского почерком, по времени близким составлению «Реестра», записано: «1. Посылка г. Новикову от № 1 по 22. 2. Посылка 17 март[а] от № 22 по 67. 3. Посылка... от № 67 по 103. 4. Посылка... от № 103 по 124. 5. Посылка... от № 124 по 143. 6. Посылка (не послан) от № 143 по последние 181». — ЦГАДА, ф. 180, оп. 13, д. 426, л. 43 об.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 180, оп. 13, д. 425, л. 7 об.

²⁰ Ср.: ДРВ, изд. 2, ч. 2, с. 408, 410; ЦГАДА, ф. 135, отд. 1, рубр. 1, № 49, л. 9—10.

²¹ Ср.: ДРВ, изд. 2, ч. 2, с. 412; ЦГАДА, ф. 135, отд. 1, рубр. 1, № 49, л. 11.

духовной стоит «Турьевым». При издании была допущена некоторая модернизация текста, которой нет в копиях Бантыш-Каменского. В духовной Ивана III предлог «з» перед звонкими согласными («з двором») систематически передается как «с». Модернизация допускается и в таких случаях, как «держыт» вместо «дръжыт», «с Истьюю» вместо «с Ъстьюю», в середине слова опускается «ъ» и т. п. Не редки и прямые ошибки при печатании документов, а возможно, и при переписывании с копии («ни в воды» вместо «ни в годы», «Вондуем» вместо «Вонгуем», «Ручай» вместо «Рунай» и др.).

В «Вивлиофике» почти полностью опубликован и «Реестр» 1767 г. Прежде всего с ним точно совпадает заголовок к изданным грамотам и заголовок Бантыш-Каменского (правда, Новиков воспроизвел только часть его). Второй раздел «Сокращения» первой части второго издания «Вивлиофики» также представляет собой соответствующий текст «Реестра» 1767 г. Отличия его от рукописного варианта сводятся лишь к тому, что при публикации не были помещены замечания Бантыш-Каменского, касающиеся печатей. Впрочем, эти дополнения фактически есть в конце публикаций отдельных грамот. Точно воспроизводят соответствующие места «Реестра» и «Сокращения» двух последующих частей «Вивлиофики». Наконец, заголовки к отдельным грамотам издания представляют собой описательные статьи все того же «Реестра» с учетом всех дополнений и исправлений, сделанных Бантыш-Каменским. Расхождение публикации «Реестра» с его подлинником в нумерации грамот, как уже отмечалось выше, объясняется тем, что с одной из грамот ввиду ее плохой сохранности не была снята копия. Любопытна и такая деталь: если Новиков, модернизируя текст самих грамот, в публикации «Реестра» стремился приблизиться к старой орфографии, то Бантыш-Каменский поступал наоборот (у него, например, «Дмитрий», «грамота», в то время как в «Вивлиофике» — «Димитрий», «грамата»).

Рассмотрение архивных документов, связанных с работой Н. Н. Бантыш-Каменского по описанию и копированию древнейших актов, показывает, что он был тщательным исследователем, археографическая деятельность которого заняла достойное место уже во второй половине XVIII в., в том числе в издании «Истории Российской» Щербатова и «Вивлиофике» Новикова. Опыт, приобретенный им в это время, стал своеобразной гарантией высокого научного качества его нового издания древнейших грамот в начале XIX в. — первой части «Собрания государственных грамот и договоров». Таким образом, Н. Н. Бантыш-Каменского можно считать одним из родоначальников отечественной актов археографии.

А. А. Сопуко

**К ВОПРОСУ О ПУБЛИКАЦИИ
ВАХТЕННЫХ ЖУРНАЛОВ
(по материалам изданий XIX в.)**

К числу важных и интересных источников, не привлечших еще должного внимания современных исследователей, относятся вахтенные журналы кораблей русского флота, прошедшие своеобразный путь развития. Большинство этих журналов может быть широко использовано при изучении проблем истории оружия, техники, военно-морского искусства. Значение вахтенных журналов не ограничивается областью только военно-морского дела. Исследователь, занимающийся изучением морей и океанов, разработкой вопросов, связанных с историей географических открытий на морях или изучением эпохи, насыщенной войнами с участием флота, вряд ли сможет пройти мимо сведений, содержащихся в вахтенных журналах по этим вопросам. Определенный интерес представляют вахтенные журналы и для специалистов, работающих в области океанологии, судостроения, этнографии, фауны и флоры морей и океанов, земного магнетизма и др.

Однако как источник вахтенные журналы недостаточно изучены, а сведения из них используются не в полную меру. Основная задача, стоящая перед автором настоящей статьи, — обратить внимание исследователей на этот источник; показать, каким образом осуществлялась публикация вахтенных журналов в XIX в.; указать на издания, в которых они были опубликованы; поставить вопрос о необходимости возобновления публикации этого источника.

Вахтенные журналы — специальные книги, которые ведутся на кораблях и судах всех стран и куда заносятся в хронологической последовательности сведения о состоянии кораблей, несении службы личным составом, производимых на кораблях работах, учениях, режиме работы машин (во времена парусного флота — управления парусами), а также данные о плавании и местонахождении кораблей. В период войны в журналы заносятся сведения об участии кораблей в боевых действиях.

Вахтенные журналы ведутся (и велись в прошлом) в специальных книгах строго установленной формы, пронумерованных, прошнурованных и скрепленных сургучной печатью.

В XVIII—XIX вв. заполненный вахтенный журнал подписывали два человека: лицо, которое заполняло журнал¹, и командир корабля, который своей подписью подтверждал правильность записей, сделанных в журнале. С начала XX в. до настоящего времени в вахтенном журнале ставят подписи следующие лица: вахтенный офицер, помощник командира корабля, старший помощник командира корабля, командир корабля.

¹ До 1859 г. — штурман, позднее, когда штурманы стали заполнять свой, навигационный журнал, — вахтенный офицер.

В наше время на военных кораблях ведение вахтенных журналов входит в обязанность вахтенных офицеров, на торговых судах эту обязанность выполняют помощники капитана.

На протяжении более чем двухвекового существования вахтенный журнал назывался по-разному: Дневные записки, Повременные записки, Корабельный журнал, Журнал, Судовой журнал и т. д. В XIX в. этот документ стал называться Шханечный журнал, потому что его писали на шханцах²; с 1869 г. и до настоящего времени он называется Вахтенный. На кораблях Военно-Морского Флота и на судах промыслового флота СССР описываемые нами журналы носят название Вахтенный, на судах торгового флота — Судовой журнал³. В исторической литературе принято вахтенные журналы за прошлые века называть шханечными журналами⁴.

Официальное начало ведения журналов в русском флоте было положено первым уставом военно-морского флота России, утвержденным Петром I в 1720 г.⁵ Однако фактическое начало ведения вахтенных журналов надо отнести к более раннему времени. Так, до наших дней сохранились в архиве журналы 1719 г.⁶ Известно также о существовании морских журналов Н. А. Сенявина за 1705—1712 гг.⁷ и журнала корабля «Дефам» за 1705 г.⁸ Сравнение выписок из этих журналов с вахтенными журналами кораблей «Гангут» и «Ормонд», фрегата «Эсперанс», гукора «Кроншлот» периода 1719—1720 гг.⁹ показывает, что они велись по тому же образцу, что и сохранившиеся до нас первые вахтенные журналы. Поэтому морские журналы Сенявина и журнал корабля «Дефам» следует отнести к вахтенным журналам.

«Устав морской», введенный Петром I, требовал, чтобы каждый командир корабля при возвращении в базу сдал вахтенный журнал в Адмиралтейств-коллегию¹⁰, откуда они поступали в архив на вечное хранение¹¹. Подавляющее большинство этих журналов хранится в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота¹², отдельные вахтенные журналы хранятся в Ленинградском отделении Архива АН СССР¹³ и Центральном государственном архиве древних актов¹⁴.

Вахтенные журналы собирались в архивах с 1719 г., но их публикация начала осуществляться только в XIX в. Необходимо отметить, что в первой половине XIX в. публиковались не все вахтенные журналы: журналы экспедиционных судов оставались секретными и были доступны узкому кругу лиц.

² Шханцы, или квартал-дек,— место в кормовой части корабля или фрегата под ютом.

³ Силинг А. Н. Морское право. М., 1964, с. 42.

⁴ Соколов А. Северная экспедиция 1733—1743 гг.—ЗГД, 1851, ч. IX, предисловие. См. также: Документы о плавании капитан-командора Беринга к берегам Америки в 1741 году. Чикаго, 1893, с. 8.

⁵ Книга устав морской, о всем, что касается доброму управлению в бытности флота на море. СПб., 1720, с. 41.

⁶ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, т. 1—2, д. 1.

⁷ Морские журналы Наума Акимовича Сенявина, 1705—1712 гг.—ЗГД, 1852, ч. X, с. 326—359. Подлинники журналов обнаружить не удалось.

⁸ Выписывание из вседневной порядочной записи, что чинено в корабле «Дефам»...— Материалы для истории русского флота, ч. I. СПб., 1865, с. 61—67.

⁹ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, т. 1—2, д. 1, 2, 4, 5.

¹⁰ В первые годы основания русского флота все дела, относящиеся к нему, находились в ведении особого приказа, учрежденного в 1700 г. В 1707 г. это управление было названо Канцелярией военно-морского флота. В 1718 г. управление морской частью было поручено совету из нескольких флагманов. Это совещательное управление названо Адмиралтейств-коллегия.

¹¹ Книга устав морской... с. 41.

¹² ЦГАВМФ, ф. 870, 315, 913 и др.

¹³ ЛО ААН, ф. 21, оп. 5, д. 58.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 21, оп. 55, д. 9 доп.

Так, например, вахтенные журналы Второй Камчатской экспедиции (1733—1743) хранились в Кабинете императрицы в строжайшем секрете до 1752 г. В указанном году по специальному распоряжению правительства некоторые из них были переданы в Академию наук, где с ними работал Г. Ф. Миллер. По окончании работы журналы были изъяты из Академии наук и продолжали храниться как секретные документы¹⁵.

По этой причине многие географические открытия, совершенные русскими моряками, оставались неизвестными, в то время как мореплаватели других стран давали уже открытым русскими землям свои названия. А вахтенные журналы с доказательствами приоритета России в этих географических открытиях лежали в архивах.

Знаменитый русский мореплаватель В. М. Головнин по этому же поводу писал: «Прежним нашим мореплавателям запрещалось объявлять свету о своих открытиях, а журналы и описи их были представляемы местному начальству, которое в те времена по примеру испанцев все их держало в тайне и тем лишало славы своих мореплавателей. В последствии времени многие из сих бумаг сгнили и растерялись... Если бы журналы наших мореплавателей не сгнили в архивах, а были бы исправлены, сличены один с другим, приведены в исторический порядок и напечатаны, тогда иностранцам (от мыса Св. Илии к северу) не осталось бы другого занятия, как только определить долготы разных мест астрономическими наблюдениями, чего наши мореплаватели тех времен не имели способов делать»¹⁶.

В 1850 г. вахтенные журналы из Гидрографического департамента были переданы в архив Морского министерства, где им была составлена общая опись. И только с этого времени все вахтенные журналы, в том числе и журналы экспедиционных судов, стали доступны исследователям.

Публикация вахтенных журналов в XIX в. стала возможной благодаря настойчивой деятельности передовых людей России прошлого века, понимавших ценность заключенных в них записей.

В 1797 г. в русском флоте была введена должность историографа. Он был обязан осуществлять контроль за правильным ведением вахтенных журналов на кораблях, их своевременной сдачей в архив, изданием журналов и выписок из них. На эту должность был назначен вице-адмирал А. С. Шишков. Понимая большую ценность заключенных в вахтенных журналах сведений как для своих современников, так и для потомков, Шишков хотел издать все вахтенные журналы, хранящиеся в архиве с начала основания флота до 1800 г., а затем издавать сокращенно журналы кораблей по мере их поступления в Адмиралтейств-коллегию. Полностью осуществить этот замысел Шишков не успел.

Свою мысль историограф флота начал осуществлять с публикации выписок из вахтенных журналов судов с 1719 по 1724 г. (среди них фрегата «Новокроншлот», кораблей «Северный орел», «Пантелеймон» и др.)¹⁷. Ценность труда Шихкова состоит и в том, что он опубликовал извлечения из вахтенных журналов, многие из которых до настоящего времени не сохранились. В 1800 г. Шишков издал вторую публикацию — «Собрание морских журналов...», где поместил выписки из вахтенных журналов с 1797 по 1800 г. фрегатов «Эммануил» и «Автроил», кораблей «Ретвизан», «Александр Невский» и др.¹⁸

¹⁵ Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Второй Камчатской экспедиции.— ИВГО, т. 91, вып. 1. М.—Л., 1959, с. 3—4.

¹⁶ [Головнин В. М.] Путешествие вокруг света, совершенное... на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головниным, ч. 1. СПб., 1822, с. 219—220.

¹⁷ [Шишков А.] Список кораблям и прочим судам всего Российского флота от начала заведения онаго до нынешних времен, с историческими, вообще о действиях флотов и о каждом судне, примечаниями, ч. 1. [СПб.], 1799.

¹⁸ [Шишков А.] Собрание морских журналов, или ежедневных записок, содержащих в себе плаванья флотов, эскадр и судов Российских, начиная с

Автор так дорожил своевременностью публикации материалов, что печатал извлечения из вахтенных журналов по частям, по мере их получения. Извлечения из журналов, поступивших в архив, когда работа над «Собранием морских журналов...» была закончена, составили вторую часть этого труда Шишкова, изданную им в том же году¹⁹.

В 1806 г. вышел учебник по кораблевождению академика П. Гамалея, который нашел на флоте практическое применение. В нем была дана оценка вахтенного журнала «для составления истории флота и всех случившихся с оным в военное и мирное время приключений»²⁰ и изложены правила его ведения (§ 509—511).

В связи с образованием в 1805 г. Морского министерства была произведена реорганизация учреждений, в обязанности которых в числе других дел входило и издание вахтенных журналов. Вместо руководимого А. С. Шишковым Комитета при Государственной адмиралтейской коллегии был учрежден Государственный адмиралтейский департамент. Это учреждение имело коллегиальную форму управления и было подчинено непосредственно морскому министру; президентом Адмиралтейского департамента был назначен А. С. Шишков.

Вновь организованное учреждение в числе других занималось вопросами контроля за ведением вахтенных журналов на кораблях, за их своевременной сдачей в архив Государственного адмиралтейского департамента и изданием. Адмиралтейский департамент существовал с 1805 по 1827 г. Он имел типографию, где печатал свое периодическое издание «Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом...», 13 частей которого вышли с 1807 по 1827 г. Вместе с другими материалами в них публиковались сведения из вахтенных журналов. Так, например, были опубликованы «Извлечение из журнала штурмана Розмыслова, зимовавшего на Новой Земле в 1768 г.» (выписки с 10 июля по 24 августа 1768 г.), «Выписка из журнала, веденного на 84-х пушечном корабле Эмгейтене, во время плавания его от Кронштадта до Востока и обратно в 1824 году», обзор журнала путешествия В. М. Головинина на шлюпе «Диана» в 1807 г., сделанный И. Ф. Крузенштерном, выписки и рисунки из вахтенного журнала фрегата «Проворный» за 1824 г.²¹ и др.

Вопрос об издании того или иного вахтенного журнала, выписок из него решался на заседаниях департамента. На одном из заседаний в 1825 г. было «слушано мнение» капитан-лейтенанта И. Ф. Крузенштерна о вахтенных журналах, представленных в департамент командирами шлюпов «Ладога» и «Аполлон»: «Журнал г. Лазарева, хотя не содержит в себе много нового насчет географического положения мест, им во время плавания виденных, но в отношении исторического повествования путешествия довольно любопытен и, по моему мнению, заслуживает быть напечатанным в Записках наших... Журнал [шлюпа «Аполлон»] не менее занимателен и также должен быть помещен в Записках»²².

В августе 1827 г. Государственный адмиралтейский департамент был упразднен. Вместо него создали два независимых друг от друга учреждения: Управление генерал-гидрографа, отвечавшее за хранение вахтенных журналов, и Морской ученый комитет, публиковавший их.

Морской ученый комитет публиковал с 1828 г. материалы из вахтенных журналов в своем периодическом издании «Записки Ученого

1797 года, то есть со времени вступления на престол е. и. в. государя императора Павла Петровича, издаваемое по высочайшему повелению, попечением и трудами вице-адмирала, Государственной адмиралтейской коллегии члена, историографа по флоту и начальствующего в учрежденном при сей Коллегии Комитете Александра Шишкова, ч. 1. СПб., 1800.

¹⁹ То же, ч. 2.

²⁰ Гамалея П. Теория и практика кораблевождения, ч. 1. СПб., 1806, с. 267.

²¹ ЗГАД, 1820, ч. IV, с. 379—391; 1824, ч. VII, с. 315—327; 1815, ч. III, с. 1—57; 1825, ч. VIII, с. 23—128, см. также рисунки в конце книги.

²² ЗГАД, 1825, ч. IX, с. XXII.

комитета Главного морского штаба», которые после 1837 г. стали называться «Записки Ученого комитета Морского министерства»; с 1828 г. по 1845 г. вышло 17 частей.

В Управление генерал-гидрографа входило гидрографическое депо. В 1835 г. начали публиковаться «Записки Гидрографического депо, издаваемые директором оного депо генерал-лейтенантом Шубертом». Этот журнал выходил одновременно с «Записками Ученого комитета». В «Записках Гидрографического депо» помещались главным образом материалы по гидрографии Северного Ледовитого океана, Балтийского и Белого морей. В большинстве случаев этот материал брался из вахтенных журналов кораблей, на что указано во многих статьях. Вышло 5 частей, после чего, в 1837 г., издание журнала прекратилось.

В 1837 г. Управление генерал-гидрографа было преобразовано в Гидрографический департамент. Туда были переданы все вахтенные журналы, которые прежде хранились в архиве Адмиралтейского департамента. Гидрографический департамент с 1842 до 1852 г. издавал «Записки Гидрографического департамента Морского министерства» по образцу «Записок Гидрографического депо». Но форма их была изменена: она соответствовала «Запискам, издаваемым Государственным адмиралтейским департаментом». Всего было издано 10 частей.

В «Записках Гидрографического департамента» помещались статьи ученых и морских офицеров о мореплавании, выписки из вахтенных журналов, информация о тех вахтенных журналах, которые поступали в архив, «отчеты о главных распоряжениях и занятиях Департамента по гидрографической части» и др.

В 1856 г. была составлена и опубликована опись вахтенных журналов, хранящихся в архиве Морского министерства²³. Она состоит из двух разделов: I. «Опись шканечным журналам 1719—1826 гг., веденным до учреждения Гидрографического управления Морского министерства, №№ 1—3850». II. «Опись шканечным журналам 1827—1852 гг., веденным с учреждения Гидрографического управления Морского министерства, №№ 3851—6888». В начале описи помещен перечень шканечных журналов судов, совершивших кругосветные плавания в 1803—1851 г., хотя журналы этих судов имеются и в общей описи вместе с другими журналами.

Опись составлена по следующей схеме: общий номер, под которым журнал хранится в архиве, годы плавания, тип корабля, его название, фамилия командира. Вахтенные журналы в ЦГАВМФ и в настоящее время хранятся в соответствии с указанной описью, причем большинство из указанных в описи журналов сохранилось.

В 60-х годах XIX в. систематическая публикация материалов из вахтенных журналов прекратилась. В последующие годы они время от времени появлялись в работах отдельных исследователей и в трудах государственных учреждений. Прежде всего необходимо отметить три крупные работы, в которых даны сведения о вахтенных журналах судов 1735—1877 гг.: труды Н. А. Ивашинцова, Б. Эвальда и коллектива сотрудников Морского министерства.

Капитан-лейтенант Н. А. Ивашинцов в работе «Русские кругосветные путешествия»²⁴ дал описание всех русских кругосветных путешествий первой половины XIX в.²⁵, начиная с кругосветного плавания Кру-

²³ Опись шканечным журналам с 1719 по 1853 год и реестр клеркским протоколам и журналам канцелярий флагманов с 1723 по 1826 год. СПб., 1856.

²⁴ ЗГД, 1849, ч. VII, с. 1—116; 1850, ч. VIII, с. 1—190. В 1872 г. в Санкт-Петербурге работа была издана отдельной книгой.

²⁵ Всего с 1803 по 1853 г. совершили кругосветные плавания 64 корабля; в 1819 г. пошло вокруг света сразу 5, а в 1853 г.— 8 кораблей. В указанный период русские корабли с научными целями совершили больше кругосветных плаваний, чем корабли остальных государств, вместе взятых (Морской сборник, 1849, т. II, № 3, с. 202—205; 1851, т. VIII, № 11, с. 415—416; 1853, т. X, № 10, с. 382—383).

зенштерна на корабле «Надежда» и кончая плаванием транспорта «Байкал», отправившегося в 1848 г. из Кронштадта в Охотское море. Автор указал цель, которую он поставил перед собой: «Представить в самом сжатом объеме главнейшие черты всех наших кругосветных плаваний и указать сделанные ими приобретения»²⁶.

В конце каждого описания Ивашиных приводит списки использованных источников и литературы. В большинстве случаев это вахтенные журналы кораблей. Пользуясь только одними вахтенными журналами, Ивашиных описал кругосветные плавания судов «Нева» (1806—1807 гг., лейтенант Гагемейстер), «Суворов» (1813—1816 гг., лейтенант М. П. Лазарев, 1816—1818 гг., лейтенант Понафидин), «Кутузов» (1820—1822 гг., лейтенант Дохтуров), брига «Аякс» (1821—1822 гг., лейтенант Филатов), корабля «Николай» (1839—1844 гг., лейтенант Кадников), транспорта «Або» (1840—1842 гг., капитан-лейтенант Юнкер).

В своей работе Ивашиных поместил списки экипажей кораблей, участвовавших в кругосветных плаваниях в 1803—1849 гг. Состав участников плаваний взят из вахтенных журналов: поименно перечисляются офицеры и ученые, принимавшие участие в плавании; рядовой и старшинский состав указывается количественно. К работе приложены карты путей кораблей, составленные также по данным вахтенных журналов.

Кроме того, в работе Ивашиных помещены таблицы по каждому кораблю со следующими сведениями: моря и океаны, через которые проходили корабли; время выхода, достижения пункта назначения и возвращения; маршруты, которыми шли корабли, куда заходили, продолжительность переходов между отдельными портами; число офицеров и нижних чинов, число умерших и другие сведения.

Часть вахтенных журналов, использованных Ивашиных, до нашего времени не сохранилась. Это журналы кораблей: «Суворов», «Кутузов», «Аякс», «Николай». Не сохранилось о них и никаких других сведений. Единственным источником о плавании этих кораблей является труд Ивашиных, высоко оцененный в свое время Гидрографическим департаментом.

Работа Ивашиных по описанию кругосветных плаваний была продолжена сотрудниками Морского министерства, которые также по вахтенным журналам описали кругосветные и заграничные плавания русских кораблей с 1850 по 1877 г. Вышли в свет две работы. В первой из них кроме описания кругосветных и дальних плаваний кораблей с 1850 по 1868 г. приведены подробные сведения об их пребывании за границей²⁷. В отдельную главу выделены действия наших эскадр и судов во время плавания в Тихом океане. Сведения о плавании корвета «Оливуц» (1850—1854 гг.), фрегатов «Паллада» (1852—1854 гг.), «Аврора» (1853—1854 гг.) и «Диана» (1853—1855 гг.), имеющиеся в книге, полностью совпадают со сведениями из вахтенных журналов этих кораблей²⁸. Во второй работе²⁹ описаны кругосветные и заграничные плавания русских кораблей 1868—1877 гг.: клипера «Гайдамак» (1871 г.), шхуны «Ермак» (1871 г.), клипера «Алмаз» (1872 г.), корвета «Витязь» (1873 г.), шхуны «Восток» (1876 г.). При этом приводятся и те факты, которые представляют определенный интерес для науки. Так, например, при описании плавания клипера «Гайдамак» 5 марта 1871 г., когда судно находилось в Тихом океане, отмечено необыкновенное колебание картушек всех компасов до 8 румбов и более.

²⁶ Ивашиных Н. А. Указ. соч.— ЗГД, 1849, ч. VII, с. 1.

²⁷ Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота с 1850 по 1868 г. СПб., т. I, II, 1871; т. III, 1872. (Третий том представляет материалы с отчетами судовых врачей и отношения к вахтенным журналам не имеет.)

²⁸ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, т. 3, д. 6543, 6914/6, 6914/в, 7037, 7323/355, 72066/53.

²⁹ Первое продолжение обзора заграничных плаваний судов русского военного флота 1868—1877 г., т. I. СПб., 1878; т. II, 1879.

Клипер «Изумруд» 7 декабря 1872 г. прибыл в бухту Великий князь Константин за известным русским ученым Н. Н. Миклухо-Маклаем, который на этом судне, прежде чем отправиться на Родину, совершал плавание и посетил ряд островов Индопезии. Эти события описаны в книге по вахтенному журналу клипера «Изумруд».

Но в эти работы, как и в труд Ивашинцова, не вошли астрономические, метеорологические, гидрографические и другие наблюдения, производившиеся на судах во время плаваний³⁰, которыми интересовались не только в России, но и за рубежом. Во время пребывания русской эскадры в Америке (1863 и 1864 гг.) при посещении русскими моряками Вашингтонской обсерватории ее сотрудники выразили сожаление о том, что не могут пользоваться в своих новых работах метеорологическими наблюдениями из вахтенных журналов «русских военных судов, которые в течение XIX века избороздили по всем направлениям почти все океаны»³¹.

Необходимо было восполнить этот пробел. По каждому кораблю, совершившему в XIX в. кругосветное или дальнее плавание, была написана книга. В 1873 г. вышла первая работа о метеорологических наблюдениях, производившихся на шлюпе «Камчатка» в 1817—1819 гг.³²

В работе приведены метеоданные, сведенные в таблицы по разделам, соответствующим отрезкам пути от Кронштадта до берегов русской Америки.

Их сравнение с этими же данными в вахтенном журнале показало, что они одинаковы³³.

Кроме того, в книге дан «Краткий перечень событий во время кругосветного плавания шлюпа «Камчатка» и приложена карта, выполненная по данным вахтенного журнала. Из всех других опубликованных карт кругосветного плавания шлюпа «Камчатка» это наиболее точная; путь корабля показан не кривой линией (приблизительной), а ломаной, соединяющей точки (широты, долготы).

Заведующий Депо морских карт и книг штабс-капитан Б. Эвальд издал опись вахтенных журналов кораблей, совершавших плавания в Тихом и Северном Ледовитом океанах с 1735 г. до конца XVIII в.³⁴ Среди них: журнал плавания лейтенанта Лаптева по Северному Ледовитому океану и реке Лене на боте «Иркутск» в 1735—1736 гг.; журнал, веденный на судне «Слава России» в 1791 г.; журнал плавания мичмана Шхелтинга от Большерецка к Японии и обратно к Охотску в 1739 и 1740 гг. и много других. Всего в описи 243 журнала.

Появление этой описи было выражением интереса, который проявился в России в начале XX в. к освоению северных и северо-восточных районов. Наглядно показывая рост числа научных гидрографических исследований, «Краткая опись» до сих пор сохраняет справочно-библиографическое значение.

В XIX в. вахтенные журналы использовались и рядом исследователей в их работах. Так, командир шлюпа «Сенявин» Ф. П. Литке неоднократно пользовался вахтенными журналами для анализа плаваний судов. Описывая путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин»

³⁰ До середины XIX в. все перечисленные сведения записывались в вахтенные журналы, позднее — в метеорологические.

³¹ Метеорологические наблюдения, производившиеся во время кругосветного плавания шлюпа «Камчатка» под командой капитана 2-го ранга Головина в 1817, 1818, 1819 годах. СПб., 1873, с. II.

³² Там же.

³³ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, т. 3, д. 7037, 7323/355, 72066/53.

³⁴ [Эвальд Б.] Краткая опись описных и шханечных журналов гидрографических экспедиций и отдельных судов, работавших в Охотском море, Беринговом море, Северном Ледовитом океане и Белом море в XVIII столетии и хранящихся в Депо морских карт и книг Главного гидрографического управления Морского министерства. Пг., 1916.

в 1826—1829 гг., Литке использовал вахтенные журналы этого шлюпа, которым он командовал во время путешествия³⁵, и бота «Св. Гавриил»³⁶, на котором Беринг прошел в 1728 г. пролив между Азией и Америкой, позже названный его именем. А. П. Соколов по вахтенным журналам и другим источникам написал работу «Опись берегов Ледовитого моря, произведенная под начальством г. Анжу в 1821—1823 гг.»³⁷ В работе «Северная экспедиция 1733—1743 гг.» для описания плаваний Беринга и Чирикова А. П. Соколовым были использованы вахтенные журналы пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел». В 1890 г. В. Вахтин в своем исследовании опубликовал выписки из вахтенного журнала бота «Св. Гавриил» за 1725—1727 г.³⁸

Вахтенными журналами пользовались в своей практической деятельности участники ряда экспедиций: по журналам своих предшественников они знакомились с результатами, которых достигли мореплаватели, плававшие в тех же районах ранее. Так, экспедиция Анжу (1821—1823 гг.) пользовалась копиями «с журналов Геденштрома и Андреева (тогда еще не изданных) с их картами» и выпиской из журналов, «всех прежде бывших описей Ледовитого моря»³⁹. Участники экспедиции Анжу имели намерение на лето остаться на острове Котельном, но отказались от этого плана, ибо «по журналам прежних мореплавателей, бывших в тех морях, значит, что во все летнее время обыкновенно там продолжаются непрерывные туманы, которые препятствуют видеть и самые ближние предметы»⁴⁰.

Необходимо подчеркнуть, что публикацией материалов из вахтенных журналов занимались морские издательства, которые печатали в основном сведения, касающиеся военно-морского дела, а сведения по этнографии, фауне и флоре, истории, географии, океанологии, истории международных отношений и другие не печатались. Поэтому вахтенный журнал как цельный источник до настоящего времени не издавался. В XX в. публикация вахтенных журналов совсем прекратилась и наука лишилась очень важного источника.

В настоящее время огромное число вахтенных журналов, собранных более чем за 250 лет в наших архивах, к услугам научных работников. Так, например, в ЦГАВМФ хранится подлинный вахтенный журнал бота «Св. Гавриил»⁴¹, на котором Беринг во время Первой Камчатской экспедиции (1725—1730) совершил важные географические открытия, из которых нам известно лишь около десятка. Однако в вахтенном журнале только за период плавания от устья р. Камчатки до Чукотского моря (с 13 июля по 13 августа 1728 г.) записано 48 географических открытий! Вахтенный журнал бота «Св. Гавриил» не публиковался, не издавался и

³⁵ [Литке Ф. П.] Путешествие вокруг света, совершенное... на военном шлюпе Сепявине в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах флота капитаном Федором Литке. Отделение историческое, ч. I—III. СПб., 1834—1836.

³⁶ [Литке Ф. П.] Указ. соч. Отделение мореходное. СПб., 1835. Кроме того, в этой книге даны отрывки из вахтенного журнала бота «Св. Гавриил» и анализ отдельных моментов плавания Беринга в Анадырском заливе. Многие русские мореплаватели — авторы книг о своих путешествиях, как и Литке, часто выносили вспомогательный материал в отдельные книги, называвшиеся «Отделение мореходное». Эти книги позже не переиздавались и по этой причине сейчас мало известны исследователям.

³⁷ В этой работе он пишет: «Настоящее описание составлено по журналам, хранящимся в архиве Гидрографического департамента, по донесениям г. Анжу, по разным перепискам об этом деле» (ЗГД, 1849, ч. VII, с. 125).

³⁸ Вахтин В. Русские труженики моря. Первая морская экспедиция Беринга для решения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой. СПб., 1890.

³⁹ Соколов А. П. Опись берегов Ледовитого моря..., с. 130.

⁴⁰ Там же, с. 154.

⁴¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 2; Соловко А. А. Вахтенные журналы кораблей В. И. Беринга.— ИВГО, 1978, т. 110, вып. 2.

вахтенный журнал пакетбота «Св. Петр»⁴², на котором Беринг в 1741 г. во время Второй Камчатской экспедиции открыл северо-западное побережье Америки. Не сделан и полный анализ его. Поэтому ряд географических открытий, совершенных экипажем пакетбота «Св. Петр», остался исследователям неизвестным⁴³.

Большинство вахтенных журналов кораблей Второй Камчатской экспедиции, действовавших в Северном Ледовитом океане, до настоящего времени исследователи не использовали. Все они хранятся в ЦГАВМФ⁴⁴. К их числу относятся: «Журнал плавания дубель-шлюпа «Тобол» под командованием лейтенанта Д. Овцына от Тобольска к Северному Ледовитому океану, 14 мая 1734 г.— 7 октября 1735 г.»; «Журнал плавания бота «Иркутск» под командой лейтенанта Д. Лаптева в экспедиции Беринга от Якутска к Северному океану, 30 июня 1735 — 15 июня 1737 г.»; «Журнал плавания бота № 1 и № 2 под командой лейтенанта А. Скуратова и С. Малыгина при описи берегов Северного Ледовитого океана, 22 июня 1736 — 7 октября 1737 г.» и др.

В вахтенных журналах кораблей, совершивших кругосветные плавания, материалы которых в XIX в. привлекали внимание исследователей, сохранилось еще много ценных неопубликованных сведений. К их числу относятся журналы кораблей, совершивших первое русское кругосветное плавание в 1803—1806 гг., «Надежда» и «Нева» под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского; журналы шлюпа «Камчатка» (командир В. М. Головин); фрегата «Крейсер» (командир М. П. Лазарев); шлюпа «Сенявин» (командир Ф. П. Литке); корвета «Витязь» за время кругосветного плавания 1886—1889 гг. под командованием С. О. Макарова и ряд других⁴⁵.

⁴² Подлинный вахтенный журнал пакетбота «Св. Петр» не сохранился; имеется пять копий этого журнала, хранящихся в разных архивах: три — в ЦГАВМФ (ф. 913, оп. 1, д. 50, 51, 370) и по одной — в ЛО ААН (ф. 21, оп. 5, д. 58) и ЦГАДА (ф. 21, оп. 55, д. 9 доп.).

⁴³ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 50, л. 30 об., 31, 32 об.— 34.

⁴⁴ Там же, д. 8, 9, 19 и др.

⁴⁵ Там же, ф. 315, оп. 2, д. 32/1; ф. 870, оп. 1, т. 1, 2, д. 2622/2, 3350, 3599, 3837; т. 4. д.14942—14950, 15318—15324, 15675 А.

К. Ф. Шаццло

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПСЕВДОНИМАХ В ЖУРНАЛЕ «ОСВОБОЖДЕНИЕ»

Весной 1920 г., готовясь ко II конгрессу Коминтерна, В. И. Ленин писал работу «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». В ней он четко сформулировал положение, которое назвал основным законом всякой революции, подтвержденным, в частности, и тремя русскими революциями. Суть этого закона кратко сводилась к тому, что «революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса»¹.

Один из таких серьезнейших общенациональных кризисов сложился в России в начале XX в. Проявления его были многообразны. Они сводились к резкому усилению рабочего движения, росту крестьянских выступлений, к оформлению политических партий, к консолидации и более четкому размежеванию политических течений. Свидетельством глубины кризиса верхов было образование нелегальных либеральных организаций («Союз освобождения», «Союз земцев-конституционалистов») и издание за границей (сначала в Германии в Штутгарте, а затем в Париже) нелегального либерального журнала «Освобождение».

Поскольку кризис верхов является неотъемлемой частью основного закона революции, изучение его — первостепенная задача историков. Однако изучение это для кануна «генеральной репетиции 1917 г.» затрудняется одним обстоятельством: в нелегальном журнале почти все статьи, естественно, были анонимными. Между тем либеральный лагерь был крайне пестр и разношерстен, что обнаружилось в появлении на страницах «Освобождения» различных, часто взаимоисключающих точек зрения. Не зная авторов статей, трудно, а иногда и совсем невозможно провести анализ публикуемых статей, определить динамику в развитии взглядов авторов, тем более что, как свидетельствуют факты, часто некоторые авторы имели по нескольку псевдонимов. Мало помогает в раскрытии авторских имен в «Освобождении» и фундаментальная работа И. Ф. Масанова «Словарь псевдонимов» (т. I—IV. М., 1956—1960 гг.), поскольку лишь несколько авторов этого журнала пожелали раскрыть свои имена. В данной статье взятые из этого издания псевдонимы помечены звездочкой.

Между тем В. И. Ленин, тщательно изучавший политическую мысль современной ему России в малейших ее оттенках, не только отмечал разногласия на страницах «Освобождения»², но и живо интересовался тем, кто за ними конкретно стоит. В 1909 г. в Петербурге был опубликован II выпуск сборника «Зарницы», где помещена статья Д. И. Шаховского

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 70.

² См.: Ленин В. И. Политическая борьба и политикачество.— Полн. собр. соч., т. 7, с. 34—42.

«Союз освобождения». «К сожалению, — вспоминал позже ее автор, — там не пришлось под псевдонимы и нарицательные имена поставить имена собственные»³. Именно на это обстоятельство сразу же при прочтении статьи обратил внимание В. И. Ленин: на страницах статьи Д. И. Шаховского им сделаны десятки пометок типа «Кто это?», «Имена?», «Только?», «Славянофилы?» и др.⁴

Ознакомление с хранящимися в ЦПА ИМЛ фондом П. Б. Струве (ф. 302) и фондом редакции «Освобождение» (ф. 279) позволяет раскрыть имена многих авторов журнала, укрывавшихся за псевдонимами. Большинство из псевдонимов однозначно устанавливается авторскими признаниями⁵. Однако при пользовании прилагаемым списком псевдонимов необходимо иметь в виду следующее. Во-первых, большинство авторов не пользовалось только одним псевдонимом и, следовательно, число как авторов, так и псевдонимов не исчерпывается приведенным списком⁶. Во-вторых, наиболее распространенными псевдонимами (типа N., N.N., X, XYZ. и т. д.) могли пользоваться не только лица, приведенные в списке. В-третьих, в список включены авторы как журнала «Освобождение», так и сборников «Освобождение» (вып. I и II) и «Листка Освобождения», а в двух случаях — псевдонимы, употреблявшиеся только в переписке. И, наконец, не все указанные авторами псевдонимы обнаружены нами на страницах трех названных органов, но встречаются иногда в ответах редакции «Освобождения» в конце журнала в разделе «Почтовый ящик» или в неопубликованных письмах и статьях в редакцию. Кроме того, в список включены авторы статей, опубликованных без подписи. Указанные замечания следует помнить при пользовании публикуемым ниже списком.

**Список псевдонимов и авторов
неподписанных статей журнала «Освобождение»,
«Листков Освобождения» и сборников «Освобождение», вып. I и II⁷**

Аппенский Николай Федорович —	— Автор статьи «Опровержение» («Освобождение», № 42)
Бенуа В.	— Noibel
Бердяев Николай Александрович	— К. Т-нъ
Берлин Павел Абрамович	— Карин
Беренштам Владимир Вильямович	— Канцелярская крыса
Богораз (Тан) Владимир Германович	— Агасфер
Булгаков Сергей Николаевич	— 1) Nemo*; 2) S. B.
Вернадский Владимир Иванович	— Влдр.
Виноградов Павел Гаврилович	— абв
Волошин Максимилиан Александрович	— 1) M.; 2) W
Вольтке Григорий Самойлович	— С. Ф.
Гершензон Михаил Осипович	— Заслуженный отставной педагог
Гуревич Любовь Яковлевна	— 1) E. H.; 2) +; 3) ≠
Гуревич Яков Яковлевич	— Земский гласный T*

³ Шаховской Д. И. Автобиография. — В кн.: Русские ведомости. 1863—1913 гг. Сб. статей, ч. II. М., 1913, с. 200.

⁴ Л[епешинский] П. Выдержки из статьи кн. Дм. Шаховского. — Старый большевик. Сборник. Октябрь — декабрь, 5 (8). М., 1933, с. 106 и др.

⁵ Псевдонимы, установленные другим путем или из других источников, оговариваются.

⁶ Обращает на себя внимание отсутствие в списке ряда видных деятелей «Союза освобождения», принимавших активное участие в его деятельности.

⁷ Имена и отчества авторов раскрытых псевдонимов даются только для известных автору сообщения лиц. В четырех случаях (В. Бенуа, С. Корнилов, Д. Торнтон, Д. Шор) установить имена и отчества не удалось.

- Ден Владимир Эдуардович ⁸ — 1) Дик; 2) Дикий; 3) Дин;
4) Д.
- Долгоруков Павел Дмитриевич — 1) Волосатый; 2) Д.*
- Долгоруков Петр Дмитриевич — 1) Земец; 2) Русский; 3) XYZ;
4) * * *; 5) Мефистофель ⁹
- Дебагорий-Мокриевич Владимир Карпович — К. В.
- Кашинцев Иван Николаевич — И. К-ъ.
- Кистяковский Богдан Александрович — 1) Освобожденец; 2) Украинец
- Кони Анатолий Федорович — 1) Обыватель; 2) Саламандра
- Корнилов Александр Александрович ¹⁰ — К. С.
- Корнилов С. — Екатеринбургец
- Короленко Владимир Галактионович — 1) N. N.; 2) Автор статей «Самодержавная беспомощность» («Освобождение», № 14); «Суррогаты гласности для высочайшего употребления» («Освобождение», № 16) ¹¹
- Кранихфельд Владимир Павлович — Автор внутренних обозрений («Освобождение», январь—май 1903 г.)
- Кулябко-Корецкий Николай Иванович — Н. Филарет
- Кускова (Прокопович) Екатерина Дмитриевна — 1) Всегда некогда; 2) Credo
- Ландау Григорий Адольфович — Л.*
- Львов Георгий Евгеньевич — Д.
- Львов Николай Николаевич — Автор письма, цитируемого в передовице «Освобождения», № 7
- Милюков Павел Николаевич — 1) Профессор*; 2) С. С. С.*;
3) — СС —*; 4) С. С.*
- Набоков Владимир Дмитриевич — Independent
- Наживин Иван Федорович — Мужик
- Невиус Арвид — От нашего гельсингфорского корреспондента Ф.
- Никольский Александр Иванович — Аноним*
- Пантелеев Логгин Федорович — Senex
- Петрово-Соловово Василий Михайлович — 1) Земский гласный; 2) Автор письма в статье «Земство, дворянство и самодержавие» («Освобождение», № 15/16)
- Петрункевич Иван Ильич — 1) Один из демократов; 2) Соавтор П. Д. Долгорукова по листовке «Война и народ» («Освобождение», № 57); 3) Магнат ⁹
- Пешехонов Алексей Васильевич — 1) А. Старицкий*; 2) Антон Старицкий
- Плахоцкий Леон (Василевский Л.) — Informator
- Прокопович Сергей Николаевич — 1) Н. Н.*; 2) N. N.*
- Пругавин Александр Степанович — РД*

⁸ Авторство установлено на основе сличения почерков.

⁹ Псевдоним употреблялся только в переписке.

¹⁰ ААН, ф. 518, оп. 5, д. 68 (Воспоминания А. А. Корнилова).

¹¹ Авторство установлено по кн.: Короленко В. Г. Избранные сочинения, изд. 2. Л., 1935, с. 643—647.

- Рейснер Михаил Андреевич — 1) Профессор-Политик; 2) Автор статьи о томских событиях («Освобождение», № 19, 20/21)
- Рубакин Николай Александрович — 1) С. Р. Некрасов*; 2) Nystrix Cristata*
- Сватиков Сергей Григорьевич — 1) S. W.; 2) W. W. W.
- Струве Петр Бернгардович — 1) П. С.*; 2) Р. Д.*; 3) Редактор*; 4) Р. Н. С.*; 5) П. Истурбин
- Тарле Евгений Викторович — Аврелий*
- Топоркова Юлия Григорьевна — Женщина*
- Торнтон Д. — Унывающий россиянин
- Тыркова Ариадна Владимировна — Берта
- Франк Семен Людвигович — 1) К. Д.; 2) Н. К.; 3) Н-чъ; 4) Р.; 5) Патриот; 6) Автор статьи «Литература всеподданнейших увещеваний» («Освобождение», № 20/21, 23, 24)
- Хижняков Василий Васильевич — 1) N. N., 2) W*; X. Y. Z.*
- Шор Д. — Д. Ц. М.
- Шаховской Дмитрий Иванович — 1) Земский гласный М.; 2) Петербуржец; 3) Автор статьи «Из Ярославской жизни» («Освобождение», № 10)
- Яковлев (Богучарский) Владимир Яковлевич — 1) Андреев; 2) Б. Базилевский; 3) Скороход; 4) Автор статьи «Декоративная депутация» («Освобождение», № 66)

Е. А. Луцкий

**ДОКУМЕНТЫ А. В. ШЕСТАКОВА
ПО РАБОТЕ БОЛЬШЕВИКОВ СРЕДИ КРЕСТЬЯНСТВА
В 1905 Г.**

В 1977 г. исполнилось 100 лет со дня рождения старого большевика, советского историка, члена-корреспондента Академии наук СССР Андрея Васильевича Шестакова (Н. Никодимов) (12 (24) октября 1877—29 июня 1941)¹. В исторической науке он известен преимущественно своими работами по вопросам крестьянского движения во время первой русской революции 1905—1907 гг. и Великой Октябрьской социалистической революции². Но Шестаков был автором не только исторических исследований, но и исторических источников, созданных большевистскими организациями, проводившими под руководством Шестакова агитационно-пропагандистскую революционную работу среди крестьянства. В этой работе Шестаков участвовал в 1904 г., состоя членом Тверского комитета большевиков, а затем в 1905 г.—членом Московского комитета, в который он был введен в марте 1905 г., и с апреля по декабрь, работая окружным организатором. В исторической литературе эти источники еще не подвергались изучению, кратко отмечался лишь один документ — «Открытое письмо Центральному Комитету и товарищам, работающим в деревне»³.

В настоящей статье мы попытаемся установить авторство Шестакова в документах Московской окружной организации и дать анализ их содержания сравнительно с произведениями В. И. Ленина того же времени. Мы рассмотрим листовки с обращениями и призывами к крестьянам, написанные Шестаковым как руководителем окружной организации, и различные документы этой организации (инструкции, постановления, отчеты); многие из последних дошли до нас в виде оттисков с гектографа или mimeографа, т. е. тоже в виде листовок. Листовки и важнейшие документы Московского комитета, как и других комитетов партии, пересылались в ЦК и в редакцию центрального органа партии в Женеву и хранились в женевском архиве партии, материалы которого находятся теперь в ЦПА ИМЛ.

Почти все выявленные до сих пор листовки Московской окружной организации перепечатаны в различных сборниках⁴. Известно, как слож-

¹ См. о нем: *Луцкий Е. А.* Андрей Васильевич Шестаков.— История СССР, 1967, № 3; *Большевики Москвы 1905 года.* М.—Л., 1925, с. 20—21.

² *Очерки истории исторической науки в СССР*, т. III, М., 1963, с. 171—172; т. IV, М., 1966, с. 203, 232, 254, 327, 331, 332, 385—386, 392, 413, 415, 416, 424, 449, 497, 540.

³ *Климов П. И.* Революционная деятельность рабочих в деревне в 1905—1907 гг. М., 1960, с. 86; *Тропин В. И.* Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. [М.], 1970, с. 78. Авторство Шестакова указано только в последней книге.

⁴ *Карпов Н.* Крестьянское движение в революции 1905 года в документах. Л., 1926; *Попова Е.* 1905 г. в Московской губернии. М.—Л., 1926; 1905. Большевистские прокламации и листовки по Москве и Московской губернии. М.—Л., 1926; Из истории революции 1905 года в Москве и Московской губернии. Материалы и документы.

но установление авторства листовок. Публикаторы листовок Московской окружной организации такого исследования не проводили. В воспоминаниях о событиях 1905 г., опубликованных в 1923 г., Шестаков указывал: «Я писал ряд листовок и на местные экономические темы и на общеполитические, но выбрать из пачки прокламаций, предъявляемых мне теперь Историко-революционным архивом, прокламации моего произведения — считал бы для себя весьма затруднительным»⁵. Будем считать бесспорным авторство Шестакова только в отношении тех листовок, о которых в его трудах имеются на это прямые указания, и выскажем свои соображения о наибольшей вероятности его авторства некоторых других листовок.

В других воспоминаниях Шестаков отмечал, что он был автором некоторых листовок к крестьянству в 1905 г., и называл при этом листовку о праздновании 1 Мая⁶. Известны четыре листовки, изданные Московским комитетом большевиков к 1 Мая (18 апреля) 1905 г. На одной из них напечатан текст В. И. Ленина⁷. Все они предназначались, как видно из текста, для городских рабочих. В это же время Московский комитет издал листовку «К товарищам, уезжающим в деревню», тоже обращенную к рабочим, но к тем, кто отправляется на пасхальные праздники к своим родным в деревню, с призывом организовать крестьян для революционной борьбы и объяснить им задачи крестьянства в революции. В листовке говорилось:

«Расскажите крестьянам про наш социал-демократический рабочий союз, про нашу партию.

Советуйте крестьянам, пусть и они соединяются в союзы, устраивают революционные комитеты... Пусть революционные комитеты назначат царскую, великокняжескую, монастырскую и помещичью землю отобрать и что с этой землей сделать...

Соберите в деревне, товарищи, всех батраков, всех наемных рабов деревенских. Пусть они пристанут к нашей партии для борьбы против эксплуатации, за социализм»⁸.

Хотелось бы думать, что это и была та листовка, о которой вспоминал Шестаков. Других листовок с крестьянской тематикой Московский комитет в апреле 1905 г. не издавал. В этой листовке те же достоинства и недостатки, что и в других произведениях Шестакова 1905 г. Листовка показывает, что автор ее следил за новыми статьями В. И. Ленина по аграрному вопросу. Как известно, В. И. Ленин выступил накануне III съезда партии с предложением об изменении аграрной программы партии. В листовке Московского комитета видно отражение положений проекта резолюции III съезда партии, включенного в статью В. И. Ле-

М., 1931; Аграрное движение 1905—1907 годов в Московской области. Сб. документов. М., 1936 (на обл. 1937); Листовки московских большевиков в период первой русской революции. М., 1955; Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг., ч. 1—2. М., 1956; Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Революционное движение в России весной и летом 1905 г. Апрель — сентябрь, ч. 1. М., 1957; Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года, ч. 1. М., 1955; Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь — декабрь 1905 года, ч. 1. М., 1955. Наиболее полная публикация листовок Московской организации большевиков представлена в сборнике «Листовки московских большевиков в период первой русской революции», но в нем нет всех выявленных листовок Московской окружной организации. В сборнике напечатано 35 листовок Московского окружного комитета. В других сборниках есть листовки, отсутствующие в данном сборнике.

⁵ Путь к Октябрю, вып. II. М., 1923, с. 77.

⁶ Там же, вып. III. М., 1923, с. 11.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 81—84. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924, т. 2. М., 1971, с. 56. Текст был написан в Женеве до 12 (25) апреля 1905 г. и издан в следующие дни листовкой с подписью: «Бюро Комитетов Большинства. Редакция «Вперед»».

⁸ Листовки московских большевиков в период первой русской революции, с. 133—134.

нина «Пролетариат и крестьянство», о поддержке крестьянского движения, «не останавливаясь в этих целях перед экспроприацией помещичьей земли», стремясь при этом к «самостоятельной классовой организации сельского пролетариата»⁹. Со статьей В. И. Ленина работники Московского комитета могли познакомиться только из газеты «Вперед», где она была опубликована 23 (10) марта 1905 г. В несколько другой редакции эти положения вошли в резолюцию «Об отношении к крестьянскому движению», принятую III съездом партии 3 мая (20 апреля) 1905 г.¹⁰ Московская листовка советовала крестьянам организовать революционные крестьянские комитеты, но не призывала к захвату, к экспроприации без выкупа этими комитетами помещичьей земли, не давала ответа на вопрос: кому и как отдать эту землю, кому будет принадлежать эта земля?

В другой листовке к крестьянам («Письмо крестьянина. Ответ Московского социал-демократического комитета»), изданной в начале мая 1905 г., сказано, что комитеты «должны прежде всего порешить, какую землю, украденную правительством и помещиками, отобрать и как эту землю поделить промежду себя», а далее говорилось об установлении комитетами арендных цен на землю¹¹. У нас нет данных об авторе этой листовки, но, судя по ее тексту, автор, хотя и использовал тот же источник, но передал его менее точно, чем это было сделано в первой листовке.

Можно предположить, что Шестаков был автором и листовки «Как отобрать землю у помещиков и уделов», которая имеет подпись: «Окружная организация Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии». В листовке отмечено, что она отпечатана в типографии окружной организации, и поставлена дата: «сентябрь 1905 г.» Напомним, что у Шестакова с апреля 1905 г. уже был опыт работы окружного организатора, участия в первых съездах Крестьянского союза, он искал ответы на вопросы, связанные с работой среди крестьянства, в частности, на те, какие остались нерешенными в его первой листовке к крестьянам. Все это отразилось в содержании листовки, в более продуманных и определенных формулировках, начиная с ее заглавия. Обращает на себя внимание постановка политических задач: «добиться, чтобы было созвано учредительное собрание от всего народа на равных началах», крестьянам предлагалось «передать, что мы хотим народного управления — демократической республики»¹². Особенно интересна редакция призыва к революционному решению земельного вопроса: «...забрать земли, какие нам нужны, и через свои выборные комитеты передать в учредительное собрание, что мы эти земли считаем своими, выкупа за них платить не будем и силой постоим за то, чтобы законом эти земли закрепить за нами»¹³. Здесь замечательно передана ленинская тактика: сначала организованный революционный захват помещичьей и удельной земли, затем законодательное решение в учредительном собрании (созванном также революционным путем), но не ясна формулировка «эти земли считаем своими». Может быть, она связана с установкой Шестакова на раздел конфискованных земель в собственность крестьян, с которой он выступал в 1906 г.

Из названных Шестаковым 6 листовок для крестьян, выпущенных Московской окружной организацией¹⁴, им, возможно, были написаны

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 346.

¹⁰ Третий съезд РСДРП. Апрель — май 1905 года. Протоколы. М., 1959, с. 250—253.

¹¹ Листовки московских большевиков в период первой русской революции, с. 168.

¹² Из истории революции 1905 года в Москве и Московской губернии. Материалы и документы, с. 50, 51.

¹³ Там же, с. 51.

¹⁴ Шестаков А. Агитация и пропаганда большевиков в деревне в революции 1905—1907 годов. — Историк-марксист, 1935, № 12, с. 47—48.

листовка с проектом крестьянского приговора о бойкоте булыгинской Государственной думы, изданная в августе и перепечатанная в газете ЦК большевиков «Пролетарий», № 20 от 10 октября (27 сентября) 1905 г., и листовка «Ко всем крестьянам о новой царской милости», посвященная царскому манифесту от 3 ноября 1905 г. о выкупных платежах¹⁵.

Среди документов Московской окружной организации первый, написанный Шестаковым, — «Инструкция организаторам, работающим в Окружной организации Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии»¹⁶. В сборнике она датирована 24 июня 1905 г. В женевском «Пролетарии» она была опубликована в № 8 от 17 (4) июля 1905 г., т. е. всего через 10 дней после 24 июня. Вероятно, что эта дата была поставлена на документе при его размножении, а написан он и отослан в Женеву ранее. Инструкция была размножена на mimeографе в 300 экземплярах. Автор ее имел к тому времени почти пятилетний опыт профессионала-революционера и мог дать полезные советы и указания менее опытным работникам. Инструкция начиналась с раздела «Конспирация», где излагались основные правила конспирации как общего характера, так и специально для условий деревни того времени — о внешнем облике, поведении на улице села или деревни, например «креститься на церкви и иконы», «снимать картуз при встрече в деревне с пожилыми крестьянами»¹⁷. Далее в разделе «Организация» предлагалось собирать сведения (перечислявшиеся в шести пунктах) о той местности, где должен работать организатор; о земельных наделах крестьян, о помещиках и их отношении к крестьянам, об отрезках, отработках и т. п., о земском начальнике, старшине, мироедах, чем занимаются зимой крестьяне, что читают, о чем говорят. Инструкция содержала указания о создании групп из сторонников социал-демократии, о распределении обязанностей между участниками таких групп, т. е. низовых ячеек партии, об организации их работы по пропаганде и созданию кружков, по агитации с проведением массовок, по распространению листовок и других печатных изданий, по сбору денег, по созданию нелегальных библиотек. Некоторые вопросы инструкции позже были разработаны автором, как мы покажем, в других документах этой организации. Общий образ деятельности окружной организации и окружного организатора весной и летом 1905 г. был сделан Шестаковым в корреспонденции «Краткий очерк деятельности Окружной организации Московского комитета по июль», опубликованной в «Пролетарии», № 16 от 14(1) сентября 1905 г. с подписью «Окружной организатор». Авторство Шестакова можно установить по содержанию написанного им «Открытого письма Центральному Комитету и товарищам, работающим в деревне», в которое вошли материалы из этого очерка¹⁸. В очерке описана история создания и расширения окружной организации, но, к сожалению, без указания не только дней, но и иногда и месяцев важных событий. Несмотря на это, он представляет собой ценный источник по истории окружной организации. В нем сообщается о проведении в конце мая в Москве конференции «представителей от групп в округе», о создании комитета окружной организации, что произошло, судя по последовательности описания истории организации, в июне, о создании при окружном комитете типографии для издания листовок. О работе среди крестьянства можно судить по

¹⁵ Листовки московских большевиков в период первой русской революции, с. 346—349.

¹⁶ 1905. Большевицкие прокламации и листовки по Москве и Московской губернии, с. 199. Об авторстве «Инструкции» см.: Шестаков А. Агитация и пропаганда большевиков в деревне в революции 1905—1907 гг., с. 42.

¹⁷ Там же, с. 199.

¹⁸ Письмо опубликовано в статье В. И. Ленина «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению» в том же номере газеты (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 216—219).

следующий фразе: «...центр тяжести в деятельности Окруж[ой] организации пока сводится почти исключительно к широкой письменной и устной агитации»¹⁹. Из очерка видно, что у работников организации не было ясного понимания резолюции III съезда партии «Об отношении к крестьянскому движению». Автор очерка писал, что «на страницах «Пролетария» необходимо было бы разобрать ту формулировку резолюции III съезда, которая говорит об энергичной поддержке вплоть до захвата и т. д.»²⁰.

Сомнения и несогласия работников Окружной организации Московского комитета РСДРП с некоторыми положениями резолюции III съезда партии «Об отношении к крестьянскому движению» были изложены в другом документе, также написанном Шестаковым, в «Открытом письме Центральному Комитету и товарищам, работающим в деревне». О своем авторстве этого документа Шестаков писал в советское время. Он сообщал и некоторые обстоятельства его подготовки: «Письмо обсуждалось на конференции окружников, было отпечатано на гектографе и отправлено за границу и ряду комитетов»²¹. Сообщение Шестакова вызывает вопросы, на которые пока трудно ответить. Нам известны конференции окружной организации, происходившие в мае и в августе. Между тем письмо обсуждалось на заседании ЦК, происходившем в Петербурге 21 июля. С другой стороны, нельзя предположить, что оно было составлено ранее разобранного выше очерка о деятельности окружной организации по июль. Следовательно, оба документа были написаны в середине июля 1905 г. Возможно, Шестаков имел в виду одно из заседаний окружного комитета.

В начале письма²² объясняются причины, заставившие окружную организацию обратиться в ЦК за разъяснениями, а к товарищам из других организаций за опытом работы в деревне: «Недостаток опыта в организации такого рода работы, особые условия нашей центральной деревни, а также недостаточная ясность директив резолюций III съезда по этому вопросу и почти полное отсутствие литературы...»²³ Далее в письме говорилось, что вопрос об «энергичной поддержке» крестьянского движения «кажется крайне смутным», поскольку резолюция не указывала, какие организации на местах должны решать эту задачу. Письмо ставило вопрос: «Может ли социал-демократия поддерживать экспроприацию тех помещичьих земель, которые подвергаются обработке самым интенсивным способом с применением машин, высших культур и т. д.? Переход таких земель в руки мелкобуржуазных собственников, как ни важно было бы улучшить их положение, является шагом назад в смысле капиталистического развития данного хозяйства»²⁴. В письме выражалось сомнение о возможности участия представителей сельского пролетариата и социал-демократии в крестьянских комитетах, которые, как и Крестьянский союз и организации эсеров, назывались буржуазно-демократическими организациями. Во второй половине письма излагается план «деревенской» организации. Здесь рассматривался вопрос — из каких социальных слоев могут состоять «деревенские» организации социал-демократии, если в округе почти нет «чистого пролетариата», а преобладает «пролетариат», который «не разделался с землей»? Затем следовало описание структуры этой организации, повторявшее в общем структуру Московской окружной организации, как она была представлена в

¹⁹ Революционное движение в России весной и летом 1905 г., ч. 1, с. 370.

²⁰ Там же.

²¹ Шестаков А. К вопросу о борьбе за крестьянство в революции 1905 года.— В кн.: Старый большевик, сб. 2. М., 1932, с. 27.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 216—219. Открытое письмо включено также в некоторые сборники листовок и документов, указанные в прим. 4.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 216.

²⁴ Там же.

известном нам «Очерке», и определение ее задач. Уездным комитетам предлагалось «отчетливо разбираться в окружающих условиях», для чего прилагался вопросник, более подробно разработанный по сравнению с описанной выше «Инструкцией». Следует отметить, что резолюция III съезда вызвала разногласия и недоумения не только в Московской организации, но и в других²⁵.

ЦК партии, получив «Открытое письмо», обсуждал 21 июля 1905 г. вопрос о работе среди крестьянства, но ограничился решением запросить комитеты об «их деятельности в этом направлении», оставив без ответа вопросы, поставленные в московском письме²⁶.

«Открытое письмо» было доставлено также В. И. Ленину. Оно послужило поводом для написания В. И. Лениным статьи «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению», опубликованной в газете «Пролетарий». № 16 от 14 (1) сентября 1905 г.: «Мы намерены воспользоваться,— писал В. И. Ленин,— содержательным письмом московского товарища для разъяснения резолюции III съезда и насущных задач партии вообще»²⁷. Он критиковал ошибки письма, но в то же время указывал, что они «лишь отчасти порождены теоретическими сомнениями. Другой источник их — *новый*, не возникавший раньше вопрос о соотношении «революционных крестьянских комитетов» и «*социал-демократических комитетов*», работающих в крестьянстве. Самая уже постановка этого последнего вопроса свидетельствует о значительном шаге вперед социал-демократической работы среди крестьянства»²⁸. В статье давались обстоятельные ответы на вопросы письма. В. И. Ленин называл «величайшим заблуждением» отказ от организации и привлечения в партию не чисто пролетарских слоев трудящихся. Обязательным условием является, как писал В. И. Ленин, «чтобы они переходили на точку зрения пролетариата». Что же касается отношения социал-демократических комитетов к крестьянским, то он определял его так: «...повсюду в деревнях чисто социал-демократические комитеты, а затем соглашение их со *всеми* революционно-демократическими элементами, группами, кружками крестьянства для образования революционных крестьянских комитетов»²⁹. Отвечая на сомнения автора письма о возможности экспроприации помещичьих земель с крупным интенсивным хозяйством, В. И. Ленин указал, что «автор произвольно сузил смысл резолюции III съезда. В резолюции *ни слова не говорится* о том, чтобы партия с.-д. обязывалась поддержать переход конфискованных земель именно в руки мелкобуржуазных собственников»³⁰. В. И. Ленин подробно объяснил, что большевики поддерживают крестьянское движение вплоть до конфискации помещичьих земель, вопрос же о том, кому отдать конфискованные земли, не решается резолюцией III съезда, его решение будет зависеть от развития революции. При полной победе буржуазно-демократической революции вопрос о том, кому и как отдать конфискованные земли, будет решаться в борьбе всего рабочего класса с сельским пролетариатом против сельской буржуазии. «Практически,— писал В. И. Ленин,— это может означать и переход земли к классу мелких хозяев-крестьян, там, где преобладает кабальная, крепостническая крупная собственность, где нет еще материальных условий крупного социалистического производства, и национализацию, при условии полной победы демократической революции, и передачу крупных капиталистических имений *ассоциациям рабочих*, ибо от революции демократической мы сейчас же начнем перехо-

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 215; Тропин В. И. Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г., с. 79.

²⁶ Ленинский сборник, V, с. 537.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 219.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 224.

³⁰ Там же, с. 220.

дить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции»³¹.

Замечательная статья В. И. Ленина может быть предметом специального источниковедческого изучения. Сейчас нам важно подчеркнуть, что В. И. Ленин разрабатывал аграрную программу и крестьянскую политику партии в непосредственной связи с задачей борьбы за полную победу буржуазно-демократической революции и борьбы за перерастание ее в социалистическую. В основе ошибок Шестакова и Московской окружной организации, как и некоторых других большевистских организаций, лежало непонимание зависимости аграрной программы и аграрной политики от этой общей задачи партии.

Шестаков не мог в то время прочитать статью В. И. Ленина, напечатанную в «Пролетарии». В сентябре он был арестован и посажен в Таганскую тюрьму. Его освободили после манифеста 17 октября 1905 г., но последовавшее бурное развитие революционных событий, видимо, не дало ему возможности достать ни номера «Пролетария» со статьей В. И. Ленина, ни нового издания книги В. И. Ленина «К деревенской бедноте» с приложением этой статьи, осуществленного Московским комитетом в конце 1905 г.

В августе 1905 г. состоялась вторая конференция Московской окружной организации. Некоторые документы, принятые на ней, несомненно были написаны Шестаковым, о чем свидетельствует более подробное изложение в них ранних документов Шестакова. Это касается прежде всего резолюции «К вопросу об организации деревенских комитетов Московской окружной организации»³². Резолюция позже была опубликована в «Пролетарии», № 23 от 31(18) октября 1905 г., вопросник дошел до нас в виде листовки, отпечатанной на mimeографе. Оба документа тесно связаны со второй частью «Открытого письма» и имеют общий, еще более ранний, источник — «Инструкцию организаторам», о которой уже было сказано.

Изучение произведений А. В. Шестакова о работе большевиков среди крестьянства в 1905 г. имеет, по нашему мнению, большое значение для дальнейшего научного исследования истории борьбы партии большевиков за крестьянство в первой русской революции. Проведенное установление авторства ряда листовок и других документов Московской окружной организации помогло раскрытию текстуальных и идейных основ этих исторических источников, поможет, как мы надеемся, провести исследование совокупности подобных источников всех организаций партии, все более совершенствуя его методику. Сравнительный источниковедческий анализ содержания листовок и документов с произведениями В. И. Ленина и подготовленными им общепартийными документами показывает, как сложна была разработка крестьянской политики большевистской партии и насколько велико значение постоянной напряженной деятельности В. И. Ленина по научному обоснованию этой политики и по руководству в проведении ее местными партийными организациями. Только такая работа В. И. Ленина и всей партии могла привести к тому, что в 1905 г. революционный класс — пролетариат «сумел поднять и крестьянскую массу на революционное движение»³³.

³¹ Там же, с. 222.

³² *Попова Е.* 1905 г. в Московской губернии, с. 173–177. В этом сборнике под текстом «Вопросника» поставлена дата «июль»; Аграрное движение 1905–1907 годов в Московской области, с. 153–157. В данном сборнике резолюция напечатана под заглавием: «Письмо окружной организации Московского комитета РСДРП местным организациям».

³³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 172.

Г. М. Головкин

**ОТЧЕТЫ О ДЕНЕЖНЫХ СБОРАХ
НА ЛЕГАЛЬНУЮ ПАРТИЙНУЮ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК
(по материалам Нижнего Поволжья 1917 г.)**

Сборы, организуемые рабочими на легальную социал-демократическую, и прежде всего большевистскую, печать в России, как известно, стали проводиться с января 1912 г. Результаты их периодически публиковались в газетах в форме денежных отчетов, которые сразу же привлекли внимание В. И. Ленина, увидевшего в них источник, который, после соответствующей обработки давал «единственный, превосходный, незаменимый, допускающий проверку всяким и каждым, материал о широте рабочего движения и о господстве в нем разных направлений»¹.

Ленинская методология и приемы изучения финансовых отчетов достаточно подробно рассмотрены и описаны в литературе как с точки зрения вклада В. И. Ленина в разработку политической статистики (методы типологической группировки и сравнения, введение научно обоснованных средних показателей, оперирование суммарными и итоговыми данными)², так и в источниковедческом плане (оценка В. И. Лениным полноты и достоверности сообщаемых в отчетах данных, обоснование им принципов отбора и обработки первоисточников)³.

Следует отметить, однако, что все авторы, занимающиеся данной проблемой, сообразуясь с тематикой своих исследований, характеризуют отчеты о сборах на печать лишь за 1912—1914 гг., ограничиваясь в основном рассмотрением ленинских приемов их обобщения и анализа. В целом же возможности финансовых отчетов как исторического источника, причем для изучения событий политической истории России не только 1912—1914 гг., но и последующих периодов, в частности преддверия Октября, в литературе не раскрыты⁴. А ведь именно в 1917 г., после свержения самодержавия, в России бурное развитие получает рабочая печать, а движение по сбору средств в фонд партийных изданий приобретает широкий размах, захватывая и провинцию. Поэтому, на наш взгляд, необходимо особо рассмотреть отчеты периода подготовки и проведения Ве-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 227.

² Суслов И. П. Политическая статистика в работах В. И. Ленина. М., 1968; Яхот О. О. О методах статистического анализа общественно-политических явлений в трудах В. И. Ленина. — Вопросы истории КПСС, 1970, № 1.

³ Литвак Б. Г. О ленинских приемах статистического анализа политических явлений. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973.

⁴ Историки партийной печати, как правило, не используют в своих исследованиях этот источник, а если и приводят данные сборов, то не анализируют их (Бережной А. Ф., Астрахан Х. М., Сазонов И. С. Большевистская печать в борьбе за власть Советов (март — октябрь 1917 г.). Л., 1960; Будников В. П. Большевистская печать в 1917 г. [Харьков], 1959; Кузнецов И., Шумаков А. Большевистская печать Москвы. М., 1968). Как справедливо отмечал в свое время В. П. Будников, пока нет ни одной работы, которая давала бы анализ материальной поддержки большевистских газет (Будников В. П. Большевистская печать периода Октябрьской революции в советской историографии. — ВИ, 1963, № 8, с. 116). В указанной книге И. П. Сулова приведены лишь общие суммы сборов на коммунистическую печать Европы, которые не позволяют глубоко проникнуть в суть явления.

ликой Октябрьской социалистической революции, вскрыв их значение для исследований по истории большевистской печати и истории партии в целом.

Быстрый и повсеместный рост легальной большевистской прессы после Февральской революции отражал насущную потребность партии в живом печатном слове. Однако слабость материально-технической базы, отсутствие средств на издательские нужды сдерживали этот процесс. Вот почему большевики обратились к массам с призывом организовать сбор пожертвований в фонд рабочей печати. Как и в 1912—1914 гг., по традиции ленинской «Правды», все большевистские газеты, в том числе провинциальные, стали регулярно помещать на своих страницах сводки о денежных поступлениях. В отличие от отчетов прежних лет они содержат еще более полные данные, включая сведения и о ходе подписки на газеты — другой важной форме групповой помощи, по определению В. И. Ленина⁵, получившей решающее значение еще в 1912 г., но не находившей отражения в печати.

Динамически меняющиеся, точно соотносимые с теми или иными этапами революции данные эти достаточно четко характеризуют сдвиги в настроениях масс, уровень их активности, борьбу большевистского и меньшевистского направлений в рабочем движении, значительно дополняя сведения других источников. Они дают представление и о том, какие слои населения и как широко материально поддерживали партийную печать, на чьи средства она существовала и, следовательно, интересам какого класса служила. По росту активности жертвователей, увеличению сборов можно судить, наконец, и о степени партийного влияния на трудящихся, о действительности большевистской прессы⁶.

Постараемся показать это на примере анализа денежных отчетов большевистских газет «Социал-демократ», «Борьба» и «Астраханский рабочий»⁷, вышедших соответственно в Саратове, Царицыне и Астрахани, и сопоставить извлеченные из них данные с отчетами о сборах на газеты мелкобуржуазных партий.

Процесс становления большевистской прессы в отдельных районах Нижнего Поволжья имел специфику и протекал не одновременно. Объясняется это как различием в их социально-экономическом положении, так и своеобразием политической обстановки на местах весной 1917 г. На развитие печати оказывали влияние такие факторы, как промышленный уровень нижеволжских городов, классовый состав населения (удель-

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 431.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 160.

⁷ «Социал-демократ» — орган Саратовского комитета РСДРП(б), выходил с 23 марта 1917 г., до 7 июня — 3 раза в неделю тиражом 4—5 тыс. экз., затем — ежедневно, в связи с чем тираж уменьшился до 3 тыс. экз. С 24 июля по 26 августа 1917 г. газета не издавалась «вследствие типографских и финансовых затруднений» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1а, д. 306, л. 5). Наиболее полный комплект «Социал-демократа» за 1917 г. хранится в ГА Сарат. обл., отдельные номера имеются также в библиотеках ИМЛ, АН СССР, ГБЛ.

«Борьба» — газета Царицынского комитета РСДРП(б), выходила с 18 мая по 27 июля 1917 г., сначала 2—3 раза в неделю, затем, с № 8, — ежедневно. Тираж достигал 6 тыс. экз. (Октябрь в Царицыне. Сб. документов. Волгоград, 1970, с. 89). Газета была закрыта Временным правительством, после чего 4 и 9 августа Царицынскому комитету РСДРП(б) удалось нелегально выпустить два номера «Листка «Борьбы»». Возобновлено издание было только после Октября. Единственный обнаруженный пока комплект газеты за 1917 г. (подлинник) хранится в ГАВО, фотокопии — в Библиотеке ИМЛ, три номера имеются в БАН.

«Астраханский рабочий» — орган Астраханского комитета РСДРП(б). Первый номер вышел 20 августа 1917 г., после раскола объединенной социал-демократической организации, издававшей до этого газету «Луч». Комплекты «Астраханского рабочего» имеются в библиотеках ИМЛ, АН СССР, в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве, фотокопии — в ГААО и партийном архиве Астраханского обкома КПСС. Более подробно о газетах см.: Большевистская периодическая печать (декабрь 1900 г.— октябрь 1917 г.). Библиографический указатель. М., 1964.

ный вес пролетариата в нем), наличие революционно настроенного гарнизона и, наконец, численность и степень зрелости местных организаций РСДРП(б), а также накопленный ими в борьбе с царизмом опыт издания большевистских органов (традиции печатной пропаганды).

Наиболее благоприятные условия были в Царицыне и Саратове. Доля рабочего класса в общей численности населения составляла здесь соответственно 17,5 и 15%. По концентрации рабочих на предприятиях первое место занимал Царицын, где находились крупнейшие в Поволжье заводы: металлургический (свыше 3 тыс. рабочих) и орудийный (свыше 2 тыс.). Царицынский пролетариат на 20% состоял из металлургов и металлистов — передового отряда рабочего класса России. Внушительную революционную силу представлял и воинский гарнизон Царицына.

В Саратове — «столице Поволжья», как называли его иногда, концентрация производства была ниже, чем в Царицыне, мелкие предприятия преобладали. Менее активно выступали солдаты. Но Саратов известен своими революционными и культурными традициями. Здесь, в губернском центре, сосредоточивались крупные партийные и литературные силы.

Менее всего способствовала становлению большевистской печати обстановка в Астрахани: малочисленность и распыленность индустриальных рабочих, мелкобуржуазный по преимуществу состав населения. Здесь особенно сильно обнаруживалось влияние мелкобуржуазной стихии, что и предопределило в значительной степени затяжной характер развития революции в этом городе, более позднее по сравнению с Царицыном и Саратовом «отрезвление» масс, слабость партийной организации, которая окончательно оформилась лишь к середине августа 1917 г. (см. табл. 1).

Как и в других центрах России, издание первых большевистских газет в Нижнем Поволжье было сопряжено с огромными трудностями. Несматривая на официальное провозглашение свободы печати, буржуазия и органы Временного правительства на местах чинили всяческие препятствия их выходу. Факты «незаконной деятельности местных общественных организаций по отношению к органам печати» вынуждено было признать и само правительство в циркуляре от 8 июня 1917 г.⁸ Сохраняя в руках всю производственно-издательскую базу, буржуазия использовала это обстоятельство для организации бойкота, подрыва большевистской прессы, особенно после того как обнаружился рост влияния последней на массы. Так поступал, например, владелец типографии, где печатался орган царицынских большевиков «Борьба», требуя непомерно высокую плату за пользование шрифтами, мешая выполнению распоряжений редакции, диктуя свои условия работы, прибегая подчас даже к краже рукописей⁹. 27 июня хозяин объявил о своем отказе печатать газету. Лишь вмешательство Царицынского Совета предотвратило на этот раз закрытие «Борьбы»¹⁰.

Аналогичная ситуация сложилась и в Саратове. Местная большевистская газета «Социал-демократ» неоднократно ссылалась на трудности, связанные с отсутствием собственной издательской базы. «Издавать газету становится все труднее, — читаем в номере от 22 апреля. — Расходы растут неимоверно. Третьего дня нам типография увеличила плату за печатание «Социал-демократа» более чем на 20%». 26, 28 мая и 22 июля 1917 г. очередные номера газеты не вышли в свет. «Мы не знаем, удастся ли нам выпустить следующий номер, — сообщала редакция в обращении к читателям. — Нет типографии»¹¹. Хозяева не соглашались печатать

⁸ ГААО, ф. 290, оп. 3, д. 892, л. 126.

⁹ 1917 год в Сталинградской губернии. Хроника событий. Сталинград, 1927, с. 160.

¹⁰ ГАВО, ф. 71, д. 2а, л. 66.

¹¹ В течение 1917 г. место печатания газеты несколько раз менялось: первые два номера вышли в типографии Б. Л. Рабиновича, следующие номера в апреле-мае и в сентябре-октябре в одной из самых мелких в Саратове типографии общества книгопечатников; с 8 июня по 23 июля газета выходила в частной типографии «Жизнь».

Таблица 1

Рост численности большевистских организаций Саратова, Царицына и Астрахани
(март — июль 1917 г.)*

Органи- зация РСДРП (б)	Начало легаль- ной деятель- ности	Число членов РСДРП(б) **						Печатный орган, тираж
		после выхода из под- полья	март	апрель	май	июнь	июль	
Саратов- ская	3 марта	60	150	1500	2500	[3000]***	3500	«Социал-демо- крат», 3—5 тыс. экз.
Цари- цынская	24 марта (10 мая)****	30	62	700— 800	1000	[2000]***	2500— 3000	«Борьба», 5—6 тыс. экз.
Астра- ханская	3 марта (само- стоятельная большевистская группа в со- ставе объединен- ной организа- ции)	10	нет свед.	нет свед.	нет свед.	100	нет свед.	«Луч» — орган объединенной организации (большевики своей газеты не имели)

* 1917 год в Саратовской губернии. Сб. документов. (Саратов, 1957, с. 39, 54, 69, 93, 119, 583; Октябрь в Царицыне. Сб. документов. Волгоград, 1970, с. 8, 43, 89, 134; Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями (март — октябрь 1917 г.). Сб. документов. М., 1957, с. 499—500; Шестой съезд РСДРП («большевиков»). Август 1917 года. Протоколы, М., 1958, с. 88—89, 367—370; Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967, с. 82, 85, 155, 598; ИА, 1958, № 4, с. 29.

** Данные о численности партийных рядов за август — октябрь 1917 г. в источниках отсутствуют. По свидетельству очевидцев, в Саратове после июльских событий она оставалась на том же уровне (Шестой съезд РСДРП («большевиков»). Август 1917 года. Протоколы, с. 370), в Царицыне в связи с репрессиями и выводом из города революционных полков — значительно снизилась. В Астрахани к началу 1918 г. насчитывалось около 750 членов партии (Очерки истории Астраханской партийной организации. Волгоград, 1971, с. 143).

*** Приблизительные подсчеты автора.

**** 10 мая — дата разрыва с меньшевиками (Октябрь в Царицыне, с. 64—66). В «Переписке Секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями (март — октябрь 1917 г.)» с. 499, ошибочно указано 15 июня.

тать рабочую газету, последовательно защищающую интересы пролетариата. Они стремятся убить таким путем пролетарское печатное слово»¹².

Опасения редакции оказались обоснованными. В издании газеты наступил длительный перерыв. Эти факты говорят о том, к каким последствиям приводила подчас материальная зависимость большевистской печати от частных издателей. Поэтому местные комитеты партии огромное внимание уделяли материальному обеспечению газет: сбору средств, подписке на партийные издания, приобретению собственных типографий.

Внимательно следил за состоянием периферийной печати и ЦК РСДРП(б), о чем свидетельствует переписка Секретариата ЦК с местными партийными комитетами, непосредственно касающаяся постановки газетного дела, а также многочисленные анкеты, рассылаемые на места, опросные листы (в частности, делегатов VI съезда РСДРП(б)), которые непременно содержали вопросы о наличии партийного органа и собственной типографии, тираже и распространении газеты, ее финансовом положении и т. д.¹³

¹² Социал-демократ, 1917, 23 июля.

¹³ На основе полученных Центральным Комитетом из Саратова сведений о выходе «Социал-демократа» (в ответе на запрос Е. Стасовой) Я. М. Свердлов 8 октября 1917 г. подготовил информацию для «Бюллетеня о состоянии местной печати», в которой кратко излагалась вся история саратовской большевистской газеты (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1а, д. 93, л. 1).

Все эти обстоятельства (обуславливающие, с одной стороны, трудности, а с другой — особенности становления печати в Нижнем Поволжье) необходимо иметь в виду при анализе отчетов о денежных взносах в фонд большевистских газет.

Всего таких отчетов за предоктябрьский период нами было выявлено в газете «Социал-демократ» — 20, в «Борьбе» — 12 и «Астраханском рабочем» — 12. Поскольку, однако, не все номера названных газет сохранились, цифры эти, видимо, требуют уточнений¹⁴. Поэтому во избежание возможных погрешностей в расчетах мы включили в таблицы статистические сведения лишь за те промежутки времени, за которые газета дошла до нас в наиболее полном виде.

Суммированные нами данные о сборах на саратовский «Социал-демократ» с марта по сентябрь 1917 г. (см. табл. 2) позволяют сделать следующие выводы: пользуясь безусловным доверием трудящихся масс, газета крепнет день ото дня, средства поступают в основном от рабочих при ничтожном количестве пожертвований от служащих, интеллигенции, учащихся и т. д. (всего 5 взносов из 208 за весь период, если не учитывать индивидуальные и другие взносы, когда социальная принадлежность жертвователей в отчетах не была указана). Данные за август особенно показательны и свидетельствуют о безусловной массовой поддержке рабочими своей газеты. Ведь с 24 июля по 26 августа, т. е. болле месяца, она не выходила вследствие отказа владельца типографии печатать ее. Значит, рабочие организовали сборы и подписку, не имея фактически газеты, а только предполагая вновь издавать ее. И результат их усилий самый высокий: 81% всех поступлений! В сентябре размеры пожертвований от заводских групп приблизительно на том же уровне (12 взносов, 1671 руб.). Общая сумма газетного фонда продолжает расти: комитет нашел новый источник материального обеспечения своего издания — чтение большевиками политических лекций, выручка от которых шла на расходы редакции. Безусловно, видные деятели Саратовского комитета РСДРП(б) выступали с лекциями и раньше. Но то, что в сентябре эти выступления стали привлекать массовую аудиторию, свидетельствовало о растущем влиянии большевизма после корниловщины.

Таким образом, анализ сборов денежных средств на издание «Социал-демократа» показывает, что это была подлинно рабочая газета. Поддерживая свою печать материально, рабочие, как указывал В. И. Ленин, «ясно определяют этим свою волю»¹⁵. Значит, направление газеты, ее содержание отвечали устремлениям рабочих. Причем по мере приближения к Октябрю влияние «Социал-демократа» растет, поддержка, оказываемая ему, соответственно увеличивается.

Неполные сведения о поступлении денежных средств на издание газеты «Борьба» ввиду отсутствия ряда номеров не позволяют провести столь же подробный анализ слагаемых газетного фонда царичинских большевиков. Однако и данные за первый месяц существования «Борьбы», сохранившиеся наиболее полно (см. табл. 3), также красноречиво свидетельствуют и о пролетарском характере газеты, и о социальном положении ее основных читателей, подписчиков, ибо взносы, как замечает В. И. Ленин, поступают лишь от постоянных читателей, а «направление газеты волей-неволей «приспосаблиется» к наиболее «влиятельному» слою газетной аудитории»¹⁶.

¹⁴ Так, из 12 выявленных нами отчетов в газете «Борьба» 9 были опубликованы в первых тринадцати номерах, которые дошли до нас полностью (вначале ввиду малой периодичности газеты отчеты помещались почти в каждом номере: 2—6, 8, 9, 12, 13). Остальные три отчета приходятся на последние двадцать номеров и, разумеется, не отражают реального положения вещей, поскольку почти половина номеров за этот период отсутствует. Часть сведений о денежных поступлениях в фонд большевистских газет, напротив, нередко печаталась дважды.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 99.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 233.

Таблица 2

Денежные сборы на саратовскую газету «Социал-демократ»
(март — сентябрь 1917 г.)*

Источник поступления средств	Март**			Апрель			Июнь		
	число сборов	сумма, руб.	%	число сборов	сумма, руб.	%	число сборов	сумма, руб.	%
Подписные листы	2	34,5	16,7	16	241	36	12	133	8,3
Групповые сборы:									
рабочих	1	15	7,3	7	124	18,5	14	1247	78
солдат	—	—	—	2	124	18,5	2	7	0,4
служащих	—	—	—	1	4,5	0,7	3	96	6
прочие***	2	148	71,6	5	115	17,3	2	20	1,3
Взносы отдельных лиц	2	9	4,4	10	58	9	24	94	6
Сборы от чтения лекций	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого:	7	206,5	100	41	666,5	100	57	1597	100

Таблица 2 (окончание)

Источник поступления средств	Август			Сентябрь			Всего		
	число сборов	сумма, руб.	%	число сборов	сумма, руб.	%	число сборов	сумма, руб.	%
Подписные листы	15	315	12,8	16	294	9,8	61	1017,5	12,9
Групповые сборы:									
рабочих	11	1991	81	12	1671	56	45	5074	63,9
солдат	—	—	—	3	34	1,1	7	165	2
служащих	—	—	—	1	25	0,8	5	125,5	1,6
прочие***	3	82	3,3	—	—	—	12	365	4,6
Взносы отдельных лиц	19	72	2,9	15	31	1	70	264	3,3
Сборы от чтения лекций	—	—	—	8	934	31,3	8	934	11,7
Итого:	48	2460	100	55	2989	100	208	7945	100

* Социал-демократ, 1917, 10 и 28 апреля, 3 мая, 16, 18, 23 и 29 июня, 6, 7, 19 и 21 июля, 27 августа, 3, 7, 14 и 21 сентября, 1 октября.

** За май сведений не имеется, за июль данные неполные ввиду прекращения выхода газеты, за октябрь — частично включены редакцией в ноябрьский отчет, поэтому опущены.

*** Сюда отнесены групповые взносы, относительно которых нет указаний о составе жертвователей или можно заключить, что состав их был смешанный (например, сборы во время митингов).

Как видно из таблицы, и по числу взносов, и по размерам преобладали коллективные поступления от рабочих и солдат — 1507 руб., 24 взноса, т. е. около 60% всей суммы! Если учесть, что из индивидуальных пожертвований 100 руб. было внесено рабочим оружейного завода Рябовым и, по крайней мере, еще 5 взносов (что, на основании отчетов, можно утверждать с определенностью, а возможно, и все 14) принадлежат также отдельным рабочим и солдатам, то станет ясным, на чьи средства выходила «Борьба» и кто был заинтересован в ее издании.

Бросается в глаза и некоторое отличие от данных г. Саратова: там поступления от солдат были случайными и составляли (за исключением апрельских данных) всего 2%. Следовательно, основной читатель «Социал-

Таблица 3

Денежные сборы на царицынскую газету «Борьба» (18 мая — 18 июня 1917 г.)*

Источники поступления средств	Число сборов	Сумма, руб.	%
Групповые сборы:			
рабочих	18	1150	44
солдат	6	357	14
Взносы отдельных лиц	14	139	5
Сборы на партсобраниях, а также от рефератов, спектаклей	5	954	37
Итого:	43	2600	100

* Борьба, 1917, 22 и 28 мая, 2, 5, 7, 15, 16, 22, 25 июня.

Таблица 4

Денежные сборы на газету «Астраханский рабочий» (август — октябрь 1917 г.)*.

Источники поступления средств	Август			Сентябрь			Октябрь**	
	число сборов	сумма, руб.	%	число сборов	сумма, руб.	%	число сборов	сумма, руб.
Подписные листы,	7	249	40,9	7	286	40	2	51
в том числе от рабочих	—	—		3	172	24	1	30
Группы рабочих	—	—		—	—		3	68
Сборы на партийном собрании	1	100	16,4	—	—		—	—
Взносы отдельных лиц	25	260	42,7	11	432	60	12	280
Итого:	33	609	100	18	718	100	17	767***

* Астраханский рабочий, 1917, 23 и 25 августа, 3, 7, 10, 17, 22 и 24 сентября, 6, 8, 11 и 29 октября.

** Сведения о составе и суммах отдельных категорий пожертвований за октябрь неполные, так как ряд номеров газеты за этот период утерян.

*** Общая сумма за октябрь высчитана на основе нарастающего итога, приведенного в последнем отчете. Всего за три месяца поступило 2094 руб. (Астраханский рабочий, 1917, 29 октября).

демократа» — рабочий, «Борьбы» — рабочий и в значительной степени солдат! Объясняется это, как отмечалось уже, тем, что царицынский гарнизон был самым революционным в Нижнем Поволжье¹⁷. Да и рабочие, судя по количеству групповых сборов, проявляли в Царицыне несколько большую активность (в Саратове высший показатель — 14 сборов в месяц). Приведенные данные свидетельствуют о том, что царицынские большевики имели накануне Октября достаточно широкую опору в массах. Не случайно Временное правительство после июльского кризиса обрушило репрессии именно против революционного Царицына!

Классовый состав читателей и подписчиков «Астраханского рабочего» виден из таблицы 4.

Как видим, газета поддерживалась материально за счет подписки и частных поступлений (в августе — всего один коллективный сбор на

¹⁷ В анкете Царицынской организации РСДРП(б) VI съезду партии указывалось, что большевики вели работу «среди рабочих заводов и берега, но больше [внимания] было уделено солдатам» (Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы, с. 368). В полках, расквартированных в Царицыне, вел пропаганду солдат студенческого батальона, выдающийся большевик, оратор и публицист Я. З. Ерман. По указанию ЦК партии с апреля 1917 г. он возглавлял местный комитет РСДРП(б), был одним из редакторов газеты «Борьба».

Таблица 5

Денежные сборы на газету «Луч» (апрель—июль 1917 г.)*

Источники поступления средств	Апрель		Май		Июнь	
	число сборов	сумма, руб.	число сборов	сумма, руб.	число сборов	сумма, руб.
Подписные листы	5	265	4	443	6	336
Групповые сборы:						
рабочих	5	125	2	59	1	66
служащих, мелких торговцев	2	82	3	233	2	19
Взносы отдельных лиц	—	—	2	5	9	53
Поступления от населения	1	100	—	—	—	—
Итого	13	572	11	740	18	474

* Луч, 1917, 22 апреля, 2, 11 и 25 мая, 29 июня, 2 и 20 июля.

партийном собрании). Взносы от рабочих до октября отсутствуют, правда, в сентябре имеются 3 подписных листа от пекарей. Приведенные данные свидетельствуют об отсталости Астрахани в революционном отношении от более северных районов Поволжья, узости пролетарской базы, слабости местной партийной организации, что прослеживается и по другим источникам. Данные о сборах на газету «Астраханский рабочий» подтверждают и вывод о том, что большевизм здесь только начинал проникать в сознание широких масс.

Таким образом, рассмотренные отчеты о денежных сборах на большевистскую печать являются той разновидностью статистических материалов, которая чутко, более или менее полно (в зависимости от степени сохранности газет) и объективно отражает процесс приобщения масс к революционной борьбе на местах, степень влияния на них местных организаций РСДРП(б).

Для сравнения дадим сведения о сборах на печать меньшевиков и эсеров. Любопытны отчеты органа объединенной Астраханской организации РСДРП (фактически меньшевистской газеты) «Луч» (см. табл. 5)¹⁸.

О чем говорят эти данные? В апреле, когда вышло всего три номера, т. е. когда рабочие «авансом» выражали свое отношение к газете, они оказывают ей поддержку групповыми взносами и подпиской. Но уже в мае и июне поступления от фабрично-заводских групп идут на убыль. Зато возрастают пожертвования от мелких торговцев и служащих, от частных лиц. Общая сумма сборов в июне резко падает. А с июля в газете имеется всего два сообщения о групповых сборах. Это ли не доказательство банкротства «социалистической» газеты, выступавшей под флагом объединенной социал-демократии! Рабочие постепенно отвернулись от нее. Подтверждаются слова В. И. Ленина: «...на рабочие копейки можно поставить прочную рабочую газету, а на буржуазные рубли невозможно»¹⁹.

Официальные органы меньшевиков, как правило, вовсе не печатали своих денежных отчетов, стыдливо умалчивая о материальных источниках своего существования. Всего два отчета удалось обнаружить нам в

¹⁸ Газета выходила с 18 апреля по 17 августа 1917 г., 2 раза в неделю. Всего издано 36 номеров. Наиболее полно газета «Луч» сохранилась в ГААО, отдельные номера ее имеются в библиотеке ИМЛ.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 234.

саратовском «Пролетарий Поволжья»²⁰. До 15 мая, т. е. почти за два месяца, в фонд газеты поступило всего (от кого, неизвестно) 190 руб.; затем «от завода «Сотрудник» (видимо, от служащих) — 41 руб., от профсоюза пекарей — около 30, от группы землемеров — 38 руб. В середине июня газета меньшевиков Саратова подвела жалкий итог пожертвованиям за последний месяц — 178 руб.! 22 июля 1917 г. на общегородской конференции саратовских меньшевиков был заслушан доклад о катастрофическом положении газеты. Докладчик признал, что рабочие очень слабо поддерживают «Пролетарий Поволжья», «проявляют мало активности» в распространении его, отчего издание дает «крупный убыток», а объяснил это тем, что, мол, «газета есть предприятие чисто капиталистическое»²¹.

Как явствует из отчета о деятельности меньшевистского комитета, с 24 марта по 15 мая (время, когда меньшевики еще не разоблачили себя окончательно в глазах масс) продажа «Пролетарий Поволжья» дала 1158 руб., подписка — 424 руб. (итого 1582 руб.), а за печатание газеты было уплачено 2250 руб.²² Кто же покрывал дефицит? Конечно, буржуазные друзья газеты, чья помощь держалась в тайне!

«Известия Саратовского Совета»²³, подобно большинству изданий мелкобуржуазных партий, не печатали отчетов. Первое время газета существовала за счет поступлений от продажи и подписки: за март—май 1917 г. это составило соответственно 6889 и 1367 руб. при дефиците всего в 145 руб.²⁴, в последующие же три месяца общий доход газеты сократился до 1829 руб. Возникнув как ежедневное издание, «Известия Саратовского Совета» переходят в августе на двухразовый выпуск. Районный исполнительный комитет, чьим органом являлась газета, вынужден был обязать все Советы выписывать по 50 экз. «Известий», а сам решил отчислять на их издание 25% своих доходов. «Партийная печать неизбежно подрывает орган Совета», — объясняли причину охлаждения к нему читателей меньшевики на заседании исполкома 3 июля²⁵. Однако симптомы болезни наблюдались еще в конце марта и тогда делалось верное предположение, что направление «Известий» не вполне удовлетворяет рабочих²⁶. Потерпел финансовый крах и орган саратовских эсеров «Земля и воля», еле дотянувший до Октябрьских дней²⁷.

Таким образом, отчеты о денежных сборах на партийную печать, если к ним применить ленинские приемы анализа, позволяют вскрыть особенности рабочего движения на местах и проявление некоторых общих закономерностей революционного процесса от Февраля к Октябрю: неуклонное нарастание политической активности масс, их большевизацию, с одной стороны, и (что статистически подтверждается данными отчетов) падение влияния меньшевиков и эсеров — с другой.

²⁰ «Пролетарий Поволжья» — орган Саратовской меньшевистской организации, выходил с 29 марта 1917 г. 2 раза в неделю. 14 декабря 1917 г. распоряжением Саратовского Совета газета была закрыта (ГА Саратов. обл., ф. 521, д. 2, л. 153). Комплект ее с № 1 по 48 (30 июля 1917 г.) имеется в ГА Саратов. обл., остальные номера не сохранились.

²¹ Пролетарий Поволжья, 1917, 25 июля.

²² Пролетарий Поволжья, 1917, 17 мая.

²³ Газета «Известия Саратовского Совета» начала выходить 5 марта 1917 г. До второй половины сентября являлась рупором меньшевистско-эсеровского руководства Совета. Направление газеты изменилось лишь в конце сентября 1917 г. в связи с большевизацией Совета. Хранится в ГА Саратов. обл.

²⁴ Известия Саратовского Совета, 1917, 8 июня.

²⁵ Социал-демократ, 1917, 5 июля.

²⁶ Известия Саратовского Совета, 1917, 24 марта.

²⁷ Газета выходила с 12 марта 1917 г. 28 октября была конфискована Советской властью, однако 15 ноября Саратовский губком партии эсеров предпринял попытку возобновить издание — до конца года появилось еще 10 номеров (всего 87). Хранится газета в ГА Саратов. обл., отдельные номера имеются в ЦГАОР СССР.

Б. Д. Гальперина

ИСТОЧНИКИ ОБ ОБЩЕМ СОБРАНИИ
ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА
23 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Общее собрание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, состоявшееся вечером 23 октября 1917 г., занимает важное место в системе военно-политических мероприятий большевистской партии, непосредственно предшествовавших началу Октябрьского вооруженного восстания.

В советской исторической литературе последних лет об этом собрании Петроградского Совета говорится именно в связи с военно-организационными мероприятиями по подготовке восстания. Так, академик И. И. Мищ во втором томе своего труда «История Великого Октября» излагает содержание доклада В. А. Антонова-Овсеенко и упоминает о принятии Петроградским Советом резолюции, одобряющей действия ВРК. При этом автор ссылается на текст отчета¹ о данном заседании, опубликованный газетой «Рабочий путь» 25 октября 1917 г. и перепечатанный в первом томе сборника «Петроградский Военно-революционный комитет»². Более полно освещается ход общего собрания 23 октября 1917 г. во второй книге коллективной монографии «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде». Но и там затрагивается исключительно вопрос о деятельности ВРК, являвшийся хотя и важным, но не единственным в повестке дня этого заседания. Источниками для характеристики данного собрания в книге послужили отчет газеты «Рабочий и солдат» от 25 октября 1917 г., а также некоторые данные из отчетов газет «Известия Центрального Исполнительного Комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» («Известия») и «День» за 24 октября³. В поле зрения наших исследователей находятся четыре газетных отчета: отчет, опубликованный в большевистской газете «Рабочий путь» от 25 октября, наиболее часто цитируемый⁴; отчет в вечерней газете Петроградского Совета «Рабочий и солдат» — самый полный из материалов о данном собрании; краткие отчеты в соглашательских газетах «Известия» и «День», использованные только в небольших выдержках.

¹ Термин «отчет», употребляемый нами, означает газетный материал с более или менее полным изложением хода заседания Совета, с указанием выступлений и принятых решений. Авторы отчетов — профессиональные журналисты, присутствовавшие на заседаниях.

² Мищ И. И. История Великого Октября в 3-х т., т. 2. М., 1968, с. 1026; Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы, в 3-х томах, т. 1. М., 1966, с. 72—74.

³ Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде, в 2-х книгах, кн. 2. Л., 1967, с. 287—289.

⁴ Резолюция общего собрания Петроградского Совета от 23 октября, одобряющая деятельность Военно-революционного комитета, из этого газетного отчета была воспроизведена еще во 2-м томе «Истории гражданской войны в СССР» (М., 1947, с. 200, 571).

Автору данной статьи удалось обнаружить еще несколько новых источников об этом важном событии октябрьских дней в Петрограде, которые в совокупности с известными ранее материалами дают более широкое представление о данном собрании Петроградского Совета. Эти источники охватывают подготовительный период созыва общего собрания Петроградского Совета от 23 октября 1917 г., его ход и ближайшие политические последствия.

Напомним, что в дни, предшествующие этому общему собранию Совета, широко развернулась работа по технической подготовке восстания. 20 октября было сформировано бюро ВРК, 21 октября в полки Петроградского гарнизона были назначены первые комиссары ВРК. 22 и 23 октября была проведена общегородская конференция Красной гвардии, являвшаяся боевым смотром двадцатитысячного отряда вооруженных рабочих столицы. В воскресенье 22 октября в десятках общественных залов Петрограда состоялись многотысячные митинги рабочих и солдат, посвященные «Дню Петроградского Совета», на которых принимались резолюции в поддержку революционного курса большевистской партии и Совета. В тот же день Военно-революционный комитет издал постановление, по которому ни одно распоряжение Штаба Петроградского военного округа не подлежало выполнению, если оно не было контрассигновано комиссаром Военно-революционного комитета. Штаб потребовал переговоров, но на встрече с делегацией ВРК главнокомандующий Петроградским военным округом полковник Г. П. Полковников категорически отказался принять специальную коллегия комиссаров ВРК при Штабе и потребовал отмены вышеупомянутого распоряжения. Так возник известный «конфликт между ВРК и Штабом округа», в котором сила и авторитет были явно на стороне Петроградского Совета. Вот в такой обстановке и собиралось вечером 23 октября общее собрание Петроградского Совета.

По установившемуся обычаю перед началом общего собрания Петроградского Совета были проведены собрания партийных фракций. В 12 часов дня 23 октября 1917 г. состоялось заседание бюро фракции социалистов-революционеров Петроградского Совета, а в 1 час дня — собрание всех членов фракции⁵.

В единую фракцию социалистов-революционеров Петроградского Совета входили в тот момент и левые и правые эсеры. И если правые эсеры были настроены враждебно по отношению к Военно-революционному комитету, то левые вошли в его состав и даже в его бюро. Левый эсер П. Е. Лазимир был в тот момент председателем ВРК.

Как показывает сохранившийся протокол заседания эсеровской фракции от 23 октября, главным на нем был вопрос об отношении к Военно-революционному комитету. Большинство 39 голосов против 7 при 4 воздержавшихся эсеры решили остаться в составе Военно-революционного комитета. Фракция избрала специальную комиссию для выработки наказа членам ВРК, принадлежащим к эсеровской партии⁶.

Состоявшееся в то же время заседание меньшевистской фракции Петроградского Совета постановило отказаться от участия в работе Военно-революционного комитета⁷. От внимания исследователей ускользнул один документ, напечатанный в газете «Известия» от 24 октября 1917 г., который имел прямое отношение к заседанию меньшевистской фракции Петроградского Совета от 23 октября 1917 г. Это — обращение к рабочим и солдатам Петрограда от имени фракции социал-демократов-меньшевиков Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов с протестом против вооруженного восстания. Большевики старались запугать трудо-

⁵ Голос солдата (Пг.), 1917, 22 октября.

⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 13, л. 117. Частично использовано в кн.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде, кн. 2, с. 289.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1244, оп. 2, д. 17, л. 44.

все население Петрограда угрозой погромов, которые, по их мнению, будут неизбежно сопровождать большевистское восстание, заминкой в железнодорожном сообщении (и даже... в уличном движении), расстройством снабжения Петрограда, расколом армии и открытием фронта германским войскам, междоусобной войной. Обращение призывало рабочих и солдат на собраниях агитировать против восстания. Оно заканчивалось демагогическими здравницами в честь русской революции, «пролетариата и революционной армии», в честь Учредительного собрания. Днем 24 октября 1917 г., когда было опубликовано это воззвание, восстание фактически уже началось. Воззвание не оказало, да и не могло оказать никакого воздействия на настроение рабочих и солдат Петрограда, которые безоговорочно шли за призывами большевистской партии. В отчетах о заседании Совета 23 октября есть упоминания о меньшевистском проекте резолюции, но текст его не опубликован. Возможно, он был близок по содержанию к рассмотренному выше обращению меньшевистской фракции.

В три часа этого же дня в Смольном, в комнате № 18 первого этажа, состоялась заседание большевистской фракции Петроградского Совета⁸. К сожалению, протоколы большевистской фракции до сих пор не найдены и не известно, сохранились ли они вообще. Можно лишь предположить, что на заседании большевистской фракции, как это было принято, предварительно обсуждался доклад секретаря ВРК В. А. Антонова-Овсенко, с которым тот должен был выступить на общем собрании Совета вечером.

Какими же источниками располагают историки о самом общем собрании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, состоявшемся вечером 23 октября? Как удалось установить в результате просмотра всех петроградских газет за 24—26 октября 1917 г., отчеты о нем напечатали все главные газеты столицы. Подробные отчеты опубликовали большевистские газеты «Рабочий и солдат», «Рабочий путь», органы ЦИК первого созыва «Известия», «Голос солдата»⁹. Соглашательские «Известия» и «Голос солдата» давали не вполне объективную картину хода общего собрания, выпячивая выступления представителей антибольшевистской оппозиции. Отчет вечерней газеты Петроградского Совета «Рабочий и солдат» наиболее полный, но некоторые подробности в нем опущены. Более краткие отчеты об этом собрании напечатали газеты: полуменьшевистская «Новая жизнь», большевистская «Солдатская правда», меньшевистский «День» и кадетская «Речь»¹⁰. Они представляют определенную ценность для исследователя отдельными подробностями, отсутствующими в других отчетах. Итак, если историки до сих пор использовали в основном два отчета — газет «Рабочий путь» и «Рабочий и солдат» — и только некоторые данные из отчетов газет «Известия» и «День», то отчеты газет «Голос солдата», «Новая жизнь», «Солдатская правда», «Речь» не привлекались исследователями. Части отчетов «Рабочего пути» и «Рабочего и солдата», относящиеся к обсуждению вопроса о Военно-революционном комитете, были опубликованы в документальных сборниках¹¹. Отчеты остальных газет не переиздавались.

Особый интерес представляет не использованный ранее и не публиковавшийся экземпляр репортерского отчета об общем собрании Петроградского Совета от 23 октября 1917 г., сохранившийся в фонде Пет-

⁸ Рабочий путь, 1917, 22 октября.

⁹ Известия, 1917, 24 октября; Рабочий и солдат, 1917, 25 октября; Рабочий путь, 1917, 24 и 25 октября; Голос солдата, 1917, 24 октября.

¹⁰ Новая жизнь, 1917, 24 октября; Солдатская правда, 1917, 27 октября; Речь, 1917, 24 октября; День, 1917, 24 октября.

¹¹ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М., 1957, с. 242—244 (Рабочий и солдат); Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы, т. I, с. 72—74 (Рабочий путь).

рогубисполкома ЦГАОРЛ¹². При сопоставлении его с газетными отчетами выяснилось, что именно этот текст со значительными поправками и сокращениями был положен в основу отчета, опубликованного газетой «Известия». С помощью этого документа удалось установить тенденциозность соглашательской редакции «Известий» в этот период при освещении работы Петроградского Совета. Экземпляр отчета, аналогичный сохранившемуся в архиве, был использован в качестве протографа и в редакции газеты «Голос солдата», но подвергся еще большим сокращениям.

Общее собрание Петроградского Совета от 23 октября открылось в 7 часов вечера сообщением председателя о нападении карательного отряда на Калужский Совет солдатских депутатов. Затем слово было предоставлено представителю Московского Совета рабочих депутатов А. Ломову (Г. И. Оппокову), члену ЦК РСДРП(б), который сделал подробный доклад о событиях в Калуге. При передаче содержания доклада Ломова в первоначальном репортерском отчете редакцией газеты «Известий» опущен был следующий абзац: «Калужскому Совету был поставлен ультиматум сдаться для произведения какого-то расследования, угрожая в противном случае расстрелом. Совет сначала просил дать получасовой срок для обсуждения ультиматума, но когда ему был разрешен только пятиминутный срок, он решил не ограничиваться предоставленным ему сроком. Ровно в 5 минут после окончания переговоров был дан первый залп по зданию Совета. За ним последовало еще несколько. Получены сведения по прямому проводу, что Совет разогнан и арестован. Есть жертвы. Карательный отряд собирается двинуться дальше на Тулу, Новозыбков и Брянск»¹³. Следовательно, редакцией «Известий» было выброшено описание жестокости действий карательного отряда, оставлен только факт приближения его к Калуге и констатация ареста членов Совета. Отметим попутно, что столь подробного описания разгона Калужского Совета, которое имеется в архивном экземпляре репортерского отчета, нет в отчетах других петроградских газет¹⁴.

Следующая большая купюра по сравнению с первоначальным текстом репортерского отчета была сделана при изложении выступления солдата гвардии Гренадерского полка Шамесова, в котором он опровергал вымыслы буржуазной и соглашательской печати о самовольном оставлении позиций солдатами его полка. Выпущен следующий текст: «После того, как нас посетил Керенский,— говорил Шамесов,— и призывал нас к наступлению, мы, гренадеры, вынесли резолюцию недоверия Временному правительству. Нас обвиняют, что во исполнение этой резолюции мы не исполняли боевых приказов и даже ушли самовольно в тыл на 15 верст. Между тем свидетельскими показаниями самих офицеров установлено, что приказ о наступлении был получен далеко не всеми частями нашего полка, поэтому они и не наступали. Отошли же мы потому, что был нашим батальонным командиром издан приказ идти за ним, мы пошли, не зная и не спрашивая, в каком направлении, и оказалось, что нас увели в тыл»¹⁵. Вместо этого в «Известиях» была помещена только такая фра-

¹² ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 31, л. 1—4; черновик машинописный, правленный.

¹³ Там же, л. 1—2.

¹⁴ Конечно, только одни петроградские газеты не могут рассматриваться в качестве основного источника о нападении на Калужский Совет. Укажем в этой связи на сообщение Московской большевистской газеты «Социал-демократ» от 22 и 23 октября и подробный отчет от 25 октября. Отчет «Социал-демократа» был использован К. Рябинским при составлении 5-го тома хроники «Революция 1917 года» (М.—Л., 1926, с. 133). Сведения именно из этого источника были использованы в томах 1 и 2 «Истории гражданской войны в СССР» (т. 1. М., 1935, с. 293; т. 2, с. 77). Однако для такого исторического факта, как обсуждение разгрома Калужского Совета на общем собрании Петроградского Совета 23 октября, разбираемые в данной статье газетные отчеты являются главным и единственным источником. Именно из этих газет, а не из «Социал-демократа» узнали рабочие и солдаты революционного Петрограда о событиях в Калуге.

¹⁵ ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 31, л. 2—3.

за: «Между прочим выступает солдат Шамесов, один из тех 77 гренадер, которые были арестованы 24 июня по приказу генерала Эрдели комиссаром Кириенко, судились в Киеве и были, как известно, все во главе с капитаном Дзевалтовским оправданы»¹⁶. Тенденциозный характер редакторской правки здесь налицо.

Третье сокращение первоначального текста репортерского отчета относится к инциденту, возникшему во время выступления меньшевика-интернационалиста Астрова¹⁷.

Перейдем теперь к сравнительной характеристике всех имеющихся источников об общем собрании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 23 октября. Время открытия общего собрания — 7 часов вечера — указано только в архивном экземпляре репортерского отчета и в сообщениях, составленных на его основе, т. е. в газетах «Известия» и «Голос солдата» за 24 октября 1917 г. В газете «Рабочий и солдат» сказано только: «третьего дня состоялось заседание Петроградского Совета р. и с. д.» В отчете из газеты «День» подчеркнуто, что на данном собрании «впервые за все время со дня переизбрания (президиум был переизбран 9 сентября 1917 г. на основе, предложенной большевиками.— Б. Г.) Совета присутствовало много офицеров, военных врачей и представителей интеллигентных профессий»¹⁸.

Лишь в архивном экземпляре репортерского отчета и в отчетах «Известий» и «Голоса солдата» указано, что первое сообщение о разгоне Калужского Совета было сделано председателем собрания.

После этого во всех отчетах изложение доклада представителя Московского Совета А. Ломова. Только в архивном варианте и отчетах «Известий» и «Голоса солдата» отмечено, что доклад А. Ломова составлен на основе сведений, полученных от делегации, отправленной в Калугу Московским Советом. Опубликованная часть репортерского отчета газет «Известия» и «Голос солдата» содержит сведения, которые не повторяются в отчете репортера газеты «Рабочий и солдат», и наоборот. В «Известиях», например, написано: «В Калуге уже давно велась травля большевиков,— говорит Ломов,— она не прекратилась и тогда, когда после перевыборов Совет стал большевистским. Поэтому не вызвало особого удивления сообщение о том, что на Калугу движется карательный отряд в составе 3-х броневиков, скорострельных орудий и драгун»¹⁹.

А вот как излагается начало доклада Ломова в отчете газеты «Рабочий и солдат»: «После июльских дней,— говорит т. Ломов,— отношения в Калуге между партиями до крайности обострились. На большевиков выливают потоки грязи и клеветы. Калужский Совет того времени прославил себя тем, что сделал попытку выгнать из Совета большевиков. Свобода печати для наших товарищей была отменена: большевистские листки и воззвания печатать в Калуге легально не было возможности. Огромные препятствия ставились и в устной пропаганде. Несмотря на все это, влияние большевиков росло с каждым днем. И, наконец, в Совете они оказались в подавляющем большинстве, гарнизон стал на их стороне. Этого не могли стерпеть господствовавшие до сих пор меньшевики и эсеры. Укрепившись в Городской думе, они оттуда стали обстреливать Совет, и дошло до того, что для умирения большевистского Совета вызвали воинскую силу драгун, казаков и артиллерии»²⁰. Как видим, большевистский орган «Рабочий и солдат» точнее и ярче передает в своем отчете обстановку межпартийной борьбы в Калуге после июльских дней.

Только в репортерском отчете, обнаруженном в архиве, имеются подробности окружения и разгона Калужского Совета, о чем говорилось

¹⁶ Известия, 1917, 24 октября.

¹⁷ ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 31, л. 3.

¹⁸ День, 1917, 24 октября.

¹⁹ Известия, 1917, 24 октября.

²⁰ Рабочий и солдат, 1917, 25 октября.

выше. В отчете газеты «Рабочий и солдат» прямо сформулировано обвинение в адрес эсеров и меньшевиков из Калужской городской думы, в то время как в отчетах репортера газет ЦИК первого созыва оно приведено в более мягкой форме. «Рабочий и солдат» подробно указывает повод для преследования Совета: освобождение по его приказу четырех анархистов, «за что, по мнению калужских меньшевиков и эсеров и московского прокурора, Совет должен был понести кару».

В отчетах упомянутых трех газет сообщается, что первоначально войска запрашивали из Москвы, но от командующего московским военным округом был получен отказ. Тогда войска были высланы из Минска²¹. «Известия» рассказывают о мерах, предпринятых Брянским Советом в ожидании прибытия карательного отряда: «В Брянске в ожидании нападения все приведено в боевую готовность, весь гарнизон готов дать отряду отпор, захвачен арсенал, подробно выработан боевой план. Когда Брянский Совет хотел снестись по телефону с Московским областным бюро на промежуточной станции в Орле, ему было отказано в сообщении. Командующий войсками Московского округа распорядился произвести немедленное расследование происшедших событий». Все эти подробности интересны тем, что показывают обстановку предоктябрьских дней в стране в целом, фактическое начало гражданской войны, к которой буржуазная контрреволюция в ряде мест уже перешла.

Именно об этом сказал Ломов в заключительной части своего доклада, напечатанной только в газете «Рабочий и солдат»: «Для нас ясно уже и теперь, что насилие над Калужским Советом — это частичка общего плана — похода против Советов. Выход для нас один — не дожидаясь, пока расстреляют поодиночке, властно и решительно заявить на Всероссийском съезде — насилий над Советами мы не позволим, и всякая подобная политика встретит с нашей стороны беспощадный отпор (Бурные аплодисменты). За насилие над Калужским Советом Временное правительство ответственно. Это преступление не могло быть совершено без его ведома. И мы должны посадить его на скамью подсудимых (Аплодисменты)». Важно подчеркнуть, что эти слова были напечатаны в вечернем номере газеты «Рабочий и солдат» от 25 октября 1917 г., когда само Временное правительство было уже заперто в Зимнем дворце, а вокруг Дворцовой площади стягивались войска Военно-революционного комитета. «Известия», вышедшие утром предыдущего дня, изложили заключительную часть доклада Ломова более чем лаконично: «Докладчик предлагает предьявить по этому поводу срочный вопрос правительству». Можно полагать, что отчет «Рабочего и солдата» ближе к тому, что говорил на вечернем собрании Петроградского Совета 23 октября 1917 г. член ЦК РСДРП(б) А. Ломов.

Мы потому столь подробно остановились на сравнении содержания источников по первому вопросу повестки дня общего собрания Петроградского Совета, что о нем почти не упоминается в нашей литературе. Но для общей характеристики положения в стране накануне Октябрьского вооруженного восстания вопрос о разгоне Калужского Совета имеет большое значение. Важно также, как нам представляется, привлечь внимание исследователей к содержанию всех источников по этому вопросу. И, наконец, для понимания всей той атмосферы уверенности в своих силах перед лицом натиска контрреволюции, которая царила на вечернем заседании Петроградского Совета 23 октября 1917 г., необходим анализ доклада А. Ломова. Именно он дал первый эмоциональный заряд депутатам Совета, обеспечив благожелательное и заинтересованное отношение и к другим важным вопросам повестки дня.

Об этом прямо пишет и В. А. Антонов-Овсеенко в своих воспоминаниях: «В тот же день Петроградский Совет пожелал заслушать доклад

²¹ Калужский гарнизон организационно входил в состав Минского военного округа.

Военно-революционного комитета. И ВРК представил Совету, нескольким тысячам рабочих и солдат, отчет о своей деятельности. Ведь ВРК — формально орган Совета. Собрание уже разгорячено сообщением Ломова о разгоне Калужского Совета, выступлениями представителей фронта... В этой накаленной обстановке докладываю как можно бесстрашнее и деловитее о работе ВРК»²².

Вернемся к ходу заседания. Как можно судить по всем имеющимся отчетам, слово затем было предоставлено представителям фронтовых частей армии. На изложении этого вопроса газетами разных партий можно наглядно убедиться в пристрастной обработке фактов, а иногда и прямой дезинформации читателя, которая сознательно проводилась меньшевистско-эсеровской печатью. Так, правоменьшевистский «День» писал: «Затем выступило несколько делегатов с фронта, большая часть которых стоит на большевистской точке зрения. Только представитель комитета 8-й армии Аккерман нашел в себе мужество отстаивать иную точку зрения и предупреждал большевиков о той опасности, которой они подвергают своими необдуманными шагами революцию и вместе с ней всю страну. Армия в целом не идет ни за одной партией. Если она идет за большевиками, то лишь потому, что она хочет мира. Но ведь мира не смогут дать ей большевики»²³. Репортер газет ЦИК первого созыва пытался быть более «объективным» и написал так: «После Ломова выступает длинный ряд представителей фронта, которые в один голос заявляют, что армия хочет мира, воевать далее не собирается и все равно в ближайшем будущем бросится с фронта в тыл, причем, как выразился один из представителей, «уничтожит тех паразитов, которые собираются воевать еще 10 лет»²⁴. Но и он, чтобы «сбалансировать» впечатление, приводит только два выступления: гренадера Шамесова и упомянутого выше представителя армейского комитета 8-й армии Аккермана. В редакции же «Известий»²⁵ и «Голоса солдата» содержание выступления гренадера Шамесова было выброшено и в отчете появилась лишь речь оборонца Аккермана.

Только большевистская газета «Рабочий и солдат» дала в своем отчете действительную картину сообщений делегатов с фронта, назвала все их фамилии, а также привела краткое содержание выступлений. К депутатам Петроградского Совета обратились: делегат 1-го стрелкового дивизиона Касперович, делегат гренадерского полка Шамесов²⁶, делегат от 2-й армии И. П. Ковач, представитель 4-го армейского корпуса Кочапович, 35-го армейского корпуса — Ф. П. Лукьянов, 6-го армейского корпуса — Н. В. Миронцев, делегат 307-го пехотного полка Сергеев, 22-й дивизии — Царьков, еще один представитель 2-й армии — солдат Ф. И. Гжельцак²⁷, делегат от 25-го армейского корпуса Попов. Их выступления нарисовали картину тяжелых страданий солдат на фронте, всеобщую тягу к миру, доверие, с которым солдаты относятся к лозунгам большевиков о передаче всей власти Советам и о немедленном заключении мира. Что касается речи представителя 8-й армии Аккермана, передача которой газетами разных партий служила своеобразной лакмусовой бумажкой для определения политической линии каждого органа печати, то и она в газете «Рабочий и солдат» изложена весьма точно: «Тов. Аккерман, делегат армейского комитета 8-й армии, высказывается

²² Антонов-Овсеенко В. В семнадцатом году. М., 1933, с. 291.

²³ День, 1917, 24 октября.

²⁴ ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 31, л. 2—3.

²⁵ Известия, 1917, 24 октября.

²⁶ Самое полное изложение речи Шамесова имеется в архивном экземпляре репортерского отчета. В газете «Рабочий и солдат» сказано лишь, что делегат опровергает клевету о самовольном оставлении фронта.

²⁷ И. П. Ковач, Ф. П. Лукьянов, Н. В. Миронцев, Ф. И. Гжельцак — делегаты II Всероссийского съезда Советов (Второй Всероссийский съезд Советов. М.—Л., 1928, список делегатов).

против передачи власти в руки Советов. Он заявляет, что в армии, в сущности, нет большевиков, а есть одна, «беспартийная партия мира». Но у этого «делегата фронта» нет секрета заключения мира. Поэтому он в качестве представителя «ответственной армейской организации» относится отрицательно к некоторым модным лозунгам»²⁸.

Изложение обсуждения вопроса о деятельности ВРК опубликовали все газеты, поместившие отчеты об общем собрании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 23 октября 1917 г. Наиболее полным, как уже говорилось, является отчет вечерней газеты Петроградского Совета «Рабочий и солдат» за 25 октября 1917 г., хотя историками чаще используется отчет газеты «Рабочий путь» за 25 октября.

В отчете газеты «Рабочий и солдат» дан подробно доклад Антонова-Овсеевко, затем указано, что выступают представители фракций, однако содержание выступлений фракционных ораторов не приведено, печатаются лишь резолюции о ВРК и о рабочей милиции.

Подробности хода заседания после выступления Антонова-Овсеевко и реакцию зала на его доклад можно узнать из других отчетов. В частности, в отчете «Дня» указано, что сведения о передвижении контрреволюционных войск к Петрограду с фронта были сообщены депутатам Совета в ответ на вопрос, заданный представителю ВРК Антонову-Овсеевко. В отчете газеты «Речь» подчеркнуто, что секретарь ВРК отметил, что собрания были проведены 23 октября во всех воинских частях, где уже находились комиссары ВРК. «День» обращал внимание читателей на то, что в казачьи полки комиссары ВРК еще не были назначены из-за отсутствия подходящих кандидатур.

Содержание выступлений фракционных ораторов приведено в отчетах газет «Известия», «Голос солдата», «День», «Речь». Речь меньшевик-интернационалиста И. С. Астрова, полная нападок на большевиков и на деятельность Военно-революционного комитета, была воспроизведена в отчетах всех этих газет. Только в газетах ЦИК приведена также речь представителя объединенцев (группы газеты «Новая жизнь») Комарова, который вынужден был признать право рабочих и солдат Петрограда на самооборону. От фракции меньшевиков-оборонцев выступил М. И. Бройдо, изображавший деятельность ВРК как «дезорганизаторскую». Он пытался воздействовать на сознание рядовых депутатов Совета, призывая их «хорошенько подумать», прежде чем одобрить деятельность Военно-революционного комитета. Последним из фракционных ораторов выступил левый эсер Каплан, который указывал на условный характер вхождения эсеров в Военно-революционный комитет и угрожал выходом представителей фракции из ВРК, если он «будет следовать по ложному пути».

Затем Петроградский Совет громадным большинством голосов принял резолюцию, одобряющую деятельность Военно-революционного комитета и выражающую уверенность, что он обеспечит работу Всероссийского съезда Советов и примет меры по ограждению населения города от грабежей и насилий. Резолюция в полном виде или в виде изложения была помещена во всех вышеназванных газетах.

Таким образом, общее собрание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 23 октября 1917 г. явилось еще одной блестящей победой большевистской политики, демонстрацией доверия деятельности Военно-революционного комитета, которая, как было ясно уже участникам данного собрания, была направлена на вооруженное устранение от власти Временного правительства и Штаба Петроградского военного округа и на переход всей власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Полное представление о ходе этого собрания можно получить, только используя все обнаруженные источники, как газетные, так и архивные, и сопоставляя их между собой. Вместе с тем эти источники дополняют характеристику общенационального кризиса в октябре 1917 г.

²⁸ Рабочий и солдат, 1917, 25 октября.

Б. С. Илизаров

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ ПЕРВЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ДЕКРЕТА О ЗЕМЛЕ

Декрет о земле, утвержденный II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, как известно, состоит из двух частей: пяти пунктов, написанных В. И. Лениным, и «Примерного наказа», в основу которого положены 242 местных крестьянских наказа. К сожалению, рукопись декрета до настоящего времени не найдена. Известны лишь публикации в газетах первых дней становления Советской власти и в сборниках документов разных лет с многочисленными разночтениями. В связи с таким положением у исследователей возникла необходимость определить наиболее близкий к автографу текст и объяснить причину разночтений.

Впервые на разночтения в тексте декрета обратил внимание С. Н. Валк, который выявил часть из них при подготовке к печати в 30-х годах сборника законодательных документов эпохи революции. Результаты текстологической работы отражены составителем в комментариях к сборнику и специальной статье¹. В основу этого издания была положена публикация «Известий Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»². При выборе текста С. Н. Валк основывался на том, что «Известия ЦИК» не содержат тех огрехов, которые имеются в других газетах. Например, в «Правде», «Газете Временного рабочего и крестьянского правительства» пятый пункт декрета («Земля рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуется») помещен перед наказом, а конец четвертого пункта — после него. При такой публикации нарушалась последовательность текста В. И. Ленина, который к тому же сливался с наказом. С тех пор по установившейся традиции принято воспроизводить Декрет о земле в новых публикациях по «Известиям ЦИК».

В последующие годы изучение Декрета о земле в основном связано с работами Е. А. Луцкого, который раскрыл историю создания документа, его источники и описал узловые моменты борьбы партии большевиков за проведение декрета в жизнь³. Особенно тщательно был проведен ана-

¹ ДОР, т. I. М., 1933, с. 7—14; Валк С. Н. О тексте декретов Октябрьской социалистической революции и необходимости научного их издания.— АД, 1939, № 3 (51), с. 1—22.

² Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (далее — «Известия ЦИК»), 1917, 28 октября.

³ Луцкий Е. А. Борьба вокруг декрета «О земле» (ноябрь — декабрь 1917).— ВИ, 1947, № 10, с. 15—32; Он же. Подготовка проекта Декрета о земле.— В кн.: Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1966, с. 233—248; Он же. Крестьянские наказы 1917 г. о земле.— В кн.: Источниковедение истории советского общества, вып. 2. М., 1968, с. 113—161; Он же. Статья В. И. Ленина «Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие».— ВИД, вып. 2. Л., 1969, с. 5—34; Он же. Статья В. И. Ленина «Новый обман крестьян партией эсеров».— ВИД, вып. 3. Л., 1970, с. 47—72.

лиз декрета в текстологической статье и докторской диссертации автора⁴. В этих работах наряду с детальным разбором источников декрета показаны причины разночтений его публикаций, которые Е. А. Луцкий видит в корректурных погрешностях и типографских опечатках, с одной стороны, а с другой — в ошибках, допущенных при переписке проекта на пишущей машинке перед сдачей в типографии петроградских газет. Те газеты, которые воспроизводили погрешности одной и той же машинописной копии, имели общие опечатки. Индивидуальные погрешности свидетельствовали об ошибках, допущенных в типографиях. Перечисленные причины разночтений убедительно обоснованы сопоставлением одних газет с другими.

Наряду с работами Е. А. Луцкого большой интерес представляет статья М. П. Ирошникова⁵, в которой были привлечены ранее неизвестные воспоминания делегата II Всероссийского съезда Советов И. Х. Бодякина. Воспоминания И. Х. Бодякина объясняют происхождение разночтений в пятом пункте декрета.

Однако перечисленные работы не дают исчерпывающего ответа на вопрос, почему пятый пункт ленинского текста в одних газетах помещался перед наказом, а в других — в конце документа и не нумеровался. Остается также неясным, была ли у В. И. Ленина газета с «Примерным наказом» во время составления документа. Последнее имеет принципиальное значение, так как «Примерный наказ» является важнейшей составной частью декрета. Наконец, не отличался ли проект декрета от известного нам текста, принятого II Всероссийским съездом Советов?

Но можно ли говорить об отличии проекта декрета от окончательного варианта? В предисловии к брошюре «Материалы по аграрному вопросу» В. И. Ленин писал по поводу резолюции Апрельской конференции по аграрному вопросу и Декрета о земле: «Тексты обоих этих документов в их первоначальном виде (т. е. *проекты*) были написаны мною»⁶. Таким образом, В. И. Ленин прямо указывает, что им были написаны проекты, т. е. документы «в их первоначальном виде». Следовательно, дошедшие до нас тексты имеют какие-то отличия от того проекта, который был написан В. И. Лениным. К сожалению, такие важные источники, как воспоминания, мало проясняют этот вопрос.

Так, известны воспоминания М. В. Фофановой, на квартире у которой В. И. Ленин скрывался в последние недели перед Октябрем. Она сообщает, что В. И. Ленин накануне восстания тщательно изучал «Примерный наказ» и показывал ей номер «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов», «в разных местах расчерканный синим карандашом»⁷. Судя по воспоминаниям Н. И. Подвойского, В. П. Милютина и других, непосредственно к работе над текстом декрета В. И. Ленин приступил в Смольном 25—26 октября 1917 г.⁸

В окончательном виде проект декрета был написан, а затем прочитан утром 26 октября на квартире В. Д. Бонч-Бруевича в присутствии хозяйна дома, Н. К. Крупской и жены В. Д. Бонч-Бруевича — В. М. Величкиной⁹. В воспоминаниях Н. И. Подвойского, В. П. Милютина и

⁴ Луцкий Е. А. Воспроизведение текста декрета «О земле» в советских публикациях. — ПИ, вып. 11. М., 1963, с. 3—45; Он же. Источники ленинского декрета «О земле». Автореф. докт. дис. М., 1970.

⁵ Ирошников М. П. О тексте ленинского декрета «О земле». — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 90—99.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 119.

⁷ Фофанова М. В. Ильич перед Октябрем 1917 года. — В кн.: О Ленине. М., 1939, с. 228; Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 1. М., 1956, с. 537; О Ленине. Воспоминания, рассказы, очерки. М., 1956, с. 159; Ленин — вождь Октября. Л., 1956, с. 206; Таким был Ленин. М., 1965, с. 225.

⁸ Подвойский Н. И. Год 1917. М., 1958, с. 147; Милютин В. Первые шаги. — Сельскохозяйственная жизнь, 1922, № 7 (93), с. 29 и др.

⁹ Бонч-Бруевич В. Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции,

В. Д. Бонч-Бруевича не сообщается, была ли у В. И. Ленина газета с «Примерным наказом» в то время, когда составлялся проект декрета. Из воспоминаний М. В. Фофановой можно заключить, что к моменту выступления на II Всероссийском съезде Советов в ночь на 27 октября 1917 г. газеты с крестьянским наказом у В. И. Ленина не оказалось. М. В. Фофанова пишет, что по просьбе В. И. Ленина она вместе с М. И. Ульяновой ездила к себе домой за номером газеты и вернулась в Смольный в тот момент, когда В. И. Ленин начал делать доклад о земле¹⁰. Газета была передана В. И. Ленину, который прочитал по ней «второй раздел «Примерного наказа о земле», состоящий из восьми параграфов. А затем огласил пятый пункт декрета»¹¹.

Нужно отметить, что с воспоминаниями, в которых сообщается о доставке В. И. Ленину газеты с наказом прямо на заседание II Всероссийского съезда Советов, М. В. Фофанова выступила только в 1960 г. Раньше, в 1956 г., М. В. Фофанова писала: «В первые же дни после 25 октября (7 ноября) — помнится мне, что это было 28 октября (10 ноября), — Владимиру Ильичу понадобился этот номер «Известий» уже в Смольном, когда Второй Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов прибыл в Смольный»¹². По-видимому, здесь речь идет о том съезде, который получил название Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов и проходил в Петрограде 11—25 ноября 1917 г. (в отличие от II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, собравшегося еще позже — 26 ноября — 10 декабря 1917 г.). Делегаты Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов действительно прибыли в Смольный для того, чтобы объединиться с ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, но это произошло только 15 ноября 1917 г., т. е. через полмесяца после заседаний II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов.

В 1969 г. М. В. Фофанова предложила новый вариант. На этот раз она указывала, что газета с «Примерным наказом» была доставлена 26 октября 1917 г., повторив при этом версию о прибытии в Смольный II съезда крестьянских депутатов¹³. Как известно, на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов присутствовали отдельные делегаты от крестьян, и им даже специальным решением съезда было дано право решающего голоса. Но ни о каком особом прибытии делегатов крестьянского съезда (который к тому же еще не успел собраться) источники не сообщают. В то же время вряд ли можно связать эти события со II съездом Советов крестьянских депутатов, так как к тому времени декрет был широко опубликован и специально искать газету с наказом было незачем.

Таким образом, воспоминания М. В. Фофановой о времени и месте доставки В. И. Ленину газеты с текстом «Примерного наказа» противоречивы, хотя сам факт доставки заслуживает внимания.

Как уже говорилось, из воспоминаний М. В. Фофановой следует, что к моменту выступления на II съезде Советов у В. И. Ленина была только часть декрета, т. е. отсутствовал «Примерный наказ». С этим также трудно согласиться. Вполне вероятно, что у В. И. Ленина не было газеты с наказом (по причинам, речь о которых пойдет ниже), но у него могла быть его копия, переписанная от руки или на пишущей машинке. О том, что такая копия проекта Декрета о земле была снята еще днем

изд. 2. М., 1934, с. 119; *Он же*. Как Владимир Ильич писал Декрет о земле. — В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 1, с. 544.

¹⁰ Фофанова М. В. Как рождался Декрет о земле. — Новый мир, 1960, № 4, с. 147.

¹¹ Там же.

¹² Фофанова М. В. Ильич перед Октябрем 1917 г. — В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 1, с. 537.

¹³ Фофанова М. В. Ильич перед Октябрем 1917 г. — В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, в 5-ти томах, т. 2. М., 1969, с. 447.

26 октября 1917 г., сообщает в своих воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевич¹⁴.

Кроме того, проект Декрета о земле в тот же день, 26 октября, был представлен на утверждение ЦК партии, затем одобрен большевистской фракцией II съезда Советов. Возможно, он фигурировал во время переговоров с представителями партии левых эсеров. Вряд ли на этих совещаниях обсуждались только те пункты, что были написаны В. И. Лениным, так как не все делегаты-большевики могли иметь ясное представление о «Примерном наказе», составленном эсерами.

Как справедливо предположил Е. А. Луцкий, пятый пункт декрета мог и не принадлежать перу В. И. Ленина. Он, видимо, был внесен во время обсуждения декрета на одном из указанных совещаний. Этот пункт связан со вторым разделом «Примерного наказа», где говорилось, что «*Вся земля: государственная... частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д. отчуждается безвозмездно, обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней*»¹⁵. И хотя наказ различал понятия «собственность» и «пользование», эти его положения могли оказаться не понятыми отдельными группами, в частности казаками¹⁶. Поэтому декрет и был дополнен этим пунктом. А мог ли он появиться, если у автора не было в руках наказа?

От какой партийной группировки могла быть предложена редакция пятого пункта декрета, также ничего не известно, но вряд ли какие-либо поправки можно связывать с переговорами между большевиками и представителями левых эсеров, как это считает Е. А. Луцкий¹⁷.

В. И. Ленин, выступая 4 ноября 1917 г. на заседании ВЦИК по поводу запроса левых эсеров об издании Совнаркомом ряда документов, обратился к представителям соглашательской партии: «...Вы критикуете декрет о земле. Но этот декрет идет навстречу требованиям народа. Вы упрекаете нас в схематичности. Но где ваши проекты, поправки, резолюции? Где плоды вашего законодательного творчества? Вы свободны были создавать. Но мы их не видим»¹⁸. Так, В. И. Ленин позже обвинял левых эсеров в неспособности представить свои проекты и поправки в противовес большевистскому декрету.

С другой стороны, во время переговоров с левыми эсерами днем 26 октября 1917 г. в основном обсуждался вопрос о вхождении последних в состав правительства. Эсеры отказались участвовать в Советском правительстве. Поэтому они вряд ли могли принимать участие и в обсуждении проектов Декретов о мире и о земле, так как даже с формальной точки зрения такое обсуждение делало их причастными к законодательной деятельности правительства.

На съезде после оглашения Декрета о мире левый эсер Карелин заявил, что эсеры поправок вносить не могут, так как не были ознакомлены с декретом ранее. А видный меньшевик Н. Суханов позднее вспоминал, что Декрет о земле не был размножен, роздан «и никому не известен»¹⁹. Таким образом, к моменту выступления В. И. Ленина на II съезде Советов Декрет о земле, видимо, не был известен представителям соглашательских фракций.

После чтения Декрета о земле левые эсеры, по словам Д. Рида, стали настаивать на обсуждении декрета в своей фракции. С подобным заявлением выступили и меньшевики-«интернационалисты». Эсеры мотивировали свое требование тем, что «необходимо узнать мнение крестьянских

¹⁴ Бонч-Бруевич В. Д. Как Владимир Ильич писал Декрет о земле.— В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 1, с. 544.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 25.

¹⁶ Луцкий Е. А. Воспроизведение текста декрета «О земле» в советских публикациях, с. 39.

¹⁷ Там же, с. 41.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 58.

¹⁹ Об этом см.: Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970, с. 199.

Советов»²⁰. В результате был объявлен перерыв, продолжавшийся два с половиной часа.

Нам кажется, что это свидетельство Д. Рида помогает скорректировать воспоминания М. В. Фофановой, так как, по-видимому, именно на заседания фракций были приглашены делегаты от крестьянских Советов, присутствовавшие на съезде. Чтобы представить на обсуждение всех фракций съезда Декрет о земле, необходимо было его размножить. Для этого могла понадобиться газета. В то же время печатный текст «Примерного наказа» мог нагляднее продемонстрировать крестьянским делегатам, что в основу документа положены их требования.

Не известно, заседала ли в перерыве фракция большевиков. Но, видимо, к этому времени следует отнести описанное И. Х. Бодякшиным обсуждение декрета. Он сообщает: «Помню заседание фракции, обсуждается наказ о земле. Оглашает его ... Каменев, масса вносится поправок. Оглашается декрет о земле. Я вношу три поправки: а) вставить слова «рядовых крестьян», где говорилось «Земля крестьян и казаков не конфискуется и не отбирается», б) выбросить пункт, где говорилось о том, что дезертиров лишают земли, и в) выбросить пункт об отдаче под суд за растаскивание имущества помещиков крестьянами... Каменев спросил мнение Владимира Ильича. Владимир Ильич против моих поправок не возражал»²¹.

В воспоминаниях И. Х. Бодякшина есть неточность. Из трех поправок, которые он внес, была принята только первая. Последние две относились к опубликованному крестьянскому наказу и внести в него изменения было нельзя. К тому же известно, что В. И. Ленин категорически возражал против разгрома помещичьих имений²².

Уже после перерыва И. Х. Бодякшин выступил на съезде, настаивая на изменении того пункта наказа, в котором говорилось о дезертирах. Здесь важно остановить внимание на том, что И. Х. Бодякшин выступил после перерыва и, вероятно, под впечатлением обсуждения декрета на фракции большевиков. Как сообщает М. П. Ирошников, в одной из редакций своей книги Джон Рид писал о выступлении И. Х. Бодякшина на съезде: «Снова поднялся на трибуну изможденный, оборванный и красноречивый солдат»²³. Возможно, Д. Рид слышал его выступление в этот день уже не первый раз. Не исключено, что слышал именно на заседании фракции большевиков. Тем не менее вопрос о дезертирах съезд передал на рассмотрение будущему Советскому правительству. Затем декрет в 2 часа ночи 27 октября 1917 г. был поставлен на голосование и принят подавляющим числом голосов.

Таким образом, видно, что декрет вместе со вторым разделом наказа так или иначе должен был фигурировать днем и вечером 26 октября. Однако, опираясь главным образом на воспоминания М. В. Фофановой 1960 г., Е. А. Луцкий сделал вывод, что еще утром 26 октября на квартире В. Д. Бонч-Бруевича у В. И. Ленина не было всего текста декрета, т. е. отсутствовал «Примерный наказ»²⁴.

Анализ близкого к автографу текста, опубликованного в «Известиях ЦИК» и в «Рабочем и солдате» 28 октября 1917 г., убеждает в обратном. Автор Декрета о земле не только тщательно изучил второй раздел крестьянского наказа, но и самым активным образом использовал его в процессе работы.

²⁰ Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1958, с. 123.

²¹ Бодякшин И. Из недавнего прошлого.— Новый мир, 1966, № 11, с. 163.

²² Подробнее см.: Ирошников М. П. О тексте ленинского декрета «О земле»: Луцкий Е. А. Подготовка проекта Декрета о земле.

²³ Ирошников М. П. Создание советского центрального государственного аппарата. Л., 1967, с. 289.

²⁴ Луцкий Е. А. Воспроизведение текста декрета «О земле» в советских публикациях, с. 42.

Во-первых, необходимо отметить, что только в оттисках указанных газет отдельные фразы «Примерного наказа» выделены полужирным шрифтом. Если сопоставить ленинские пункты декрета с этими фразами, можно сделать вывод, что они были подчеркнуты скорее всего самим В. И. Лениным.

Во-вторых, пункты декрета, написанные В. И. Лениным, в основном развивают именно те части наказа, которые были выделены в «Известиях ЦИК» и «Рабочем и солдате». Кроме этого, во втором пункте декрета В. И. Ленин, называя формы землевладения, которые уничтожаются, повторил их, хотя и не все, но в том же порядке, как они были перечислены в наказе. В четвертом же пункте В. И. Ленин указывает, что «для руководства по осуществлению великих земельных преобразований ... должен повсюду служить следующий крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» и опубликованный в номере 88 этих «Известий» (Петроград, № 88, 19 августа 1917 г.)»²⁵.

Таким образом, В. И. Ленин дал точные выходные данные. Конечно, при неоднократном обращении к наказу, он мог хорошо запомнить текст и выходные данные газеты. Но и в этом случае остается неясным, почему же тогда не указан и номер раздела «Примерного наказа», который следовало поместить в декрете?

Как известно, «Примерный наказ» полностью был опубликован в двух номерах «Известий» крестьянских депутатов 19 и 20 августа 1917 г. Состоял он из 8 разделов, причем тот номер газеты, на который ссылается В. И. Ленин, содержал три первых раздела. Откуда же могли знать публикаторы документа и те большевики, которые знакомились с его проектом 26—27 октября 1917 г., какая часть наказа относится к декрету? К тому же во всех первых газетных публикациях декрета после текста наказа идет конец четвертого пункта ленинского текста: «Все содержащиеся ... крестьянских депутатов»²⁶. Также неясно, как редакции различных газет могли узнать, что конец четвертого пункта следует помещать после наказа, а не перед ним?

Очевидно, что к моменту составления декрета у В. И. Ленина была газета (или вырезка из нее) с «Примерным наказом». В тот же день, 26 октября 1917 г., с написанных В. И. Лениным пунктов декрета и наказа была снята машинописная копия. А в типографию «Известий ЦИК» и «Рабочего и солдата» была направлена вырезка из газеты, которую заложили между листками с ленинским текстом²⁷. Поэтому публикации «Известий ЦИК» и «Рабочего и солдата» ближе всех передают текст второго раздела «Примерного наказа», вплоть до механического перенесения заголовка этого раздела «О земле» с римской цифрой II.

Так как, по-видимому, В. И. Ленин передал проект декрета для опубликования со своим экземпляром газеты в редакцию «Известий ЦИК» и «Рабочего и солдата» еще днем 26 октября 1917 г., то становится понятным, почему в ночь с 26 на 27 октября М. В. Фофановой пришлось вновь доставлять газету с наказом.

Декрет о земле был принят II Всероссийским съездом Советов только в 2 часа ночи 27 октября 1917 г., а первые публикации появляются в петроградских газетах лишь 28 октября, т. е. спустя 2 дня. Следует отметить, что у некоторых большевиков возникла мысль опубликовать декреты Советской власти до вооруженного восстания. Так, Н. И. Подвойский вспоминает, что во время встречи В. И. Ленина с руководителями Военной организации ночью 17—18 октября 1917 г. он обратился к В. И. Ленину с вопросом: «Не целесообразно ли предварительно пригото-

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 24.

²⁶ Там же, с. 26.

²⁷ Луцкий Е. А. Воспроизведение текста декрета «О земле» в советских публикациях, с. 43.

вить в миллионах экземпляров декреты о земле, о мире, о рабочем контроле над производством и об организации Советской республики?» На что В. И. Ленин ответил: «Сперва надо победить, а потом уже печатать декреты»²⁸. Но с того момента, как в Петрограде власть была захвачена пролетариатом, скорейшее издание документов стало необходимым. Было важно, чтобы трудящиеся России как можно скорее узнали о победе Октябрьской революции и революционных преобразованиях.

Как вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич, В. И. Ленин днем 26 октября 1917 г. говорил: «Вот только бы объявить его (Декрет о земле.— *Б. И.*) и широко распубликовать и распространить! Пускай попробуют тогда взять его назад!»²⁹ По словам Д. Рида, В. И. Ленин обратился к делегатам II Всероссийского съезда Советов после чтения Декрета о земле: «Нам нельзя терять времени, товарищи! Завтра утром вся Россия должна узнать новости колоссального значения! Никаких задержек!»³⁰ Эти свидетельства указывают, что В. И. Ленин придавал большое значение скорейшему обнародованию документа. В. Д. Бонч-Бруевич пишет, что вместе с В. И. Лениным «решили немедленно переписать его на машинке и сдать в набор в газеты, чтобы завтра (27 октября.— *И. Б.*) он был распубликован... Как только декрет был принят, я тотчас же разослал его по всем петроградским редакциям с нарочными, а в другие города — сейчас же по почте и телеграфу. Наши газеты его заверстали предварительно, и на утро его читали уже сотни тысяч и миллионы людей...»³¹ Это сообщение многократно повторяется автором в различных изданиях³².

Есть ли основания не доверять этому свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича? В последнее время к мемуарному наследию В. Д. Бонч-Бруевича стали подходить более критично, что вполне справедливо. Так, анализируя его воспоминания, относящиеся к законодательной деятельности Советской власти в 1917—1918 гг., А. С. Покровский обоснованно критикует их за противоречивость и не всегда точное освещение событий³³. Но, на наш взгляд, было бы неправильно требовать от мемуариста документальной точности, особенно там, где речь идет о датах, часах или других плохо удерживаемых в памяти моментах. Как правило, именно в этом мемуарист мало помогает историку. Рассматривая воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича, относящиеся к истории создания Декрета о земле, А. С. Покровский доказывает их противоречивость лишь в частностях, но признает, что в основном они верно освещают события. А. С. Покровским было выдвинуто два аргумента, прямо относящихся к рассматриваемому вопросу. Он пишет: «Вызывают возражения лишь два утверждения автора (В. Д. Бонч-Бруевича.— *Б. И.*): 1) о том, что проект декрета был, по его распоряжению, сдан в набор и сверстан заранее, уже 26 октября (тогда непонятно, почему этот закон появился в газетах не 27, а 28 октября); 2) о «чистенько переписанных» и перепечатанных на машинке листках проекта»³⁴. Возражая против последнего пункта,

²⁸ Подвойский Н. И. Год 1917, с. 104.

²⁹ Бонч-Бруевич В. Д. Как Владимир Ильич писал Декрет о земле.— В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 1, с. 544.

³⁰ Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир, с. 124.

³¹ Бонч-Бруевич В. Д. Как Владимир Ильич писал Декрет о земле.— В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 1, с. 544—545.

³² Бонч-Бруевич В. Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1930, с. 126; изд. 2. М., 1931, с. 120—121; *Он же*. В. И. Ленин в Петрограде и Москве (1917—1920 гг.).— В кн.: О Ленине. Воспоминания, рассказы, очерки, с. 167—168; *Он же*. Владимир Ильич Ленин в первые дни Октябрьской революции.— В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции. М., 1956, с. 10.

³³ Покровский А. С. Некоторые вопросы законодательной деятельности Советской власти (октябрь 1917 — февраль 1918 г.) в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича.— В кн.: АЕ за 1968 год. М., 1970, с. 194—212.

³⁴ Покровский А. С. Указ. соч., с. 199.

А. С. Покровский ссылается на воспоминания М. В. Фофановой (о том, что в момент выступления на съезде у В. И. Ленина не было наказа) и Н. Суханова. Присутствовавший на съезде Н. Суханов сообщает только о том, что, по его мнению, в руках у В. И. Ленина был малоразборчивый текст³⁵. Это свидетельство, на наш взгляд, никак не противоречит воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, так как у В. И. Ленина действительно мог быть неразборчивый текст (в частности, пятый пункт декрета) или же плохая машинописная копия.

Другое замечание А. С. Покровского справедливо лишь наполовину. Действительно, В. Д. Бонч-Бруевич допустил ошибку, утверждая, что декрет читали утром 27 октября 1917 г. Но она легко объяснима и не отвергает другое его показание о предварительном наборе декрета. Во всех первых публикациях декрета указывалось, что он был принят в 2 часа ночи 26 октября 1917 г. Та же дата — 26 октября — была проставлена в конце декрета после подписи В. И. Ленина. На самом же деле декрет был принят в 2 часа ночи 27 октября 1917 г.

В то же время в газетных публикациях под Декретом о земле проставлена подпись В. И. Ленина с указанием его государственного поста — «Председатель Совета Народных Комиссаров». Декрет об образовании правительства был зачитан на съезде Советов в 2 часа 30 мин. ночи, а принят перед самым закрытием съезда около 5 часов утра 27 октября. Таким образом, газеты получили окончательный текст декрета только утром 27 октября. Естественно, что большинство типографий напечатать его в тот же день уже не могли, так как обычно к утру весь очередной тираж дневных газет поступал в продажу. В тех типографиях, где Декрет о земле был заверстан предварительно, очевидно, ждали, когда он будет одобрен II Всероссийским съездом Советов. А так как обсуждение декрета затягивалось и был объявлен перерыв, то это ставило под угрозу своевременный выход номера с другими важными материалами съезда. Поэтому публикация декрета была перенесена на следующий день³⁶.

Следовательно то, что Декрет о земле был опубликован 28 октября 1917 г., ни в коей мере не опровергает возможности его предварительного набора в ряде типографий. От внимания В. Д. Бонч-Бруевича, видимо, ускользнуло, что газеты не могли напечатать декрет 27 октября 1917 г. по техническим причинам³⁷. Таким образом, хотя его воспоминания содержат неточности, у нас все же нет серьезных оснований не доверять той их части, где говорится о предварительном наборе текста декрета. Но, с другой стороны, то, что все первые публикации декрета были осуществлены через два дня после описанных В. Д. Бонч-Бруевичем событий, не позволяет установить по датам публикаций, в каких типографиях декрет набрали заранее. Не ясно это и из рассмотренных воспоминаний.

В октябре 1917 г. В. Д. Бонч-Бруевич редактировал большевистскую газету «Рабочий и солдат». В дни вооруженного восстания он участво-

³⁵ *Фофанова М. В.* Как рождался Декрет о земле, с. 147.

³⁶ Интересно, что Декрет о мире был принят II Всероссийским съездом Советов около 11 часов вечера 26 октября 1917 г. Видимо, только поэтому некоторые газеты (например, «Правда», «Солдатская правда», «Известия ЦИК» и др.) успели его опубликовать 27 октября 1917 г. Все газеты, напечатавшие этот декрет 27 октября (исключая «Известия ЦИК»), поместили его на второй или даже на третьей страницах, среди менее важного материала. Это указывает на то, что текст Декрета о мире был получен в редакциях уже в процессе верстки текущего номера. Подробнее см.: *Илизаров Б. С.* О некоторых особенностях публикации декрета «О мире» в центральных петроградских газетах (27—28 октября 1917 г.). — АЕ за 1972 год. М., 1974. с. 184—188.

³⁷ В 1935 г. в письме к Н. К. Крупской В. Д. Бонч-Бруевич указывал уже точные даты публикации (Летописец революции. К 100-летию со дня рождения В. Д. Бонч-Бруевича. Публикация Л. В. Гапченко. — Комсомольская правда, 1973, 10 июля).

вал в захвате редакции «Известий ЦИК» и фактически несколько дней был ее руководителем. Есть основания предполагать, что именно в этих газетах — в «Рабочем и солдате» и «Известиях ЦИК» — декрет был набран предварительно. Текст же предварительного набора несколько отличался от известного нам. Поэтому необходимо подробнее рассмотреть публикации указанных газет.

Обе газеты — «Известия ЦИК» и «Рабочий и солдат» печатались в одной типографии акционерного общества «Копейка» (Петроград, Сайкин пер., д. 6). Анализ набора «Известий ЦИК» и «Рабочего и солдата» показывает, что текст Декрета о земле в обеих газетах отпечатан с одного набора³⁸. Это видно из полного совпадения содержания текстов и всех палеографических признаков: одинаковы рисунок и размеры шрифтов, а также расположение текста — в четыре колонки, общие дефекты набора, в частности то, что некоторые буквы не держат линию и т. д.

Но, помимо несомненной общности, набор в рассматриваемых газетах имеет ряд отличий. Формат первой полосы набора «Известий ЦИК» и «Рабочего и солдата» одинаков — 365×25,5 мм. Высота шапки «Известий ЦИК» равна 9,3 мм, а «Рабочего и солдата» — 7,5 мм. Таким образом, полезное пространство на первой полосе «Рабочего и солдата» было больше почти на 20 мм, чем в «Известиях ЦИК».

Между шапкой и Декретом о земле в газетах помещено одно и то же объявление, в котором крестьянским делегатам, прибывшим на II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, предлагалось остаться в Петрограде до открытия Чрезвычайного съезда Советов крестьянских депутатов. Исследование текста показывает, что и объявление было отпечатано с одного набора, но расположение его на страницах газет несколько различное. В «Известиях ЦИК» свободное пространство между шапкой и объявлением и декретом равно 3 и 5 мм, а в газете «Рабочий и солдат» — соответственно 7 и 9 мм.

Между заголовком и текстом декрета в газетных публикациях помещен подзаголовок, который содержит следующие слова: «[Декрет о земле] съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (принят на заседании 26 октября в 2 часа ночи)». Некоторые газеты сокращали отдельные слова подзаголовка (например, слово «часа» обозначалось буквой «ч»), но в публикациях «Известий ЦИК» и «Рабочего и солдата» он передан в крайне сокращенном виде: «[Декрет о земле] съезда Советов рабочих и с. д. (принят на зас. 26 окт. в 2 ч. н.)».

Возникает вопрос, был ли подзаголовок сокращен в силу необходимости или же перед нами просто одна из особенностей оформления декрета в газете? Чтобы ответить на него, необходимо представить, как набирался текст в типографии. Предположим, что перед нами готовая верстка первой полосы «Известия ЦИК». Стоит задача — ввести подзаголовок, не разбирая верстку и не рассыпая набора. Единственно возможное в такой ситуации решение — это сократить длину подзаголовка и одновременно попытаться увеличить пробел между набором основного текста и заголовком хотя бы на несколько миллиметров. Возможно поэтому верстальщик типографии «Известий ЦИК» сократил до минимума подзаголовки с тем, чтобы тот уместился посередине текста декрета, т. е. над двумя средними колонками. Затем он уплотнил набор двух средних колонок за счет пробельного материала (шпонов), вынутого полностью или частично между первым и вторым абзацами средних колонок. Вероятно, с этой же целью были сокращены на несколько миллиметров две первые вертикальные линейки, отделяющие колонки друг от друга. И хотя верстка первой полосы к моменту работы верстальщика над подзаголовком была, видимо, полностью закончена и приготовлена для снятия стереотипа, а шрифт стянули специальной рамкой или веревкой, при сме-

³⁸ Это было отмечено Е. А. Луцким (*Луцкий Е. А. Воспроизведение текста декрета «О земле» в советских публикациях*, с. 10—11).

щении текста средних колонок не все буквы оказались на одном уровне. Некоторые буквы (например, *a*, *n*, *o* первой строки второй колонки) остались на своих прежних местах. Это привело к уже отмеченным дефектам в оттисках, т. е. к тому, что многие буквы не держат линию.

Приведенные факты говорят о том, что подзаголовок Декрета о земле в «Известиях ЦИК» был введен после набора основного текста.

По-видимому, и пятый пункт декрета: «Земли... не конфискуются» — также был введен в текст позднее. Возможно, верстальщик даже пытался ввести его между заглавием крестьянского наказа и последней строчкой четвертого пункта ленинского текста, о чем говорит смещение букв заглавия «О земле»; но места для введения двух строк все же не хватило. Поэтому верстальщик помещает пятый пункт декрета в самом конце текста, в четвертой колонке, перед подписью В. И. Ленина и датой. Последние, видимо, были уже набраны, так как ему пришлось сдвинуть первую строчку подписи «Председатель Совета Народных Комиссаров...» вниз, в результате чего и здесь буквы оказались на разных уровнях³⁹.

Для того чтобы ввести пятый пункт декрета, подпись и дату, необходимо было освободить место в четвертой колонке высотой 20 мм. Поэтому верстальщик убрал еще часть шпона между тремя верхними абзацами в четвертой колонке, между первым и вторым, вторым и третьим и последним абзацами в третьей колонке и между всеми абзацами во второй колонке, уплотнив набор примерно на 20 мм, и ввел дополнительный текст.

Можно предположить, что в том тексте, который был прислан в типографию «Известия ЦИК», пятый пункт декрета имел порядковый номер. Но поместить его после четвертого пункта, как было показано выше, верстальщик не смог, поэтому он помещает этот пункт в конце всего документа, убрав при этом его номер. Оставить номер было нельзя, так как могла возникнуть путаница в номерах пунктов ленинского текста и наказа (они набраны одним кеглем арабскими цифрами).

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что в уже набранный 26 октября 1917 г. текст Декрета о земле в «Известиях ЦИК» были внесены изменения (введен подзаголовок и пятый пункт ленинского текста, а также подпись и дата), что, вероятно, произошло утром или днем 27 октября 1917 г., т. е. после принятия декрета II съездом Советов.

Так как стереотип для «Рабочего и солдата» отлили с одного набора, то эти изменения отразились и в этой газете. При анализе верстки первой полосы «Рабочего и солдата» было показано, что материал в газете расположен более свободно. Поэтому возможно, что перед матрицированием газеты «Рабочий и солдат» верстальщик попытался несколько подправить набор. Разместив шапку газеты в готовой верстке и убедившись, что пробел между ней и объявлением слишком велик (около 20 мм), он уменьшил расстояние между шапкой и объявлением и увеличил его между заголовком декрета, подзаголовком и текстом. Так как расстояние от подзаголовка до текста декрета увеличилось, он выровнял уровень первых трех строк средних колонок с уровнем строк крайних колонок. Так же были выровнены строчки пятого пункта декрета и подписи В. И. Ленина. В результате этого дата и подпись в наборе газеты «Рабочий и солдат» не сливаются. Для исправления остальных дефектов набора требовалось слишком много труда и времени, поэтому в газете «Рабочий и солдат» сохранились все другие погрешности набора. Отсюда вытекает вывод: возможно, первоначально стереотип был отлит для «Известий ЦИК», а затем для «Рабочего и солдата».

³⁹ Следует обратить внимание на то, что в слове «Председатель» буква «р» — строчная (ср. с буквой «Р» в словах «Нарва» и «Ревель» на с. 3 той же газеты). См. также: Луцкий Е. А. Воспроизведение текста декрета «О земле» в советских публикациях, с. 11.

Таким образом, видно, что Декрет о земле в типографии «Известий ЦИК» и «Рабочего и солдата» набирался в несколько этапов. Причину этого хорошо объясняют рассмотренные выше воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича. Заверстав предварительно текст, работники типографии «Известий ЦИК» и «Рабочего и солдата» вновь получили текст декрета с изменениями, внесенными на съезде. Сверив его с имеющимся набором и убедившись в расхождениях, они учли правку в наборе в той последовательности, как это было описано.

Здесь уместно поставить вопрос, был ли декрет предварительно набран в типографиях других газет? Ответить на него определенно пока не представляется возможным, так как такого удачного стечения обстоятельств, как почти одинаковый набор в «Известиях ЦИК» и «Рабочем и солдате», в других изданиях нет.

Можно только предположить, что газеты «Солдатская правда» и «Древенская беднота» тоже предварительно набрали текст декрета. Эти публикации довольно близки к тексту «Известий ЦИК», а пятый пункт в них также помещен в конце декрета. Возможно, что они получили первоначально машинописную копию декрета тоже днем 26 октября 1917 г.

В типографиях таких большевистских газет, как «Правда», «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства», вряд ли декрет был набран предварительно. Можно предполагать, что они получили только второй вариант текста, разосланный В. Д. Бонч-Бруевичем. В публикациях этих газет пятый пункт пронумерован. Возможно, что при перепечатывании на машинке он был механически внесен после первого абзаца четвертого пункта и перед наказом, так как перед глазами печатающего была только машинописная копия, а не вырезка из газеты с наказом. Он не мог видеть, что после наказа идет конец четвертого пункта, автором которого был В. И. Ленин. В результате была разорвана логическая связь между четвертым пунктом и наказом. Последний представлялся уже самостоятельным элементом, и в типографиях этих газет его даже специально отделили чертой.

Еще менее определенно можно судить о наборе в газете «Новая жизнь» — органе группы меньшевиков. Правда, эта публикация передает текст, близкий к тексту «Известий ЦИК», но в ней совсем опущен «Примерный наказ», хотя и оставлен конец четвертого пункта и весь пятый пункт. Газета левых эсеров «Знамя труда» скорее всего перепечатала декрет с публикации «Известий ЦИК» или «Рабочего и солдата». 29 октября 1917 г. «Знамя труда» перепечатало текст, почти полностью совпадающий с текстом «Известий ЦИК» и «Рабочего и солдата» вплоть до цифры II в заглавии наказа.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что анализ набора Декрета о земле в газетах «Известия ЦИК» и «Рабочий и солдат» позволяет выдвинуть довольно обоснованную гипотезу, по-новому объясняющую причину разночтений в его первых публикациях. Разночтения в опубликованных текстах декрета объясняются не только опечатками, корректурными погрешностями и т. д., а также тем, что первоначальный проект декрета, переданный заранее для набора в редакции газет, отличался от принятого II съездом Советов.

Это и было одной из главных причин возникновения разночтений в публикации документа.

Автографы ленинских декретов «О мире» и «О земле» не были, по-видимому, утрачены ни в бурные Октябрьские дни, ни в годы гражданской войны. Последнее известно из речи, произнесенной В. Д. Бонч-Бруевичем на заседании участников Великой Октябрьской социалистической революции, которые собрались в редакции журнала «Пролетарская революция» 6 февраля 1920 г. На этой встрече присутствовали такие видные большевики, как Н. И. Подвойский, М. Ольминский, А. Лозовский

и др., всего 17 человек⁴⁰. Судя по тексту, речи не были заранее заготовлены и разговор велся в живой непринужденной форме. Выступления стенографировались. Заканчивая свои воспоминания, В. Д. Бонч-Бруевич сказал: «В заключение расскажу еще о том, как Владимир Ильич писал законы о мире, земле и т. д. Меня поражала необычайная выносливость, с которой ему приходилось переносить в Смольном страшную усталость, когда он, прокравшись, бывало, домой и немножечко поужинавши и прилегли, вставал снова в 3 часа ночи, зажигал огонь и писал эти законы, черновики которых у меня сохранились (курсив мой.— Б. И.). Я помню, когда он писал закон о земле, который был принят на II съезде (6 пунктов)»⁴¹.

Судя по этим воспоминаниям, в феврале 1920 г. черновики декретов находились у В. Д. Бонч-Бруевича. Интересно также то, что, сообщая о Декрете о земле, В. Д. Бонч-Бруевич особо подчеркивает, что он состоит из 6 пунктов, в то время как во всех известных публикациях документ состоит из 5 пунктов и наказа. Посчитал ли В. Д. Бонч-Бруевич наказ за отдельный пункт или же в находящемся у него тексте был самостоятельный шестой пункт, который не отразился в публикациях, понять трудно. Возможно, что он принял за отдельные пункты каждый из листов, на котором были написаны пять пунктов ленинского текста, причем за шестой он мог принять конец четвертого пункта, который мог быть написан на отдельном листке бумаги⁴².

Во всяком случае очевидно, что В. Д. Бонч-Бруевич не опирался в своих воспоминаниях на печатный текст декрета. На наш взгляд, рассматриваемые воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича заслуживают доверия, так как, с одной стороны, никто из присутствующих участников революции не стал его опровергать, а с другой — это выступление состоялось еще при жизни В. И. Ленина. Насколько нам известно, никто ему не возражал и после публикации стенограммы выступления в 1922 г.

В архиве В. Д. Бонч-Бруевича, хранящемся в ОР ГБЛ, находится часть стенограммы с выступлением В. Д. Бонч-Бруевича, которая в марте 1922 г. была ему передана редакцией журнала для исправлений и дополнений⁴³. В указанный текст стенограммы автором внесена только незначительная правка. Сличение стенограммы, опубликованной в журнале «Пролетарская революция», с хранящейся в архиве В. Д. Бонч-Бруевича, показывает, что спустя два года после выступления автор не счел нужным внести какие-либо изменения. Таким образом, не исключено, что до весны 1922 г. документы все еще хранились у В. Д. Бонч-Бруевича. Однако после 1922 г. ни в одном из своих многочисленных воспоминаний, относящихся к Октябрьским дням, В. Д. Бонч-Бруевич не упоминает об этих документах как находящихся у него. В то же время известно, что ленинский автограф воззвания Петроградского ВРК «К гражданам России!» был обнаружен в архиве В. Д. Бонч-Бруевича⁴⁴. Поиски каких-либо следов декрета в современном архиве В. Д. Бонч-Бруевича ничего не дали, но, несмотря на это, хочется призвать к дальнейшим поискам подлинного ленинского автографа.

⁴⁰ Воспоминания об Октябрьском перевороте.— Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 43—93.

⁴¹ Там же, с. 71. Впервые на эти воспоминания обратил внимание А. С. Покровский (Указ. соч., с. 199).

⁴² По воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, у него дома на столе всегда лежали четвертушки бумаги. На одном из таких листов В. И. Ленин написал воззвание «К гражданам России!» (Бонч-Бруевич В. Д. Из воспоминаний о Владимире Ильиче.— В кн.: Ленин в Октябре. Воспоминания. М., 1957, с. 305—306).

⁴³ ОР ГБЛ, ф. 369, к. 2716, ед. хр. 17, л. 1, 5—7.

⁴⁴ В 1928 г. В. Д. Бонч-Бруевич писал Н. К. Крупской, что во время разбора своего архива обнаружил 15 писем и записок Женевского периода и ряд послеоктябрьских писем В. И. Ленина (Летописец революции. К 100-летию со дня рождения В. Д. Бонч-Бруевича.— Комсомольская правда, 1973, 10 июля.).

В. В. Журавлев

**К ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОМУ
ИЗУЧЕНИЮ ДЕКРЕТОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
(октябрь 1917 — февраль 1918 г.)**

Вопросы о социально-экономической сущности, характере, формах и темпах обобществления органами Советской власти капиталистических предприятий в первые месяцы после Октября привлекали и продолжают привлекать к себе пристальное внимание историков¹. Необходимым условием их дальнейшей разработки является специальное — источниковедческое и археографическое — изучение законодательных актов диктатуры пролетариата в области национализации промышленности. Плодотворность подобных исследований находится в прямой зависимости от того, насколько тесно постановка упомянутых выше специальных вопросов будет связана с анализом ряда общих проблем государственного строительства и экономической политики Советской власти первых месяцев ее существования. Цель данной статьи и состоит в том, чтобы, попытавшись частично осуществить такой подход на практике при изучении декретов СНК и ВСНХ о национализации отдельных капиталистических предприятий (октябрь 1917 — февраль 1918 г.), показать его принципиальные возможности и преимущества.

К настоящему времени мы располагаем точными сведениями относительно количества законодательных актов в области обобществления промышленности, изданных в первый год Советской власти. В период с ноября 1917 г. по март (включительно) 1918 г., как свидетельствуют обработанные В. З. Дробижевым первичные материалы промышленной переписи 1918 г., их было 836. Из них 45 актов (5,5%) исходило от центральных органов Советской власти (28 — от СНК, 17 — от ВСНХ), остальные представляли собой решения местных Советов, совнархозов, профессиональных союзов и прочих учреждений². Удельный вес законоположений центральной власти оказывается, однако, несоизмеримым с той громадной ролью, какую они сыграли в регулировании процесса обобществления промышленности в масштабах страны.

Заклученная в изучаемых источниках информация может быть выявлена с достаточной основательностью лишь в том случае, если указанные акты анализировать в совокупности с другими документами, отражающими намерения и практические усилия органов диктатуры пролетариата в области социалистического обобществления производства.

¹ Историографию проблемы см.: Очерки по историографии советского общества. М., 1965, гл. 2; *Игнатенко Т. А.* Советская историография рабочего контроля и национализации промышленности в СССР. 1917—1967. М., 1971. Видное место в историографии вопроса занимают труды А. В. Венедиктова.

² *Дробижев В. З.* Главный штаб социалистической промышленности (Очерки истории ВСНХ. 1917—1932 гг.). М., 1966, с. 100. По изданию ДСВ за указанный период насчитывается не 28, а 29 декретов СНК о национализации отдельных предприятий. Расхождение, вероятно, объясняется тем, что в материалы переписи за время до марта 1918 г. не вошло постановление о Ликинской фабрике от 17 ноября 1917 г., опубликованное с большим опозданием (только в мае 1918 г.).

Действуя в соответствии с решениями VI съезда партии по экономическим вопросам³, центральные органы Советской власти с первых же дней своего существования определенное место в работе наряду с многосторонними усилиями в области рабочего контроля отводят вопросам обобществления промышленности. Уже 5 ноября Председатель Совета Народных Комиссаров информировал население относительно подготовки «особого государственного закона о национализации банков и синдикатов»⁴. Проблема огосударствления акционерных компаний фигурировала в качестве центральной в ленинском «Проекте декрета о проведении в жизнь национализации банков и о необходимых в связи с этим мерах»⁵, разрабатывавшемся в середине декабря 1917 г. Стремясь широко информировать народные массы о принципиальных намерениях Советской власти в области обобществления производства, Совнарком и лично В. И. Ленин вместе с тем проявляли строго хозяйственный подход при решении вопросов о фактическом переходе тех или иных предприятий и отраслей промышленности в собственность Республики.

Условия для фактической национализации целых отраслей производства в первые недели Советской власти еще не созрели. Руководствуясь именно этими соображениями, Совнарком снимает с обсуждения внесенное 19 ноября предложение о национализации угольной промышленности⁶. По той же причине, судя по всему, оказались вне рассмотрения внесенные А. Г. Шляпниковым как наркомом по торговле и промышленности в повестку заседания правительства 3 декабря вопросы о национализации металлургической и угольной промышленности, а также торгового флота⁷. Не прошло вначале через Совнарком, как вспоминает тогдашний член ВСНХ, председатель его металлургического отдела М. А. Савельев, и одно из первых постановлений председателя ВСНХ о национализации синдиката «Продамет»⁸. В доработанном и расширенном виде оно было утверждено ВСНХ позже — только в конце января 1918 г.⁹

Вместе с тем Совнарком принимает меры по централизованному регулированию развивавшегося «снизу», по инициативе самих рабочих, процесса изъятия отдельных промышленных предприятий из ведения капиталистов. На заседании правительства 15 ноября 1917 г. в связи с обсуждением вопроса о конфискации фабрики товарищества Ликинской мануфактуры была подчеркнута необходимость «выпустить декрет с подробной мотивировкой о конфискации саботируемых заводов и фабрик»¹⁰. Вопрос, как видим, ставился широко — в плане координации усилиями «сверху» совершавшегося по инициативе масс процесса конфискации предприятий капиталистов-саботажников. 19 ноября при обсуждении запроса Московского Совета о праве местных органов Советской власти секвестровать фабрики и заводы в случае явного саботажа со стороны предпринимателей была еще раз подтверждена «бесспорность Советской власти» и указано следующее: «Обратить внимание Советов на всю ответственность, которую они берут на себя за правильный ход секвеструемых предприятий. Рекомендовать Советам подходить к секвестру с

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 8-е, доп. и испр., т. I. 1898—1917. М., 1970, с. 488—491.

⁴ ДСВ, т. I. М., 1957, с. 51.

⁵ Там же, с. 227—229.

⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 4, л. 2 об.

⁷ Там же, д. 17, л. 9.

⁸ Савельев М. А. Отрывки прошлого.— Торгово-промышленная газета, 1922, 18 декабря.

⁹ Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству, вып. 1. 25 октября 1917 — 25 октября 1918 г. М., 1918, с. 268. Постановление ВСНХ об объявлении металлургических акционерных обществ «Продамет» и «Кровля» государственными учреждениями по регулированию железнодорожной промышленности (в публикации ошибочно «железнодорожной»).— В. Ж.).

¹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 1, л. 5.

большой осторожностью, предварительно обсуждая всю техническую и финансовую конъюнктуру»¹¹. Призыв к осторожности, как это вытекает из контекста, диктовался стремлением отнюдь не затормозить наметившееся «снизу» движение, но ввести его в русло единых государственных требований.

Упомянутые выше требования получили свое дальнейшее развитие в постановлении СНК от 24 ноября о мерах борьбы с саботажем предпринимателей, разосланном во все местные Советы. В документе разъяснялось, что последние имеют право принимать по отношению к саботирующим предпринимателям все меры воздействия, вплоть до конфискации принадлежащих капиталистам предприятий. Особо подчеркивалось, что конфискации «в каждом отдельном случае должно предшествовать специальное обследование положения дел предприятия, особенно с точки зрения финансовой, снабжения топливом и сырыми материалами, а также технического оборудования»¹².

Местные Советы указанным постановлением наделялись широкими правами¹³. Вместе с тем определялись границы и порядок реализации данных прав. Конфискация рассматривалась как крайняя мера борьбы с саботажем капиталистов, а сам саботаж — как единственный повод к осуществлению на практике права местных Советов на конфискацию. Требование специального всестороннего обследования положения дел предприятий до конфискации вытекало из стремления Советского правительства максимально связать процесс конфискации предприятий саботажников, с трудом поддающийся в тех условиях регулированию, с принципами хозяйственной целесообразности. Общую мысль, пронизывающую документ, можно выразить следующим образом: если конфискация неизбежна, то местные Советы должны осуществлять ее не ради справедливой в целом идеи покарать капиталиста, но прежде всего для того, чтобы обеспечить бесперебойную работу предприятия.

Обращает на себя внимание содержание п. 2 анализируемого постановления: «Управление конфискованными предприятиями передается соответствующим органам регулирования производства»¹⁴. Несмотря на обобщенность такой формулировки (что можно объяснить тем, что государственные органы регулирования хозяйства только еще складывались), смысл ее не вызывает сомнений: конфискованное предприятие переходит в ведение государства в целом. Неконкретность адресата в данном случае только подчеркивает, что данная норма распространяется на всю создаваемую систему регулирующих органов — снизу доверху.

По мере того как формировалась эта система центральных и местных хозяйственных учреждений, складывался и порядок юридического оформления акта обобществления. Проекты первых декретов СНК о конфискации отдельных предприятий разрабатывались, как правило, в народных комиссариатах труда, а также торговли и промышленности в соответствии с ходатайствами местных рабочих организаций и органов власти. На руководителей указанных центральных ведомств правительство возлагало и ответственность за определение порядка управления делами национализированных заведений.

Декретом ВЦИК и СНК от 2 декабря 1917 г. об учреждении ВСНХ последнему предоставлялось «право конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей промышленности и торговли и прочих мероприятий в области производства, распределения

¹¹ Там же, д. 4, л. 2.

¹² ДСВ, т. I, с. 546.

¹³ Право «конфисковать, реквизировать и секвестровать в свою пользу» частные заведения городские самоуправления получили еще постановлением СНК от 27 октября 1917 г., но оно распространялось только на предприятия в области продовольственного дела (ДСВ, т. I, с. 26—29).

¹⁴ ДСВ, т. I, с. 546.

и государственных финансов»¹⁵. Это право ВСНХ удалось реализовать не сразу, ибо для создания соответствующего аппарата требовалось время. Кроме того, ждал своего решения и принципиальный вопрос о праве и порядке издания ВСНХ декретов. Впервые он был поставлен в повестку дня заседания СНК 20 декабря по инициативе председателя ВСНХ и наркомов торговли и промышленности, а также путей сообщения¹⁶, затем фигурировал в предварительных повестках заседаний 23 декабря 1917 г., 6 и 8 января 1918 г.¹⁷ 9 января, после обсуждения данного вопроса, Совнарком принимает решение: «Поручить Председателю Совета Народных Комиссаров при участии отдельных членов Совета детально и подробно ознакомиться с деятельностью всех ведомств. Начать обследование с Высшего совета народного хозяйства. Привлечение членов Совета к этой работе, а также и прочих лиц поручается Председателю Совета Народных Комиссаров»¹⁸.

Хотя вопрос о праве ВСНХ издавать декреты оставался открытым, Советское правительство принимает меры по обеспечению центральному хозяйственному органу страны необходимых условий выполнения возложенных на него функций. Декретом об учреждении ВСНХ предусматривалось, что «все законопроекты и крупные мероприятия, имеющие отношение к регулированию народного хозяйства в его целом, вносятся в Совет Народных Комиссаров через Высший совет народного хозяйства»¹⁹. В развитие этого положения 19 января 1918 г. СНК принимает специальное «Постановление о взаимоотношениях народных комиссариатов и Высшего совета народного хозяйства»²⁰. 20 января Большой Совнарком, утвердив протокол МСНК за № 3 о конфискации завода акционерного общества «Дека»²¹, счел необходимым предложить МСНК «приурочивать все вопросы о конфискации к определенному заседанию и приглашать на него представителей ВСНХ»²². Этим самым Совнарком признал ненормальность продолжавшейся практики выработки и движения проектов декретов о национализации отдельных предприятий (до постановки их на обсуждение СНК) по линии НКТП — МСНК, минуя ВСНХ.

На заседании Президиума ВСНХ 23 января 1918 г. было обсуждено предложение НКТП «о производстве им и дальнейшей национализации отдельных предприятий, пока при Высшем совете народного хозяйства нет соответствующего отдела по национализации»²³ и принято решение, «чтобы национализация отдельных предприятий подвергалась обсуждению в соответствующем (отраслевом.— В. Ж.) отделе ВСНХ»²⁴. Внесенная к данной формулировке поправка («предварительному обсуждению» вместо «обсуждению») Президиумом ВСНХ была отклонена, что свидетельствовало о стремлении высшего хозяйственного органа не прерывать и не затруднять уже сложившегося течения дел, пока шел процесс сосредоточения функций национализации в его ведении. В связи с обсуждением вопроса о национализации общества «Электропередача» Президиум ВСНХ 26 января принял решение: «Все конфискации отдельных предприятий производить впредь обязательно через Президиум ВСНХ»²⁵. Так постепенно складывался порядок юридического оформления национализации предприятий по линии ВСНХ.

¹⁵ ДСВ, т. I, с. 173.

¹⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 31, л. 29.

¹⁷ Там же, д. 33, л. 19; д. 41, л. 8; д. 43, л. 15.

¹⁸ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924, т. 5. Октябрь 1917 г.— июль 1918 г. М., 1974, с. 192.

¹⁹ ДСВ, т. I, с. 173.

²⁰ Там же, с. 558—560.

²¹ Там же, с. 377—378.

²² ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 52, л. 1.

²³ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 1 протокольная (далее — пр.), д. 3, л. 30 об.

²⁴ Там же, л. 31.

²⁵ Там же, д. 3, л. 37 об.

На состоявшемся 31 января заседании Пленума ВСНХ был заслушан отчет Президиума, в котором, в частности, говорилось следующее: «Переходя к общей политике ВСНХ, можно сказать — мы держим путь на национализацию»²⁶. При этом особо отмечалось, что «темп, с которым мы идем к этому, для различных отраслей неодинаков. Техническое оборудование, концентрация производства — вот основные условия, определяющие скорость национализации. Для менее концентрированных отраслей с худшей техникой применяются переходные меры. Одной из мер является принудительная централизация производства, при этом бывает так, что мы не вытаскиваем из центральных организаций даже промышленников. Пока производится для ряда отраслей промышленности учет сырья, реорганизация центров промышленности»²⁷.

Вместе с тем докладчик — член Президиума ВСНХ А. Ломов (Г. И. Оппоков) — считал необходимым добавить: «Общий план хозяйственной политики намечен. При практическом проведении его в жизнь плановность нарушается. На ВСНХ сваливается масса текущей работы, эта работа текущая сваливается на нас лавиной, и мы делаем невероятные усилия, чтобы в поток внести плановность»²⁸.

Одной из мер на этом пути была выработка ВСНХ специального постановления о порядке конфискации отдельных предприятий, проект которого впервые обсуждался на заседании Президиума ВСНХ 14 февраля 1918 г. Хотя проект в материалах ВСНХ нами не обнаружен, коротко запротоколированный ход обсуждения позволяет частично восстановить содержание данного документа²⁹.

Прежде всего в проекте формулировалось исходное понятие «предприятие» и, как свидетельствовали выступающие, «недостаточно точно». Видимо, поэтому данный пункт не был включен в текст постановления. Другим пунктом проекта предусматривалось пересмотреть уже произведенные конфискации. Было решено этот пункт выбросить, а сами конфискации признать. В ходе обсуждения специальное внимание было уделено вопросу о соотношении карательности и хозяйственной целесообразности в процессе конфискации предприятий капиталистов-саботажников. В частности, прозвучала мысль о необходимости, не делая упора на одной конфискации, изыскивать иные карательные действия в отношении саботажников. Что касается обсуждаемого проекта, то в нем было предложено «выбросить пункт, говорящий о конфискации как карательной мере, ибо мы должны руководствоваться при конфискации только экономической целесообразностью»³⁰. Президиум ВСНХ предложил II Отделу ВСНХ (занимавшемуся вопросами хозяйственной политики) переработать проект, приняв во внимание высказанные соображения. На следующий день — 15 февраля — переработанный проект снова обсуждался на заседании Президиума ВСНХ. Хотя постановляющая часть по данному вопросу в протоколе³¹ отсутствует, черновая секретарская запись позволяет восстановить ее содержание: декрет принять и внести в СНК. Указанный вопрос значился в повестке дня заседания СНК 16 февраля, затем в повестках на 18, 20 и 22 февраля³². В машинописном тексте последней повестки дня против указанного вопроса (он значится под п. 3) имеется ленинская пометка: «Отложить»³³.

Оставшись неутвержденным Совнаркомом, указанный документ, как свидетельствуют косвенные данные, циркулярным порядком был разослан на места и получил известность как постановление ВСНХ от 16 февраля

²⁶ Там же, л. 42 об.

²⁷ Там же, л. 42, об.— 43.

²⁸ Там же, л. 43.

²⁹ Там же, л. 46.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, л. 48.

³² ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 63, л. 23 об.; д. 64, л. 16; д. 66, л. 10; д. 68, л. 43.

³³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924, т. 5, с. 271.

1918 г.³⁴ В печати он впервые появился лишь 27 апреля 1918 г. в качестве извещения ВСНХ, адресованного всем местным Советам и совнархозам³⁵. Тексту постановления предшествовало следующее уведомление: «В виду того, что местные Советы депутатов и Советы народного хозяйства продолжают конфискацию и национализацию предприятий без ведома Высшего совета народного хозяйства, напоминаем о следующем постановлении ВСНХ от 16 февраля 1918 г. ...». К тексту постановления было добавлено: «В случае, если конфискации предприятий будут, тем не менее, производиться, Президиум ВСНХ предупреждает, что никакие ассигновки конфискованным таким образом предприятиям отпускаться не будут»³⁶.

Подкрепленное этим существенным пунктом постановление ВСНХ получило практическое применение уже на том этапе хозяйственного строительства, когда в политике Советского государства на первое место была поставлена задача «*обобществить* производство на деле»³⁷. Не случайно упомянутое извещение появилось в печати почти одновременно с работой В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти»³⁸. Для изучения периода «красногвардейской атаки на капитал» документ этот как исторический источник чрезвычайно важен и в первую очередь как воплощенный в форму постановления принципиальный взгляд высшего хозяйственного органа страны на критерии осуществления и порядок правового оформления национализации отдельных промышленных предприятий.

«Конфискация промышленных и иных предприятий,— говорилось в постановлении,— производится по соображениям государственно-хозяйственного свойства...»³⁹. Дилемма «карательность или экономическая целесообразность» безоговорочно решается ВСНХ в пользу последней. Гарантией осуществления процесса огосударствления промышленных предприятий в соответствии с критериями хозяйственной целесообразности должен был стать устанавливаемый документом порядок конфискации, производить которую могли только СНК и ВСНХ.

Важное значение для уяснения существа анализируемого постановления и той роли, какую сыграл документ, имеет следующее его положение: «...О всех произведенных до сих пор конфискациях подлежащие учреждения доводят до сведения Высшего совета народного хозяйства»⁴⁰. Этим самым фактически узаконивались все совершенные до середины февраля 1918 г. акты местных органов власти и рабочих организаций по изъятию капиталистических заведений из рук собственников, вне зависимости от того, на основании каких соображений они были осуществлены⁴¹.

Сказанное выше позволяет рассматривать постановление ВСНХ «О порядке конфискации предприятий» от 16 февраля 1918 г. как первую практическую попытку набравшего силы центрального хозяйственного учреждения «в поток внести планомерность». Реальными результатами эти усилия стали оборачиваться позднее — в период мирной передышки весны 1918 г., по мере того как ВСНХ все более сосредоточивал в своих руках

³⁴ Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству, вып. 1, с. 203. Датировка, вероятно, соответствует дню оформления протокольного решения в постановление, как это имело место в практике ВСНХ.

³⁵ Известия ВЦИК, 1918 г., 27 апреля.

³⁶ Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству, вып. 1, с. 204.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 171.

³⁸ Впервые ленинская работа была опубликована в «Правде» и в приложении к газете «Известия ВЦИК» 28 апреля 1918 г. См. также: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 165—208.

³⁹ Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству, вып. 1, с. 203.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Изучение всех протоколов ВСНХ за интересующий нас период и сопутствующих им материалов убеждает, что случаи опротестования Президиумом ВСНХ решений местных органов по данному вопросу настолько редки, что не меняют существа дела.

материальные рычаги регулирования процесса обобществления в виде формирующейся системы централизованного финансирования национализированных предприятий⁴².

Первым актом центральной власти, узаконивающим национализацию отдельного промышленного предприятия, было постановление СНК об объявлении собственностью Российской Республики фабрики товарищества Ликинской мануфактуры⁴³. Декрет датирован 17 ноября, когда В. И. Ленин подписал его. В 1917 г., однако, акт этот распубликован не был. Лишь в одной газете — органе Московского Совета — 24 ноября за подписью В. П. Ногина было помещено объявление «От комиссара труда». В нем предлагалось всем лицам, от которых поступят платежи товариществу Ликинской мануфактуры, временно таковые приостановить под страхом их недействительности. Сообщалось также, что в ближайшие дни будет назначено полномочное правление предприятия⁴⁴.

Через полгода — 15 мая 1918 г. — А. Г. Шляпников обратился лично к Председателю Совета Народных Комиссаров с просьбой отдать распоряжение о выдаче Управлением делами СНК копии декрета о Ликинской мануфактуре для опубликования. «Оказывается, — писал народный комиссар труда, — что в «толстом томе» наших декретов (т. е. СУ. — В. Ж.) указанного выше не имеется, и у рабочих на этой почве много юридических недоразумений»⁴⁵. На заседании СНК 16 мая было решено разыскать декрет и материалы к нему и опубликовать с разъяснением, что акт следует считать действительным со дня подписания⁴⁶.

Можно предполагать, что в отсутствие секретаря СНК Н. П. Горбунова⁴⁷ подлинник данного декрета после утверждения его не остался в секретариате Совнаркома, а был унесен кем-то из заинтересованных лиц. В результате документ своевременно не получил того хода, который обычно давался подобным делам именно секретарем СНК, регистрировавшим декреты и постановления правительства и направлявшим заверенные их копии в печать.

16 мая 1918 г. народный комиссар труда информировал членов правительства, что декрет «до сих пор не разыскан в У[правлении] Д[елами] СНК»⁴⁸, из чего следует, что поиски велись и, надо думать, тщательные, если о неудаче их специально было доложено на заседании СНК. Лишь через неделю (24 мая) декрет появился в «Известиях ВЦИК»⁴⁹.

Подлинник декрета так и не был найден. Обнаружена (где — неизвестно) отпечатанная на бланке СНК и датированная 17 ноября 1917 г. копия документа, оформленная затем НКТ, о чем свидетельствует удостоверяющая надпись: «С подлинным верно: Секретарь комиссии труда Александр Падэрин»⁵⁰. Дата удостоверяющей подписи не проставлена. Все это убеждает, что ЦПА ИМЛ хранится в настоящее время копия с утерянного оригинала, снятая по свежим следам принятия декрета, а не

⁴² А. В. Венедиктов, специально изучавший процесс национализации промышленных предприятий на местах, пришел к выводу, что извещение ВСНХ от 27 апреля 1918 г. «побудило местные СНХ значительно чаще обращаться в ВСНХ с ходатайствами о национализации промышленных предприятий, расположенных в их районах, или об утверждении принятых ими постановлений о национализации либо секвестре этих предприятий» (Венедиктов А. В. Организация государственной промышленности в СССР. 1917—1920, т. I. Л., 1957, с. 181).

⁴³ ДСВ, т. I, с. 105—106.

⁴⁴ Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 24 ноября.

⁴⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 117, л. 24.

⁴⁶ ДСВ, т. I, с. 106.

⁴⁷ В день подписания В. И. Лениным акта — 17 ноября 1917 г. — Н. П. Горбунов, выполняя задание Председателя Совнаркома, ездил в Госбанк, где получил и доставил в Смольный 5 млн. руб. в счет краткосрочного аванса СНК (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924, т. 5, с. 67). Подпись Н. П. Горбунова под декретом отсутствует.

⁴⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 117, л. 3.

⁴⁹ ДСВ, т. I, с. 105.

⁵⁰ Там же.

последующая копия с копии. В пользу этого свидетельствует и зафиксированное в удостоверяющей части документа старое, бытовавшее в первые послеоктябрьские недели 1917 г., наименование НКТ как «комиссии труда». К тому же А. Н. Падэрин еще до начала поисков затерявшегося постановления — 20 апреля 1918 г. — был назначен членом коллегии НКТ⁵¹.

Принятию Совнаркомом первого декрета о национализации отдельного предприятия предшествовала подготовительная работа⁵². Есть свидетельства, что рабочие Ликинской фабрики в середине ноября были приняты В. И. Лениным и имели беседу с ним⁵³. Вопрос о судьбах данного предприятия в ряду других промышленных заведений Владимирской губернии обсуждался, как было уже сказано выше, на заседании СНК 15 ноября. Возможно, что проект постановления готовился народным комиссаром труда А. Г. Шляпниковым. Несомненно, что документ выработывался в НКТ. В пользу этого говорят вводные строки мотивировочной части постановления: «Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад народного комиссара труда А. Шляпникова... считает...». Это же подтверждает ст. 5 документа, возлагавшая организацию управления фабрикой лично на комиссара труда⁵⁴.

В подписанной В. И. Лениным основной редакции постановления⁵⁵ разделение акта на преамбулу и постановляющую часть подчеркнута предшествующими им речевыми оборотами: СНК «считает, что ...» — в первом случае и «а посему постановлено...» — во втором. Вместе с тем пункты первой и второй частей постановления подчинены общей нумерации. Создается впечатление, что документу предназначалась универсальная роль предварительного наброска протокольной резолюции и одновременно — последующей выписки из протокольного решения⁵⁶.

Постановление о национализации фабрики товарищества Ликинской мануфактуры как по содержанию, так и по форме отражает начальный этап поисков путей законодательного выражения и документального оформления принципов социалистического обобществления отдельных капиталистических предприятий. Важное значение имело решение Советского правительства фабрику капиталиста-саботажника и организатора локаутов «объявить собственностью Российской Республики», т. е. национализировать в полном соответствии с программными требованиями партии большевиков в отношении крупнокапиталистической собственности.

Документ выражает в первую очередь принципиальное отношение Совнаркома к вопросам обобществления отдельного предприятия. В этом заключалось методологическое значение его для последующего законода-

⁵¹ ДСВ, т. II, М., 1959, с. 636.

⁵² Специально об этом см.: *Петрова В.* Ликинские текстильщики. — В кн.: За власть Советов. Сб. воспоминаний. М., 1957, с. 423—424.

⁵³ О беседе рабочих фабрики И. С. Морозкина и А. Тимофеевой с В. И. Лениным см. в предварительной публикации разделов биографии В. И. Ленина (Вопросы истории КПСС, 1960, № 3, с. 152). В т. 5 биографии эти факты составителями включены не были. Утверждение, содержащееся в воспоминаниях члена Ревкома Ликинской фабрики В. Петровой, что В. И. Ленин, заслушав рабочих, «своей рукой написал декрет Совета Народных Комиссаров о национализации фабрики» (*Петрова В.* Указ. соч., с. 424), источниками не подкрепляется. Но беседа с рабочими могла иметь место.

⁵⁴ Аналогичный статье 5 пункт был вписан рукой А. Г. Шляпникова в проект декрета о конфискации имущества Богословского горного округа (ДОР. М., 1933, с. 246).

⁵⁵ В СУ декрет был напечатан в заново отредактированном виде (ДСВ, т. I, с. 106).

⁵⁶ Не исключено, что и заголовок проекта — «Постановление» — свидетельствует о том же. Акты о национализации отдельных промышленных предприятий, принятые СНК вслед за этим постановлением в «период Смольного», почти неизменно (в 26 случаях из 28) назывались «декретами». (Под заголовком «Постановление Совета Народных Комиссаров» фигурируют еще акты о конфискации имущества Русско-Бельгийского металлургического общества от 15 декабря и о переходе Путиловских заводов в собственность республики от 27 декабря 1917 г. — ДСВ, т. I, с. 233—234, 293—294.)

тельства в данной области. Что же касается организационной стороны вопроса, то она в акте не конкретизируется, а передается на усмотрение НКТ. В самом общем виде представлен в постановлении и объект (предмет) национализации. Это — фабрика «со всеми находящимися при ней материалами, сырьем и прочим...». Что понимать под последним, документ не расшифровывает. Таким образом, как Комиссариату труда, так и местному рабочему органу предоставляется простор для проявления собственной инициативы в решении указанных вопросов. Все это позволяет видеть в постановлении о Ликинской мануфактуре не только законодательный акт, посвященный конкретному предприятию, но и документ, так сказать, экспериментальной направленности в выработке правовых основ обобществления отдельных капиталистических заведений.

Обращает на себя внимание и другая — агитационно-пропагандистская функция документа. В определенном отношении она даже выступает на первый план. Это выражается, в частности, в том, что мотивировочная часть декрета более разработана и конкретизирована, чем постановляющая.

Преамбула акта сформулирована таким образом, что, выражая отношение правительства к конкретному случаю, она вместе с тем поднимается до того уровня обобщения, когда юридический мотив сливается с правовой формой. Мотивировочная часть постановления начинается со следующих слов: «Закрытие фабрики, исполняющей заказы на армию и обслуживающей нужды беднейших потребителей, — недопустимо». Опираясь на данное заявление как на закон, СНК далее раскрывает положение дел на предприятии, вступающее в противоречие с только что декларированной нормой: «Материалы по обследованию дел на фабрике указывают на злую волю предпринимателя, явно стремившегося локаутировать рабочих, саботировать производство». Взятые вместе первые два пункта преамбулы указывают, таким образом, на непосредственный повод издания акта о национализации.

Причины и цели, в соответствии с которыми правительство «считает необходимым пустить указанную фабрику в ход», предварительно национализировав ее, формулируются в заключительном пункте преамбулы: «В интересах народного хозяйства, широкой массы потребителей и 4000 рабочих и их семей...». Отношение Советского правительства к вопросу о карательности и экономической целесообразности выражено и в данном документе четко и определенно: карательность необходима, но прежде всего *во имя* экономической целесообразности. Именно так ставился данный вопрос в первом акте Совнаркома о национализации отдельных взятых капиталистического предприятия.

Важным этапом на пути формирования правовых основ обобществления капиталистических заведений стала выработка в СНК декретов о конфискации Уральских горнозаводских округов — Богословского и Симского. Первый из этих актов, как справедливо подчеркивается в исторических исследованиях, «послужил образцом для целого ряда подобных постановлений»⁵⁷. Именно на его основе сложилась характерная для последующих декретов о национализации отдельных предприятий структура документа, его формуляр. Наряду с этим были заложены основы более или менее однотипной процедуры обсуждения и принятия такого рода декретов.

Законодательная инициатива в подобных случаях исходила, как правило, от самих рабочих организаций, местных Советов или хозяйственных органов. Еще в конце ноября 1917 г. В. И. Ленин имел беседу с представителем Уральского областного Совета В. А. Воробьевым. Последний сообщил о тяжелом финансовом положении уральской промышленности, вызванном саботажем находившихся в Петрограде правлений горнопро-

⁵⁷ Голубцова В. С. Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917—1923 гг.). М., 1975, с. 28.

мышленных обществ⁵⁸. Направляя В. А. Воробьева к А. Г. Шляпникову и Ф. Э. Дзержинскому (как члену Петроградского ВРК), Председатель СНК писал в записке о необходимости наказать саботажников и конфисковать уральские заводы. «Подготовьте проект постановления поскорее»⁵⁹, — заключал он. Как видим, именно В. И. Ленину принадлежала мысль о необходимости включения в будущий декрет положения о конфискации горного округа как наказания за саботаж капиталистов.

5 декабря В. И. Ленин беседует с представителями Центрального совета фабрично-заводских комитетов Богословского горного округа А. В. Курлыниным и М. А. Андреевым и обещает им поддержать просьбу рабочих о национализации предприятий округа. Нарком труда А. Г. Шляпников, получив от В. И. Ленина упрек, что он не нашей времени обстоятельно побеседовать с представителями уральских рабочих⁶⁰, принимает меры по скорейшей разработке акта о национализации Богословского округа.

Сохранившийся проект декрета написан рукой временного заместителя народного комиссара юстиции П. И. Стучки с припиской и частичной правкой А. Г. Шляпникова⁶¹. Затем исправления в тексте внесены рукой В. И. Ленина. Им же написана концовка проекта⁶². Вопрос о Богословском горном округе собственноручно включается В. И. Лениным в текст повестки дня заседания СНК 6 декабря⁶³ и в тот же день рассматривается правительством⁶⁴. 7 декабря декрет был подписан Председателем Совнаркома.

Одновременно представители рабочих Богословского горного округа, находившиеся в Петрограде, подписали специальные обязательства⁶⁵, в которых брали на себя ответственность за поднятие производительности всех предприятий и работ в округе, за установление трудовой дисциплины и полного порядка, за назначение заработной платы согласно действующим в данной местности тарифам, за охрану имущества и т. д. Обязательства исходили из сметного порядка финансирования предприятий округа. Указывалось также, что все продукты производства подлежат учету и распределению согласно плану, определяемому НКТП.

Принятие рабочими Богословского горного округа специального обязательства создало прецедент, выросший затем в порядок, неперенный для предприятий, национализируемых постановлениями правительства. В. З. Дробижев, исследовав данный вопрос, пришел к выводу, что инициатива составления подобных документов исходила от Совнаркома и что «принятие рабочими обязательств было одним из условий утверждения Советским правительством декрета о национализации»⁶⁶.

8 декабря на заседании Совнаркома по просьбе представителей Округного Совета Симского горного округа обсуждался вопрос об изъятии предприятий горного округа из ведения капиталистов. Судя по протоколу, в центре внимания находился вопрос о форме экспроприации. Речь шла о том, конфисковать ли предприятие или же наложить на него секвестр⁶⁷. Такая постановка в тех условиях приобрела принципиальный характер не столько с фактической ее стороны, сколько с политической. Конфискация предприятий одного Богословского округа могла еще восприниматься как чисто карательная акция, как акт возмездия по отно-

⁵⁸ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924, т. 5, с. 99.

⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 16.

⁶⁰ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924, т. 5, с. 111.

⁶¹ ДОР, с. 245—246.

⁶² ДСВ, т. I, с. 187.

⁶³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924, т. 5, с. 114—115.

⁶⁴ ДСВ, т. I, с. 188.

⁶⁵ Национализация промышленности на Урале (октябрь 1917 — июль 1918 гг.). Сб. документов. Свердловск, 1958, с. 55.

⁶⁶ Дробижев В. З. Из истории разработки ленинского плана приступа к социалистическому строительству. — В кн.: Из истории революционной и государственной деятельности В. И. Ленина. Сб. статей. М., 1960, с. 106.

⁶⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 22, л. 2.

шению к саботирующим капиталистам, как предостережение в адрес других предпринимателей. Но подобное же решение вопроса по свежим следам в отношении другого округа должно было означать, что конфискация как форма безвозмездной экспроприации крупнокапиталистических предприятий начинает выступать в качестве принципиальной линии пролетарской власти.

Протокольная запись не отразила хода и характера обсуждения данной проблемы. Сохранилась лишь записка А. Г. Шляпникова, посланная в ходе заседания, надо думать, В. И. Ленину. В ней предлагается решить вопрос аналогично тому, как это было сделано в отношении Богословского округа: «Полагаю, что необходимо поступить так же»⁶⁸. Окончательное решение вопроса было отложено на следующее заседание. 9 декабря СНК принимает декрет о конфискации имущества акционерного Симского общества горных заводов⁶⁹, целиком составленный на основе предыдущего акта о Богословском округе. Так были выработаны принципы и сложился формуляр законодательного акта о национализации отдельного промышленного предприятия, на основе которых было составлено большинство подобного рода декретов СНК изучаемого периода⁷⁰. И когда В. И. Ленин говорил рабочим представителям, что главная трудность национализации состоит в экономическом существе дела, а не в форме, что «у нас бланки декретов готовы, мы подпишем в одну минуту»⁷¹, то речь в данном случае как раз шла о наличии разработанного формуляра документа.

Каковы же составные элементы данного формуляра? Акт о конфискации промышленного предприятия состоит из преамбулы и постановляющей части. Связующим звеном между ними служит формулировка «Совет Народных Комиссаров постановил». Преамбула содержит мотивировку предпринимаемой правительством акции и начинается со слов и оборотов: «ввиду», «ввиду того, что», «вследствие». В постановляющей части сформулированы сущность провозглашаемого декретом акта обобществления и форма, в которую акт этот воплощается. Наряду с этим содержится толкование объекта (предмета) обобществления. Далее идут две статьи, определяющие обязанности служебного и технического персонала изымаемого из ведения капиталиста предприятия и санкции власти за неисполнение этих обязанностей. Завершается постановляющая часть специальной статьей, регулирующей порядок управления предприятием и условия передачи его во временное ведение местных органов власти или рабочих организаций.

Сердцевиной подобного рода законодательных актов, их центральным звеном следует признать впервые появившуюся в декрете о Богословском горном округе и почти неизменно фигурирующую во всех последующих аналогичных актах формулу обобществления: «конфисковать все имущество акционерного общества ... и объявить его собственностью Российской Республики».

Существует точка зрения, согласно которой в первое время после Октябрьской революции имели место две основные, существовавшие как бы самостоятельно, параллельно правовые формы обращения частной собственности на орудия и средства производства в государственную: национализация и конфискация. «Национализация,— пишет сторонник этой точки зрения Н. Н. Разумович,— как правило, строго соответствовала требованиям программы социалистических преобразований и предполагала

⁶⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 22, л. 6.

⁶⁹ ДСВ, т. I, с. 194—195.

⁷⁰ Там же, с. 233—234, 241, 291—293, 301—302, 326, 327—328, 345, 347, 375—377, 377—378, 427—429, 429—432, 454—456, 488—489. Всего 24 декрета СНК «периода Смольного» построено по единому формуляру с незначительными в отдельных случаях вариантами редакционного характера.

⁷¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 258. См. также: Вильямс А. Р. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960, с. 40.

такую очередность перехода предприятий в собственность государства, которая обеспечила бы бесперебойную работу всей промышленности. Конфискация же ... носила преимущественно карательный характер»⁷². Основываясь на данных соображениях, автор подсчитал, что из 30 декретов СНК, принятых в течение первых четырех месяцев существования Советской власти, в 25 говорится о конфискации имущества, в трех — «о переходе в собственность Российской Республики» и в двух — «о национализации»⁷³.

Анализ приведенной нами выше формулы обобществления убеждает, что обособление конфискации от национализации не имеет под собой убедительных оснований. Все рассматриваемые в данном случае декреты есть не что иное, как акты о национализации отдельных предприятий. В пользу этого говорит прежде всего заключительная часть цитированной формулы, где речь идет об объявлении предприятий именно собственностью Российской Республики. Все следующие за этим положения декрета как раз и направлены на то, чтобы обеспечить бесперебойную работу данного предприятия, а следовательно, и всей обобществляемой промышленности. К этому сводится и содержание обязательств, которые подписывали рабочие каждого предприятия одновременно с утверждением Совнаркомом законодательного акта. Наконец, заключительная статья подобного рода декретов, впервые внесенная в проект акта о Богословском горном округе собственноручно В. И. Лениным⁷⁴, наделяет народного комиссара торговли и промышленности полномочиями по изданию особых постановлений об условиях «передачи отдельных заводов, предприятий и отраслей во временное ведение местных Советов рабочих и солдатских депутатов, фабрично-заводских комитетов и подобных учреждений...». Последняя формулировка определяет уже порядок и условия *распоряжения* государства принадлежащей ему собственностью, что еще раз подтверждает юридический статус декрета как акта о национализации предприятия. Постановляющая часть декрета регулирует, таким образом, отношения, возникающие вследствие провозглашения предприятия общенародной собственностью.

В каком же значении тогда в документе выступает акт конфискации? В этой связи обращает на себя внимание прежде всего то обстоятельство, что в декрете мотивируется именно действие правительства по *конфискации* предприятия и мотивируется разного рода противозаконными поступками предпринимателей — т. е. конфискация выступает как *непосредственная* ответная мера на саботаж капиталистов. Действия предпринимателей караются не национализацией (ибо это не кара, а безотносительный к «поведению» собственника принцип нового строя), но именно конфискацией как особой формой практического воплощения данного принципа в жизнь, заключающейся в *безвозмездном* изъятии предприятий из ведения их бывших владельцев. Смысл такого уточнения состоял в том, что во время, когда принимались анализируемые декреты, вопрос о возмещении бывшим собственникам за национализированные предприятия оставался открытым. Советской властью не было издано ни одного акта, где бы такая возможность в принципе исключалась. Декрет же 18 апреля 1918 г. о регистрации акций, облигаций и прочих процентных бумаг прямо исходил из реальности такого возмещения при определенных условиях⁷⁵.

Что же касается правил конфискации предприятий саботажников, то они были сформулированы еще в упомянутом выше постановлении СНК

⁷² Разумович Н. Н. Организационно-правовые формы социалистического обобществления промышленности в СССР. 1917—1920 гг. М., 1959, с. 60.

⁷³ Там же, с. 59.

⁷⁴ ДСВ, т. I, с. 187.

⁷⁵ Там же, т. II, с. 137.

от 24 ноября. «При конфискации акционерных предприятий, — указывалось в нем, — конфискуются все принадлежащие им денежные капиталы, при конфискации же предприятий, принадлежащих паевым товариществам и отдельным лицам, конфискуются денежные капиталы пайщиков и единоличных владельцев, поскольку эти лица, в случае несостоятельности предприятия, несут ответственность всем своим имуществом»⁷⁶. За саботаж капиталисты карались именно тем, что лишались в будущем прав на возможную в той или иной форме компенсацию за национализированные предприятия. Всеобъемлющий характер этой кары определяется в анализируемых декретах трактовкой предмета конфискации. Ей подлежало «все имущество акционерного общества ... в чем бы это имущество ни состояло...»⁷⁷. Таков был продиктованный реальными условиями времени смысл формулы «конфисковать все имущество... и объявить его собственностью Российской Республики».

В тех случаях, когда непосредственным поводом к национализации становились не контрреволюционные действия предпринимателей, а задолженность предприятия государству, употреблялась другая формула: «Принять... в собственность Российской Республики»⁷⁸. Когда же субъективные обстоятельства, ускорявшие обычно процесс национализации, отсутствовали и на первый план в декрете выступали непосредственные мотивы общегосударственной значимости, применялась формула: «переходит в национальное обладание Советской Республики»⁷⁹.

Как было уже сказано выше, в преамбулах изучаемых законодательных актов Совнаркома обычно содержалась мотивировка не национализации, а именно конфискации предприятий как безвозмездного изъятия их из ведения капиталистов. Это и объясняет отсутствие в них, как правило, прямо сформулированных мотивов экономической целесообразности и общегосударственной значимости, что отнюдь не служит еще доказательством исключительно карательного характера данных декретов.

Изучение мотивов конфискации предприятий дает историку немало ценных сведений в плане исследования форм и методов контрреволюционного экономического саботажа российской буржуазии «со всеми пагубными для государственных интересов последствиями его»⁸⁰. Именно такая оценка данных действий содержится в преамбуле одного из изучаемых декретов (о конфискации имущества акционерного общества «С. Г. Волковисский и К^о»). Это еще раз подтверждает, что усилия Советского правительства по конфискации предприятий диктовались в первую очередь соображениями экономической необходимости. Не случайно более половины обобществленных Совнаркомом в изучаемый период промышленных предприятий (16 из 29) представляли собой развитые формы капиталистической организации производства — акционерные общества и товарищества, более 2/3 их (20) — предприятия по производству средств производства: горнодобывающие, металлургические и металлообрабатывающие, машиностроительные и другие подобного рода заводы, электростанции и т. д.

Наиболее характерным поводом к конфискации предприятий был отказ предпринимателей подчиниться декрету о рабочем контроле. Данный мотив содержится в преамбулах 13 анализируемых актов Совнаркома

⁷⁶ Там же, т. I, с. 546.

⁷⁷ В постановлении о конфискации имущества Русско-Бельгийского металлургического общества — предприятия со значительной долей иностранного капитала — указанная формулировка звучала следующим образом: «конфисковать... все имущество, в чем бы оно ни состояло и где бы оно ни находилось, в России или за границей...» (ДСВ, т. I, с. 233).

⁷⁸ ДСВ, т. I, с. 293, 346.

⁷⁹ Там же, с. 514.

⁸⁰ Там же, с. 489.

«периода Смольного». В ряде случаев он выступает как единственный повод к конфискации⁸¹, в других — дополняется иными мотивами, такими, как заявление предпринимателей о ликвидации дел общества, отказ субсидировать предприятие, категорический отказ правления платить рабочим и служащим, оставление владельцами своего предприятия на произвол судьбы⁸².

Есть акты, в преамбулах которых положение о рабочем контроле формально не фигурирует, но описан такой характер взаимоотношений владельцев и рабочих, который свидетельствует об игнорировании первыми требований указанного закона. «...Правление фабрики товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры, — говорится в декрете СНК от 27 января 1918 г., — в течение нескольких месяцев фактически отказывается руководить фабрикой и на неоднократное предложение фабричного комитета совету правления фабрики явиться для совместного обсуждения ведения дела правление отвечало молчанием...»⁸³. Директор-распорядитель упомянутого выше акционерного общества «С. Г. Волковысский и К^о» также отказался «явиться на совместное с членами фабричного комитета мебельно-столярной фабрики общества заседание, назначенное на 18 декабря 1917 г. и имеющее целью ликвидацию создавшегося на фабрике конфликта и выработку мер для гарантии дальнейшей правильной работы...»⁸⁴. Цитированные отрывки свидетельствуют, что правительственному акту о конфискации предприятий предшествовала упорная работа местных фабрично-заводских комитетов по урегулированию конфликтов с предпринимателями, по организации управления предприятиями в рамках требований положения о рабочем контроле.

Часто встречающийся мотив конфискации — отказ предпринимателей вести производство. Иногда он просто указывается⁸⁵, иногда же специально разъясняется: «несмотря на имеющиеся... запасы сырья и топлива»⁸⁶. Смысл разъяснения — подчеркнуть контрреволюционный, саботажнический образ действий капиталиста.

Во всех подобных случаях за частными мотивировками нетрудно усмотреть истинный смысл предпринимаемой правительством акции, заключающийся в стремлении обеспечить бесперебойную работу предприятия, причем в необходимом для страны направлении. Поводом для конфискации самолетостроительного завода «Андреев-Ланский и К^о» стало, например, нежелание правления «подчиниться декрету о демобилизации»⁸⁷ (промышленности. — В. Ж.), т. е. отказ перестроить производство на мирный лад. 16 декабря Совнарком рассмотрел представленный А. Г. Шляпниковым проект декрета о конфискации имущества Общества электрического освещения 1886 года, которое, «получая в течение целого ряда лет правительственные субсидии, своим управлением привело предприятие к полному финансовому краху и конфликту со служащими, грозящему прекратить работу предприятия»⁸⁸. Решение было следующим: «Конфисковать немедленно»⁸⁹. Для понимания того, какими соображениями руководствовалось в первую очередь правительство, принимая данное решение, достаточно привести пометку секретаря СНК Н. П. Горбунова на бланке подлинника декрета: «Напечатать непременно сегодня, иначе останемся без света»⁹⁰.

⁸¹ ДСВ, т. I, с. 187, 195, 291, 292, 301.

⁸² Там же, с. 233, 430, 455, 377—378, 376.

⁸³ Там же, с. 427.

⁸⁴ Там же, с. 489.

⁸⁵ Там же, с. 290, 347, 431, 456.

⁸⁶ Там же, с. 327.

⁸⁷ Там же, с. 345.

⁸⁸ Там же, с. 241.

⁸⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 27, л. 2.

⁹⁰ ДСВ, т. I, с. 241.

Не согласуется с пониманием декретов о конфискации как актов прежде всего карательного характера и принятое на заседании 16 декабря 1917 г. решение правительства отклонить ходатайство НКТП об открытии ему кредита на финансирование конфискуемых предприятий⁹¹. Совнарком этим самым прямо нацеливал центральные хозяйственные ведомства на соблюдение в процессе конфискации предприятий начал хозяйственной целесообразности и экономического расчета.

Соображения экономического характера в изучаемых декретах, как видим, доминируют над принципом карательности. Но имели место и такие ситуации, когда правительство вынуждено было проводить конфискации. Необходимость конфискации хромолитографии и картонажной фабрики «Теодор Киббель» мотивировалась отказом предпринимателя «вести производство или произвести нормальный расчет рабочих»⁹². Ту же самую ситуацию раскрывает и преамбула декрета о конфискации Костромского механического завода «Пло», владельцы которого не только не захотели продолжать работу, но и отказались «уплатить рабочим при расчете по установленной Комиссариатом труда норме»⁹³. Вынужденность конфискаций в указанных случаях очевидна. Мотивировка, построенная в необычной форме дилеммы, свидетельствует, что правительство в принципе (при условии правильного расчета с рабочими) не возражало против ликвидации заведений самими владельцами. Конфискация же предприятий диктовалась необходимостью соблюдения социальных прав и материальных интересов рабочих упомянутых предприятий. Аналогичные доводы могли иметь решающее значение и тогда, когда предприниматели скрывались, оставляя предприятия и рабочих на произвол судьбы⁹⁴.

Выдвижение на первый план социальных и материальных интересов рабочего класса было таким моментом пролетарского правотворчества, которого не знало предшествующее экономическое законодательство.

В январе 1918 г. по мере того, как укреплялся центральный аппарат ВСНХ, создавались возможности для постепенного сосредоточения функций обобществления отдельных предприятий в руках последнего. Первым актом ВСНХ о национализации отдельного промышленного предприятия стал декрет о национализации имущества Московского акционерного общества «Электропередача». Впервые данный вопрос был поставлен на заседании Президиума ВСНХ 19 января 1918 г., но решение его было отложено до 23 января⁹⁵. В указанный день вопрос не обсуждался, но были приняты важные решения, касающиеся общих вопросов формы и содержания подобного рода актов: «Предложить впредь в декретах о национализации отдельных предприятий указывать состав правления», а также «кому принадлежит общее руководство правлением этих предприятий»⁹⁶.

Наконец, 26 января вопрос об обществе «Электропередача» стал предметом специального доклада, с которым выступил на Президиуме ВСНХ П. Г. Смидович. Не ограничившись узкопрактической постановкой вопроса, докладчик развернул перед слушателями широкую картину будущих перспектив развития государственных электростанций в стране. Отметив, что «эта энергия приобретает мировое значение», П. Г. Смидович подчеркнул: «...Необходимо и нам создать производство дешевой энергии, тем более Россия гораздо богаче в этом отношении естественными условиями (Кавказ, Урал, Средне-Русская возвышенность, пороги

⁹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 27, л. 2.

⁹² ДСВ, т. I, с. 326. Курсив мой. — В. Ж.

⁹³ Там же, с. 379.

⁹⁴ Там же, с. 327, 377, 428, 429.

⁹⁵ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 1 пр., д. 3, л. 23.

⁹⁶ Там же, л. 31.

Волхова ... масса торфяных болот на сотни лет эксплуатации)»⁹⁷. Так, задолго до обсуждения и принятия плана ГОЭЛРО впервые в общегосударственном масштабе был поставлен вопрос о возможностях и перспективах электрификации страны. Президиум ВСНХ постановил «принять декрет о национализации общества «Электропередача», предложенный тов. Смидовичем, утвердить комиссаром этого национализированного общества тов. Смидовича»⁹⁸.

Постановка вопроса о судьбах конкретного предприятия на уровне общегосударственных задач нашла свое отражение и в тексте декрета⁹⁹. В преамбуле его прежде всего указано, что национализируемое общество «имеет общегосударственное значение, так как снабжает энергией крупные предприятия Богородска, Павловского Посада и Орехово-Зуева и связано с распределительной сетью г. Москвы». Обращается внимание и на то обстоятельство, что общество «находится в самой тесной технической и финансовой связи с предприятием Общества 1886 г., уже принадлежащим государству». Наконец, специально подчеркивается, что «без крупной финансовой поддержки со стороны государства предприятие... правильно функционировать при настоящих условиях не имеет возможности»¹⁰⁰. Мотивировочная часть декрета содержит, таким образом, доскональное обоснование общегосударственной значимости и народнохозяйственной необходимости национализации предприятия с организационной, финансовой и технической точек зрения.

Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. В анализируемом декрете впервые в центральном советском законодательстве одним из юридических оснований национализации промышленного предприятия служит ссылка на положения ленинского закона о земле: «В силу декрета о земле топливо (торф) и участок земли, принадлежавший обществу «Электропередача», уже перешли в собственность государства». Значимость такого аргумента в общей сумме мотивов определяется тем, что указанное общество владело некогда землями общей площадью до 4000 десятин, половина которых приходилась на торфяные разработки¹⁰¹. Вся земля с 26 октября 1917 г. стала общенародной собственностью и находилась лишь во временном пользовании акционеров общества. Данная ссылка лишней раз указывает на то важное значение, какое имело принятие Декрета о земле не только для решения аграрного вопроса, но и как предпосылка национализации капиталистической промышленности в нашей стране.

Постановляющая часть анализируемого декрета ВСНХ состоит из четырех пунктов. В первом из них содержится трактовка предмета и юридической формы национализации. Предмет национализации формулируется по образцу декретов СНК об отдельных предприятиях, т. е. обобщественным объявляется «все имущество общества... в чем бы оно ни состояло». Обоснование в преамбуле исключительно экономической не-

⁹⁷ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 1 пр., д. 3, с. 37 об.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Национализация промышленности в СССР. Сб. документов и материалов, 1917—1920 гг. М., 1954, с. 346—347. При изучении декретов ВСНХ как исторических источников далеко не всегда можно опираться на тексты, помещенные в официальном «Сборнике декретов и постановлений по народному хозяйству», вып. 1 (М., 1918 г.), потому что в указанной публикации: 1) как правило, сняты мотивировочные части актов; 2) отсутствуют персоналии в разделе, где речь идет о назначениях высшего руководства предприятием; 3) тексты подвергнуты позднему юридическому редактированию в соответствии с требованиями, уточнениями и поправками последующего законодательства. Для изучения текстов в их первоначальном виде следует обращаться к первым официальным публикациям декретов ВСНХ, сопоставляя их с сохранившимися подлинниками и заверенными копиями актов (ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 1), или же использовать там, где это возможно, научные публикации последних.

¹⁰⁰ Национализация промышленности в СССР, с. 346—347.

¹⁰¹ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 1 пр., д. 3, л. 37 об.

обходимости изъятия предприятия из ведения капиталистов полностью соответствует формуле обобществления: «ВСНХ объявляет все имущество общества... собственностью Российской Советской Республики». Принцип национализации в данном случае целиком соответствует программным установкам Советской власти. Он не осложнен актом конфискации как выражением воздействия на данный объективный процесс субъективных обстоятельств, порожденных остротой классовой борьбы.

Следующий пункт постановляющей части, касающийся обязанностей административного и служебного персонала предприятия, по смыслу своему и форме выражения аналогичен соответствующей статье упомянутого формуляра декретов Совнаркома.

Новым для законодательства в области обобществления отдельно взятых промышленных предприятий являются две последние статьи постановляющей части декрета о национализации имущества Московского акционерного общества «Электропередача». «Для высшего руководства предприятием в интересах государства, — указывается в первой из них, — комиссаром ВСНХ назначается Петр Гермогенович Сидович с правом подписывать деловые бумаги, денежные обязательства, векселя и т. д.»¹⁰² В последней статье содержится перечень организаций и учреждений, представители которых по определенным декретом нормам входят в состав совета предприятия.

Появление этих пунктов говорит о предварительной организационной работе, предшествовавшей изданию декрета и нацеленной на создание условий, при которых в наименьшей степени проявились бы временные экономически неблагоприятные издержки процесса перехода предприятия к новым принципам хозяйствования. Формы финансирования национализируемых предприятий данного рода декретами ВСНХ не конкретизируются. Но указания на «денежные обязательства, векселя и т. д.» свидетельствуют, что в данных случаях речь еще не шла о переходе исключительно к государственному сметному финансированию данных предприятий, что еще сохраняли свое значение такие формы банковского кредита, как вексельный кредит (выдача ссуд под соло-векселя). Специальное упоминание о денежных обязательствах может служить косвенным указанием на принятие в ведение государства не только активных, но и *пассивных* операций предприятия. Прямо данное положение еще не сформулировано, но оно вытекает из контекста декрета.

На примере декрета о национализации имущества акционерного общества «Электропередача» мы попытались охарактеризовать ту разновидность актов ВСНХ об отдельных промышленных предприятиях, где вопрос об огосударствлении последних ставится исключительно на основы хозяйственной целесообразности и необходимости. Однако практика центрального хозяйственного органа диктатуры пролетариата знает примеры, когда экономические соображения национализации дополняются обстоятельствами иного порядка, в первую очередь среди них, — указанием на саботажническую деятельность капиталистов. Примером такого рода актов служит декрет ВСНХ о национализации Петроградской верфи моторных судов А. Золотова от 22 февраля 1918 г.¹⁰³

Мотивировочная часть акта построена по типу преамбулы формуляра декретов СНК о национализации отдельных предприятий: «Ввиду того, что администрация Петроградской верфи моторных судов А. Золотова объявила о закрытии предприятия из-за общего положения дел и из-за неимения средств¹⁰⁴, Высший совет народного хозяйства постановляет...».

¹⁰² Национализация промышленности в СССР, с. 347.

¹⁰³ «Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства», 1918, 26 февраля; Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде (1917—1920 гг.). Документы и материалы, т. I. Л., 1958, с. 59—60.

¹⁰⁴ Такова была обычная для предпринимателей формулировка, прикрывающая их активное нежелание вести производство.

Далее следует точное воспроизведение формулы национализации, характерное для указанных декретов Совнаркома: «конфисковать все имущество ... и объявить его собственностью Российской Республики». Что же касается остальных статей постановляющей части, то они аналогичны пунктам той разновидности декретов ВСНХ, которая была выше охарактеризована нами на примере акта о национализации акционерного общества «Электропередача». Реальный смысл такого сочетания — подчеркнуть и конкретизировать объективную народнохозяйственную сторону национализации даже в тех случаях, когда она выступает во внешнем облике конфискации предприятия в ответ на саботаж капиталистов.

Как было уже сказано выше, первые декреты ВСНХ о национализации отдельных промышленных заведений исходили из факта, что государство становится правопреемником не только активных, но и пассивных операций обобществляемых предприятий. Данное положение в отношении к промышленным заведениям было прямо сформулировано в постановлении ВСНХ от 22 января 1918 г. об объявлении металлургических акционерных обществ «Продамет» и «Кровля» государственными учреждениями по регулированию железодельательной промышленности. «Все активы и пассивы акционерных обществ «Продамет» и «Кровля», а равно и все права и обязанности по заключенным контрактам и условиям вышеуказанных учреждений, — указывалось в ст. 4 постановления, — передаются ВСНХ в лице металлургического отдела ВСНХ...»¹⁰⁵

Принцип перехода в ведение государства и активных и пассивных операций национализируемых капиталистических заведений, впервые употребленный в применении к банкам в декрете 14 декабря 1917 г.¹⁰⁶, настоящим постановлением распространялся на упомянутые органы регулирования металлургического и металлообрабатывающего производства. В дальнейшем указанная формула фигурирует в декрете СНК о национализации торгового флота от 23 января 1918 г.¹⁰⁷, в постановлении ВСНХ о товариществе мануфактуры Ивана Коновалова с сыном¹⁰⁸, в некоторых последующих актах местных хозяйственных органов¹⁰⁹.

Говоря о значении данного принципа и обстоятельствах, вызвавших его применение к процессам обобществления промышленных заведений, следует иметь в виду две стороны проблемы: экономическую и социальную. Суть первой из них состоит в стремлении пролетарского государства в максимальной возможной степени не нарушать сложившейся системы народнохозяйственных связей между отдельными предприятиями и отраслями производства, а использовать их в необходимых пределах в процессе формирования новых, социалистических, форм хозяйствования. Обязательства же предприятий по отношению к другим заведениям и отдельным лицам представляли собой неотъемлемую составную часть указанной системы. Социальный же аспект проблемы заключался в том, что государство, становясь правопреемником пассивных операций национализируемых предприятий, оставляло этим самым за собой право и возможность решать в будущем вопрос о формах, размерах и способах компенсации бывших собственников в целом и мелких собственников (мелких держателей акций промышленных предприятий) в особенности¹¹⁰. Речь, конечно, шла только о предприятиях, национализированных

¹⁰⁵ Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству, вып. 1, с. 268; ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 1, пр., д. 3, л. 27. В публикации слова «и пассивы» в соответствии с духом последующего законодательства опущены, а ст. 4 в целом заново отредактирована.

¹⁰⁶ ДСВ, т. I, с. 230.

¹⁰⁷ Там же, с. 396.

¹⁰⁸ СУ, 1918, № 31, ст. 407.

¹⁰⁹ См., например, постановление СНК Западной Коммуны (г. Смоленск) о национализации маслобойного завода Лютова от 22 октября 1918 г. в кн.: Национализация промышленности в СССР, с. 435.

¹¹⁰ О необходимости полностью обеспечить интересы последних указывалось в ст. 4 ленинского «Проекта декрета о проведении в жизнь национализации банков и о

не в форме конфискации. Последняя исключала возможность какого-то ни было возмещения бывшим собственникам.

В конце 1917 — начале 1918 г. внешнеполитические условия и положение внутри страны допускали возможность «осуществить переход к новым общественным отношениям с наибольшим, так сказать, приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности постепенно и без особой ломки»¹¹¹. Политика центральных органов пролетарского государства по восприятию обязательств национализируемых предприятий в тех условиях была исторически оправданной, соответствующей общей линии диктатуры пролетариата на данном историческом этапе. На эти стремления Советской власти капиталисты ответили тактикой саботажа и открытой контрреволюции. Подобные действия российской буржуазии, толкавшие страну к гражданской войне, привели к тому, что вопрос о компенсациях бывшим собственникам как одна из мер, способных обеспечить возможно более постепенный и безболезненный переход страны к новому социальному строю, стал терять свое реальное значение, а сам такой переход становился невозможным.

20 июня 1918 г. Президиум ВСНХ, обсудив проект декрета о национализации нефтяной промышленности, принял его в редакции, предусматривавшей объявление нефтепромышленных фирм собственностью государства со всем их активом и пассивом¹¹². Будучи представленным в тот же день на рассмотрение СНК, проект декрета в данной части подвергся принципиальной переработке. Формула «и со всем их активом и пассивом» была правительством отвергнута¹¹³. В окончательной редакции Совнарком она приобрела следующий вид: «Объявляются государственной собственностью предприятия... со всем их движимым и недвижимым имуществом, где бы оно ни находилось и в чем бы оно ни заключалось»¹¹⁴. Несколько позже, 13 июля 1918 г., при утверждении Совнаркомом протокола № 66 МСНК о смете национализированных предприятий Товарищества химических заводов П. К. Ушков и К^о¹¹⁵ выяснилось, что обобществление указанных предприятий было осуществлено постановлением ВСНХ от 31 мая 1918 г. на основах перехода к государству их активов и пассивов¹¹⁶. Совнарком постановил из § 1 распубликованного декрета ВСНХ исключить слова «равным образом Российской республике переходит весь актив и пассив предприятий товарищества по балансу в день вступления настоящего декрета в силу»¹¹⁷. Так был окончательно решен вопрос об отношении государства к обязательствам национализированных предприятий, возникшим до их обобществления. На практике это означало в первую очередь, что государство отныне считало себя свободным от ответственности за денежные обязательства бывших частных заведений перед другими частными предприятиями и лицами¹¹⁸.

В нашей историко-экономической и юридической литературе можно встретить различные объяснения указанным действиям правительства. В частности, имеют место попытки выяснить причины «некоторого запоздания» с решением вопроса о пассиве предприятий¹¹⁹. Между тем,

необходимых в связи с этим мерах», написанного в середине декабря 1917 г. (ДСВ, т. I, с. 228).

¹¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 202.

¹¹² ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 1 пр., д. 46, л. 4 об.

¹¹³ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 143, л. 4.

¹¹⁴ ДСВ, т. II, с. 459. Утверждение Н. Н. Разумовича, что формула о приватии в ведение государства актива и пассива предприятий присутствует в декретах СНК о национализации сахарной и нефтяной промышленности (Разумович Н. Н. Указ. соч., с. 65), ошибочно.

¹¹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 156, л. 2.

¹¹⁶ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 1 пр., д. 5, л. 132 об.; Народное хозяйство, 1918, № 6-7, с. 33.

¹¹⁷ ДСВ, т. III. М., 1964, с. 28—29.

¹¹⁸ Венедиктов А. В. Указ. соч., т. I, с. 410.

¹¹⁹ Разумович Н. Н. Указ. соч., с. 66.

если подходить к данной проблеме конкретно-исторически, с учетом условий конца 1917 — начала 1918 г., становится ясным, что выявившееся к середине 1918 г. отрицательное отношение правительства к восприятию пассива национализируемых предприятий было одним из частных проявлений *вынужденного* отказа Советской власти от проведения экономической политики, рассчитанной «первоначально на ряд постепенных изменений, на более осторожный переход к новому порядку»¹²⁰. Ни о каком «запоздании» в данном случае не может быть и речи. Суть дела в другом. «Тактика, принятая классом капиталистов,— подчеркивал впоследствии В. И. Ленин,— состояла в том, чтобы толкнуть нас на борьбу, отчаянную и беспощадную, вынуждавшую нас к неизмеримо большей ломке старых отношений, чем мы предполагали»¹²¹.

И, наконец, последний вопрос, на котором следует остановиться, о применяемой в изучаемых декретах терминологии в области обобществления капиталистической собственности. А. В. Венедиктовым на основе прежде всего юридического анализа эволюции актов об отчуждении было высказано следующее убеждение: «Различие между национализацией, объявлением собственностью Российской республики, конфискацией, реквизицией и секвестром не имело реального значения и на начальном этапе Октябрьской революции, когда в советском законодательстве и административно-хозяйственной практике получили известное отражение правовые формы и терминология дореволюционной эпохи»¹²². Хотя данная точка зрения некоторыми исследователями оспаривалась¹²³, в целом она получила права гражданства в науке, в том числе и исторической¹²⁴.

Действительно, А. В. Венедиктову трудно возражать по-существу, если подходить к данному вопросу ретроспективно, т. е. исследовать явления прошлого, учитывая их конечный результат. Однако для историка ретроспективный взгляд на прошлое составляет важную, но далеко не единственно возможную исследовательскую позицию. Часто требуется, сознательно отвлекаясь от конечных результатов, проанализировать процессы поиска и выработки тех или иных принципов в реальных условиях определенного этапа истории.

Если подходить к поставленной проблеме с указанной точки зрения, то следует прежде всего отметить, что существовавшее в начальном советском законодательстве многообразие терминологии в обозначении акта перехода частных предприятий в собственность народа не всегда можно объяснить лишь остаточным воздействием правовых норм дореволюционной эпохи.

В конкретных условиях изучаемого времени термин «конфискация», занимая в законодательстве, как правило, подчиненное положение к понятию «национализация», употреблялся для обозначения акта *безвозмездного* изъятия собственности из рук капиталистов. До тех пор пока вопрос о компенсации собственников в принципе оставался открытым, сохранялись основания для самостоятельного существования этого термина с целью обозначения определенной формы воплощения в жизнь принципа национализации.

Определенный смысл в изучаемый период, когда предприятия нередко переходили в собственность республики по инициативе местных органов, приобрел и термин «секвестр». В дореволюционном праве им обозначался акт временного ограничения прав собственника. В изучаемый же период постановления о секвестре чаще всего исходили от мест-

¹²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 203.

¹²¹ Там же, с. 202.

¹²² Венедиктов А. В. Указ. соч., т. I, с. 222.

¹²³ Разумович Н. Н. Указ. соч., с. 56—62.

¹²⁴ См., например: Минц И. И. История Великого Октября, в 3-х томах, т. 3. М., 1973, с. 849.

ных органов пролетарской власти¹²⁵ и почти неизменно дополнялись формулой: «ходатайствовать перед ВСНХ о национализации предприятия»¹²⁶. Это придавало им значение документов, закреплявших практический переход данных заведений в государственное управление на время до юридического провозглашения их национальной собственностью.

Не соответствует требованиям конкретно-исторического подхода и стремление некоторых исследователей не разделять на данном этапе понятия «муниципализация» и «социализация» предприятий¹²⁷. Можно присоединиться к доводам Т. А. Игнатенко, которая, критикуя подобные представления, свою позицию формулирует следующим образом: «На наш взгляд, следовало бы эти формы отчуждения предприятий дифференцировать, так как при передаче предприятия в собственность местных органов власти оно становилось общественной собственностью, а не групповой собственностью рабочих этого предприятия. При подобном разграничении более четко можно было бы выделить степень распространения этой формы обобществления промышленности»¹²⁸.

В дальнейшем значения данных терминов в советском законодательстве претерпевают изменения. Исторический подход к уяснению внутреннего содержания употребляемых в начальном пролетарском законодательстве терминов — одно из неперенных условий использования декретов Советской власти в качестве исторических источников.

Подводя общие итоги, следует сказать, что декреты центральных органов Советской власти об изъятии у капиталистов отдельно взятых промышленных предприятий, изданные с конца 1917 по март 1918 г., являются незаменимым по ценности историческим источником в исследовании характера, форм, темпов и методов национализации средств производства в изучаемый период.

Значимость этих документов в породившей их конкретной исторической действительности выступала в нескольких аспектах.

Во-первых, данные декреты были важны сами по себе, как первоэлементы регулирования производства, как акты, удостоверявшие переход в собственность республики конкретных промышленных предприятий. Это были первые реальные проявления невиданного доселе в истории процесса революционной экспроприации экспроприаторов со стороны победившего пролетариата.

Во-вторых, ценность их определялась и широким политическим звучанием каждого из публикуемых актов как документов, раскрывающих отношение центральных органов Советской власти к нуждам, требованиям и революционным действиям трудящихся. «Пусть каждый фабрично-заводский комитет почувствует себя не только занятым делами своего завода, — говорил В. И. Ленин в декабре 1917 г., — но и организационной ячейкой для построения всей государственной жизни»¹²⁹. Издание Совнаркомом и ВСНХ декретов в ответ на обращения отдельных рабочих коллективов показывало трудящимся массам страны, что декларации Советской власти находятся в тесном единстве с ее практическими делами.

Историческое значение изучаемых актов определялось, в-третьих, тем, что они вносили организующее начало в процесс обобществления не только своим конкретным вкладом, но и в плане выработки общих

¹²⁵ Дробижев В. З. Главный штаб социалистической промышленности, с. 100 (табл. № 14).

¹²⁶ См., например: Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде, т. I, с. 47, 49, 72, 79, 97—98, 99, 127, 129, 157, 162.

¹²⁷ Первоначально переход предприятий в собственность отдельных рабочих коллективов обозначался термином «социализация», а в собственность местных органов власти — «муниципализация».

¹²⁸ Игнатенко Т. А. Советская историография рабочего контроля и национализация промышленности в СССР (1917—1967 гг.), с. 214.

¹²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 147.

условий, форм, методов перехода предприятий в общенародную собственность.

Для историка данные декреты, взятые в совокупности, приобретают значение определенного стержня в исследовании процесса национализации промышленных предприятий на этапе «красногвардейской атаки на капитал» в целом — в единстве растущей «снизу» инициативы масс, стремящейся подняться на уровень государственного творчества, и идущего «сверху» от центральных органов диктатуры пролетариата организующего и направляющего начала. В материалах, отражающих историю выработки интересующих нас декретов, и в самой ткани последних запечатлены сведения, помогающие нам изучить конкретные черты взаимодействия этих двух начал.

Содержащиеся в декретах общие принципы и формы национализации отдельных промышленных предприятий, будучи выработанными в Совнарком и ВСНХ на основе обобщения опыта местных органов рабочего класса, в свою очередь оказывали решающее воздействие на процессы экспроприации, совершавшиеся «снизу». Чтобы убедиться в этом, следует изучить постановления местных органов власти — исполкомов местных Советов и региональных советов народного хозяйства — об изъятии из ведения капиталистов отдельных предприятий под углом зрения воздействия на их форму и содержание исходных принципов, заложенных в аналогичных актах СНК и ВСНХ. Проведение такой работы в полном ее объеме может составить предмет специального исследования. Но даже выборочный анализ на материалах научных публикаций документов¹³⁰ убеждает, что акты местных органов нередко не только по содержанию, но и по форме аналогичны или близки декретам СНК об отдельных предприятиях, другие же следуют формуляру актов ВСНХ. В большинстве случаев местные Советы и хозяйственные органы старались творчески применить положение актов Совнаркома и ВСНХ к своим конкретным условиям.

Но так или иначе в качестве ведущей просматривается тенденция местных органов при обобщении отдельных предприятий возможно точно следовать основополагающим принципам актов центральных органов диктатуры пролетариата, т. е. не передавать предприятия отдельным рабочим коллективам, а объявлять их собственностью республики, брать при этом во главу угла соображения хозяйственной целесообразности, учитывать обстоятельства технического и финансового порядка. Если обобщение предприятия как акт принципиального народнохозяйственного значения осложнялось необходимостью пресечения контрреволюционной, саботажной деятельности предпринимателя, местные органы власти широко пользовались формулой декретов Совнаркома о конфискации: «конфисковать... и объявить собственностью Российской Республики». В целом аналогично нормам центральных декретов ставился в местных актах и вопрос о предмете (объекте) национализации, об ее организационных основах и т. д.

Так, местная инициатива, будучи по многочисленным направлениям организуемой, корректируемой и направляемой центральными органами Советской власти, давала вполне определенный объективный результат, когда обобщению подвергались крупные предприятия ключевых отраслей производства, и в первую очередь тяжелой промышленности¹³¹.

¹³⁰ См., например: Национализация промышленности в СССР, с. 352—353, 374, 383—385, 395, 398, 400, 435; Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде, т. I, с. 57, 62, 64, 78, 92, 116—117, 120, 131—132, 136—137, 150, 152, 159, 162.

¹³¹ Количественные характеристики данных процессов см.: Дробижев В. З. Главный штаб социалистической промышленности, с. 92—100. По подсчетам В. П. Милютина, 42% национализированных в стране в течение конца 1917 — первой половины 1918 г. предприятий приходилось на горнометаллургическую и металлообра-

Анализ декретов, постановлений и распоряжений центральных органов Советской власти в области национализации производства дает, таким образом, незаменимый по ценности материал для дальнейшего изучения вопроса о соотношении начал планомерности, хозяйственной целесообразности и карательности в процессе обобществления промышленных предприятий в период с октября 1917 по февраль 1918 г. Однако, нельзя забывать, как говорил В. И. Ленин, что «легко издать декрет об отмене частной собственности, но провести его в жизнь должны и могут только сами рабочие. Пусть будут ошибки — это ошибки нового класса при создании новой жизни»¹³². Изучение законодательных актов первых месяцев диктатуры пролетариата является для историка лишь отчасти правильным этапом научной реконструкции процесса социалистического обобществления капиталистической собственности в нашей стране в его динамизме, диалектической сложности, живой реальности.

батывающую промышленность (Милютин В. П. Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата (1914—1918 гг.). М., 1918, с. 86).

¹³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 147.

Н. Н. Ершов, Ю. Я. Синцов

ПУБЛИКАЦИИ ВОСПОМИНАНИЙ КРЕСТЬЯН
О ВСТРЕЧАХ С В. И. ЛЕНИНЫМ
В КОНЦЕ 1920—1921 Г.

В статье рассматриваются воспоминания крестьян о В. И. Ленине, которые позволяют осветить важнейшие беседы вождя с крестьянами по различным вопросам сельского хозяйства и положения в деревне, в частности, по одному из главных — о необходимости замены продовольственной разверстки налогом.

Исследователи порой еще недостаточно четко представляют себе место и значение крестьянских воспоминаний среди других групп и видов источников. За исключением отдельных статей, а также разделов в монографиях, посвященных более широкой тематике¹, специальных археографических и источниковедческих работ об этих воспоминаниях нет.

Воспоминания крестьян о встречах и беседах с В. И. Лениным в 1920—1921 гг. более пристально рассматривали в своих исследованиях Э. Б. Генкина и Ю. А. Поляков². Последний подчеркивал уникальность сведений, содержащихся в некоторых крестьянских воспоминаниях, по вопросу о разработке В. И. Лениным проблем напса³.

В последние годы появилась серия документальных очерков о встречах крестьян-ходоков с В. И. Лениным и дальнейшей их судьбе⁴.

Крестьянские воспоминания о встречах с В. И. Лениным в рассматриваемый период публиковались, как правило, сначала в периодической печати, центральной и местной. Они появлялись вскоре после описываемых событий, и возможные неточности, естественно, сводились к минимуму. Так, в 1921—1925 гг. были изданы воспоминания А. И. Гусева, И. А. Чекунова, О. И. Чернова, Д. Х. Родионова, И. Г. Гаврилова, И. Рябого⁵ и др.

¹ Яковлев А. С. Ленинский декрет о продналоге и крестьянство.— Исторический журнал, 1945, № 5, с. 15—22; Беликов Т. И. Ставропольские крестьяне на приеме у В. И. Ленина.— В кн.: Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 8. Ставрополь, 1956, с. 291—294; Алексеюк Е., Длюхина Р. В. И. Ленин и крестьянские ходоки.— В кн.: Всепобеждающие идеи. Ростов-на-Дону, 1960, с. 101—108; Кабанов В. В. Крестьянские мемуары.— Новый мир, 1967, № 10, с. 265—267; *Он же*. Документальные публикации по аграрной истории советского общества.— АЕ за 1973 год. М., 1974, с. 8—9; Голубцов В. С. Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970, с. 92—93; Гончаров А. Д., Луняков П. И. В. И. Ленин и крестьянство. М., 1976, с. 137—147 и др.

² Генкина Э. Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922). М., 1954, с. 96—100; *Она же*. Ленин — Председатель Совнаркома и СТО. М., 1960, с. 214—229; Поляков Ю. А. Переход к напу и советское крестьянство. М., 1967, с. 237—241.

³ Поляков Ю. А. Указ. соч., с. 46.

⁴ Подляшук П. И. По следам ходока.— Огонек, 1960, № 7, с. 17—19; Ростков А. Ф. Ходоки М., 1964; Шелест П. С. По следам ходоков. М., 1967; *Он же*. За советом к Ленину. М., 1975, и др.

⁵ Гусев А. И. В гостях у Владимира Ильича. Рассказ делегата беспартийной крестьянской конференции А. И. Гусева.— Тверская правда, 1921, 10, 11 февраля; Что сказал товарищ Ленин крестьянам Тамбовской губернии.— Тамбовский пахарь, 1921, 27 февраля; Тамбовские известия, 1921, 26 февраля; Чернов О. И. Как я,

Отдельной брошюрой вышли в 1921 г. воспоминания тверского крестьянина А. И. Гусева⁶.

На основе первых публикаций, а также вновь выявленных воспоминаний создавались научно-популярные сборники крестьянских воспоминаний. Научно-справочного аппарата они не имели. Первая такая попытка группировки воспоминаний тружеников деревни принадлежит С. Ленинградскому, подготовившему сборник воспоминаний крестьян о посещении В. И. Лениным 14 ноября 1920 г. д. Кашино Волоколамского у Московской губ.⁷

Сборник «Ленин и крестьянство» (составитель А. К. Мавроган), предназначенный для клубов и читален, содержал воспоминания костромского крестьянина И. Г. Гаврилова⁸.

Другой составитель — И. Т. Малкин — в 1927 г. переиздал воспоминания О. И. Чернова, И. Г. Гаврилова, И. А. Чекунова и других крестьян, встречавшихся с В. И. Лениным в рассматриваемый период⁹.

С конца 20-х годов число публикаций воспоминаний крестьян о В. И. Ленине возрастает. Они сопровождаются простейшим справочным аппаратом: сведения об авторах воспоминаний, ссылки на источник.

В 1929 г. вышел сборник «Простое в великом»¹⁰, куда были включены в основном воспоминания крестьян и рабочих. Рассказы В. А. Шульгина, И. А. Хромова, П. И. Козлова, М. И. Шандарова, освещающие отдельные эпизоды встреч В. И. Ленина с подмосковными крестьянами, помогают воссоздать живой образ Ленина.

Изданный Институтом Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) сборник «Рабочие и крестьяне о Ленине» (М., 1933) давал достаточно полное представление о глубокой связи В. И. Ленина с массами рабочих и крестьян. Воспоминания крестьян Чернова, Чекунова, Гаврилова вошли без изменений из ранних, в основном периодических, изданий.

Подготовленный ленинградским Институтом истории ВКП(б) сборник «Об Ильиче. Рабсельноровские заметки и воспоминания» (М., 1934) содержал воспоминания рядовых участников событий, опубликованные в разное время в периодической печати и не вошедшие в более ранние издания. Исключение составили свидетельства крестьян Чекунова, Гаврилова и некоторых других авторов.

С середины 30-х годов издание мемуарной литературы резко сокращается. Воспоминания о В. И. Ленине, в том числе и крестьянские, начинают вновь издаваться с середины 50-х годов.

В 1956—1961 гг. выходит подготовленное Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС издание «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине»¹¹, включившее значительное количество крестьянских воспоминаний. К сожалению, сборник, объединивший ранее опубликованные воспоминания, не имеет ссылок на источник публикации.

Сборник воспоминаний «Рабочие и крестьяне России о Ленине» (М., 1958), в который вошли и некоторые новые свидетельства крестьян, встречавшихся с В. И. Лениным в конце 1920—1921 г., представляет собой значительный вклад в издание мемуарной литературы. Однако сведения о некоторых авторах в нем отсутствуют.

беспартийный крестьянин из Сибири, был у Владимира Ильича, и что из этого получилось.— Беднота, 1924, 2 февраля; Чекунов И. А. Мои встречи с Ильичем.— Крестьянская газета, 1924, 27 января; Родионов Д. Х. Ильич в деревне.— Крестьянская газета, 1924, 24 февраля, и др.

⁶ Гусев А. И. В гостях у Владимира Ильича. Рассказ делегата беспартийной крестьянской конференции А. И. Гусева. Тверь, 1921.

⁷ Ленинградский С. Ленин среди крестьян деревни Кашино. М., 1924.

⁸ Мавроган А. К. Ленин и крестьянство. [М.], 1925, с. 34—36.

⁹ Малкин И. Т. Крестьяне о Ленине. М.—Л., 1927.

¹⁰ Простое в великом. Стенографически записала и обработала Е. Попова. М.—Л., 1929.

¹¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 1—3. М., 1956—1961.

В 1963 г. в Москве вышел в свет сборник «О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922», который содержит свыше 100 воспоминаний, большинство из которых либо было опубликовано только в периодической печати, либо вообще не публиковалось. Свидетельства некоторых крестьян, партийных и советских работников способствуют более полному освещению встреч В. И. Ленина с крестьянами в 1920—1921 гг.

Публикация «Народы России о Ленине» (М., 1969) очень рельефно отражает многие важные стороны бесед ходяков с В. И. Лениным.

Значительным событием в деле публикации воспоминаний явился выход пятитомника «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине»¹². Свидетельства мемуаристов в данном издании сверены с источниками и более ранними прижизненными изданиями. В конце каждого тома помещены биографические сведения об авторах воспоминаний, именной и хронологический указатели.

Отдельные свидетельства крестьян, чаще всего О. И. Чернова и И. А. Чекунова, включались в 50—60-е годы и в другие сборники воспоминаний о В. И. Ленине¹³. Крестьянские воспоминания о В. И. Ленине, относящиеся к рассматриваемому периоду, публиковались позднее в периодической печати, центральной и местной¹⁴.

Следует отметить, что публикации в центральных, общесоюзных изданиях существенно дополняются местными¹⁵, которые содержат сведения о ходе бесед крестьян с В. И. Лениным, не учтенные во многих солидных публикациях и изданиях ленинских трудов.

Рассматриваемая группа воспоминаний крестьян возникла прежде всего как результат большого желания участников встреч с В. И. Лениным поделиться своими впечатлениями на страницах печати. В некоторых случаях В. И. Ленин, придавая серьезное политическое значение выступлениям крестьян, настоятельно рекомендовал ходякам написать и опубликовать рассказы о беседе в Кремле¹⁶.

Воспоминания крестьян хорошо воссоздают облик В. И. Ленина, показывают связь вождя с народом. В. И. Ленин постоянно проявлял глубокую заинтересованность всеми вопросами крестьянской жизни. Когда В. А. Карпинский как редактор газеты «Беднота» приходил к нему с очередной информацией о новостях деревни, Ленин «долго, внимательно слушал, чем живет, чем болеет деревня»¹⁷. Встречи и беседы с крестьянами, выступления на митингах, сходках и собраниях крестьян, беседы с партийными и советскими работниками в деревне — таковы некоторые важные средства связи В. И. Ленина с трудящимися. У него побывали десятки крестьян с Алтая, из Сибири, Украины, Урала, ходяки из деревень Владимирской, Нижегородской, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Уфимской и других губерний страны. В беседах с ними Ленин точно улавливал и прослушивал пульс жизни деревни, путем получения сведений из «первых рук» устанавливал малейшие изменения в соотношении классовых сил в стране, что помогало ему в выработке политики партии в деревне. Крестьянские воспоминания являются особенно ценным источником при изучении вопроса о поисках В. И. Лениным и пар-

¹² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, в 5-ти томах. М., 1968—1970.

¹³ О Ленине. М., 1958; В. И. Ленин во главе великого строительства. М., 1960; Они встречались с Ильичем. М., 1960; Рассказы о Ленине. М., 1960; Таким был Ленин. М., 1965; Вечно живой. М., 1965, и др.

¹⁴ Лениниана. Библиография произведений В. И. Ленина и литературы о нем. 1956—1967, гг., т. 3, ч. 2. М., 1976, с. 440—443, 446—447, 460—464, 506—507.

¹⁵ Ленин в нашем сердце. Рассказы тверских ходяков. Калинин, 1960; Кошечев Н. А. Подарок В. И. Ленину. Ижевск, 1964; Живые строки. Челябинск, 1970; Узиков Ю. А. Подписано В. И. Лениным. По следам пяти ленинских телеграмм в Башкирию. Уфа, 1967; Ленин и Новгородская губерния. Л., 1970, и др.

¹⁶ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2. М., 1957, с. 721, 727.

¹⁷ Карпинский В. А. В. И. Ленин как вождь, товарищ, человек.— В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, в 5-ти томах, т. 4. М., 1970, с. 275.

тием нового подхода к крестьянству, о замене продовольственной разверстки налогом. Настроения крестьян, рост их недовольства разверсткой были известны В. И. Ленину из писем и личных бесед с крестьянами и советскими, партийными работниками в деревне. В ряде случаев В. И. Ленин давал распоряжения о снятии части разверстки с крестьян¹⁸. О положении крестьянских хозяйств говорилось, в частности, на Московском губернском совещании председателей уездных, волостных и сельских советов, проходившем с 15 по 17 октября 1920 г. В своем выступлении на совещании В. И. Ленин говорил о том, что «большинство крестьян слишком сильно чувствует крайнюю тяжесть положения, которое создано на местах. Слишком больно большинство крестьян чувствует и голод, и холод, и непосильное обложение»¹⁹.

В. И. Ленин тщательно изучал положение в деревне, нужды и запросы крестьян. В период с середины 1920—1921 г. он посетил более двадцати деревень Московской губернии²⁰, беседовал с крестьянами, выяснял их настроение. 14 ноября 1920 г. он был приглашен на открытие электростанции в д. Капино Волоколамского у. Один из местных крестьян во время завязавшейся беседы сказал В. И. Ленину: «Неизвестность для нас, мужиков, хуже всего...— А именно? — спросил Владимир Ильич.— О разверстке я говорю. Папает крестьянин землю и не знает, что с него возьмут по осени. Много западет — с него много и возьмут. А мало пахать — невыгодно для страны»²¹. Аналогичные суждения крестьян относительно «чрезмерности разверстки», «бестолковщины» при ее проведении В. И. Ленин слышал и от крестьян деревень Горки Подольского у., Жуково Бронницкого у., Моденово Богородской вол. Московской губ., от ходоков Ставрополя, крестьян О. И. Чернова, И. Г. Гаврилова и др.²²

Большую роль в выявлении новых путей для преодоления хозяйственных трудностей сыграл VIII Всероссийский съезд Советов, проходивший в декабре 1920 г. 22 декабря В. И. Ленин на совещании беспартийных крестьян — делегатов съезда записывает выступления 28 крестьян и рассылает их для ознакомления членам ЦК РКП(б) и наркомам²³.

По сохранившимся записям в настольном календаре В. И. Ленина видно, что только с 28 января по 3 марта 1921 г. им было принято 86 человек — посланцев с мест²⁴. Среди них, естественно, были не только крестьяне. Воспоминания крестьян, а также свидетельства партийных и советских работников подтверждают тот факт, что в конце января — первой трети февраля 1921 г. была развернута главная работа по подготовке решения о замене разверстки продовольственным налогом. 30 января 1921 г. В. И. Ленин беседует с крестьянином д. Льгово Тверской губ. А. И. Гусевым, прибывшим по поручению губернской конференции беспартийных крестьян²⁵.

¹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 275, 288, 313, т. 52, с. 12.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 363.

²⁰ Ленин в Москве и Подмосковье. Места пребывания, даты и события. М., 1974.

²¹ Мешалкин К. В. Желанный гость.— В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2. М., 1957, с. 688.

²² Рабочие и крестьяне о Ленине. М., 1933, с. 121; Иванов М. И. Сбылись слова Ильича.— В кн.: Рабочие и крестьяне России о Ленине. М., 1958, с. 249; Ленин в Москве и Подмосковье. Места пребывания, даты и события, с. 299, 307; Козлов П. И. В простой крестьянской избе.— В кн.: Народы России о Ленине. М., 1969, с. 317.

²³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 567.

²⁴ Крамаров Г. М. Поручение Ильича.— Экономическая газета, 1968, март, № 13, с. 7.

²⁵ Гусев А. И. В гостях у Владимира Ильича. Рассказ делегата беспартийной крестьянской конференции А. И. Гусева. Тверь, 1921; Тверская правда, 1921, 10, 11 февраля; Он же. В гостях у Владимира Ильича.— В кн.: Ленин в нашем сердце. Рассказы тверских ходоков. Калинин, 1958, с. 156—161; в кн.: Солнце над Волгой. М., 1967, с. 80—83; в кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 3, с. 337—340; в кн.: Ленин и Тверской край. М., 1969, с. 279—282 и др.

О встрече и беседе с В. И. Лениным 9 февраля 1921 г. рассказывает сибирский крестьянин О. И. Чернов²⁶. Чернов за принадлежность к партии эсеров был сослан царским правительством на каторгу в Сибирь. После окончания срока ссылки остался на поселение и крестьянствовал. Убедившись в отрицательном влиянии продовольственной разверстки на положение крестьянских хозяйств Сибири, самостоятельно составил план замены разверстки процентным отчислением с урожая и начал активно и настойчиво выдвигать его в партийные и отраслевые организации губернии. 9 февраля 1921 г. О. И. Чернов изложил свои соображения В. И. Ленину. Мемуарист отмечает большое впечатление, которое произвел на Ленина доклад: «Не меня, конечно, слушал т. Ленин, как какую-то персону, а через меня он слушал, что говорят и думают крестьяне во всей массе. И вот в несколько минут был решен самый сложный вопрос, разверстка была заменена продналогом»²⁷. Мы специально цитируем эту часть воспоминаний по одной из первых их редакций, где Черновым особенно подчеркивалась его инициатива в решении вопроса. «Многим видным коммунистам,— продолжает Чернов,— этот вопрос казался тогда неразрешимым»²⁸. Здесь содержится явный намек на В. Н. Соколова, уполномоченного Наркомзема по Сибири и члена Сибревкома, который сделал аналогичное предложение на приеме у Ленина 2 февраля, т. е. ровно за неделю до Чернова. Соколов, как пишет Чернов, при встрече с ним довольно скептически отозвался о конечном результате своей поездки в Москву. Чернов не знал, что настроения эти появились у Соколова после обсуждения его предложений на заседании Наркомзема 3—4 февраля, не имевших практических результатов. В. И. Ленин, наоборот, очень внимательно, как свидетельствуют факты, отнесся к тезисам В. Н. Соколова²⁹. Исключительно живой интерес В. И. Ленина к плану Чернова и дал, видимо, основания последнему считать, что Ленин принял решение о замене разверстки налогом во время разговора с ним. Чернов не знал, что вопрос о замене продразверстки готовился под руководством В. И. Ленина в специальных комиссиях, и 8 февраля 1921 г., т. е. за день до встречи с Черновым, В. И. Ленин составил «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян». В тезисах прямо указывалось: «1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом»³⁰. Таким образом, факт определенного преувеличения Черновым своей роли в решении важного государственного вопроса можно считать установленным. Тем не менее бесспорно, что В. И. Ленин отнесся с большим интересом к докладу ходока. Подтверждением этого является и статья Чернова, появившаяся в дискуссионном порядке в «Правде» 11 февраля 1921 г.³¹

Еще в конце 1920 г., в перерыве между заседаниями VIII Всероссийского съезда Советов, В. И. Ленин через секретаря Тамбовского губкома РКП(б) Н. М. Немцова и председателя губсовета А. Г. Шлихтера, а также особоуполномоченного губсовета и губкома партии М. Ф. Белякова предложил пригласить 5—6 «авторитетных, пожилых» крестьян, за-

²⁶ Чернов О. И. Как я, беспартийный крестьянин из Сибири, был у Владимира Ильича, и что из этого получилось.— Беднота, 1924, 2 февраля; Новая деревня, 1924, № 4; в кн.: Народы России о Ленине, с. 335—336; в кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, в 5-ти томах, т. 4, с. 300—302 и др.; Он же. Мысли о продразверстке.— В кн.: Крестьяне о Ленине. М.—Л., 1927, с. 9—19; Он же. Крестьянин-сибиряк у В. И. Ленина.— В кн.: Рабочие и крестьяне о Ленине. М., 1933, с. 123—125.

²⁷ Рабочие и крестьяне о Ленине. М., 1933, с. 125.

²⁸ Там же.

²⁹ Соколов В. Н. Накануне вэпа.— Старый большевик, сб. 1. М.—Л., 1930, с. 114; Генкина Э. Б. Государственная деятельность В. И. Ленина. 1921—1923. М., 1969, с. 80.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 333.

³¹ Чернов О. И. Взгляды на сибирское крестьянство как на социальный элемент.— Правда, 1921, 11 февраля.

мешанных в антоновском мятеже³². Он хотел знать о настроениях всех социальных слоев тамбовской деревни того времени. Делегация тамбовских крестьян прибыла к Ленину спустя полтора месяца, 14 февраля 1921 г.: В. П. Бочаров и И. А. Кобзев — бедняки «от роду и века»; середняк М. Е. Соломатин, крестьяне И. Милосердов и Ф. Панфилов³³. Фамилия шестого — «рябого» кулака — неизвестна. Крестьяне представляли различные районы губернии, охваченной волнениями. В ходе беседы В. И. Ленин делал заметки³⁴. В заключение разговора, постепенно принявшего откровенный характер, В. И. Ленин зачитал крестьянам телеграмму о досрочном снятии с Тамбовской губернии продразверстки. Затем в приемной крестьянам вручили проект закона о введении продналога. Настроение ранее «мятежных» крестьян после разговора с Лениным резко изменилось: «Вот это правитель, вот это действительно голова государства, с этим не пропадем»³⁵. Менее чем через две недели рассказ крестьян о встрече и беседе с В. И. Лениным появился в местной печати³⁶. Как только весть об отмене разверстки долетела до тамбовской деревни, антоновщина была обречена, так как многие участники волнений высказывались о том, «что теперь воевать с Советской властью не за что, так как большевики отменили разверстку»³⁷.

В своем большинстве крестьяне шли к В. И. Ленину, имея конкретные указы от делегировавших их односельчан, которые принимались местными «сходами». О них, как правило, и шла речь при встречах с «крестьянским вождем», как часто называли они В. И. Ленина. 28 февраля В. И. Ленин принял двух крестьян Владимирской губ. (Гороховецкого у., с. Фоминки) И. А. Чекунова и И. А. Ганявина и обсуждал с ними положение в деревне и вопрос о замене разверстки налогом³⁸. «В последний раз, — вспоминал Чекунов, — на руках у меня был довольно обширный протокол с изложением всех вопросов... Крестьяне дали мне задание, чтобы этот протокол я передал лично Владимиру Ильичу»³⁹. Знаменательно, что план Чекунова по упорядочению мясной разверстки с целью сохранения поголовья скота, который он изложил в беседе с Лениным, вскоре подвергся широкому обсуждению на страницах «Бедноты»⁴⁰ и был учтен в соответствующем разделе декрета «О замене продовольственной разверстки натуральным налогом».

Каковы же основные причины, побудившие крестьян многих губерний России посылать своих делегатов с наказами непосредственно к В. И. Ленину? Ответ на этот вопрос содержится в самих воспоминаниях ходяков. Одной из главных причин была необходимость посоветоваться с «главным большевиком» по различным вопросам и нуждам своего села. Нарком земледелия А. Г. Шлихтер приводит слова одного старого кре-

³² Беляков М. Ф. На VIII съезде Советов. — В кн.: О Владимире Ильиче Ленине. 1900—1922. М., 1963, с. 581.

³³ Что сказал товарищ Ленин крестьянам Тамбовской губернии. — Тамбовский пахарь, 1921, 27 февраля; Тамбовские известия, 1921, 26 февраля; Как ленинская правда на тамбовщину пришла. — Красная звезда, 1960, 13 апреля; см. об этом документальные очерки: Шелест П. С. По следам ходяков. М., 1967, с. 95—122; Он же. За советом к Ленину. М., 1975, с. 219—260 и др.

³⁴ См.: Ленинский сборник, XX, с. 13.

³⁵ Пемцов Н. М. Встречи с Лениным. — В кн.: Старый большевик, сб. 1, с. 98.

³⁶ Что сказал товарищ Ленин крестьянам Тамбовской губернии. — Тамбовский пахарь, 1921, 27 февраля.

³⁷ Ядов А. Г. Тамбовские ходяки у Ленина. — В кн.: Труды учебных институтов связи, вып. 2. Л., 1960, с. 83—96.

³⁸ Чекунов И. А. Мои встречи с Ильичем. — Крестьянская газета, 1924, 27 января; Он же. Воспоминания крестьянина. — Трудовой путь (Армавир), 1925, 26 января; Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1925, 21 января; Он же. Мои встречи с Ильичем. — В кн.: Рабочие и крестьяне о Ленине, с. 122—123; в кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2, с. 726—727; в кн.: Народы России о Ленине, с. 349—352; Он же. Воспоминания крестьянина. — В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, в 5-ти томах, т. 4, с. 318—321 и др.

³⁹ Чекунов И. А. Мои встречи с Ильичем. — Крестьянская газета, 1924, 27 января.

⁴⁰ Беднота, 1921, 3 марта, 1 сентября.

стьянина, который говорил: «Не мог уехать домой, не повидавши тов. Ленина. Я должен его повидать и должен потом сказать своим, что я его видел. С таким наказом послали меня сюда мои односельчане. Они мне сказали: «Непременно от самого Ленина узнай, что и как надо делать»⁴¹. Крестьяне, повидавшие Ленина и услышавшие от него мудрые советы, считались первыми людьми на деревне.

Второй важной причиной неперемного желания крестьян-ходоков видеть Ленина была сильнейшая потребность запечатлеть в памяти образ народного вождя, чтобы потом в деревне с мельчайшими подробностями рассказать о нем людям. Весь облик В. И. Ленина располагал к откровенной беседе. По воспоминанию нижегородского крестьянина А. Коркунова, «его приветливый взгляд как-то сразу уничтожил нашу робость. Хотелось все рассказать ему, вылить всю душу»⁴². В. И. Ленин с большим уважением относился к труженикам земли. Об этом можно судить и по тому почтению, с которым он всегда вставал и шел им навстречу. Эту особенность приема крестьян Лениным отмечают многие авторы воспоминаний, встречавшиеся с вождем в конце 1920—1921 г.⁴³ Благожелательное отношение к собеседникам было слито у В. И. Ленина с пристальным их изучением. «Признаюсь, что в те минуты, когда Владимир Ильич смотрел на меня в упор,— писал в своих воспоминаниях И. Г. Гаврилов,— мне было очень жутко: так и казалось, что великий собеседник пронизывает меня насквозь, видит все мои потроха»⁴⁴. Расположить крестьян к откровенной беседе, к обмену мнениями по самым жгучим вопросам крестьянской жизни и страны в целом было непростым делом, но В. И. Ленину это удавалось превосходно, о чем свидетельствуют в своих воспоминаниях крестьяне А. И. Гусев, П. И. Козлов, А. К. Колышкин, И. А. Петрушкин, И. А. Чекунов и многие другие⁴⁵.

С глубоким удовлетворением восприняло крестьянство новую экономическую политику партии в деревне. «Когда широкие массы деревни ознакомились с декретами о продналоге и землепользовании, открывавшими собой славную страницу в жизни Советской республики,— вспоминал М. В. Котомкин,— напряженное положение в деревне изменилось в лучшую сторону»⁴⁶. В публикациях воспоминаний крестьян отражена убежденность тружеников полей в том, что переход к нэпу осуществляется в целях улучшения положения крестьян и подъема сельского хозяйства в целом для последующего перехода на социалистический путь развития. Ленинские идеи приобщения широких крестьянских масс к новому строю, к необычным формам социалистического хозяйствования все более становились понятными. «Мы — крестьяне,— вспоминал делегат Нижегородской губ. А. Коркунов,— должны кооперироваться, тогда с любой трудностью бороться будет легче»⁴⁷.

Завершая разработку основных положений кооперативного плана, В. И. Ленин обращался также к документам, созданным самими крестьянами — их письмам, резолюциям, наказам и т. д. Во время совещания крестьян — делегатов IX Всероссийского съезда Советов В. И. Ленин, обращаясь к рядом сидевшему пожилому крестьянину И. Г. Гаврило-

⁴¹ Шлихтер А. Г. У Ильича.— В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, в 5-ти томах, т. 3. М., 1969, с. 76.

⁴² Воспоминания нижегородцев о Ленине. Горький, 1960, с. 156.

⁴³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, в 5-ти томах, т. 3, с. 419; т. 4, с. 301, 319, 369 и др.

⁴⁴ Гаврилов И. Г. Как я узнал Владимира Ильича.— В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2, с. 765.

⁴⁵ В борьбе за власть Советов. Свердловск, 1957, с. 244; Рабочие и крестьяне России о Ленине, с. 33, 112, 196, 254; Народы России о Ленине, с. 127, 241, 274, 317, 330, 335 и др.

⁴⁶ Котомкин М. В. По указанию вождя.— В кн.: Хлеб и революция. М., 1972, с. 77.

⁴⁷ Коркунов А. Крестьяне у Ленина.— В кн.: Рабочие и крестьяне России о Ленине, с. 109.

ву⁴⁸, а больше как бы размышляя вслух, негромко заметил: «...я в последнее время принялся изучать постановления волостных и уездных съездов, надеюсь в них найти разгадку той задачи, которую не нахожу возможности решить ни по какой политической экономии»⁴⁹.

Воспоминания крестьян о встречах с В. И. Лениным в 1920—1921 гг. составляют довольно значительную (около 30) группу крестьянских свидетельств. Достоверность сведений, содержащихся в этих воспоминаниях, подтверждается, часто весьма подробно и основательно, свидетельствами других очевидцев и собеседников В. И. Ленина. Возможность проверить достоверность отражения в воспоминаниях отдельных важных фактов дают и труды В. И. Ленина. Раскрытию содержания бесед помогают записи В. И. Ленина, которые он делал в ходе беседы. В них почти со стенографической точностью передана суть предложений крестьян, некоторые моменты обсуждения, ленинские заметки по осуществлению того полезного, что содержалось в предложениях крестьян⁵⁰.

Одной из особенностей крестьянских воспоминаний является то, что авторы в большей степени сосредоточивали внимание на описании картины приема и отношении к ним В. И. Ленина, а о сути своих предложений сообщали в предельно лаконичной форме.

Крестьянские воспоминания отличает искренность, суровая правдивость. Ходоки прямо говорят о своих сомнениях в период первых социалистических преобразований в деревне, объективно отражая трудный процесс завоевания Советской властью крестьянской массы, середняка.

Язык крестьянских воспоминаний очень образный, характеристики отдельных явлений удивляют точностью и выразительностью. В. И. Ленин не раз восхищался меткостью некоторых выражений крестьян и неоднократно использовал их в документах, записках членам Совнаркома. Так, в письме заместителю наркомзема Н. Осинскому В. И. Ленин, давая предварительные рекомендации по составу совета беспартийных крестьян в Наркомземе, подчеркивает, что крестьяне не должны быть «шпицами»⁵¹. Это определение крестьянина Чекунова, называвшего «шпицами» врагов Советской власти, и в первую очередь кулаков. «Говорят, что в местной партии много худших элементов», — обращается В. И. Ленин после беседы с ходоками Ф. С. Санниковым, Г. И. Михалевым и П. П. Москалевым в Пермский губком РКП(б) с просьбой проверить состав уездного комитета⁵².

Известная субъективность характера воспроизведения крестьянами мемуаристами исторических событий в большей степени является сильной стороной этого источника, отражая глубоко заинтересованность крестьян в событиях. Пример с воспоминаниями О. И. Чернова служит подтверждением важнейшего условия источниковедческого анализа воспоминаний — необходимости сопоставления сведений этих воспоминаний с данными по этому вопросу, содержащимися во всех других источниках.

Так, о приезде В. И. Ленина 14 ноября 1920 г. на открытие электростанции в д. Кашино Волоколамского у. имеются воспоминания кре-

⁴⁸ Гаврилов И. Г. Как я узнал Владимира Ильича. — Забайкальский крестьянин, 1925, № 3; в кн.: Крестьяне о Ленине. М. — Л., 1927, с. 20—26; *Он же*. На заседании беспартийных крестьянских делегатов. — В кн.: Об Ильиче. Рабселькоровские заметки и воспоминания, с. 167—169; *Он же*. Как я узнал Владимира Ильича. — В кн.: Рабочие и крестьяне России о Ленине, с. 286—289; в кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2, с. 763—766 и др.

⁴⁹ Гаврилов И. Г. Как я узнал Владимира Ильича. — В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2, с. 765.

⁵⁰ См.: Ленинский сборник, XX, с. 13; XXXVI, с. 201—202; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 83—84 и др.

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 85—86.

⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 145—146.

стьян К. В. Мешалкина, А. К. Куркова, В. Скачкова, Д. Х. Родионова, П. Лопухова и др.⁵³ Сравнение этих воспоминаний между собой, а также с другими имеющимися свидетельствами⁵⁴ по этому вопросу показывает, что в беседе В. И. Ленина с крестьянами, как и в речи Ленина на митинге, проблема продовольственного обложения занимала значительное место. Являясь очевидцами одного и того же события, мемуаристы по-разному передают отдельные его моменты. Различия их впечатлений объясняются прежде всего особенностями восприятия каждым из них этого события; они дают возможность расширить и обогатить наши представления о встрече В. И. Ленина с крестьянами. Об этой особенности воспоминаний дополняют сведения об одном и том же событии когда-то писала Н. К. Крупская: «Каждый вспоминает по-своему, но в общем получается нечто цельное»⁵⁵.

Крестьянские воспоминания о В. И. Ленине (к этой группе тесно примыкают крестьянские мемуары об Октябрьской революции, социалистическом преобразовании деревни) интересны и ценны в совокупности всех деталей.

Наиболее полными являются публикации крестьянских мемуаров указанной тематики второй половины 20-х — начала 30-х годов. Они представляют основной материал для изучения крестьянских воспоминаний как исторического источника. Именно эти публикации, которые не подверглись сколько-нибудь существенной литературной правке, содержат особенности крестьянского восприятия событий и живого образного народного языка. Благодаря публикациям крестьянских мемуаров о встречах и беседах В. И. Ленина с крестьянами в конце 1920—1921 г. историк получает ценный исторический источник, который позволяет в новых гранях высветить великий образ вождя как человека и государственного деятеля.

Крестьянские воспоминания отражают изменения в социальной психологии веками угнетавшегося крестьянства. Труженики деревни делятся своими впечатлениями о наиболее значительных для них событиях, доносят до нас дыхание времени, эпохи.

Задача исследователей состоит в том, чтобы выявлять новые крестьянские свидетельства в центральных и местных партийных и государственных архивах, краеведческих музеях, а также в фондах личного происхождения, у родственников ходоков и т. д. Необходимо также искать и привлекать при изучении такую группу документов, как записки Ленина, удостоверения, выданные крестьянам в подтверждение их встречи с вождем. Ценные сведения могут содержаться в устных свидетельствах и даже пересказах односельчан-ходоков. В этом отношении большую роль могут сыграть участники археографических экспедиций. Необходимо дальнейшая публикация выявленных воспоминаний крестьян, а также создание тематического сборника крестьянских воспоминаний о встречах и беседах В. И. Ленина с тружениками деревни в период перехода к новой экономической политике.

⁵³ Крестьяне о Ленине, с. 34; Крестьянская газета, 1924, 24 февраля; Рабочие и крестьяне о Ленине, с. 121. Народы России о Ленине, с. 310 и др.

⁵⁴ Простое в великом, с. 24; Ленинское знамя, 1959, 22 апреля; Карabanов Н. М. По пути Ильича. М., 1957, с. 11—18; Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2, с. 690 и др.

⁵⁵ Рассказы рабочих о Ленине. М., 1934, с. 5.

А. П. Кунайгородская

МНОГОТИРАЖНЫЕ ГАЗЕТЫ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 20-х ГОДОВ

Периодическая печать является признанным и широко используемым историческим источником. Однако внимание исследователей распределяется между различными ее видами неравномерно. Нередко в стороне остаются газеты предприятий и учреждений — так называемые многотиражные газеты. В последнее время интерес к ним заметно возрос¹. Объясняется это недостаточной изученностью газет, а также необходимостью повышения эффективности современных многотиражек. Фабрично-заводские газеты освещают общественно-политическую жизнь, производственную деятельность, различные стороны быта рабочих, их запросы, интересы, представления, психологию. Это в полной мере относится к первым годам существования многотиражных газет, когда они почти целиком посвящались местной жизни и отражали ее в непривычных современному читателю формах, не всегда грамотно, но живо и непосредственно.

Термин «многотиражная газета» стал употребляться позже, чем появились издания, к которым он был отнесен. Строго говоря, все газеты, печатающиеся типографским или другим способом, обеспечивающим большой тираж, — многотиражные, но так называются только газеты предприятий и учреждений. Первоначально многие такие газеты продолжали называться стенными, даже иногда в тех случаях, когда текст располагался на двух сторонах листа.

В данной статье рассматриваются газеты предприятий Петрограда (Ленинграда), печатавшиеся различными способами, выходившие тиражами от нескольких десятков до нескольких тысяч экземпляров в первой половине 20-х годов. Статья основывается на коллекции газетного отдела Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это наиболее полное собрание ленинградских многотиражных газет. Большинство изданий начала 20-х годов имеется только здесь. Сотрудниками отдела проделана большая работа по приведению в порядок и описанию коллекции, созданы специальные картотеки и справочники, в результате чего исследователи получили возможность пользоваться этим уникальным собранием. К сожалению, оставляет желать лучшего состояние экземпляров, имеющих большой формат и хранящихся в сложенном виде.

Многотиражные газеты являются прямым продолжением стенных газет², рукописных и машинописных, появившихся на заводах, фабриках,

¹ *Вычуб Г. С.* Особенности возникновения и развития многотиражной печати. — Вест. Моск. ун-та. Сер. 11, Журналистика, 1971, вып. 5; *Сланская М. Д.* К истории возникновения многотиражных газет на заводах и стройках Советской страны (1922—1932 гг.) — Там же; *Алексеева М. И.* Газета в зеркале социологического анализа. Л., 1970; *Чернецкий Л. А.* Некоторые аспекты социального управления и печать (опыт комплексного анализа современной газеты). Автореф. канд. дис. Томск, 1970.

² Характеристика стенных газет дана на материалах «большой прессы».

в советских учреждениях вскоре после установления Советской власти. Они получили повсеместное распространение и стали заметным явлением в общественной жизни, так как давали возможность партийным, советским, профсоюзным организациям более широко и регулярно обращаться к трудящимся, затрагивая вопросы деятельности предприятия и политико-просветительной работы, а рабочим и служащим — открыто критиковать недостатки, выдвигать предложения, направленные на совершенствование производства и улучшение быта трудящихся³.

Ввиду недостатка бумаги и невозможности обеспечить газетой каждого желающего, в начале 20-х годов печатные газеты в Советской России распространялись по предприятиям и учреждениям. В апреле 1921 г. 62% всех петроградских газет получали рабочие: на восемнадцати ударных заводах газета давалась каждому рабочему, на остальных — один экземпляр приходился на двоих. Служащие получали одну газету на пятнадцать человек⁴. Во время бумажного кризиса 1922 г., с января по август, ежедневные тиражи газет сократились по всей стране — с 2 661 189 экз. — до 993 050 экз.⁵ Затем они начинают медленно увеличиваться. Возможно, что такое положение в какой-то мере содействовало внедрению стенной печати на предприятиях и в учреждениях. Журнал «Красный журналист» (издание Центрокроста) отмечал, что «печатных газет недостаточно, подавляющее большинство их пишется непопулярным языком, многими они читаются небрежно, очень многими не читаются вовсе»⁶. Высказывалось мнение, что на заводах следует организовать свои газеты.

Одним из главных стимулов в создании заводской стенной печати было ярко выраженное стремление рабочих к непосредственному участию в общественной жизни. Растущая уверенность в силе печатного слова, во всемогуществе гласности толкала даже и не очень грамотных братья за перо.

Стенные газеты на предприятиях были самых разнообразных видов — от скромных небольших листков до громадных многокрасочных полотен. Были газеты на вращающихся витринах, газеты-«ильичевки» (складывающиеся в виде ширмочек или альбомов), так называемые непрерывные газеты, где по мере необходимости менялись отдельные заметки. Оформители стенных газет считали делом своей чести придать им наиболее яркий, нарядный вид — на конкурсах и смотрах эта сторона учитывалась особо. Рисовались крупные, многоцветные заголовки, рисунки и карикатуры. Однако трудоемкость изготовления и предельно малый тираж существенно ограничивали диапазон воздействия этих изданий.

Стремление ускорить выпуск газеты, издавать ее чаще, увеличить тираж заставляли редколлегии по мере возможности изыскивать более совершенные способы издания газет.

В 1922—1923 гг. на отдельных предприятиях стали переходить к выпуску литографских и типографских газет. Часто их организаторами являлись ячейки РКСМ. Первые печатные газеты своим внешним обликом и содержанием весьма походили на своих рукописных или машинописных предшественниц. Литографские газеты нередко печатались в две краски или одной яркой — красной, синей, зеленой. Многие газеты были большого формата, печатались на одной стороне листа. В газетах, отпечатанных в литографиях, на гектографе, стеклографе и т. д., заметки чаще всего были невелики по объему из-за крупного шрифта таких изданий.

Отношение к первым печатным газетам было различное. Одни их встретили с восторгом главным образом потому, что появилась возмож-

³ Петроградская правда, 1921, 19 сентября; Красная печать, 1924, № 35, с. 18.

⁴ Петроградская правда, 1921, 2 апреля.

⁵ Красная печать, 1922, № 4, с. 3—4.

⁶ Красный журналист, 1921, № 7—9, стлб. 567.

ность печатать газету — большим тиражом, другие сожалели, что пришел конец красочным многометровым полотнищам, что внешний облик печатной газеты гораздо скромнее, чем рукописной. Примечательно, что одним из доводов в пользу печатной газеты было то, что по ней «через 50—100 лет будут знать и судить местную жизнь, условия труда», тогда как рукописная к тому времени уже не сохранится⁷. В конце концов многие неоспоримые достоинства печатных газет привели к тому, что там, где это было возможно (в первую очередь в типографиях и издательствах) они стали приходить на смену рукописным. В феврале 1923 г. «Правда» опубликовала статью «Дело большой важности», где говорилось: «В последнее время отмечается большая тяга среди рабочих к созданию своей газеты. Некоторые фабрики (типографии в особенности) уже перестали удовлетворяться размерами стенной, отпечатанной на машинке (в 5—6 экз.) газеты и пытаются выпускать настоящую, чтобы каждый рабочий имел по одному экземпляру для себя»⁸.

XII съезд партии (апрель 1923 г.) отметил в своем решении, что развитие фабрично-заводской печати — явление положительное. Газеты предприятий характеризовались как продукт творчества передовых пролетариев. Съезд подчеркнул особую ценность этого вида печати и указал на необходимость «взять ее под партийное руководство»⁹.

Одной из первых сохранившихся петроградских многотиражных газет является газета «Клич» — орган коллектива Российского Коммунистического Союза Молодежи Первой государственной писчебумажной фабрики. Она была отпечатана в типографии 1 мая 1922 г. тиражом 1000 экз. Текст газеты был грамотный, она хорошо сверстана, в ней имелись разнообразные материалы: воспоминания о праздновании 1 Мая до революции, хроника, статья о западноевропейской буржуазии, стихи («уголок юношеской поэзии»). Но, по-видимому, выпустить эту газету 2 раза в неделю (как было объявлено в первом номере) редколлегия не смогла. Косвенно на это указывает тот факт, что в сентябре 1924 г. «Ленинградская правда» опубликовала краткий отзыв о десятом номере органа этой фабрики, выходящем под другим наименованием, назвав его стенгазетой. В заметке не сказано, что это печатная газета, тогда как обычно это отмечалось¹⁰.

По-видимому, не позднее 1922 г. начала выходить и газета «Юный строитель» (орган коллектива РКСМ при Северо-Западном промбюро, гортаможне и типографии), так как № 16 (тираж 1000 экз.) был помещен 1 мая 1923 г. Выходила она не часто — № 18 увидел свет 7 ноября. Содержание газеты было весьма разнообразным: заметки о политическом воспитании, о жизни коллектива РКСМ, воспоминания о революционном прошлом, рекомендации относительно занятий спортом, ответы корреспондентам и обзоры их писем, раешник, головоломки. Почти в каждом номере выделялись крупно напечатанные лозунги, например: «Мы кузнецы! Идите с нами! Мы счастье мира создадим!», «Куй железо, молодежь Германии, пока оно горячо!».

В 1923 г. число печатных газет на предприятиях увеличилось. В апреле 1923 г. стала выходить газета «Красный звон» — орган ячейки РКСМ Северной железной дороги. За год было выпущено 20 номеров, из них 19 напечатаны на ротаторе (по 41 экз.), а с № 20 газета печаталась в типографии по 600 экз. В создании № 1 приняли участие три человека, в нем было помещено 12 заметок, а № 20 создавали 33 человека, число заметок в нем — 60. В конце первого года существования газета имела 15 постоянных рабкоров. Она стала подписной — № 11

⁷ Печатный двор, 1926, 27 октября.

⁸ Правда, 1923, 17 февраля.

⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 8, т. II, М., 1970, с. 463.

¹⁰ Ленинградская правда, 1924, 13 сентября.

имел 25 подписчиков, № 25—445. О том, насколько разнообразны материалы, помещавшиеся в газете, свидетельствуют названия постоянных рубрик: «Жизнь ячейки», «Наш быт», «Наше творчество», «Культпросветотдел», «Физкультура», «По службам и отделам», «Сучки и задоринки», «Юмор комсомольца», «Профжизнь», «Уголок рабкора» и т. д.

Довольно широко был распространен обычай начинать выпуск газет в дни революционных праздников. Несколько многотиражек отметили свое рождение 1 Мая 1923 г. В их числе «Трибуна свинцовой армии», имевшая подзаголовок «Двухнедельная стенная газета коллектива РКП(б) типографии издательства Северо-Западного промбюро». Она печаталась в типографии, на двух полосах, тиражом в 250 экз., на хорошей бумаге, разнообразными шрифтами. Газета имела строгий внешний вид, была составлена грамотно. В первом номере было помещено развернутое обращение к читателям, где говорилось о целях издания газеты, в частности: «...чтобы каждый рабочий и работница, не стесняясь, излагали свои мысли на столбцах нашей газеты и, таким образом, приучались бы здраво рассуждать и разбираться в тех или иных вопросах». Предполагалось «через газету устранить все те дефекты, которые имеются в предприятии»¹¹. Выпускать газету 2 раза в месяц, как было объявлено, редакция не смогла. Так, № 5 вышел только к 7 ноября. Большие колебания были в тираже: № 5 — 500 экз., № 8 (27 января 1924 г.) — 2000 экз. (это был специальный выпуск, посвященный В. И. Ленину), № 10 (17 апреля 1924 г. — выпуск, посвященный годовщине приезда В. И. Ленина в Петроград и Ленским событиям) — 50 экз., № 17 (7 ноября 1924 г. — праздничный выпуск) — 300 экз.

В 1923 г. начали издавать печатные газеты типография им. Евгения Соколовой, типография им. Гутенберга, завод «Большевик», Балтийский завод. 28 июля 1923 г. вышел первый номер газеты «Юный путиловец», отпечатанный в типографии тиражом 50 экз.

Далеко не все многотиражные газеты сразу становились регулярными периодическими изданиями. Иные, широковедательно объявив о начале выхода, ограничивались первым номером, выпущенным к одному из революционных праздников, другие угасали через некоторое время, третьи выпускались эпизодически, четвертые замирали на несколько месяцев, затем снова оживали, часто под другим названием, и т. д. Однако тенденция была вполне определенной — число печатных заводских газет росло. В 1924 г. их было уже около двух десятков и в последующие годы становилось все больше. Не только типографии, но самые различные предприятия обзаводились своими печатными газетами. С 1924 г. начала издаваться газета «Светоч» (одноименной фабрики), не позднее этого же года — газета прядильно-ниточной фабрики им. Ст. Халтурина «Трибуна халтуринцев» и «Красный резинщик» (завод «Красный треугольник»). Вскоре тиражи отдельных номеров последней газеты достигли 1500—2000 экз.¹² В 1925 г. начал выходить «Красный путиловец».

Содержание печатных заводских газет было весьма богатым и разнообразным. В первые годы существования многотиражек они, как правило, не получали никакого материала со стороны, в централизованном порядке (это стало практиковаться позднее), большинство помещенных в них статей и заметок было написано трудящимися данного предприятия и так или иначе они отражали различные стороны производственной деятельности, работы партийной и комсомольской ячеек, различных общественных организаций, быта рабочих, их интересов и стремлений. Давая рекомендации относительно ведения заводских газет, «Правда» писала в мае 1923 г., что газету надо «наполнять, главным образом, материалом из жизни данного предприятия»¹³.

¹¹ Трибуна свинцовой армии, 1923, 1 мая.

¹² Шебалин Б. Красный треугольник. Л., 1935, с. 234—235.

¹³ Правда, 1923, 5 мая.

Жизнь предприятия — один из главных постоянных разделов фабрично-заводских газет. Они призывали совершенствовать и удешевлять производство, бороться за поднятие производительности труда и соблюдение режима экономии. В газетах часто помещались большие раешники, где критиковались непорядки в цехах и мастерских. Часто публиковались конкретные замечания в адрес администрации, наподобие следующего: «Пора позаботиться заводууправлению отдать в обшивку накатный валик с литографской машины» (газета типографии им. Гутенберга)¹⁴. Активное вмешательство многотиражек в производственную деятельность способствовало устранению неполадок на предприятии. Благодаря выступлению газеты типографии «Коминтерн» был усилен свет в наборных отделениях, приведен в порядок пол, отремонтирована печатная машина, рабочим стали вовремя выдавать зарплату¹⁵. Резкому осуждению подвергались лодыри и прогульщики. Как было сказано в одной из газет, для них и для тех, кто «во время работы занимается чаепитием и чтением газет», требуется «хорошая швабра»¹⁶. На суд общественности выносились такие отрицательные явления, как индивидуализм, разгильдяйство, собственничество¹⁷. Часто писали о грубости отдельных представителей администрации и некоторых рабочих, с негодованием призывая искоренить сквернословие на производстве и в быту¹⁸. Регулярно освещался в многотиражках рабочий быт. Пьянство, самогоноварение, хулиганство, нечистоплотность с возмущением осуждались. Печатались медицинские заметки, сообщения о спорте, новых книгах, поступивших в библиотеку и т. д.

Характерной чертой производственных разделов многотиражных газет в первые годы их существования была ярко выраженная критическая направленность. С одинаковой серьезностью и негодованием писали о нехватке инструмента, плохом использовании станков, о разбитой форточке. Обычным был категорический тон критических выступлений: «Ленгиз, откликнись!», «Сделайте тамбур!». О нетерпимости ко всяким непорядкам говорили названия отдельных газет: «Колотушка», «Зубило», «Москит» и подписи под заметками: «Звонарь», «Колочка», «Шило» и т. д.

В первые годы существования фабрично-заводской многотиражной печати еще не были выработаны четкие принципы организации и ведения таких изданий. Это были годы становления рабкорского движения, которое развивалось, преодолевая разнообразные трудности начального периода. Одной из сложных проблем были взаимоотношения рабкоров и фабрично-заводских газет, с одной стороны, и администрации предприятий — с другой. Этим объяснялась постоянная постановка вопроса о подписях под заметками. Чтобы иметь возможность свободно, не взирая на лица критиковать неполадки на производстве, рабкорам нередко приходилось прибегать к псевдонимам, а критикуемые подчас стремились во что бы то ни стало их раскрыть. Вопрос о том, имеет ли право рабкор выступать под псевдонимом или он должен обязательно подписаться своей подлинной фамилией, был предметом настоящей дискуссии. В печати неоднократно высказывались прямо противоположные мнения: о необходимости сохранения строгой тайны псевдонимов и, напротив, о том, что надо ликвидировать обычай их употреблять. Однако в противоречивых условиях напа деятельность рабкоров, и без того достаточно трудная и даже опасная, при условии писать всегда под своим настоящим именем стала бы просто невозможной. Поэтому не только было взято

¹⁴ Верстатка, 1925, 24 августа.

¹⁵ Ленинградская правда, 1925, 22 апреля.

¹⁶ Печатный двор, 1924, 7 ноября.

¹⁷ Верстатка, 1925, 24 августа; Красный путиловец, 1926, 18 марта.

¹⁸ Верстатка, 1924, 1 мая; Галоши и техника, 1925, 5 ноября; Молоток и ролик, 1926, май, № 1.

под защиту право рабселькоров публиковаться под псевдонимом, но строго-настроено было запрещено эти псевдонимы раскрывать. В циркуляре Верховного суда, опубликованном в январе 1925 г., говорилось, что «разглашение должностными лицами имен корреспондентов является... уголовно наказуемым преступлением»¹⁹. С аналогичным разъяснением выступил в печати председатель Верховного суда П. И. Стучка²⁰. Многотиражные газеты, особенно в первых номерах, в обращениях к читателям подчеркивали, что они могут публиковаться под псевдонимами, но при этом обязаны сообщать редакции свои фамилии, которые держатся в секрете²¹.

Многие фабрично-заводские газеты стремились не только критиковать неполадки, но активно пропагандировать знания и навыки, необходимые передовому рабочему. Они постоянно уделяли внимание повышению квалификации рабочих. Регулярно отводилось место популярным в 20-е годы вопросам научной организации труда. Печатались рекомендации, направленные на достижение большей эффективности труда рабочего, ускорение производства, соблюдение режима экономии²². По инициативе рабкоров стенной газеты завода «Красный гвоздильщик» был объявлен конкурс на лучшего рабочего. В числе требований к участникам были следующие: аккуратное отношение к оборудованию, минимум поломок, бережное отношение к инструменту, экономный расход материала²³. Газета фабрики «Красный треугольник» помещала материалы о рабочих-изобретателях, о лучших мастерах²⁴.

Много места отводилось в газетах работе партийных, комсомольских, общественных организаций. Постоянно велись отделы «Жизнь ячейки», «Уголок комсомольца», «Профжизнь» и т. д. Широко освещались заводские предвыборные кампании, сообщалось об их результатах. В постоянных рубриках отражалась работа фабкома, касс взаимопомощи, вопросы социального страхования, охраны труда, организации домов отдыха, охраны материнства и младенчества. Женщине-работнице уделялось особое внимание. Ее призывали преодолеть инертность, замкнутость в своем узком домашнем мирке, проявлять активность на производстве и в общественной жизни. Постоянно была в поле зрения работа шефских организаций. Помещались вести из подшефных деревень, письма крестьян к шефам, отчеты о поездках рабочих в деревни, инструктажи отпускникам и т. д.

Для содержания многотиражных газет характерно постоянное внимание к революционным событиям прошлого: Парижской Коммуне, революции 1905 г., свержению самодержавия, Октябрьскому вооруженному восстанию. Особенно часто публиковались воспоминания очевидцев и участников описываемых событий. Нередко такие материалы заполняли целые номера или большую их часть. Газеты специально обращались к своим читателям с просьбой писать воспоминания, о праздновании 1 Мая до революции и в первые годы Советской власти, об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде, о приезде В. И. Ленина в Петроград в апреле 1917 г., о Ленских событиях, о Кровавом воскресеньи. Нередко авторы воспоминаний рассказывали о своем участии в борьбе питерцев против Юденича и на других фронтах, в работе ЧК и т. д.

Часто в газетах помещались материалы по истории предприятий, особенно о положении рабочих до Великой Октябрьской социалистической революции и об их участии в революционном движении. Работники печат-

¹⁹ Ежедневник советской юстиции, 1925, № 6, с. 149.

²⁰ Рабоче-крестьянский корреспондент, 1925, № 1, с. 69.

²¹ Трибуна свинцовой армии, 1923, 1 мая; Светоч, 1924, 1 мая; Шило, 1924, 1 мая.

²² Жигало, 1925, апрель, № 2; Искры, 1926, март, № 2.

²³ Красногвоздильщик, 1926, декабрь, № 1.

²⁴ Молоток и ролик, 1926, май, № 1.

ного производства в 1925 г. широко праздновали юбилей союза печатников. Все газеты типографий отметили эту дату. № 6 газеты «Шило» типографии им. тов. Володарского (15 апреля 1925 г.) был целиком посвящен юбилею. Здесь были опубликованы материалы о забастовке в типографиях Яковлева и Кушнера осенью 1906 г., о работе союза печатников до революции, о печатании революционных прокламаций в частных типографиях издательств «Энергия» и «Герольд». Особенно подчеркивалось, что больше всего «прокламации набирались в типографии газеты «Колокол»²⁵ — этом гнезде царской и поповской реакции»²⁶. В газете типографии им. Гутенберга был описан и такой факт: А. Коновалов, работавший прежде в типографии П. П. Сойкина, рассказал, как в 1905 г. союз печатников добился прекращения начавшегося было печатания в этой типографии погромной листовки²⁷.

Одна из ярких черт многотиражных газет — регулярное обращение к теме интернациональной солидарности трудящихся. Положение рабочих за рубежом, борьба их за свои права освещались в статьях, заметках, стихах. Некоторые газеты сумели наладить непосредственную связь с зарубежными рабочими, вели с ними переписку. Газета «Печатный двор» в июне 1924 г. напечатала письмо рабочих Шенефельдской бумажной фабрики, которое было обнаружено в бумаге, поставляемой на фабрику из Германии. В письме говорилось о сокращении заработков саксонских рабочих, о росте продолжительности рабочего дня, о разгуле белого террора, в результате чего была закрыта газета «Красное знамя Германии»²⁸.

Очевидно, что определенная часть материала, помещенного в газетах, создавалась по специальному заданию квалифицированными сотрудниками. Сюда относятся отчеты о деятельности партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, о работе предприятий, специальные заметки, например: «НОТ с медицинской точки зрения»²⁹, «О туберкулезе»³⁰. Иногда редакции вынуждены были признаваться читателям, что из-за недостатка заметок своими силами делали всю газету³¹. Широко стал известен факт, что председатель редколлегии газеты «Трибуна свинцовой армии» в № 30 за 1926 г. поместил 14 своих заметок³². В то же время редколлегия неустанно призывала рабочих писать в заводскую газету. Постоянно стремились пробудить активность читателей. Объявлялись конкурсы на лучшего рабкора, предлагались темы для заметок, например, о поднятии производительности труда, кассе взаимопомощи, кооперативе, библиотеке, буфете, работе кружков, клубных вечерах³³, о культурпросветработе, шефских комиссиях, Доброхиме, Воздухофлоте, МОПре³⁴, помощи германским рабочим, положении рабочих на частных предприятиях³⁵ и др.

Отдельные редакции сумели добиться интенсивного поступления заметок и, если не печатали их, то буквально на каждую откликались в разделе «Почтовый ящик». Деловой, тактичный тон был принят в разговоре с корреспондентами редакцией газеты «Трибуна халтуринцев». Ее обширный «Почтовый ящик» изобилует лаконичными, конкретными советами и поощрительными замечаниями и приглашениями: «Лазареву. Подслушанный разговор не пойдет, вопрос не так понял. Заходи в уголок раб-

²⁵ Колокол — ежедневная политическая церковная газета.

²⁶ Шило, 1925, 15 апреля.

²⁷ Рабочий день, 1925, 18 апреля.

²⁸ Печатный двор, 1924, 17 июня.

²⁹ Трибуна свинцовой армии, 1924, 7 ноября.

³⁰ Светоч, 1924, 1 января.

³¹ Зоркий глаз, 1925, 8 марта.

³² Ленинградская правда, 1925, 3 июля.

³³ Шило, 1924, 8 декабря.

³⁴ Верстатка, 1925, 24 августа.

³⁵ Печатный ставок, 1924, 1 января.

коров — разъясим». «Никитину... Что же ты еще не пишешь, ведь обещал». «Киселевой. Отчет о смычке в сто строк печатать не сможем, никто читать не будет. Помни, что чем короче и яснее, тем лучше...». «Леонову. Пиши короче, писать можешь. Заходи к редактору для переговоров»³⁶. Нередко газеты публиковали ответы своим корреспондентам по существу их заметок и обзоры писем в редакцию. Практиковалось также печатание ответов администрации на критические заметки читателей. Она должна была давать разъяснения по различным вопросам, например о простоях рабочих, о состоянии противопожарной сигнализации, о грубости подмастерья. В газете окружной типографии Ленинградского военного округа хозяйственные органы печатали ответы на вопросы по поводу теоретических занятий в переплетном и машинном отделениях, о вентиляторах, пылесосах, закупке шрифтов и т. д.³⁷ Отклики на опубликованные заметки помещали и некоторые другие газеты. Таким образом, редакции многотиражных газет стремились обращать внимание на различные вопросы, волновавшие рабочих, дать на них ответ. Иногда в заводских газетах можно встретить опровержение ложных слухов, циркулировавших в рабочей среде, например, «Внимание! По типографии ходят слухи, что дом отдыха дается рабочим за плату. Это чистойшей ложь. Дом отдыха дается на две недели, в счет отпуска, бесплатно»³⁸.

Современному читателю не может не броситься в глаза такая примечательная особенность многотиражных газет на первом этапе их развития, как обилие в них стихов. Обычной была публикация сатиры в стихах на производственные темы, иногда в виде раешников или былин. Такие произведения иногда печатались в нескольких номерах с продолжением. Часто стихи посвящались памятным революционным датам, освободительной борьбе рабочих за рубежом. В стихах же обсуждались отрицательные явления рабочего быта, давались наказы общественным организациям, медицинские советы. Стихи, как и рисунки, делали газету более живой. Однако обилие многословных, витиеватых, а иногда и просто малограмотных стихотворных опусов не могло положительно влиять на деловые качества газеты. Стремясь ограничить повальное увлечение стихотворной формой, редакции нередко призывали читателей писать свои заметки прозой. Характерны ответы читателям, опубликованные в «Почтовом ящике» газеты Первой государственной табачной фабрики им тов. Урицкого: «Стихи не подошли ни содержанием, ни формой... Стихи плохи и звучат как немazanое колесо...»³⁹.

Для многих заводских газет был характерен живой, образный язык, обилие вопросов и обращений к читателю («Культурны ли рабочие «Печатного двора?», «Что такое касса взаимопомощи?» «Что мешает поднятию производительности?»). Часто через всю полосу крупным шрифтом печатались различные лозунги: «Мы готовы к международным боям!» «Ни голоса за оппозицию!», «Все на демонстрацию!»

В принятом 1 декабря 1924 г. постановлении Оргбюро ЦК РКП(б), посвященном фабрично-заводским газетам, рекомендовалось освещать деятельность предпринятия, не ограничиваясь констатацией недостатков, выявлять их причины, предлагать способы устранения, содействовать внедрению нового, передового⁴⁰. С целью улучшения качества газет предлагались регулярные выставки и так называемые суды — своеобразная форма обсуждения газеты, способствовавшая росту ее популярности. Ленинградская партийная организация уделяла постоянное внимание деятель-

³⁶ Трибуна халтуринцев, 1925, декабрь, № 29.

³⁷ Верстатка, 1927, 7 ноября.

³⁸ Шило, 1925, 18 июля.

³⁹ Стенная газета табачников, 1924, ноябрь, № 3.

⁴⁰ О партийной и советской печати, радиовещании, телевидении. Сб. документов и материалов. М., 1972, с. 124.

ности заводских многотиражек. «Ленинградская правда» регулярно помещала отзывы об отдельных газетах, краткие критические замечания и рекомендации для их дальнейшей работы.

Анализ содержания многотиражных газет приводит к выводу, что их материалы являются ценным историческим источником и необходимы при исследовании самых различных вопросов. Изучение шефской работы и деятельности рабкоров в начале 20-х годов показало, что сведения, опубликованные в газетах «Зоркий глаз» (типография № 4), «Верстатка» (типография им. Гутенберга), «Светоч» (фабрика «Светоч») и других, соответствуют данным официальной отчетности партийных, профсоюзных, общественных организаций, дополняя их живыми описаниями, интересными деталями. На страницах фабрично-заводских газет приводится множество разнообразных фактов. Задача исследователя состоит в том, чтобы решить, насколько они типичны, характерны для данной организации, для данного времени. Здесь большое поле деятельности для историков и социологов.

Л. В. Черепнин

**ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОГРАФИИ
И ДРУГИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ (ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ)
ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН
НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 Г.
(Иван Филиппович Колесников)**

Формы исследовательской работы в области исторической науки многообразны. Одни историки известны как создатели фундаментальных обобщающих трудов, другие — как авторы монографий на конкретные темы, третьи — занимаются систематическими розысками новых источников и их подготовкой к изданию и использованию в научных исследованиях. Все это одинаково взаимосвязано и взаимообусловлено. Но если через общие труды по истории и через монографии деятельность ученого получает широкую известность, то часто долгие годы остается неизвестной и незаметной работа тех скромных деятелей науки, архивистов, археографов, которые составляют описания документальных собраний, извлекают на свет новые или уже забытые источники и подводят твердую основу под изучение прошлого. А жизненный путь таких тружеников науки благороден, их заслуги перед современниками и потомками велики, имена их должны быть запечатлены в памяти человеческой.

В ряду имен отечественных архивистов, археографов, источниковедов рубежа XIX и XX вв. с уважением вспоминаешь имя Ивана Филипповича Колесникова (1872—1952)¹, ученого выходца из народа, своим упорным трудом добившегося высших ученых степеней и званий.

И. Ф. Колесников родился 23 ноября 1872 г. в селе Лопуховка Аткарского уезда Саратовской губернии. Отец его — безземельный крестьянин, бывший дворовый-крепостной, занимался столярным делом. Мать — прачка. Осиротев после смерти в 1881 г. отца, Колесников обучался на казенный счет в Саратовском духовном училище и семинарии. Высшее образование он получил в Юрьевском университете (по историко-филологическому факультету), который окончил в 1898 г.

С 11 декабря 1898 г. по 5 марта 1900 г. Колесников служил воспитателем в Саратовской духовной семинарии. Был уволен, по его словам, «вследствие расхождения во взглядах на воспитание» с начальником семинарии. «Расхождение» это выразилось в том, что Колесников давал учащимся читать сочинения Добролюбова.

В период с 1900 по 1908 г. ученый был преподавателем средних учебных заведений г. Москвы. 12 июля 1908 г. Совет Московского археоло-

¹ Личное дело И. Ф. Колесникова (автобиография, послужной список и другие документы) хранится в ЦГАДА, № 2124. Биография ученого изложена в его некрологе «Памяти Ивана Филипповича Колесникова» (ТМГИАИ, т. 7. М., 1954, с. 227—238). В этом некрологе широко использован мой доклад о И. Ф. Колесникове, прочитанный в связи с его 75-летием на заседании ученого совета Историко-архивного института, но биографические сведения в некрологе даны не мной. В настоящей статье они выправлены по автобиографии Колесникова (написанной его собственной рукой), хранящейся в личном деле. (От редакции. Текст доклада Л. В. Черепнина «Труды И. Ф. Колесникова по вспомогательным историческим дисциплинам», прочитанного на этом заседании 19 ноября 1947 г., хранится в ЦГАОРМ, ф. Р-535, оп. 1, д. 387, с. 17—31).

гического института избрал его преподавателем археографии, а с 1909 г. — и архивоведения. Эти дисциплины он преподавал в институте до закрытия его в 1922 г. (сначала в должности преподавателя, затем профессора). Колесников не только учил, но и сам учился и закончил Московский археологический институт. В дипломе, выданном ему 26 сентября 1910 г., сказано, что он «прошел полный курс археографического отделения, выдержал установленные испытания, успешно защитил диссертацию «Исторический обзор архивного законодательства в связи с историей и современным состоянием архивов на Западе и в России», был «удостоен звания ученого архивиста» и «зачислен в действительные члены Института». Институт давал солидные знания. В дипломе перечислен целый ряд предметов, испытания по которым пришлось сдавать: всеобщая история искусств, история археологических открытий, история русского искусства, история русской литературы, история русского языка, юридические древности, история учреждений, историческая география, этнография, славяно-русская палеография, греческая палеография, эпиграфика, чтение древних рукописей, дипломатика, архивоведение, библиотековедение, метрология и хронология, геральдика, генеалогия, сфрагистика. По всем предметам Колесников получил оценку «отлично».

Октябрьскую социалистическую революцию Колесников встретил сочувственно и доброжелательно. Его богатые знания и опыт нашли применение в архивном и музейном деле, а также в преподавательской работе. В мае 1921 г. он защитил в Воронежском государственном университете магистерскую диссертацию (неопубликованную) на тему «Древнерусские рукописи как исторический источник. Опыт палеографического и дипломатического исследования документальной письменности XV—XVIII вв.» (в двух частях). Историко-филологический факультет Воронежского университета предоставил Колесникову право самостоятельно занятия кафедры русского языка и словесности в объеме прав, предоставлявшихся по ученой степени магистра русского языка и словесности. В 1940 г. ему была присвоена ученая степень доктора.

С 1922 по 1937 г. Колесников работал в библиотеке при ГИМ в должности заведующего отделами археологии и вспомогательных исторических дисциплин и обработки книг, с 1937 по 1945 г. — в ГАФКЭ (ныне ЦГАДА). В 1945—1952 гг. Колесников — профессор МГИАИ по двум кафедрам: вспомогательных исторических дисциплин и теории и практики архивного дела.

В памяти своих сослуживцев и учеников И. Ф. Колесников остался не только как ученый и педагог, но и как общественник. Так, в 1930—1931 гг. он был деканом библиотечного культурмейского университета; в 1932 г. инструктировал работы по составлению систематического и предметного каталогов в библиотеке рабочего клуба им. Зуева.

Во время Великой Отечественной войны Колесников вступил в ряды Коммунистической партии. Это был шаг обдуманый и закономерный для человека, вышедшего из народа и всю жизнь отдававшего ему свои силы, опыт, знания.

Партия и правительство высоко оценили научную, педагогическую, общественную деятельность Колесникова. В связи с 25-летием архивного дела в СССР (1943 г.) он был награжден орденом «Знак почета».

22 октября 1952 г. И. Ф. Колесников скончался. Все знавшие Ивана Филипповича хранят о нем самые добрые воспоминания. Я узнал его поздно, в последние годы его жизни, когда мы вместе работали в Историко-архивном институте. Маленький, сгорбленный старичок с ласковыми глазами, доброжелательно смотревшими на тех, кто его окружал. Они как бы источали желание помочь, научить тому, что сам знал этот большой ученый и очень простой и хороший человек. Особенно приятно было его наблюдать в окружении молодежи, студентов, аспирантов, которых привлекала к себе его простота, скромность, сердечность. Общение с

И. Ф. Колесниковым воочию показывало молодым людям, что лишь непрерывный, терпеливый долголетний труд в архивах дает право сказать новое слово в науке. Ведь не так часто им приходилось видеть человека, который многие часы, дни и годы потратил на разбор архивных фондов, описание документов; который стольких учеников своих обучил грамоте архивного дела и навыкам исследовательского труда. И все это было для него не повинностью, не нагрузкой, а таким естественным делом, без которого жить он не мог. Выполнение человеческой потребности становилось выполнением жизненного долга.

* * *

К сожалению, из научного творческого наследия И. Ф. Колесникова до нас дошло сравнительно немного. Ряд работ при его жизни не был опубликован, а сейчас, после смерти ученого, их найти не удастся. Одной из причин этого является присущая Колесникову черта. Будучи натурой глубоко творческой, он часто оказывался беспомощным в реализации продуктов своего труда. Он жил в сложное время войн и революций, когда не легко было доводить до печатного станка продукцию, рассчитанную на мирные времена, его больше интересовало создание нового, чем заботило опубликование ранее написанного, а его окружающие не проявили в этом деле необходимой заботы.

В списке, имеющемся в личном деле Колесникова в ЦГАДА (доведенном до 30-х годов), значится 21 его работа. В статье «Памяти И. Ф. Колесникова» перечислено 38 трудов, опубликованных и рукописных (перечень кончается 40-ми годами). Характер работ — самый разнообразный: конспекты лекций и пособия по палеографии, архивоведению, сборники документов, описи архивных фондов, статьи на историко-ведческие темы, библиографические обзоры и т. д. Сохранилось, как сказано, не все. О судьбе части рукописей сказать ничего нельзя (следует ли и где их искать или они вообще погибли)². Особенно жаль, что утрачены следы магистерской диссертации Колесникова.

Может быть, в силу отсутствия цельного архива Колесникова его деятельность почти еще не получила оценки в советской печати³. А настала пора восполнить этот пробел.

* * *

В жизни каждого ученого бывают моменты, когда он чувствует потребность теоретически осмыслить свой творческий путь: подвести итоги завершенным замыслам, наметить ближайшие и более отдаленные перспективы новых исканий, а главное — привести в определенную систему цели, задачи, приемы своей творческой лаборатории.

Колесников дважды в своей жизни проделал такого рода обобщающую работу и ее итоги отразились в двух небольших, но содержательных трудах. Это, во-первых, актовая речь на тему «Древние рукописи. От памятника старины до исторического источника» (произнесенная в Московском археологическом институте в 1913 г. и опубликованная в 1914 г.); во-вторых, статья, напечатанная в 1940 г. в журнале «Архивное дело» под заголовком «Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для истории и архивной работы»⁴. Оба названных очерка могут служить путеводными вехами, отмечающими определенные грани в творче-

² По наведенным справкам архивного фонда Колесникова нет в МГИАИ и архиве ГИМ — учреждений, в которых он работал. Отдельные рукописные труды имеются лишь в ЦГАДА.

³ Мой доклад о Колесникове, как указано, при его жизни напечатан не был, а после его смерти в значительной части вошел в состав некролога памяти покойного.

⁴ АД, 1940, № 2 (54), с. 12—18; № 3 (55), с. 32—43.

ской биографии Колесникова как ученого и гражданина. Эти очерки отделены друг от друга целым тридцатилетием, наполненным величайшими событиями в истории человечества. Если актовая речь прозвучала накануне первой империалистической войны, то статья о вспомогательных исторических дисциплинах была напечатана незадолго до Великой Отечественной войны народов Советского Союза против фашизма. Естественно, что в этой последней работе автор, обогащенный опытом Октябрьской социалистической революции, сам посвятивший много лет социалистическому строительству на фронте архивного дела, уже по-иному подходит к определению задач, целей, приемов историковедения, археографа, работника в области вспомогательных исторических дисциплин. Если раньше, в дореволюционных условиях, он рассматривал труд по изучению рукописей как «подвижничество, ученое подвижничество»⁵, то сейчас это определение для него приобретает новое содержание и смысл — выполнение научного долга перед страной и обществом, одно из звеньев общей большой коллективной работы по созданию высококачественной советской исторической науки. «Великая Октябрьская революция, — пишет Колесников, — открыла новые пути развития исторической науки в СССР. Интерес к подлинно научному, объективному изучению прошлого сильно возрос. Ни одна серьезная историческая работа не обходится без постоянных справок по первоисточникам и без основательного изучения их. Работа же по первоисточникам, по рукописным материалам наших исторических архивов требует, в свою очередь, основательного знакомства с рядом вспомогательных исторических дисциплин»⁶.

Таким образом, деятельность Колесникова как археографа и архивиста имеет патриотическую направленность. В 1914 г. он писал: наградою «ученым-подвижникам» «за понесенные безмерные труды служило сознание, что то малое, что каждый из них делал, вырастет в большое: из тщательно подготовленного, с любовью, по крупицам собранного материала творческий ум будущего историка воздвигнет величественное, прекрасное здание отечественной истории, достойное нашей дорогой и великой Родины»⁷. В советское время ученый вкладывает в понятие патриотизма более глубокое значение, так как речь идет о гордости за науку советскую, движущуюся, говоря словами Колесникова, «по новым путям развития»⁸.

Колесников всячески подчеркивал, что условия расширения наших знаний о прошлом, роста просвещения, подъема истории как науки является овладение архивными материалами. Под влиянием архивной документации назрели новые научные вопросы, на которые повествовательные источники не давали полных и точных ответов. «Течение исторической мысли изменило свое русло в сторону внутренней жизни народа, его социальных и хозяйственно-экономических отношений, правового положения различных классов населения», «культурных и просветительных начинаний». «Произошло перемещение центра тяжести с изучения внешней истории на историю внутренних отношений»⁹. В речи в память известного архивного деятеля Н. В. Калачева Колесников ставил ему в заслугу то, что он понимал «великое научное значение архивов, а вместе с тем и важность знаний об архивах». Если бы общество поняло, — гово-

⁵ Колесников И. Ф. Древние рукописи. (От памятника старины до исторического источника). — Отчет Московского археологического института. М., 1914, с. 20.

⁶ Колесников И. Ф. Палеография документальной (архивной) письменности. — АД, 1939, с. 14.

⁷ Колесников И. Ф. Древние рукописи, с. 20.

⁸ Там же, с. 4.

⁹ Колесников И. Ф. Исторический обзор архивного законодательства в связи с историей и современным состоянием архивов на Западе и в России. Пособие к лекциям по архивоведению, читанным в Московском Археологическом институте в 1908/1909 г. М., 1909 (литогр.), с. 4.

рил в этой речи Колесников, — что основы исторических и историко-юридических наук хранятся в архивах и что знание прошлого служит ключом к истинному пониманию настоящего, что у нас немислимо было бы более чем равнодушное отношение к архивам, позволяющее огромной массе исторических материалов гибнуть от пожаров, сырости и людского невежества»¹⁰.

С тех пор как это было написано, прошло много времени. После Октябрьской революции состояние архивного дела коренным образом изменилось. Оно стало делом общественным и государственным. Задачей Колесникова теперь было уже не преодоление равнодушия к архивам, а практическое участие в архивном строительстве и передача своих знаний и опыта архивным работникам. Работая в Центральном государственном архиве древних актов, он вместе со своими сотрудниками и студентами разобрал, описал, подготовил для использования ценные фонды¹¹. К описям, подготовленным Колесниковым, обращаются и будут обращаться десятки и сотни исследователей, в ряде случаев не знающих, кто их составил, а часто даже не интересующихся этим, но историческая наука должна запомнить имя составителя и оценить его труд. Колесников имел все основания в 1913 г. писать, что труд археографа, требующий от него широкого образования, общего и специального, «большой опытности и навыка к работе, — все-таки только труд чернорабочего и его работа — *черновая* работа, мимо которой большинство пройдет без внимания и понимания. Давая материал для десятков ученых диссертаций, самому археографу она не сулит ни славы, ни известности, ни ученых степеней и денег»¹². Это не жалоба, а описание того, что действительно было. С этим следовало бороться, а средством борьбы для Колесникова являлись подъем роли архивов как хранилищ рукописных богатств и совершенствование специальных знаний, необходимых археографу.

Задачи археографа он понимал широко — «сохранить памятники от разрушения и порчи, дать хорошее описание их, определить подлинность

¹⁰ Колесников И. Ф. Николай Васильевич Калачов как архивовед. (Речь, произнесенная на открытом заседании Совета Московского Археологического института 31 октября 1910 г.). М., 1911, с. 2.

¹¹ Привожу составленную Е. Л. Фридберг, по моей просьбе, справку о приготовленных Колесниковым описях.

Фонд 229. Малороссийский приказ. Опись 4. Документы 1649—1722 гг. Составлена в 1940—1943 гг. Описано 233 столбца. Дано изложение содержания каждого фонда с указанием количества в нем листов. Всего в описи 186 листов. Опись рукописная.

Фонд 1111. Верхотурская приказная изба. Опись 1, части 1—4. Составлена в 1939—1941 гг. Описано 340 столбцов с изложением их краткого содержания. Документы 20—80-х годов XVII в. Опись рукописная, ч. 1—97 л., ч. 2—73 л., ч. 3—194 л., ч. 4—228 л.

Фонд 371. Преображенско-Семеновский приказ. 4-я опись столбцов Преображенского приказа, хранившихся в секретном отделении бывшего Московского Министерства юстиции. Выделены документы Преображенского приказа из фонда, где они находились вместе с другими документами и составляли там 54% единиц хранения. Остальные документы относились к Малороссийскому, Земскому, Печатному приказам, Приказу Большого Дворца, Московскому судному и другим приказам. Основная часть документов — 1693—1722 гг. Дано краткое изложение содержания столбцов. Описан 371 столбец. Составлены предисловие к описям и таблицы соотношения нумерации столбцов в старой и новой описях. Опись перепечатана на машинке.

В ЦГАДА сохранился личный портфель И. Ф. Колесникова (показан мне Т. С. Ивановой) с материалами (разрозненными), относящимися к его работе над столбцами Преображенского приказа (отрывок предисловия к описанию — автограф; отрывок стенограммы обсуждения на кафедре архивоведения доклада Колесникова «Состав, содержание и научная обработка секретных фондов Преображенского приказа», машинописный; таблица номеров столбцов в старых описях и соответствующие им номера фондов в новых; отдельные выписки из документов, заметки, конспекты.

¹² Колесников И. Ф. Древние рукописи, с. 20.

свое первоначальное значение, так же как и термин «дипломатика»; название науки явно устарело и не соответствует вполне ни объему, ни содержанию понятия дисциплины, носящей это название. Упоминание о «древности» (palaios) суживает предмет палеографии»²¹.

Следующее по значению место после палеографии в ряду вспомогательных исторических дисциплин Колесников отводит дипломатике, к которой подходит опять-таки с точки зрения возможности использования ее данных при изучении архивных фондов. «Для архивной работы,— говорит Колесников,— дипломатика, как и палеография, имеет огромное значение. Нет ни одного вида архивной работы, где бы не нужна была помощь этой дисциплины, особенно описательной ее части: она содержит много полезных сведений непосредственно для работы над архивными материалами. Прежде всего она знакомит с *делопроизводческой терминологией* каждой эпохи,— эпохи приказов, эпохи коллегий и эпохи министерств,— с видами и разновидностями публично-правовых и частных актов, с их формулярами, с формами документов и бумаг делопроизводства разных учреждений и т. п.» И тут же автор подчеркивает, как и в отношении палеографии, необходимость обратить особое внимание на документы нового времени, так как «в существующих курсах и учебниках дипломатики лучше всего разработана дипломатика приказного строя»²².

В 1939 г. Колесников выступил в печати с проектом создания в ГАФКЭ научного центра, который руководил бы разработкой вопросов изучения палеографии и дипломатики документальной архивной письменности и «инструктировал работников, привлекая в качестве консультантов крупных ученых специалистов»²³.

Колесников явился организатором одного очень интересного и нужного начинания — словаря терминов, встречающихся в архивных документах. «Все без исключения словари,— указывал Колесников,— составлены только по печатным материалам, а не опубликованный в печати огромный и разнообразный материал, над которым приходится работать архивисту ГАФКЭ, не затронут им вовсе. Работникам архива самим уже приходится заполнять этот пробел, составляя по документам, в процессе текущей работы над ними, также и словарь терминов, встречающихся в разбираемых или описываемых документах. Работа эта по собиранию материала для терминологического словаря документальной письменности вызвана самой настоятельной необходимостью иметь такой справочный аппарат при обработке архивных материалов»²⁴.

И вот группа энтузиастов Архива древних актов во главе с И. Ф. Колесниковым в 1938 г. приступила к этому большому и плодотворному труду. По словам Колесникова, были заполнены терминами 3000 карточек²⁵. Тематика словаря: политический строй; структура и деятельность органов государственной власти; классы населения и классовые взаимоотношения; собственность и имущественные отношения; повинности населения и тягло; землевладение, землепользование и сельское хозяйство; ремесло и промыслы; фабрично-заводская промышленность; строительное дело; торговля; транспорт и пути сообщения; деньги, метрология; поселения; жилища; предметы домашнего обихода; быт и нравы; культура и просвещение; наука и искусство; письменность. Колесников говорит, что это лишь примерный список²⁶.

²¹ Колесников И. Ф. Вспомогательные исторические дисциплины, с. 17.

²² Там же, с. 25.

²³ Колесников И. Ф. Палеография документальной (архивной) письменности, с. 35.

²⁴ Там же, с. 32.

²⁵ Колесников И. Ф. Палеография документальной (архивной) письменности, с. 32. В некрологе «Памяти И. Ф. Колесникова» дана цифра 2000 (с. 234). К сожалению, мне не удалось найти в ЦГАДА эту картотеку: никто не мог мне указать ее следы.

²⁶ Колесников И. Ф. Палеография документальной (архивной) письменности, с. 32.

В своих работах Колесников применял методы палеографического и дипломатического анализа документов, используя наблюдения над формулярами, содержанием, графикой и т. д. Образцом такого анализа является его статья «Экспертиза «подметного письма» XVII в.»²⁷. Речь идет об авторе письма, представленного в Верховтурскую приказную избу в 1686 г. Имя автора выявляется в результате целого ряда очень тонких приемов внешней и внутренней критики.

Круг вспомогательных дисциплин, которыми занимался Колесников, очень широк: кроме палеографии и дипломатики эпиграфика, сфрагистика, геральдика, нумизматика, метрология, хронология, историческая география. Ко всем этим дисциплинам Колесников подходит все с тем же критерием, который его предшественники использовали недостаточно: в какой мере та или иная дисциплина может помочь историку-архивисту.

Закончить очерк об Иване Филипповиче Колесникове хочется выдержками из его личного дела как читателя ГАФКЭ-ЦГАДА. Читательские дела ученых — важный источник для изучения их авторской лаборатории. Но я сейчас хочу говорить не об этом, а об общем облике И. Ф. Колесникова как ученого. Бросается в глаза его анкета 1941 г., в которой сказано, что он работал «во всех московских архивах с 1907 года и до настоящего времени». С 1907 по 1941 г. — это 35 лет — большая полоса жизни творца-чернорабочего (в высоком понимании этого слова). И самая дата заполнения анкеты заставляет задуматься. Это почти казун Отечественной войны (февраль 1941 г.). Надвигаются грозные события. А Иван Филиппович — на посту в архиве, подбирает материал для темы «Волнения и голодные бунты в губерниях Саратовской, Курской, Московской и других во время второй русско-турецкой войны 1787—1791 гг.» и 27 марта 1948 г., уже 75 лет отроду, И. Ф. Колесников подает заявление начальнику ЦГАДА с просьбой о разрешении скопировать дело № 217 из разряда XIV Госархива²⁸. В 75 лет он работает как 35 лет назад. И не удивляешься тому, что постоянное обращение к документам родной старины придавало ему душевную бодрость, свежесть ума, ту вечную молодость, которую не могло победить и бегущее вперед время.

²⁷ Колесников И. Ф. Экспертиза «подметного письма». — ТМГИАИ, т. 7. М., 1954, с. 209—222.

²⁸ Эти данные собраны Е. Л. Фридберг.

А. И. Юхт

ОБ ИЗДАНИЯХ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ»
В. Н. ТАТИЩЕВА

«История Российская» Василия Никитича Татищева является не только фундаментальным трудом по отечественной истории, созданным в XVIII в., но и самым выдающимся памятником исторической мысли этого столетия. По глубокому определению С. Н. Валка, «История Российская» составила «эпоху в развитии русской историографии»¹. Этот труд был делом всей жизни Татищева, над созданием его он неустанно и напряженно работал на протяжении 30 лет. А. И. Андреев и С. Н. Валк проследили основные этапы подготовки Татищевым «Истории Российской»². В частности, С. Н. Валк показал, что общие взгляды Татищева на задачи и характер своего труда в процессе его создания претерпели изменения³. В итоге мы имеем не одну, а две существенно различные редакции «Истории Российской».

Вначале Татищев хотел написать труд по истории России на современном ему литературном языке. Изложение в нем должно было вестись не по годам, как в летописях, «а в порядке событий», т. е. так, как в современных ему исторических работах. Именно с таким намерением Татищев и приступил к работе над второй частью своей «Истории», охватывающей период с вокняжения Рюрика до татаро-монгольского нашествия (860—1238 гг.). Следы этой работы не сохранились.

Однако вскоре он отказался от первоначального плана. Татищев опасался, что если он будет придерживаться принятого им порядка изложения событий, то фактический материал его «Истории» трудно будет проверить по источникам, тем более что они не сосредоточены в государственных хранилищах и библиотеках, а имеются у многих частных лиц. Отсутствие же возможности проверки его труда может вообще подорвать к нему доверие. Поэтому он решил писать «Историю» «тем порядком и наречием, каковы в древних находятся», т. е. следуя летописям⁴.

Совершенно очевидно, что строгое следование летописному изложению исключало возможность для Татищева непосредственно в тексте своего труда подвергать известия летописей критике, проводить сопоставления русской истории с западной, византийской и восточной, давать объ-

¹ Валк С. Н. О «всемирном умопросвящении» В. Н. Татищева.— В кн.: Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 169.

² Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России.— В кн.: Татищев В. Н. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, с. 5—38. См. вступительные статьи С. Н. Валка, помещенные в каждом из семи томов академического издания «Истории Российской» В. Н. Татищева (М.—Л., 1962—1968). См. также: Корецкий В. И. Первое письмо В. Н. Татищева о создании «Истории Российской».— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 438—444.

³ См. вступительную статью С. Н. Валка к т. II «Истории Российской» В. Н. Татищева (М.—Л., 1963, с. 5—20); *Он же*. В. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы.— В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.—Л., 1966, с. 66—73.

⁴ Татищев В. Н. История Российская, т. I, с. 90—91.

В своих работах Колесников применял методы палеографического и дипломатического анализа документов, используя наблюдения над формулярами, содержанием, графикой и т. д. Образцом такого анализа является его статья «Экспертиза «подметного письма» XVII в.»²⁷. Речь идет об авторе письма, представленного в Верхотурскую приказную избу в 1686 г. Имя автора выявляется в результате целого ряда очень тонких приемов внешней и внутренней критики.

Круг вспомогательных дисциплин, которыми занимался Колесников, очень широк: кроме палеографии и дипломатики эпиграфика, сфрагистика, геральдика, нумизматика, метрология, хронология, историческая география. Ко всем этим дисциплинам Колесников подходит все с тем же критерием, который его предшественники использовали недостаточно: в какой мере та или иная дисциплина может помочь историку-архивисту.

Закончить очерк об Иване Филипповиче Колесникове хочется выдержками из его личного дела как читателя ГАФКЭ-ЦГАДА. Читательские дела ученых — важный источник для изучения их авторской лаборатории. Но я сейчас хочу говорить не об этом, а об общем облике И. Ф. Колесникова как ученого. Бросается в глаза его анкета 1941 г., в которой сказано, что он работал «во всех московских архивах с 1907 года и до настоящего времени». С 1907 по 1941 г. — это 35 лет — большая полоса жизни творца-чернорабочего (в высоком понимании этого слова). И самая дата заполнения анкеты заставляет задуматься. Это почти канун Отечественной войны (февраль 1941 г.). Надвигаются грозные события. А Иван Филиппович — на посту в архиве, подбирает материал для темы «Волнения и голодные бунты в губерниях Саратовской, Курской, Московской и других во время второй русско-турецкой войны 1787—1791 гг.» и 27 марта 1948 г., уже 75 лет отроду, И. Ф. Колесников подает заявление начальнику ЦГАДА с просьбой о разрешении скопировать дело № 217 из разряда XIV Госархива²⁸. В 75 лет он работает как 35 лет назад. И не удивляешься тому, что постоянное обращение к документам родной старины придавало ему душевную бодрость, свежесть ума, ту вечную молодость, которую не могло победить и бегущее вперед время.

²⁷ Колесников И. Ф. Экспертиза «подметного письма». — ТМГИАИ, т. 7. М., 1954, с. 209—222.

²⁸ Эти данные собраны Е. Л. Фридберг.

А. И. Юхт

ОБ ИЗДАНИЯХ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ» В. Н. ТАТИЩЕВА

«История Российская» Василия Никитича Татищева является не только фундаментальным трудом по отечественной истории, созданным в XVIII в., но и самым выдающимся памятником исторической мысли этого столетия. По глубокому определению С. Н. Валка, «История Российская» составила «эпоху в развитии русской историографии»¹. Этот труд был делом всей жизни Татищева, над созданием его он неустанно и напряженно работал на протяжении 30 лет. А. И. Андреев и С. Н. Валк проследили основные этапы подготовки Татищевым «Истории Российской»². В частности, С. Н. Валк показал, что общие взгляды Татищева на задачи и характер своего труда в процессе его создания претерпели изменения³. В итоге мы имеем не одну, а две существенно различные редакции «Истории Российской».

Вначале Татищев хотел написать труд по истории России на современном ему литературном языке. Изложение в нем должно было вестись не по годам, как в летописях, «а в порядке событий», т. е. так, как в современных ему исторических работах. Именно с таким намерением Татищев и приступил к работе над второй частью своей «Истории», охватывающей период с вокняжения Рюрика до татаро-монгольского нашествия (860—1238 гг.). Следы этой работы не сохранились.

Однако вскоре он отказался от первоначального плана. Татищев опасался, что если он будет придерживаться принятого им порядка изложения событий, то фактический материал его «Истории» трудно будет проверить по источникам, тем более что они не сосредоточены в государственных хранилищах и библиотеках, а имеются у многих частных лиц. Отсутствие же возможности проверки его труда может вообще подорвать к нему доверие. Поэтому он решил писать «Историю» «тем порядком и наречием, каковы в древних находятся», т. е. следуя летописям⁴.

Совершенно очевидно, что строгое следование летописному изложению исключало возможность для Татищева непосредственно в тексте своего труда подвергать известия летописей критике, проводить сопоставления русской истории с западной, византийской и восточной, давать объ-

¹ Валк С. Н. О «всемирном умопросвящении» В. Н. Татищева.— В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 169.

² Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России.— В кн.: Татищев В. Н. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, с. 5—38. См. вводящие статьи С. Н. Валка, помещенные в каждом из семи томов академического издания «Истории Российской» В. Н. Татищева (М.—Л., 1962—1968). См. также: Корецкий В. И. Первое письмо В. Н. Татищева о создании «Истории Российской».— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 438—444.

³ См. вводящую статью С. Н. Валка к т. II «Истории Российской» В. Н. Татищева (М.—Л., 1963, с. 5—20); *Он же*. В. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы.— В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.—Л., 1966, с. 66—73.

⁴ Татищев В. Н. История Российская, т. I, с. 90—91.

яснения и оценку событиям. Все это Татищев мог сделать только в примечаниях. Таких примечаний к первой редакции второй части «Истории Российской» насчитывается 500, а ко второй — 650. Они составляют примерно 1/5 текста.

В 1746 г. Татищев завершил работу над первой редакцией второй части «Истории», написанной на «древнем наречии», но она его в настоящем виде уже не удовлетворяла. Татищев считал, что она теперь пригодна только для хранения в архиве или академической библиотеке. Рукопись была прислана им в Академию наук в 1746 г. (ныне она хранится в ОР БАН под шифром 17. 17. 11). Историки длительное время не знали о ее существовании. Она не вошла в первое издание «Истории Российской» и опубликована лишь в наше время.

С. Н. Валк выяснил причины, которые побудили Татищева переработать свой труд и написать его на современном ему литературном языке («в настоящее наречие переложить»), т. е. составить новую редакцию. Татищев решил сделать «Историю Российскую» доступной для читателя, ибо древний язык «не всякому может быть вразумителен»⁵. Во второй редакции Татищев по-прежнему сохранил погодное изложение событий, но, перелагая на новое наречие текст, подверг его значительной переработке. Чтобы сделать текст более выразительным и ярким, усилить его эмоциональное воздействие на читателя, Татищев при переработке привлек дополнительные источники: Степенную книгу, хронографы и другие памятники древнерусской литературы.

Принимая решение о составлении новой редакции своего труда, Татищев исходил также из патриотических соображений. Он неоднократно отмечал, что многие книги зарубежных авторов о России содержат грубые ошибки и «лживыми оскорблениями заполнены». Написание оригинальных трудов по истории и географии Татищев считал одним из важнейших средств борьбы с извращениями прошлого России в сочинениях иностранцев. В частности, он полагал, что его «История» нужна не только русскому читателю, «но и всему ученому миру», что в результате ее издания «неприятелей наших, яко польских и других, басни и сущие лжи, к поношению наших предков вымышленные, обличатся и опровергнутся»⁶. Но чтобы «Историю Российскую» сделать доступной «ученому миру», ее надо, считал Татищев, перевести на один из европейских языков. Лишь в этом случае она может оказать воздействие на европейскую историческую литературу и общественную мысль. А это, разумеется, легче и удобнее сделать, когда она будет написана на современном литературном языке, а не на древнем наречии⁷.

Татищеву не удалось полностью осуществить свой замысел. Он успел переработать (т. е. составить вторую редакцию) только вторую часть своего труда. Третья (1238—1462 гг.) и четвертая (1462 — начало XVII в.) части не были завершены им и написаны на древнем наречии самих летописных источников. Что касается первой части, посвященной древнейшему, долетописному, периоду истории Руси и основанной главным образом на иностранных источниках и литературе, то она была, естественно, написана на современном литературном языке.

Татищев в 1748 г. вступил в переговоры с Академией наук об издании «Истории Российской». В целом к его предложению отнеслись положительно. Но при жизни Татищева оно не было реализовано главным образом потому, что он не успел полностью завершить свой труд, а после его смерти (15 июля 1750 г.) академическое начальство к этому вопросу уже не возвращалось⁸.

⁵ Татищев В. Н. История Российская, т. I, с. 91.

⁶ Андреев А. И. Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг.— ИА, 1951, т. VI, с. 250—252, 254.

⁷ Татищев В. Н. История Российская, т. I, с. 91.

⁸ Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России, с. 35.

Первое издание «Истории Российской» было предпринято по инициативе Московского университета в 60-х годах XVIII в. Руководство изданием было возложено на доктора медицины проф. С. Г. Зыбелина. Однако публикация столь сложного памятника требовала соответствующих знаний и подготовки, которыми Зыбелин не обладал. Поэтому после того как были напечатаны три листа первой части «Истории Российской», ведение издания было передано в руки известного историка Г. Ф. Миллера.

Миллер высоко ценил научные труды В. Н. Татищева, был озабочен их судьбой. Еще при жизни Татищева Миллер обращался к Академии наук с предложением приобрести все рукописи и книги первого русского ученого-историка, высказывая опасения, что после его смерти они могут пропасть. Однако к его призывам не прислушались. К сожалению, случилось худшее, и опасения Миллера оправдались. Многие рукописные книги, выписки из архивов, сделанные Татищевым, и отчасти его труды, записки исчезли и, по-видимому, навсегда оказались утраченными для науки. К этому следует добавить, что Миллер еще в середине 50-х годов ставил вопрос об издании трудов Татищева, и прежде всего «Истории Российской»⁹.

Что вошло в первое издание «Истории Российской» и как оно было встречено научной общественностью? Миллер опубликовал первую и вторую части татищевского труда в трех книгах (М., 1768—1774), причем вторую часть — во второй ее редакции. Вскоре же после выхода первых книг «Истории Российской» это издание подверглось резкой критике. Миллеру ставили в вину, что он, во-первых, пользовался неисправными, «худыми списками», а не подлинниками и, во-вторых, произвольно правил татищевский текст, опуская или сокращая некоторые суждения автора. Критики первого издания по существу основывались на тех разъяснениях, которые были сделаны Миллером во вступительных статьях к первым трем книгам. Никто из критиков, замечает С. Н. Валк, не располагал ни теми рукописями, которые были у Миллера (они исчезли и не обнаружены до сих пор), ни какими-либо другими рукописями «Истории Российской»¹⁰.

Какими же рукописями пользовался Миллер при подготовке к печати труда Татищева? Не было ли у него в руках таких списков, которые содержали бы редакцию «Истории Российской», не дошедшую до нашего времени? Чтобы ответить на эти вопросы, надо хотя бы кратко остановиться на судьбе татищевских рукописей.

После смерти В. Н. Татищева в июле 1750 г. кабинет-министр И. А. Черкасов потребовал от Евграфа, сына Василия Никитича, чтобы он немедленно доставил в Кабинет императрицы Елизаветы Петровны все рукописи отца, относящиеся к истории. И. А. Черкасова, с которым В. Н. Татищев поддерживал дружеские отношения с начала 20-х годов XVIII в., беспокоила судьба татищевских рукописей. Зная о безразличном отношении Евграфа к научным занятиям отца, Черкасов отнюдь не был уверен, что он сумеет сохранить бумаги Василия Никитича. Евграф Татищев не сразу выполнил это требование. Только после настоячивых напоминаний и угрозы доложить императрице о неприсылке рукописей он в ноябре 1751 г. доставил в Кабинет все четыре части «Истории Российской», представлявшие собой автографы Татищева или копии, читанные и правленные им (за исключением, может быть, четвертой части).

Судьба этих рукописей оказалась сложной. Первая и вторая части каким-то образом попали в руки Воронцовых и сохранились в их архиве.

⁹ Валк С. Н. О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В. Н. Татищева.— В кн.: Татищев В. Н. История Российская, т. VII. Л., 1968, с. 33—35.

¹⁰ Валк С. Н. О рукописях первой части «Истории Российской» В. Н. Татищева.— В кн.: Татищев В. Н. История Российская, т. I, с. 56.

Третья часть осталась в Кабинете и позже была передана в Московский архив Коллегии иностранных дел (ныне ЦГАДА), четвертая часть пропала. Миллер о кабинетских рукописях Татищева ничего не знал. Е. Татищев, прежде чем передать рукописи «Истории Российской» в Кабинет, снял с них копии. Копии первой и второй части (во второй ее редакции) он передал для опубликования Московскому университету. Эти копии были изготовлены неопытными переписчиками и содержали много ошибок. Отсюда жалобы Миллера на «худой список» татищевской истории, который «на каждой почти странице такая произвел затруднения, что потребно было сыскать другой список, дабы по сличению обоих, испорченные, невразумительныя и пропущенныя слова исправить и пополнить»¹¹.

В поисках другого, лучшего списка Миллер обратился к И. К. Тауберту, который разрешил ему снять копию с татищевского труда. К Тауберту эти списки перешли от его тестя — советника Канцелярии Академии наук И. Д. Шумахера, в свое время получившего их от В. Н. Татищева.

С. Н. Валк путем сверки текста пришел к выводу, что первая копия, которой пользовался Миллер, вполне тождественна (за исключением явной правки Миллера) Воронцовскому списку первой части «Истории Российской», т. е. списку, который положен публикаторами в основу нового (академического) издания. Это заключение полностью подтверждается и ошибкой, имеющейся в Воронцовском списке. В нем неправильно пронумерованы два листа — л. 118 предшествует л. 117. Миллер не обратил внимания на эту путаницу листов и в печатном издании эти листы также помещены в ошибочной последовательности. Второй список (таубертовская копия) является копией вида Академического списка, который приводится в вариантах нового издания и служит тем же целям исправления неисправностей и ошибок, имеющих в Воронцовском списке, как и в издании Миллера.

«Таким образом, — делает вывод С. Н. Валк, — положение Миллера было вполне аналогично нынешнему нашему»¹², т. е. публикаторов нового издания. В Академическом списке, отражающем более раннюю стадию работы Татищева над текстом, первая часть «Истории Российской» разделена на 49 глав. Одна глава была посвящена истории государственного герба. Текст этой главы Татищев послал кому-то. Главу не вернули, а копия ее потерялась. Не располагая в Болдино материалами, Татищев не имел возможности написать заново эту главу и ограничился тем, что кратко изложил ее содержание в конце главы 45. Именно поэтому в Воронцовском списке, запечатлевшем позднюю стадию работы Татищева, насчитывается 48 глав. Это обстоятельство, отмечает Валк, служит еще одним доказательством, что таубертовская копия, с помощью которой Миллер правил текст, является копией вида Академического списка¹³.

Как уже было сказано, Миллер указывал на неисправности списков, которые были им использованы при подготовке к печати татищевского труда, но это не его вина. Подлинники рукописей хранились в Кабинете императрицы, и Миллер даже не предполагал об их существовании. Можно сказать, что первый издатель сделал все возможное в тогдашних условиях, чтобы дать читателю текст «Истории Российской» в наиболее исправном виде. Предвидя упреки в отношении издания, тем более, что «не все ошибки исправлены быть могли», Миллер писал: «Все по надлежащему, и как важность дела требует, исправить» можно будет лишь тогда, когда станет возможным пользоваться «самими подлинниками сочинительскими или сочинителем употребленными как печатными, так и

¹¹ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен, кн. 2. М., 1773. Предисловие, с. 2.

¹² Валк С. Н. О рукописях первой части «Истории Российской» В. Н. Татищева, с. 69.

¹³ Там же.

письменными книгами»¹⁴. Такая возможность представилась почти два столетия спустя.

Что касается критических замечаний в отношении передачи текста рукописи в первом издании «Истории Российской», то они в целом справедливы. В предисловии к первой книге отмечалось, что согласно университетскому определению издатель не имеет намерения «ни в слоге, ни в мнениях покойного сочинителя принимать участия», но ставит своей целью, «исправив явныя только погрешности переписчиков, все точно так напечатать, как в подлиннике написано»¹⁵. То же было повторено и в предисловии к третьей книге. Правда, здесь же Миллер заявил о своей правке татищевского текста. В рукописи «ничего не переменено, ни пропущено, разве где особливые сочинителевы рассуждения без ущерба Истории необходимо того требовали»¹⁶.

Чаще всего сокращению или правке со стороны Миллера подвергался текст, касающийся высказываний Татищева об отдельных лицах. Вот несколько примеров. Татищев пишет, что граф Мусин «яко человек великаго лицемерства и коварства исполненный»¹⁷. Слова, взятые в кавычки, опущены Миллером. У Татищева: «И хотя оной Демидов чрез его богатство имел сильных помосчников, однако ж мое следствие...»¹⁸. Этот текст в первом издании заменен словами «Сие следствие...» и т. д. Для Миллера в ряде случаев характерны стилистическая правка, модернизация текста, введение в текст пояснительных вставок. В новом издании «Истории Российской» в вариантах приводятся примеры произвольной правки Миллера.

К первым двум книгам Миллер составил хронологическую таблицу и указатели: исторический (т. е. предметный и именной), географический, росписи браков, рождения и смерти князей.

В предисловии к третьей книге Миллер указывал, что университет располагает рукописями только двух частей татищевского труда, в которых изложение доводится до татаро-монгольского нашествия (1238 г.). Между тем известно, что в сочинении Татищева описание истории России доведено почти до конца XVI в. Извещая о намерении Московского университета завершить публикацию «Истории Российской», Миллер обращался к читателям, имеющим рукописи татищевского труда, с просьбой сообщить ему об этом. Ибо издание его важно «как для услуги обществу, так и в рассуждении толь заслуженного мужа, которого память того требует, чтоб общепользных его трудов ничего в безизвестности не осталось»¹⁹.

Публикация третьей части «Истории Российской», охватывающей период с 1238 по 1462 г., задержалась на целых 10 лет, причем не по вине Миллера. Типография Московского университета была сдана в аренду, а у Миллера, по его словам, не было средств, чтобы оплатить расходы по выпуску третьей части татищевского труда. Издание этой части было предпринято в 1783 г. по инициативе Екатерины II в связи с ее занятиями историей. Императрица поручила это дело своему придворному гр. А. В. Олсуфьеву, который обратился к Миллеру с просьбой прислать копию с имеющейся у него рукописи третьей части. С первых же шагов Олсуфьев убедился, что выполнение поручения императрицы отнюдь не является таким простым делом, как он себе представлял. Поэтому он при-

¹⁴ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен, кн. 3. М., 1774, с. 2 об.

¹⁵ Там же, кн. 1. М., 1768, с. 1.

¹⁶ Там же, кн. 3. с. 2 об.

¹⁷ Татищев В. Н. История Российская, т. I, с. 87. Имеется в виду сенатор, глава Монастырского приказа И. А. Мусин-Пушкин, а не его сын Платон Иванович, как ошибочно указано в именном указателе к т. I нового издания «Истории Российской» (с. 473).

¹⁸ Там же, с. 349.

¹⁹ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен, кн. 3, с. 2.

бег к помощи Миллера, предложив ему написать предисловие, посвящение Екатерине II и вести корректуру. Миллер согласился. Печатание книги началось летом 1783 г. Миллер успел прочитать только первых три листа верстки, осенью того же года он скончался. Смерть Миллера самым отрицательным образом сказалась на качестве издания. Олсуфьев лишился своего единственного и опытного советника и помощника.

Как полагает С. Н. Валк, рукопись третьей части «Истории Российской», отредактированная и подготовленная Миллером к печати, по своему качеству была едва ли не хуже копий первых двух частей, на неисправность которых так часто жаловался Миллер. Хотя по указанию императрицы подлинник третьей части татищевского труда был разыскан в Кабинете и передан Олсуфьеву, но он вследствие своей научной беспомощности не сумел его использовать при публикации книги. Издание 1784 г., печатавшееся по неисправному тексту копии, изобилует многочисленными ошибками и фактически непригодно для научного пользования. Книга вышла без предисловия и оглавления, читателю не было сообщено даже, что она является третьей частью татищевского труда и ему оставалось только догадываться об этом²⁰.

Четвертая, последняя, часть татищевского труда, в которую должна была войти история России от правления Ивана III до воцарения Михаила Романова (1462—1613), была впервые опубликована в 1847—1848 гг. по единственной рукописи²¹. Эта рукопись была использована и при подготовке т. VI нового издания «Истории Российской». Судьба этой рукописи такова. В 1841 г. М. П. Погодин купил на аукционе, на котором распродавалась библиотека известного собирателя, автора первого в России «Руководства к дипломатике» вологодского купца И. П. Лаптева, рукопись «под именем летописи». Два года эта рукопись лежала у Погодина, он много раз «держал ее в руках» и «не мог понять, что это такое». Только в июле 1843 г. он окончательно утвердился в мнении, что рукопись является четвертой частью татищевского труда. В 1852 г. Погодин вместе со всем своим собранием продал ее в Публичную библиотеку (ныне Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), где она и хранится в Рукописном отделе (собрание М. П. Погодина, № 1757).

Каково происхождение погодинской рукописи? С. Н. Валк полагает, что Евграф Татищев передал И. А. Черкасову в ноябре 1751 г. не оригинал четвертой части «Истории Российской», поскольку она не была завершена и представляла собой черновик, а беловую копию, снятую с этого черновика. Погодинская рукопись и является, возможно, именно этой копией. Но вполне допустимо, что она (погодинская рукопись) — лишь один из списков этой копии²².

В предисловии к первому изданию помещены высказывания М. П. Погодина и С. М. Соловьева в «Москвитянине», в которых приводятся убедительные доказательства того, что публикуемая рукопись является действительно четвертой частью татищевского труда. Издатель четвертой части О. М. Бодянский в предисловии отмечал, что он публикует продолжение татищевского труда «точно в том виде, в каком оно в подлиннике, без малейшей перемены в чем-либо»²³. Издание сопровождается титульным листом такого же содержания, как и прежде изданные четыре книги «Истории Российской», и набрано весьма похожим шрифтом.

²⁰ См.: Валк С. Н. О рукописях третьей части «Истории Российской» В. Н. Татищева.— В кн.: Татищев В. Н. История Российская, т. V. М.—Л., 1965, с. 13—20.

²¹ ЧОИДР, 1847, № 4; 1848, № 5, 9.

²² Валк С. Н. О рукописях четвертой части «Истории Российской» В. Н. Татищева.— В кн.: Татищев В. Н. История Российская, т. VI. М.—Л., 1966, с. 6—8.

²³ ЧОИДР, 1847, № 4, с. IX—X.

Первое издание «Истории Российской», несмотря на свои недостатки, бесспорно сыграло положительную роль. Благодаря ему труд Татищева получил широкую известность, вошел в русскую историографию и в течение длительного времени оказывал влияние на ее развитие. Исследователи пользовались этим изданием почти 200 лет. Наибольшее значение имели первые три книги, включавшие первую и вторую (во второй ее редакции) части, изданные под руководством Миллера. Именно эти три книги были использованы и при подготовке нового, академического издания «Истории Российской». Прежде всего потому, что ни одна дошедшая до нас рукопись не сохранила всех татищевских примечаний ко второй части его труда. Так, из 650 примечаний 119 известны только по первому печатному изданию. Оно сохранило не только полный текст, но и окончательную редакцию примечаний, так как рукопись, по которой Миллер печатал свое издание, отражала позднюю стадию работы Татищева над примечаниями. Кроме того, из печатного текста (к первой части в новом издании) выборочно приводятся варианты. Одни — для возможных правильных чтений, другие, потому что они «представляют удачные догадки Г. Ф. Миллера, исправляющие заведомо неправильные чтения Воронцовского списка», положенного, как уже было сказано, в основу первой части татищевского труда в новом издании²⁴.

* * *

В связи с недостатками первого издания «Истории Российской», естественно, возник вопрос о новом издании труда Татищева. Однако оно вышло лишь спустя два столетия. Главная причина столь длительного разрыва между первым и последующим изданием заключалась в том, что до Великой Октябрьской социалистической революции историки не располагали всеми рукописями татищевского труда. Так, подлинных рукописей ни первой, ни второй (в ее окончательном виде) редакций не было ни в одном из государственных хранилищ дореволюционной России, они находились в частных руках и были недоступны для научного использования. Поэтому, отмечает С. Н. Валк, если бы даже и была предпринята попытка осуществить новое издание «Истории Российской», она все равно потерпела бы неудачу²⁵. Октябрьская революция сделала государственным достоянием все частные архивы. Среди них был и богатейший архив графов Воронцовых, перешедший в Библиотеку Академии наук. В составе его А. А. Шахматов обнаружил новые рукописи татищевского труда. Он провел также разыскания в бывшем Московском архиве Коллегии иностранных дел. Всего Шахматов выявил 14 рукописей, которые представляли собой отдельные части, главы или отрывки «Истории Российской». В результате тщательного их изучения Шахматов пришел к выводу, что они могут послужить основой для критического издания татищевского труда. Он считал необходимым опубликовать также первую редакцию «Истории Российской»²⁶.

Большую работу по изучению состава рукописей «Истории Российской» и их значения для установления истории ее текста проделал С. Л. Пештич. Благодаря его разысканиям число рукописей, содержащих отдельные части татищевского труда, удалось увеличить до 28. Шахматов и Пештич распределили обнаруженные рукописи по двум редакциям, подробно охарактеризовали их, установили взаимоотношения этих рукописей. Впоследствии были обнаружены еще несколько рукописей. Все

²⁴ Валк С. Н. О рукописях первой части «Истории Российской» В. Н. Татищева, с. 70.

²⁵ Валк С. Н. «История Российская» В. Н. Татищева в советской историографии. — В кн.: Татищев В. Н. История Российская, т. VII, с. 5.

²⁶ Шахматов А. А. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева. — Дела и дни (Пг.), 1920, кн. 1, с. 80—95.

эти «разыскания создали твердую почву для нового критического издания исторического труда Татищева»²⁷.

Такое издание было предпринято по инициативе акад. М. Н. Тихомирова. Ему принадлежит исключительно большая роль в практическом решении вопроса о публикации «Истории Российской». Он добился включения ее в издательский план. В 1955 г. М. Н. Тихомиров обратился к А. И. Андрееву — опытному археографу, в течение многих лет занимавшемуся изучением и изданием татищевских трудов и переписки — с предложением принять участие в подготовке к печати «Истории Российской». К концу 1958 г. первый том нового издания под общей редакцией А. И. Андреева и М. Н. Тихомирова был готов.

После смерти А. И. Андреева в 1959 г. М. Н. Тихомиров предложил С. Н. Валку продолжить работу по изданию исторического труда Татищева. С. Н. Валк — один из крупнейших археографов страны — обладал чрезвычайно богатым и разносторонним опытом издания памятников и документов по отечественной истории XII—XX вв. Творчество первого русского ученого-историка Татищева, его исторические взгляды, методика работы над источниками давно привлекали внимание С. Н. Валка. Он был знаком и с татищевскими рукописями. В 1957 г. С. Н. Валк опубликовал «Татищевские списки Русской Правды»²⁸. М. Н. Тихомиров оказывал коллективу публикаторов во главе с Валком постоянную поддержку в преодолении всякого рода сложностей и затруднений, возникавших в процессе подготовки и издания татищевского труда. Опираясь на эту поддержку, С. Н. Валк успешно довел до конца публикацию «Истории Российской».

Нельзя не отметить скромности М. Н. Тихомирова и высокой оценки им проделанной С. Н. Валком работы по подготовке т. I к печати. В текст «От редакции», где значилось: «Том выходит под редакцией академика М. Н. Тихомирова и С. Н. Валка», он внес поправку: «Том выходит под редакцией С. Н. Валка и М. Н. Тихомирова». В письме к С. Н. Валку от 2 августа 1960 г. М. Н. Тихомиров писал: «Нельзя мне ставить себя на первый план, не нужно и несправедливо, предикат же академик излишен. Раньше мы так сговаривались и с А. И. Андреевым». Получив известие, что первый том «Истории Российской» печатается, М. Н. Тихомиров писал С. Н. Валку: «За первым томом Татищева последует второй. Пусть мы с Вами не увидим окончание издания Татищева, увидят другие, и помянут добрым словом Ваши труды, а может быть и мою заботу»²⁹.

Подготовка к печати нового издания «Истории Российской» осуществлена М. П. Ирошниковым (т. I—IV, VII), З. Н. Савельевой (т. I—VII), Т. М. Новожиловой (т. V—VI) и И. В. Валкиной (т. VII). Они же участвовали в составлении научно-справочного аппарата.

Академическое издание существенно отличается от первого издания полнотой, высоким уровнем научной подготовки и обстоятельным научно-справочным аппаратом. При подготовке его были использованы все известные рукописи татищевского труда, хранящиеся в различных архивах и рукописных отделах библиотек и Исторического музея в Москве. В состав издания вошли обе редакции «Истории Российской»: часть первая (т. I), вторая — в ее второй (т. II—III) и первой (т. IV) редакциях, третья и четвертая части (т. V—VI) — в единственной имеющейся их редакции. Последний (VII) том включает «Преддизвеще-

²⁷ Валк С. Н. О рукописях первой части «Истории Российской» В. Н. Татищева, с. 61.

²⁸ Материалы по истории СССР, т. V. М., 1957, с. 607—657; см. Юхт А. И. Из истории изучения научного наследия В. Н. Татищева (С. Н. Валк о трудах Татищева). — ИЗ, т. 99. М., 1977, с. 297—311.

²⁹ Письмо от 6 февраля 1962 г. Приношу благодарность С. О. Шмидту за предоставление мне копий писем М. Н. Тихомирова к С. Н. Валку.

ние» и «Примечания на вторую часть Истории Русской» в переводе с немецкого языка, отдельные исторические рукописи Татищева, касающиеся событий конца XVI—XVII в., свод древнерусских законодательных памятников, подготовленный Татищевым к печати, и его замечания на ряд исторических работ — Страленберга, Миллера и др. Все материалы т. VII (за исключением татищевских списков Русской Правды), а также первая редакция второй части «Истории Российской» на древнем наречии публикуются впервые. Таким образом, в новое издание вошли все известные к настоящему времени работы Татищева по истории России.

В начале работы над изданием, проходившей под руководством А. И. Андреева, первая часть татищевского труда была подготовлена по Воронцовскому списку³⁰, отражающему позднюю стадию работы Татищева. Впоследствии С. Н. Валк решил расширить рамки работы и привлечь к изданию все сохранившиеся рукописи первой части. Этому же принципу редакторы издания придерживались и при подготовке последующих томов. Вследствие этого новое издание предоставляет в руки исследователей не только текст, характеризующий итоговую стадию работы Татищева над «Историей Российской», но и материалы, запечатлевшие процесс выработки автором текста своего труда. Этот процесс нашел отражение в ранних рукописях. В издании приводятся все варианты всех рукописей «Истории Российской», за исключением вариантов, содержащихся в копиях, протографы которых имелись у публикаторов. Для первой части «Истории», например, это Киевский список, который механически воспроизводит Воронцовский список, а также большинство глав Уваровского списка, являющихся копиями Академического списка. Однако не для всех глав первой части можно было подвести варианты, потому что для значительной части из них сохранился только единственный источник текста — Воронцовский список. В новом издании текст татищевского труда воспроизводится «с возможной тщательностью, не допускающей произвольных «унификаций» и других его видоизменений»³¹.

Подготовка издания потребовала от Валка и возглавляемого им коллектива большой предварительной работы. Прежде всего следовало подвергнуть тщательному изучению происхождение и состав всех рукописей, привлеченных к изданию, установить их взаимоотношение и место каждой в истории создания текста «Истории Российской». Необходимо было далее установить, какой из списков должен быть положен в основу издания каждой из частей татищевского труда. В решении этих задач издатели опирались на выводы, к которым пришли А. А. Шахматов и С. Л. Пештич в результате изучения татищевских рукописей, а также на собственные разыскания. Итоги проделанной работы обстоятельно и четко изложены С. Н. Валком во вступительных статьях к томам. Здесь же приводятся схемы соотношения списков всех частей «Истории Российской». Как правило, в качестве основного списка избирался тот, который отразил в себе итоговую стадию работы Татищева над текстом. Но иногда от этого бесспорно правильного принципа приходилось отступать. Это можно пояснить на примере выбора основного списка для второй части (в ее второй редакции) татищевского труда.

Первую, известную нам ступень работы Татищева над второй частью отражает Воронцовский список. Рукопись этого списка состоит из 49 тетрадей, из них текст 11 написан писцами и затем правлен Татище-

³⁰ Описание Воронцовского и других упоминаемых здесь списков первой части «Истории Российской» см. во вводной статье С. Н. Валка к т. I издания (с. 59—61).

³¹ Валк С. Н. О рукописях первой части «Истории Российской» В. Н. Татищева, с. 70.

вым. Все остальные тетради являются автографом Татищева. С Воронцовской рукописи была снята беловая копия, которую Татищев, как он это и делал обычно, подверг новой правке. Эта копия, не дошедшая до нас, послужила протографом для списка БАН и рукописи, которая была использована Миллером при подготовке первого издания. Именно в них имеется ряд дополнений и изменений по сравнению с текстом Воронцовского списка, которые, как установил Валк, не могли принадлежать ни писцу рукописи БАН, ни Миллеру, подготовившему текст по имеющейся у него рукописи к печати. Они, несомненно, внесены Татищевым.

Однако список БАН и печатное издание Миллера содержат по сравнению с Воронцовской рукописью много ошибочных чтений, идущих от неопытности и невнимательности писцов. Так, в списке БАН вместо правильного чтения в Воронцовской рукописи «Добрыней, уем своим», читаем: «Добрыней, путем своим»; вместо «посадника» — «да сотника»; вместо «на Волоке» — «на Волге»; вместо «Ростислав» — «Ярослав» и т. д. Исходя из этого публикаторы признали непригодными в качестве основы нового издания ни список БАН, ни печатный текст миллеровского издания. К тому же, как отмечалось выше, Миллер при подготовке татищевского текста к печати редактировал его. Поэтому было решено положить в основу академического издания второй части «Истории Российской» (во второй ее редакции) Воронцовский список, тем более что большая часть его представляет автограф Татищева, а остальная часть выправлена им. В то же время все татищевские добавления и изменения текста, имеющиеся в списке БАН и в первом издании, вводились в текст нового издания, причем первоначальные чтения Воронцовского списка приведены в разделе вариантов. Что касается дополнительных чтений, имеющих только в тексте миллеровского издания, относительно которых нет полной уверенности, что они принадлежат Татищеву, то они не включены в основной текст нового издания, а приведены в разделе вариантов³².

Весьма интересны с точки зрения изучения археографических особенностей нового издания приемы передачи текста, примененные публикаторами при подготовке к печати третьей части «Истории Российской».

В основе третьей части, как установил А. Е. Пресняков, лежит так называемый Академический XV список Никоновской летописи. На протяжении всей рукописи этого списка сохранились пометки Татищева. Первоначальный текст летописи Татищев подверг значительной переработке, в процессе которой привлек другие летописные источники. После завершения работы черновая рукопись была отдана в переписку. Хотя эта работа велась несколькими писцами в спешном порядке, но в связи с отъездом Татищева в августе 1741 г. из Петербурга она не была закончена. Сохранившаяся рукопись третьей части татищевского труда состоит из 51 тетради, из них 20 белых и 31 черновая.

При переписке рукописей писцы допускали ряд ошибок. В своих письмах и в «Истории Российской» Татищев неоднократно жалуется на плохую работу переписчиков. Обычно Татищев не сверял беловую копию со своей рукописью или с летописью, если копия снималась с нее. В то время это не было принято делать. К тому же Татищев, занятый различными административными делами, большей частью находился вдали от Петербурга. Читая копию, он обращал главное внимание на содержание и правил текст по существу. Некоторые ошибки, допущенные писцами, и трудно было обнаружить (не сверяя белового экземпляра с

³² Валк С. Н. О рукописях второй редакции второй части «Истории Российской» В. Н. Татищева. — В кн.: Татищев В. Н. История Российская, т. II. М.—Л., 1963, с. 12—17.

подлинником), потому что они не изменяли смысла. Но иногда Татищев не обращал внимания на такие ошибки переписчиков, которые искажали смысл, но и их было трудно заметить, как, например, «опечалился» вместо «не опечалился». В этом случае неисправный текст становился частью изложения. Но бывало и так, что, обнаружив погрешности в тексте, Татищев исправлял их по своему разумению, иногда удачно, а иногда неудачно. С. Н. Валк приводит один из таких примеров. В ряде списков Никоновской летописи говорится, что благодаря божественному заступничеству 15 русских князей были спасены от татар. В Академическом XV списке была сделана ошибка, извратившая смысл: вместо «избывших» (т. е. спасшихся) было написано «избивших». Татищев осмыслил это как избивенных. В результате такого прочтения летописный рассказ приобрел характер, не соответствующий основному мотиву повествования.

Перед публикаторами, естественно, встал вопрос, как издавать такой текст? На первый взгляд казалось, что следует пойти обычным путем, т. е., используя летопись, устранить ошибки в тексте, оговорив исправления в примечаниях. Однако в этом случае читатель получил бы не тот текст, с которым имел дело Татищев, «и что еще важнее, не тот текст, который является последней стадией работы Татищева над третьей частью»³³. Поэтому было решено воспроизвести текст рукописи в том виде, в каком она дошла до нас после последних правок автора «Истории», сделав соответствующие оговорки относительно неисправных мест текста, затрудняющих его понимание. Так, в разделе вариантов даны правильные чтения Академического XV списка, в случаях же неисправности текста в этом списке приводятся чтения других списков Никоновской летописи по Полному собранию русских летописей или по Академическому списку Новгородской I летописи³⁴.

При публикации четвертой части «Истории Российской» применены такие же приемы, как и при издании третьей части. В частности, все пропуски текста (по вине переписчиков), искажающие смысл, восстановлены в квадратных скобках, а различные вставки Татищева, не стоящие в рукописи на месте, переставлены на соответствующие по содержанию места текста, с оговоркой в разделе вариантов.

Академическое издание «Истории Российской» В. Н. Татищева, бесспорно, — одно из достижений советской археологии и показатель высокого уровня ее развития. Опыт работы над подготовкой к печати татищевского труда, приемы передачи текста в этом издании, на наш взгляд, весьма поучительны и заслуживают тщательного изучения.

В издании опубликованы вводные статьи А. И. Андреева, М. Н. Тихомирова и С. Н. Валка, представляющие большой интерес для изучения татищевского труда и в историографическом и источниковедческом планах. В статье Андреева, основанной на богатом материале (опубликованном и рукописном), прослеживается ход работы Татищева над «Историей Российской» и другими историческими трудами³⁵. М. Н. Тихомиров обстоятельно рассмотрел вопрос о русских источниках татищевского труда и вопреки мнению некоторых историков пришел к выводу, что «в руках Татищева находились некоторые источники, не дошедшие до нашего времени» или пока еще не обнаруженные. Поэтому вторая часть его труда, посвященная истории России в IX—XII вв., является «важнейшим первоисточником, без всякого основания отбрасываемым в сторону нашими историками». Конечно, подчеркивал М. Н. Тихомиров, труд Татищева требует такого же критического подхода, какой

³³ Валк С. Н. О рукописях третьей части «Истории Российской» В. Н. Татищева, с. 12.

³⁴ Там же, с. 11—13.

³⁵ Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России, с. 5—38.

«мыслящие историки должны проявлять ко всякому историческому произведению»³⁶.

С. Н. Валк в историографической статье проанализировал работы советских и зарубежных авторов, вышедших до середины 1960-х годов³⁷. Преимущественно внимание Валка сосредоточено на работах, посвященных истории создания Татищевым своего труда, его историческим взглядам, приемам работы над историческими источниками. Разумеется, он не мог обойти и дискуссионных вопросов в изучении творчества Татищева. Со свойственной ему деликатностью, но вполне определенно он высказался против существующих в исторической литературе крайних точек зрения в отношении оценки научного наследия Татищева.

В частности, Валк выразил свое несогласие с мнением Пештича, который вслед за Н. М. Карамзиным и Е. Е. Голубинским заподозрил Татищева в том, что он не то, чтобы «по-своему интерпретировал факты, вольно истолковывая их в соответствии со своими историческими представлениями, не придерживаясь текста памятника», но что он «заведомо фальсифицировал исторические источники в угоду своим общественно-политическим взглядам»³⁸. Поддерживая мнение критиков Пештича, Валк указывал, что в «нашем распоряжении нет никаких данных, которые позволяли бы утверждать явную недобросовестность Татищева в тех случаях, когда текст известий «Истории Российской» расходится с текстом источника, которым, бесспорно, в данном случае пользовался Татищев». И далее Валк отмечает, что в сведениях о «самоотверженном», «самозабвенном» труде автора «Истории Российской», который стал единственным утешением в последние годы его жизни, нельзя обнаружить «даже малейших намеков, которые позволили бы нам заподозрить подобный мотив в психологии творчества Татищева»³⁹.

В то же время С. Н. Валк не разделяет точки зрения тех исследователей, которые, говоря словами М. Н. Тихомирова, впадают в другую крайность и готовы придавать «значение чуть не каждому известию в работе Татищева»⁴⁰. Думается, что взгляды С. Н. Валка на характер и значение «Истории Российской», его оценка научного творчества Татищева были в общем близки к взглядам М. Н. Тихомирова. Трудно представить, чтобы при наличии принципиальных расхождений между ними, они согласились бы сотрудничать в издании труда Татищева.

Обширные вводные статьи С. Н. Валка к каждому тому содержат ценные источниковедческие и археографические наблюдения о происхождении, составе, взаимоотношении рукописей, использованных при подготовке академического издания «Истории Российской». Здесь же дана оценка первого издания татищевского труда. Валк уделил также большое внимание истории создания Татищевым своего выдающегося исторического сочинения и свода законодательных памятников Руси. Вводные статьи С. Н. Валка послужили основой для настоящего сообщения.

В крайне трудоемкое дело подготовки к печати и издания «Истории Российской» С. Н. Валк вложил много сил и энергии. Почти десять лет своей жизни он отдал этой публикации. Не следует забывать, что С. Н. Валку было 72 года, когда он приступил к работе над изданием татищевского труда. Нисколько не умаляя роли А. И. Андреева и М. Н. Тихомирова, следует все же сказать, что основная тяжесть по

³⁶ Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской». — В кн.: Татищев В. Н. История Российская, т. I, с. 52—53.

³⁷ Валк С. Н. «История Российская» В. Н. Татищева в советской историографии.

³⁸ Пештич С. Л. Русская историография XVIII в., ч. I. Л., 1961, с. 250; ч. II. Л., 1965, с. 158.

³⁹ Валк С. Н. «История Российская» В. Н. Татищева в советской историографии, с. 25.

⁴⁰ Тихомиров М. Н. Василий Никитич Татищев. — Историк-марксист, 1940, № 6, с. 43.

изданию этого труда легла на плечи С. Н. Валка и возглавляемого им коллектива научных сотрудников ЛОИИ, и прежде всего М. П. Ирошникова и З. И. Савельевой. Издание «Истории Российской» В. Н. Татищева — великий подвиг и огромная заслуга С. Н. Валка перед исторической наукой и, конечно, пример глубокой преданности и бескорыстного служения интересам ее развития.

* * *

После опубликования четвертой части исторического труда Татищева в 1848 г. С. М. Соловьев писал: «Итак, есть надежда, что разбросанные члены татищевского свода летописей могут быть, наконец, совокуплены в одно целое»⁴¹. Выход в свет академического издания «Истории Российской» можно рассматривать как осуществление пожелания крупнейшего русского историка XIX в.

Оно предоставило в руки исследователей научно подготовленный текст татищевского труда в том объеме, в каком он был задуман автором, т. е. с древнейших времен и до конца XVI в. Впервые опубликованы первая редакция второй части «Истории Российской» на древнем наречии, имеющая, как указывал А. А. Шахматов, большое источниковедческое и историографическое значение, и другие труды Татищева по истории России XVI—XVII вв., а также подготовленный им к печати свод законодательных памятников, включающий Русскую Правду, Судебник 1550 г. и дополнительные указы к нему со вступительной статьей и обширными комментариями.

Критическое издание «Истории Российской» открывает новые возможности для изучения исторических взглядов Татищева, приемов его работы над источниками, достоверности известий, сообщаемых им в своем труде, особенно в тех случаях, когда источники их неизвестны или не обнаружены до сих пор. Не менее важна роль нового издания для разработки и исследования таких проблем, как значение «Истории Российской» для развития отечественной историографии вообще и XVIII столетия в частности, вклад Татищева в развитие не только исторической, но и общественно-политической мысли России.

В. Н. Татищев и русская наука в XVIII в. — проблема, давно привлекавшая внимание исследователей, но интенсивная разработка ее фактически началась лишь в последнее время. Этому в немалой степени содействовало издание «Истории Российской», а также работ Татищева по географии, его переписки с Академией наук. Все эти публикации создали прочную основу для изучения научного творчества Татищева и его связей с русской наукой и культурой. Новое издание главного исторического труда Татищева оживило интерес к его личности, государственной деятельности, общественно-экономическим, политическим и философским взглядам. Сразу же после выхода в свет оно вошло в научный оборот и широко используется исследователями.

Не приходится сомневаться, что публикация других научных и литературных трудов Татищева (отчасти издававшихся, но давно ставших библиографической редкостью), а также его записок, касающихся социально-экономического и политического положения России, послужит новым мощным толчком к исследованию творчества одного из выдающихся представителей русской науки и крупного государственного деятеля первой половины XVIII в.

⁴¹ Соловьев С. М. О продолжении Истории Татищева. — Москвитянин, 1848, ч. V, № 10, с. 176.

А. М. Панченко

В. И. МАЛЫШЕВ КАК АРХЕОГРАФ

2 мая 1976 г. на 66-м году жизни скончался доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, крупнейший советский археограф Владимир Иванович Малышев. Он начал собирать древнерусские рукописи еще на студенческой скамье: в 1934 г. предпринял первую археографическую экспедицию на Печору, в 1935—1936 гг. обследовал старинные русские города Углич, Ростов, Ярославль, Боровск. С той поры и до последних своих дней он продолжал неутомимую собирательскую деятельность.

В. И. Малышев оставался верен своему призванию даже во время войны (а он участвовал и в финской кампании, и в Великой Отечественной войне, сражался на самых трудных участках фронта, например на Синявинских болотах под Ленинградом, был удостоен боевых наград). Когда В. И. Малышев оказался в тылу, оправившись после нескольких тяжелых ранений, он и на военных дорогах продолжал попутно искать рукописи. Между прочим второй список «Слова о погибели Русской земли» был отыскан им в Рижской Гребенщиковской общине еще до демобилизации.

Перечислять десятки археографических экспедиций В. И. Малышева нет нужды¹. Он обследовал многие районы Советского Союза, но явное предпочтение оказывал Русскому Северу, Карелии, Мезени, Северной Двине, Прибалтике и, разумеется, любимой своей Печоре. Результаты этих экспедиций блестящи и общеизвестны: В. И. Малышев разыскал тысячи рукописей и среди них такие уникалы, как «Слово о погибели Русской земли», «Повесть о Сухане» (единственный список), древнейший сборник с роспевами Федора Крестьянина, несколько неизвестных повестей XVII—XVIII вв., тексты стихов покаянных, лицевые и пергаменные рукописи, десятки неизвестных сочинений писателей-старообрядцев, в том числе в автографах, и, наконец, несколько произведений Аввакума, которого он читал и наследием которого занимался всю жизнь. И отнюдь не случайно, что Пустозерский сборник с автографами житий Аввакума и Епифания рижский ревнитель русских древностей И. Н. Заволоко передал именно В. И. Малышеву².

¹ Представление о них можно получить по печатным отчетам В. И. Малышева (список его работ за 1940—1971 гг. опубликован в кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Сборник к 60-летию В. И. Малышева. Л., 1972, с. 406—421). См. также: Бударгин В. П. Хранилище древнерусских рукописей Пушкинского Дома. (К 25-летию). — АЕ за 1974 год. М., 1975, с. 85—89.

² Сборник И. Н. Заволоко опубликован по инициативе и под редакцией В. И. Малышева: Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975. Кроме наборного издания, комментариев и исследований здесь дано и фототипическое воспроизведение текста.

С самых первых шагов на археографическом поприще В. И. Малышев не помышлял о создании собственной коллекции. Сначала он собирал для Ленинградского университета, для Библиотеки Академии наук³, потом стал собирать для ИРЛИ. В 1949 г. он основал Древлехранилище Пушкинского Дома, в котором сейчас хранится больше 7000 рукописей. В последнее время фонды Древлехранилища увеличивались в среднем на тысячу рукописей в четыре года.

В. И. Малышев любил подчеркивать и письменно и устно, что его интересуют не сами по себе антики, но старинная письменная культура в целом. Он называл Древлехранилище громадной северной крестьянской библиотекой и радовался, когда среди находок удавалось выделить остатки реальных крестьянских библиотек, таких, как библиотека Поповых из Церковой Горы на Пинеге, восходящая по крайней мере к Смутному времени (кто-то из Поповых в середине XVII в. составил Пинежский летописец, в котором есть уникальные известия, в частности сообщение о первом походе русских в Мангазею)⁴. В. И. Малышев тщательно фиксировал все сведения о библиотеке Великопоженского скита на Пижме (приток Печоры), в котором в 1744 г. произошла «великая гарь» (местная повесть об этом самосожжении также принадлежит к числу находок В. И. Малышева). Он многие годы держал под пристальным старообрядческую библиотеку Амосова — Богдановой на Северной Двине и добился того, что последняя владелица завещала эту замечательную библиотеку Пушкинскому Дому⁵. Среди ее четырехсот пятидесяти книг оказался и автограф Жития Епифания⁶.

Книга, как таковая, текст, как таковой, не представляли для В. И. Малышева исключительно самодовлеющего интереса. Его всегда занимало то, что лежит «за текстом», «за книгой», его занимали авторы, редакторы, писцы, владельцы, читатели. Общение с книгой было для него прежде всего общением с людьми, которых эта книга объединила вокруг себя. Археографические проблемы он решал как проблемы человеческого общения.

В. И. Малышев сумел «очеловечить» Печорское собрание — самое большое в Древлехранилище Пушкинского Дома, сумел превратить его из собрания памятников, из музея раритетов в живой организм. Он выяснил, кому принадлежит тот или иной почерк, по письменным источникам и местным преданиям восстановил биографии печорских книжников, таких, как образованнейший усть-цилемский начетчик и писец прошлого столетия Иван Степанович Мяндин. В. И. Малышев разыскал недюжинные образцы местного литературного творчества: «Повесть о двух снохах», «Плачи по Москве», «Повесть о самосожжении на Пижме»; исследовал усть-цилемские переработки «Троянской истории», «Повести о Басарге», «Повести о царевне Персике». В. И. Малышев первым стал собирать крестьянские письма. Эти научные принципы естественным образом вытекали из собирательской практики В. И. Малышева, ибо собирательство — в первую очередь контакты с людьми.

О В. И. Малышеве уже давно сложились легенды. Еще в 50-х годах усть-цилемские начетчики говорили, что его предки жили на Печоре (по распространенности фамилия «Малышевы» входит к первую десятку усть-цилемских фамилий; а надо сказать, что нижнепечорский ономастикон невелик и чрезвычайно устойчив, он практически не менялся не-

³ При непосредственном участии или содействии В. И. Малышева в БАН поступило около 900 рукописных книг.

⁴ См. статьи А. И. Копанева «Пинежский летописец XVII в.» и М. И. Белова «Пинежский летописец о разведочном походе поморов в Мангазею». — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси..., с. 57—91, 279—285.

⁵ Характеристика этой библиотеки дана в статье Л. И. Сазоновой «Северодвинская крестьянская библиотека». — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1974. М., 1975, с. 162—167.

⁶ *Бударагин В. П.* Новый автограф Жития Епифания. — Там же, с. 79—82.

сколько столетий. Усть-цилемы, по показаниям этнографов прошлого века, осознавали свою этническую «родовитость» и гордились ею). Местные книжники готовы были присягнуть, что тяга В. И. Малышева к Усть-Цильме, к Пустозерску, к Пижме и Цильме — это семейная традиция, тяга к родовым корням. Любопытно, что и за рубежом имеет хождение аналогичная легенда. Автор малышевского некролога в «Times Literary Supplement» утверждает, что В. И. Малышев — выходец из Боровска, где была замучена боярыня Морозова, выходец из исконной старообрядческой семьи.

Все это миф, В. И. Малышев — земляк А. И. Куприна, он родился в Наровчате, его семья ничего общего с расколом не имела. Но всякая легенда в своем роде не менее важный источник, нежели документ. Легенды о старообрядческом происхождении В. И. Малышева — это дань высокого уважения его подвижнической работе как археографа, как исследователя и издателя Аввакума. В рассказах усть-цилемов привлекательна наивная прямолинейность: кто как не старовер посвятил бы всю жизнь Аввакуму и собиранию рукописей на Севере, где испокон веку скрывались «ревнители древлего благочестия»? Печорским книжникам невдомек, что они невольно умаляют нравственную и общекультурную заслугу В. И. Малышева. Он руководствовался не мифической верностью семейному преданию, а бескорыстной мыслью о спасении отечественных памятников, о посильном служении русской культуре. И он действительно заслужил перед Родиной, и поэтому столь справедливым было присвоение ему звания заслуженного деятеля российской науки.

«Духовным отцом» В. И. Малышева был академик А. С. Орлов, еще в 30-х годах заметивший и поддерживавший преданного делу студента. Когда в 1946 г., демобилизовавшись из армии, В. И. Малышев поступал в Пушкинский Дом, А. С. Орлов, тогда заведовавший сектором древнерусской литературы, пометил на его заявлении: «Прошу принять как незаменимого работника». Эту характеристику А. С. Орлова, вообще отнюдь не щедрого на похвалы, В. И. Малышев оправдал всей своей жизнью. Его действительно нечем заменить.

Впрочем, и это следует подчеркнуть, В. И. Малышев пришел в Ленинградский университет уже сложившимся человеком. Он уже знал, что будет археографом. Университет (и тот же А. С. Орлов) дал ему необходимую сумму *знаний*, но *призвание* свое В. И. Малышев определил сам. (В. И. Малышева нет с нами, и мы не в состоянии расспросить его, почему он выбрал путь археографа; да и кто способен внятно и убедительно обосновать, отчего в юности он предпочел некую профессию, которая оказалась для него любимой и единственной?) Эта «призванность» особенно важна по той причине, что в 30-е годы собирание рукописей мало кому казалось делом первостепенной культурной и научной значимости, все древнее воспринималось тогда скорее как устаревшее, годное в лучшем случае в музей, в архив, нужное только узкому кругу специалистов.

В. И. Малышев начинал в сущности как одиночка. Разумеется, его всячески поддерживали А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, потом М. Н. Тихомиров, И. П. Еремин, В. В. Виноградов, Д. С. Лихачев, но это была поддержка не учреждений, а немногих ученых людей. Впрочем, начинание В. И. Малышева — это доказано временем — было как раз чрезвычайно значимым, и не только в том смысле, что были спасены ценнейшие письменные источники.

Одно из принципиально важных открытий XX в. — открытие равноправия культур, разделенных территориально или хронологически. Именно в XX в. был оспорен, а затем и развеян миф о безусловном превосходстве западноевропейской культуры. Но этому предшествовал длительный и нелегкий процесс возрождения забытых ценностей.

Древняя Русь самым активным образом «участвовала» в этом процессе. Прежде всего в мировом искусстве подобающее им место заняли ее иконопись и архитектура. Затем пришла очередь словесности. Но чтобы древнерусская литература «заговорила», медиэвистам пришлось сломать тот барьер, который время воздвигло между нею и читателем XX в. В этих усилиях огромную роль сыграли собиратели рукописей и первый из них — В. И. Малышев.

«Археографическое одиночество» первых лет работы не прошло для В. И. Малышева бесследно. Так, он навсегда остался сторонником малых по численности археографических групп: два-три, самое большее четыре человека. Но это «археографическое одиночество» одновременно сделало из В. И. Малышева мастера своего дела. Среди владельцев книжной старины он стал своим человеком. Не удивительно, что эти контакты наложили своеобразный отпечаток на всю его археографическую работу.

Каждый собиратель знает, что установить контакт с начетчиком нелегко. У начетчиков свой язык и своя «культура». Язык (определенные формулы и определенные запреты) выучить можно, но труднее постигнуть их характерные особенности, смысл этой культуры. Старообрядцы законсервировали и сохранили древнерусский тип образованности, а именно «начитанность». Слово «начетчик» — слово не случайное и не обидное, если только правильно его понимать. К культуре начетчики относятся по-средневековому, как к сумме вечных идей. Поэтому и книг они не продают (точнее сказать, не продавали): разве вечность продается, разве ее оценишь? Вечными идеями надо «делиться», и книгами «наделяют». Для начетчика словосочетание «интересная книга» бессмысленно и чуждо. В его языке есть только сочетание «полезная книга». Это — та самая «беззавистная отеческая наука», та начитанность, о которой некогда писал дьякон Федор, пустозерский союзник Аввакума. Чтение «душеполезно», но критическое отношение к авторитетному тексту, так сказать, личное вмешательство в него, столь органичное для ищущего интересного читателя нового и новейшего времени, недопустимо.

Влияние этой «беззавистной отеческой науки» ощущается в работах В. И. Малышева об Аввакуме. Сделав очень много для изучения биографии и творчества этого замечательного писателя и человека, В. И. Малышев, однако, не становился в позу «судьи», не помышлял о том, чтобы вынести «приговор потомства», иначе говоря, занять позицию критика. Позиция В. И. Малышева — это позиция летописца, и не случайно последняя его книга, которую он так и не успел завершить, называлась «Летопись жизни и творчества Аввакума».

Другая особенность древнерусской «начитанности» — специфическое, отличное от новой культуры отношение к исторической дистанции. В Древней Руси было хорошо развито чувство времени, чувство истории, но тот комплекс текстов, который можно объединить под рубрикой «четы» (сюда относится не только «душеполезная» отрасль «четых» книг), воспринимался независимо от исторической дистанции. Аввакум знал время, когда сочинял Иоанн Златоуст, но к его «словам» он относился точно так, как и к писаниям Максима Грека. «У мертвого лет не бывает», — сказал как-то Ф. М. Достоевский. Что это значит? Это значит, что у вечных идей нет возраста, что мертвый — он как раз живой. Отношение к древности как к живому наследию, как к органическому элементу современности было в высокой степени присуще В. И. Малышеву.

Это отношение проявилось, в частности, в той многообразной пропаганде живой старины, которой В. И. Малышев занимался не от случая к случаю, а систематически. Его «иждивением» поставлен памятник на месте «Пустозерска», близ «аввакумовых пенышков», где, по местному преданию, «за великие на царский дом хулы» был сожжен страдалец-

протопоп. В. И. Малышев приложил много усилий для того, чтобы одно из судов нашего торгового флота было названо «Пустозерск». Он хлопотал о том, чтобы в Григорове, в церкви XVII в., был открыт музей Аввакума. Он широко использовал периодическую печать — толстые и тонкие журналы, центральные, областные и районные газеты — для пропаганды древнерусского книжного наследия.

Археографическая ситуация быстро менялась и менялась к лучшему. В. И. Малышев, естественно, учитывал эту эволюцию и использовал любую возможность для увеличения числа экспедиций, для обследования новых районов. Поэтому, хотя рукописей на местах заметно поубавилось, ежегодный прирост Древлехранилища не уменьшался. Большую роль в этом сыграли связи В. И. Малышева с коллекционерами. Он был очень систематичен и настойчив в работе с ними. Переписка В. И. Малышева была грандиозна (десятки писем каждый день, и так на протяжении десятилетий!), и рукописи поступали в Пушкинский Дом со всех концов страны.

В. И. Малышев был археограф по призванию. Такими собирателями не делаются, ими рождаются. Каждому ясно, что потеря В. И. Малышева невосполнима. Но если нельзя научиться призванию, то можно и должно учиться методике В. И. Малышева, проверенной длительной практикой.

У В. И. Малышева было еще одно замечательное качество — чувство реальности. Он хорошо знал, сколь важно полное постатейное описание сборников. Блестящий образец такого описания — его труды о Печорском собрании⁷. Но он понимал, что описать таким образом все фонды Древлехранилища — дело нереальное, и потому выпустил свой прекрасный «Путеводитель». Он всегда старался как можно быстрее ввести рукописи в научный оборот: вел отдел «По рукописным собраниям» в «Трудах Отдела древнерусской литературы», где печатались статьи об экспедициях и охранные описи, публиковал ежегодные обзоры новых поступлений в журнале «Русская литература». Чувство реальности в сочетании с настойчивостью и систематичностью, доходящей до педантизма, предопределили успех многочисленных и многообразных начинаний В. И. Малышева.

Владимир Иванович Малышев собрал тысячи рукописных книг. Это, между прочим, доказывает, что некогда на Руси их было во много раз больше, что Русь была страной высокоразвитой письменной культуры. На наших глазах совершается переоценка древнерусской литературы, на наших глазах возродился широкий интерес к русской старине. И в этом заслуга В. И. Малышева первостепенна.

⁷ *Малышев В. И.* Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960; *он же.* Усть-цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания.— ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 561—604.

Н. Б. Халимов

**О СОБИРАНИИ И ИЗУЧЕНИИ
АРАБОГРАФИЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ
В ТУРКМЕНСКОЙ ССР**

Первые шаги по собиранию у населения старинных рукописей, написанных арабским алфавитом, предпринял Институт туркменской культуры (Туркменкульт), созданный в 1928 г. по инициативе выдающегося советского и партийного деятеля К. С. Атабаева. Уже в 1928—1929 гг. институтом были организованы специальные экспедиции в восточные районы республики и приобретены ценные рукописные книги, содержащие тексты произведений туркменской литературы. Сотрудники института, занимавшиеся этой работой, имели, как правило, в селах и городах республики своих корреспондентов-информаторов, которые снабжали их сведениями о рукописях и самими рукописями.

В 30-е годы эта работа не получила продолжения. Перевод туркменской письменности с арабского на латинизированный, а с 1940 г. — на русский алфавит, способствовавший значительному росту грамотности населения республики, вместе с тем привел к ослаблению внимания научных учреждений к задачам собирания и обеспечения сохранности книг, написанных арабским алфавитом. В эти годы повсеместно появляются крупные скопления письменных памятников при старинных медресе и мечетях, куда население приносило и оставляло без присмотра тысячи книг, рукописей, документов. В годы коллективизации, в ходе которой кулачество (байство) было ликвидировано как класс, скрывавшиеся или бежавшие за границу баи и представители мусульманского духовенства нередко прятали свои архивы и библиотеки в пещерах, сухих колодцах, а чаще всего в мнимых могилах. Эти скопления книг в значительной степени были уничтожены термитами и грызунами, частично расхищены, однако в отдельных случаях могли сохраниться до нашего времени.

Работа научных учреждений Туркмении по собиранию памятников письменности была возобновлена после Великой Отечественной войны. Ее возглавил Институт языка и литературы АН Туркменской ССР. В 1962 г. институт приобрел ценное собрание старинных книг и рукописей, принадлежавшее мулле Горе Мураду Рахманкули (ум. около 1906 г.), приблизительно насчитывающее тысячи единиц хранения. Это собрание легло в основу Рукописного фонда института. В настоящее время Рукописный фонд насчитывает около 8000 единиц хранения, в том числе около 1500 тюркских рукописей, 300 арабских, 400 персидских, около 400 актовых документов и более 2500 арабографических печатных изданий и др. Древнейшая рукопись датируется 709/1318 г. Часть фонда составляют современные фольклорные записи и другие материалы.

Значительные рукописные собрания имеются также в Государственной республиканской библиотеке им. К. Маркса и в библиотеке Туркменского государственного университета им. Горького.

Тюркские рукописи, хранящиеся в Институте языка и литературы, постоянно используются в литературоведческих и лингвистических исследова-

дованиях туркменских ученых. В фонде широко представлены народные дастаны, часть которых была издана за последние годы, другие же еще ожидают издания.

Имеются также многочисленные списки произведений туркменских поэтов, изучение которых необходимо для подготовки полных, научно установленных текстов их сочинений, поскольку автографы их произведений, как правило, отсутствуют. Эту работу нельзя считать завершенной даже в отношении текстов классика туркменской поэзии Махтумкули, произведения которого многократно издавались и творчеству которого посвящены обстоятельные исследования.

Сотрудники Рукописного фонда принимают участие в подготовке научных изданий произведений туркменской литературы, готовят к печати первый том каталога тюркских рукописей, охватывающий более 400 названий; начата работа по описанию и каталогизации рукописей на арабском и персидском языках.

Важное значение имеет дальнейшее пополнение Рукописного фонда. Немало старинных рукописей скопилось в руках частных коллекционеров. Необходимо наладить контакт с ними и организовать приобретение наиболее ценных коллекций в собственность государства. Очень важно также своевременно реагировать на нередко поступающие сведения об обнаружении скоплений книг в развалинах старых мечетей, в колодцах и тайниках, расположенных далеко в пустыне. Все такие сведения должны немедленно проверяться и в случае их подтверждения надо принимать неотложные меры по доставке книг в хранилища. Разумеется, обнаруженные таким образом книги нуждаются в срочной консервации и реставрации, поэтому организация в Ашхабаде лаборатории по реставрации и копированию рукописей является одной из неотложных задач.

Тихомировские чтения 1976 года

А. И. Копанев

О СОКРАЩЕННЫХ ИЗДАНИЯХ МАССОВЫХ ИСТОЧНИКОВ XVII В.

Сокращенные издания исторических источников в виде извлечений из полного текста определенных его частей, в виде регест, т. е. более подробного или менее подробного изложения содержания документа, и в виде таблиц — давняя традиция. В русской археографической практике исторические памятники печатались в извлечениях в исторических трудах, в специальных изданиях еще в XVIII в. Павел Строев, предпринимая грандиозный поиск исторических материалов, мечтал о своде регест — «об общей росписи», которая бы «при возможной краткости представила бы самое полное и важнейшее описание всех когда-либо существующих памятников нашей истории и литературы от времен древнейших до XVIII века»¹. В 1852 г. Я. И. Беренников говорил о необходимости составления «ученых регестов древних дипломов». По его мнению, в них должно «без излишней подробности, но с возможной полнотой» изложено содержание документов, определено время написания подлинника и дана палеографическая его характеристика².

В последующие годы Археографическая комиссия, стремясь привести в известность акты, напечатанные в разных изданиях, составляла их перечни. С. Н. Валк особенно высоко оценивал подготовленную к печати трехтомную работу А. А. Куника, в которой каждый акт, включенный в перечень, сопровождался ценными примечаниями³. Однако главное внимание Археографическая комиссия уделяла изданию актов полностью. Регесты создавались и вне Археографической комиссии. В 80-х годах XIX в. Д. М. Мейчик составил «Повременную опись грамотам XIV—XV вв.»⁴ Каждая грамота в описи, помимо заголовка, передающего содержание, сопровождается легендой. По типу регест составлен «Обзор грамот Коллегии экономии» С. А. Шумакова. Каждый акт здесь получил отдельное описание, причем содержание его передавалось часто цитатами из акта. Иногда акт приводился целиком. В примечаниях указывалось на взаимосвязь актов. Благодаря «Обзору» Шумакова исследователи получили доступ к одному из ценнейших архивных фондов по социально-экономической истории Московской Руси⁵.

Издавались сокращенно в дореволюционное время и источники массового характера: так напечатаны Калачевым писцовые книги, а Е. Е. Замыславским — переписные книги. Первый печатал куски текста в извлечениях, второй давал лишь перечни поселений и волостные или становые

¹ Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, с. 70.

² Протоколы заседаний Археографической комиссии 1850—1868 гг., вып. 3. СПб., 1892, с. 92—93.

³ Валк С. Н. Регесты в их прошлом и настоящем. — АЕ за 1968 год. М., 1970, с. 35.

⁴ Напечатана в качестве приложения к кн.: Мейчик Д. М. Грамоты XIV—XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883, с. 126—135.

⁵ Шумаков С. А. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. 1—IV. М., 1899—1917 гг.

итоги. К сокращенным изданиям можно отнести также перечень «Подготовок станов и волостей Поморского края в XVII в.», приложенный к исследованию М. М. Богословского «Земское самоуправление на русском Севере в XVII в.» Автор привел в перечне итоги по каждому стану и волости по писцовым и переписным книгам 20-х и 70-х годов XVII в.

В советской археографии сокращенные издания источников предпринимались в 30-х годах Историко-археографическим институтом. В т. III издания «Крепостная мануфактура», включающем материалы по Дворцовой полотняной мануфактуре в XVII в., наряду с документами, напечатанными полностью, печатались документы и сокращенно, в виде регест («в случаях передачи тождественно повторяющихся за ряд лет сведений»), а также в виде таблиц. Употребление таблиц «объясняется своеобразностью части издаваемого материала — писали издатели, — а именно большим количеством материалов, тождественных по своей юридической природе, с одинаковым клаузуальным составом». Таблицы составлялись с соблюдением двух условий: а) «в одну таблицу сводились лишь материалы однородные с точки зрения их разновидности» (отдельные таблицы для «купчих», «данных» и т. д.), б) чтобы строение таблиц соответствовало «клаузуальному составу документов и записей». При этом таблицы дали возможность издателям выразить материал точно и полно «в упрощенной и наглядной форме». В заключение составители предупреждали, что «передача материала в виде регест и таблиц не является обычной, в практике Историко-археографического института применена впервые»⁶. В вышедшем через год, в 1933 г., первом томе материалов «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.»⁷ сокращение изданных здесь писцовых книг произведено было за счет пропуска «имен подворно описываемого в этих книгах населения и лишь с включением в текст произведенного самим издателем подсчета количества описанных дворов». Пропуск «не имеющих самостоятельного научного значения персональных имен многочисленного населения описываемых крестьянских и бобыльских дворов» оправдывается, по мнению издателей, экономией места (листажа). Этими же соображениями обосновывался пропуск в т. II издания подробных описаний межей между селами и деревнями, иногда занимающих десятки листов рукописи. Но в отступление от т. I в т. II «собственные имена крестьян и бобылей при передаче текста сохранены», что объяснено наличием в перечне имен указаний на профессию и тем, что точное имя крестьянина позволяет следить за экономической его деятельностью, так как за одними и теми же лицами могли быть земли, лавки, рыбные ловли и т. д. В таком случае имена являются как бы ключом к социально-экономическим явлениям, протекавшим в крестьянской среде⁸.

Сокращение имен было принято в ч. V «Крепостной мануфактуры в России», посвященной Московскому суконному двору. При публикации двух переписей XVIII в. опущены имя фабричного рабочего, его отца, жены, детей, а также обстоятельств поступления в мануфактуру, сведений о зачислении в подушный оклад, в солдаты и т. д.⁹

Другой тип сокращения принят в вып. 1 «Материалов по истории крестьянского движения»¹⁰. Здесь печатаются две переписные книги 1671 и 1672 гг., причем первая — полностью, вторая — в виде «вариантов», печатаемых «петитом под основным текстом». Помимо экономии места это легко позволяет производить сравнение данных за оба года.

⁶ Крепостная мануфактура в России, ч. III. Дворцовая, полотняная мануфактура XVII в. Л., 1932, с. XXXIII.

⁷ Хозяйство крупного феодала крепостника XVII в., вып. I. Л., 1933, с. 3.

⁸ Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в., вып. II. М.—Л., 1936, с. 45.

⁹ Крепостная мануфактура в России, ч. V. Московский суконный двор. Л., 1934, с. L.

¹⁰ Материалы по истории крестьянских движений, вып. 1. Л., 1934, с. 1, 260, 280.

В издании приведены таблицы, составленные по книгам, одна — о беглых 1670—1673 гг., другая — о дифференциации населения.

Из приведенных примеров видно, как разнообразны способы сокращения исторических текстов в научных изданиях. Опыт Историко-археографического института нашел отражение в «Правилах издания документов XVI—XVII вв.», выработанных этим институтом и опубликованных в 1936 г.¹¹ Второй раздел «Правил» прямо озаглавлен: «Сокращенная передача текста» и содержит два раздела: а) регесты (43—48) и б) документальные таблицы (с. 49—61). Определение таких форм издания текста появилось в наших правилах впервые, их нет, например, в «Правилах издания грамот Коллегии экономии». В 50-х годах в археографической литературе вопрос о возможных приемах сокращенного издания документов активно обсуждался. Ряд теоретиков археографии высказались против приема регест, так как пересказ текста, по их мнению, мог привести к извращению его содержания и в конечном счете к фальсификации. Больше доверия было высказано публикации документов в извлечениях и в виде таблиц. Однако и эти приемы издания таили, по мнению некоторых авторов, те же опасности, что и регесты. Видимо, настороженное отношение ко всяким сокращенным изданиям обусловило то, что в «Правилах издания исторических документов» 1955 г., выработанных Институтом истории, Главным архивным управлением и Московским государственным историко-архивным институтом, раздел о сокращенной передаче текста вообще отсутствует¹².

С середины 50-х годов стали широко изучаться и издаваться массовые источники. Вопрос о сокращенных изданиях приобрел большую актуальность. В 1964 г. Г. А. Белов, признавая «наличие огромного количества документов советского общества», писал: «Следует подумать о таких формах публикации, которые позволили бы при минимальном объеме дать максимальное количество документов». Таким путем, по его мнению, могло бы явиться максимальное использование метода «сокращенной передачи текста: сведение однотипных документов в таблицы, передача в извлечениях, употребление регест»¹³. Это мнение не было единственным. В 1966 г. в журнале «Советские архивы» появилась статья А. Б. Каплана, озаглавленная: «Регесты — удобная форма издания»¹⁴. Был подведен итог известному повороту археографической науки в пользу сокращенных изданий. Их целесообразность оказалась очевидной.

Итак, любая форма сокращенной передачи источника должна сослужить свою службу исторической науке, если, конечно, она осуществляется с правильных методологических позиций. Это положение нашло официальное подтверждение в «Правилах издания исторических документов в СССР», опубликованных в 1969 г. Раздел IV «Правил» говорит о сокращенной передаче содержания документов в виде регест и таблиц¹⁵. Такие издания, как отмечается «Правилами», «преследуют цели введения в научный оборот максимально широкого круга новых исторических источников и сокращения объема издания».

Сформулированное «Правилами» положение о выгодах сокращенных изданий — введение в научный оборот максимально широкого круга новых исторических источников при сокращении объема изданий — имеет актуальное значение для изданий массовых источников XVII в. — писцовых и переписных книг и документов, восходящих к ним (платежниц и др.), а также делопроизводственных документов центральных и местных учреждений. Нет нужды говорить, как объемны эти источники. На-

¹¹ ПИ, Сб. II. М. — Л., 1936, с. 315—331.

¹² Правила издания исторических документов. М., 1955.

¹³ Белов Г. А. Некоторые вопросы теории и практики архивного дела. — ВА, 1964, № 4, с. 11.

¹⁴ СА, 1966, № 4, с. 83.

¹⁵ Правила издания исторических документов в СССР. М., 1969, с. 47—51.

пример, только описание 20-х годов XVII в., когда описаны были все уезды, составляет сотни фолиантов. П. А. Колесников подсчитал, что лишь по одному Тотемскому уезду писцовые книги составляют более 10 огромных фолиантов (по тысяче и более страниц) рукописного текста¹⁶. То же можно сказать о переписных книгах 40-х и 70-х годов и о писцовых книгах 80-х годов XVII в. Издать их полностью из-за их объема невозможно. Остается одно — издавать в сокращенном виде.

В археографической практике выявились разные приемы сокращенного издания писцовых книг. П. А. Колесников опубликовал по 16 уездам Севера итоговые данные: поуездные (Тотемский, Устюжский, Двинский и др.), поуездные и постановые (уезды Хлыновской округи), поволостные (Чарондская округа, Кеврола с Мезенью и Соликамский уезд). Итоги передаются текстом писцовой книги и включают всю запись: от данных о количестве селений, дворов, людей, земли пахотной и пустой и до определения налогового оклада. Только по Устьянским волостям итоги описания 1645 г. сведены автором в таблицу, в которой каждый раздел итоговой записи выражен по каждой из 6 волостей и суммирован в графе общего итога. Публикация итоговых данных дает огромный материал об аграрной истории Севера в XVII в., о колонизационных процессах, о положении крестьянского населения и его социальном составе.

Публикация итоговых данных писцовых книг по административным округам — один из возможных приемов сокращенных изданий.

Содержание писцовых книг может быть передано и в виде таблиц, так как единый устойчивый формуляр писцовой книги позволяет построить таблицу из граф, в которых легко укладывается весь многообразный цифровой материал. Примером могут служить таблицы П. А. Колесникова по Устьянским волостям.

Печатание итогов писцовых книг по разновременным описаниям (П. А. Колесников опубликовал итоги по трем уездам описаний 20-х и 70-х годов) позволит следить за развитием экономической жизни в уезде, выявить тенденции развития. Конечно, использование итоговых записей писцов ставит вопрос об их достоверности. Полагаю, что скептическое отношение некоторых исследователей к точности писцовых итогов (писцы при подсчетах общих итогов иногда ошибались) следует преодолеть, так как при больших цифрах эти ошибки не имеют сколь-нибудь важного значения. Они не могут повлиять на общие выводы.

Все сказанное о сокращенном издании писцовых книг применимо и к переписным книгам. Они могут быть изданы также путем печатания итогов или в виде таблиц, так как они имеют устойчивый, единый формуляр. Писцовые и переписные книги как источники по содержанию многообразны, могут быть изданы в определенном тематическом плане. Так, для истории поселений представляют интерес перечни деревень, сел, погостов в разновременных описаниях. В нашей литературе имеются примеры таких публикаций. Так, М. В. Витов и И. В. Власова напечатали таблицы сопоставления поселений Западного Поморья по четырем погостам по писцовым и переписным книгам XVI—XVIII вв. Данные о поселении приведены для девяти хронологических периодов с указанием для каждого количества дворов¹⁷. Аналогичная по цели публикация осуществлена Я. Е. Водарским и Н. П. Воскобойниковой. Первый напечатал список населенных мест Вологодского уезда по переписной книге 1678 г. в сравнении со списком населенных мест 1859 г. и картой 1871 г., вторая — Яренского уезда, по книге того же 1678 г., в сравнении с книгами XVI и XVIII вв.¹⁸ Укажем еще публикацию П. А. Колесникова перечня всех деревень и пустошей по трем уездам — Тотемскому, Сухон-

¹⁶ Колесников П. А. Северная Русь. Вологда, 1971, с. 13.

¹⁷ Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI—XVIII веках. М., 1974.

¹⁸ Материалы по аграрной истории Европейского Севера. Вологда, 1970.

ской трети Устюжского уезда и по Кокшеньгской четверти Важского — по книгам XVII в. с добавлением поволостных итогов о земельных владениях¹⁹. Все эти тематические публикации данных писцовых и переписных книг о поселениях представляют собой сокращенные издания массовых источников XVII в. Конечно, данные писцовых и переписных книг могут быть изданы и на другие темы: например, по истории населения, истории семьи, о хозяйственном освоении земли и т. д. Характер и цель публикации определяет и форму ее. Это может быть таблица, регест или извлечение.

Приведенные данные из археографической практики позволяют сделать вывод, что сокращенные издания массовых источников и возможны и крайне желательны, так как с помощью их вводятся в науку в большем объеме архивные материалы. Из практики сокращенных изданий видно, что писцовые и переписные книги могут издаваться или способом извлечений, или в виде таблиц. Делопроизводственные материалы, актовый материал, хозяйственные книги, содержащие описания хозяйственных комплексов, возможно издавать в виде регест. Этот прием позволяет подробно изложить источник с приведением цитат из него (пространные регесты) или передать документ очень кратко, «сужаясь до элементов, составляющих заголовки документов с расширенной тематической его частью», как определяют «Правила» 1936 г. краткие регесты²⁰.

Рекомендации по подготовке сокращенных изданий изложены в указанных выше «Правилах издания исторических документов» 1936 и 1969 гг. Здесь мы остановимся лишь на некоторых обязательных, на наш взгляд, общих требованиях.

С. Н. Валк, рассматривая критические замечания в адрес сокращенных изданий, сводившиеся к утверждениям, что они не могут заменить подлинника, справедливо заметил «полного текста подлинника источника ничто вообще не может заменить, даже его тщательнейшее печатное воспроизведение»²¹. Следовательно, если полное воспроизведение не может заменить подлинник для исследователя (он в известных случаях обращается именно к нему), то сокращенное издание тем более не может иметь такого назначения. Вряд ли возможно, чтобы при сокращенном издании источник мог бы быть передан полностью, но стремиться к тому, чтобы утраты были минимальными, следует. Как мы видим, сокращенное издание передает только главное содержание источника, так сказать по генеральной линии, или передает какую-либо часть материала в зависимости от темы (иногда узкой), которая была поставлена перед тем или иным сокращенным изданием, а следовательно, и предполагает неполное издание источника. Однако исследователь, пользующийся этим изданием, должен иметь общее и точное представление о подлиннике. Эти сведения должна содержать легенда, которая, как и в полных изданиях, должна предшествовать каждому документу. При составлении регест обязательно помещение заголовка и отметки о знаках удостоверения документа. В легендах к таблицам кроме обычных сведений должна быть оговорена разновидность сводимых в таблицу документов, даны сведения о характере отраженного в таблицах цифрового материала, об опущенных клаузулах документов. При издании памятника в извлечениях должны быть обоснованы принципы выборки материала и охарактеризован оставшийся вне издания материал. Потребитель, пользующийся сокращенным изданием, должен ясно знать, какие утраты несет данное издание по сравнению с подлинником. Только в этом случае можно правильно оценить материал, включенный в сокращенное издание.

¹⁹ Колесников П. А. Указ. соч.

²⁰ ПИ, Сб. II, с. 321.

²¹ Валк С. Н. Указ. соч., с. 40.

Б. Г. Литвак

ПРИЕМЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ МАССОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ И РЕГЕСТЫ

(по материалам XIX в.)

Внедрение математических методов в исторические исследования создает материальную основу для широкого привлечения массовой документации в качестве исторического источника. Под массовой документацией автором статьи понимаются такие документы, возникновение которых связано с повседневностью во всех ее проявлениях, с элементарной необходимостью фиксации этих проявлений, будничных сторон социальной жизни. Ординарность обстоятельств происхождения — это первый признак массовой документации. Второй — однородность, аналогичность или повторяемость содержания. Третий — однотипность формы, тяготеющая к стандартизации; наличие законодательно, а также в силу обычая сложившегося или складывающегося формуляра, т. е. определенного порядка фиксации или изложения содержания, нарушение которого может изменить данную разновидность документа. Термин «массовая документация» собирательный: он объединяет ряд разновидностей источников, каждый из которых отвечает вышеперечисленным критериям.

Этим отнюдь не неуязвимым определением отделяется данный класс источников от любого другого класса. Такая цель, как кажется, предложенным определением достигается.

Массовая документация — явление историческое, она складывается в обществе с развитыми товарно-денежными отношениями и призвана фиксировать все конкретные проявления этих отношений. Естественно, что и процесс складывания связан с определенным уровнем развития делопроизводства и юрисдикции. Так, например, переход от столбцового делопроизводства к тетрадному способствовал ускорению выработки форм массовой документации. Если петровский генеральный регламент расчитал путь массовой документации, то учреждение министерств было этапом для процесса формирования разновидностей массовой документации и выработки их формуляров.

Первый министр внутренних дел В. П. Кочубей не без помощи М. М. Сперанского ставил министерское делопроизводство на основе новой иерархии в учреждении, что приближало ее к классической бюрократической системе: каждый исполнитель на определенном уровне был и распорядителем, отвечавшим за свои действия перед вышестоящей инстанцией. Таким образом, делопроизводственный документ становился продуктом конвейера, на котором каждый исполнитель мастерил свою «деталь» и отвечал за ее качество.

Это определило эволюцию документа в сторону его формализации и стандартизации, с одной стороны, и с другой — все явственней обнаруживало тенденцию к однопредметности, к сужению объема содержания. Таким образом, коренное изменение в разделении функций в управлении влекло за собой изменение в форме и содержании документа в XIX в. Здесь же скрыты причины отмирания одних видов

документации и появления других. В этом плане симптоматично требование Кочубея отсекаать «неприличный, можно сказать, грубый обычай в делах службы употреблять слог партикулярных писем». Как видим, меняется сама «эстетика» делопроизводства: то, что в XVIII в. считалось верхом почтительности и «приличности» в служебной переписке, получается столь строгий приговор в начале XIX в. И в данном случае нельзя говорить о личных вкусах Кочубея: в этом, казалось бы, чисто «вкусовом» подходе отчетливо видны последовательно бюрократические правила, не позволяющие жрецам государственной службы «опускаться» до отношений «партикулярных». Кочубей объясняет юридическую необходимость своего формализма: «отсекается повод партикулярные письма принимать за предписание: обстоятельство, несколько раз встречавшееся при следствиях»¹. Реализацией этого требования Кочубея явилась строгая регламентация форм переписки: он прилагает к записке, цитированной выше, ряд форм «письмоводства» и другой документации.

Предлагается точный формуляр «представления»:

МВД

«Г-ну министру внутренних дел

1 экспедиция
Представление
о том-то
от такого-то
6 сентября
1803 № 149

Изложение дела. Крестьяне такого-то уезда не поставили в свое время в магазинны хлеба. Все средства, употребленные к побуждению их, были тщетны.

Причины. Жестокость бывшей зимы, худой урожай, саранча были сему причиной.

Неудобства. С одной стороны, нарушается общее правило, с другой — дальнейшее понуждение крестьян может привести к их разорению.

Заключение. По соображению сих неудобств я нахожу нужным и на утверждение представляю: 1) на нынешний год — отсрочить; 2) на будущий год взыскать и за этот.

Губернатор N. N.».

Последовательно даны «формы разрешения» министра, формы «подтверждения», «ответа», «предписания, коим требуются сведения», «ответа на это предписание» и т. д. Что означала эта скрупулезность? Не сказала ли здесь склонность Сперанского (за этим докладом министра внутренних дел стоял именно он), как язвительно о нем писал Николай Тургенев, к формализму? Внимательный анализ всех перечисленных формуляров документов свидетельствует о совершенно четкой цели — дисциплинировать делопроизводство. Так же как форма дисциплинирует чиновника (не говоря уже о военном ведомстве), так и форма «письмоводства» должна была навести порядок, содействовать общему стремлению «друзей императора» модернизировать управление.

Таковы были общие тенденции Кочубея, которые обнажаются при анализе, казалось бы, сугубо формальных приложений к докладу. Но были и чисто утилитарные интересы. В формуляре четко названы части — клаузулы документа, которые несут основную смысловую нагрузку. Они заставляют создателя документа строго придерживаться регламентации, которая требует четкого формулирования сути дела, из-за чего губернатор обращается к министру. Они далее требуют, чтобы автор документа не только излагал, но и анализировал, и третье, чтобы автор сам давал альтернативное решение вопроса. В самом факте публикации этих формуляров следует усмотреть, что министр дезавуирует существовав-

¹ Доклад министра внутренних дел о новом образовании экспедиции государственного хозяйства. СПб., 1803, прилож. III, разд. «В».

шее «письмоводство» именно из-за его многословности, расплывчатости и многопредметности.

Не обширная «мемория», а документ в натуре должен был проходить через руки ответственного лица, для чего нужно было всеми средствами сократить время его работы над документом при помощи этих заранее известных начальнику ориентиров. Такие определенные клаузулы были не только ориентирами, они также первично формализовали материал по данному предмету для сводного документа. Так, формуляр доклада министра царю содержал все те же четыре клаузулы. Ясно, что такой порядок «письмоводства» экономил трудовые затраты, ускорил «производство бумаг», но немилосердно трафаретизировал их. Разработка обязательных формуляров разновидностей документации, предпринятая Кочубеем, должна была обеспечить еще одно важное качество — наличие признаков, «по коим бы можно по первому взгляду определить принадлежность... не только к своему отделению, но и к своему столу и к самому делу». Если в столбцовом делопроизводстве эту функцию выполняли клей и скрепа на обороте, то при том разделении «письмоводческого» труда, которое утверждалось предпринятой реформой, единственным ориентиром для быстрого поиска нужного документа был его «паспорт», «клеймо». Вполне естественно, что формальные внешние признаки документа играли все большую роль.

Изложенные общие принципы делопроизводства Кочубей считал обязательными не только для министерского уровня, но и для всех инстанций государственного управления. И здесь его ждало разочарование, которое он не смог скрыть в своем «Кратком отчете по Министерству внутренних дел с начала учреждения его по 25 ноября 1807 года»². Он констатирует абсолютную непригодность губернской администрации выполнять те функции, которые на нее возлагают новые обстоятельства, министерская система управления. А «переступая от губернского управления, — пишет Кочубей, — к уездному, недостатки и запутанности умножаются. Здесь благосостояние 40 т. или 50 т. душ, исполнение всех приговоров судебных мест, надзор за отправлением множества земских повинностей, сбор казенных и земских податей, починка мостов и дорог, поимка беглых, провожание колодников, сведения о количестве урожая, о состоянии магазинов, о ценах хлеба, о прогоне скота, о всем, что есть хозяйственного в уезде... все сие возложено и поверено двум или трем безгласным заседателям и одному исправнику, избранным большею частью из людей ненадежных, служащих для куса хлеба или по принуждению. И сии три человека со вверенною им воинскою командою из небольшого числа дряхлых солдат состоящею есть то, что у нас называется земскою полициею»³. Кочубей очень резонно отвечает на распространенный вопрос «почему прежде все шло лучше?» Было лучше, утверждает Кочубей, по сравнению с воеводскими и провинциальными канцеляриями. Но в настоящее время, через 30 лет после губернской реформы «какие перемены произошли в образе мыслей, нравах и понятиях о вещах, какое расширение получили промышленность и капиталы... то, что при первом образовании казалось достаточным, сделалось теперь весьма неполным»⁴. Автор отчета, настаивая на необходимости укрепления губернского и уездного звена в государственном управлении, аргументирует это, как мы видим, очень трезво и в полном соответствии с коренными интересами господствующего класса, испугавшегося последствий буржуазной революции и победы капитализма на западной части Европейского континента. В связи с целью данного сообщения важно подчеркнуть, что последовательно проводимая в начале века мо-

² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной е. и. в. канцелярии, вып. 1. СПб., 1876.

³ Там же, с. 183.

⁴ Там же, с. 184.

дернизация делопроизводства на различных уровнях государственного управления проходила неодинаково, а это в свою очередь должно быть учтено при источниковедческом анализе массовой документации. Сопротивление реальных обстоятельств намерениям реформатора привело к очень медленной эволюции. Вереница законодательных актов, ведомственных инструкций и распоряжений, изданных в первой половине века, свидетельствует об этой медлительности. Вместе с тем указанные нормативные материалы содержат важнейшие сведения по истории возникновения и развития многих разновидностей массовой документации. На мой взгляд, самой характерной чертой этого процесса была четкая специализация делопроизводства различных отраслей государственного управления (судебной, военной, ведомства управления духовных дел и т. д.), что в свою очередь порождало все новые и новые разновидности документации. Бросается в глаза и всемерное стремление к сокращению переписки, что вызывало стандартизацию ряда документов, создание бланков с целью их типографского размножения. Забегая вперед, заметим, что внедрение множительной техники и пишущих машин к концу века увеличило темпы формирования новых разновидностей массовой документации.

Достаточно сказать, что только за 1802—1823 гг. в соответствующих томах первого Собрания законов Российской империи мы насчитали более 35 законодательных актов по вопросам делопроизводства с приложением различных формуляров документов. Если же привлечь и нормативные материалы министерств, то их количество возрастет примерно в 5 раз.

Увеличение объема однородной документации нельзя объяснить только саморазвитием делопроизводственной системы. Само это развитие требует объяснений. Кочубей, как мы видели, понимал, что в этом процессе решающее значение имеют «перемены» времени. В переводе на марксистский язык это означает, что развитие и укрепление буржуазного уклада в жизни феодальной империи породило новые явления, новые отношения, новые интересы, которые должны были быть учтены господствующим классом для проведения своей классовой политики. Рождение капиталистического уклада втягивало в активную социальную деятельность более широкие круги общества, чем это было в эпоху классического феодализма, и эта деятельность также откладывала свою документацию.

Поток документации к 40-м годам XIX в. на губернаторском уровне достиг невероятных объемов. В год губернатор должен был подписывать до 100 тыс. документов или 270 «бумаг» ежедневно. Если предположить, что на каждый документ он тратил не более минуты, то одна только эта процедура в делопроизводстве занимала в день 4,5 часа⁵. Каков был ежегодный объем документации на уровне министерств, легко представить из ежегодных отчетов, которые охотно публиковали ведомственные издания в извлечениях, причем на количество «решенных дел» обращали особое внимание, как на свидетельство деловитости.

Когда Центральный статистический комитет в пореформенное время заинтересовался документацией министерств и управлений, то выяснилось, что только в центральных учреждениях ведутся 410 различных «статистических записей». Конкретный анализ этих «записей» показывает неточность терминологии, примененной для определения документов, содержащих сведения, поддающиеся статистической обработке. Статистик Е. Огородников, проводивший эту работу, не входил в источниковедческие тонкости (что, впрочем, делают и многие наши современники) и не различал статистическую заданность документа, т. е. собственно «статистическую запись» от всех иных видов документации, не несущих при-

⁵ Губернаторы. Историко-юридический очерк Ив. Блинова. СПб., 1905, с. 161.

знака такой заданности, но могущих быть привлеченными в качестве объекта первичного статистического наблюдения⁶. Нужно, однако, отдать должное Огородникову: характеризуя «материалы документальные» и «обыкновенное делопроизводство», откуда извлекаются данные, он пишет: «Этот род источников представляет достаточную достоверность и точность сведений, основанных на этих источниках, зависит только от правильного ведения записей, правильного из них извлечения цифр и повсеместного за тем наблюдения»⁷ в то время, когда собственно статистические материалы такого доверия у него не вызывают.

Таблица, составленная на основании сведений, приводимых Огородниковым, дает самое общее представление о разновидностях массовой документации, сформировавшихся за 60 лет деятельности министерств в XIX в.

Ведомство	Число разновидностей массовой документации	Ведомство	Число разновидностей массовой документации
Министерство внутренних дел	138	Министерство юстиции	14
Министерство финансов	82	Министерство уделов (двора)	7
Министерство государственных имуществ	64	Ведомство почт и телеграф	5
Святейший синод	38	Морское министерство	2
Военное министерство	34	Учреждение имп. Марии	3
Министерство путей сообщения	17	Другие ведомства	6

Если же попытаться выявить, какие стороны жизни общества получили наибольшее освещение в документах, то получим следующую картину: вопросы измерения и хозяйственного распределения земель получили постоянное освещение в 25 разновидностях документов (10 из этих разновидностей сформировались в делопроизводстве Министерства государственных имуществ); вопросы демографии, в том числе и экономического положения населения, — в 48 разновидностях документации (из них в Министерстве внутренних дел — 23, в Святейшем синоде — 11); вопросы народного «образования и нравственности» — в 78 (из них в Министерстве внутренних дел — 34, в Святейшем синоде — 21); вопросы, касающиеся промышленности «в разных ее видах», — в 104 документах (из них 50 в Министерстве финансов, а 28 — в Министерстве внутренних дел); «городское и сельское хозяйство» — в 32 документах (из них 22 в Министерстве внутренних дел).

Самой примечательной особенностью формуляров этих документов является их постоянное приближение к табличной форме, сокращение описательной части, которая доводится до устойчивых пяти-шести словесных формул с цифровым выражением. Законодательное стимулирование этой эволюции особенно интенсивно начиная с 40-х годов XIX в. Этот процесс формализации охватывает даже такие ведомства, которые по деятельности и характеру делопроизводства были наиболее консервативны. Так, например, если по указанию Святейшего синода в 1829 г. у настоятелей монастырей и церковных причтов должны были быть описания церковей православного вероисповедания по произвольной, неустановленной форме, то уже в 1837 и 1844 гг. циркуляры обер-прокурора Святейшего синода предлагали специальные формы — ведомости на отпечатанных бланках, куда вносились нужные сведения.

Это наблюдение требует, конечно, поправки на специфику интереса Е. Огородникова к таким документам, которые содержат цифровые данные. Но он вполне отчетливо пишет об обыкновенном делопроизводстве,

⁶ Общий обзор записей по ведомствам и главным управлениям империи. Сост. в Центральном статистическом комитете под ред. Огородникова. СПб., 1867.

⁷ Там же, с. V.

и перечень его видов не оставляет сомнения в том, что он различает статистическую форму и документ, такой формы не имеющий, но содержащий цифровые сведения. Так или иначе, но практика развития тех принципов делопроизводства, которые были провозглашены с образованием министерств, породила эти разновидности, а поскольку их создатели стремились к упрощению документов, стандартизируя их формуляр, то ясно, что в настоящее время в качестве источников они прежде всего должны стать объектом дипломатики.

Не забудем еще об одной важнейшей особенности характеризуемой документации. Выше указывалось, что выдвинутые в качестве постоянных клаузул части «представления» служили в качестве первично формализующих материал для обобщения. Поскольку «представление» обобщает все виды документов инициативного характера, идущего снизу, то во всей иерархии создавался аналогичный по форме документ, который на каждой ступеньке учрежденческой лестницы суммировал содержание предыдущих. Таким образом, знание формуляра и обстоятельств возникновения первичного документа, его «истории» столь же важно, как при анализе уникального источника, более того, оно здесь приобретает особое значение в источниковедческом анализе. При этом не все клаузулы документа, созданного в той или иной инстанции, могут быть оценены по одинаковым критериям. Закономерность представляется такой: чем ниже инстанции, тем важнее степень достоверности сведений двух первых информативных клаузул («изложение дела» и «причины») и тем ограниченнее значение оценочных клаузул («неудобства» и «заключение»).

Этот краткий, схематичный и неизбежно неточный очерк исторического развития делопроизводства в министерский период все же дает представление о естественной эволюции документов в сторону стандартизации. В этом же направлении развивалась форма частноправовой документации (договоров и сделок, завещания и т. п.).

Поэтому когда историк-источниковед в наши дни формализует материал массового документа, то это вовсе не искусственное раздробление ткани документа, а как бы логическое завершение того процесса преобразования массовой документации, которое в свое время не завершилось. Столь же оправданно и естественно применение регест в археографии, которое представляется как один из приемов формализации. Каждая разновидность массовой документации поддается формализации. И это доказано на материале подворных описей, уставных грамот и выкупных актов, личных карточек рабочих и служащих, штрафных книг и т. д. В этих случаях формализация облегчается тем обстоятельством, что мы имеем дело с документом со строгим формуляром и с цифровым материалом. Но как быть с документами, в которых преобладает описательность, повествовательность? Именно в этом случае регесты, бывшие в свое время только одним из приемов публикации документов, могут послужить делу формализации материала для последующей его обработки при помощи количественных методов.

Формализацию таких массовых документов с преобладанием повествовательного материала еще в конце прошлого века предлагал В. И. Ленин.

Ленин, изучая материал второго выпуска «Обзора Ярославской губернии», посвященного отхожим промыслам крестьян по «отзывам» местных корреспондентов 166 волостей губернии, замечает: «Следовало бы попытаться обработать материал сей книги, сгруженный по волостям в таком сыром виде, что никакие выводы невозможны кроме того, что «есть отзывы». Но отзывы есть о чем угодно». Далее Ленин предлагает «по каждой волости (из 166 в губернии, о которых сведения даны) выбрать ответы на вопросы»⁸ и намечает 10 таких вопросов, которые могли бы, формализуя материал, его организовать в удобное для изучения состояние. Вопросы не требуют «численного» ответа, иначе говоря, они не пред-

⁸ Ленинский сборник. т. XXXIII, с. 512.

назначены для выборки цифровых данных, а имеют своей целью собрать, «сгустить» содержание, преодолеть описательную рыхлость первичного наблюдения «отзывов», чтобы затем дать качественную характеристику отхода по каждой волости и обеспечить сопоставимость этих характеристик. Приведем полностью список вопросов, предложенных В. И. Лениным:

- 1) Развивается ли уход на сторону или нет?
- 2) С которых пор начался?
- 3) На какие главным образом работы идут?
- 4) Есть ли улучшенные орудия? Увеличивается ли их число?
- 5) Есть ли травосеяние? Развивается ли? Отмечается ли, что на арендованных, купчих землях или у отдельных хозяев?
- 6) Есть ли наем пришлых рабочих? Часто или редко? Только отхожниками или и остающимися?
- 7) Есть ли сдача земли? Часто ли?
- 8) Почему сдают землю? а) за огороды? б) за весь оброк? с) за часть оброка?
- 9) Есть ли заброшенная земля? Увеличивается или уменьшается?
- 10) Когда рабочие приходят домой: летом или зимой?»⁹

Как видим, это «анкетирование» не имеет прямого выхода к статистической таблице. Прежде всего необходимо было выявить качественные параметры изучаемого явления, а это нельзя было сделать, навязывая источнику количественное измерение, ибо он не содержал конкретных и точных данных для такого измерения. Ответы на вопросы не должны были обязательно содержать цифровые данные. Каждый ответ, содержащий качественную характеристику, должен был на следующей стадии изучения источника уже служить материалом для количественной характеристики. Количество альтернативных ответов на первый вопрос, например, могло быть сопоставлено для выяснения соотношений и т. д. Перед нами классический пример перевода содержания массового источника, изложенного в повествовательной манере, на язык статистического источника при помощи формализации, причем формализующий вопросник — не искусственная схема, а прямо вытекает из точно очерченных возможностей источника. В свете ленинского приема формализации содержания массовых источников следует положительно оценивать получившее широкое распространение в современной археографии применение регест при публикации массовой документации.

Регесты — это форма сокращенной передачи текста или содержания документа, которую некоторые наши археографы применяют с целью введения в научный оборот как можно большего количества документов массового характера, публикация полного текста которых нерациональна, так как ведет к разбуханию публикаций. Так, например, «Хроника крестьянского движения» в серийной публикации «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в.», осуществленной под редакцией академика Н. М. Дружинина, представляет собой своеобразную регестную форму. Научную и практическую целесообразность регест доказали археографы во главе с одним из крупнейших — С. Н. Валком¹⁰. Научные рекомендации применения регест и других форм сокращенной передачи текста содержатся в методическом пособии «Сокращенная передача содержания документальных источников». Внедрение в археографическую практику регест поможет введению в научный оборот документов, огромной массой оседающих в современном делопроизводстве.

Эти соображения дополняются еще одним доказательством целесообразности регест. Дело в том, что регесты в современных условиях являются важнейшим средством формализации материала для математической обработки этих массовых данных. Это совершенно новая сторона применения регест, которая не фигурировала в перечне доказательств их целесообразности.

⁹ Ленинский сборник, т. XXXIII, с. 512—513.

¹⁰ Валк С. Н. Регесты в их прошлом и настоящем. — АЕ за 1968 год. М., 1970.

А. И. Вдовин, А. К. Соколов

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ
МАССОВЫХ ИСТОЧНИКОВ
ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО КЛАССА СССР
(на историческом факультете МГУ)**

Массовые источники все больше привлекают внимание исследователей, поскольку позволяют освещать важнейшие исторические явления и процессы, возможности исследования которых на основе других видов источников ограничены или исключены. Значение массовых источников увеличивается по мере приближения исторической проблематики к современности вместе с возрастанием их удельного веса среди других видов исторических источников. Современная учетная и контрольная первичная статистическая документация представляет, например, огромные комплексы массовых источников, обработка которых немыслима без новейших средств анализа и синтеза. Многие формы этой статистической документации практически подготовлены для их обработки с помощью ЭВМ.

В соответствии с этим и современное источниковедение также переживает существенные изменения. Оно оказывается тесно связанным со всей системой информационного обслуживания общества, ее научными основами, с использованием современных средств хранения, поиска и обработки информации.

Относительная простота современных методов анализа и синтеза позволяет быстро и эффективно обрабатывать большие массивы информации эмпирического (преимущественно цифрового) характера, представлять их в качестве таблиц, схем, графиков, моделей и т. п. Они освобождают историю от простейших, но наиболее трудоемких операций по обработке массовых источников. Вместе с тем применение современных методов исторического исследования требует расширения сферы традиционного источниковедения, например разработки приемов и средств кодирования информации источников, ее упрощенной записи, способов формализации исследовательской процедуры.

Использование современных методов анализа уже позволило советским ученым ввести в научный оборот широкий круг массовых источников по разным периодам истории и различным проблемам. Растет число исследователей и исследовательских групп, работа которых связана с изучением проблем, органически требующих введения в научный оборот массовых источников, применения математико-статистических и машинных методов их обработки, публикации материалов. Некоторый опыт такой работы накоплен на историческом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Актуальная в исторической науке проблема изменений социальной структуры советского общества на разных этапах социалистического и коммунистического строительства остается пока одной из наиболее сложных и наименее изученных. Выступая на XXV съезде КПСС, Л. И. Бреж-

нев выделил эту проблему как относящуюся к основным тенденциям развития нашего общества, требующим углубленного анализа¹.

Исследование изменений социальной структуры общества требует большого объема информации о количественных параметрах классов, отдельных социальных групп и коллективов, о взаимодействии различных факторов, определяющих их внутреннюю структуру. Увеличение объема информации достигается за счет введения в научный оборот массовых материалов статистики и учета, углубления методов поиска, анализа и синтеза историко-статистической информации.

К числу работ, выполненных на историческом факультете МГУ, относится обработка первичных материалов профессиональной переписи 1918 г. и публикация результатов этой обработки².

Первичные материалы переписи 1918 г. представляют собой огромный комплекс статистических данных, характеризующих рабочий класс Советской России в момент решающих революционных преобразований — в первый год пролетарской диктатуры. Перепись позволяет наметить отправной пункт в изучении изменений социальной структуры советского общества.

Обширная программа, содержащая более 60 показателей (профессиональная структура, стаж, преэмественность в труде на фабриках и заводах, образование, социальное и географическое происхождение, условия труда и быта рабочих, их заработки, жилищные условия, связь с деревней, производственная и общественная активность и др.), позволяет широко использовать перепись для анализа социальной структуры рабочего класса. Однако это возможно лишь при условии повторного введения в научный оборот первичных материалов переписи³, так как прежде опубликованные ее материалы⁴ имеют весьма ограниченный характер, а часть сведений вообще не была обработана.

Ввиду огромного объема первичных материалов переписи (свыше 1 млн. личных карт рабочих, занимающих более 200 м стеллажей в архивохранилище) обработка и публикация проводилась в несколько приемов с целью обеспечить точность и представительность полученных данных.

Вопрос о применении выборки в историческом исследовании в настоящее время не случайно рассматривается в качестве важной методологической проблемы. Когда дело касается изучения массовых источников, применение научно обоснованной выборки приобретает особенно большое значение и связано с проблемой статистического установления репрезентативности привлеченного комплекса массовых источников.

Выборочный метод несет в себе значительные эвристические функции. Он может служить для собирания разрозненных сведений, отложившихся в источниках, для оценки представительности имеющихся в распоряжении историка данных, для оценки качества ранее проведенных массовых обследований. Очень часто при помощи выборки историк получает возможность увеличить объем и усложнить характер решаемых задач, дополнить официальные публикации статистических обследований аналитическими разработками, где можно применить всю совокупность приемов более тонкого математико-статистического анализа. Особенно перспективным является применение выборочного метода для обработки материалов переписей и первичного учета. Методика выборочной обработ-

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 72.

² Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. (Опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.). М., 1975.

³ ЦГАНХ, ф. 1562, оп. 5.

⁴ Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 года. Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.— Труды ЦСУ, т. XXVI, вып. 1. Промышленная перепись. М., 1926; вып. 2. Профессиональная перепись. М., 1926.

ки в настоящее время становится все более отточенной, позволяющей эффективно работать с большими комплексами исторических документов.

В процессе обработки первичных материалов профессиональной переписи 1918 г. с помощью ЭВМ решался класс задач по группировке и перегруппировке статистических сведений, по анализу взаимосвязей факторов. Были получены таблицы, характеризующие рабочий класс по всем показателям, включенным в перепись. Для изучения взаимосвязей различных факторов, имеющих статистическую природу, использовался специальный математический аппарат, предложенный В. А. Устиновым и А. Ф. Фелингером⁵, позволяющий работать не только с теми признаками, которые имеют количественную меру (к таким относятся, например, возраст, стаж, заработок), но и с теми, которые такой меры не имеют (профессия, образование и т. д.). Изучение взаимосвязей признаков является важнейшей частью анализа статистической информации, содержащейся в массовых источниках.

Следующим этапом обработки материалов переписи было воссоздание социального портрета передового рабочего, участвующего в управлении производством. Эта работа проводилась уже методом сплошного изучения. Хотя в остальном методика анализа оставалась прежней.

Методика, разработанная при использовании первичных материалов профессиональной переписи 1918 г., нашла широкое применение. Она послужила основой изучения социального облика инженерно-технического персонала, служащих среднего звена и младшего обслуживающего персонала по материалам переписи служащих советских учреждений г. Москвы 1922 г. В настоящее время с помощью этой методики начата также обработка материалов переписи ответственных профсоюзных работников 1920 г. Эта перепись содержит ряд динамических показателей о движении профсоюзного актива в период 1917—1920 гг., поэтому методика анализа материалов этой переписи требует дальнейшей разработки. Первичные материалы переписи по существу не обрабатывались. Они лишь использовались для составления картотеки ответственных работников профсоюзов, а между тем программа переписи исключительно интересна и позволяет охарактеризовать рабочий актив на первом этапе существования Советского государства.

Из числа завершенных работ следует отметить обработку материалов переписи служащих государственного аппарата 1922 г. Результаты обработки опубликованы отдельным изданием⁶ в дополнение к первой публикации 1922 г., носящей ограниченный характер.

Среди массовых источников по истории советского рабочего класса важное место занимают материалы выборочных обследований и переписей рабочих, проводившихся в конце 20—начале 30-х годов статистическими отделами Госплана и ВЦСПС. Имеются в виду выборочные обследования рабочих и служащих ряда профсоюзов в 1929 г., проведенные ВЦСПС, состава рабочих ряда отраслей народного хозяйства, проведенные в 1930—1931 гг. Госпланом СССР, переписи новых членов профсоюзов 1931 г. и профсоюзная перепись 1932—1933 гг.

Как известно, первичные материалы этих обследований или не сохранились, или до сих пор не разысканы в архивах. Историки вынуждены пользоваться публикациями этих переписей, возможности дальнейшего анализа которых практически исчерпаны или во всяком случае довольно ограничены. Безусловно, необходимо и в дальнейшем вести поиск первичных материалов всех этих обследований. Вместе с тем при использовании имеющихся публикаций для анализа состава рабочего класса конца 20—начала 30-х годов нужно обращать большее внимание на работы

⁵ Устинов В. А., Фелингер А. Ф. Историко-социальные исследования, ЭВМ и математика. М., 1973.

⁶ Васяев В. И., Дробижев В. З., Закс Л. В. и др. Данные переписи служащих 1922 г. о составе кадров наркоматов РСФСР. М., 1972.

тех исследователей, которые в свое время пользовались первичными материалами обследований для анализа проблем, решение которых невозможно только на основе публикаций.

Так, наряду с публикациями материалов профессиональной переписи 1929 г. большое значение имеет, например, специальная разработка 87 тыс. анкет молодых рабочих, выполненная в Госплане СССР накануне IX съезда ВЛКСМ. Результаты этой очень интересной разработки опубликованы⁷. Точно так же в свое время первичные материалы профсоюзной переписи 1932—1933 гг. подверглись обработке не только авторами известных публикаций, но также и другими исследователями. В частности, удачный подход продемонстрировал А. Цукерник, обработавший по особой программе 12,5 тыс. анкет горняков Донбасса⁸. Он изучал зависимость производительности труда рабочих от их возраста, стажа, образования, партийности, участия в соревновании, т. е. очень важные взаимосвязи, установить которые невозможно по публикации итогов всей переписи. Подобные исследования не потеряли своей значимости и в настоящее время. Изучение материалов публикаций переписей конца 20—начала 30-х годов следует вести в комплексе с подобными исследованиями.

Необходимо отметить также книгу Л. Зингера «Национальный состав пролетариата в СССР» (М., 1934), в которой использованы неопубликованные материалы профсоюзной переписи и данных профучета по Средней Азии, Закавказью и другим национальным районам. Ссылки на книгу Л. Зингера нередко встречаются в литературе последних лет, а некоторые авторы называют ее «единственным в определенной степени обобщающим трудом», в котором содержится «богатый фактический материал о численности и составе» рабочих и «убедительно показаны первые успехи Советской страны в подготовке квалифицированных рабочих кадров в национальных республиках»⁹.

Однако пользоваться данными книги Л. Зингера следует с предельной осторожностью. Необходимо учитывать, что сразу же после выхода в свет книга в целом получила компетентную отрицательную оценку в рецензии О. Кабакова¹⁰ и в сопровождавших ее замечаниях редакции. «Весь «труд» Зингера,— говорилось в замечаниях редакции — написан на основе случайно полученных ВЦСПС из отдельных областей неполных материалов, которые, в силу их дефектности, не были даже опубликованы»¹¹. Автор обвинялся в «выдумывании цифр, жонглировании ими, полном отсутствии элементарной статистической порядочности, спекуляции на доверии советского читателя к опубликованной цифре», в заключение книга названа даже «образцом самой низкопробной и вредной халтуры»¹². О существовании подобной рецензии напоминал в 1964 г. старейший исследователь советского рабочего класса М. Т. Гольцман, добавив от себя, что «дефектность этой книги нетрудно обнаружить при внимательном ознакомлении с ее содержанием»¹³. Очевидно, что использовать книгу Л. Зингера без учета столь авторитетных оценок невозможно. На этом, в данном случае отрицательном, примере мы еще раз хотели подчеркнуть мысль о том, сколь важен комплексный подход к публикациям итогов переписей и разработкам первичных материалов этих переписей, которые были сделаны раньше отдельными исследователями.

⁷ Состав рабочей молодежи по массовым данным профпереписи. М., 1931.

⁸ Цукерник А. Рабочие кадры и производительность труда в угольной промышленности Донбасса.— Проблемы экономики, 1935, № 5.

⁹ Актуальные проблемы истории советского рабочего класса. М., 1975, с. 161, 162.

¹⁰ Кабаков О. В плену цифр. (О книге: Л. Зингер. «Национальный состав пролетариата СССР» под ред. С. Диманштейна, изд. «Власть Советов», 1934).— Вопросы профдвижения, 1935, № 9, с. 80—83.

¹¹ Там же, с. 83.

¹² Там же, с. 85.

¹³ Формирование и развитие советского рабочего класса. М., 1964, с. 399.

В настоящее время внимание ученых все больше концентрируется на разработке массовых источников по истории рабочего класса развитого социалистического общества. Об особой актуальности данной проблематики говорить не приходится, это нашло отражение на страницах печати, в материалах конференций и симпозиумов. В практике исследования часто приходится использовать методы исторической, экономической науки и социологических исследований. Материалы социологических исследований традиционно входят в группу массовых источников. Здесь имеется довольно разработанная методика и техника их обработки. Происходит взаимное обогащение методик.

Одним из важных видов массовых источников являются личные карточки рабочих. Они представляют собой весьма обширный и хорошо сохраняющийся комплекс исторических источников. Так, например, на заводе «Серп и молот» (Москва) карточки хранятся с 1880 г., на фабрике «Красный Перекоп» в Ярославле — с 1897 г., на фабрике им. рабочего Ф. Зиновьева в Иванове — с 1925 г. и т. д. Это позволяет проследивать становление трудовых коллективов, изучать изменения профессионального, возрастного, образовательного состава, движение рабочей силы и другие вопросы. На многих предприятиях в настоящее время создается так называемая социальная карточка, содержащая общие сведения из жизни и быта рабочих и их семей. Такая карточка на автомобильном заводе в Тольятти насчитывает, например, около 100 показателей. Заключение в подобных карточках информация весьма обширна.

Нужно обратить внимание и на ограниченность данного источника. Он дает наиболее общие объективные показатели. Возникает проблема привлечения других видов массовых источников, необходимых для характеристики различных явлений субъективного плана, социальной психологии, общественно-политического облика и т. п.

В настоящее время личные карточки обрабатываются только с целью характеристики новых пополнений на производстве. В ряде дипломных работ выпускников исторического факультета 1975—1977 гг. проведена обработка личных карточек завода «Электросталь», Руставского металлургического комбината, Заволжского моторного завода, фабрики им. рабочего Ф. Зиновьева в Иванове, Владимирского завода «Автоприбор».

Перспективы обработки массовых источников представляются весьма широкими. Предполагается обработка характеристик и автобиографий передовых рабочих, материалов прессы и др. Будет вестись также дальнейшая разработка математического, статистического и кибернетического анализа и синтеза содержащейся в массовых источниках информации.

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

Председатель Археографической комиссии *С. О. Шмидт* в своем вступительном слове отметил актуальность проблемы сокращенной передачи текста массовых источников, стоящей на стыке археографии, источниковедения и историографии. Массовые исторические источники, т. е. распространенные разновидности источников с устойчивой формой, являются в значительной степени источниковой базой для изучения многих проблем не только социально-экономической, но и политической истории и истории культуры. Изучение таких источников, оценка их информативности, различные приемы их исследования все больше привлекают ученых самого разного профиля.

С большим интересом был встречен доклад чл.-кор. АН СССР *И. Д. Ковальченко* «Задачи изучения массовых источников по истории СССР», который прозвучал на конференции по источниковедению и специальным историческим дисциплинам в Геленджике. На этой же конференции было сделано и сообщение о проблеме массовых источников в современной американской историографии. Разработка этой проблемы важна и потому, что археография, как и все области общественных наук, является ареной для идеологической борьбы с современными буржуазными немарксистскими и антимарксистскими учениями. Вопрос об изучении и использовании массовых источников неоднократно поднимался на заседаниях симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы.

Обращение к массовым источникам — давняя традиция исторической, экономической и других наук. Источники именно этого типа были использованы *В. И. Лениным* в его классическом труде «Развитие капитализма в России». Изучению массовых источников посвящено немало трудов последнего времени. Результаты этого нашли отражение в таких ценных изданиях, как «Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV — начало XVI в.» (Л., 1971) и «Аграрная история северо-запада России XVI века. Новгородские пятины» (Л., 1974), изданные под руководством *А. Л. Шапиро*, и «Аграрная история Европейского Севера СССР» (Вологда, 1970), вышедшая под редакцией *П. А. Колесникова*.

Советской наукой давно уже поставлен вопрос о разработке приемов сокращенной передачи текста и содержания массовых источников в виде регест, таблиц и иными способами. Одним из инициаторов этого был покойный председатель Археографической комиссии *В. И. Шунков*, который еще в 1939 г. подчеркивал необходимость применения сокращенных изданий массовых источников и отмечал, что их подготовка потребует особенно большого напряжения от публикатора. Сам *В. И. Шунков* та-

ким способом подготовил к изданию кабальные книги XVI—XVII вв.¹ После Великой Отечественной войны появились работы, содержащие практические рекомендации по сокращенному изданию различных видов массовых источников: таможенных книг XVII в.,² материалов, связанных с проведением крестьянской реформы 1861 г.,³ документов по истории советского общества⁴. Наконец, появилась большая статья С. Н. Валка, в которой он проанализировал как отечественный, так и зарубежный опыт регестных изданий⁵. За время, истекшее с тех пор, было подготовлено немало сокращенных изданий массовых источников (частично они отражены в методических рекомендациях Н. И. Басовской и В. М. Хевролиной «Сокращенная передача содержания документальных источников в изданиях по истории советского общества» (М., 1971).

Нельзя не отметить, однако, что иногда отрицали любое сокращение текста источника. Так, на основании высказываний Ф. Энгельса о недопустимости внесения изменений в текст трудов К. Маркса при их издании ставился под сомнение опыт советских археографов в издании сокращенных текстов источников вообще⁶. При этом не принималось во внимание то, что советские археографы издают сокращенным способом, конечно, не труды классиков марксизма-ленинизма, являющиеся уникальными документами, а источники массового характера.

Совершенно ясно, что не все массовые источники можно публиковать сокращенно. Сокращению поддаются только массовые источники с устойчивым формуляром, содержащие повторяющиеся данные. Нужно учитывать и то, что ни одно издание не может заменить собой подлинника. Исследователь, специально поставивший перед собой собственно источниковедческую или частную историческую тему, даже при наличии издания нужных ему источников все равно обязан пойти в архив, чтобы изучить их визуально. В то же время для решения более широких задач (например, определения уровня развития той или иной отрасли хозяйства, демографических изменений и др.) достаточно обращения к сокращенным изданиям.

В связи с тем, что издание всех массовых источников полностью представляется невозможным, возникает практическая проблема, как же довести до сведения ученых, общественных деятелей, заинтересованных лиц максимальное обилие информации об историческом прошлом. На помощь должны прийти методы археографии. Сейчас, когда в сознании ученых археография все больше сближается с источниковедением, нельзя сводить ее роль к роли аккуратного переписчика. Археограф, в частности, публикатор текстов — прежде всего исследователь, а значит, именно он должен выработать и приемы сокращенной передачи текста. Эта необычайно нужная науке работа разворачивается сейчас все шире⁷.

¹ См. об этом статьи: *Шмидт С. О.* В. И. Шунков — источниковед и археограф. (Первые десятилетия творческой деятельности). — АЕ за 1967 год. М., 1969; *Кушева Е. Н.* О работе В. И. Шункова по подготовке издания кабальных книг конца XVI — начала XVII в. и записных книг старых крепостей 1597—1598 гг. — АЕ за 1975 год. М., 1976.

² *Митяев К. Г.* К вопросу о передаче содержания таможенных книг XVII в. Смоленские таможенные книги. — ТМГИАИ, т. 4. М., 1948.

³ *Литвак Б. Г.* О некоторых приемах публикации источников статистического характера. — ИА, 1957, № 2; см. также: *Он же.* Опыт статистического изучения крестьянского движения в России в XIX в. М., 1967.

⁴ *Дробижев В. З.* Некоторые вопросы передачи текста массовых источников. — ИА, 1960, № 6.

⁵ *Валк С. Н.* Регесты в их прошлом и настоящем. — АЕ за 1968 год. М., 1970.

⁶ *Селезнев М. С.* Вопросы публикации источников в трудах Ф. Энгельса. — СА, 1972, № 3; см. также: *Мурашов С. И., Селезнев М. С., Вяликов В. И.* Архивы и историческая наука. — СА, 1972, № 4.

⁷ Она отражена в обобщающей статье К. К. Мироновой и Л. И. Панина «Некоторые итоги и перспективы публикационной работы архивных учреждений СССР» (СА, 1976, № 3).

Вопросы, которые сегодня обсуждаются на нашем заседании, связаны не только с теорией, но и с практикой нашей работы и должны способствовать повышению археографической культуры. Обсуждение вопросов разработки методик сокращенных изданий имеет в наше время большое значение, поскольку с появлением науковедения сама процедура исследований стала вызывать не меньший интерес, чем их результаты. Сейчас, когда в нашей стране выполняется пятилетка качества и эффективности производства, мы призваны и в области научных знаний вводить в практику наиболее эффективные приемы научной информации, позволяющие оптимально использовать ее в научных, общественно-воспитательных и пропагандистских целях.

С докладом о сокращенных изданиях массовых источников XVII в. выступил *А. И. Копанев* (ЛОИИ)⁸. Доклад *Б. Г. Литвака* (Институт истории СССР АН СССР), построенный на материалах XIX в., был посвящен приемам формализации содержания массовой документации и регестам⁹. *А. И. Вдовин* и *А. К. Соколов* (МГУ) в своем докладе рассмотрели некоторые вопросы изучения и публикации массовых источников по истории рабочего класса СССР на историческом факультете МГУ¹⁰.

После докладов состоялись прения. *Е. Н. Кушева* в своем выступлении отметила важность заслушанных докладов, показывающих, что вопрос о сокращенных изданиях массовых исторических источников весьма актуален. Заметив, что опыт таких изданий ограничивается главным образом таблицами и регестами, она рассказала об ином методе, примененном *В. И. Шунковым* в 1930-х годах при подготовке к изданию кабальных книг — книг регистрации служилых кабал на холопов. В результате обследования фондов ЦГАДА *В. И. Шункову* удалось выявить около 400 кабальных книг 1591 г.—конца XVII в. Их исключительная научная ценность состояла в том, что они представляли собой действительно массовый источник с установившимся формуляром, содержавший сведения о многочисленном разряде феодально-зависимого населения. К концу 1930-х годов *В. И. Шунков* подготовил первый том, включавший 24 кабальные книги по Новгороду за 1592—1609 гг. и одну книгу записи старых крепостей 1597—1598 гг. Подготовленное издание было одобрено *Б. Д. Грековым*, *С. Н. Валком*, *С. Б. Веселовским* и рекомендовано к печати. Однако начавшаяся Великая Отечественная война помешала его осуществлению.

Сохранившаяся машинопись работы (около 1100 страниц) показывает, что этот труд и сейчас сохраняет научное значение и по содержанию включенных материалов и по своей методике. Необходимым условием подготовки сокращенного издания кабальных книг *В. И. Шунков* считал сочетание сокращений с возможностью для читателя восстановить полный текст каждого документа. Для достижения этой задачи им были выработаны особые приемы сокращения. Для каждой кабальной книги *В. И. Шунков* давал полный текст первой включенной в книгу служилой кабалы, разбивая его на разделы, обозначенные порядковым номером. Дальнейшие записи служилых кабал давались в сокращении с заменой буквально повторяющихся разделов цифрами. Текст записей старых крепостей, включающих разнородные документы, приводился полностью.

В заключение *Е. Н. Кушева* поставила вопрос о необходимости издания подготовленного *В. И. Шунковым* тома кабальных книг. Подчеркнув ценную сторону методики *В. И. Шункова* — возможность для читателя восстановить в полном объеме сокращенный источник, *Е. Н. Кушева* заметила, однако, что такая установка может быть применена не всегда.

⁸ Публикуется на стр. 222—225 наст. изд.

⁹ Публикуется на стр. 226—232 наст. изд.

¹⁰ Публикуется на стр. 233—237 наст. изд.

Конкретные приемы сокращенного издания массовых источников должны вырабатываться в связи с характером самого материала.

Ю. Г. Алексеев (ЛОИИ) отметил сложность, возникающую при конкретном подходе к сокращенному изданию каждого отдельного памятника. Он сформулировал два основных, по его мнению, принципа, которые должны быть положены в основу всех изданий сокращенного типа. Первый принцип — универсальность, т. е. обеспечение наибольшей широты охвата содержания памятника. Такое издание должно отвечать интересам возможно более широкого круга исследователей. Второй принцип — индивидуальный подход к изданию каждого вида памятников. Необходимо соблюдать тонкие различия в приемах передачи текста разных памятников, даже таких близких, как писцовые и переписные книги. Поскольку сокращенное издание требует еще более основательной научной подготовки, чем издание обычное, для его осуществления необходимы специальные исследовательские группы. Осветив опыт подготовки к печати сокращенных изданий в Ленинградском отделе ИИИ Института истории СССР АН СССР, Ю. Г. Алексеев назвал такие работы, как проект издания веревных книг XVII в., подготовленный А. И. Копаневым, проект издания обыскной книги XVI в., разработанный Г. А. Победимовой. Он упомянул также о докладе Н. П. Воскобойниковой, сделанном ею в ЛОИИ, о своем опыте подготовки к изданию писцовых документов. Остановившись на проблеме сокращенного издания переписных книг, Ю. Г. Алексеев указал на два возможных варианта: в виде таблиц без приведения имен и в виде таблиц, где имена даются сокращенно. Отмечая ценность переписных книг как источника, содержащего богатейшую персоналию, он высказался за второй вариант. В заключение Ю. Г. Алексеев подчеркнул важность создания типовых инструкций и таблиц для сокращенных изданий каждой группы памятников, что не исключает индивидуального подхода к каждому данному документу.

В. Б. Павлов-Сильванский (Археографическая комиссия) в своем выступлении подробно остановился на докладе А. И. Копанева. Он сказал, что попытка докладчика подкрепить свои доводы относительно целесообразности «сокращенных изданий» писцовых и переписных книг доказательствами наличия в отечественной «археографической практике давней традиции сокращенных изданий исторических источников» вообще не достигает цели ввиду отсутствия систематизации и анализа привлеченного для этого фактического материала. Но такое отклонение в сторону более общей проблемы вынудило А. И. Копанева отказаться от детального рассмотрения вопросов, непосредственно относящихся к «сокращенным изданиям» писцовых и переписных книг (дано лишь перечисление соответствующих изданий с краткими сопроводительными замечаниями о том, что в них было напечатано из означенных книг и что при этом подверглось сокращению). В результате вся «историографическая» часть доклада оказалась практически непригодной для каких-либо обобщений. Между тем анализ материала, которым оперирует А. И. Копанев, позволяет заметить, что нет никаких оснований для вывода о наличии в археографической практике каких-то «традиций сокращенных изданий писцовых и переписных книг» (в другом месте доклада сказано, что «выявились разные приемы» их изданий). Дело, пожалуй, заключается в ином. Крайне широкая трактовка А. И. Копаневым самого понятия «сокращенное издание источника» вольно или невольно привела его там, где он говорит об истории вопроса, к искусственному соединению совершенно различных вещей: 1) публикации собственно текстов писцовых и переписных книг целиком, но с применением той или иной системы их сокращенной передачи для уменьшения объема изданий и 2) многообразных форм введения в научный оборот содержания этих книг посредством печатания материалов из них. Там же, где речь идет о конкретных предложениях, под «сокращенными изданиями» книг подразумевается только последнее

из указанного выше. Ибо, хотя в качестве основных препятствий для публикации текстов писцовых и переписных книг названы их большое количество и «объемность», мы не найдем в докладе поиска путей уменьшить объем предполагаемых изданий за счет, например, сокращенной передачи лишь постоянно повторяющихся элементов формул описания и т. д. Все внимание сосредоточено на обосновании «возможности и крайней желательности» следующих вариантов «сокращенных изданий», которые по существу являются не чем иным, как «материалами» из книг. 1) Публикация итоговых данных по отдельным административным округам (для Севера XVII в. «дает огромный материал об аграрной истории», о процессах освоения земель, «о положении крестьянского населения и его социальном составе»). 2) Передача содержания книг «по генеральной линии» в виде таблиц («единый устойчивый формуляр книги позволяет построить таблицу из граф, в которых легко укладывается весь многообразный цифровой материал»). 3) «Перечни сел, деревень, погостов в разновременных описаниях» («представляет интерес для истории поселений»). 4) Издание «данных» из книг «и на другие темы, например, по истории населения, семьи, хозяйственного освоения земли и т. д.» Обращает на себя внимание и предусматриваемое сокращение книг, в том числе переписных, за счет личных имен зафиксированного в них населения.

По мнению В. Б. Павлова-Сильванского, то, что предлагает А. И. Копанев, допустимо в качестве приложения к научным трудам, «материалов», например, к атласам (картам) и, не исключено, каких-то узкоцелевых изданий (возможные их формы желательно еще не раз обсудить в кругу специалистов). Но признать это основным направлением в решении проблемы издания данных источников было бы, по меньшей мере, нецелесообразным. Ибо на современном этапе развития исторической науки как изучение, так и использование писцовых и переписных книг могут быть плодотворными только при наличии в распоряжении исследователей их текстов целиком. Это касается источниковедения книг, где, к сожалению, до сих пор весь комплекс анализа, обязательный для каждого вида документальных материалов, нередко сводится лишь к отдельным наблюдениям, как правило, общего характера. Сказанное станет понятней, если вспомнить, что подавляющее большинство книг XVI в. и значительная часть книг XVII в. сохранились не в подлинниках. Нельзя не учитывать и того, что писцовые и переписные книги — источники *крайне многоплановые*, но в то же время *цельные*. Эта их особенность дает исследователям неоценимый материал для осмысления как сути и истоков рассматриваемого конкретного явления, так и его места в общем процессе. Трудно представить, к каким научным издержкам может привести изъятие на первый взгляд незначительных сведений книг, даже если предположить, что наличие их будет отмечено издателями в сопроводительном тексте. Нет нужды говорить о ценности писцовых и переписных книг для изучения вопросов политической и социальной истории России. Но с одной стороны, относящиеся к ним сведения меньше всего могут быть переданными во всякого рода «сокращенных изданиях». С другой же стороны, значимость их во многом определяется местом в текстах книг (в составе формул описания), чего, подавно нельзя воспроизвести в этих «изданиях», даже применив широкую систему справочного аппарата. Относительно неприемлемости «сокращений» текстов книг за счет личных имен населения неоднократно писали крупные ученые; достаточно назвать Н. Д. Чечулина, С. К. Богоявленского, М. Н. Тихомирова.

Представляется, что к числу первоочередных задач можно отнести: 1) полное издание писцовых описаний XVI в. (сюда относится и переиздание тех из них, что были опубликованы еще в прошлом веке без предварительного источниковедческого анализа); 2) издание дозорных описаний начала XVII в.; 3) издание платежниц того же времени. Их

количество и объем, с учетом выработки системы сокращенной передачи самих текстов за счет лишь постоянно повторяющихся элементов, формул описания, позволяют считать это дело реально достижимым. Осуществление же его не только введет в научный оборот громадный фактический материал (на уровне современной археографии), но и во многом будет способствовать освоению содержания книг всего XVII в.

К. К. Миронова (ГАУ) подчеркнула актуальность и своевременность постановки обсуждаемых на Тихомировских чтениях докладов, отметив важность данной проблемы для государственных архивов, ведущих планомерную публикацию исторических источников. Применение специальных приемов сокращенной передачи содержания документов, позволяющих ввести в научный оборот максимальный комплекс источников, предоставить читателю наиболее полную, эффективную информацию об имеющихся документах, расширить емкость издания без увеличения в целом объема публикации — эти задачи стоят каждодневно перед публикатором.

Далее *К. К. Миронова* рассказала о применяемых в архивах методах сокращенного издания массовых источников, из которых наибольшее распространение получили таблицы, составляемые на основе формализации содержания документов. Накопленный в этом направлении опыт был впервые отражен в «Правилах издания исторических документов в СССР» 1969 г. Позднее положения Правил были дополнены и конкретизированы в разработанном ВНИИДАД в 1971 г. методическом пособии, где была сделана попытка обобщить и критически осмыслить как теоретические взгляды, так и практический опыт, накопившийся в результате деятельности советских и зарубежных археографов. Перспективными планами архивных учреждений предусмотрена более углубленная разработка проблемы. Серьезное внимание при этом уделяется повышению квалификации сотрудников архивов, что особенно важно при применении приемов сокращенной передачи содержания документов. Требуется совершенствования и терминология, так как имеющаяся нечеткость в отдельных терминах и понятиях порождает путаницу. Заслушанные доклады убедительно доказывают, что дальнейшее совершенствование методики, сочетающей приемы анализа массовых источников с приемами их статистической обработки и систематизации, дает возможность использования математических методов. Настало время внести большую организованность в разработку этой проблемы. Плодотворное решение ее возможно лишь при объединении усилий ученых ряда специальностей и архивистов. Думается, что Археографическая комиссия обратит на это самое серьезное внимание.

Т. В. Батаева (УДН) заметила, что само данное обсуждение содержания и вносит значительный вклад в разработку методики. Некоторые формулировки, например, предложенные *Б. Г. Литваком*, могут быть прямо заложены в будущие правила. Она обратила внимание еще на одну форму сокращенной передачи содержания документов, применяемую в тех случаях, когда речь идет о массовой однотипной документации, поддающейся объединению благодаря единообразию формуляра и позволяющей вследствие своего массового характера проследить типичность явлений. Информация о такой документации может быть дана при помощи систематических перечней выявленных в архивохранилищах документов. *Т. В. Батаева* поделилась опытом массового выявления документов в фондах ЦК профсоюзов и ВЦСПС по теме «Борьба рабочего класса в первые годы Советской власти за повышение производительности труда», проведенного в одном из семинаров МГИАИ. Составленный при этом перечень дал возможность ввести в науку большой массив источников. В то же время он убеждает в правильности отбора тех документов по данной теме, которые были ранее опубликованы полностью («Документы трудового энтузиазма». М., 1960). Определенный опыт составления перечней выявленных документов дает сборник «Индустриализация Северо-Западного района в годы второй и третьей пятилеток (1933—1941 гг.)»

(Л., 1969), хотя документы в нем не аннотированы. Думается, закончила Т. В. Батаева, надо развить этот опыт, более активно использовать его в публикационной практике.

А. Л. Станиславский (ААН) особенно подробно остановился на проблеме издания писцовых книг. Отметив скудость подобных источников XVI в. и их исключительную ценность, он высказал мнение, что их полное издание является одной из важнейших задач современной археографии наряду с изданием других документальных материалов этого времени, таких, как, например, дозорные книги.

Серьезным препятствием к сокращенному изданию писцовых книг XVII в. А. Л. Станиславский считает разнообразие формуляров этих документов. Он отметил, что основная трудность здесь заключается в слабости источниковедческой изученности данных памятников и в отсутствии полной классификации писцовых книг. Только создав научный каталог писцовых книг, можно будет представить себе все разнообразие формул и подойти к самой проблеме издания этого вида памятников. Однако решению этой важной и интересной задачи должно предшествовать полное научное текстологическое описание всех писцовых книг, имеющихся в разных хранилищах как в подлинниках, так и в копиях. В настоящее же время, сказал А. Л. Станиславский, их сокращенное издание опасно и тем, что в одну таблицу могут быть сведены фрагменты различных писцовых книг, случайно оказавшихся вместе. С другой стороны, писцовая книга может быть издана не полностью, если невыявленная часть ее находится в составе другой писцовой книги. Поэтому, подчеркнул он, источниковедческое изучение писцовых книг — это главная задача, которая должна предшествовать широким работам по их каталогизации и изданию.

Проблеме издания писцовых книг было посвящено и выступление В. А. Кучкина (Институт истории СССР АН СССР). Он сказал: «Существует общее правило для издания исторических документов и филологических памятников, которое было прекрасно сформулировано академиком Д. С. Лихачевым: прежде, чем издавать, надо изучить». Поддержав, таким образом, мысль о необходимости предварительного изучения писцовых книг до начала их широкого издания, В. А. Кучкин высказал сомнение в полезности значительного сокращения текста писцовых книг при их публикации. Признавая значение сведения хозяйственных данных писцовых книг в таблицы с целью их математического анализа, он подчеркнул источниковедческую ценность сведений и другого рода, также содержащихся в писцовых книгах — топографических, лингвистических, демографических и др. Все они должны быть сохранены в тексте источника при его издании, считает В. А. Кучкин. Сокращение их помешает не только исследованиям во всех указанных направлениях, но даже и серьезному анализу собственно экономических данных. Так, изменение названий населенных пунктов, свойственное, по данным М. В. Витова по русскому Северу, примерно от 40 до 60% поселений и заставляющее при изучении документов прибегать к особым сравнительным приемам, останется совсем не выявленным при сокращенном издании и помешает сопоставлению хозяйственных данных по отдельным селениям; опущенные в сокращенном тексте указания на большие ручьи не дадут возможности составить точные топографические представления и т. п.

Поддержав мнение В. Б. Павлова-Сильванского о широком значении писцовой книги как исторического источника, В. А. Кучкин выдвинул требование как можно более точной и тщательной передачи их текста при сокращенном издании и создания возможности для исследователя восстановить подлинный текст источника.

Выступивший затем Ю. П. Бокарев (Институт истории СССР АН СССР) проанализировал опыт статистиков 1920-х годов по сокращенной передаче текста крестьянских бюджетов. Обычная публикация их составила

бы, 2 тыс. томов по 40 печ. л. в каждом. Табличный способ передачи текста сократил бы объем издания до 500 томов, что тоже невозможно осуществить. Поэтому публикаторы пошли по другому пути. Они использовали четыре основных способа сокращения текстов: исключение из формуляра показателей, объединение показателей, выборочную публикацию бюджетов и их группировку. Первые два способа использовались большей частью тогда, когда сопоставление показателей, имеющих в тексте публикации, позволяло получить информацию об исключенных или объединенных данных. Два другие приема сокращения применялись в виде особых систем публикаций: либо публикации сгруппированных бюджетов по широкой программе, либо публикации индивидуальных бюджетов по краткой программе. Первым типом публикаторы стремились охватить весь объем крестьянских бюджетов; второй тип охватывал лишь отдельные годы и некоторые важнейшие губернии. Сочетание этих двух типов сокращенных публикаций позволяло получить максимально полное представление об источнике при объеме издания всего лишь в 50 томов.

Рассматривая разработанную статистиками методику публикации сокращенного текста крестьянских бюджетов, Ю. П. Бокарев показал, что она не была свободна от недостатков. Так, он считает, что лучше было бы группировать бюджеты не по площади посева, а по социально-экономическим типам крестьянских хозяйств, не следовало бы сокращать программу при публикации сгруппированных бюджетов. Наконец, следовало дополнить публикацию сгруппированных бюджетов не публикацией всех индивидуальных бюджетов по отдельным губерниям за некоторые годы, а публикацией выборочных индивидуальных бюджетов по экономическим районам за все годы обследований. В литературе высказывалось скептическое отношение к выборке. Совершенно справедливо указывалось, что выборка может привести к произволу при отборе материала. Поэтому необходимо сопровождать публикацию выборочных данных изучением репрезентативности выборки. Методы определения репрезентативной выборки разработаны, существуют и методы ее конструирования.

К сожалению, статистикам не удалось осуществить издание материалов всех проводившихся в 1920-е годы обследований крестьянских хозяйств. Но, несмотря на это и на все отмеченные недостатки работы, изданная ее часть так же надежно продолжает служить исследователям, как и полвека назад.

В. Ф. Иванов (ИЯЛИ ЯФ СО АН) привлек внимание слушателей к таким существенным источникам по истории XVII—XVIII вв., как челобитные и судебные документы, ясачные и таможенные книги, наряду с писцовыми и переписными книгами являющиеся массовыми письменными источниками. Перечислив ряд изданий документов, осуществленных в разное время и вводивших в научный оборот материалы по истории Якутии в XVII—XVIII вв., он указал, что массовые источники публиковались в них без сокращений, и лишь в отдельных случаях делались попытки прибегнуть к табличному способу передачи текста (например, таблицы сметных списков ясачного сбора, помещенные Б. О. Долгих в приложении к изданию «Материалы по истории Якутии XVII века. (Документы ясачного сбора)». М., 1970). Данные восьми сметных списков, каждый из которых состоит из многих сотен листов, сведены в удобные для использования таблицы. В. Ф. Иванов высказал мнение, что целесообразность применения сокращенной передачи текста определяется характером источника.

Особое место в своем выступлении В. Ф. Иванов уделил таможенным книгам, отметив их большую научную ценность как источника по истории процесса складывания единого всероссийского рынка. Если часть таможенных книг по европейской части страны опубликована, то ни одна таможенная книга по Якутии до сих пор не напечатана, и следовало бы приступить к публикации хотя бы самых интересных из них.

В своем ответном слове *А. И. Копанев*, остановившись на выступлении *В. Ф. Иванова*, сказал, что вопрос об издании таможенных книг обсуждался в Ленинградском отделении Археографической комиссии. Ему было посвящено специальное выступление крупного исследователя таможенных книг *К. Н. Сербиной*, которая предложила не издавать их полный текст, а выработать методы сокращенного издания, которые позволят передать основы содержания документов. Она призвала не бояться неизбежных при любом сокращении источника утрат.

Далее *А. И. Копанев* сказал, что хотя сам принцип сокращенного издания писцовых и переписных книг вызвал возражения как на данном заседании, так и в Ленинградском отделении Археографической комиссии, сокращение текста является традиционным приемом при издании и исследовании актового материала. Отметив, что пренебрегать сокращенным изданием не следует, он согласился с тем, что ему должна предшествовать тщательная источниковедческая работа. Начать надо с выявления существующих писцовых книг и составления их полного списка. *А. И. Копанев* рассказал о перспективах подготовки сокращенных изданий источников по феодальному периоду, намеченных в Ленинградском отделении Археографической комиссии. Здесь будет подготовлено сокращенное издание писцовых книг Хеврольского уезда 1623 г., в котором будет отдельно описано каждое хозяйство и сохранены все имена и названия населенных пунктов. Затем предполагается напечатать платежную книгу 1656 г., веревные книги XVII в. В последнем издании кроме имен крестьян и названий населенных пунктов будет указано точное количество земли у крестьянина. И, наконец, планируется издание переписных книг по Новгороду. В нем, очевидно, имена будут опущены, но будет дана характеристика каждой семьи, что позволит собрать воедино рассредоточенный демографический материал. Результаты работы покажут, удачен ли данный тип издания.

Выступивший в заключение прений *Б. Г. Литвак* сказал: «Эта дискуссия показывает, что источник сам по себе является очень важным и объективным фактором прошлой исторической жизни». *Б. Г. Литвак* высказал мысль, что, изучая каждую разновидность источников, необходимо изучать и типологию формул записей. До тех пор пока не ясно, какие из формул стандартизированы, а какие еще не установились, невозможно решить задачу изучения источника. В целом *Б. Г. Литвак* поддержал идею сокращенной передачи текста или даже только содержания тех источников, которые по своему объему не могут быть изданы полностью, как издаются те или иные уникальные памятники. Нужно идти по этому пути, оговорив все случаи потерь. Сокращенное, регестное издание является «полуфабрикатом», оно дает исследователю возможность сокращать непроизводительные затраты времени. Сегодняшние выступления, отметил *Б. Г. Литвак*, особенно убедительно показали необходимость сокращенных изданий массовых источников по истории советского общества. Иного пути введения в науку этого обширного материала не существует. Отказ же от его издания приведет к нежелательной в научных исследованиях иллюстративности.

Закрывая заседание, *С. О. Шмидт* отметил то, что в нем приняли участие сотрудники академических учреждений, вузов, Главархива, ученые Москвы, Ленинграда, Якутии, и это свидетельствует об интересе к данным проблемам. Тематика докладов не случайно касалась всех периодов отечественной истории. Массовые источники разных эпох могут быть изданы сокращенным способом, но необходимо учитывать такие моменты, как история развития формы источников, постепенность стандартизации их формуляра, изменение их информативной насыщенности, что влияет на возможности сокращенного издания. Чем ближе по времени массовые источники к нашим дням, чем они многочисленнее, тем больше оснований для их сокращенного издания. Он подчеркнул, что данное об-

суждение относилось преимущественно к вопросам сокращенной передачи текста, решение которых сравнительно доступнее, чем более сложная задача сокращенной передачи содержания источника. Для решения последней задачи необходимо выработать предварительно универсальные приемы, хотя бы для источников одной эпохи.

С. О. Шмидт поддержал мнение о том, что сокращенному изданию таких, например, источников, как писцовые книги, должна предшествовать работа по их изучению и описанию. Археографическая комиссия в свое время начала работу по составлению каталога писцовых книг и сотных выписей XV—XVI вв.¹¹ Завершение ее могло бы явиться первым шагом к решению обсуждаемых проблем и внести вклад в разработку общей методики подобных работ. Надо принять меры к продолжению этой работы. Не вызывает сомнения тот факт, что сокращенное издание не может заменить собой полный текст источника. Отнюдь не ослабляя усилий по подготовке к печати полных текстов источников (и в этом плане у советских археографов очень большие достижения), следует учесть, однако, что сокращенные издания являются сейчас единственным реальным способом ввести в науку большое количество массовых источников. Поэтому главная задача, которая встает в настоящий момент,— это объединение сил археографов, архивистов, историков для выявления и описания источников разных эпох и типов. В ходе этой работы и должны выработываться приемы сокращенных изданий массовых источников.

М. П. Мироненко

¹¹ См. сообщение В. Б. Павлова-Сильванского «Хронологическое обозрение писцовых книг и сотных выписей XV—XVI вв.» (АЕ за 1968 год. М., 1970).

Тихомировские чтения 1977 года

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

Тихомировские чтения 1977 г. были посвящены 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Заседание 26 мая открылось вступительным словом председателя Археографической комиссии *С. О. Шмидта*. Вполне естественно, отметил он, что в юбилейном году Чтения посвящены важнейшей теме — изучению документальных материалов по истории Великого Октября. За 60 лет Советской власти накоплен огромный опыт выявления, описания и публикации этих материалов, опыт их использования в научной, пропагандистской и общественно-воспитательной работе. Велика здесь роль тех учреждений, которые собирают, публикуют документы, прежде всего, конечно, советских архивов и тех организаций, которые используют их в своей научной и пропагандистской деятельности, — научно-исследовательских институтов и вузов. Очень важно, что на заседании выступают исследователи, непосредственно связанные с изучением документальных богатств Октября, — архивисты и историки.

Заместитель заведующего ЦПА ИМЛ *В. В. Аникеев* сделал доклад «Центральный партийный архив — арсенал истории Великого Октября», в котором была дана характеристика документов ЦПА по истории революционной борьбы народных масс под руководством ленинской партии в период с февраля по октябрь 1917 г.¹

С докладом «Межархивный указатель документов «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и борьба за укрепление Советской власти» выступила *А. В. Добровская* (ЦГАОР СССР). В настоящее время, когда перед исторической наукой стоит задача создания фундаментальных обобщающих исследований по важнейшей теме — истории Великого Октября, архивисты должны начать подготовку справочников, охватывающих более широкий круг материалов и имеющих форму, удобную для публикации. Сборники документов, даже при их серийном издании, из-за ограниченности объема не в состоянии представить достаточно широкий массив источников. В обзорах документов обычно даются довольно общие характеристики отдельных групп источников. Еще в большей степени обобщены сведения о документах по истории Октября в путеводителях. Справочником, классифицирующим не только дела и документы, но и содержащуюся в них информацию, при удобной форме публикации может стать межархивный указатель документов.

С помощью такого указателя представится возможность ввести в научный оборот не изучавшийся до сих пор документальный комплекс, включая многочисленную массовую документацию (анкеты, опросные листы и др.), а также личные дела участников революционных событий. Хронологические рамки указателя — октябрь 1917 — июль 1918 г. Имеется

¹ Статья на тему доклада опубликована в журнале СА, 1977, № 5, с. 15—24.

в виду начать с непосредственной подготовки вооруженного восстания в Петрограде и закончить V Всероссийским съездом Советов, закрепившим победу Октября принятием первой Советской Конституции. Таким образом, в справочник войдет информация о документах, освещающих основное содержание социалистической революции: победу Октябрьского вооруженного восстания в Центре, триумфальное шествие Советской власти по стране, слом старого государственного аппарата и строительство Советского государства, первые социалистические преобразования в области экономики и культуры, борьбу за укрепление и упрочение Советской власти.

Указатель строится в соответствии со специально разработанной схемой, в основу которой положена «Схема единой классификации документальных материалов Государственного архивного фонда СССР» (М., 1962). Основные деления расположены в хронологической последовательности событий. Схема указателя состоит из 26 разделов, делящихся на тематические подразделы и рубрики; в процессе работы будет проводиться дальнейшая детализация схемы вплоть до конкретных тематических групп документов, внутри которых, по возможности, будут создаваться номинальные подгруппы однородных видов документов. Приводятся также точные адреса материалов.

Межархивный указатель создается как серийное издание, состоящее из ряда выпусков. Для выявления сведений об опубликованности материалов по теме вначале готовится выпуск указателя опубликованных документов, в который в отличие от последующих изданий включаются данные об источниках не только всех архивов системы ГАУ, но и архивов других ведомств, а также музеев и рукописных отделов библиотек. Этот выпуск будет содержать информацию о документах, опубликованных до 1 июля 1977 г. Список изданий, в которых печатались материалы по теме, составляет 652 наименования и 183 номера журналов. Создание первого выпуска указателя даст возможность включать в последующие выпуски сведения только о неопубликованных материалах. Отдельные выпуски указателя неопубликованных документов будут объединять группы государственных архивов, сначала московских и ленинградских, затем архивов союзных республик. Подготовка справочника зарегистрирована во Всесоюзном научно-техническом информационном центре Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике как научная работа. Она включена в Пятилетний план развития архивного дела в СССР на 1976—1980 гг. с переходом на следующее пятилетие и в раздел научно-исследовательской работы пятилетнего плана ЦГАОР СССР. В заключение А. В. Добровская отметила, что ЦГАОР СССР впервые в своей практике является головной организацией, планирует и осуществляет весь комплекс работ как единое научное исследование, результатом которого должны стать не только методика и принципы разработки нового вида справочника, но и сам справочник.

Е. Н. Городецкий (Институт истории СССР АН СССР) выступил с докладом «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) в марте — октябре 1917 года. (Археографические и источниковедческие проблемы)»².

Теме «Радиограммы как исторический источник по истории Великого Октября» был посвящен доклад *Н. Н. Мигрофанова* (Союз журналистов СССР). Изучение радиограмм октября 1917 — первых месяцев 1918 г., отметил докладчик, показывает, что комплекс этих документов является интересной и своеобразной летописью революционных событий. Особую их ценность как исторических источников определяет то, что в архивных материалах, как правило, зафиксировано точное время передачи или получения радистом радиограммы. Несомненные достоинства этих материа-

² Доклад является частью статьи, опубликованной в кн.: Источниковедение истории Великого Октября. М., 1977, с. 54—100.

лов в последние два десятилетия несколько оживили внимание к ним публикаторов и исследователей. Однако степень изученности их еще невелика. В определенной мере это объясняется отсутствием в исторической литературе работ, освещающих вопросы специфики функционирования радиотелеграфа, его технического состояния, а также недостаточным объемом введенных в научный оборот радиодокументов.

Касаясь в кратком обзоре сети радиостанций России накануне октября 1917 г., докладчик подчеркнул, что ведомственная разобщенность радиотелеграфа не позволяла сколько-нибудь реально судить в то время о перспективах его развития, о возможности придания ему как средству связи всеобщего характера. То, что радио с первых дней социалистической революции стало играть значительную роль в оповещении страны о мероприятиях Советской власти, было в первую очередь следствием неослабного внимания большевистской партии, В. И. Ленина к радиосвязи, к приданию ей функций оперативного средства информации и пропаганды. По текстам радиосообщений во многих городах впервые узнавали о победоносном восстании в Петрограде. Передача экстренных депеш, боевых приказов, декретов рабоче-крестьянского правительства стала ответственным заданием станций, перешедших в руки большевиков. Активная роль радио, превращенная в инструмент общения с революционными массами, высоко ценилась штабом революции, о чем свидетельствуют назначения специальных комиссаров по радиотелеграфу, документальные данные об информировании Петроградского ВРК о состоянии советской радиопропаганды.

Масштабы использования большевистской партией радиотелеграфа в немалой мере помогает восстановить коллекция радиотелеграфных журналов, хранящихся в ЦГАВМФ, документы некоторых фондов ЦГАОР СССР, ЦГВИА и других центральных и местных архивов. На основе изучения около 5 тыс. сохранившихся радиোগрам 1917--1918 гг., сопутствующих им документов, воспоминаний докладчик обосновал точку зрения на необходимость исследования радиোগрам не только как совокупности актуальных в политическом отношении текстов, но и как системы целенаправленных действий, имевших определенный политический результат. Лишь при этом условии выводы о ценности радиোগрам как исторического источника могут быть по-настоящему объективными. Н. Н. Митрофанов предпринял попытку реконструкции эфира октября 1917--1918 г. с целью установить по имеющимся документальным свидетельствам, какие тексты проходили через передающие и приемные устройства, какова была степень распространения радиোগрам. Была предложена классификация радиোগрам.

В заключение Н. Н. Митрофанов высказал предложение о необходимости в целях дальнейшего изучения этих исторических источников, вовлечения их в научный оборот, устранения ошибок в публикациях создать справочный материал, который мог бы быть оформлен в виде историко-ведческого обзора или хроники. Это способствовало бы более полному выявлению роли радиотелеграфии в практическом осуществлении ленинского плана вооруженного восстания, в осведомлении России и заграницы о победе революции, в реализации ленинских принципов политической агитации, пропаганде внутренней и внешней политики Коммунистической партии и Советского государства, развертывании идейно-политической работы среди трудящихся, в решении задач социалистического строительства.

Выступившие в прениях отметили своевременность и важность проблем, поставленных для обсуждения на заседании. Л. Н. Растопчина (Археографическая комиссия АН СССР) поддержала тезис доклада Городецкого о необходимости сохранения такого важного исторического источника, как газеты местных комитетов партии. Однако даже не все крупные библиотеки имеют полные подборки местных изданий. Поэтому насущ-

ным является вопрос о подготовке справочного пособия, обобщающего сведения о месте хранения и степени сохранности не только целых комплектов, но и отдельных номеров таких изданий.

Т. В. Батаева (УДН) подчеркнула, что изучение в течение ряда лет документов ЦПА ИМЛ и непосредственно фонда ЦК РКП(б), а также изданий партийных документов позволяет высоко оценить источниковедческий уровень публикаторской деятельности ЦПА ИМЛ и издания «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями». Назрел вопрос об издании протоколов заседаний ЦК РКП(б) периода борьбы за упрочение Советской власти. Уникальность и ценность отчетов ЦК РКП(б) и его отделов обуславливают необходимость комплексного опубликования этих источников. Весьма полезной была бы перепечатка такого важного источника, как «Известия Центрального Комитета РКП(б)». Появление подобных публикаций содействовало бы более полному их использованию в исторических исследованиях. По поводу доклада Добровской Батаева отметила, что начатое ЦГАОР СССР мероприятие по подготовке межархивного справочника следует поддержать. Это перспективное направление в архивной работе потребует многих лет. Важно, чтобы оно было реализовано.

К. К. Миронова (ГАУ) подчеркнула, что составную и обширную часть печатной источниковой базы по истории Октябрьской революции представляют документальные сборники, издаваемые архивными учреждениями. Государственными архивами накоплен большой опыт работы в этой области. Особенно значительный массив документов был введен в научный оборот в связи с 40-летием Октября, в том числе получившая высокую оценку общественности серия «Великая Октябрьская социалистическая революция». Немало новых ценных документов было издано к 50-летию Великого Октября. В общей сложности только за 1957—1977 гг. было опубликовано около 180 сборников. Публикация документов этой тематики в последнее время имеет некоторые особенности. Основное внимание было обращено на более глубокое освещение конкретно-исторических проблем, ранее не получивших достаточной разработки в литературе: о роли русской армии в революции, о создании и деятельности военно-революционных комитетов, Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата, об установлении Советской власти на национальных окраинах и т. д. Значительно расширилась география изданий, более разнообразными стали типы, виды, формы публикаций, повысилось их качество. Несомненно положительную роль в этом сыграло творческое сотрудничество архивистов и историков. Важным вкладом в изучение истории Великого Октября явилось трехтомное издание документов Петроградского военно-революционного комитета — первого фондового издания документов советского периода. Вышли в свет сборники по истории Октябрьской революции в отдельных регионах страны: в Киргизии, Северной Осетии, Марийском крае и др. Серьезное внимание уделяется публикации источников, характеризующих международное значение Октября, международную пролетарскую солидарность. Вышли сборники документов, подготовленные совместными усилиями историков и архивистов СССР и других стран социалистического содружества. В их числе: «Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР», сборники по истории советско-болгарских, советско-чехословацких отношений и др. В архивных учреждениях широко развернулась подготовка к 60-летию Великого Октября. В юбилейный план мероприятий включено 22 сборника документов. Накопленный опыт публикации документов по истории Октябрьской революции освещался в специальном обзоре, статьях в журнале «Советские архивы»³.

³ Долгих Ф. И. Архивные учреждения СССР — к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. — СА, 1977, № 5 и др.

М. Г. Белогуров (ЦГАОР СССР) охарактеризовал результаты проделанной в архиве работы по изучению степени использования в трудах историков документов сборника «Петроградский военно-революционный комитет».

В. Р. Копылов (ВНИИДАД) подчеркнул, что представляется необходимым переходить к долговременным научным программам в публикаторской деятельности архивов. Иллюстративность, отсутствие многих материалов в некоторых сборниках в определенной степени обусловлены тем, что они выходили эпизодически и не рассматривались своими составителями как часть какой-то длительной программы. Поэтому уже сейчас целесообразно продумать долгосрочную программу археографической деятельности советских архивов к 100-летию Октябрьской революции. В этом отношении указатель опубликованных и неопубликованных документов государственных архивов СССР по истории Великого Октября — нужная научно-справочная работа. В странах социалистического содружества уже имеется опыт подобных изданий. Например, создан «Информатор» документов Польской Народной Республики о влиянии Октябрьской революции на Польшу. Копылов высказал предложение о подготовке биографических справочников об участниках Великого Октября. Было бы важно создать такой справочник об участниках Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде к 70-летию Советского государства.

В заключение *С. О. Шмидт* обратил внимание на целесообразность подготовки труда, обобщающего сведения о выявлении, описании и публикации всех разновидностей источников по истории Великого Октября.

С. Е. Князьков

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

Р. Павлова

СРЕДНЕБОЛГАРСКАЯ ПСАЛТЫРЬ XIII В.

Рукопись хранится в ОР ГБЛ (собрание Григоровича, № 4/М 1687). До сих пор она не была предметом специального описания и исследования. В научной литературе имеется о ней единственное краткое сообщение А. Е. Викторова, в котором говорится, что рукопись была вывезена В. И. Григоровичем с Афона из монастыря Филофееу. Викторов определяет также, что это болгарская рукопись, и относит ее к XIII в.¹

Ознакомление с рукописью, с особенностями ее письма, языка и палеографии дает основание принять датировку А. Викторова. О ее болгарском происхождении несомненно свидетельствуют написания сочетаний *жд, шт* на месте этимологических **dj, *tj*; *рѣ, лѣ, рь, ль* — на месте этимологических сочетаний, редуцированных перед плавными между согласными; последовательно проведенная типичная для среднеболгарских памятников так называемая мена юсов.

В исследуемой Псалтыри² находим полный состав псалмов (л. 1 — 139). Текст разбит на кафизмы. Каждый псалом и кафизма отмечаются буквами с числовым значением. В конце Псалтыри Григоровича имеются девять утренних церковных песен (л. 139 об. — 156), причем песня пятая отсутствует, так как между л. 146—147 утрачены два листа. После песен с л. 156 до конца идут покаянные тропари и молитвы. Таким образом, со стороны содержания рукопись может быть охарактеризована как Псалтырь с прибавлениями; она не толковая и не следованная. Что касается редакции текста, то рукопись можно отнести к старой неправленной редакции. Сопоставление псалтырного текста нашей рукописи с Синайской псалтырью (старая редакция), с Шоповской³ и Норовской псалтырями (новая исправленная редакция) дает основание отнести Псалтырь Григоровича к группе псалтырей старой редакции. Этот факт тоже может служить косвенным доказательством того, что описываемая рукопись была создана не позднее XIII в.

В книге 169 листов. Текст занимает л. 1 об. — 169 об., писан в один столбец мелким уставом на лощеном пергамене небольшого формата (14,5×10,5 см). Размер текста 10×8 см. Переплет отсутствует. Листы рукописи пронумерованы при хранении арабскими цифрами, написанными чернилами. Книга содержит 22 тетради, в 19 из них (с 1 по 17, в 20 и 21) — по 8 листов. В тетради 18-й утрачен лист (между современ-

¹ Викторов А. Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879, № 4, с. 5. В описании Викторова приводятся краткие сведения о рукописи без доказательства места и времени ее написания.

² В дальнейшем изложении мы будем называть рукопись также Псалтырью Григоровича.

³ Буюклиев Ив. Среднобългарски псалтирен откъс от XIV в. (Шопов псалтир). — Трудове на висшия педагогически институт «Братя Кирил и Методий» във В. Търново, 1964/1965 г., II. София, 1965, с. 72.

ными л. 142 и 143). В этом месте, по-видимому рукой самого Григоровича, написано: «Украдена страница». Тетрадь 19-я состоит из шести листов, в ней отсутствуют два листа — между современными л. 146 и 147. В последней 22-й тетради содержится всего четыре листа, утрачены четыре листа — между современными л. 167 и 168. Тетради сшиты между собой, но первая оторвалась от других.

Столбцы ограничены слева и справа двумя или тремя вертикальными линиями и разлинованы горизонтальными на 23 строки. Текст, однако, заполняет обычно 21 строку и таким образом рамка получается больше текста. Пергамен довольно хорошего качества. На некоторых листах (41, 42, 65, 76, 77, 89, 103, 105, 108) пергамен тоньше других. Листы гладкие, ровно обрезанные, хорошо сохранились проколы, сделанные для разлиновки, их наличие позволяет предположить, что размеры листа близки к первоначальным.

Рукопись в целом хорошей сохранности. Дыры и разрывы пергамена сравнительно редки (л. 21, 23, 36, 48, 55, 58, 78, 94, 134, 146, 147, 158). Оборваны углы последних четырех листов, причем на трех из них и особенно на последнем л. 169 пострадал текст. На всех листах первой тетради, а также на л. 9—12, 41, 42, 53, 54, 56, 61—69, 160, 165—169 имеются пятна, однако текст, за исключением л. 1, свободно читается. Больше других пострадали раскрашенная заставка и текст л. 1.

Чернила темно-коричневого цвета. На одних листах они светлее (например, л. 17—22, с середины 35 об. по 41, 137—143, 166 об.—169) на других — темнее (например, л. 1—16, 41 об.—136, 144—166). На л. 101 и 167 написано по несколько строк черными чернилами, но другим, более поздним почерком, очевидно, эти листы рукописи подвергались правке. По всей вероятности, первоначальные чернила там выцвели (л. 167) или замазались (л. 101), и текст трудно читался. Та же самая рука исправляла отдельные слова или части слов на л. 13 и 38.

Кроме чернил, в рукописи довольно часто используется киноварь и красная краска, сильно выцветшая и получившая желтовато-мутный оттенок. Красками выполнены инициалы, а также некоторые заглавные и строчные буквы.

Начертание букв, как и графико-орфографические особенности (употребление нейотированных носовых и особого начертания *e* широкого на месте *e* йотированного, отсутствие написаний с *и* десятиричным после гласных, отсутствие запятой как знака препинания), не противоречит принятой нами датировке Псалтыри Григоровича.

Вся рукопись написана одним почерком — красивым мелким уставом с четким выделением прямых линий. Почерк имеет небольшой наклон вправо. Буквы приближаются к квадратным, они стоят на строке. В строке обычно 24—27 букв, расстояние между ними стабильно для всей рукописи. Встречаются выносные буквы под титлом: *с, x, л, н* и без титла: *т, х, д, р, м, ч, ѿ* (в виде креста). Встретились декоративные буквы — писец вытягивает *т* над строкой. Используются лигатуры: из букв *ти, те, тн, тр, ръ, рѣ*.

Нужно особо подчеркнуть, что употребляются буквы юсы нейотированные (большой и малый), йотированные юсы встречаются в единичных случаях, что также характерно для среднеболгарских рукописей XIII в. Таким образом, и это явление в Псалтыри Григоровича не противоречит ее датировке. Вообще в рукописи йотированные гласные используются мало. Буква *a* йотированная пишется в начале слова (кюко, квишиж са, кюрости, юдѣхъ и др.), в других позициях ю употребляется в единичных случаях, например спасению (л. 16 об.). В рукописи обычны написания *моа, постоати, достоание, твоа*. В некоторых случаях используется надстрочный знак — точка, который ставится над буквой, ср.: жестокаа, всиаа, моё, твоё, еси, ёго, ёсть, твоёго и т. п. В числе других надстрочных знаков употребляются паерок и знак титла. Паерок пишется над буквой,

обычно обозначая пропуск редуцированных гласных в слабом положении. Титло встретилось в двух начертаниях: — и ^ (второе начертание употребляется, как правило, над выносными буквами). В конце строки, а иногда и в ее середине употребляются одна и четыре точки.

Показательными при палеографической датировке считаются начерки букв *ѣ*, *ѡ*, *ѣ*, *ѥ*, *ѥ*, *ѥ*, *ѥ*, *ѥ*, *ѥ*, *ѥ*. Мачта *ѣ* выходит за пределы строки, перекладина сохраняет симметрию сторон, петля овальная. Омега пишется с высокой серединой и неразведенными петлями. Она встречается чаще всего в предлоге — приставке *от* (как правило, с выносным *т*), но также и в начале слов не только иноязычных, но и славянских. Кроме омеги, для обозначения *о* употребляются знаки: *о* широкое, *о* очное, встречающееся обычно в начале строки. Буква *ч* пишется с неглубокой овальной чашечкой *ч*; *ч* одностороннее встречается редко. У буквы *ц* хвостик опускается ниже строки, являясь продолжением правой прямой. Хвостик буквы *щ* представляет собой продолжение средней прямой и также опускается ниже строки. В рукописи употребляется преимущественно только одна еровая буква: *ь*. Буква *ѣ* встречается редко, преимущественно в начале рукописи и в лигатурах. Буква еры пишется как *ы*. В начертании большого юса замечается уменьшение верхней его части, однако треугольник сохраняется. В нижней части средняя черта идет из угла пересечения линий. Юс малый пишется в своей обычной форме *а*.

Отметим также начертание некоторых других букв. Буква *ж* пишется в три приема, т. е. сохраняет старый тип трех пересеченных линий. Верхняя часть буквы сокращается, нижняя — расширяется. Для рукописи характерно употребление трех знаков для аффрикаты *ѣз*: *ѣ*, *з*, *ѣ*. У буквы *з* головка маленькая, нижняя ее часть находится под строкой, изгиб оканчивается хвостиком, опускающимся вниз с поворотом влево. Употребляются буквы *и*, *і*. У буквы *и* горизонталь лежит выше середины. Буква *і* с двумя точками пишется после согласных и в начале (слова: *ѣстѣншѣ*, *оушїрїль* (л. 14), *їзбави*, *їменї* и т. п. Буква *е* не выступает за пределы строки, ее средняя черточка несколько длиннее. Буква *є* широкое употребляется на месте *је*. Кроме обычной формы буквы *ю*, в рукописи встречается и обратное написание *ю*. Буква *ѣ* представляет собой перечернутый кружок, который находится на строке. Буква *ѣ* принимает форму лилии; соединение изогнутой части с прямой находится ниже строки.

Рукопись орнаментирована инициалами, которых свыше 180. В них господствуют геометрические формы, с несложным плетением. Встречаются мотивы тератологического стиля. Имеются следующие инициальные буквы⁴: Г, Б, В, И, П, Н, С, О, Х, Р, М, Т, А, Д, Е, Ж, З, Ш, Ч, А. Они выполнены кинovarью и чернилами или пурпурной краской и чернилами, только кинovarью или только пурпуром, который сильно выцвел. На первом листе нарисована заставка, сильно пострадавшая от пятна. В рукописи очень широко используются небольшие заглавные буквы, выполненные кинovarью или пурпурной краской. Ими обычно начинается строка, но они употребляются иногда в середине строки. Встречаются концовки в виде руки, держащей ствол рамки, — на л. 4 об., 35. На л. 119 об. на верхнем поле нарисована рыбка, на правом поле — рука; на л. 158 на нижнем поле — тоже рука.

В рукописи отсутствуют записи, указывающие на место и время ее написания. Встречаются приписки, сделанные писцом рукописи, всегда на нижнем поле, под основным текстом: в честь и правдѣ сие (л. 92), добродѣлю имѣ (л. 16), не сбѣдѣть сѣ (л. 110 об.), правдѣ сїѣ ѡбличенаеть (л. 133), на л. 94: бои сѣ ба имаши над ... (далее буквы неразборчивы, начальное слово стерто), ...дѣло сие и радоно (л. 111 об.) и др.

⁴ Порядок букв соответствует частоте употребления.

И ВЪСХВАЛИТЕ СЯ КСИ ПРАВИ СРЦМЪ:

С. П. И. А. Ё. У. Д. Д. В. Л. В.

ОЗАНТЕ СЯ ПРАВЕ ДНИ ОГН:

ПРАВЕ ДМЪ МЪ ПОБА ЕТЬ ПОХВАЛА:

И СПОКЕ ДАНТЕ СЯ ГИ НЬ БЪ ГЪ СЕ ХЪ:

Ъ ПАТЪ РИ ДЕСА Т О СТРО И ТЪ МЪ ЛО

И ТЪ ЕМО: Ы ПО И ТЪ ЕМО ЛЪ Н О ВЪ:

ДО БРЪ ПОН ТЪ Е МЪ СЪ ВЪ СКА И ЦА И МЪ:

Я КО ПРА КО СЛО БО ГИ НЬ ВЪ ТЪ ЛА Г О ВЪ ТЪ:

Л Ю БИ ТЪ МЪ ТЪ И А И СЪ ДЪ ГЪ:

МА ТИ ГИ ДА И ПЛАН И СЪ У Е МЪ:

СЛО ВЕ СЪ МЪ ГИ Е МЪ НЬ С А О ТЪ РЪ ДИ ШЪ:

И А ХЪ МЪ ОУ СЪ ТЪ Е Г О ВЪ ТЪ С И А И ХЪ:

СЪ БИ РА ЖА КО КЪ МЪ ХЪ В О ДЪ И М О РЪ КЪ:

П О Л А Г А ЖЪ ВЪ К Р О В И Ц И ХЪ Б Е З Д А Н И О:

Д А ОУ Б О И ТЪ ЖЕ С А ГЪ В С А З Е М Л Е:

ОУ ЧЪ Л Е Г О ЖЕ П О Д В И Ж А Т С Я В С И ЖЪ

ВЪ Ш Л О В Е С Е Л Е НЪ И:

Я КО ТЪ Р Е У Е Н Б Ы Ш А:

У ЧЪ Л О К Е А ТЪ И СЪ З Д А ШЪ С А:

ГЪ Р А З А РЪ Е ТЪ СЪ ВЪ ТЪ А У ДЪ КЪ:

Псалтырь Григоровича

(ГБЛ, № 4/М 1687, л. 27 об.)

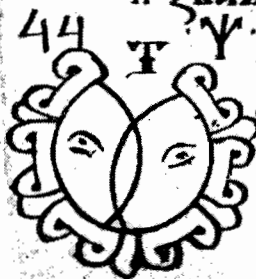
Известно, что для определения места написания среднеболгарских рукописей первостепенное значение имеет употребление букв носовых гласных, еров и буквы ять⁵.

В Псалтыри Григоровича представлена типичная для среднеболгарских памятников мена юсов вследствие их сближения. Писец регулярно употребляет окончание шъ для 3-го лица мн. ч. аориста, например: оукло-нишъ сѧ (л. 94 об.), оумножишъ (л. 2 об.), прѣидошъ (л. 99), събрашъ сѧ, възложишъ (л. 12), обидошъ, смѣтишъ (л. 12 об.) и много других. После ж, жд, шт также обычно находим ѡ (в том числе и в корнях слов): жѡждѡ (л. 97), льжѡ (л. 3 об.), подвижѡтъ сѧ (л. 11 об.), постыждѡ сѧ, оуповажѡшъ (л. 28), творѡшъ (л. 3 об.) и т. п.

В начале слова писец употребляет буквы л и ж: жтроба ихъ (л. 12), жтробѡ моѡ (л. 21 об.), аглие (л. 13), жзыкъ свои (л. 29), въ азыцѣхъ

⁵ Цонев Б. Добрейшово четвороевангелие, среднобългарски паметник от XIII в.— Български старини, кн. 1. София, 1906.

И ПРИГРЫМЫСЪ МЫСЛА РТМАА:
 А ДРЪЗАКЪ ХУМЪМЪ А БЪАНАШГО:
 А ЩЕЛЪЗАЪ ХУМЪРЖКЪ БНАШЖКЪ
 БОУТОУЖАТМОУ:
 И БЪАЛНЪБЪЩЕ ТЪСНХЪ:
 ТО ПЕОНЪ ВЪСТЬ ТАННАСОУ:
 БКОТЪ БРАДЮУМЪЩЕ БЪСЛЫВЪА:
 БЪМЪННШЫНЫ БКО СЪКУАНА
 ЗАКОЛЕННЕ:
 ВЪСТАННЪСЪКЪ ЖЪ СПИШНЪН:
 ВЪСКРЪННЪ СЪРННАДОЖОНЦА:
 ВЪСКЪ ЖЪАЩЕ БОЕ СЪВРАЩАЕШН:
 ХАБЫКАЕШННШЕ ТЪМАШАН
 ПЕУЖАМАШЖ:
 БКО СЪМЪРНСА ВЪПРЪСЪТЪ ДЪШАНА:
 ПРИЛЪПЪХЪ МЪЖЪ ТРОКАМЪА:
 ВЪСКРЪННЪ ПЛОМОЗННАМЪ:
 Н ХУАВННАМЪ РННЪ БОЕХЪ РААН:
 44 ТЪ УЪ ДЪБЪ МЪА:
 РННЪ СЪЦЕАВЪ СЪЛОВО БЪГО:
 ТЪААЗЪ ДЪАМОАЩЪ БЪМЪ:

Псалтырь Григоровича
 (ГБЛ, № 4/М 1687, л. 41 об.)

(л. 6 об.), азы мож (л. 111). Смешение ж, л возможно и в других позициях. Такое смешение юсов дает основание предполагать, что в говоре писца Псалтыри юсы уже потеряли свой носовой характер. В рукописи отражается, очевидно, то состояние языка, когда вместо ж, л произносили уже редуцированные ъ, ъ (ж-ъ, л-ъ).

Особенности в употреблении еров дают возможность высказать некоторые более определенные мысли относительно места написания рукописи. По употреблению только одной еровой буквы ъ Псалтырь Григоровича можно отнести к Злетовско-Кратовской правописной школе⁶. Протограф рукописи, по-видимому, следовал нормам Охридской древнеболгарской школы (ср., например, употребление слов: жрътва (л. 3), велии (л. 44), достоание (л. 11), животь (л. 12), женихъ (л. 15 об.) при соответствующих словах трѣба, великъ, наслѣдие, житие, зать, характерных для Пре-

⁶ Цонев Б. История на българския език, т. 1. София, 1940, с. 168.

⁹ Археограф. ежегодник, 1977 г.

славской школы)⁷. Это, однако, вовсе не означает, что нашу рукопись необходимо связывать обязательно с охридским диалектом. Кроме Охрида, в древнеболгарский и среднеболгарский периоды были и другие культурные очаги в западных землях.

По употреблению редуцированных рукопись относится к тому наречию, в котором еще в древнеболгарскую эпоху в сильной позиции *ъ-ъ*, *ь-е*⁸. Вокализация *ь > е* наблюдается как в корнях слов, например: мечь (л. 15), темна (л. 13), весь (л. 16), лещь (л. 99 об.), чещь (л. 91), день (л. 13) и других, так и в суффиксах: конечь (л. 15 об.), вѣнечь, старець (л. 117 об.), праведень (л. 119), вѣченъ (л. 99), мѣдены (л. 14), непорочень (л. 13 об.), немощень (л. 4).

На месте *ъ* в сильной позиции находим *ѣ* (графически часто *ь*), например в корне слова: дъждь (л. 100), сънь (л. 125 об.), кровь (л. 99 об.), плъти моеи (л. 94 об.), лъжь (л. 111) и др.; на основании этой особенности (*ъ-ѣ*, *ь-е*) рукопись можно было бы связать с Северомакедонской областью⁹, которая в древности являлась богатым очагом болгарской книжности и обслуживала большой круг прилегающих к ней районов¹⁰.

Необходимо указать, что в рукописи встретились случаи вокализации *ъ-о* в суффиксе *-окъ*, например: крѣпокъ (л. 5), кротокъ (л. 81 об.), начатокъ (л. 100), а также любовь (л. 145) и др. Вокализацию *ъ > о* только в суффиксе *-окъ* можно объяснить влиянием текста оригинала, отражающего юго-западное наречие, включающее и Охридскую область. Буква *ѣ* обычно пишется этимологически правильно. Кроме того, наблюдается некоторое расширенное употребление *ѣ*. Эта буква встречается вместо *а* после *ч* — ср. печѣли (л. 54), скончѣет сѣ (л. 5), а также вместо *ю* — в начале слова: ѣко (л. 98), ѣрость (л. 52 об.). Необходимо добавить, что такая замена не проведена последовательно, в рукописи находим также: печаль (л. 29), чаша (л. 7л), юко (л. 52), юрость (л. 94 об.) и т. п. Употребление *ѣ* в этих случаях может быть связано с глаголической традицией — известно, что в глаголице был один знак для *ѣ*, *а* и *ја*.

Из других особенностей рукописи следует специально выделить последовательное этимологически правильное употребление буквы *ы*. Случаев замены *ы* через *и* немного.

Эпентетическое *л* в некоторых случаях пишется по традиции, но чаще, следуя нормам живого языка, опускается.

Перечисленные графико-орфографические особенности подтверждают данные палеографического исследования о том, что рукопись была создана в XIII в.

⁷ Мирчев К. Историческа граматика на българския език. София, 1963, с. 50.

⁸ Щепкин В. Н. Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1899, с. VI.

⁹ Селищев А. М. Очерки по македонской диалектологии, т. I. Казань, 1918, с. 273; см. также: Цонев Б. Добрейшово четвероевангелие, среднобългарски паметник от XIII в., с. 31. В нем наблюдается аналогичная картина вокализации еров, и памятник относится Цоневым к той же области.

¹⁰ Цонев Б. Добрейшово четвероевангелие, среднобългарски паметник от XIII в., с. 31.

Х. Мейер

СЛАВЯНСКИЕ РУКОПИСИ
ЛЕЙДЕНСКОЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ
В НИДЕРЛАНДАХ

В фондах Лейденской университетской библиотеки хранятся 14 славянских рукописей XIII—XVIII вв.; из них 12 рукописей русских, 1 сербская и 1 чешская. Славянские рукописи находятся в следующих пяти собраниях:

1. Собрание латинских рукописей (Bibliotheca Publica Latina — VPL); первоначально в это собрание собирались только латиноязычные рукописи, но затем были включены и рукописи на других языках.

2. Собрание рукописей Отделения голландской литературы (Maatschappij der Nederlandsche Letterkunde — Ltk).

3. Собрание И. Скалигера (Codices Scaligerani — Scal.)¹.

4. Собрание Вулканиани (Codices Vulcaniani — Vulc.)².

5. Собрание Маршанди (Codices Marchandi — March.)³.

Описание рукописей.

1. «Скалигеров Патерик» второй половины XIII в. (Scal. 74)⁴, 200 листов пергамена (18 × 13 см). Устав в один столбец по 20—22 строки. Рукопись русская (см. рис. 1). Начало и конец в рукописи утрачены. Кожаный переплет новый (XIX в.). Запись писца о времени и месте написания отсутствует.

По содержанию рукопись представляет собой монашеский сборник, основная часть которого — патерик с нетипичным составом л. 1 об. — 131 об. В начале патерика расположены поучение и молитва о правильном чтении (л. 1 об. — 2 об.), после них следует 475 патериковых поучений и заканчивается двумя жизнеописаниями египетских аскетов. Кроме

¹ Библиотека И. Скалигера после его смерти в 1609 г. почти полностью поступила по завещанию в библиотеку Лейденского университета (*Magen A. Documents sur Jules-César Scaliger et sa famille. — Recueil des Travaux de la Soc. d'Agricult., Sciences et Arts d'Agen, 2 Serie, t. III, 1875*), p. 75; *Handelingen en Meededelingen van de Maatschappij der Nederlandsche Letterkunde. 1880, N 1, s. 131. Codices Manuscripti, II, Codices Scaligerani (praeter Orientales). Leiden, 1910, bl. V.*

² Вулканиус Бонавентура (1538—1614, настоящая фамилия де Смет) — профессор классической филологии в Лейденском университете. Принадлежащие ему рукописи после смерти были проданы за 1200 флоринов. Сообщение в Каталоге 1716 г. о том, что рукописи были по завещанию переданы безвозмездно библиотеке университета, не соответствует истине. См.: *Codices Manuscripti. I. Codices Vulcaniani. Leiden, 1910, p. 343.*

³ Собрание Маршанди поступило в библиотеку в 1756 г., в нем под № 75 в Собрании восточных рукописей хранится единственная славянская рукопись. Ее выявил в 1883 г. профессор Л. Леже, он определил, что эта рукопись представляет собой славяно-русско-латинский словарь. См.: *Catalogus Manuscriptorum Bibliothecae Publicae. Leiden, s. a., N 16B.*

⁴ *Veder W. R. The Scaliger Patericon. Facsimile. Transcription and commentary [microfiche editions], 1976; Idem. The Scaliger Paterikon. (Tijdschrift voor Slavische Talen Letterkunde, 2, 1973); Он же. Една новооткрита сборка старобългарски хомилии. — Език и литература, № 1. София, 1974, с. 12—38; Idem. La tradition Slave des Apophthegmata Patrum. — Slovo (Zagreb), 1975, 24.*

НВЪДНЕНАКНАДЛАХУДА. 2. УА. Н
 2. ГО. ДО. Ф. ГО. ПОАХУ. 2. Ф. АГО.
 УА. АН. УА. ХУ. С. А. О. П. И. Ш. Н. Е. Б. Е. Н. Т. А.
 К. О. С. О. Н. У. Е. В. А. Х. У. Д. А. Н. А. —
РЕЧЕСТАРЕЦЬ. БИЩЕСТЬ И КЕСТЬ
 МНИХОУ. И ЖЕНЧЕНСЪ СОУПЕРНИ
 БОМЪ И НАСОУДЪ —
РЕЧЕСТАРЕЦЬ. АЩЕ И АНГЛА ВЪЗА
 АУЕШМ. И ПЪ И ШИ И ГЛА ВЪ ЖА
 А ВЪ С. А. И СПИШИ И ГЛА ВЪ ЗА ДЪ
 МА ВЪ С. А. И И У И М ЖЕ СОУА НЕСИ КОЛА
ПОВЪДАША ОБЪ И МЪ И АНГЛА И И.
 И А К О С. А. Т. А. К. О. П. О. Д. В. И. З. А. Ш. Е. И. П. Р. И.
 Д. Е. К. В. Б. Е. Т. Р. А. С. Т. В. Е. И. С. У. Ш. И. В. Е. Т. Е.
 Л. А. К. О. Н. Е. Г. О. И. А. К. О. Ж. Е. С. А. Ц. И. О. У. Е. М. О. У.
 П. Р. О. С. И. А. Т. И. К. О. С. Т. А. Н. З. И. М. С. В. Е. Т. А. В. Е.
 И. И. И. Г. О. Л. И. Ж. Е. Н. А. З. А. Д. В. О. Б. Р. А. Т. И.
 С. А. Ф. Е. Н. Е. А. Б. Т. А. И. Н. К. В. Ш. Е. С. Е. Ш.
 И. У. А. С. В. А. Н. Ц. А. В. Ш. Е. Г. Л. А. В. Ш. Е. С. Е. М. У.
 К. В. И. Ш. Ю. Б. Н. А. Ж. И. К. О. Г. Д. А. И. И. О. У. А.
И П. А. Д. А. К. В. Х. О. Д. А. Ц. И. И. А. З. К. В. З. У. Б. И.
 Т. В. И. Д. Ж. И. К. О. Г. Д. А. С. Т. Р. А. Ц. А. Н. К. И. И.

Рис. 1. Scal. 74, л. 10 об.

патерика, в рукописи содержатся различные слова и поучения: «поученье св. Лариона» (л. 131 об.— 133 об.); «того же слово о умиленьи» (л. 133 об.— 134); «слово о семь свете» (л. 134—144 об.); «слово часное» (л. 144 об.— 147); «Сказание отче наш» (л. 147—150 об.); 9 вопросов и ответов (из 24) «Да како восприяли суть праведници» (л. 150 об.— 153 об.); «месяца августа в 6 слово Иоанна прозвотора на Преображенье» (л. 153 об.— 160 об.); «месяца августа в 15 слово Иоана Фелого а покои святой богородицы» (л. 160 об.— 170 об.); «поученье пред Рожьством святой богородицы» (л. 170 об.— 171 об.); «поученье на Рожьство святой богородицы» (л. 171 об.— 173); «Иоана златоустаго слово о смокви» (л. 173—174 об.); «поученье егда хочеть чети» (л. 174 об.— 178); «Слово святого Епифания» (л. 178—180 об.); «от шестодневца Василья Иоана ексарха» (л. 180 об.— 183); «Иана златоустаго сказанье о Адаме» (л. 183—186 об.); под заглавием «поучения изложена душеполезная...» следует 7 поучений Климента Охридского: «Рече господь в евангелии святом» (л. 187—188); «Поученье в память святых апостолов и мучеников» (л. 188 об.— 190); «Слово о пречистомь комкании» (л. 190—191 об.); «Поученье на всяк празник» (л. 191 об.— 193 об.); «Поученье на всяк празник

чисти» (л. 193 об.— 195 об.); «Поученье егда хотяще чисти» (л. 195 об.— 199); «Слово на воздвижение креста» (л. 199—200). Первая и последняя страницы в книге в настоящее время не поддаются прочтению.

2. Скалигеров канонник с пасхалией и календарем, 1331—1332 гг.⁵ (Scal. 38B) написан уставом на длинной полосе пергамента размером 378,4 × 12 см, склеенной из семи отдельных листов длиной от 44 см до 61,6 см и сложенной в виде «гармошки» (зигзагом) на 43 листа по 8,8 см в каждом (см. рис. 2). Рукопись русская. Текст написан поперек полосы пергамента сначала на ее лицевой стороне, а затем на оборотной. Начало и конец рукописи утрачены. Рукопись начинается календарем святых с мая месяца по февраль включительно, л. 1—21 (март и апрель утрачены). Далее следует текст канонов: «чин кан подобает приимати тѣло и кровь га наш їса ха» (л. 21—35); «кан молебень стѣ бѣѣ» (л. 35—41); «кан англоу своуемоу» (л. 41—5 об.). После канонов следуют стихирьы: «стры по вса дни» (л. 5 об.— 23 об.) и «стры въскршныи» (л. 23 об.— 39 об.), на л. 40 об.— 43 об. расположена «пасхалия»: «а си рука круг луны идетъ» (epactae lunares) «си рука кругъ слнчныи росчитаютъ» — врудѣлѣта (epactae mensis) и «пасхалия зрячая» без конца.

3. Патерик, конец XIII — начало XIV в. (BPL 2290). Отрывок, два листа пергамента (30 × 22 см), написаны уставом. Рукопись сербская⁶. На нижнем поле листа Па читаются кирилловские буквы s, щ, копча, которые, возможно, указывают дату 6890 (1382 г.), и два раза написана глаголическая буква а с неясным значением. На нижнем поле листа Іа находятся две строки на крюковых нотах, не поддающиеся прочтению в настоящее время, очевидно, написанные в перевернутом виде.

4. Псалтырь с прибавлением XVI в. (Scal. 24 B), рукопись русская, содержит 173 листа бумаги (21 × 14 см) и один лист пергамента (21 × 19 см). Текст написан на 166 листах полууставом двух почерков (I: л. 1 об.— 13 об.; II: л. 14—155 об.) (см. рис. 3) и скорописью также двух почерков (I: л. 159 об.— 160 об., 164 об.— 166 об.; II: л. 161 об.— 166) (см. рис. 4); 8 листов бумаги (3 в начале и 5 в конце книги), а также л. 3 и 161 чистые, не заполненные текстом. Водяные знаки: близки Лихачев⁷ № 2606 — середина XV в. и № 1445—1514 г. Переплет кожаный, хорошей сохранности, возможно современный рукописи. Содержание: на л. 1—2 — астрологические советы для сельскохозяйственных работ в повседневной жизни (например, «в первый день луны до 9 час. сеяти и садити и власы резати...»). На л. 2 об. приводятся некоторые хронологические сведения, преимущественно по истории славян и Руси: «...от Адама до крещенья болгарского языка и до Кирилла-философа... лет 6377 (869), а от того до крещениа рускаго лет 120 (989), от рожества Христова до скончания мира ... лет 1500» и др. На л. 3 об. приводятся буквы кириллицы с цифровым значением и их названия, кончая леодрами. Л. 4—4 об. содержит тексты молитв («отче наш...» и «богородице дево радуися»). Пятый лист пергаменный, он вшит в середину тетради, на его лицевой стороне изображен календарный круг со знаками зодиака (их названия даны кириллицей, по-русски, по-гречески и по-еврейски). Разворот л. 5 об.— 6 содержит календарную таблицу на весь год по дням и месяцам с указаниями на дни памяти.

⁵ Полное факсимильное издание, описание и исследование рукописи см.: *Baar A. H. van den. A Russian Church Slavonic Kanonnik (1331—1332)*. Mouton. Haag, 1968.

⁶ Замечания о рукописи см.: *Wijk N. van. Studien zu den altkirchenslavischen Paterika*. (Verhandelingen der Kon. Akademie van Wetenschappen te Amsterdam. Afd. Letterkunde, Nieuwe Reeks, XXX, N 2). Amsterdam, 1931.

⁷ Здесь и далее: *Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков*, ч. 1—3. СПб., 1899.

1
ИМЪ КОМНѢ ПРЕВУДИМОЖЕ
ОБѢЩАЕТЕ СЕЛСТВОЕ КЪМЪ БЖЕ
СТВЕННОМЪ И ПЬЮ КРОВЬ СЪ ТВОЮ
Д Л О В О Б Е Ж И Е И К О Б О Г Н Ъ Б О Ч
Д И К И И Н А П Р О С В Е Щ Е Н Ъ Е С О М Ъ
РАУНОМОУЧИМЪ СЪЩЕЩЕНЬЕ СЪ
КЪБЕРНШИТА ДШИМОЕ НУТА
И Т В О Р Я К Р О Б Ъ
И Р Ъ К А Т И Б Ж И Е И Ж И И С Е Л Е
Н Ъ Е Т Ъ О И М А И М А Т Ъ В А М И С О Ч
Д Ъ М А Д Ъ Л А Н З Ъ Б Е Р А Н Ъ Д А С Ъ
Б А Щ Е Н Ъ Б О У Д О У Т Ъ О М А Л Ъ Ж Т К О
М Ъ П Ѣ С Е Р А Д О Б Ъ Б Е З Д Ъ Н И П Р Е
Д И М А М А Д Ш Ю С Р Д Ч Е С Ѣ С К А Т И И
Д Н Е И Т Ъ Л О М О Б Е Д К О Н Е С Е Р
Ж Е Н О П О Д О Б И К Ъ С Т Р А Ш Н Ъ М Ъ
Т Ъ О И М Ъ Т А И И М А М Ъ П Р И Х О Д И

Т И Д О У Д А Л Е Н Ъ Б О Ч Д О У С Ѣ Т Р А С Е
Т Н Е Л Г О Д А Т А М Т И
В Ѣ С Д И М А И П Р Е Л О Ж Е Н Ъ Е Ш И М Ъ
В Ѣ Т О Ч И О Ч Т Ъ Е Р Ж Е Н Ъ Е П Р И Х А
С Т Ъ К А Р А Д И С Т Ъ Х Ѣ Т И Ц И И Н Ъ Х Ѣ
Б Е О У Т Ъ Б Ъ Б Ѣ Л О Б О С Ѣ Р Е Б А П Р Е
Х И Т А Г А В Е С Г О Л А О С Т И П Р Е
Х О Д А Щ А К Ъ Б Ъ Б Е С Т В Е Н Ъ М А Т И
Т А И И М А М Ъ Л А Т Ъ А Л И С Т Ъ И И
М Т Р И К Ѣ
С У Р И Т В О И Т А И И Н Ѣ Д Н Ъ Е Н Ъ Е И
И П Р И Х А С Т Ъ Н И К А В О М А П Р И
И И М А М А Н Е П О Б Ѣ М Ъ Б О Б Р А Г О
М Ъ Т Ъ О И М А Т А И И Н Ѣ П О Б Ѣ Д А Т И
И И Л О В Ъ К А Н Ъ Б И Т И Д А М Ъ Ж К О И
Ю Д А Н О Ж К О Р А С К О И И Н И К Ъ И С П О
Б Е Д А М С А В О П И Н Т И П О Л А И И

Рис. 2. Scal. 38 В, л. 29—30

Текст псалтыри занимает в рукописи л. 7—143, далее следует текст библейских песен л. 143 об.— 156. На л. 159 об.— 166 об. содержится письмо Василия III Ивановича (1505—1533), адресованное послу австрийского императора Максимилиана I (1493—1519), о заключении торгового договора.

5. Азбука 1570—1584 гг. (BPL 967), рукопись русская; свиток бумаги длиной 408,5 см, состоит из десяти склеенных листов длиной 33,34, 38 и 44 см. Водяной знак: Лихачев № 2890 — около 1575 г.; № 3049 — 1570 г. Свиток написан на одной стороне скорописью в один столбец шириной 16 см. Инициалы киноварные. Азбука 1570—1584 гг. упоминается в рукописном каталоге библиотеки 1607 г. среди книг, «привезенных из разных стран».

В начале свитка в круге, написанном вязью, читается дата 7090 г. (1582 г.). Азбука, написанная четкой каллиграфической скорописью, занимает л. 1—8. На л. 9—10 приводится титул московского царя Ивана IV.

6. Святцы с пасхалией 1593 г. (?) (Ltk 965). Рукопись русская, содержит 132 листа бумаги (из них 4 листа в конце рукописи чистые, не заполненные текстом). Водяной знак: подобен Лихачев № 1958—1594 г. Полуустав. Переплет кожаный, сохранились две медные застёжки.

На л. 1, вклеенном в книгу позже, содержатся голландские владельческие записи. Святцы с 1 сентября по 31 августа расположены на л. 2—115 об., на внешнем поле текста указаны месяц и число, у каждого числа поставлена вруцелетная буква. С л. 116 следует таблица для определения азбучных чисел 1593—1675 гг., а далее в рукописи содержатся: «пасхалия зрячая» (л. 117—119), круг для определения дня недели неподвижных праздников и несколько таблиц для определения некоторых дней лунного и солнечного года.

7. Сборник XVI в. содержит Сказание о царе Давиде и служебник (Vulc. 94F). Рукопись русская, написана полууставом; в ней имеются красочные с позолотой миниатюры, заставки и инициалы; 150 листов бумаги. Один лист в пагинации пропущен (после л. 32); возможно, лист 30 первоначально не входил в состав рукописи. Водяной знак: Лихачев № 289 — около 1555—1559 гг. Заглавия написаны вязью.

Сказание о царе Давиде занимает л. 2—22; л. 22 об.— 25 об.— притча «о житии человеческом»; далее на л. 26—31 об. приводятся некоторые литургические указания и советы монахам. На л. 33—149 расположен служебник, который содержит службы: апостолу единому, общую апостолам двум и многим, общую святителю единому, общую святителям двум и многим, священномученику единому, священномученикам двум и многим, преподобному единому, преподобным двум и многим, преподобному единому мученику, преподобным мученикам двум и многим, мученику единому, мученикам двум и многим, мученице единой, мученицам двум и многим, преподобной жене, преподобным женам.

8. Азбука 1613—1645 гг. (BPL 1409), рукопись русская; свиток бумаги длиной 106,5 см и шириной 18,5 см, состоит из 33 склеенных листов разной длины: 41, 42, 37, 29 см. Водяные знаки: близки Лихачев № 1764 — 1555 г., № 4246 — 1603 г. Свиток написан скорописью в один столбец. В рукописи одна заставка, одна строка написана вязью, украшения выполнены разноцветными чернилами. На листе 31 приводится титул царя Михаила Федоровича (1613—1645). На л. 1 можно прочесть имя писца: писал Григоре Пестерь.

9. Псалтырь 1624 г. (Ltk 588), рукопись чешская, содержит 186 листов бумаги (10 × 6 см). Написана скорописью. Обрез книги позолочен; переплет кожаный, хорошей сохранности.

10. Псалтырь с исследованием XVII—XVIII вв. (BPL 2667), рукопись русская, в ней 442 листа бумаги (9,5 × 7 см), написана четким полууставом разных почерков. Украшена заставками, рисунками,

АВРАМЪ МОУЖЪ ИЖЕ НЕ ПЕНА
 СВѢ ПЕЧІТІИ • И НА ПОУТЫ
 ГРѢШНЫИ ПЕЧА • И НА СЕДАЛИЩНО
 СІИ ТѢ ПЕЧА • НОВАКО НѢ ГНИ
 И ПОЛѢ • И ВЪ КОЕ ПОУЧІИ СДНЬ
 И НОЦЬ • БОУДЕТЬ ГД ДРЕВО СЯЖЕИ
 ПО ПРИХОДІИ ИЮ • ИЖЕ ПЛЮ
 СВО ПЛѢСІ ВЪ РѢМѢ СВОЕ И ЛИСТІЕ
 НЕ ПАДЕ • И ЖЕЛИКАЩЕ ТВО
 РИ ТЪ ОУСПІЕ • НЕ ТАКО НЕЧІИ
 ВІИ НЕ ТАКО • ПО ТАКО ПРА ЕГО ВІИ
 МІ ПЛѢ ВЪ ПРѢШІИ ЦАЖЕИ • СЕ
 ГО РАДИ НЕ ВЪ СІИ ПОУТЫ НЕЧІИ
 ВІИ НА СОУДѢ • И ГРѢШНИЦІИ
 СВѢ ПІИ ПРАВЕДНЫХЪ • ТАКО СЪ
 ИЖЕ ТЪ ПІИ ПРАВЕДНЫХЪ •
 И ПОУЧІИ ПІИ ПОГЫБЕ ТІИ: СЛАВА
 УЛОМЪ ДАДЪ В ПІИ ПІИ ПІИ

Рис. 3. Scal. 24 B, л. 7

сделанными чернилами. Переплет кожаный. На лицевой стороне л. 1 читается: Смоленскіа. На л. 1 об. находится изображение царя Давида. В рукописи несколько листов остались не заполненными текстом, чистыми: л. 60 об.— 61, 229, 318 об., 406 об., 441—442. Текст псалтыри и библейских песен занимает л. 2—228; на л. 230—270 содержатся «оустав стыхъ отцъ бгомъ преданныи...», молитвы и тропари. С л. 271 следует текст «псалмовъ избранныхъ», а далее: часослов, каноны, тропари, ирмосы. С л. 423 идут выписки из летописца.

11. Славяно-латинский словарь, составлен берлинским библиотекарем

АЛЕКТРѢОНЪ. пѣвель, пѣвель. Idem. Gallus.

АЛКАНІЕ. прагнѣнне бѣла, бѣсти хотѣнне, чѣстѣ голодѣ.
Esuries, James.

АЛѢВА. лакнѣнне, голѣднѣстѣ, ѣсвѣрѣцію. Idem.

АЛУХ. АЛУХ. АЛКНѢ, глѣдомѣ пѣлю, ѣстемѣ голоднѣи,
бѣсти жадаю. Esurio, James proterus.

АЛОИ. АЛОЕ

АМѢСѢНЪ, ѣ. мѣстѣце кѣмѣслое, сѣкнѣкѣ сѣходѣхѣ, стоѣн-
ца, АЛѢО КРѢ ОУТѢМЕНѢ НА МОКѢНѢ. ѣ.
ѣЗАРЪ, ѣ. мѣ. и сѣра ѣЗАРЪ свѣщеннѣицѣ
и чѣстѣ Закона на древлѣномѣ АМѢСѢ. Vulg.
James. А. Арсугро Cap. 9. v. 22. Et stetit
Esdras Sacerdos, et lector legis super lignum
tribunal quod fabricatum erat. Ambo, onis.

АМѢНѢСТА. кѣмень асфѣрѣи. Amethystus.

АМФѢРА. флаша, кѣонѣка. Amphora.

АМЪ. ѡпѣ, quo, quiet in locum.

АМѢРѢИ. сѣновѣцѣ, братѣнокѣ, брѣ стрѣтнѣи, АЛѢО
пѣтѣчнѣи, АЛѢО сѣнѣ братнѣи, АЛѢО сѣсѣтрѣи.
АМѢРѢИ. Consobrinus, amittus, patruelis,
fratris, vel sororis filius. АНѢШѢ АНѢШѢ. Anis.

АПОСТѢЛѢЗ. посѣлѣ, послѣнѣцѣ, ннѣкѣ, лѣгѣтѣль.
Apostolus, missus.

АПОСТѢЛѢСКѢИ. Apostolicus.

АРѢВѢКѢ ЛѢДѢ. или арѣвѣкѣ лѣдѣ, или Арѣопѣлѣ. пѣгорѣкѣ
марсовѣ. елѣи. Арѣи, брѣнѣ, пѣбѣсѣ холмѣ,

сведения о знаках ударения, препинания, даются последовательные названия цифр от 1 до 10 000. Приводится глаголический алфавит и к нему даются кирилловские и латинские соответствия. Кроме того, приводятся литургические термины, записанные глаголицей, кириллицей с переводом на латинский язык. Словарь сопровождается богослужебными и нравоучительными текстами и изречениями. В конце даются образцы глаголической и кириллической скорописей (лигатуры, сокращения и т. д.).

12. Русско-немецкий словарь-разговорник первой трети XVIII в. (Ltk 584); 237 листов бумаги (19,5 × 16 см). Водяной знак: Churchill⁸ № 50—1729 г. Рукопись написана русской и немецкой скорописью. Переплет кожаный, довольно хорошей сохранности. На титульном листе приводится по-русски и по-немецки запись: «Кристиан Готлибъ Воле 1731 году въ ноября месяце 1 дня». Возможно, эта дата обозначает время написания книги.

Словарь начинается своеобразным предисловием: «Аще хто хочет много знати, тому подобает мало спати...» Даются буквы кириллической, египетской, татарской и индийской азбук с примерами тайнописи: молитва «отче наш» на немецком языке записана татарскими буквами. Далее следуют главы (151) словаря (первая без номера), посвященные лексике домашнего обихода. Описание и исследование рукописи выполнено профессором Ван-ден-Баром⁹.

13. Святцы 1767—1768 гг. (BPL 2619), 250 листов бумаги (18 × 10,5 см); полуустав и скоропись разных почерков. Водяные знаки не выявляются. Переплет реставрированный. В начале рукописи содержится владельческая запись с датой 1767 г., на следующих трех листах — поминальные записи скорописью разных рук с 1788 по 1835 г. В святцах (л. 5—214) с сентября по август, кроме памяти святых, приводятся некоторые сведения из их житий. На л. 215—217 об. расположена календарная таблица на 100 лет «ключ вкратце» с 1767 по 1866 г. Первая дата служит основанием для датировки рукописи. Далее находятся «пасхалия зрячая» и цикл фаз луны.

14. Святцы первой трети XVIII в. (Ltk 585), 47 листов бумаги (11 × 7 см). Водяной знак: Churchill № 50 — 1729 г. Переплет картонный. Рукопись русская, написана полууставом. На многих листах встречаются записи и пометы на голландском языке. Рукопись неполная, плохой сохранности, отсутствует начало святцев и вырвано много листов в середине книги. Текст начинается с 13 октября.

⁸ Churchill W. A. Watermarks in Paper in Holland, England, France etc. in the XVIIth and XVIIIth centuries and interconnections. Amsterdam, 1935.

⁹ Baar A. H. van den. The Christian Wolf Russian-German Manuscript Lexicon. Dutch Contributions to the Sixth International Congress of Slavists. Prague, 1968, p. 12—32.

С. А. Морозов

ОБЗОР СПИСКОВ РЕДАКЦИЙ ПОВЕСТИ О ПЛЕНЕНИИ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА ИВАНОМ ГРОЗНЫМ

Среди памятников культуры Великого Новгорода второй половины XVI в. особое место занимает Повесть о пленении Великого Новгорода Иваном Грозным. Повесть подробно рассказывает о карательном походе опричных войск во главе с Иваном Грозным на Новгород в 1570 г. Как известно, «новгородское дело» было теснейшим образом связано с деятельностью фронды в условиях социально-политического и хозяйственного кризиса второй половины XVI в. В 1569 г. царь открыл заговор, ставивший своей целью возведение на престол Владимира Андреевича Старицкого. В заговоре участвовали, по-видимому, многие руководители опричнины, имевшие сторонников в Новгороде и Пскове. В декабре 1569 г. Иван Грозный выступил в поход против Новгорода и Пскова. В первых числах января 1570 г. он достиг Новгорода, разорив по пути всю Большую Московскую дорогу, ведущую из Москвы в Новгород, включая города Тверь, Торжок, Медынь и др. В Новгороде Иван Грозный учинил настоящий погром, казня, сжигая и пустоша посад и его окрестности.

Повесть о пленении Великого Новгорода Иваном Грозным, известная в исторической науке начиная с А. И. Манкиева, неоднократно использовалась историками и литературоведами, но специальное исследование повести до сих пор отсутствует, хотя она, безусловно, заслуживает особого изучения¹. Представляя собой уникальный источник по истории новгородского похода Ивана Грозного, Повесть о пленении Великого Новгорода — вместе с тем одно из выдающихся произведений русской средневековой литературы. Свидетельством столь высокой оценки повести является включение ее в число древнерусских литературных произведений, вошедших в состав «Библиотеки всемирной литературы»².

В данной статье мы попытаемся сделать предварительный обзор списков известных нам в настоящее время редакций повести и наметить пути ее дальнейшего исследования. Повесть называется нами здесь «Повестью о пленении Великого Новгорода Иваном Грозным», хотя в литературе утвердилось название «Повесть о приходе (походе) Ивана Грозного в Великий Новгород (на Новгород)». При этом мы исходим из

¹ См., например: *Манкиев А. И.* Ядро Российской истории. М., 1770, с. 201—204; *Карамзин Н. М.* История государства Российского, кн. 3, т. 9. СПб., 1831, с. 230; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. 3, т. 6. М., 1960, с. 558—561; *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования, кн. 5, т. 13. СПб., 1905, с. 433—434; *Шамбинаго С. К.* Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914; История русской литературы, т. 1, ч. 2. М., 1946, с. 518; *Карелина Т. С.* Образ Ивана Грозного в литературе XVI в. и народном творчестве. Автореф. канд. дис. М., 1955; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного М., 1964; *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. Л., 1969.

² Изборник. Сб. произведений литературы Древней Руси. М., 1969, с. 477—483.

необходимости присвоения повести такого названия, которое исключило бы путаницу при описании, как, например, у И. У. Будовница в его «Словаре»³, и вместе с тем соответствовало бы или было бы близким к первоначальному названию повести⁴.

Повесть о пленении Великого Новгорода Иваном Грозным публиковалась 3 раза. Первым является ее издание Я. И. Бередниковым в составе Н III Л в третьем томе ПСРЛ. Повесть была напечатана по двум редакциям — Пространной и Сокращенной; Сокращенная редакция была напечатана по шести спискам, а Пространная, входящая в состав сборников, содержащих Новгородскую II летопись,— по двум⁵. В издании Археографической комиссии 1879 г. «Новгородские летописи», подготовленном А. Ф. Бычковым, Повесть о пленении была напечатана по трем редакциям (Сокращенной, Пространной и Фольклорной)⁶; хотя, оговоримся сразу, что А. Ф. Бычков не относил Фольклорную редакцию к числу редакций повести, поскольку имел дело с поздним списком сокращенного вида. Последней по времени является публикация повести в 1969 г. Ю. К. Бегуновым в «Изборнике»⁷. Здесь повесть опубликована по двум спискам Пространной редакции, по которым она публиковалась ранее в составе двух указанных выше изданий. В основу публикации, как и в двух предыдущих изданиях, положен текст по сравнительно позднему Академическому списку, в котором изобилуют лексические поновления и явные ошибки. Слово «доправити» Архивского списка, например, соответствует слову «привет» Академического, «губитель» Архивского — слову «будитель» Академического. Примечания по содержанию в «Изборнике» носят научно-популярный характер.

Повесть о пленении Великого Новгорода Иваном Грозным до сих пор пока не нашла должного освещения в исторической и литературоведческой литературе; отсутствует и научное издание повести по всем редакциям.

Из общего количества известных по описаниям и выявленных нами 87 списков повести текстологическому исследованию был подвергнут 71 список. В основном к текстологическому изучению повести на данном этапе исследования были привлечены рукописи, хранящиеся в рукописных отделах ГБЛ, ГИМ, БАН, ГПБ — частично, а также ЦГАДА.

Повесть в известных нам списках дошла в составе новгородских летописных сводов XVII в., свода ГИМ, Музейное собр., № 3058 и Никоновского свода 1652 г., Латухинской степенной книги, а также исторических сборников XVII—XIX вв.

Самый старший список повести, дефектный, дошедший с утратой ряда листов в результате позднейшего переплетения, датируется 10—20-ми годами XVII в. Самыми старшими из исправных списков являются два списка в составе исторических сборников, датируемых серединой

³ Спутана Повесть о пленении с Повестью о походе Ивана III на Новгород (*Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века*. М., 1962, с. 191).

⁴ Многочисленные списки повести в Забелинской редакции имеют заглавие «(Сказание) о пленении Великого Новгорода (Новаграда)». Это не случайно. Заглавие старшего списка Забелинской редакции (ГИМ, собр. Забелина, № 261) «О приходе царя и великого князя Иоанна Васильевича в Великий Новгород и како казнил, еж[e] оприщина и розгром именуется», видимо, как и заглавие Пространной редакции «О приходе царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси самодержца в Великий и богом спасаемый Новъград и о потрясении града грех ради наших», не соответствует первоначальному. На л. 273 старшего списка Забелинской редакции об Иване III читаем: «...како хоте первое пленити» (речь идет о новгородском походе).

⁵ ПСРЛ, т. 3. СПб., 1841, с. 254—262.

⁶ Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 337—345, 393—404, 468—469. Классификация редакций наша.

⁷ Изборник, с. 477—483.

XVII в.⁸ По принятой нами классификации все эти списки относятся к Пространной редакции. Данная редакция Повести о пленении изучена нами также в составе следующих сборников: ГБЛ (собр. Овчинникова, № 482; собр. Румянцева, № 364, 373, 413, 461; собр. Тихонравова, № 579; собр. Ундольского, № 789; собр. Шибанова, № 33); ЦГАДА (ф. 181, собр. Мазурина, № 5, 20 (Архивский список), 625); БАН (№ 4.7.7, 16.3.2 Академический список, 16.4.9, 16.5.44, 32.8.5, Архангельское собр., С. 131); ГПБ (Собр. Погодина, № 15 и 1549; Эрмитажное собр., № 356).

В составе летописных сводов и летописных сборников дошли пять редакций Повести о пленении Великого Новгорода: Забелинская, Сокращенная, Компилятивная, Краткая и Фольклорная.

В составе Окончательной редакции НЗЛ содержится редакция повести, названная нами Забелинской редакцией. Она встречается также в составе НПЛ и в компиляциях НЗЛ и НПЛ. Старшим списком Забелинской редакции Повести о пленении является список в составе полного вида Окончательной редакции НЗЛ, представленный архетипом (ГИМ, собр. Забелина, № 261), который С. Н. Азбелев датирует 1680—1681 гг.⁹

Повесть о пленении Великого Новгорода в Сокращенной редакции содержится в двух новгородских летописных сводах: в НУЛ и Пространной и Краткой редакциях Н III Л. Сокращенная редакция повести перешла в Пространную, а затем и Краткую редакцию Н III Л; видимо, из НУЛ, которая явилась источником первоначального вида Пространной редакции Н III Л.

Сравнительно-текстологический анализ Забелинской и Сокращенной редакций показывает, что обе эти редакции содержат текст устойчивого «ядра» повести, которым является весь текст Сокращенной редакции, за исключением вступления «Бысть посещение божие... около Новаграда». Сокращенная редакция отличается от Забелинской включением ряда компонентов повести непосредственно в летописный текст, предшествующий повести. Это известия об убийстве В. А. Старицкого, митрополита Филиппа Колычева, разгроме Твери, об убийстве игумена Антониева монастыря Геласия, вывозе в Александрову слободу колокола-благовестника и драгоценностей. Заключение Забелинской редакции, рассказывающее о новгородцах после погрома, молящихся о «благополучном пребывании», в Сокращенной редакции отсутствует. Летописный текст, предшествующий Сокращенной редакции, сокращает все соответствующие компоненты Забелинской редакции повести. Так, например, фраза Забелинской редакции: «... иначескаго чина много различными муками умучи и последи побити повеле» (л. 442 об.) в НУЛ сокращается до «...иначескаго чина многи мучи и побити...» (ГИМ, собр. Уварова, № 568, л. 423)¹⁰. Сопоставляя Пространную, Забелинскую и Сокращенную редакции и учитывая все вышесказанное, приходим к выводу, что Сокращенная редакция восходит к Забелинской¹¹:

⁸ Архив ЛОИИ, к. 238 (Н. П. Лихачева), оп. 1, № 11, л. 36—36 об., 19—24 об., 37—37 об., 17—18 об. См. подробное описание: *Буганов В. И.* Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г.— АЕ за 1961 год. М., 1962, с. 259—275; ГБЛ, собр. Егорова, № 292, л. 327; см. также: *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, с. 134, № 130; ГБЛ, собр. Егорова, № 909, л. 652—659 об. Данный список любезно указан нам Ю. Д. Рыковым.

⁹ *Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960, с. 73—74.

¹⁰ Ср. в Н III Л: «...иначескаго чина многими муками замучи...» (с. 337).

¹¹ Здесь и далее текст Забелинской редакции цитируется по рукописи: ГИМ, собр. Забелина, № 261, текст Сокращенной и Пространной редакций — по изданию: *Новгородские летописи.* СПб., 1879.

Бысть убо посещение бо-
жие, богу поустившу, а
врагу действушу грех ра-
ди наших...
(л. 439 об.)

Бысть убо посещение бо-
жие, богу поустившу, а
врагу действушу грех ради
наших...
(с. 337).

Посещением и изволением
и наказанием вседержите-
ля господа бога и Спаса
нашего Иисуса Христа, за
умножение беззакония на-
шего и богомерских про-
тивных грех... (с. 393)

...у Чюдного креста на Вол-
ховском мосту... (л. 440 об.)

...у Чюдного креста на Вол-
ховском мосту... (с. 340)

...на Волховском мосту ве-
ликом у Черного креста
(с. 397)

Дополнительным аргументом в пользу старшинства Забелинской редакции по отношению к Сокращенной может служить тот факт, что Пространная и Забелинская редакции не указывают точного места ссылки Пимена, которое указал автор Сокращенной редакции¹².

Повесть в Пространной и Забелинской редакциях стала, очевидно, источником Повести о пленении и в Компильтивной редакции, где она органически включена вместе со «Сказанием вкратце от жития святого и блаженного Филиппа митрополита Московского и о страдании его» в единое литературное произведение, получившее название «О митрополите Филиппе и опришнине на Москве и в Новеграде». Как указывал еще А. Н. Насонов, этот текст включают в себя летописные своды ГИМ, Музейное собр., № 3058 и Никоновский свод 1652 г., представленные соответственно первый — рукописью 60—70-х годов XVII в. и второй — рукописями XVIII в.¹³ Свод ГИМ, Музейное собр., № 3058, по мнению А. Н. Насонова, редактировался, вероятно, в Новгороде и явился источником Никоновского свода 1652 г. Если влияние Забелинской редакции может проследиваться в Компильтивной редакции в основном в композиционном плане (развитие темы с убийством Филиппа), то текст повести в Компильтивной редакции ближе к Пространной редакции¹⁴:

Компильтивная редакция

Пространная редакция

Забелинская редакция

...у Черного креста...
(л. 281)

...у Черного креста...
(с. 397)

...у Чюдного креста...
(л. 440 об.)

...королю литовскому...
(л. 281 об.)

...королю литовскому...
(с. 398)

...королю польскому...
(л. 441)

В части, посвященной Новгороду, Компильтивная редакция дает несколько сокращенный текст Пространной редакции. В Компильтивной редакции отсутствуют предисловие Пространной редакции и ее концовка, замененные искусно вставленными соответствующими частями жития Филиппа Колычева. Повесть в Компильтивной редакции показывает Ивана Грозного мудрым, хотя и жестоким правителем, подводя читателя к мысли о том, что напрасного кровопролития могло и не быть, если бы царь слушался во всем советов своего духовного наставника митрополита. Возможно, Компильтивная редакция была составлена новгородским редактором свода ГИМ, Музейное собр., № 3058.

¹² По С. Н. Азбелеву, в Первоначальную редакцию НЗЛ, основанную на Пространной редакции Н III Л с привлечением Нового летописца и других источников, были сделаны вставки из Синописа и других памятников (Азбелев С. Н. Указ. соч., с. 71). В нашем случае в старшем списке Забелинской редакции имеем именно такую вставку; на л. 432 (новой нумерации) записано: «Оприщина и разгром новгородской писан лист 431» (имеется в виду первоначальная нумерация), что соответствует л. 439 новой нумерации.

¹³ Насонов А. Н. История русского летописания. М., 1969, с. 485—486.

¹⁴ Текст Компильтивной редакции повести цитируется по рукописи: ГИМ, Музейное собр., № 3058.

Компилятивная редакция, очевидно, послужила источником Краткой, редакции, известной в настоящее время *de visu* в шести списках. Два списка являются белой копией выписей, сделанных для В. Н. Татищева (они находятся в составе одной рукописи, бывшей ранее в библиотеке историка), и относятся к середине XVIII в. (ГБЛ, собр. Румянцова, № 416, л. 108 об., 270—272 об.)¹⁵. Один список, относящийся к первой половине XIX в., является копией П. М. Строева, о чем свидетельствует запись (ГПБ, собр. Погодина, № 1549, л. 9—10)¹⁶. Два других списка находятся в составе списков так называемой Латухинской степенной книги (один из списков данной редакции включен в Краткую редакцию полного вида, другой — в старший список Особой Краткой редакции Латухинской степенной книги¹⁷). Еще один список имеется в составе летописца: ГИМ, Востряковское собр., № 852. На левом поле л. 305 об. рядом с начальной строкой помечено: «[Из] книги Степенной. О Новеграде».

Краткая редакция дает переделанный и сокращенный текст Компильтивной редакции, причем все сюжеты, взятые из жития Филиппа, вынесены в списках Латухинской степенной книги в особую статью, предшествующую повести. Краткой редакцией Повести о пленении придана антигрозненская направленность. Имеют место и некоторые композиционные перестановки: так, рассказ о грабеже населения и разгроме усадищ в окрестностях Новгорода помещен до рассказа о суде Ивана Грозного на Городище. Приведенная выше цитата является вставкой, добавленной автором Краткой редакции. В Краткой редакции исчезает речь Ивана Грозного после погрома, обращенная к новгородцам. Учитывая характер и особенности Краткой редакции, можно предположить, что автором ее был автор Латухинской степенной книги архимандрит Тихон¹⁸.

Впрочем, возможен и еще один вариант. В. И. Корецкий в статье, посвященной источникам Латухинской степенной книги, указывает на возможность использования Тихоном «Истории о разорении российском» монаха Иосифа, келейника патриарха Иова, в которой события излагались с 1560 по 1613 г. Возможно, Краткая редакция повести, носящая заглавие «О походе государя царя и великого князя Иоанна Васильевича в Великий Новгород», восходит к какой-то недошедшей редакции повести, заключавшейся в «Истории» Иосифа¹⁹.

Забелинская редакция послужила источником Фольклорной редакции повести. В настоящее время нам известно два списка этой редакции. Один из них, озаглавленный «Сказание о пленении Великого Новаграда» (БАН, № 17.8.25), по классификации С. Н. Азбелева, «может быть лишь условно отнесен к НПЛ»²⁰. «Он имеет обширные дополнения из Хронографа и, возможно, из других источников»²¹. Второй список, относящийся к концу XVIII в. и находящийся в составе летописного сборника Новгородского Николаевского Дворищенского собора, был опубликован

¹⁵ В сборник входят выписи из Степенной книги особого состава и Латухинской степенной книги, которая, следовательно, была уже известна В. Н. Татищеву.

¹⁶ В записи сказано: «Выписано из Хронографа, хранящегося в Онежском Крестном монастыре, по монастырскому каталогу № 262, в лист, л. 224—246».

¹⁷ ГБЛ, Пискаревское собр., № 228, л. 311—313; ГИМ, Синодальное собр., № 293, л. 268 об.—270; *Муравьева Л. Л.* О списках Латухинской степенной книги.— АЕ за 1964 год. М., 1965, с. 85—91.

¹⁸ Ср. наблюдение П. Г. Васенко о том, что Тихон стремился отбрасывать «риторические вставки, украшения, размышления, различные речи и молитвы, хотя и сам иногда впадает в искушение щегольнуть... благочестивым размышлением» (*Васенко П. Г.* Заметки к Латухинской степенной книге. СПб., 1902, с. 30).

¹⁹ *Корецкий В. И.* К вопросу об источниках Латухинской степенной книги.— Летописи и хроники. Сб. статей. 1973. М., 1974, с. 328—337.

²⁰ *Азбелев С. Н.* Указ соч., с. 82. См. также: Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук, т. 3, вып. 1. М.—Л., 1959, с. 322—325.

²¹ Текст фольклорной редакции цитируется по рукописи: ОР БАН, № 17.8.25, текст песни — по кн.: Исторические песни XIII—XVI веков. М.—Л., 1960, № 228, с. 377—378.

А. Ф. Бычковым в «Новгородских летописях», как отмечалось выше. В Фольклорной редакции явно прослеживаются дополнения и изменения, внесенные в текст Забелинской редакции. Композиционное построение Забелинской редакции изменено незначительно, лишь в начале повести акцентируется роль «некого Волынца волочаги, мота именем Петр», который «за некое преступление от новгородского гражданского начальства был наказан». «Разозлясь» на новгородцев, он «диаволиским советом сочинил от всего Великаго Новаграда челобитную к королю полскому» (л. 380 об.).

В Фольклорной редакции отсутствуют известия об убийстве Владимира Андреевича Старицкого и разгроме Твери, при этом в Фольклорной редакции встречается общее для всех списков Забелинской редакции в составе НПЛ сокращение заключительной части.

Можно указать и на бытование сходной народной песни «Был в Москве человек-волшебник», записанной Н. Е. Ончуковым в деревне Бедовая Пустозерской волости Архангельской губернии в 1902 г. от 70-летнего П. Г. Маркова.

Фольклорная
редакция

...сочинил от всего Великаго Новаграда челобитную к королю полскому... И так зделав, челобитную ту притворную за образ Софии премудрости божии в соборной церкви положил... (л. 380 об.)

Песня «Был в Москве
человек-волшебник»

...написал грамоту-письмо и положил в церковь за икону... (с. 377)

Повесть в Пространной редакции в отличие от Забелинской содержит выдержанные в назидательном духе с оттенками эсхатологического плана предисловие «Посещением и изволением и наказанием... велия прегрешения...» (с. 393—394) и концовку «Се же бысть...» (с. 404). В Пространной редакции отсутствуют те же компоненты Забелинской редакции, которые отсутствуют или вынесены в предшествующий летописный текст в Сокращенной редакции. Повесть в Пространной редакции содержится почти исключительно в составе сборников²². Текстологический анализ показывает, что устойчивое «ядро» Повести о пленении читается и в Пространной редакции и в Забелинской. В Пространной: от слов «велия прегрешения...» (с. 394) до слов «Се же бысть...» (с. 404), в Забелинской от слов «...грех ради наших...» (л. 439 об.) до слов «И в то время...» (л. 440), далее от слов «...ряда в два и в три» (л. 440 об.) до слов «А игумена...» (л. 442 об.), от слов «...сосуды священные свезе к Москве...» (л. 443) и до слов «Оставшии же градские люди...» (л. 443). Последовательность действий царя и опричников в Новгороде и его окрестностях строго выдержана и в Забелинской и в Пространной редакциях, но в Пространной редакции текст «ядра» более осложнен эпитетами, определениями и т. п. Например, «ложных глагол» (л. 439 об.) Забелинской редакции соответствует «неистовых ложных глагол» Пространной (с. 394), «по монастырям» (л. 442) Забелинской — «по честным и великим монастырям» Пространной (с. 401) и т. п. Текстологический анализ показывает, что как Забелинская, так и Пространная редакции восходят к недошедшей Первоначальной редакции, сохранив в той или иной степени ее архаизмы, причем в большей степени архаизмы содержатся в тексте Забелинской редакции повести. Например, фразе «В лето 7078, генваря во 2 день...» (л. 439) Забелинской редакции соответствует «В лето от всемирного создания осмая тысящи 78-го, а от рождества господа бога и Спаса нашего Иисуса Христа в лето 1570-го, месяца генваря во 2 день...» (с. 395, Ар-

²² Исключением являются списки: ГБЛ, собр. Румянцева, № 413, с. 1945—1952 и БАН, № 17.1.13, л. 78—84 об., содержащиеся в составе Степенной книги после степени 17.

хив ЛОИИ, к. 238 (Н. П. Лихачева), оп. 1, № 11, л. 19 об.) Пространной редакции, «...своим царским ясаком...» (л. 441) Забелинской редакции соответствует «...по обычаю, ясаком царским...» (с. 399)²³ Пространной редакции. Впрочем, архаизмы Первоначальной редакции, хотя и в меньшей степени, сохранились и в Пространной редакции. Так, фразе «...за сторожа единого отдати...» (с. 399) Пространной редакции соответствует «...за стражи отдати...» (л. 441) Забелинской редакции. В данном случае архаичнее чтение Пространной редакции — под «единым сторожем», очевидно, подразумевается Федор Опшанин, о котором в описи архива Посольского приказа 1626 г. сказано: «...наказная память Федору Опшанину, как ему вести к Москве новгородцкого архиепископа Пимина»²⁴.

В целом Забелинская редакция имеет ярко выраженный антигрозненский характер, в то время как обвинительные мотивы по отношению к Ивану Грозному в Пространной редакции заметно смягчены. Пространная редакция скорее назидательное чтение, нежели публицистическое произведение.

Подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что Повесть о пленении Великого Новгорода Иваном Грозным на протяжении длительного периода времени занимала умы древнерусских книжников, под пером которых возникали новые ее редакции. Дальнейшее историко-текстологическое исследование повести и поиск новых ее списков помогут выяснению путей ее развития и времени возникновения различных редакций повести.

²³ В Лихачевском списке: «...по обычаю царским ясаком...» (Архив ЛОИИ, к. 238, оп. 1, № 11, л. 23 об.).

²⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, с. 483.

Ю. Н. Мельников

ОПИСАНИЕ МЕСТНИЧЕСКИХ ДЕЛ 80-х ГОДОВ XVI В.

Местнические дела отложились в делопроизводстве Разрядного приказа в результате разбора местнических споров. В них содержатся ценные сведения по политической истории, истории государственных учреждений и армии, общественной мысли и быта¹. В последнее время началось изучение местнических дел в источниковедческом плане². Но в целом местнический материал еще не систематизирован.

Местнические дела перечислены в описях Московского архива Министерства юстиции и фонда Разрядного приказа³. Некоторые дела датированы приблизительно, а иногда ошибочно. Иные имеют неточные заголовки. Первое описание местнических дел составлено А. И. Маркевичем⁴. Ему были известны не все дела. В описании имеются отдельные элементы палеографического анализа, причем встречаются неточности и ошибки. Очень подробно изложено содержание дел. Местнические дела за время правления Ивана Грозного описаны В. Ф. Тиханкиной⁵. Она уделила большее внимание палеографическому описанию и — что очень важно — попыталась определить структуру дел.

В содержании местнических дел довольно четко выделяются три части: начальная, судебное разбирательство и заключительная. В начальную часть входят: дата начала суда, запись о челобитье истца, имена спорщиков, запись о царском указе по назначению судей, имена судей. Судебное разбирательство состоит из записей подьячих, составлявших по ходу суда. Среди записей в определенном порядке расположены документы, подаваемые спорщиками: челобитные и памяти. Последние представляют собой перечни «случаев» разнообразного содержания: разрядные, родословные, местнические. Подавались также грамоты, наказания, отписки. В заключительную часть дела входят: дата боярского приговора, имена спорщиков, текст боярского приговора, запись о докладе решения царю, дата царского указа, запись о «сказке» решения.

По авторскому признаку документы местнических дел можно разделить на четыре группы: документы инициатора спора (челобитные и памяти), документы второго спорщика (те же), документы Разрядного приказа

¹ Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973, с. 267.

² Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975, с. 129—132; Зимин А. А. Источники по истории местничества в XV — первой трети XVI в. — АЕ за 1968 год. М., 1970, с. 111—113; Тиханкина В. Ф. Источники по истории местничества времени правления Ивана IV. Дипломная работа. (Научный руководитель А. А. Зимин). МГИАИ, 1972, с. 12—30.

³ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, кн. 11. М., 1899; кн. 20. М., 1921; Разрядный приказ. Опись столбцов Дополнительного отдела. М., 1950.

⁴ Маркевич А. И. О местничестве, ч. 1. Киев, 1879, гл. XXXII.

⁵ Тиханкина В. Ф. Указ. соч., с. 13—22.

(начальная часть, записи подъячих судебного разбирательства, заключительная часть), документы других учреждений (выписки, грамоты, наказы, отписки). Начальная и заключительная части состоят полностью из документов Разрядного приказа, а судебное разбирательство — частично⁶. Все остальные документы сосредоточены в судебном разбирательстве.

Дела представляют собой комплекс документов, различающихся по авторскому признаку, времени и месту составления⁷. Описывать их нужно как в целом, так и по отдельным группам документов. Кроме того, в делах много помет и исправлений, которые не отразились в отмеченных ниже публикациях. В редких случаях издатели отмечали пометы. Отдельные дела переформировывались в процессе суда и после. Это можно установить только при палеографическом анализе.

Задачей статьи является описание местнических дел за 80-е годы XVI в. Этот период все более привлекает внимание историков, но источники изучены неравномерно. Местнические дела использовались редко. Наше описание поможет выявить новые данные в тексте дел и тем самым расширить источниковую базу исследователей.

При этом палеографическому анализу уделено основное внимание. Отмечаются все водяные знаки независимо от того, упоминаются они в палеографических справочниках или нет. Почерк и водяные знаки являются основными признаками при выяснении авторства. Для датировки некоторых дел и уточнения палеографических особенностей отдельных документов использовались сведения из основного текста дел и записей разрядных книг.

1. Дело кн. Андрея Ивановича Булгакова-Голицына с кн. Александром Ивановичем Шуйским, опубликовано⁸. Спор возник 25 апреля 1582 г., когда оба были назначены рындами. Дело разбирали боярин кн. Ф. М. Трубецкой и дьяк А. И. Демьянов⁹. Суд проходил с 27 мая по 27 августа. За кн. А. И. Шуйского отвечал его брат кн. В. И. Шуйский. Дело сохранилось полностью, на 75 листах, объединяет документы за 25 апреля — 27 августа. В конце судебного разбирательства имеется выписка из местнического дела кн. В. Ю. Голицына с кн. И. П. Шуйским¹⁰.

В тексте дела четко различаются семь почерков. Челобитная и памяти кн. А. И. Голицына написаны одним почерком (л. 2, 9—12, 16—18, 23, 32, 51, 55—56, 62, 68). Тем же почерком и чернилами на оборотной стороне листов помечены «случаи»: «На князя Данила на Пронсково», «На князя Олександра на Горбатово» и т. д. Голицын пытался, очевидно, систематизировать для себя памяти. Водяные знаки: кувшин (Брике¹¹, № 12519 — 1529—1539 гг.; приблизительная аналогия), одноручный кувшин с короной (аналогий в справочниках нет).

Документы кн. А. И. и В. И. Шуйских написаны тремя почерками. Первым почерком написана челобитная кн. А. И. Шуйского и шесть памяти (л. 7, 21, 25, 30, 49, 53, 64—65); вторым почерком — две памяти (л. 58, 60), причем одна из них написана другими чернилами; третьим — челобитная кн. В. И. Шуйского и одна память (л. 14, 38). По-видимому, кн. А. И. Шуйский заранее приготовил основную часть памяти, а потом ему помогал брат. Исправления сделаны теми же почерками и чернилами.

⁶ Все документы Разрядного приказа, вошедшие в дела, составлялись подъячими. Далее в описании они называются просто «записями подъячих».

⁷ Наши выводы в основном совпадают с выводами В. Ф. Тиханкиной. Однако она не обратила внимание на соотношение структуры дел с составом документов.

⁸ ЦГАДА, ф. 240, оп. 9, д. 4, л. 1—75; РИС, т. 2, М., 1838, с. 35—60. В передаче текста неточности (здесь и далее имеются в виду неточности в передаче основного текста; пометы и исправления см. в описании). В настоящее время л. 29 утерян; ср. РИС, т. 2, с. 51.

⁹ Полные имена дьяков см.: *Лизачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, указатель.

¹⁰ Ср. РИС, т. 2, с. 1—34.

¹¹ *Briquet C. M.* Le filigranes, t. 1—4. Amsterdam, 1968.

Водяные знаки: веночек из листьев (Брике, № 5095—1576 г.), одноручные кувшины с искаженными буквами RC и RE (аналогий в справочниках нет).

Записи подъячих сделаны тремя почерками. Первый почерк на л. 1, 3—5, 20, 22, 26, 29, 33—34, 39, 42, 44, 52, 61 (вторая половина текста); 63. Вторым почерком на л. 6, 8, 13, 15, 24, 27—28, 34, 35—37, 40—41, 43, 45, 54, 57, 61 (первая половина текста), 66—67, 69. Третьим почерком на л. 70—75 — выписка из местнического дела и заключительная часть. Водяные знаки: полумесяц рожками вверх (Брике, № 5321 — 1581 г.); тот же самый знак, но с отличиями в рисунке литеры (аналогий нет); сложная монограмма (Брике, № 9131 — 1545—1546, 1578 гг.; Лихачев, № 59 — 1547 г.¹²; приблизительная аналогия); неизвестный знак (сердце, пересеченное вертикальной чертой, на верхнем конце которой цветок из пяти лепестков, а на нижнем — ромб и еще ниже — небольшой круг; по сторонам два стержня).

В деле много помет, сделанных подъячими: «Дал князь Ондрей», «Дал князь Василей» и т. п. Первоначально дело оформлял дьяк Ф. П. Дружина Петелин. На л. 41 его рукой дописано: «И сыскано в розряде 59-го, таков розряд по полком был», на л. 57: «И в розряде, в 45-м году и в 42-м году, те все случаи не записаны» и т. п. Большая часть дела с документами за 25 апреля — 26 мая имеет скрепы Петелина. Последние листы (70—75) за 26—27 августа скреплены дьяком А. И. Демьяновым. Припись последнего стоит в конце дела.

II. Дело казначея Романа Васильевича Алферьева с казначеем Петром Ивановичем Головиным, опубликовано с некоторыми ошибками¹³. Спор возник на совместной службе в Казенном дворе. Суд начался после 28 марта 1583 г. Этим числом помечена последняя проезжая грамота, подписанная местниками до суда¹⁴. Более точных сведений нет. 18 апреля суд продолжался, а 19 апреля состоялся приговор. Из судей указаны боярин кн. Ф. М. Трубецкой и дьяк А. Я. Щелкалов. Присутствовал также дьяк Рудак Толмачов, который приносил на суд документы с Панского двора. Дело сохранилось почти полностью. Утрачен только первый лист начальной части (запись о челобитье, дата начала суда, имена спорщиков). В одном месте (л. 2) местником ошибочно записан Р. М. Пивов: «Роман Пивов» вместо «Роман Олферьев».

Основной текст писан семью почерками. Челобитная и памяти Алферьева написаны двумя почерками: первый на л. 1, 11, а второй на л. 3. Водяной знак — двуручный кувшин с искаженными буквами OF (?). Аналогий в справочниках нет.

Челобитная и памяти Головина написаны одним почерком — л. 5, 7, 9, 13—14, 16, 18, 20, 22, 24. Водяные знаки: одноручные кувшины с буквами MM и MN. Аналогий в справочниках нет. В тексте несколько исправлений, сделанных тем же почерком и чернилами. На л. 5 над строкой мелкими буквами вписаны слова «первой» и «второй». На л. 14 зачеркнуто слово «родной». На л. 20 мелкими буквами над строкой вписано слово «князь».

Записи подъячего сделаны одним почерком. Водяной знак — одноручный кувшин с короной и розеткой и рисунком на боку. Аналогий в

¹² Лихачев Н. П. Палеографическое значение водяных знаков, ч. 1—3. СПб., 1899.

¹³ ЦГАДА, ф. 210, оп. 17, д. 2, л. 1—35; Лихачев Н. П. Местнические дела 1563—1605 гг. СПб., 1894, с. 3—15. Укажем неточности в публикации текста Н. П. Лихачевым. В публикации: «поставя перед собою с Петром з Головиным» (с. 3); в подлиннике: «поставя перед собою Романа Пивова с Петром з Головиным» (л. 2). В публикации: «князь Меркур Щербатый брата моего Володимер Головин болши князя Меркура» (с. 4); в подлиннике: «князь Меркур Щербатый брата моего князя Володимера болши не бывал, а был брат мой Володимер Головин болши князя Меркура» (л. 4).

¹⁴ Лихачев Н. П. Местнические дела..., с. 15.

справочниках нет. В тексте много исправлений и дополнений, сделанных тем же почерком и чернилами. Так, на л. 8 слова «в том государь волен, кому где быть велит» зачеркнуты. На л. 12 над строкой мелкими буквами вписано: «И государь тогда приказал о том бояром поговорить. И бояре о том не поговорили». Также на л. 25 вставлены слова «по государеву указу».

В дело включены списки трех проезжих грамот, сделанных на Панском дворе (фигурируют в качестве «вещественных доказательств»). Каждый список написан самостоятельным почерком (л. 30—34). Водяные знаки те же, что и на бумаге документов Головина. По-видимому, он пользовался казенной бумагой. В тексте списков имеются исправления, сделанные теми же почерками и чернилами. Так, на л. 34 слова «за рубеж» написаны над строкой.

Рукой дьяка А. И. Демьянова сделаны многочисленные пометы. Пронумерованы памяти (на лицевой стороне листов и на оборотной). В некоторых случаях отмечено содержание памяти: «О князе Меркуре», «Приимкова», «Самого Михаила княз Меркур больши» (л. 5 об., 7 об., 9 об.). Почерк торопливый и неразборчивый. Пометы вносились, очевидно, в процессе суда. Склейки имеют скрепы Демьянова, а в конце дела стоит его припись. Дело оформлялось в несколько этапов. Памяти Головина до его челобитной имеют одну нумерацию, а после челобитной — другую. Записи подьячего на л. 27, 29, 35 отличаются от предыдущих чернилами. Это как раз листы с датами 18—19 апреля. Основная часть дела формировалась раньше. Возможно, какие-то документы были удалены. По нижнему обрезу л. 24 видна верхняя часть строки. Скрепка на обороте л. 24—25 совпадает.

III. Дело кн. Андрея Дмитриевича Хилкова с Федором Михайловичем Ласкиревым, опубликовано с некоторыми ошибками¹⁵. Спор возник 23 января 1584 г. во время суда Ф. М. Ласкирева с С. В. Годуновым¹⁶. Приговор по делу Хилкова с Ласкиревым состоялся 25 января. Местническое дело небольшое, состоит из 11 листов. Начальная часть утрачена. Суд, очевидно, был коротким и занял всего день. Из судей указан кн. Ф. М. Трубецкой.

Основной текст писан четырьмя почерками. Первым написана челобитная Хилкова (л. 220—221). Водяной знак — дельфин. Аналогий в справочниках нет. В тексте имеются мелкие грамматические исправления, сделанные тем же почерком и чернилами. Памяти Ласкирева написаны вторым почерком (л. 223). Водяной знак не сохранился. Судя по вержеграм и понтюзо, бумага отличается от бумаги челобитной Хилкова и записей подьячих.

Записи подьячих сделаны двумя почерками. Первым написана основная часть записей, а вторым — только л. 225, содержащий выписки из древних разрядов, очевидно поручавшихся кому-то специально. Водяные знаки: кувшины с буквами Ю и ОМ.

Аналогий в справочниках нет. В тексте записей много грамматических исправлений. Часть их (л. 227) сделана вторым почерком, другими чернилами. Дело не оформлено до конца — нет дьячих скреп.

IV. Дело кн. Григория Ивановича Черта Долгорукого с кн. Владимиром Ивановичем Бахтияровым-Ростовским, сохранилось в отрывке в составе дела 1599 г. кн. Г. А. Долгорукого с кн. Ф. М. Гвоздевым-Ростов-

¹⁵ ЦГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 1, л. 220—230; РИС, т. 2, с. 61—66. В публикации текста неточности. В РИС: «В 82 году был брат мой князь Василей Хилков на берегу» (с. 61); в подлиннике: «В 86-м году был брат мой князь Василей Хилков на берегу» (л. 220). В РИС: «против тое памяти Степану не отвечал» (с. 62); в подлиннике: «против тое памяти Степана отвечал» (л. 220). В РИС: «в Казани боярин твой... да Федор Адашев» (л. 221).

¹⁶ ГБЛ, ф. 79, д. 16, л. 185 об.; РИС, т. 2, с. 61.

ским, опубликовано с некоторыми ошибками¹⁷. Спор возник в 1584 г.¹⁸ Суд происходил 28—29 февраля 1586 г. Окончание суда не известно. Судьями были кн. Т. Р. Трубейкой и дьяк В. Я. Щелкалов. Отрывок дела состоит из 8 листов и включает начальную часть и судебное разбирательство (не полностью). Прерывается записью подьячего.

Основной текст писан тремя почерками. Первым почерком написаны челобитная и память Долгорукого (л. 36а, 39). Вторым почерком — челобитная Бахтиярова (л. 40). Третьим — записи подьячего. Водяные знаки — кувшины различных типов — не датируются. Дата суда подтверждается записью в Пространной редакции разрядных книг¹⁹.

Текст правился дьяком В. Я. Щелкаловым. На л. 41 его рукой между строк вписана фраза: «да в том слался на записку». На этом же листе две строки из ответов Долгорукого отмечены на полях чертами. По склейкам имеются его скрепы. Им же на оборотной стороне листов отмечены даты подачи челобитных: «7094 февраля в 23 день подал князь Григорей», «7094 февраля 22 день подал князь Григорий», «7094 февраля 29 день подал князь Бахтеяров» (л. 36а об., 39 об., 40 об.). На л. 36 об. читается заголовок: «Дело судное в отечестве о счете князя Григорья Долгоруково со князем Володимером Бахтеяровым-Ростовским». Почерк первой половины XVII в.

V. Дело кн. Тимофея Ивановича Долгорукого с кн. Даниилом Борисовичем Приемковым-Ростовским, опубликовано с некоторыми ошибками²⁰. Спор между ними возник в Москве во время службы обоих объезжими головами. Суд начался 1 июня 1588 г., продолжался 19 июня и 6 июля. Судьями были окольный И. И. Сабуров и дьяк В. Т. Сапун Аврамов. Дело состоит из 33 листов, включает начальную часть и судебное разбирательство. Прерывается записью о подаче родословных памятей Долгоруким²¹. Листы перепутаны²².

Основной текст писан несколькими почерками. В документах Долгорукого (две челобитные и память) прослеживаются три почерка: первый на л. 233, 235а, второй на л. 233—235, третий на л. 237. Документы писались, очевидно, в разное время. Водяные знаки: сфера и кувшин с широкой ручкой. Аналогий в справочниках нет. В тексте первой челобитной (л. 232) между строк вписано тем же почерком и чернилами: «князя Ондreja Стригина».

Кроме того, Долгорукий подал память (на службу) и противень с наказа (л. 253—256). Оба документа написаны одним почерком, отличным от всех других почерков в деле. Водяной знак — одноручный кувшин с искаженными буквами GD. Аналогий в справочниках нет. Никаких исправлений и помет в тексте не имеется. Документы касаются назначения Долгорукого воеводой в Муром в 1571/72 г.

Две памяти Приемкова написаны одним почерком (л. 240а, 242б, 245—251). Водяные знаки: одноглавый орел и шар. Аналогий в справоч-

¹⁷ ЦГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 3, л. 36—41; РИС, т. 2, с. 145—149. Отметим неточность в публикации текста. В РИС: «да в том слался на записку» (с. 147); в подлиннике: «да в том слался на записку ис виноватых» (л. 38).

¹⁸ ГБЛ, ф. 79, д. 16, л. 206.

¹⁹ Там же, л. 237—238; ср. л. 206.

²⁰ ЦГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 1, л. 231—257; РИС, т. 2, с. 67—83. Укажем неточности в публикации текста. В РИС: «Лета 7099 и после» (с. 74); в подлиннике: «Лета 7093-го и после» (л. 242). В РИС: «А я, государь, князя Володимера больше шестью месты был в большом полку» (с. 74); в подлиннике: «А я, государь, князя Володимера больши шестью месты. Князь Володимер был в большом полку» (л. 242). В РИС: «в Серпухове были воеводы: князь Иван Юрьевич Катырь» (с. 79); в подлиннике: «в Серпухове были воеводы: князь Иван Ондреевич Катырь» (л. 251).

²¹ А. И. Маркевич ошибочно считал, что между предыдущей записью и этой — пропуск. На самом деле весь текст написан на одном листе (л. 257) (Маркевич А. И. Указ. соч., с. 267).

²² Порядок листов следующий: 232—242, 242а, 244, 243, 245—257.

никах нет. В первой памяти имеется дополнение к основному тексту. Над строкой тем же почерком и чернилами написано: «после нашего житья юрьевского долга спустя» (л. 241). Обе памяти переделывались. Внизу по срезам листов 240а и 242а видны остатки строк. Слова «больше тремя месты» написаны прямо по склейке л. 242а—243. В конце л. 248 по срезу видна верхняя часть строки. То же самое и в начале л. 249. Во всех случаях скрепы на оборотной стороне листов совпадают. Значит, переделка была до окончательного оформления.

Записи подъячих сделаны двумя почерками. Первым почерком написана начальная часть (л. 231). Вторым — судебное разбирательство. Водяные знаки: монограмма НМ (?), одноручный кувшин с буквами МД/В. Аналогий в справочниках нет. В тексте записей много мелких грамматических исправлений и уточнений, сделанных теми же почерками и чернилами.

Текст правился дьяком В. Т. Сапуном Аврамовым. Прямо по склейке л. 252—252а его рукой вписано: «И окольников Иван Иванович Сабуров ис тех ис старых розрядов выписывати не велел». Им же на оборотной стороне листов пронумерованы памяти. Его скрепы — на склейках всего дела. На л. 1 об. читается заголовок: «Дело князя Тимофея Долгоруково со князем Данилом Приемковым». Почерк первой половины XVII в.

В дело включена подлинная отписка калужского воеводы И. Л. Салтыкова (л. 239). Написана, скорее всего, калужским дьяком. Подобного почерка в других документах нет. Водяной знак — одноручный кувшин с короной своеобразных очертаний, над которой цветок из трех лепестков. Аналогий в справочниках нет. На оборотной стороне листа тем же почерком и чернилами сделаны сопроводительные записи: «Государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Руси», «В Розряд». Там же и входная запись Аврамова: «96-го июля 6 день, с Васильем Замытциком».

VI. Дело боярина кн. Тимофея Романовича Трубецкого с боярином кн. Григорием Андреевичем Булгаковым-Куракиным²³, опубликовано²⁴. Суду предшествовала серия местных споров различных представителей обеих фамилий²⁵. Суд начался 5 ноября 1588 г. и продолжался с перерывами по 23 марта 1589 г.²⁶ Судьями в разное время были бояре кн. Ф. И. Мстиславский, кн. Д. И. Хворостинин, кн. Ф. Д. Шестунов, окольниковый кн. П. С. Лобанов-Ростовский, думный дворянин И. П. Татищев, дьяк В. Т. Сапун Аврамов. В суде принимал участие кн. А. И. Голицын. Свидетелями присутствовали дьяки А. Я. и В. Я. Щелкаловы. В общей сложности дело состоит из 118 листов. Оно разбито на три части, листы перепутаны²⁷. Утрачены первые листы начальной части и, возможно, несколько листов судебного разбирательства.

²³ ЦГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 1, л. 1—26а; оп. 15, д. 26, л. 71—105; оп. 17, д. 1, л. 43—89.

²⁴ Сначала была опубликована часть дела (ВОИДР, т. 14. М., 1852, с. 1—18). Затем А. И. Маркевич издал его полностью (*Маркевич А. И. Указ. соч.*, с. 320—351). Текст дан частями среди комментариев издателя. К тому же он применял сложную систему сокращений слов. Этой публикацией пользоваться очень трудно, а предыдущая утратила значение.

²⁵ РК 1475—1598 гг. М., 1966, с. 391—393; ГБЛ, ф. 79, д. 16, л. 252 об.—253 об., 254 об.—255 об., 258 об.—259, 263 об.

²⁶ ЦГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 1, л. 10—11а; оп. 15, д. 26, л. 71, 74, 87 об., 88; ВОИДР, т. 14, с. 12, 14, 17; ГБЛ, ф. 79, д. 16, л. 263 об.—264.

²⁷ Принят следующий порядок листов: (оп. 9, д. 1) л. 10, 11, 20а, 12, 14—17, 13, 7а, 8, 9, 4а, 5, 1а, 2, 2а, 3, 3а, 1, 6, 4, 7, 18—26, 26а; (оп. 15, д. 26) л. 87, 96, 82, 86, 105, 78—81, 97, 71—73, 93, 94, 103—104, 95, 98—99, 92, 100—101, 74—77, 88—91. При реставрации многие скрепы были обрезаны. Порядок листов установлен по содержанию. Некоторые листы оборваны по верхнему или нижнему краю — в них не хватает нескольких строк. Третья часть дела (оп. 17, д. 1, л. 43—84) ветха, требует реставрации и в читальный зал не выдается. Удалось лишь установить, что порядок листов в ней правилен только в приговоре, который написан почерком, отличным от других почерков в деле. Все данные в описании касаются только первых двух частей.

Основной текст дела писан восемью почерками. Памяти Трубецкого написаны одним почерком (оп. 9, л. 12, 17, 14а, 2а, 1, 19, 19а, 22—23, 26; оп. 15, д. 26, л. 85, 87). Водяной знак — кувшин с буквами GT/R (Брике, № 12740 — 1428—1608 г.). В тексте несколько мелких исправлений, сделанных тем же почерком и чернилами.

Документы Куракина написаны четырьмя почерками. Первый почерк: оп. 9, д. 1, л. 7а, 14а. Второй почерк: оп. 9, д. 1, л. 1а. Третий: оп. 9, д. 1, л. 3а, 7; оп. 15, д. 26, л. 83. Все эти документы подавал за Куракина его внук Голицын. Четвертый почерк: оп. 15, д. 26, л. 75—77. Эти документы подавал сам Куракин. Водяные знаки: кувшин с буквами GT/R (см. выше), одноручный кувшин с буквами ЕС (аналогий в справочниках нет). В тексте есть несколько исправлений, сделанных теми же почерками и чернилами. Так, на л. 1а (оп. 9) фраза «в лете 7007-м году» исправлена на «в лете 7020-м году». На оборотной стороне листов теми же почерками и чернилами написаны заголовки памяти: «Кн. Семен Трубецкой», «На Микулинских» и т. п. Очевидно, Куракин пытался систематизировать для себя памяти, чтобы не ошибаться на суде.

Записи подъячих сделаны тремя почерками. Первый почерк: оп. 9, д. 1, л. 10, 11, 13, 14, 16; оп. 15, д. 26, л. 82, 105. Второй почерк: оп. 9, д. 1, л. 2, 4—6, 8, 15, 18, 20—21, 23а, 24—26, 26а; оп. 15, д. 26, л. 72—74, 84, 86, 88—91, 96. Третий: оп. 9, д. 1, л. 9, 3; оп. 15, д. 26, л. 71, 78—81, 92—95, 97—104. Водяные знаки: кувшин с буквами GT/R (см. выше), кувшин с буквами ОМ (Тромонин, № 809 — 1589 г.)²⁸, кувшин с буквами РО/В (Брике, № 12793 — 1583—1584, 1588—1593, 1599 г.; Гераклистов, № 407—409—1594 г.)²⁹, одноручные кувшины с буквами ТЕ и NCA (аналогий в справочниках нет).

Правка текста записей осуществлялась в несколько приемов в течение года. К первоначальным исправлениям можно отнести те, что сделаны теми же почерками и чернилами. Например, на л. 16 (оп. 9) между строк вписано: «в том же годе». На л. 26 (оп. 9) также вписано: «Романовы». Затем следует правка теми же почерками, но другими чернилами. Так, на л. 15 (оп. 9) имеется несколько слов, вписанных над строкой: «з Голицыным», «Куракину». На л. 8 (оп. 9) написано: «Григорьеве памяти Куракина». Кроме того, по всему тексту разбросаны исправления, сделанные первым почерком. Так, на л. 16 (оп. 9) в строке дописано: «И в памяти пишет», «ко князю Юрью Булгакову». На л. 100 (оп. 15) продолжено в строке: «И бояре велели выписать из родословца род Голицыных и Трубетцких. Выписано из родословца».

Окончательная правка делалась дьяком В. Т. Сапуном Аврамовым. Так, на л. 25 (оп. 9) его рукой поправлена фраза «в лете 7042-го». Им же пронумерованы памяти, причем в нумерации есть его собственные исправления. В некоторых случаях сделаны важные дополнения к записям подъячих. Например, на л. 87 об. (оп. 15) отмечено: «Ноября в 7 день, 1-я, дал боярин князь Тимофей Романович Трубетцкой». На л. 19 об. (оп. 9) имеется заголовок: «Дело боярина князя Тимофея Трубетцкого со князем Григорьем Куракиным, старое». Почерк первой половины XVII в. Заголовок помещен в середине дела. Очевидно, листы перепутаны были давно.

VII. Дело боярина кн. Федора Дмитриевича Шестунова с боярином кн. Дмитрием Ивановичем Хворостининым, не опубликовано³⁰. Причину спора выяснить не удалось. Вполне возможно, что спор возник на пре-

²⁸ Тромонин К. Я. Изъяснения знаков, видимых на писчей бумаге, посредством которых можно узнать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другие старинные и не старинные дела, на которых не означено годов. М., 1844.

²⁹ Гераклигов А. А. Филиграния на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.

³⁰ ЦГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 260, л. 278—318.

дыдущем суде Трубецкого с Куракиным, где оба были судьями. В деле даты суда нет. Согласно записи Пространной редакции разрядных книг, суд начался 26 февраля 1589 г.³¹ Дата записи подтверждается косвенными данными³². В суде участвовал кн. И. Д. Хворостинин, сын кн. Д. И. Хворостинина. Состав суда не известен. Дело сохранилось в отрывках, листы перепутаны³³. Утеряна начальная часть и несколько листов судебного разбирательства. Приговор отсутствует. Суд, скорее всего, не был закончен. Последний лист заполнен только наполовину. По этой причине, очевидно, отсутствуют и дьячьи скрепы. Не устранена даже путаница в нумерации памятей. Две памяти кн. Д. И. Хворостинина отмечены № 6 и две № 7. Это л. 313 об., 310 об., 309 об., 296 об.

Основной текст дела писан четырьмя почерками. Памяти Шестунова написаны одним почерком (л. 279, 284, 286, 289—290, 292, 294, 299, 303—307). Водяные знаки: герб Остоя (Лауцявичус, № 2532—1591 г.)³⁴, одноручный кувшин с буквами GP (аналогий в справочниках нет). Документы Хворостининых написаны двумя почерками. Первый почерк — в челобитной кн. И. Д. Хворостинина (л. 314). Второй — в памятях, подававшихся кн. Д. И. Хворостининым (л. 278, 278а, 280, 296—297, 309—310, 313, 316—317). Водяной знак — кувшин с буквами IA (Гераклитов, № 402—404 — 1594 г.): В документах обоих местников имеются мелкие исправления, сделанные теми же почерками и чернилами.

В записях подьячего один почерк. Водяной знак — кувшин с буквами GT/R (Брике, № 12740 — 1428—1602 гг.). В тексте имеются исправления и дополнения, сделанные теми же почерком и чернилами. Например, на л. 302 между строк вписано: «А был он в передовом полку, а не в левой руке. В том шлюсь на розряды». На л. 300 зачеркнуто предложение: «А боярин князь Федор Дмитриевич Шестунов против своею памяти слался на розряды ж».

Кроме того, текст записей исправлен еще одним почерком, очевидно, рукой дьяка, участвовавшего в судебном разбирательстве. Так, на л. 296 в конце записей добавлено очень мелкими буквами: «И князь Федор против тое памяти подал память». Также на л. 288а в конце: «А за Плищевых яз не говорю. Олексей Басманов меньши был князя Ондreja Телятевского. А сын его Федор князя Ондreja Телятевского и иных многих был больши». Той же рукой на оборотной стороне листов пронумерованы памяти. В некоторых случаях рядом с нумерацией есть и дополнения к записям. Например, на л. 290 об. читается: «8-я Шестунова. И князь Дмитрий сказал, был суд с Фомою, а не с Романом, и головою государь к нему не посылал».

VIII. Дело печатника Романа Васильевича Алферьева с кн. Григорием-Зубком Осиповичем Засекиным, опубликовано с некоторыми ошибками³⁵.

³¹ ГБЛ, ф. 79, д. 16, л. 266—266 об.

³² В описи 1626 г. дело отмечено под 1588/89 г. (Лихачев Н. П. Разрядные дьяки..., прил., с. 49). В деле упоминается суд Трубецкого с Куракиным, который начался 5 ноября 1588 г. (см. выше). 10 августа 1589 г. «по свейским вестем» Хворостинин был послан воеводой в Новгород (РК 1475—1598 гг., с. 407—408).

³³ Исходя из содержания памятей и их нумерации установлен следующий порядок листов (многоточием отмечены утраченные листы): ...314... 286, 285, 284, 283, 278, 278а, 318, 297, 282, 307, 307а, 280, 317, 281, 316, 315, 313, 312, 310, 311, 309, 308, 306, 303—305, 302, 301, 300, 299, 298, 296, 290, 295, 294, 293, 292, 291, 289, 288, 288а, 279, 287.

³⁴ *Laucevicius E. Popierius Lietuvoje XV—XVIIa. Atlasas. Vilnius, 1967.*

³⁵ ЦГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 1069, л. 1—77; Лихачев Н. П. Местнические дела..., с. 16—51. В публикации текста Н. П. Лихачевым имеются неточности. В публикации: «и посланы князь Иван да князь Михаил Шеховские з братьею» (с. 35); в подлиннике: «посланы князь Иван да князь Михаила Шеховские з братьею, зубьяне» (л. 41). В публикации: «в правой руке князь Ондрей Иванович Булгаков да князь Иван Большой князь Васильев сын Квашнин» (с. 37); в подлиннике: «в правой руке князь Ондрей Иванович Булгаков да князь Иван Большой князь Васильев сын Кашин» (л. 4).

Суд начался 14 апреля 1589 г. и продолжался 30 апреля. Дело состоит из 78 листов. Сохранилась начальная часть (без первого листа) и судебное разбирательство (не полностью). Вероятно, дело было больших размеров, и суд занял много времени. Во всяком случае, он должен был закончиться к 23 мая того же года. Этим числом отмечена грамота, в которой приводятся результаты суда, и оба местника направляются «на Переволоку»³⁶. Состав суда не известен.

Основной текст писан тремя почерками. Первым написаны документы Алферьева (л. 4—11, 39, 41). Водяные знаки: кувшин с буквами РС (Брике, № 12787 — 1592 г.), кувшин с буквами РО (Гераклитов, № 406 — 1594 г.). В тексте есть исправления, сделанные тем же почерком и чернилами. На л. 6 слово «Дмитрей» исправлено на «Василей». На л. 7 «пасуги» исправлено на «послухи». На л. 9 слово «двенадесят» исправлено на «два места».

Вторым почерком написаны документы Засекина (л. 2, 45, 52, 55, 57, 60, 62—63, 66, 68, 70, 72, 74). Частично сохранился водяной знак — одноручный кувшин оригинальной формы (верхняя часть). Аналогий в справочниках нет. Судя по вержерам и понтюзо, л. 2 написан на другой бумаге. В тексте имеются исправления, сделанные в разное время. На л. 45 слово «Семена» написано по стертому тем же почерком и чернилами. Так же написано и слово «Васильев». Можно прочитать первоначальное «Иванов». На л. 2 слово «нашему» написано тем же почерком, но более светлыми чернилами.

Третий почерк — в записях подьячего. Водяные знаки: кувшин с буквами IA (Гераклитов, № 402—404 — 1594 г.), двуглавый орел (Брике, № 339 — 1585 г.); одноручные кувшины с буквами OV и с искаженными буквами NO (аналогий в справочниках нет). В записях много исправлений, сделанных в разное время. На л. 3 между строк тем же почерком и чернилами вписаны слова «да не токмо мне, и сыну моему меньши». На л. 48 между строк вписано тем же почерком, но другими чернилами: «да с татары Григорья Меньшова Ондреева сына». На л. 29 слово «Раман» исправлено на «Масальской» прямо по ходу написания.

Дело оформлял дьяк В. Т. Сапун Аврамов. Скрепки его имеются только на документах местников. Им же пронумерованы памяти. В некоторых случаях рядом с нумерацией записаны отрывки из судебного разбирательства. Так, на л. 41 об. читается: «Дал Роман Олферьев, и князь Григорей сказал, како ему дело до Михаила Тучкова». Иногда Аврамов писал прямо на лицевой стороне листов. Например, на л. 41 записано: «Князь Григорей сказал, приезжал князь Иван с сеунчем», — и далее: «Князь Григорей сказал, того не ведает». Эти отрывки записаны только на документах местников. Очевидно, Аврамов писал по ходу суда, по мере того, как документы подавались местниками. Почерк записей торопливый и неразборчивый.

Некоторые особенности текста позволяют считать, что дело не сразу оформилось в окончательном виде. На л. 38, 41 видны следы перedelки текста. В конце л. 38 последние слова «И Роман Олферьев подал память, а в памяти пишет» вписаны над строкой тем же почерком, но другими чернилами (как и предыдущее исправление на этом листе). От строки, над которой написаны эти слова, по обрезу осталась верхняя часть. Можно разобрать, что были написаны те же самые слова. Этим заканчивается запись подьячего. Далее на новом листе следует память. Значит, текст обрезался прямо по склейке. На л. 41 по верхнему срезу сохранилась нижняя часть строки. Удалось восстановить несколько слов: «Дал Роман...» Это — запись, подобная тем, что делал Аврамов в процессе суда. Значит, перделка осуществлялась после суда. В разрядных книгах имеется запись о том, что Р. В. Алферьев по суду был «оправлен», но затем

³⁶ ГБЛ, ф. 79, д. 16, л. 268 об.— 269.

обвинен «сверх суда по государеве опале» и назначен вторым воеводой в Переволоку. В 1590 г. по челобитью его сына С. Р. Алферьева царь пересмотрел дело и снял опалу³⁷. После суда часть текста, очевидно, была удалена. В ней содержался материал, по которому Р. В. Алферьев выигрывал спор. Память его (л. 39) имеет следы длительного пребывания в деле. Лист, особенно оборотная сторона, сильно испачкан. Затем, когда царь снял опалу, ее опять вставили. Сын в челобитной писал, что его отец был «оправлен» первоначально по «случаю» 1575/76 г., когда Засекин был в Кореле письменным головой у воеводы М. А. Безнина, младшего двоюродного брата Р. В. Алферьева. И действительно, этот «случай» в памяти отмечен крестиками.

IX. Дело Федора Андреевича Наумова с кн. Михаилом Васильевичем Ноздроватым³⁸, не опубликовано. Спор возник 25 мая 1589 г. при назначении на службу в Ладого. Суд отложили. Дело состоит из двух листов: начальная часть и челобитная Наумова.

Оба документа написаны разными почерками и относятся к 1589 г. Водяные знаки — кувшины двух типов — не датируются. На оборотной стороне челобитной записано первоначальное решение «Лета 7097-го мая 25 день бояре приговорили челобитье его записать, а как служба ладожская минетца, и ему дать со князем Михаилом суд». Затем текст был перечеркнут. В «Государевом разряде» 1598 г. отмечено, что суд был. Это могло произойти не ранее конца 1590 г., когда Наумов был смнен в Ладого кн. Ф. Ф. Мещерским³⁹. На л. 341 об. читается заголовок: «Дело Федора Наумова со князем Михаилом Ноздроватым 97-го». Почерк первой половины XVII в.

X. Дело Фомы Афанасьевича Бутурлина с Василием Андреевичем Квашниным, опубликовано с некоторыми ошибками⁴⁰. Листы перепутаны⁴¹. Спор возник во время суда В. А. Квашнина с кн. И. Д. Шестуновым. Суд начался 14 июля 1589 г. Дело состоит из 37 листов и заключает в себе начальную часть и судебное разбирательство. Прерывается выпиской из Разрядного приказа. Приговор не известен. Судьи также не известны. На суде присутствовал Е. В. Бутурлин.

В основном тексте различаются три почерка. Первым написана челобитная Ф. А. Бутурлина (л. 31—37). Водяной знак — герб города Тур (Брике, № 2327 — 1517—1588 гг.). В тексте есть исправления, сделанные теми же почерком и чернилами. Так, на л. 32 вписано между строк: «да Василей Поплевин; да по деда же твоего, государя нашего, милости к деду нашему к Ондрию Микитичю».

Документы Квашнина написаны вторым почерком (л. 1—9, 11, 13—19, 22—24). Водяные знаки: герб города Тур (см. выше), герб «Орел» (Брике, № 902 — 1598—1600 гг.; приблизительная аналогия), одnorучный кувшин своеобразного рисунка (аналогий в справочниках нет). В тексте множество исправлений и дополнений, сделанных тем же почерком, но разными чернилами. По-видимому, Квашнин не раз уточнял памяти. Так, по склейке л. 3—4 между строк мелкими буквами записана целая роспись: «Лета 7021-м году при великом князе Василье ходили воеводы под Молодешно... в левой руке Григорей Колычов да князь Семен Сит-

³⁷ ГБЛ, ф. 79, л. 16, л. 295—295 об.; РК 1559—1605 гг. М., 1974, с. 261.

³⁸ ЦГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 2, л. 341—342.

³⁹ РК 1475—1598 гг., с. 429, 433, 454, 457.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 210, оп. 15, д. 38, л. 1—37; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки..., прил., с. 12—30. Укажем неточности в публикации текста Н. П. Лихачевым. В публикации: «...году ходили воеводы с Лук Великих под Полоцк» (с. 13); в подлиннике: «Того ж году ходили воеводы с Лук с Великих под Полотско» (л. 1). В публикации: «князь Никита Туренин да князь Федор да князь Василей Мещерские» (с. 25—26); в подлиннике: «князь Никита Туренин да князь Федор да князь Василей Мецецкие» (л. 32).

⁴¹ Порядок листов следующий: 30—37, 10—21, 1—9, 22—29.

цкой». На л. 9 дописано в строке: «Большой ему был брат князь Федор Лытай... а пятой князь Петр».

Третий почерк — в записях подьячего. Водяные знаки: монограмма СМ (Брике, № 9334 — 1582, 1586 гг.; приблизительная аналогия), одно-ручные кувшины с буквами ВС и РС (аналогий в справочниках нет). В записях много исправлений и дополнений. Часть их сделана позже. Так, по склейке л. 22—23 мелкими буквами вписано: «А княж Петров, государь, племянник... Григорей Фомич Квашнин». На л. 29 написано сверху: «князь Иван да князь Григорей Засекины». В обоих случаях чернила отличаются от чернил основного текста и большинства исправлений.

Оформление дела проводил дьяк В. Т. Сагун Аврамов. Его скрепы стоят на склейках (только на документах местников). По всему делу разбросаны его мелкие исправления. Например, на л. 10 ошибочное «государскую» исправлено на «государскою». Интересна одна помета. На л. 17 между строк памяти Квашнина стоит лаконичное «К докладу». На оборотной стороне листов памяти отмечены даты их поступления на суд.

Итак, описанные дела являются подлинниками. Противни не известны. Местнические дела составлялись в единственном экземпляре и хранились в Разрядном приказе. Впоследствии с них делались копии. Списки некоторых дел сохранились в разрядных книгах. Они включались и в родословные книги⁴². Изучение этих списков составляет самостоятельную задачу. Появление их тесно связано с историей составления разрядных и родословных книг.

Документы, вошедшие в местнические дела, составлялись в разное время и разными лицами. Основная часть памяти и челобитных писалась заблаговременно самими местниками или по их поручению. Они имеют индивидуальные почерка и написаны на разной бумаге. До суда эти документы правились и дополнялись. В их тексте есть отдельные слова и фразы, написанные тем же почерком, но разными чернилами. Некоторые памяти могли составляться и во время суда, особенно если он был длительным. Записи подьячих составлялись, очевидно, по ходу судебного разбирательства или в перерывах между заседаниями. Они написаны торопливым почерком, довольно небрежно, с ошибками, помарками и исправлениями. В зависимости от объема работы и длительности суда записи велись одним или несколькими подьячими. Они правились самими подьячими, а затем дьяком, который оформлял все дело. Во время суда дьяк делал пометы на документах, особенно на памятях местников, иногда что-то отмечал для себя. В конце он ставил скрепы и припись.

Но на этом история текста кончалась не всегда. Местник, выигравший спор, мог попасть в опалу. В этом случае приговор иногда пересматривался, а дело изменялось в составе. Часто изменения происходили еще в процессе судебного разбирательства, до окончательного оформления дела. Следы удаления части текста и переделок сохранились в нескольких делах. Кроме того, многие дела сохранили заголовки явно позднего происхождения. Возможно, это результат описания документов Разрядного приказа в 1626 г., когда большая часть их сгорела, а другие перепутались.

Таким образом, палеографическое описание местнических дел позволяет более точно восстановить процесс судебного разбирательства, выяснить участие противоборствующих сторон, роль судей, обязанности дьяков и подьячих, проследить подготовку к суду, оформление дела и последующие изменения в его составе. Большинство этих деталей не отразилось в основном тексте дел. Отсюда видна важность и необходимость палеографического описания местнических дел. Оно является предварительным этапом при их изучении в источниковедческом плане и при исследовании местничества как социально-политического института.

⁴² Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962, с. 58, 74; Быкова М. Е. Указ. соч., с. 85.

В. В. Лукьянов

ПОПОЛНЕНИЯ КОЛЛЕКЦИИ РУКОПИСЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

В ГАЯО имеется значительная и интересная коллекция рукописей XIV—XX вв. В 1955 г. опубликован краткий обзор выявленных к тому времени рукописей; в 1957 г. отдельным изданием вышло описание этой коллекции, включающее 1070 рукописей (инв. № 1—1070). За истекшее время коллекция пополнилась еще 370 рукописями XVI—XX вв. (инв. № 1071—1441)¹. Это пополнение образовалось в основном за счет рукописей, обнаруженных при разборке необработанного книжного фонда архива, а также в результате проведенных в 1961, 1962 и 1975 гг. кратковременных археографических экспедиций по Ярославской области. Кроме того, некоторые рукописи поступили в коллекцию из филиалов ГАЯО в городах Рыбинске и Ростове и из Любимского райгосархива. По столетиям эти рукописи распределяются следующим образом: XVI в.— 12; XVII в.— 25; XVIII в.— 102; XIX в.— 206 и XX в.— 26.

По содержанию новые поступления, как и всякое значительное рукописное собрание, чрезвычайно разнообразны. Здесь и литературные произведения, древние и более новые, русские и переводные, документы, учебники и многое другое.

Среди поступивших рукописей много сборников. Очень интересен сборник XVI—XVII вв. (1265)², заключающий в себе «Пчелу» с пространной записью писца 1558 г.; сказание о новгородском посаднике Добрыне; повесть о царе Дариане и другие произведения. Некоторые статьи из этого сборника опубликованы С. О. Шмидтом в 1960-х годах³. Всего насчитывается 93 сборника, в которых имеется немало оригинальных и редких списков. Для исследователя несомненно представят интерес такие произведения, как Слова Кирилла Туровского и Климента епископа Словенского в сборнике начала XVI в. (1088), Киево-Печерский патерик Кассиановской редакции XVI в. (1087), Великое зеркало и повести из

¹ Лукьянов В. В. Рукописные собрания Ярославского областного архива и Ярославского педагогического института им. К. Д. Ушинского. (Краткий обзор).— ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 464—470; *Он же*. Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области. Ярославль, 1957; *Он же*. Археографические поиски 1961 и 1962 гг. в Даниловском и Пошехонском районах Ярославской области.— ВА, 1964, № 1, с. 59—60.

² Здесь и далее в скобках приводятся инвентарные номера рукописей, заменяющие шифр.

³ Шмидт С. О. Предания о чудесах при постройке Новгородской ропаты.— В кн.: Историко-археологический сборник (к 60-летию А. В. Арциховского). М., 1962, с. 319—325; *Он же*. Малоизвестная запись новгородского книжника XVI в.— В кн.: Лингвистическое источниковедение. М., 1963, с. 148—152 (здесь же и фото записи); *Он же*. Слово о Дариане царе в рукописной книге XVI в.— В кн.: Исследования по отечественному источниковедению (к 75-летию С. Н. Валка). М., 1964, с. 414—418; *Он же*. Сказания об Афонских монастырях в новгородской рукописи XVI в.— В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1966, с. 355—363.

него в списках XVII и XVIII вв. (1074, 1086, 1109), Скитский патерик и Лимонарь в списке XVI в. (1087), Повесть о Флорентийском соборе XVII—XVIII вв. (1109), Послания протопопа Аввакума в списках XVIII—XIX вв. (1363, 1371), Сочинения Дмитрия Ростовского в списках XVIII в. (1131, 1243, 1362), История о Гереоне XVIII в. (1250).

Значительное место в новых поступлениях занимает русская житийно-повествовательная литература, среди которой встречаются очень редкие списки житий и сказаний.

Жития: Адриана Пошехонского XIX в. (1120), Александра Свирского 1792 г. (1209), Алексея, митрополита Киевского, XVI в. (1088), Антония Дымского XIX в. (1354), Антония Сийского XVII в. (1244), Василия и Константина Ярославских в списках XVI—XVII вв. (1297) и XIX в. (1304), Геннадия Костромского и Любимоградского 1785 г. (1319), Дмитрия Ростовского XVIII в. (1263), Зосимы и Савватия Соловецких в списке XVII в. (1320) и XVIII в. (1398), Кирилла Новоезерского 1810-х гг. (1338), Леонтия Ростовского XVI в. (1088), Макария Желтоводского XVI—XVII вв. (1297), Макария Калязинского XVIII в. (1288), Моисея Новгородского XIX в. (1257), Нила Столбенского 1850-х гг. (1339); Петра архиепископа Киевского XVI в. (1088), Серафима Саровского XIX в. (1272), Сергия Радонежского XVI в. (1088), Федора, Давида и Константина Ярославских XIX в. (1304).

Сказания о богородичных иконах: Лидской (Римской) 1701 г. (1131), Нерехтской (Владимирской) 1757 г. (1082), Тихвинской 1674 г. (1084), Толгский в списках 1757 г. (1082) и XIX в. (1121), Федоровской (Костромской) XVIII в. (1156).

Сказания о монастырях и церквях: о Святогорском монастыре XVI в. (1265), о Соловецком монастыре и об Афонской горе XVIII в. (1074), о Новгородской Софийской церкви 1821 г. (1364).

Хорошо представлена в новых поступлениях и апокрифическая литература, например: Мучения Георгия Победоносца, Варвары и Ульянии, Феодора Тирона, первомученицы Феклы, Деяния апостола Фомы и Сшествие Иоанна Предтечи в ад в сборнике XVI в. (1088), Палея историческая в списке XVI в. (1265), Сказание о 12 сивиллах XVII в. (1401), Житие Василия Нового в списке XVII—XVIII вв. (1328) и XIX в. (1249), Страсти Христовы в списках XVIII в. (1086, 1247), Беседа трех святителей в списках XVIII в. (1327, 1329), Луцидариус в списках XVIII в. (1153) и XIX в. (1356), Сон богородицы, Хождение богородицы по мукам, Сказание о 12 пятницах и Плач богородицы в сборнике XIX в. (1194) и ряд других небольших по объему произведений в сборниках XVI—XIX вв.

Русская поэзия, в том числе и народная, также отражена в рукописях новых поступлений. Отметим списки «Полтавы» А. С. Пушкина 1829 г. (1147), «Войнаровского» К. Ф. Рыльева 1830-х годов (1301), сборники разных стихотворений в списках XIX в. (1075, 1090, 1361) и Сборник песен «Увеселительные канты» второй четверти XIX в. (1185)⁴. Сюда же следует отнести сборники псалмов и духовных стихов в списках XIX в. (1275, 1365, 1369, 1370, 1412), а также приветственные стихи семинаристов ярославскому архиепископу Арсению Верещагину XVIII в. (1110, 1111, 1114, 1115), архиепископу Антонию Знаменскому 1807—1811 гг. (1112, 1113) и иерею Павлу 1829 г. (1225). Любопытен рукописный журнал 1830-х годов (1219) «Муза Ярославля», состоящий из сти-

⁴ В составе сборника — русские народные песни, псалмы и канты, песни семинаристов, военные песни, сатирическая поэма «Духовный быт» и разные стихотворения. Среди песен: «Ах, ты наш батюшка, Ярославль-город», «Как на матушке, на Неве-реке», «Отдана пономарю я учиться букварю», «Казак Платов, генерал, по конторам разъезжал», «Гребите, ребяташки, не робейте», «Как никто-то про то не знает, не ведает» и др.

хов и прозы учеников Ярославской мужской гимназии и «издателя» журнала — учителя гимназии Петра Туношенского⁵.

Интересны с точки зрения быта ярославской деревни дневники бывшего официанта одного из ярославских трактиров, а позднее владельца деревенской мелочной лавки И. Г. Андреева за 1905—1914 гг. (1074, 1135, 1161—1171, 1394).

Историческая литература представлена в коллекции следующими списками: Степенная книга XVII в. (1292), охватывающая период от княжения Владимира Святославича до Василия Темного; «Русский летописец» XVII в. (1402), без начала и конца, с 1493 по 1625 г.; «Еллинско-Римский летописец» XVII в. (1401); «Родословец в кругах» и «Посольские дела 1572—1573 гг.», 1750-х годов (1441)⁶; П. Крекшин. Повесть о зачатии и рождении Петра Великого, 1756 г. (1278); А. Катифоро. Житие Петра Великого, XVIII в. (1285); «Повесть о смерти Петра Великого» XVIII в. (1074); Записки по истории Ярославля 1840-е гг. (1076, 1317); Записка инженера-подполковника Н. И. Пацаева о бунте новгородских военных поселян в 1831 г. (1294).

Считаю необходимым особо выделить Синодик Ярославского Успенского собора середины XVII в. (1207), украшенный 30 красочными миниатюрами, в котором записаны 224 рода разных лиц, в том числе царя Алексея Михайловича, митрополита Ростовского Ионы Сысоевича, гостя Иоанникия Скрипина, князя Бориса Петровича Засекина, «Курбских князей», «Дворян и детей боярских и всяких чинов людей, которые подо Псковом на боех побиты» (над их именами надписаны и фамилии); а также роды многих ярославцев. В некоторых записях указаны вклады, в большинстве случаев — денежные⁷.

Заслуживают внимания и находящиеся в этой коллекции произведения юридического характера и документальные материалы: Мерило праведное в списке XVII в. (1397); Уложение царя Алексея Михайловича XVII в. (1283); Писцовые книги некоторых сел и деревень Ярославского, Угличского и других уездов 1677—1678 гг. (1399); Сборник документов по борьбе с чумой 1772 г. (1203)⁸; Приказы управляющему Вожажниковской вотчиной гр. Шереметева 1800—1860 гг. (1118); Опись строений и церковного имущества Успенского Вепрева монастыря Ростовского уезда 1651 г. (1395) и приходо-расходные книги этого же монастыря 1661 г. (1396); «Реестр мощей, чудотворных икон и разных древних вещей Софийского собора» и других новгородских церквей XVIII в. (1093). Из числа документальных материалов следует выделить уникальную карту-лоцию реки Волги 1766 г. (1206), состоящую из 40 листов большого формата, выполненную в красках. Масштаб карт: 2 версты в дюйме, глубина реки указана в футах. На обоих берегах реки показаны ориентиры для лоцмана — города, села, деревни, монастыри, церкви, рощи, поля и пр.

Среди вновь поступивших рукописей имеется также научно-практическая и учебная литература: Азбуки скорописные 1760—1780 гг. (1327)⁹,

⁵ П. Туношенский был первым учителем поэта Н. А. Некрасова в Ярославской гимназии.

⁶ Здесь же списки посланий царя Ивана IV шведскому королю Иоганну III от 11.08.1572 г. и 06.01.1573 г. (тексты соответствуют опубликованным в книге «Послания Ивана Грозного». М.—Л., 1951, с. 144—161). Из произведений Ивана IV отметим также имеющийся в данной коллекции «Канон ангелу грозному воеводе» в списке 1830-х годов (1389).

⁷ Об этом синодике см.: *Лебедев А.* Успенский кафедральный собор в Ярославле. Ярославль, 1884, с. 45—46.

⁸ Сборник документов генерал-майора П. Н. Кречетникова, направленного Екатериной II в Ярославль в качестве начальника Комиссии по борьбе «с моровой язвой», содержащий правительственные указы, письма Кречетникова в Сенат и в Ярославскую провинциальную канцелярию, рапорты из уездных городов и др.

⁹ Из многочисленных надписей и черновиков писем писца на чистых местах азбуки можно заключить, что писцом и владельцем рукописи был крестьянин

1329¹⁰), Латинско-русский лексикон 1752 г. (1238), Греческо-русский словарь XIX в. (1386), Еврейская грамматика XIX в. (1123), «Альбертус» (лечебник и травник) XVIII в. (1269), Всеобщая история XVIII—XIX вв. (1139, 1403), География XIX в. (1303), Пиитика и риторика (на русском и латинском языках) XVIII—XIX вв. (1136, 1143, 1151, 1187), Философия и богословие (на русском и латинском языках) XVIII—XIX вв. (1117, 1122, 1144, 1199, 1232, 1235, 1239, 1295, 1300, 1404, 1408), а также большое количество учебных работ и сочинений студентов Ярославской духовной семинарии XVIII—XIX вв.

Имеются также рукописи с крюковыми нотами: Праздники XVII—XVIII вв. (1281), Ирмологии XVII в. (1435) и XIX в. (1439), Кафизмы утренние 1800-е гг. (1330), 1810-е гг. (1428), Нотная азбука XIX в. (1438), разные церковные песнопения XVIII—XIX вв. (1332, 1333, 1376).

Интересны с палеографической точки зрения церковно-служебные и церковно-повествовательные рукописные книги XVI в.: Апостол (1252). Триодь цветная (1282), Служебник (1255), Сборник тропарей и канонов (1254), Пролог (март—август) (1377), Апокалипсис (1400).

На многих рукописях имеются заслуживающие внимания записи писцов и владельцев, как, например, Сборники сочинений Феофана Прокоповича 1757 г. (1072, 1073), переписанные первым владельцем списка «Слова о полку Игореве» Иоилем Быковским и принадлежавшие ему же; в Сборнике 1701 г. (1131), содержащем Лествицу духовную Исая Копийского, Сказание о Лидской иконе богородицы и другие статьи, есть такая запись писца: «Преписася же в лето ... 1701 месяца сентемвриа, близ царствующаго и преименитаго великаго града Москвы, во обители всемилостиваго Спаса, зовомей на Новом, рукою многогрешнаго монаха иеродиакона Герасима Белоградца: Писана тое же обители клирошенину монаху Ионе по реклу Бронницкому, на его келейные деньги». В Латинско-русском лексиконе 1752 (1238) г. запись писца по листам: «Сей Лексикон актуариуса ориентальных языков Василия Стефанова сына Рубанова, скопированный его собственною рукою по приезде из Перы Константинопольской в Санкт-Петербург 1752 года месяца декабря десятого дня, и для вероятия росписал своею рукою по листам». И, наконец, укажем на запись в Богородичнике XVIII в. (1391): «Слава и честь и благодарение всесильному богу... давшему сию книжицу начати и помощему совершити рукописанием недостойного писца, а имя его по слогу славенороссийских букв состоит от самогласных трех, от полногласных едина, от безгласных две, от рипряжногласных едина. Число же содержит того имени девятириц 11, осмериц 9, седмериц 8, пятериц 5, шестерица едина».

На все вновь поступившие рукописи составлена опись; готовится более подробное их описание.

деревни Донцова Даниловской волости Ярославской губернии Федор Никитич Чистяков.

¹⁰ В этой рукописи помещено много пословиц, афоризмов, загадок, как, например: «Когда синица орла одолеет, тогда безумный ума научитца», «Замок воды, ключ деревян; зайцы перебежали, а ловец утоп», «Стоит град на пути, а пути к нему нет; идет посол нем, несет грамоту написанную, а дает читать неученому», «Почему ты ходишь бос? Лаптей нет. А когда малая рыба в честь? Когда большой нет».

П. Гофман

О ПЕРЕПИСКЕ Г. Ф. МИЛЛЕРА И А. Ф. БЮШИНГА *

В ЛО ААН (ф. 21, оп. 3, № 32) находится дело объемом свыше 400 листов, относящееся к наследию исследователя Сибири, историка, географа и собирателя академика Герарда Фридриха Миллера (1705—1783)¹. Оно содержит все, что Миллер считал важным из своей переписки с Антоном Фридрихом Бюшингом (1724—1793)². Речь идет прежде всего о письмах Бюшинга и отдельных черновиках писем Миллера. Свыше 60 писем относятся к 1751—1761 гг., затем идут недатированные сообщения, очевидно, относящиеся к 1761—1764 гг., когда деятельность обоих протекала в Петербурге: Миллер был профессором и конференц-секретарем Петербургской Академии, Бюшинг — пастором и директором училища при немецкой евангелической общине св. Петра. С переводом Миллера в Москву в 1764 г., где он вначале был надзирателем учрежденного там воспитательного дома, позже принял руководство Архивом Коллегии иностранных дел, началась опять регулярная переписка, которая больше не прерывалась до самой смерти Миллера.

Наследие Миллера в Архиве Академии наук СССР (Ленинградское отделение) использовали многие исследователи, неоднократно просматривалось при этом и находящееся в центре внимания данной статьи дело, но все же до сих пор оно остается неиспользованным. Впервые на эту переписку мне указал П. Н. Берков еще в 1959 г. Ему как превосходному знатоку истории русской культуры и науки XVIII в., а также немецко-русских связей того времени были хорошо известны оба корреспондента, их научная активность и их деятельность в распространении знаний о России и о русской истории. Поэтому он знал также, что эта переписка содержит много ценной информации, заслуживающей того, чтобы быть открытой для научного исследования. Но едва поддающийся расшифровке почерк Бюшинга представлял для него, как и для других исследователей до и после него, труднопреодолимый барьер.

У Бюшинга был своеобразный почерк, при котором часто встречающиеся в немецком языке слова и буквосочетания так видоизменялись, что выглядели как стенографические знаки. Из-за этого различные слова имели нередко почти одинаковое начертание, так что правильное прочтение раскрывалось лишь в контексте. Даже при хорошем знании почерка Бюшинга отдельные слова или фразы часто вначале остаются непонятными до тех пор, пока при повторном чтении вы не уловите полностью

* Перевод с немецкого Н. А. Долдобановой.

¹ *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века, ч. II. Л., 1965, с. 210 и сл.; см. также приводимую там литературу.

² Научной биографии Бюшинга нет. Ср.: *Büsching A. F.* Eigene Lebensgeschichte. Halle, 1789. (Одновременно с другим титульным листом появилась в качестве 6 т. «Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, insonderheit gelehrter Männer».)

смысл обсуждаемой проблемы. Дело еще осложняется тем, что Бюшинг большей частью краток в своих высказываниях. Нередко он меняет от предложения к предложению обсуждаемую тематику. Поэтому совершенно исключается получение общей информации о содержании писем путем беглого их просмотра. Читатель должен обработать каждое предложение отдельно.

Мой учитель академик Эдуард Винтер во время неоднократных посещений Ленинграда также обратил внимание на эту корреспонденцию и заказал для современного Центрального Института истории Академии наук Германской Демократической Республики микрофильм, на основании которого и дана настоящая информация.

Некоторые письма уже были опубликованы А. Ф. Бюшингом в XVIII в. в различных изданиях, прежде всего в его «Wöchentliche Nachrichten von neuen Landkarten, geographischen, statistischen und historischen Büchern»³ и в его биографии Миллера⁴, либо полностью, либо в отрывках. Недавно я обстоятельно изложил в статье историю публикации «Descriptio Moldaviae» Д. Кантемира, рукопись которой попала окольным путем к Миллеру. Последний предоставил ее в распоряжение Бюшинга для публикации в «Magazin für die neue Historie und Geographie». В письмах Бюшинга к Миллеру находятся некоторые цитируемые мною в этой связи сведения о данном издании, которые характеризуют издательскую деятельность Бюшинга и его принципы публикации⁵. Этим исчерпывается опубликованный из этой переписки материал.

Переписка отражает многообразные научные интересы и широкие личные связи обоих корреспондентов. На основании первого просмотра вышеназванных писем можно дать некоторую предварительную информацию.

На первом месте, конечно, должно назвать научные вопросы. Большой объем занимают географические проблемы, которыми Бюшинг страстно интересовался в связи со своим «Erdbeschreibung»⁶. Это относится уже к переписке 50-х годов, когда Бюшинг был профессором в Гёттингене. В 60—70-х годах во Франции, Англии, Швейцарии и Германии велись дискуссии о русских открытиях в Сибири и на Тихом океане. Некоторые географы, как Энгель в Швейцарии, Вогонди во Франции, Шерер в Германии, сомневались в правильности публикуемых с 50-х годов XVIII в. результатов обеих экспедиций Беринга, благодаря которым были впервые получены в целом точные сведения о географическом положении восточных районов Азии, а также западного побережья Северной Америки. Другие географы, как Делиль и оба Бюаша во Франции, Доббс в Англии, связывали русские сведения с фантастическими сообщениями и умозаключениями. Бюшинг внимательно следил за развивающейся дискуссией. Он защищал правильность русских сведений, в сомнительных случаях неоднократно обращался за справками к Миллеру⁷. Переписка дает много ценной информации об этом времени, по-

³ Hoffmann P. «Anton Friedrich Büschings Wöchentliche Nachrichten» als Bibliographie der Rußlandliteratur der siebziger und achtziger Jahre des 18. Jahrhunderts.— In: Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Berlin, 1966, S. 314 ff.

⁴ Büsching A. F. Beiträge, Bd. 3. Halle, 1785, S. 1—160.

⁵ Büschings Magazin für die neue Historie und Geographie, Bd. 3. Hamburg, 1769, S. 537—574; Bd. 4. Hamburg, 1770, S. 1—120; Hoffmann P. Zur Editions-geschichte von Cantemirs «Descriptio Moldaviae».— In: Dimitrie Cantemir (1673—1723) (Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften der DDR. 1973, Heft 13). Berlin, 1974, S. 89 ff.

⁶ Büsching A. F. Neue Erdbeschreibung, Teil 1 und 2. 1. Aufl. Hamburg, 1754 (в 1787—1788 гг. появилось 8-е издание этих двух частей в 4-х томах).

⁷ Hoffmann P. Gerhard Friedrich Müller. Die Bedeutung seiner geographischen Arbeiten für das Rußlandbild des 18. Jh. Phil. Diss., Berlin, 1959, S. 190 ff. (здесь я даю прежде всего оценку сведениям, помещенным в «Wöchentliche Nachrichten» Бюшинга).

мимо опубликованных Бюшингом в «Wöchentliche Nachrichten» сведений. Бюшинг сообщает своему корреспонденту обо всех новинках в интересующих обоих областях, по возможности старается достать Миллеру эти публикации. Благодаря обширным связям Бюшинг часто узнавал заранее об ожидающихся в ближайшее время изданиях и давал тотчас же соответствующую информацию Миллеру.

Снова и снова мы находим запросы Бюшинга. Так, 9 декабря 1769 г. он просит прислать сведения о рекрутских наборах, объявляемых в России со времени Петра I, и добавляет: «Из-за некоторых соображений я придаю этим спискам большое значение и хочу надеяться, что их легко будет получить» (л. 270). В другом месте читаем: «Пришлите мне, что найдете в тамошнем архиве о переговорах между Россией и Пруссией» (24 сентября 1776 г., л. 333 об.). Насколько выполнил Миллер эти и другие просьбы Бюшинга, не всегда можно установить. Прежде всего разногласия между Шлецером и Бюшингом по вопросам русской истории и статистики, особенно о приоритете введения в России статистического метода, побуждали Бюшинга просить у Миллера сведения по определенным проблемам.

На некоторые просьбы Бюшинг получал отказ Миллера. Так, Миллер писал Бюшингу в январе 1778 г. (мы знаем это место из публикации Бюшинга): «Из моей истории мореплаваний на Шпицберген я еще ничего не могу сообщить для обнародования»⁸. На это сообщение Бюшинг ответил: «Меня сверх меры огорчает то обстоятельство, что публика должна быть лишена возможности ознакомиться с Вашей историей мореплаваний... Неужели нельзя получить даже выдержки из Вашей работы?» (л. 339). Но и этот «тяжкий вздох» оказался тщетным. Работа Миллера «Nachrichten von den neuesten Schiffahrten im Eismeer und in der Kamtschatkischen See seit dem Jahre 1742, da die zweite Kamtschatkische Expedition aufgehört hat», о которой идет речь, была опубликована Палласом только в 1793 г.⁹

Особенный интерес представляют выражения, в которых Бюшинг сообщил о смерти Ломоносова своему корреспонденту, жившему тогда уже в Москве. В письме от 7 апреля 1765 г. (Ломоносов умер 4 апреля в 5 часов пополудни)¹⁰ мы читаем: «В понедельник вечером едва было отправлено письмо Вашему благородию, как в следующие четверть часа я узнал, что в тот же самый день после полудня умер статский советник Ломоносов. Возможно, эта смерть повлечет за собой изменения в системе Академии, если она вообще не погибнет через несколько лет» (л. 227). Здесь, в сущности говоря, предвосхищена пушкинская оценка деятельности Ломоносова: «Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом»¹¹. Бюшинг ставил знак равенства между Ломоносовым и Петербургской Академией, он не мог себе представить Академию без Ломоносова. И как верна эта оценка, вновь доказали исследования о Ломоносове, особенно двух последних десятилетий¹². Она была сделана непосредственно под впечатлением известия о смерти Ломоносова, и в тот момент Бюшинг не вспомнил о хорошо известных ему спорах между Ломоносовым и Миллером. Ответ Миллера, напротив, продиктован чувством личной неприязни. Он отклоняет слух о том, будто он после смерти Ломоносова готов вернуться в Петербург, и добавляет в своем ответном письме от 18 апреля 1765 г., которое

⁸ *Büsching A. F. Beiträge*, Bd. 3, S. 130.

⁹ *Neue Nordische Beiträge*. P. S. Pallas (Hrsg.). Bd. V. Petersburg — Leipzig, 1793, S. 1—104.

¹⁰ Ср. *Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова*. М.—Л., 1961, с. 418.

¹¹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. VII, изд-во Академии наук. М., 1964, с. 277.

¹² *Hoffmann P.* Bericht über die sowjetische Jubiläumsliteratur anlässlich des 250. Geburtstages M. V. Lomonosovs im Jahre 1961.— In: *Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas*, Bd. 9. Berlin, 1966, S. 287 ff.

того он выпустил с 1767 по 1793 г.,— все время требовавшая новых материалов, была постоянной темой переписки, а тем, кто предоставлял необходимое, весьма часто был Миллер. Собственные же труды Бюшинга, и прежде всего переработанное заново «Erdbeschreibung», вынуждали его наводить справки у Миллера. Если даже эти факты в основном уже известны со времени публикаций Бюшинга, все-таки возможность заглянуть в мастерскую ученого, чему способствует переписка, заслуживает внимания. Отчасти проливается свет на предысторию переделки материалов Миллера, в других случаях публикации дают сведения, дополняющие данные переписки, делая их иногда более понятными.

В письме Бюшинга от 22 февраля 1780 г. читаем: «Я весьма признателен Вам за то, что Вам было угодно укрепить во мне надежду получить кое-что из Ваших манускриптов, и ожидаю исполнения» (л. 369 об.). Уже 19 августа того же года Бюшинг мог сообщить Миллеру: «Господин Хекель прибыл и несколько дней тому назад доставил мне бумаги, которые его высокоблагородие господин статский советник Миллер дал ему с собой. Я весьма благодарен Вам за этот образец Вашей благосклонной дружбы...» — и далее: «...большинство бумаг касается Лифляндии и Эстляндии...» (л. 372). Подробности об этом узнаем из биографии Миллера: «Когда Миллер в 1759 г. начал исправлять мою Географию России в 1-й части моего «Erdbeschreibung», он был вынужден составить новое географическое описание Лифляндии и Эстляндии, которое частями послал в эти провинции к ученым и готовым помочь людям, прося их внести исправления и дополнения и вообще точные и исчерпывающие географические и топографические сведения. Благодаря этим стараниям он накопил большой запас полезных и значительных сведений, которые он, однако, не использовал в работе и через несколько лет подарил мне»¹⁴. Итак, эта часть сообщения Бюшинга ясна, но что переслал Миллер сверх того, мы не знаем. Здесь можно высказать только предположение. Возможно, Бюшинг получил как раз с этой посылкой некоторые сведения о крестьянской войне под предводительством Пугачева, которые он затем опубликовал в своем «Magazin» в 1784 г.¹⁵, вскоре после смерти Миллера. Эти сведения, исключительная ценность которых как первоисточника вне всякого сомнения¹⁶, неоднократно возбуждали интерес исследователей, в том числе Пушкин использовал их во французском переводе как один из важнейших источников для своего исследования о последней крестьянской войне в России¹⁷.

Кажется, можно быть уверенным, что это сообщение идет от Миллера, хотя документальных доказательств нельзя до сих пор представить. Может быть, в данной переписке найдется еще соответствующее указание.

Письма Бюшинга и некоторые черновики писем Миллера содержат много сведений личного характера, которые существенно дополняют известные биографические данные об обоих корреспондентах. Так, письма 1765 г. дают почти точную картину тех событий, которые заставили Бюшинга отказаться от места пастора и директора училища в Петербурге и вернуться в Германию. Из более поздних писем мы узнаем по-

¹⁴ *Büsching A. F. Beiträge*, Bd. 3, S. 58.

¹⁵ *Zuverlässige Nachrichten von dem Aufrührer Jemeljan Pugatschew und der von demselben angestifteten Empörung.*— In: *Büschings Magazin*, Bd. 18. Halle, 1784.

¹⁶ *Hoffmann P. Der Bauernkrieg unter der Führung Pugatschew in der Darstellung der deutschsprachigen bürgerlichen Historiographie.*— In: *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas*, Bd. 19/2. Berlin, 1975; *Мавродин В. В. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева*, т. I. Л., 1961, с. 271.

¹⁷ *Блок Г. Пушкин в работе над историческими источниками.* М.—Л., 1949, с. 110 и сл.; *Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами.* (История Пугачева). Л., 1969, с. 25.

дробности его жизни в Берлине, которые отчасти подтверждают, отчасти дополняют данные его автобиографии. О Миллере мы получаем отдельные дополнительные сведения, хотя чаще всего косвенным путем, так как письма Миллера, к сожалению, отсутствуют. Наследие Бюшинга, где можно было бы искать эти письма, считается уже с прошлого столетия утерянным.

Переписка Миллера и Бюшинга значительно дополняет и расширяет наши знания о немецко-русских научных связях во второй половине XVIII в. Связь между Бюшингом в Берлине и Миллером в Москве проходила через Петербург, посредниками были среди прочих Штелин¹⁸, Л. Эйлер¹⁹, Бакмейстер²⁰, а также различные петербургские купцы. Многие проблемы, затрагивавшиеся в переписке с этими и другими учеными, как, например, А. Л. Шлецером²¹, изложены в письмах Миллера и Бюшинга в аспекте, оставшемся до сих пор без внимания. В совокупности это наследство показывает, какое центральное положение в немецко-русских научных связях того времени занимает Петербургская Академия и работающие в ней ученые немецкого происхождения. Одновременно внутри этого круга существовала более тесная связь. Поэтому, когда Шлецер после резкой дискуссии покинул Петербургскую Академию, он не нашел в Петербурге надежного корреспондента, который смог бы предоставить ему, помимо официальных, сведения об обстановке в Академии. Возможно, это способствовало тому, что Шлецер вскоре отошел от русской тематики и вернулся к ней вновь лишь тогда, когда не осталось в живых никого из тех, кто так осложнил ему однажды работу в Петербурге. Бюшинг, напротив, нашел в Миллере, а также в Бакмейстере, Палласе и других добрых друзей, так что его связь с Россией никогда не ослабевала.

Для всестороннего исследования немецко-русских научных связей второй половины XVIII в., а также для истории науки того времени переписка Бюшинга и Миллера предоставляет вообще еще много сведений, которые должны быть введены в научный оборот.

¹⁸ *Lehmann U.* Der Gottschedkreis und Rußland. Berlin, 1966.

¹⁹ Die Berliner und die Petersburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonhard Eulers, T. 1: Der Briefwechsel L. Eulers mit G. F. Müller 1735—1767, herausgegeben von A. P. Juškevič und E. Winter unter Mitwirkung von P. Hoffmann. Berlin, 1959; Tl. 2, 1961; Tl. 3, 1976. Leonhard Euler und Christian Goldbach. Briefwechsel 1729—1764 (-Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Philosophie, Geschichte, Staats-, Rechts- und Wirtschaftswissenschaften, Jg. 1965, N 1).

²⁰ *Lauch A.* Wissenschaft und kulturelle Beziehungen in der russischen Aufklärung. Zum Wirken H. L. Ch. Bacmeisters. Berlin, 1969; cp. Personenregister, S. 426.

²¹ August Ludwig Schlözer und Rußland. Berlin, 1961; Общественная и частная жизнь А. Л. Шлецера, им самим описанная. Перев. с нем., с прим. и прилож. В. Кеневича.— Сб. ОРЯС, т. 13. СПб., 1875.

Л. Л. Альбина

ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ПОМЕТЫ ВОЛЬТЕРА И ОПЫТ РАБОТЫ НАД ИХ ПУБЛИКАЦИЕЙ

Личную библиотеку Вольтера по праву считают одной из важнейших частей творческого наследия выдающегося деятеля французского Просвещения. Источниковедческая ценность этого книжного собрания, сохранившегося в редкой полноте в ГПБ, является общепризнанной. Исследователи, обращавшиеся к изучению библиотеки Вольтера, не раз отмечали огромное значение его маргиналий¹. Видный знаток вольтеровских материалов В. С. Люблинский еще в 1944 г. писал: «...без привлечения материала из библиотеки Вольтера в наше время невозможно сколько-нибудь плодотворная научная разработка любых проблем вольтероведения и немыслимо критическое переиздание значительной части его трудов и переписки. Его совершенно исключительная читательская активность, наложившая яркий отпечаток на его жизнь и донныне дышащая на нас со страниц его библиотеки, заставляет видеть в последней богатейший источник надежнейшей документации. Но до тех пор пока научно не учтены и не опубликованы все следы вольтеровского чтения, возможности извлекать исследовательский материал из данного фонда неизбежно останутся крайне суженными»².

Подготовленные к печати ГПБ три тома «Корпуса» читательских помет Вольтера³ впервые вводят в научный оборот весь комплекс помет Вольтера: не только текстовые, но и «немые» следы чтения выявлены, учтены и воспроизводятся во всей полноте⁴. Первые три тома «Корпуса», составленного в алфавите названий книг соответственно структуре «Каталога» библиотеки, включают разделы «А—F», всего около 700 наименований.

Характер читательских помет Вольтера разнообразен, однако все они в той или иной мере связаны с его творчеством. Выраженные в непосредственной форме маргиналии, как ничто другое, приоткрывают завесу над ходом мысли Вольтера, а иногда содержат и сокровенные оценки, противоречащие высказанным в переписке и произведениях. Острые,

¹ Державин К. Н. Вольтер — читатель «Эмиля» Руссо. — ИАН, VII серия, 1932, № 4, с. 317—339; Люблинский В. С. Маргиналии Вольтера. — В кн.: Вольтер. Статьи и материалы. Л., 1947, с. 115—173; Гордон Л. С. Вольтер — читатель Бейля и Неккера. — В кн.: Французский ежегодник. 1961. М., 1962, с. 469—480.

² Цит. по неопубликованной рукописи: Люблинский В. С. Библиотека Вольтера. Памятка. Л., 1944, с. 5. Рукопись хранится у вдовы В. С. Люблинского А. Д. Люблинской.

³ Об этом издании см.: Taylor Samuel S. B. Voltaire's marginalia: a review of the forthcoming edition. — Studies on Voltaire and the eighteenth century. 1975, vol. CXXXV, p. 165—180; Воронова Т. П. Издание «Корпуса» помет Вольтера. — Новая и новейшая история, 1976, № 2, с. 218—219.

⁴ В процессе работы над первыми двумя томами «Корпуса» дополнительно были обнаружены 76 изданий, снабженных знаками чтения, не учтенными в изданном ранее «Каталоге» библиотеки Вольтера (Библиотека Вольтера. Каталог книг. М., 1961, с. 105—401).

ярко полемические, эмоциональные замечания на книгах не раз использовались Вольтером в идеологической полемике. Даже тогда, когда они кажутся, казалось бы, известных сюжетов, ими нельзя пренебречь.

Не меньшее значение имеют «немые» знаки чтения, количественно преобладающие в «Корпусе» над текстовыми. Любые следы чтения, включая самые незначительные, воспроизведенные в масштабе «Корпуса», наглядно иллюстрируют читательскую манеру Вольтера. Они помогают судить о том, как он собирал материал, у кого заимствовал аргументы, с кем полемизировал, т. е. определить более точно особенности использования им книг в последующей работе. Не менее красноречиво, чем маргиналии, «немые» знаки чтения служат раскрытию научного метода Вольтера.

Рассмотрение материалов «Корпуса» читательских помет Вольтера позволяет уже сейчас сделать ряд наблюдений, важных для проникновения в его творческий процесс, последовательность которого в большинстве случаев такова: книга-первоисточник, затем маргиналии, после них письма (написанные иногда в день чтения), наброски исторического, литературного, философского произведения (зачастую под непосредственным впечатлением от прочитанного), их исправления и переработка. При этом маргиналии постоянно присутствовали в памяти Вольтера, оказываясь в самой тесной связи с его сочинениями.

Разумеется, творческий процесс Вольтера гораздо сложнее и глубже непосредственного отталкивания от прочитанной литературы, однако благодаря его впечатлительности и темпераменту именно чтение служило основным импульсом многих его творческих начинаний. В письмах и в произведениях Вольтера содержатся нередко близкие к маргиналиям формулировки, но его мысль, свободная от контроля, его эмоциональность и полемический талант проявлялись в маргиналиях ярче; гнев, порицание, а порой и одобрение отражали первое непосредственное восприятие книги. Наблюдалось и иное: душевный и интеллектуальный настрой накладывали свой отпечаток на отношение Вольтера к читаемой книге. Однако всегда быстрота и острота его реакции сочетались с выразительностью, четкостью и лаконичностью замечаний.

Самое доброжелательное отношение к автору, согласие с многими его выводами не мешали Вольтеру выдвигать свои соображения, отмечать слабые места в книге. В маргиналиях нашла широкое отражение полемика между Вольтером и известными авторами XVIII в. по наиболее актуальным тогда философским и этическим вопросам. Так, многие положения «Философских мыслей» Дидро (1746) вызвали возражения Вольтера⁵. Сомнением проникнута его запись: «То, что движение есть свойство материи, является лишь предположением; непозволительно основывать систему на гипотезе, лишенной какого-либо доказательства». Пометы встречаются и на страницах более позднего издания «Философских мыслей», вышедшего в Голландии в 1777 г. без имени автора⁶. Дидро рассматривал эту книгу как ответ критикам и дальнейшее развитие своих философских идей. Вольтер, естественно, не мог оставить ее без внимания и, прочитав во второй раз, закрепил свои впечатления в почти афористических выражениях. В ответ на рассуждение Дидро о природе страстей Вольтер заметил: «Страсти — это ветры, которые заставляют плыть корабль и которые топят его». Дидро считал, что между страстями должна быть истинная гармония, тогда надежда будет уравновешиваться страхом, чувство чести — любовью к жизни и т. д. Вольтер сделал приписку к этому рассуждению: «Тогда это колебание можно счесть мудростью. Оно исключает энтузиазм». Дидро утверждал, что подавленные страсти «низводят выдающихся людей с их высоты; принуж-

⁵ Библиотека Вольтера. Каталог книг, № 1037.

⁶ Там же, № 1038.

дение уничтожает величие и энергию природы. Все высокое исчезнет из поэзии, из живописи, когда суеверные страхи уничтожат юношескую свежесть темперамента». В ответ на это Вольтер отмечал: «Энтузиазм необходим в великих случаях, мудрость — во всех остальных». «Деист утверждает бытие бога, бессмертие души и все, что с этим связано», — писал Дидро. «Нет, — возражал Вольтер, — деист верит в бога, но не верит из-за этого в бессмертие души...»

Произведение Ж. Ф. Шатлю «Об общественном счастье» (издано в 1772 г. в Амстердаме без имени автора у известного издателя М. М. Реи) одно из немногих вызвало восторженную реакцию Вольтера⁷. В письме к автору (декабрь 1772 г.) Вольтер писал: «Я испещрил мой экземпляр, я делаю это тогда, когда книга меня привлекает и наставляет»⁸. Его пометы характерны прежде всего неподдельным восхищением и согласием с главными положениями исторического труда Шатлю, одного из ныне забытых просветителей XVIII в. Вольтер буквально усеял маргиналиями книгу, присланную ему самим автором. В письме к д'Аламберу (5 декабря 1773 г.) он выразил свое отношение к Шатлю и его книге: «...это один из тех людей, которых я уважаю больше всех», «я узнал, что его сочинение не так известно в Париже, как это должно было быть. Я полагаю, что в этом есть смысл, так как оно выше своего века»⁹. В пометах Вольтера на сочинении Шатлю многократно повторяются: «браво», «брависсимо», «верно», «хорошо», «очень ново», «прекрасно», «очень мудро». В некоторых случаях даны общие оценки главам и отдельным высказываниям: «Вся эта глава научна, глубока и очень тонка», «Весьма справедливое и весьма полезное размышление», «Это очень мудро, скромно и честно». Вольтер поддерживал и разделял многие идеи Шатлю, особенно в отношении Руссо. К ссылке, где приводилось название сочинения Руссо «Общественный договор», Вольтер дописал на полях: «необщественный».

На книге Шатлю Вольтер сделал и ряд критических замечаний по существу и многим частным вопросам, высказывался таким образом: «слишком загадочно», «весьма тонко и мало полезно», «смутно и темно», «слишком избито», «я в этом сомневаюсь», «слабо», «тарабарщина», «сомневаюсь, чтобы это понравилось читателям», «противоречие», «немного галиматши», «декламация риторика», «весьма неуместная шутка», «несколько легкомысленно». В пометах встречаются упреки книге в целом: «Очень жаль, что столь хорошая книга начинается с дискуссии о древней истории, от которой так устали. Это может оттолкнуть». И далее: «Все это может быть опровергнуто», «Какое отношение имеет все это к общественному счастью?» Многие пометы дополняли, уточняли и заостряли мысли автора. Рядом с высказыванием Шатлю о том, что во всех произведениях отцов церкви обнаруживается учение Платона, Вольтер отметил: «Очень верно, без платонизма не было бы христианства». У фразы «...мы не должны забывать основного объекта исследования — влияния государственного налогообложения на счастье народов» Вольтер, отметив крестиком слово «счастье», приписал «несчастье».

Впоследствии, в конце 1776 г., Вольтер ознакомился с новым изданием книги Шатлю и в письме к нему высоко оценил добавленные главы¹⁰. В 1777 г. он написал об этой книге статью, где поставил ее в один ряд с сочинением Монтескье «О духе законов»¹¹.

Некоторые книги библиотеки, обильно снабженные маргиналиями и иными знаками внимательного чтения, позволяют проследить ход работы

⁷ Библиотека Вольтера. Каталог книг, № 722, 723.

⁸ *Voltaire's correspondence*. Th. Besterman (Ed.), v. 83. Genève, 1963, N 17001.

⁹ *Ibid.*, v. 86, N 17570.

¹⁰ *Ibid.*, v. 95, N 19299; v. 96, N 19478.

¹¹ *Voltaire. Articles extraits du journal de politique, etc. — Oeuvres complètes*. L. Mo-land (Ed.). T.I. — LII. Paris, t. XXX, 1880, 387—389.

Вольтера над источниками. Замечания на полях и закладках он нередко воспроизводил текстуально в переписке и произведениях; пометы служили толчком к полемике с автором, причем Вольтер либо ссылался, либо приводил полностью отрывки, отмеченные при чтении.

Вольтер неоднократно обращался к «Церковной истории» К. Флэри¹² начиная с Сирейского периода своей жизни (1734—1749). Записки, написанные рукой мадам Дю Шатле, закладки, сделанные из обрывков писем с датой «1741» или с адресом маркизы в Брюсселе, свидетельствуют об использовании книги Флэри именно в эти годы. По мнению профессора Р. Помо, многотомный труд Флэри послужил Вольтеру одним из основных источников при написании «Опыта о нравах и духе народов»¹³. Многочисленные ссылки на «Церковную историю» встречаются также в «Важнейшем исследовании милорда Болингброка» (1767), «Пирронизме в истории» (1768), во многих статьях «Философского словаря» (1764—1765) и «Вопросов к Энциклопедии» (1770—1772), а также в ряде писем. Общую оценку труда Флэри Вольтер привел в письме к супругам д'Аржанталям (27 ноября 1764 г.): «Я никогда не был доволен каким бы то ни было Флэри, даже кардиналом, даже духовником короля, автором Церковной истории; я не понимаю, как он мог написать такое превосходное вступление и столь ребяческую историю»¹⁴. Третью главу «Пирронизма в истории» Вольтер посвятил сочинению Флэри, названному им опозоренным сказками, «которые даже старая баба покраснела бы повторить сегодня»¹⁵. Ту же мысль Вольтер повторил в статье «Мученики» («Вопросы к Энциклопедии», 1771), отметив, что Флэри «опорочил свою церковную историю сказками, которые здравомыслящая старуха не рассказала бы ныне своим внукам»¹⁶. По мнению Вольтера, Флэри был мало осведомлен в то время, когда начал писать свою «Церковную историю». «Без сомнения,— замечал Вольтер в «Пирронизме в истории»,— он научился работая, и это обычно бывает, однако необычно то, что, написав столько глупостей, он составил вступление столь искусно и толково»¹⁷. В статье «Диоклетиан» (1756), пересказывая приведенную Флэри историю о римлянине, которому врач отрезал язык, Вольтер писал: «Весьма странно, что Флэри в своей Церковной истории приводит огромное число подобных фактов, скорее скандальных, чем поучительных»¹⁸. Этот рассказ Флэри Вольтер отметил пометой на закладке: «Маленький римлянин, отрезанный язык».

Поражает обилие закладок с пометой «пост» у тех отрывков из сочинения Флэри, в которых затрагивались вопросы происхождения, времени установления, особенностей и различий поста в зависимости от религий. Вольтер касался этой темы в статье «Великий пост» («Вопросы к Энциклопедии», 1770)¹⁹ и многих других сочинениях.

«Плутводство епископов», «смерть Диоклетиана», «Григорий II провозглашает, что можно жениться на двух женщинах», «богатые и сластолюбивые христиане, епископское мошенничество», «римский трибун, пустая идея прежнего величия» — такие пометы встречаются у отрывков труда Флэри, привлечших внимание Вольтера. Чаще всего он останавливался и на особенно поразивших его фактах жестокости, массовых убийств и насилий: «В Польше убивали из милосердия увечных детей и стариков инвалидов, 1260», «крестовый поход против альбигойцев», «новый крестовый поход, новый разбой», «сожженные кордельеры»,

¹² Библиотека Вольтера. Каталог книг, № 1350.

¹³ *Voltaire. Essai sur les moeurs et l'esprit des nations. Éd. critique par R. Pomeau.* Paris, 1963, t. I, p. 282—283; t. II, p. 801—802.

¹⁴ *Voltaire's correspondence*, v. 56, N 11370.

¹⁵ *Voltaire. Le Pyrrhonisme de l'histoire.— Oeuvres complètes*, t. XXVII, p. 238.

¹⁶ *Ibid.*, t. XX, p. 47.

¹⁷ *Ibid.*, t. XXVII, p. 240.

¹⁸ *Ibid.*, t. XVIII, p. 388.

¹⁹ *Ibid.*, p. 53—56.

«парижский прево отправляется в Рим просить прощения за то, что приказал повесить школяра».

Характер читательских пометок Вольтера в известной степени обусловливался типом издания. На «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, «Хронологической компиляции» Г. Бланшара, «Историческом и критическом словаре» Ж.-Ж. Шюффлеа, «Словаре средневековой латыни» Дюканжа пометы, как правило, носят справочный характер. Иногда одно хорошо знакомое Вольтеру имя вызывало цепь ассоциаций, связанных не только с прочитанной книгой, но и со многими другими вопросами. Так, в пометах на известном в XVIII в. «Историческом, литературном и критическом словаре» П. Барраля указаны в основном имена, не раз привлекавшие его внимание²⁰. В статье, где Барраль писал о Л.-Ф. Бурсье (докторе Сорбонны, последователе Фомы Аквинского) как авторе, казалось бы «обмакнувшем свое перо в сердце божьем», Вольтер оставил закладку с пометой: «...все перо обмакнуто в божье лоно». Эту же мысль, но более развернуто, он повторил в статье о Бурсье: «Не понятно, как бог мог служить чернильницей для Бурсье. Вот как впервые сравнили бога с бутылкой чернил»²¹. Книга Бурсье «Влияние бога на его создания», получившая широкую известность в XVIII в., хранится в библиотеке Вольтера²² со следами внимательного чтения, многие ее страницы отмечены закладками, а отдельные отрывки использованы при работе над диатрибой «Необходимо принять чью-либо сторону или принцип действия» (1772)²³.

«Ванини» — отметил Вольтер на закладке, помещенной в словаре Барраля возле статьи об известном итальянском философе-материалисте, казненном инквизицией в 1619 г. В статье «Противоречия» (1742), вероятно, под впечатлением от чтения статьи Барраля, Вольтер писал: «Ванини, который лишь выступил против Аристотеля, был сожжен как атеист и в этом качестве заслужил честь попасть в посвященные ему статьи биографических справочников и словарей, т. е. огромных архивов лжи и малой доли истины»²⁴. В библиотеке Вольтера отсутствуют сочинения Ванини. В письме к своему другу и наставнику П.-Ж. д'Оливе (4 октября 1735 г.) Вольтер просил найти книгу, «из-за которой бедняк Ванини был сожжен», и писал далее, что недавно читал одно из сочинений Ванини — скучную книгу «жалкого теолога ортодокса»²⁵. В статье «Атеизм» (1764) «Философского словаря» Вольтер наиболее четко выразил свое отношение к Ванини, основанное на изучении многих доступных ему источников: «Он был свободен в своих писаниях, как и в поведении, но никогда не был атеистом»²⁶. В этой же статье Вольтер упоминал о книге П. Ф. Арпе «Апология Ванини», сохранившейся в составе библиотеки без каких-либо знаков чтения²⁷. Наиболее интенсивно использовал он книгу М. Вейсьер де Лакроза, цитируя отрывки со страниц, отмеченных закладкой с пометой «Ванини»²⁸.

Вольтер посвятил Ванини отдельный раздел в сочинении «Письма о Рабле и других авторах, обвиненных в том, что они плохо отзывались о христианской религии» (1767). Он подверг здесь жестокой критике книгу Д. Дюрана «Жизнь и чувства Лючилио Ванини», основанную на сви-

²⁰ Библиотека Вольтера. Каталог книг, № 269.

²¹ *Voltaire. Catalogue de la plupart des écrivains français qui ont paru dans le Siècle de Louis XIV.— Oeuvres complètes, t. XIV, p. 46.*

²² Библиотека Вольтера. Каталог книг, № 522.

²³ *Voltaire. Il faut prendre un parti, ou le principe d'action.— Oeuvres complètes, t. XXVIII, p. 527.*

²⁴ *Ibid.*, t. XVIII, p. 252.

²⁵ *Voltaire's correspondence, v. 4, N 892.*

²⁶ *Voltaire. Article «Athéisme» du «Dictionnaire philosophique».— Oeuvres complètes, t. XVII, p. 472.*

²⁷ Библиотека Вольтера. Каталог книг, № 114.

²⁸ Там же, № 3435.

детельстве «иезуита Гарасса, наиболее абсурдного и наглого клеветника, и в то же время одного из самых смехотворных писателей, когда-либо бывших среди иезуитов»²⁹. Приведенная Вольтером цитата со страницы 144 сочинений Ф. Гарасса отмечена точкой в книге этого автора³⁰.

Маргиналии сочетаются с графическими отметками в тексте — подчеркиваниями отдельных слов, фраз, отчеркиваниями строк, абзацев, загнутыми углами, точками, бумажными наклейками на некоторых словах и на полях книги. Например, загнутый угол брошюры П. Ф. Бонсера о феодальных правах привлекает внимание к произведению, изданному анонимно (с ложными выходными данными) в последние месяцы министерства Тюрго³¹.

Указывая в конкретных замечаниях ошибки и неточности, давая суровые оценки отдельным суждениям автора, Вольтер обычно в своих произведениях по несколько раз возвращался к вызвавшей его гнев книге. «История Франции» иезуита Г. Даниэля³² послужила ему мишенью для критики в «Опыте о нравах и духе народов». Там встречается наибольшее число ссылок на страницы книги Даниэля, отмеченные при чтении закладками с пометами и без них, отчеркиваниями на полях, загнутыми углами и наклейками. Помимо этого, Вольтер многократно обращался к книге Даниэля в «Исторических истолкованиях» (1763), «Истории Парижского парламента» (1769), «Пирронизме в истории» и отдельных статьях «Вопросов к Энциклопедии». Замечания Вольтера на ее полях («неверно», «похоже, что это вымышлено») и «немые» знаки чтения сочетаются с резкими полемическими выпадами в этих работах против автора, который «узнавал историю Франции по мере того, как ее писал», и с обстоятельной критикой многих фактических положений этой «очень сухой» и «весьма ошибочной» книги³³.

Маргиналии и многообразные «немые» знаки чтения на более чем 2 тысячах книг библиотеки необходимо полно и точно отразить в «Корпусе» читательских помет Вольтера и донести до современного читателя. Этот огромный и разнообразный материал потребовал применения особых археографических приемов.

Все предшествовавшие публикации, предпринятые в XVIII—XX вв., имели своей целью издание помет Вольтера на отдельных произведениях. В них, как правило, не отмечались «немые» знаки чтения, не сохранялись характерные особенности вольтеровской орфографии, вводились большие буквы, апострофы, знаки препинания, отсутствующие у Вольтера. Неточности в транскрипции, а иногда и сознательные сокращения или пропуски в передаче помет приводили к их искажению. Такие недостатки были свойственны даже лучшей научной публикации помет Вольтера в составе собрания его сочинений, предпринятой в XIX в. французским филологом А. Ж. К. Бешо³⁴. Наиболее полная публикация марги-

²⁹ *Voltaire. Lettres à S. A. Mgr le Prince de **** sur Rabelais et sur d'autres auteurs accusés d'avoir mal parlé de la religion chrétienne.—Oeuvres complètes, t. XXVI, p. 480—481.*

³⁰ Библиотека Вольтера. Каталог книг, № 1429.

³¹ Там же, № 460. Брошюра была осуждена Парижским парламентом и сожжена у подножия большой лестницы Дворца правосудия. Вольтер предполагал использовать это «великолепное произведение» (как видно из его письма автору от 8 марта 1776 г.) для написания мемуара, адресованного Тюрго и Мальзербу. После осуждения брошюры он создал в марте 1776 г. памфлет «Письмо преподобного отца Поликарпа», едко высмеивавший генерального адвоката Серге, выступившего с осуждением брошюры Бонсера (*Voltaire's correspondence, v. 93, p. 18839; см. также: Faure E. 12 mai 1776. La Disgrâce de Turgot. Paris, 1961, p. 443—445*).

³² Библиотека Вольтера. Каталог книг, № 938.

³³ *Voltaire. Histoire du parlement de Paris.—Oeuvres complètes, t. XV, p. 532, note 1; Eclaircissements historiques.—Ibid., t. XXIV, p. 489; Article «Ana, anecdotes» des «Questions sur l'Encyclopédie».—Ibid., t. XVII, p. 201.*

³⁴ *Oeuvres de Voltaire. Avec préface, avertissement, notes, par Beuchot, v. 50. Paris, 1834, p. 536—581.*

налий Вольтера на всех сочинениях Руссо, осуществленная американским ученым Дж. Р. Хэвенсом, включала, помимо помет, только графические отметки, остальные знаки чтения не передавались³⁵.

При разработке методических правил издания «Корпуса» был учтен интересный опыт (осуществленный Дж. Меем в 1964 г.) публикации помет Дидро на книге известного голландского философа XVIII в. Ф. Хемстерхейса «Письмо о человеке и его отношениях»³⁶. Страницы книги, отмеченные маргиналиями и другими знаками чтения Дидро, воспроизводились на левых страницах фототипическим способом. Транскрипция помет и текстологический комментарий помещались на правых страницах. Мей мотивировал подобный тип издания тем, что книга Хемстерхейса, изданная в XVIII в. в небольшом числе экземпляров, стала в наше время библиографической редкостью³⁷. Большой объем (с предисловием и реальными комментариями публикация заняла 520 страниц) заставил отказаться от подобного метода издания маргиналий в «Корпусе».

Наиболее близкой к «Корпусу» по методике оказалась осуществленная в 1973 г. публикация американских ученых Э. Филипс и Д. Перкинс³⁸. Пометы Вольтера на восемнадцати книгах его библиотеки были скопированы Э. Филипс еще в 20-е годы в Ленинграде, однако издание надолго задержалось. Исследовательницы отмечали, что считают свой труд полезным и ценным лишь на время отсутствия полного свода маргиналий Вольтера³⁹. Они публиковали пометы вместе с небольшим относящимся к ним отрывком текста книги, рядом с тем словом, фразой, абзацем, возле которого Вольтер их написал. Подобная методика была принята в 1969 г. при подготовке «Корпуса» независимо от этой публикации.

В «Корпусе» впервые осуществляется полное и детальное воспроизведение «немых» знаков чтения и всех текстовых помет, в том числе и опубликованных прежде. В него включаются не только автографы Вольтера, но и пометы, сделанные его секретарями — Ваньером, Бижексом, Коллини, Лоншаном, а также заметки лиц его окружения (мадам дю Шатле и других) в тех случаях, когда книга читалась ими совместно с Вольтером. Пометы и «немые» знаки чтения прежних владельцев выделяются из описания и приводятся в реальных комментариях.

Подавляющее большинство «немых» знаков чтения на книгах библиотеки принадлежит Вольтеру. Во многих случаях его авторство подтвердилось сравнением отмеченных отрывков с письмами и произведениями, в которых они были использованы.

Существенным отличием от прежних публикаций (помимо полноты охвата) являются более подробное воспроизведение в «Корпусе» текста маргинируемой книги и скрупулезное описание всех следов чтения. Комплексная публикация знаков чтения, несмотря на сложности и трудности в их передаче, позволит достаточно отчетливо и полно представить работу Вольтера над каждой книгой. Для этого пришлось приводить значительные и законченные по смыслу отрывки. Тщательно отобранный текст поможет объяснить ту или иную реакцию Вольтера, послужит своего рода первоначальным комментированием маргиналий. В ряде случаев читатели «Корпуса» будут иметь возможность не обращаться к изданиям XVIII в., ставшим в настоящее время редкими. К пометам на за-

³⁵ Havens G. R. Voltaire's marginalia on the pages of Rousseau. Columbus (Ohio), 1933.

³⁶ Hemsterhuis F. Lettre sur l'homme et ses rapports, avec le commentaire inédit de Diderot. Texte établi, présenté et annoté par Georges May. New Haven, 1964.

³⁷ Ibid., p. 19.

³⁸ Some Voltaire marginalia, compiled by Edith Philips, edited by Jean A. Perkins.— Studies on Voltaire and the eighteenth century, 1973, v. CXIV, p. 7—78.

³⁹ Ibid., p. 10.

кладках также приводится соответствующий отрывок из книги. Текст книги не дается лишь в тех случаях, когда содержание маргиналий относится не к определенному отрывку, а к нескольким страницам, целой главе или статье, что свойственно в основном пометам, имеющим справочный характер.

Пометы публикуются на языке оригинала, т. е. преимущественно французском, но также и на английском, латинском, итальянском, немецком и испанском языках. Своеобразная орфография и пунктуация Вольтера сохраняются, за исключением часто применяемого им слитного написания слов. Поврежденный, срезанный при переплете текст помет, стертые от времени замечания на закладках при возможности реконструируются публикатором. Сведения о местонахождении помет, об орудиях письма (сангина, карандаш, острый предмет), а также слова, заклеенные наклейками, приводятся в подстрочных текстологических примечаниях. Графические знаки чтения и бумажные наклейки публикуются вместе с относящимся к ним отрывком текста книги. Закладки без помет, загнутые углы страниц и полей книг описываются с указанием их точного местонахождения — части, главы, параграфа, страницы, акта, сцены, монолога, но без приведения текста книги.

Каждый том «Корпуса» снабжен реальными комментариями, где приводятся в первую очередь сведения о датировке чтения Вольтером того или иного произведения. Комментарии содержат также указания о лицах, фактах, книгах, упоминаемых в пометах. Впервые здесь публикуются целые письма, служившие Вольтеру закладками, дающие иногда новые имена его корреспондентов. Описания фрагментов счетов, личных, деловых и хозяйственных записок содержат иногда ценный материал преимущественно биографического характера. В комментариях приводятся фрагменты черновиков-автографов Вольтера или копий (использованных им в виде закладок), содержащих варианты его произведений, главным образом трагедий, оставшихся неизвестными в литературе. Материал этот может представить интерес для издателей Полного собрания сочинений Вольтера. Данные книговедческого характера, приведенные в комментариях, помогут читателям «Корпуса» узнать особенности книг библиотеки Вольтера, отмеченных знаками его чтения.

Особый характер придают комментариям данные об использовании Вольтером книг или маргиналий в последующей работе над историческими, философскими, литературными произведениями и в переписке. Многочисленные ссылки, встречающиеся в сочинениях Вольтера, зачастую сопровождаемые указаниями томов и страниц, как правило, относятся к книгам, отмеченным знаками его чтения. Письма Вольтера содержат ценные сведения о его впечатлениях от прочитанного. Сопоставление маргиналий с письмами и сочинениями Вольтера дает обильный материал об этой своеобразной части вольтеровского наследия, впервые в такой полноте вводимой в научный оборот. Реальные комментарии к «Корпусу» могут стать, таким образом, начальным этапом в исследовании значительного числа ранее не известных вольтеровских текстов и в особенности методики работы Вольтера.

Полное издание читательских помет Вольтера несомненно сыграет большую роль для понимания творческого наследия великого французского писателя. Без учета материалов «Корпуса» выводы исследователей, касающиеся преимущественно отношения Вольтера к вопросам религии, философии, истории, морали, не могут рассматриваться как окончательные. Маргиналии, отражающие по существу реакцию Вольтера на важнейшие и глубоко волновавшие его проблемы, представят интерес для всех, кто изучает не только его творчество и биографию, но и литературу, историю, философию, экономику, общественную жизнь и культуру Франции XVIII в.

Н. И. Ананьич

МАТЕРИАЛЫ ЛЕКЦИОННЫХ КУРСОВ Н. Х. БУНГЕ 60—80-х ГОДОВ XIX В.

Наряду с изучением особенностей экономического развития России в пореформенный период в советской историографии двух последних десятилетий много внимания уделяется финансовой и экономической политике царского правительства во второй половине XIX — начале XX в. Однако до сих пор исследователи преимущественно обращались к событиям конца 90-х — начала 900-х годов. Между тем для понимания природы российского абсолютизма на рубеже XIX и XX столетий и его эволюции важно проследить изменения в экономической политике правительства в пореформенный период.

Ценным источником для изучения экономической истории России этого времени являются сохранившиеся в основном собрании рукописной книги ГПБ лекционные курсы, прочитанные Н. Х. Бунге (1823—1895) наследникам престола в 1860-х годах (старшему сыну Александра II Николаю)¹, а затем в 1880-х годах (будущему императору Николаю II)². Они представляют несомненный интерес для характеристики взглядов этого крупного русского буржуазного экономиста, профессора Киевского университета и видного государственного деятеля, в 1881—1886 гг. возглавлявшего Министерство финансов, а в 1887—1895 гг. — Комитет министров, так и экономической политики в целом, на формирование которой Н. Х. Бунге оказывал значительное влияние, особенно в 80-е годы XIX в. С именем Бунге связаны такие значительные преобразования в налоговой системе России, как отмена соляного налога и подушной подати, введение 3%-ного и раскладочного дополнительных промысловых налогов и 5%-ного сбора с доходов от денежных капиталов. Взгляды Бунге на задачи экономической политики правительства получили отражение в его многочисленных научных трудах по теории финансов, денежному обращению и податным вопросам³.

Но ни одно из опубликованных сочинений Н. Х. Бунге не дает такого полного и ясно очерченного представления о системе его взглядов, как упомянутые выше лекции.

Все лекции — это авторизованные писарские копии на бумаге большого формата (в лист). Правка, сделанная автором, весьма существенна: есть дополнения на полях, вписанные подзаголовки, исправленные заголовки и термины. В делах наряду с копиями сохранились листы и

¹ ОР ГПБ, ф. 550 (Основное собрание рукописной книги), № 235.

² Там же, № 236—238.

³ Можно указать, в частности, на следующие его работы: *Бунге Н. Х. Теория кредита*. Киев, 1852; *Он же. Товарные склады и варранты*. Киев, 1871; *Он же. О восстановлении металлического обращения в России*. Киев, 1877; *Он же. О восстановлении постоянной денежной единицы в России*. Киев, 1878; *Он же. Неразменные банковые билеты во Франции с 1870 по 1878 г.* Киев, 1878; *Он же. Государственное счетоводство и финансовая отчетность в Англии*. СПб., 1893; *Он же. Исследования по вопросу о восстановлении налога на соль*. СПб., 1893.

целые разделы, написанные рукой Бунге. Лекции переданы на хранение в ГПБ по завещанию самого Н. Х. Бунге⁴.

Лекции по финансовому праву 1863—1864 гг. в основной своей части изложены в девяти тетрадах большого формата (в лист)⁵. На синей обложке каждой тетради в верхнем правом углу — заглавие, написанное черными чернилами рукой Бунге. Название тетрадей: «№ 1. Введение» (л. 1—20), «№ 2. Государственные расходы» (л. 21—55), «№ 3. Средства для удовлетворения государственных потребностей вообще» (л. 56—99 об.), «№ 4. Государственные имущества» (л. 100—172), «№ 5. Горные и промысловые подати» (л. 173—204 об.), «№ 6. Личные налоги» (л. 205—273 об.), «№ 7. Непрямые подати» (л. 274—303 об.), «№ 8. Таможенные пошлины» (л. 304—335), «№ 9. Табак. Соль. Вино» (л. 336—377 об.). В последнюю тетрадь включен раздел: «Земские повинности» (л. 371—377). Продолжение лекций — глава «Чрезвычайные финансовые средства» (л. 378—403) — написана на листах того же формата. Следующие главы: «Денежная система и кредитные учреждения в России» (л. 404—419), «О государственном долге России» (л. 419 об.—422 об.) с таблицей «Цена каждого займа» (л. 423—424), «Финансовое управление» (в двух экземплярах — л. 424—441 и л. 474—491 об.) и «Заключение» (л. 442—473), которое, как поясняет автор, составляет «необходимую составную часть пройденного курса»⁶, — представляют собой самостоятельную рукопись.

«Заключение» состоит из трех частей: «I. Финансы России в XIX веке» (л. 442—448 об.), «II. Недостатки существующей финансовой системы» (л. 449—459 об.) и «III. Соображения, относящиеся к улучшению современной финансовой системы» (л. 460—473).

Лекции, прочитанные Бунге в 80-х годах, включают в себя три части: 1886—1887 гг. — история политической экономии (№ 236), 1887—1888 гг. — экономическая политика (№ 237) и 1888—1889 гг. — чтения о финансах (№ 238). Первая часть (210 л.) получила освещение в ряде печатных работ Бунге еще задолго до чтения лекций в 1880-х годах⁷. Вторая часть курса (441 л.) представляет собой переложение основных идей и положений университетских лекций Бунге⁸.

Следует отметить, что лекции по экономической политике дополнены современным (1880-х годов) статистическим материалом: дано большое количество цифр, таблиц, сравнительных данных (России с «первостепенными державами»).

Третья часть курса (640 л.) состоит из двух разделов, помещенных в двух папках: «А. Общественное хозяйство государства, земства и общин» (папка 1, л. 1—27) и «Б. Государственное или финансовое хозяйство в тесном смысле», который в свою очередь включает четыре части. Две первые части: «I. Общие понятия» (л. 28—59 об.) и «II. Государственные потребности и вызываемые ими расходы» (л. 60—89) — нахо-

⁴ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1898 г. СПб., 1902.

⁵ В основу своих лекций Бунге «положил переведенное им для этой цели» сочинение австрийского политэконома Карла Гока «Налоги и государственные долги» (Министерство финансов, 1802—1902, ч. II. СПб., 1902, с. 5).

⁶ ОР ГПБ, ф. 550, № 235, л. 442.

⁷ Бунге Н. Х. Основания политической экономии. Киев, 1870; *Он же*. Полицейское право. Введение и государственное благоустройство, т. I, кн. I. Исторический очерк экономических учений. Киев, 1869. Более полно эти вопросы были рассмотрены в изданной незадолго до смерти Бунге книге, составленной, как отмечал сам автор в предисловии, «из написанных в разное время статей по истории литературы политической экономии» (Бунге Н. Х. Очерки политико-экономической литературы. СПб., 1895, с. 1).

⁸ Бунге Н. Х. Полицейское право. Введение и государственное благоустройство, т. 1, кн. II. Обзорение различных отраслей хозяйственной деятельности. Киев, 1869. В 1873 г. вышел т. II «Полицейского права», состоящий из трех разделов. Кроме полного двухтомного курса существуют изданные в 70-х годах многочисленные «выпуски» по отдельным отраслям народного хозяйства.

дятся в первой папке, на которой черными чернилами рукой Бунге написано: «Финансы. Общественное хозяйство. Государственные потребности и расходы. Доходы». На второй папке надпись: «Доходы. Кредит. Управление империей». Она содержит две следующие части: «III. Государственные доходы» (л. 90—451) и «IV. Государственный кредит» (л. 452—526). Там же имеются два приложения: «I. Финансовое управление и государственная роспись» (л. 527—561) и «II. Исторический очерк финансов России в течение двух последних веков» (л. 566—600). Вложено написанное рукой Бунге оглавление второй папки (л. 562—565 об.). Приложена контрольная работа с вопросами по финансовому праву и ответами на них наследника (на 4 листах в $\frac{1}{4}$ долю листа) (л. 637—640).

Отдельная папка, озаглавленная «Материалы» (349 л.)⁹, содержит две записки вице-директора Департамента окладных сборов Министерства финансов В. И. Ковалевского к Н. Х. Бунге с препровожденными при них «краткими монографиями», справками, таблицами и т. п.

Если учесть все то, что было опубликовано Бунге при его жизни, и сопоставить с его лекциями, то легко заметить, что не увидели свет ни лекции по финансовому праву 1863—1864 гг., ни третья часть курса лекций 1888—1889 гг.— Чтения о финансах.

Самый характер источника (лекционный курс), его учебное предназначение побуждали автора к предельно ясному изложению мыслей и к освещению всех сторон экономики государства, отражали стремление Бунге внушить своему слушателю то, что он считал соответствующим задачам экономического развития России.

Лекционные курсы, прочитанные Бунге, разделяет более чем 20-летний период. Однако за эти годы его взгляды не претерпели кардинальных изменений, хотя влияние событий «злобы дня» несомненно сказывалось и на степени подробности разбора тех или иных вопросов, и на выделении насущных проблем. Не могли не сказаться на содержании лекций, читанных в 1880-х годах, и перемены в экономической жизни России за минувшие 20 лет. Поэтому интересно проследить развитие взглядов Бунге на примере двух не нашедших отражения в его опубликованных работах лекционных материалов по финансам, прочитанных с интервалом в 25 лет (дела № 235 и 238).

В центре внимания Бунге находилась финансовая система: бюджет государства, бездефицитное сведение росписи доходов и расходов, торговая и валютная политика, кредит и денежная система.

В лекциях 1863—1864 гг. Бунге, рассмотрев все стороны финансовой государственной политики, выдвинул ряд условий, при выполнении которых, как он считал, возможно было выйти из «финансовых затруднений», внушавших «самые серьезные опасения». «Для этого необходимо,— писал Бунге,— чтобы в основу всего был положен известный план, обнимающий совокупность государственных доходов и расходов, чтобы финансы получили большее единство, чтобы в расходах сделаны были значительные сокращения, чтобы система податей была улучшена не в частностях, а в целом, чтобы система кредита была окончательно устроена в видах и государственных и народно-экономических»¹⁰.

«Существенным недостатком финансового управления» в России Бунге считал отсутствие «единого целого ответственного министерства», а поэтому в государственном управлении финансами не было единства ни «при определении государственных расходов», ни тем более «в заведении государственными доходами»¹¹. Независимость отдельных министерств и управлений наносила, как считал Бунге, вред, затрудняя со-

⁹ ОР ГПБ, ф. 550, № 239.

¹⁰ Там же, № 235, л. 447.

¹¹ Там же, л. 450.

ставление общего финансового плана. «Министру финансов,— писал он,— предоставляется механическая работа свести итоги цифр и изыскать средство для покрытия дефицита»¹².

Вместе с тем, замечал Бунге, действия министра финансов «не контролируются Государственным советом», займы заключаются без его ведома, и там даже не знают, «сколько и когда именно реализовано из займов»¹³. Не удовлетворяло Бунге и рассмотрение росписи доходов и расходов в Департаменте государственной экономии («где формальная проверка преобладает над материальной»), и он предлагал заменить ее рассмотрением проектированного бюджета сначала в Совете министров, а потом в особых, составленных из специалистов бюджетных комиссиях. А в самом бюджете «отделить доходы и расходы постоянные от изменяющихся»¹⁴.

Бунге утверждал, что все финансовые вопросы зависели от решения основного — податного. Отмечая, как «характеристическую особенность русской финансовой системы», обременительный личный налог — подушную подать («принадлежит к числу самых тяжелых в Европе»), составляющую по росписи на 1864 г. «немного менее половины» всех сборов, а с соляным и паспортным сбором — 190 млн. руб. (притом, что «по меньшей мере $\frac{8}{7}$ налогов и повинностей падают на беднейшие классы»), Бунге констатировал: «Поэтому очевидно, что наша финансовая система по ограниченности доходов с земель и капиталов опирается главным образом на производительность личного труда»¹⁵.

Выступая с позиций сторонника развития и укрепления крестьянской поземельной собственности как основы развития экономики деревни, способной в будущем не только выдержать усиление прямого и косвенного обложения, но и стать политической опорой монархии, Бунге был за постепенное преобразование системы налогообложения «в целом» и замену сословной податной организации бессословной.

Предлагая замену круговой поруки «личной ответственностью плательщиков», Бунге в то же время отмечал, что прикрепление к общине обусловлено всей системой прямых податей и что подушная система «пустила глубокие корни; она совпадает с делением сословным, с системой повинностей (земские сборы и рекрутская повинность), с общинным владением, она определила характер многих полицейских законов о паспортах, бродягах, беспаспортных беглых...»; поэтому простое переложение налога «с душ на доходы» с предоставлением населению «права свободного передвижения» нарушило бы сложившееся развитие отдельных районов и чревато было бы осложнениями с возникшим искусственным перемещением рабочей силы¹⁶.

Меры, предложенные Бунге для улучшения податной системы: 1) отчуждение государственных имуществ и 2) замена податей и денежных сборов, исчисленных по душам, и соляного акциза другими налогами.

Подати, исчисляемые по душам, предполагалось заменить системой налогов: поземельной податью (по 12 коп. с десятины), личным промысловым налогом (от 2 до 6 руб. «по промысловым выгодам разных местностей»), разрядным сбором с доходов (от 300 до 500 руб.— 3%, а свыше — 5%), 10%-ным дополнительным сбором к существующим налогам («вместо государственных денежных повинностей»). Одновременно провести «улучшения в разных отраслях государственных доходов»: акциз с табака «заменить табачною регалиею», «сообщить таможенным пошлинам финансовый характер» («уравнять пошлины, соразмерно с налогами, падающими на одинаковые отрасли производства в Рос-

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 450—450 об.

¹⁴ Там же, л. 463.

¹⁵ Там же, л. 451 об.

¹⁶ Там же, л. 229 об.—230.

сии и за границу»), обложить более высокими налогами купцов и промышленников и облегчить мелкую торговлю, упорядочить продажу рекрутских квитанций¹⁷.

Упорядочению «поземельной частной собственности», по мысли Бунге, должно было предшествовать «устройство земского кредита»¹⁸. Реформам системы налогообложения должно было сопутствовать сокращение расходов и восстановление «потрясенного государственного кредита вообще и в особенности... денежной системы», а «первым делом» в этом направлении Бунге считал «восстановление свободного металлического обращения»¹⁹.

Как поборник развития частного предпринимательства, Бунге высказывался за развитие «свободной банковской системы, устроенной на основании нормальных правил, утвержденных законодательным порядком». Он считал, что «в свободных банках правительство нашло бы более серьезную помощь, чем в казенном Государственном банке», «промышленность нашла бы в свою очередь кредит, примененный к условиям и потребностям народной жизни, кредит обратил бы сбережения народа, часто остающиеся мертвыми капиталами, в производительную силу»²⁰.

Так выглядела экономическая программа Бунге в середине 1860-х годов, задолго до того, как он стал непосредственно заниматься преобразованием системы налогообложения.

В своих лекциях 1888—1889 гг. ему снова пришлось говорить о тяжелом положении русского налогоплательщика. Окончилась почти шестилетняя министерская деятельность, и можно было подвести итог проведенным в податной системе преобразованиям. Понижены выкупные платежи и отменен соляной налог (1882 г.), отменена подушная подать (1883—1887 гг.), повышен поземельный налог (1884 г.), введены дополнительные сборы к промысловому налогу: 3%-ный — с чистого дохода акционерных предприятий, раскладочный — с прочих гильдейских и 5%-ный — с доходов от денежных капиталов (1885 г.).

Теперь Бунге, умалчивая о резком повышении косвенных налогов, пытался представить дело так, что проведенные реформы дали «осязательные результаты», так как облегчили податную тягость крестьян на 1/4 часть платежей²¹. Совершенно очевидно, что в эти подсчеты не включены были выкупные платежи (рассматриваемые Бунге скорее всего как покупная сделка), которые, однако, составляли часть оклада налогов. Именно под видом выкупа крестьянами в собственность их наделов в России до 1907 г. сохранялась старая крепостническая система обложения, и земли крестьянские были обложены в десятки раз выше частновладельческих²².

Бросая ретроспективный взгляд на весь период 1860—1880-х годов, Бунге отмечал, что если «с начала 60-х гг. ... в массе народа распространилось обнищание», то теперь «народная нищета, не имея угрожающего характера анархических стремлений, представилась более глубокою и не менее опасною язвою»²³.

Перечисляя «главные причины народной нищеты», Бунге наряду с недостаточностью крестьянских земельных наделов, пагубным влиянием общинной формы землевладения на крестьянский быт, упомянул и высокую величину выкупных платежей, которые вместе с подушными земскими и мирскими сборами «при упадке цен на произведения земледе-

¹⁷ ОР ГПБ, ф. 550, № 235, л. 466—470.

¹⁸ Там же, л. 470.

¹⁹ Там же, л. 470—472.

²⁰ Там же, л. 472 об.—473.

²¹ Там же, № 238, л. 585 об.

²² О результатах отмены подушной подати см.: *Ананьич Н. И.* К истории отмены подушной подати в России. — ИЗ, 1974, № 94, с. 183—212.

²³ ОР ГПБ, ф. 550, № 238, л. 581.

лия, при неопределенности окладных платежей и при частых растратах денег сборщиками и сельскими властями разоряют крестьян»²⁴.

Придерживаясь основных направлений намеченной им 25 лет назад программы развития экономики страны, Бунге теперь пытался представить дело так, что в период его министерской деятельности многое было сделано для поднятия производительных сил деревни: оказана помощь в приобретении крестьянами земли («учреждение Крестьянского банка в 1882 г. облегчило для крестьян покупку земли и устранило толки о дополнительных наделах»), «поднят в 1881 году» вопрос о переселении, что в свою очередь вело к организации интенсивного хозяйства. Опорой и социальной базой в осуществлении этих мер правительства могло стать только зажиточное крестьянство («должно рассчитывать на заемщиков не повально нищенствующих, но таких, которые могут поправиться»)²⁵.

С начала 1860-х годов в русской экономической литературе и в периодической печати, а несколько позже (особенно в связи с отменой подушной подати) и в бюрократических сферах неоднократно обсуждался вопрос о подоходном налоге. Введение же Бунге в 1885 г. дополнительных сборов к промысловому налогу, основанных на подоходном принципе, получило теоретическое обоснование в курсе 1888—1889 гг. при освещении вопроса «о всеобщей подати с доходов» в главе под тем же названием. Рассматривая три вида подоходного налога: 1) единый налог «на совокупность наперед определенных доходов, получаемых каждым отдельным частным лицом», 2) налог «в виде совокупности нескольких прямых налогов, соединенных в подоходный» (с земель, домов, капиталов, промыслов, личных заработков), и 3) «в виде надбавочной подати к некоторым из существующих налогов с целью достигнуть более равномерно обложения доходов частных лиц»²⁶, Бунге более всего склонялся к третьему, как к наиболее, с его точки зрения, реально осуществимому при отсутствии в России правильно организованной системы местного податного управления. Бунге оценивал этот перспективный источник как «очень обильный, допускающий значительное возрастание государственных доходов», в будущем ценный тем, что это будет «налог, взимаемый не со среднего дохода, получаемого от имущества или промысла, а с действительного дохода лица»²⁷. Это отвечало, по его мнению, требованиям «правильно организованной» податной системы. Он мыслил этот налог как дальнейшее развитие уже введенных им 3%-ного сбора с акционерных предприятий и 5%-ного — с денежных капиталов²⁸ и постепенное распространение этих сборов на новые объекты: свободные профессии, доходы от построек в городах и т. д.

В своем политическом завещании, найденном после его смерти, Бунге еще раз вернулся к проблеме подоходного налога и высказался более определенно. Подводя итог предложенному им преобразованию прямых налогов, в числе прочих мер он указал «установить всеобщий подоходный налог, который должен взиматься со всех видов доходов частного лица, превышающих в общей сложности 500 рублей». В состав подоходного налога, по мнению Бунге, должен был войти «сбор с доходов, доставляемых недвижимыми имуществами и капиталами в разнообразных видах доходов, с доставляемых капиталов в связи с трудом и, наконец, с личных заработков, причем первые должны быть обложены в несколько высшем размере, чем вторые, а вторые — чем третьи. Размер обложения должен быть определен, по примеру Англии, в несколько копеек с рубля дохода и быть очень умеренным для того, чтобы вместе с обло-

²⁴ Там же, л. 582.

²⁵ Там же, л. 582 об.— 587.

²⁶ Там же, л. 287—288 об. Курсив Бунге.

²⁷ Там же, л. 595. Курсив Бунге.

²⁸ Еще при жизни Н. Х. Бунге — с 1 января 1893 г. 3%-ный сбор с акционерных предприятий был повышен до 5% (ПСЗ, III, т. XII, № 9181, 21 декабря 1892 г.).

жением среднего дохода с земли, строений и разных капиталов не был тягостен для плательщиков»²⁹. Как мы видим, «всеобщий подоходный налог» в изложении Бунге выглядит лишь одной из разновидностей разрядного налога, служащего «коррективом других прямых податей».

Значительное место в лекциях Бунге занимал вопрос о государственном вмешательстве в развитие народного хозяйства России. Рассматривая его в 1860-х годах, Бунге отмечал, что хотя все государства «не отказывают в материальном пособии промышленности», но виды этой помощи могут быть разные: это или охранительная пошлина, или льготы в выплатах податей, или «прямые пособия деньгами или натурою». Стоя за высокий таможенный тариф и считая понижение тарифа «при возвышении податей и акцизов внутри государства» не только финансовой, но и экономической ошибкою, Бунге в то же время был за введение льгот для промышленников на заранее определенных конкретных условиях, более «обязательных для частных предпринимателей», чем для казны³⁰.

Несколько по-другому ставит Бунге этот же вопрос в конце 1880-х годов. Отмечая, что «частная предприимчивость не обходилась без крупных правительственных субсидий» и что ни одно крупное строительство не велось без правительственной поддержки, «не считая выданных из других источников» (железнодорожного фонда, запасного капитала, фонда выкупной операции и т. д.), Бунге подчеркивал, что «приобретает большее и большее господство мысль о том, что государство должно многое делать само и стать во главе народно-хозяйственной деятельности»³¹. Подводя как бы итоги «полувекового опыта», Бунге приходил к следующим выводам: «1) Государство должно помогать частной предприимчивости только тогда, когда этого требуют действительные государственные интересы, а не интересы частного хозяйства. 2) Государство должно браться за предприятия, которые имеют общепользительный характер,— средства сообщения, банки, устройство портов и пр., и при том, если этим достигается действительное удешевление издержек производства. 3) Предоставление частным лицам участия в общественном хозяйстве необходимо в том случае, когда предприимчивость частная работает дешевле и лучше, чем казенная администрация»³².

Дальнейшее развитие, как утверждал Бунге, должно идти по пути расширения «непосредственного участия правительства в делах промышленности», но «еще в большей степени» должна расширяться его контролирующая деятельность. Как свидетельства усиления роли государства в развитии народного хозяйства «за истекшие 8 лет» (1881—1888) Бунге перечислены: основание двух банков — Крестьянского поземельного (1882 г.) и Дворянского (1885 г.), приобретение в казну 7 тыс. верст железных дорог, подчинение надзору правительства городских и общественных банков (1883 г.), регулирование железнодорожных тарифов (1884—1887 гг.).

Одобряя политику усиления протекционизма, Бунге рассматривал влияние его в общей связи с другими сторонами развития народного хозяйства: «Таможенные пошлины на привозные товары могут дать сильный толчок развитию покровительствуемым ими отраслям промышленности, но только под условием существования в стране дешевых материалов для производства, достаточных и доступных капиталов, наконец, хорошо подготовленного личного состава предпринимателей, техников и рабочих»³³. В то же время Бунге предостерегал от установления чрезмерно

²⁹ ЦГИА. Библиотека. Коллекция печатных записок, № 52. «Записка, найденная в бумагах Н. Х. Бунге», с. 121.

³⁰ ОР ГПБ, ф. 550, № 235, л. 219—220.

³¹ Там же, № 238, л. 597.

³² Там же, л. 597 об.

³³ Там же, л. 446—446 об.

высоких ввозных пошлин по просьбам предпринимателей, поскольку это в конечном счете затрагивает интересы потребителей.

Экономические взгляды Бунге свидетельствуют о том, что его можно отнести к числу государственных деятелей, достаточно отчетливо представлявших себе необходимость целого ряда буржуазных по своему характеру преобразований в системе финансового управления и в народном хозяйстве.

Несмотря на то что отставка Бунге с поста министра финансов в 1886 г. была сопряжена с критикой его экономической политики, преемники Бунге — И. А. Вышнеградский (1887—1891) и затем С. Ю. Витте (1892—1903) во многих отношениях выступили продолжателями его курса. Это нашло свое отражение, в частности, в подготовке и в проведении денежной реформы в России (1895—1897). Витте пошел значительно дальше, чем это представлялось возможным Бунге, в использовании такого мощного средства экономической политики, как государственное вмешательство. Как и для Бунге, камнем преткновения для Витте остался крестьянский вопрос, несмотря на то что он неоднократно пытался, руководствуясь фискальными соображениями, вынести его на обсуждение.

Как видим, в своих лекционных курсах Бунге обращал внимание на важные вопросы экономической и финансовой политики государства, которые не всегда могли быть предметом обсуждения в открытой печати. Эта отличительная черта рассматриваемого источника делает его особенно интересным для исследователя.

П. И. Шлемин

ДНЕВНИК К. К. АРСЕНЬЕВА

В ЦГАЛИ, в личном фонде Арсеньевых (ф. 40, оп. 1, ед. хр. 15—40) хранится дневник видного русского общественного деятеля и публициста Константина Константиновича Арсеньева (1837—1919), который он вел без малого 64 года — с 10 апреля 1855 по 8 (21) марта 1919 г. Дневник представляет собой 26 томов, сброшюрованных из 280 тетрадей (по 12 листов «в четверть»). Записи производились чернилами, а их объем колебался от двух строчек до нескольких страниц в день, в зависимости от чего отдельные тетради содержат от 6 (с 26 по 31 декабря 1857 г.) до 253 (с 6 мая 1917 по 13 января 1918 г.) записей. В нескольких тетрадях (до 1871 г.) часть текста уничтожена — вырваны целые страницы или вырезаны их фрагменты, вымараны отдельные строчки. Дневник имеет сквозную авторскую пагинацию. На первых и последних страницах тетрадей, служащих обложками, Арсеньев резюмировал, иногда незначительно дополняя, текст основных записей, а на их внутренних сторонах перечислял важнейшие визиты и перемещения. Такой порядок оставался неизменным на протяжении всех лет ведения дневника.

Дневник (журнал) Арсеньева — прежде всего хроника жизни одного человека, и в нем с поразительной пунктуальностью фиксируются мельчайшие подробности его бытия. Широта хронологического охвата, объем и сохранность этого источника, принадлежи он и частному, никому не известному лицу, представляют определенный исторический интерес. Но его автором был один из знаменитых русских адвокатов, соредактор Энциклопедического и редактор Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, почетный академик и один из учредителей партии демократических реформ.

Признанный еще при жизни патриархом российского либерализма, Арсеньев более 50 лет посвятил сотрудничеству в «Вестнике Европы», оказывая существенное воздействие на формирование политического лица этого журнала: он вел разделы «Внутреннее обозрение» и «Общественная хроника», а с 1908 по 1916 г. был его редактором¹.

Интересно отметить, что характер дневника Арсеньева меняется каждый раз, приобретая мемуарное звучание, когда его составитель подытоживает сделанное и пережитое за год. Благодаря этому в руки исследователя попадает своеобразная «заготовка» для нескольких автобиографий и воспоминаний, впоследствии написанных Арсеньевым². Последние

¹ Характеризуя направление «Вестника Европы», В. И. Ленин писал, что оно служит «определенному элементу, известным слоям буржуазии» и объединяет «определенные круги профессорской, чиновничьей и так называемой интеллигенции из «приличных» (желающих быть приличными, вернее) либералов» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 3—4).

² Автобиография (1861—1894 и 1894—1901 гг.).— ЦГАЛИ, ф. 40, оп. 1, ед. хр. 14; Из далеких воспоминаний.— Голос минувшего, 1913, № 1; Из воспоминаний.— Там же, 1915, № 2 и др.

повествуют о некоторых эпизодах его общественно-политической деятельности в 1861—1901 гг. и содержат суждения и оценки, отсутствующие в дневнике.

Значимость мемуарного источника обусловлена прежде всего личностью его автора, и в этом смысле дневник Арсеньева не уступает другим, пользующимся известностью и введенным в научный оборот. Но характер и возможности использования тех же материалов в значительной мере зависят от их специфических особенностей. Дневник Арсеньева — это предельно сжатая, лаконичная констатация фактов из его повседневной жизни. Арсеньев был современником, очевидцем и участником многих интереснейших событий переломного периода отечественной истории, хотя в его дневнике мы не найдем сколько-нибудь развернутых, оценочных суждений о происходящем, не встретим портретных характеристик. Прогрывает дневник и от того, что его автор отказывается от передачи содержания своих разговоров, в том числе и с такими собеседниками, как Лорис-Меликов, Витте, Кавелин, Струве, Джаншиев, Милуков и др. Зачастую несомненно ценные исторические сведения, сообщаемые Арсеньевым, тонут в море бытового материала. В то же время ни одна даже самая незначительная встреча или беседа не остается неупомнутой. Благодаря этому мы узнаем о событиях, многие из которых не отображены в других источниках. Особый интерес представляют передаваемые Арсеньевым сведения об адвокатуре, о публицистической и редакционно-издательской деятельности, об участии в земско-либеральном движении. В дневнике немало фактов о литературно-художественной и театральной жизни Петербурга 60—900-х годов. При всем том этот источник не только не был предметом специального исследования, но и чрезвычайно мало использовался в исторической литературе.

Дневник Арсеньева требует кропотливого исследовательского труда, и настоящая статья не претендует на исчерпывающее его изучение. Не является самоцелью и освещение основных моментов научной и общественной деятельности К. К. Арсеньева. Биографическая форма настоящей работы оправдана постольку, поскольку она призвана облегчить исследователям — историкам, филологам или юристам — поиск интересующей их информации, особенно в тех случаях, когда идет речь о проверке или уточнении имеющихся в их распоряжении источников. Возможен и другой вариант исследовательского поиска — от наличного документа, в данном случае от дневника К. К. Арсеньева. Здесь также необходимо знакомство с основными вехами биографии его составителя. Неукоснительное соблюдение Арсеньевым хронологической последовательности дневниковых записей, наличие в каждой тетради резюме и перечня основных дат и перемещений, а также ежегодные итоговые обобщения облегчают получение искомых сведений.

Одной из задач настоящей работы было выявление того нового, что дает дневник для изучения истории либерально-оппозиционного движения пореформенной эпохи.

Помимо самого дневника в статье использованы автобиография и отрывочные воспоминания К. К. Арсеньева.

Константин Константинович Арсеньев родился 24 января 1837 г. в семье профессора Петербургского университета академика К. И. Арсеньева. Получив начальное образование дома, Арсеньев с 1849 по 1855 г. продолжал учебу в Училище правоведения. В апреле 1855 г., накануне выпускных экзаменов, он начал этот дневник, не предваряя его изложением причин, побуждающих взяться за перо. Несколько позже он признается, что, во-первых, пишет здесь «все, что взбредет в голову, не разбирая, важно ли оно или не важно, а во-вторых, чем подробнее журнал, тем приятнее будет читать его впоследствии»³.

³ ЦГАЛИ, ф. 40, оп. 1, ед. хр. 15, л. 19. Этого принципа Арсеньев придерживался на протяжении всех лет ведения дневника, предназначавшегося только для него са-

Тетради дневника за 1855—1863 гг. охватывают период службы Арсеньева в Министерстве юстиции. Это время становления личности молодого человека, формирования его политических убеждений и первых литературно-критических опытов.

В эти годы Арсеньев особенно много читает, отводя в своем дневнике значительное место записям библиографического характера. Так, в мае 1855 г. он знакомится с сочинением, приписываемым Грановскому, и отмечает в нем несколько «верных мыслей о консервативной системе управления вообще и о вредном влиянии ее на Россию в особенности»⁴. Восторженную оценку у него вызывали критические статьи Белинского и роман Герцена «Кто виноват?». Беседа об этом романе с Перетцем, служившим губернатором у родственников Арсеньева⁵, вылилась в спор о социализме и либерализме, причем Перетц, называвший себя приверженцем социализма, впервые познакомил Арсеньева с основами этого учения. Разрыв между ними произошел, по всей видимости, из-за письма Арсеньева к редактору «Экономического указателя» И. В. Вернадскому по поводу «Заметок о журналах» в последнем номере «Современника»⁶, в которых, по мнению автора дневника, «открыто поднималось знамя социализма (до чего мы дожили?) через провозглашение превосходства общинного пользования землей перед частным...»⁷. Публикация этого письма была дебютом Арсеньева в печати. В 1858 г. он послал также несколько своих работ по новой и новейшей истории в катковский «Русский вестник».

О тогдашних настроениях Арсеньева можно судить по его отношению к службе. Получив свой первый орден, он пишет: «... смотря на него, я думаю только о предстоящем за него вычете и о денежной награде, которой я через него лишился»⁸. Будучи столоначальником и коллежским асессором, Арсеньев в октябре 1858 г. сообщает о царском выговоре министрам за несоблюдение их подчиненными канцелярской тайны и о том, что «изобличенные в сообщении Искандеру сведений о делах будут судимы как государственные изменники»⁹. Еще один штрих к портрету Арсеньева, назначенного в конце того же года помощником редактора «Журнала Министерства юстиции», дает запись о заключении им пари, что в течение 1859 г. «журнал не будет «обруган» «Колоколом»»¹⁰.

К началу 1859 г. Арсеньев, намереваясь готовиться к профессуре по римскому праву или всеобщей истории, усиленно занимается древними языками и посещает лекции по истории М. М. Стасюлевича в Петербургском университете. Одновременно он продолжает писать для «Русского вестника», а в ноябре 1860 г., польщенный вниманием его редактора, едет в Москву, где встречается с М. Н. Катковым, П. М. Леонтьевым и М. Н. Капустинным, а также посещает лекцию К. П. Победонос-

мого, хотя о его существовании знали или догадывались родственники и близкие друзья. Привлекает внимание факт уничтожения Арсеньевым части текста в записях за декабрь 1857, февраль, июль, август и октябрь 1858, апрель 1860 и август 1871 г. Возможно, что это могло быть вызвано угрозой обыска на квартире Арсеньева в 1861 г., но в то же время последнее уничтожение записи было произведено в 1871 г.— накануне свадьбы Арсеньева и в последующие годы не повторилось.

⁴ Там же, л. 20 об.

⁵ Не исключено, что речь идет о Г. Г. Перетце, впоследствии связанном с III Отделением и посланном в Лондон для слежки за Герценом.

⁶ Письмо (под инициалами К. А.) помещено в вып. 21 «Экономического указателя» за 1857 г.

⁷ ЦГАЛИ, ф. 40, оп. 1, ед. хр. 16, л. 228.

⁸ Там же, ед. хр. 19, л. 14 об.

⁹ Там же, л. 38 об.— 39.

¹⁰ Там же, л. 109.

цева. Разочарованный результатами этой поездки, Арсеньев по возвращении в Петербург все больше сближается с К. Д. Кавелиным и Д. В. Стасовым, активно участвует в собраниях Юридического общества. Судя по тому, что одно из них показалось Арсеньеву «весьма странным» только потому, что беседа почти не касалась политики, здесь не ограничивались обсуждением одних узкопрофессиональных вопросов. Всего в 1859—1860 г. было 60 заседаний общества, а численность собиравшихся лимитировалась лишь размерами помещений.

Относя себя к разряду «мирных людей, склонных к политическому оптимизму»¹¹, Арсеньев писал о таких событиях, как волнения в Польше, крестьянские восстания и «студенческие истории», как о «политических невзгодах»¹². В связи с состоявшейся 25 сентября 1861 г. студенческой демонстрацией в Петербурге Д. В. Стасов предложил Арсеньеву подписать «адрес или просьбу» о помиловании привлеченных к ответственности. Для ускорения дела подписи собирались под чистым листом, поскольку адрес не был готов. Слух об этом дошел до III Отделения, вызвав подозрения в подготовке адреса с требованием конституции. Во избежание дальнейших осложнений адрес был уничтожен его составителями. Стасов, как предполагаемый инициатор, был арестован, а остальных подписавшихся, в том числе и Арсеньева, обязали дать письменные объяснения¹³. В том же году Арсеньев был уволен от должности редактора и назначен чиновником по особым поручениям с повышением в классе должности, но с уменьшением жалованья. Это, а также семейные обстоятельства сделали его «литератором поневоле», а «прежняя роскошь» — писать статьи — стала почти необходимостью. Состоявшееся тогда же знакомство с Н. В. Альбертини и С. С. Дудышкиным из редакции «Отечественных записок» избавило Арсеньева от тяготившей его необходимости писать для «Русского вестника». Можно также упомянуть о кратковременном знакомстве Арсеньева с Н. А. Серно-Соловьевичем и Н. В. Шелгуновым, а также о получении им предложения П. Л. Лаврова писать статьи для «Энциклопедического словаря».

Начиная с 1861 г. записи в дневнике становятся более лаконичными: каждая тетрадь вмещает теперь 70—80 ежедневных записей вместо прежних 20—30. Жизнь Арсеньева насыщена поисками литературных заработков, встречами с редакторами и издателями различных журналов.

В январе 1863 г. он подает в отставку и поступает в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей». Окончательный толчок к оставлению службы, судя по воспоминаниям, был дан нежеланием ехать в «принудительную командировку» к Муравьеву («вешателю». — П. III.) в «Западный край». В газете Арсеньев должен был один-два раза в неделю составлять передовые по «иностранной политике» и просматривать внутреннюю, за исключением «польской», корреспонденцию. Эта работа сильно утомляла его и не оставляла времени для других занятий. Поэтому, как только удалось расплатиться с долгами, Арсеньев уехал за границу для поправления здоровья и подготовки к профессуре. Записавшись в студенты философского факультета Боннского университета, он два семестра 1864/65 г. посещал лекции, а в свободные часы встречался с немногочисленными здесь соотечественниками, в том числе с В. И. Герье и К. Д. Кавелиным. Испытывая материальную нужду и убедившись в неосуществимости мечты о серьезных занятиях наукой, Арсеньев осенью 1865 г.

¹¹ Из далеких воспоминаний. — Голос минувшего, 1913, № 1, с. 161.

¹² ЦГАЛИ, ф. 40, оп. 1, ед. хр. 22, л. 6 об.

¹³ Эта история подробно изложена в опубликованных воспоминаниях Арсеньева и в основных чертах совпадает с дневниковыми записями. Дневник, однако, умалчивает об инициативе Д. В. Стасова в этой акции. Эта деталь чрезвычайно важна для характеристики источника в целом.

возвратился в Петербург, чтобы вновь «приняться за скучную и бесполезную редакционную канитель»¹⁴.

Весной 1866 г., распрощавшись с редакцией, Арсеньев вступил в звание присяжного поверенного. На какое-то время адвокатская деятельность всецело захватила его, представляясь «в том привлекательном свете, в каком тогда сияли все новые судебные учреждения»¹⁵. Выступления в суде скоро выдвинули Арсеньева в число ведущих петербургских юристов. В феврале 1871 г. он блестяще выступил в защиту И. Г. Прыжова на Нечаевском процессе. Но уже в феврале 1874 г., окончательно разочаровавшись в перспективах, открытых судебной реформой, Арсеньев расстаётся с адвокатурой. Впоследствии он писал: «Адвокатура слишком легко располагает к некоторому формализму, то есть к смешению правоты по закону с правотой в высшем смысле слова. Я никогда не брался за поддержку домогательств, явно несогласных с нравственностью»¹⁶. Это тем не менее не помешало ему, в бытность поверенным в делах графини Шереметевой, решать спорные вопросы не в пользу крестьян «ввиду их формальной неправоты»¹⁷. Источниковедческая значимость дневников Арсеньева конца 60-х — начала 70-х годов понижается по причине их предельной краткости. Достаточно сказать, что объем каждодневных записей становится настолько незначительным, что их количество в каждой тетради возрастает до 130—140. Это вызывалось как недостатком времени, так и нежеланием писать о порученных ему делах, порожденным представлениями об адвокатской этике.

После поступления на службу в Гражданский кассационный департамент Сената в должности товарища обер-прокурора в жизни Арсеньева, по его собственному признанию, наступил период, не озаменованный никакими переменами и событиями. После перерыва 1872—1874 гг. возобновляется его участие в различных периодических изданиях: «Вестнике Европы», «Неделе», «Новом времени», «Северном вестнике» и др. Выходит также его книга об адвокатуре.

Осенью 1874 г. Арсеньев организует несколько бесед по разным вопросам политэкономии, философии и литературы, названных впоследствии «шекспировскими». Среди их участников преобладали сослуживцы и знакомые Арсеньева, главным образом представители сословия адвокатов. Организация собраний отличалась четкостью: ее участники заранее оповещались о времени и месте встречи, о теме беседы. Заранее же назначались докладчики и оппоненты. Прения часто носили оживленный характер и выходили за рамки обсуждаемого вопроса. Собеседники читали здесь рефераты своих статей, помещаемых затем в тех или иных изданиях, оттачивали язык полемических выступлений, делились впечатлениями о происходящем в России и за рубежом. Эти встречи были школой общественной организации либеральной интеллигенции, возникшей задолго до первых ее политических объединений в полном смысле слова. Вместе с частью собеседников Арсеньев весной 1877 г. вступил в товарищество для издания ежедневной политико-литературной газеты «Северный вестник» — «нашей газеты», как указывается в дневнике. С этого времени заметно возрастает информативная насыщенность дневника, а вместе с тем и объем каждодневных записей (при соответственном сокращении их числа до 80—90 в тетради).

Учащение пульса общественной жизни в конце 70-х годов пробудило в части либеральной интеллигенции интерес к земству. Не избежал этого и Арсеньев. В апреле 1877 г. он знакомится с книгой кн. А. И. Васильчикова «О самоуправлении» (шесть лет спустя после выхода из печати ее последнего тома!), называя ее «одной из самых замечательных,

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 40, оп. 1, ед. хр. 23, л. 77 об.

¹⁵ Там же, ед. хр. 14, л. 10 об.

¹⁶ Там же, л. 24 об.

¹⁷ Там же, л. 25.

какие я когда-либо читал»¹⁸. Не случайным было и прочтение «Исторических писем» П. Л. Лаврова — «катехизиса» революционной молодежи 70-х годов. В этой связи легко догадаться о характере организованных Арсеньевым для молодежи бесед о Робеспьере и Мирабо. Тогда же он делится с Кавелиным идеей о переселении в деревню. Мысль эта, писал Арсеньев, «пала на подготовленную почву. Тогдашняя революционная агитация, которой я никогда не сочувствовал, особенно ввиду употребляемых ею средств... наводила однако на мысль, что не все благополучно в нашем государственном и общественном строе, и возбуждала сознание ответственности перед обществом и народом. Мне казалось, что на обязанности людей более достаточных и образованных лежит сделать все возможное, хотя бы в тесной рамке, для сближения с народом и для улучшения его положения, что особенно удобно и легко в деревне»¹⁹. Покупка имения и переезд на постоянное жительство в деревню разрушили эти иллюзии, хотя Арсеньев, помня советы Кавелина, не жалел сил и средств для приобретения «нравственного авторитета» среди крестьян. В феврале 1880 г., во время одной из воскресных бесед, проводимых Арсеньевым, крестьяне спросили его согласия на избрание земским гласным (идея им была подана одним из членов уездной земской управы), на что он, конечно, ответил утвердительно. Сразу же после своего избрания в гласные Арсеньев включается в практическую деятельность уездной управы. Одновременно в печати появляются многочисленные его статьи по земским вопросам. Сочетание этих видов деятельности в значительной мере предопределило переход Арсеньева к составлению «внутренних обозрений» для «Вестника Европы».

В связи с его участием в сенаторской ревизии уездов Саратовской и Самарской губерний, длившейся с октября 1880 по август 1881 г., Арсеньев в декабре 1880 г. «представлялся Лорис-Меликову и был очарован теми широкими просветами, которые он показал... очень намекая на сознаваемую им необходимость финансовых и хозяйственных реформ в пользу народа и большей свободы для всего общества»²⁰. Крушение этих планов, в представлении либерального общества, было вызвано «умерщвлением» Александра II. Для Арсеньева это событие означало сведение на нет результатов сенаторской ревизии и было воспринято как личная трагедия. В 1881 г., по словам автора дневника, был сделан первый шаг, приблизивший его к старости. Наступление политической реакции проявлялось во всех сферах общественной жизни. Так, в марте 1883 г. Арсеньев был забаллотирован на выборах гласных губернского земства. Вскоре он добровольно сложил с себя председательство во врачебном совете уездного земства, а затем и совсем вышел из этого и училищного советов. В апреле 1882 г. он оставил службу в Сенате, а в октябре следующего года перебрался на постоянное жительство в Царское Село. Даже не вникая в содержание записей 1882—1883 гг., а только по сокращению их каждодневного объема можно судить о понижении в этот период интереса Арсеньева к общественно-политической жизни.

С возвращением поближе к Петербургу, писал Арсеньев, он в известной степени возвратился и к «городской работе»: участию в юридических консультациях, к деятельности городской управы, возобновлению посещений Юридического общества и пр. Обращает на себя внимание запись о реорганизации «шекспировских бесед» и о возникновении научно-литературного кружка. Скорее всего целью подобных нововведений было создание более благоприятной обстановки для откровенного обмена мнениями по различным вопросам политической жизни. В мае 1886 г. Арсеньев был приглашен на встречу земских деятелей для разговора «о разных земских вопросах, которыми теперь своевременно было бы за-

¹⁸ Там же, ед. хр. 26, л. 197—197 об.

¹⁹ Там же, ед. хр. 14, л. 34 об.—35.

²⁰ Там же, л. 51 об.

няться»²¹. Кроме него присутствовали В. Ю. Скалон, Ф. И. Родичев, И. А. Корсаков, Ф. Ф. Воропонов и др. Такие встречи, названные в дневнике «земскими беседами», с этого времени стали обычным явлением и продолжались до середины 1891 г. Наряду с маститыми земцами в них участвовали П. Н. Милюков, М. И. Свешников, А. А. Кауфман, М. А. Лозинский, В. А. Мякотин, А. И. Яроцкий и другие представители молодого поколения либеральной интеллигенции. Хотя обсуждавшиеся здесь вопросы, насколько можно судить по лаконичным записям Арсеньева, не выходили за рамки практической деятельности организаций местного самоуправления, это был шаг в развитии земско-либерального движения, выразивший тенденцию к его организации во всероссийских масштабах с участием научной и литературной интеллигенции.

«Большую роль в нашей петербургской жизни, — писал Арсеньев, — играли литературные собрания молодежи»²², которых с 1887 по 1893 г. было не менее 65. Некоторые из них собирали до 70 и более человек. Особенно «урожайным» был 1889 г., когда, судя по записям в дневнике, редкий день обходился без заседания того или иного кружка, «земской беседы» или юбилейного обеда. По мере увеличения объема каждодневных записей их число сокращалось до 50—60 в тетради. В феврале 1889 г. Арсеньев был избран председателем Литературного фонда. Оживилась и его земская деятельность. Он, в частности, являлся активным членом «комиссии протестов» Петербургского губернского земства, созданного в связи с подготовкой контрреформы. 12 января 1890 г. на рассмотрение комиссии им было внесено предложение о том, чтобы проект земской реформы был сообщен на обсуждение земского собрания. Хотя комиссия и приняла компромиссное решение, Арсеньев был удовлетворен, так как его цель — «нарушить пассивное отношение земства к столь важному для него вопросу»²³ была достигнута. Занимая видное место в редакции «Вестника Европы», Арсеньев оказывал либеральным земцам посильную помощь своими выступлениями в печати по земским вопросам, хотя при существовавших цензурных ограничениях это было непросто. Достаточно сказать, что из 532 страниц статей и «внутренних обозрений», написанных им в 1890 г., 29 были запрещены или исключены редакцией по цензурным соображениям, в том числе полностью январское «внутреннее обозрение». С деятельностью земства связана и кампания по оказанию помощи пострадавшим от неурожая 1891 г. Обсуждению этого вопроса посвящалась беседа 27 октября 1891 г., организованная Арсеньевым при участии Д. А. Корсакова, А. М. Калмыковой, М. И. Свешникова, М. А. Лозинского, А. А. Кауфмана, А. П. Храповицкого, Д. И. Шаховского, В. И. Вернадского и др. Вернадский помог автору дневника совершить поездку по некоторым, пострадавшим от голода, уездам, результатом которой явилось пожертвование средств на организацию столовых, а также цикл устных выступлений, проведенных Арсеньевым.

В июне 1891 г. Арсеньев принял предложение И. А. Ефрона редактировать совместно с И. Д. Андреевским «гуманистическую часть» только что основанного энциклопедического словаря. Эта работа, по признанию автора дневника, свела на нет его литературно-критические занятия, хотя он по-прежнему и «с большим удовольствием» составлял «внутренние обозрения» для «Вестника Европы». Выступления в печати позволяли Арсеньеву не только выражать в той или иной форме настроения близких ему земско-либеральных кругов, но и десятилетиями создавали «политическое воспитание ныне действующего поколения», как писал в 1917 г. П. Н. Милюков²⁴. Однако в середине 90-х годов Арсеньев начинает сознавать несоответствие своей деятельности потребностям общественного

²¹ Там же, ед. хр. 29, л. 55 об.— 56.

²² Там же, ед. хр. 14, л. 73.

²³ Там же, ед. хр. 31, л. 87.

²⁴ Речь, 1917, 24 января.

развития. Он пишет: «...уже в половине 80-х годов я перестал идти вперед, приобретать новые сведения, что, конечно, отзывается на моих журнальных работах. Затем мне не суждено было строго согласовывать свои мнения с своими действиями: первые по мере того, как я приближался к старости, становились, вопреки обычному ходу развития, все радикальнее (чему, конечно, способствовали и события последних 10—15 лет), последние оставались в прежних колеях, из которых мне уже поздно было выйти»²⁵. Любопытная деталь: только что приведенные строки воспоминаний Арсеньева писались им одновременно с дневником за 1894 г., свидетельствующим о высокой степени участия его автора в земско-либеральном движении. В марте 1894 г. Арсеньев выезжал в Москву для участия в земском съезде. Тогда же на его квартире состоялись два собрания интеллигенции, перед которой с докладом об экономическом материализме выступал П. Б. Струве. Тактическое обращение части либеральной интеллигенции к марксизму было чуждо и непонятно Арсеньеву и многим из его единомышленников. Очевидно, этим было вызвано горестное признание автора дневника о своем неумении сблизиться с молодежью, даже «с такими симпатичными и симпатизирующими мне людьми, как П. Струве, В. Водовозов, Вернадский, Корнилов, С. Ольденбург...»²⁶. Арсеньев, таким образом, говорит не только о процессе консолидации земских либералов, но и о дифференциации внутри либерального движения, предшествовавшей возникновению различных буржуазных партий.

Авторитет Арсеньева в земской среде неизменно возрастал. 24 апреля 1895 г. он писал, что на земском обеде «по предложению Кареева решено с будущего года устраивать после обедов беседы, и я избран заранее председателем первой из них»²⁷. Первая такая беседа после почти четырехлетнего перерыва состоялась 30 сентября 1895 г. и была посвящена сообщению Кареева о современной молодежи. Необходимо отметить, что среди присутствовавших и выступавших на этой земской беседе в отличие от последней, состоявшейся в 1891 г., решительно преобладала интеллигенция. Большой интерес представляет сообщение Арсеньева о предстоящем в Москве 21 ноября 1895 г. совещании земских деятелей, посетить которое он, однако, не смог ввиду занятости в редакции «Вестника Европы». Отсутствуют в других источниках также сообщаемые автором дневника сведения о петербургских земских беседах 1895 и последующих годов. Это же относится и к записи 24 февраля 1896 г., когда Арсеньев прибыл в Москву для участия в очередной земской встрече на квартире Петрункевича. Присутствовали «Вернадский с женой, М. Петрункевич, Любоцинский, Новосильцев, Петрово-Соловово, Каблуков, Шаховской, Якушкин (значит, только губернии Тамбовская, Тверская, Московская, Ярославская, Курская и Санктпетербургская). Речь шла о пересмотре положений земского и крестьянского и о начальном обучении»²⁸. Характер приписки о представительстве различных губерний на этой встрече позволяет рассматривать ее как еще один земский съезд.

В 1899 г. Арсеньев дважды выезжал в Москву для участия в частных совещаниях земских деятелей. Здесь присутствовали многие из тех, кто впоследствии вошли в состав кружка «Беседа», хотя в дневнике ничего не сказано о его возникновении. Не фигурирует фамилия автора дневника и в дошедших до нас протоколах «Беседы». Вместе с тем в марте 1899 г., после того как часть «общественной хроники», написанной Арсеньевым, по цензурным причинам не была помещена в «Вестнике Европы», ее приняли для публикации в «Праве», известном своими связями с

²⁵ ЦГАЛИ, ф. 40, оп. 1, ед. хр. 14, л. 82.

²⁶ Там же, л. 81.

²⁷ Там же, ед. хр. 33, л. 122.

²⁸ Там же, л. 210.

упомянутым кружком. Кроме того, в 1901 г. Арсеньев вел переговоры с участниками «Беседы» П. С. Шереметевым, Д. И. Шаховским и П. Д. Долгоруковым по вопросу об издании сборника «Мелкая земская единица»²⁹.

Много сил и времени Арсеньев уделял работе в Союзе писателей, Вольном экономическом обществе, редакции Энциклопедического словаря, писал для «Вестника Европы» и других изданий. С 1887 по 1898 г. при его непосредственном участии было проведено более 100 собраний научно-литературного кружка. Но уже в 1901 г. кружок собирался только один раз. Очевидно, что в новых условиях эта форма организации либеральной интеллигенции исчерпала свои возможности. Сказывался также и возраст Арсеньева, не позволявший ему, как прежде, быть в курсе многих дел и событий: в 1903 г. он сложил с себя звание вице-президента Вольного экономического общества, ни разу не был на заседаниях уездного земского собрания. Несколько сократился и объем ежедневных записей в его дневнике.

По своей источниковедческой значимости дневниковые записи 1904—1907 гг. уступают предыдущим, хотя они не только передают волнующую атмосферу первой русской революции, но и содержат немало ценной информации. Так, в октябре 1904 г. записано о выступлении Арсеньева на собраниях в Тенишевском училище, посвященных предстоявшему в ноябре земскому съезду. По вопросам личной неприкосновенности, распространении земства на всю Россию, реформы городского самоуправления и расширения компетенции земства Арсеньев отстаивал «более сдержанную редакцию главного ходатайства», ратуя за участие в законодательной деятельности, а не власти. Известный интерес представляет и запись 13 декабря 1904 г.: «Занимался обзорением очень усердно, хотя меня в значительной степени стесняло ожидание манифеста или указа, могущего поставить вверх дном все содержание обзора»³⁰.

8 января 1905 г. Арсеньев после посещения собрания писателей, «имевшего в виду обсуждение мер предупреждения возможных событий», направился вместе с другими представителями петербургской интеллигенции к министру внутренних дел, «за отсутствием которого нас принял его товарищ Рыдзиевский, и к С. Ю. Витте, у которого мы сидели довольно долго»³¹. Этот визит, как известно, не предотвратил драмы «кровавого воскресенья», повергшей Арсеньева в удрученное настроение. В феврале 1905 г. он принял предложение участвовать в совещании по делам печати под председательством Д. Ф. Кобеко и представлял на нем вместе с В. О. Ключевским и А. Ф. Кони умеренно-либеральное крыло. Весной, летом и осенью Арсеньев 4 раза выезжал в Москву на земские съезды, причем на последнем из посещенных им — сентябрьском земско-городском — была принята его поправка, «направленная к тому, чтобы высказаться за автономию там, где она теперь уже необходима, а не как за общее правило, применимое ко всей России»³². По возвращении в Петербург автору дневника было предложено стать членом комитета Конституционно-демократической партии, от чего он отказался «за множественностью дел и недостатком сил». Были и другие причины, которые не позволили ему пойти вместе с кадетами и в составе их партии, хотя принципиальных разногласий между ними не существовало. Характерно, например, высказывание Арсеньева о манифесте 17 октября: «...нужно надеяться, что это и успокоит страну, но вполне уверенным быть нельзя; все у нас делается слишком поздно»³³. В то же время он довольно определенно высказывал свое отрицательное отношение к будущим октяб-

²⁹ Мелкая земская единица, т. 1—2. СПб., 1903.

³⁰ ЦГАЛИ, ф. 40, оп. 1, ед. хр. 36, л. 211.

³¹ Там же, л. 217 об.

³² Там же, л. 218.

³³ Там же, ед. хр. 37, л. 21 об.

ристам: «был приглашен на собрание, где должны были быть Красовский, М. Стахович, А. Гучков, Д. Шипов, но не поехал, отчасти боясь простуды, отчасти потому, что эти господа мне в политическом отношении не по шерсти»³⁴. Естественно, что последние платили Арсеньеву тем же. 4 ноября 1905 г. на частном совещании в губернской земской управе при выборе делегатов на земский съезд, фактически ставший учредительным съездом партии 17 октября, он констатировал: «...настроение было вообще против меня»³⁵. И хотя автор дневника получил необходимое большинство голосов, поехать на съезд отказался, «потому что раньше была принята программа», согласиться с которой он не мог. После непродолжительных колебаний Арсеньев 1 ноября 1905 г. дал свое согласие на избрание в члены ЦК кадетской партии, но уже 23 ноября, после очередного его заседания, писал: «...ввиду устава партии, требующего подчинения партийной дисциплине, я заявил о невозможности для меня считаться членом партии»³⁶. Таким образом, на примере К. К. Арсеньева наглядно проявилась политическая неустойчивость, боязнь программной и организационной определенности российских либералов в революции 1905—1907 гг. Подводя итоги 1905 г., Арсеньев писал: «В политическом движении я очутился в рядах сравнительно умеренных и в этом смысле писал в «Вестник Европы» и говорил на московских общеземских съездах»³⁷.

В декабре 1905 г., среди части умеренно настроенной интеллигенции и земцев, изолированных в земских собраниях и не примкнувших организационно к кадетам, начались консультации, приведшие через месяц к возникновению партии демократических реформ. Предварительные собрания, по записям в дневнике, были 16, 18, 22, 28 и 29 декабря. Но и после них очертания новой партии оставались весьма неопределенными. 18 января в газете «Русь» была опубликована ее программа, которая в резких выражениях осуждала «крайние левые партии» за их тактику социального «переворота» и предлагала собственный вариант преобразования политического строя, аграрных и национальных отношений. 19 февраля 1906 г. вышел первый номер официального органа этой партии — газеты «Страна». Большинство передовых и многие статьи для нее были написаны Арсеньевым, принимавшим, кроме того, деятельное участие во всех организационных мероприятиях партии. Однако дело шло к окончательному отходу автора дневника от политической деятельности. В ноябре 1906 г. он был забаллотирован на выборах в Петербургскую городскую думу. Не прошел он и на выборах во II Государственную думу, хотя и подавал голос по кадетскому списку. На губернском земском собрании было отвергнуто предложение Арсеньева об упразднении чрезвычайной охраны, а вслед за этим он не был избран в училищную комиссию. В феврале 1907 г. было окончательно прекращено издание «Страны». «Сама жизнь суживает сферу моей деятельности»³⁸, — писал по этому случаю Арсеньев. Начиная с 1908 г. он уже почти не посещал земских собраний, продолжая лишь регулярно писать для «Русских ведомостей», «Слова», «Права» и, конечно, для «Вестника Европы», редактором которого он стал в 1908 г. Уже через два года у Арсеньева созревает окончательное решение прекратить составление «внутренних обозрений», а в начале 1912 г. — и редактирование журнала. Это было осуществлено им в 1916 г. Соответственно ежедневные записи в дневнике становятся все короче, а их число в одной тетради доходит до 150—160. Все большее место в дневнике отводится описаниям болезней и рассуждениям о наступившей старости.

³⁴ Там же, л. 25 об.

³⁵ Там же, л. 28.

³⁶ Там же, л. 31 об.

³⁷ Там же, л. 40.

³⁸ Там же, л. 143.

В январе 1917 г. либеральная общественность широко отмечала 80-летний юбилей К. К. Арсеньева. Польщенный оказанным ему вниманием, юбиляр тщательно изучал и пересчитывал полученные им поздравительные письма и телеграммы. За этим занятием в царскосельском уединении его застала весть о Февральской революции. Последующие события, к которым Арсеньев почти утратил интерес, излагаются крайне отрывочно и сумбурно. Сам он писал, что, закончив 8 мая 1917 г. «предыдущую тетрадь моего дневника, я думал совершенно прекратить его ведение, так мало оживленной стала моя жизнь, так однообразно и монотонно ее течение. По зрелом же размышлении я решился, однако, продолжать дневник, отбросив лишние подробности...»³⁹ Скончался К. К. Арсеньев в ночь с 8(21) на 9(22) марта 1919 г., до последних часов жизни оставаясь верным привычке вести дневниковые записи.

³⁹ ЦГАЛИ, ф. 40, оп. 1, ед. хр. 40, л. 112.

Р. А. Киреева

НЕИЗДАННЫЙ ТОМ
«ОПЫТА РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ»
В. С. ИКОННИКОВА

В ЛО ААН хранится неопубликованная рукопись под названием «Иконников Вл. Ст. Опыт русской историографии, т. 3-й»¹. Напомним, что в 1891—1908 гг. в Киеве вышли из печати два тома этого труда в четырех книгах. В отдельных работах историка, в письмах и воспоминаниях его жены А. Л. Иконниковой встречались упоминания о том, что академик Владимир Степанович Иконников (1841—1923) работал над продолжением своего грандиозного труда, о содержании которого можно было лишь предполагать. Так, на основании сноски к статье «Карамзин — историк»² можно было думать, что продолжение будет посвящено «истории разработки русской истории», о чем оповещал автор и в предисловии к первому тому «Опыта»³. Но, как свидетельствует вышеназванная рукопись, содержание тома оказалось иным.

Что же представляет собой данная рукопись, каковы состав и содержание этого интереснейшего источника для истории историографии и истории источниковедения? Ответы на эти вопросы и должна дать настоящая статья, при написании которой использованы разновременные черновые материалы, печатные работы историка, его университетские программы по историографии и письма, а также воспоминания А. Л. Иконниковой.

Интересующая нас рукопись написана чернилами, в основном рукой Иконниковой, которая часто переписывала труды мужа для типографии. Рукопись состоит из введения и трех отделов. Введение и отдел I занимают три архивных дела (249, 250, 251). Текст написан в 64 обычных учебных тетрадях по 12 листов каждая. Отдел II уместился в 20 тетрадях (д. 252). Отдел III сохранился не полностью: две общие тетради в переплетах (одна на 107, другая на 182 л.— д. 253, 254) содержат главы I—IV и IX—XII. Как можно судить по оглавлению, главы V—VIII и окончание XII—XVII до нас не дошли. Общий объем рукописи составлял примерно 60 а. л. Книга автором была завершена к концу 1919 г., о чем он сообщал в феврале 1920 г. в Академию наук⁴.

В особое дело (255) собраны типографские экземпляры текста — в 1923 г. был начат набор книги. Но в том же году автора не стало. Печа-

¹ ЛО ААН, р. II, оп. 1, д. 249—255.

² Настоящий очерк представляет извлечение из монографии о Карамзине, входящей в III том «Опыта русской историографии» (Иконников В. С. Карамзин — историк. СПб., 1912, с. 3).

³ «Второй том предпринятого издания составят: систематический обзор источников и история разработки русской истории, отдельные части которых уже обработаны автором» (Иконников В. С. Опыт русской историографии, т. I, кн. 1. Киев, 1891, с. VIII). Однако «история разработки русской истории» в том II не вошла и была отложена автором до следующего тома.

⁴ ЛО ААН, ф. 9, оп. 1, д. 1099, л. 19.

тание приостановили, в 1928 г. набор рассыпали, а рукопись и гранки первых листов передали в архив⁵. Набрать успели текст только первых десяти тетрадей, что соответствует введению и началу отдела I. Тетради 11—17 готовились к набору: кроме того, что на их общей обложке стоит типографский штамп «в набор», в оригинале есть разметки шрифта, кое-где красным карандашом раскрыты сокращения слов и сделаны другие разметки красным и синим карандашами. Сохранились пометы с требованием дальнейшей корректуры, датированные разными месяцами, начиная с февраля 1923 г. Корректуру вел П. А. Садилов.

С этим, оставшимся неопубликованным, трудом Иконникова знакомятся отдельные исследователи, о факте его существования время от времени упоминается в печати⁶, но в целом он все еще остается не введенным в научный оборот.

Просматривая список научных трудов Иконникова, перелистывая его письма разных лет, можно сказать, что он всю жизнь как бы подготавливался к созданию труда по отечественной историографии, который по праву всеми признан титаническим. Еще в студенческие годы, когда он искал себя, старался выработать характер и пытался определить цель в жизни, ярко проявилась его страсть к книгам — он называл себя книжником.

В своих воспоминаниях Иконникова связывала возникновение у мужа замысла создать работу по русской историографии именно с книгами, с его личной библиотекой. Когда Иконниковым пришлось менять квартиру, то его книги переносили с помощью служителей университетской библиотеки 19 дней, а потом почти два года приводили их в порядок⁷. Историк удалось собрать, по его словам, «немало библиографических редкостей или местных изданий, не всегда проникающих в другие концы России»⁸. В одном из протоколов за 1919 г. библиотеки АН УССР (куда Иконников передал свое собрание и в стенах которой оно хранится и сейчас) указано, что профессор Иконников «подсчитал все книжки и брошюры своей библиотеки, всего томов приблизительно 17 836, брошюр до 3 000»⁹.

Приступая в середине 1880-х годов к «Опыту русской историографии», Иконников не представлял себе, во что выльется эта работа. Вначале он ставил перед собой довольно скромную, но благородную цель: облегчить задачу каждого труженика науки, особенно начинающего, заниматься историей — дать ему в руки подсобный материал для ориентации в исследовательской работе. Он рассуждал примерно так: русская историография в традиционном для того времени понимании была им в основном разработана — Иконников ряд лет читал историографические курсы в Харьковском, а затем в Киевском университетах и на Высших женских курсах, имел печатные труды, подготовил рукопись «Обзор теорий и систем в

⁵ На первой странице типографского текста от руки написано: «Иконников Вл. Ст. Опыт рус[ской] историографии т. 3-й (не был напечатан, набор типограф[ский] разобран) в 1928-м г.» — Там же, р. II, оп. 1, д. 255, л. 27.

⁶ Наиболее раннее упоминание об этой рукописи принадлежит С. Ф. Платонову. — Платонов С. Ф. Владимир Степанович Иконников. — *Аналы*, 1924, № 4, с. 255. Из упоминаний последних лет укажем: Сарбей В. Г. Один з перших істориків-академіків АН УРСР (До 135-річчя з дня народження В. С. Іконнікова). — *Український історичний журнал*, 1966, № 12, с. 132; Киреева Р. А. Проблема периодизации русской историографии буржуазными историками. — В кн.: *История и историки. Историографический ежегодник 1971. М., 1973*, с. 129, 130; Она же. А. Л. Иконникова и ее записки по историографии. — В кн.: *История и историки. Историографический ежегодник 1973. М., 1975*, с. 189, 200; Шмидт С. О. Опыт работы со студентами по проблеме источниковедения историографии. — В кн.: *Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975*, с. 180. Автор выражает свою признательность В. Г. Сарбею за его любезное сообщение о рукописи В. С. Иконникова.

⁷ ЦНБ АН УССР, ф. 46, д. 620, л. 199.

⁸ Иконников В. С. Опыт русской историографии, т. I, кн. 1, с. V.

⁹ Протоколы № 1—168 заседаний Временного комитета по организации Всенародной библиотеки (ЦНБ АН УССР, оп. 1, д. 1, л. 78).

науке русской истории»¹⁰, следовательно, он всегда мог сравнительно легко собрать воедино этот материал и подготовить его к изданию. Однако он предпочел начать с нетронутых или почти нетронутых тем. Он стал собирать материал по общим вопросам исторической науки, куда входили темы о предмете истории, взглядах на историю, существовавших в различные эпохи, положении истории в ряду других наук, развитии исторической критики, субъективизме, влиянии времени и национальных черт на историка и т. п. Иконников поставил задачу показать историю собирания и издания исторических памятников, охарактеризовать состояние русских и иностранных архивов, библиотек, музеев и других хранилищ, открыть читателю, что там имеется по истории России и кто из исследователей пользовался этими собраниями. Затем им было задумано дать во втором томе систематический обзор источников и завершить издание историей разработки русской истории.

Так он и начал. И здесь произошла неожиданность — прежде всего для самого автора. Тщательно собираемый материал перерастал и ломал задуманные рамки. Первый том, на написание которого ушло восемь лет работы вместо предполагаемых трех, превратился в две книги. По выходе его из печати автор писал К. Н. Бестужеву-Рюмину: «...что касается летописей, мемуаров, иностранных известий, то все это читалось мною, как специальные курсы, в последнее время. Писатели истории довольно разработаны, а об объеме их можно судить по «скептической школе»¹¹, которая извлечена из общего курса, читанного мною еще в 1870—71 гг. После этого я не раз его дополнял. Одним словом, самая трудная часть мною сделана, осталась более легкая. Нужно только время и известное настроение, чтобы начать печатание, да быть мож[ет] потребуются некоторые свободные средства ... О писателях буду помещать отдельными статьями в журналах»¹² (что, надо сказать, он частично и сделал).

Повседневно наблюдая за напряженной и сосредоточенной работой мужа, Иконникова писала о том, что оставалось только удивляться, как его научный труд двигался вперед «при тех обязанностях, какие лежали на нем, как на профессоре, редакторе»; на нем были и «другие специальные занятия по заведыванию В[ысших] ж[енских] курсов, председательство в обществе Нестора летописца и чтение в нем рефератов, ежедневные беседы со студентами и слушательницами и тысяча других мелочей по редакции Унив[ерситетских] Известий и др[угих] вопросов». Чаще всего ему приходилось работать по ночам, когда наступала тишина, нередко он довольствовался лишь двумя-тремя часами сна¹³. Она же свидетельствует и о том, что порой Иконников приходил в отчаяние при чисто физической невозможности одному человеку выполнить задуманную работу¹⁴. «После 10 лет всяких перипетий»¹⁵ появился том II (тоже в двух книгах) «Опыта русской историографии». Сюда входила главным образом характеристика источников русской истории. Но начинался он очень широко — весь отдел I был посвящен проблемам возникновения летописей и развития исторических сочинений у народов Востока и Европы.

В результате четыре книги обоих томов «Опыта» не вместили в себя всего замысла — русская историография отодвигалась теперь в следующий том.

Но прежде чем закончить завершающий издание том III «Опыта», Иконников решил дополнить том II книгой третьей, тоже посвятив ее ис-

¹⁰ ЦГИА, ф. 733, оп. 120, д. 696, л. 304 об.

¹¹ Речь идет о работе В. С. Иконникова «Скептическая школа в русской историографии и ее противники». Киев, 1871.

¹² ИРЛИ, ф. $\frac{24183}{\text{CLXXX}}$ б. 17. Письмо от 22 октября 1892 г.

¹³ ЦНБ АН УССР, ф. 46, д. 620, л. 74—75, 77—78.

¹⁴ Там же, л. 79.

¹⁵ Там же, л. 193.

точникам русской истории. Это было в 1914 г.¹⁶ А в самом начале 1920 г. он писал в Отделение русского языка и словесности Российской Академии наук: «...считаю долгом сообщить, что я выполнил возложенную Отделением на меня работу по составлению продолжения русской историографии, а именно закончил отделы, заключающие в себя: 1, обзор русских мемуаров, 2, переписку русских людей, 3, иностранные известия о России с древнейших времен до наших дней, в объеме до 60 печатных листов»¹⁷. Вот именно эта рукопись и хранится теперь в ЛО ААН. Как видим, ее правильнее называть третьей книгой тома II «Опыта русской историографии», а не томом III «Опыта», как значится в архивных делах и как упоминается о ней в литературе.

Таким образом, «история разработки русской истории», как то было задумано автором, не вошла и в эту рукопись. На завершение своего грандиозного замысла Иконникову не хватило жизни. Но историки науки при необходимости могут примерно восстановить и его содержание, и основную концепцию автора по разновременным опубликованным работам и рукописным материалам историка. Это большая самостоятельная исследовательская задача.

Итак, для третьей книги тома II Иконников выбрал своеобразный и трудный для обобщения материал — источники русской истории, носящие явно субъективный характер: дневники, воспоминания, письма. Но он был знаком с источниками личного происхождения. Напомним, что на протяжении всей научной деятельности Иконникова отличал исследовательский интерес к биографическому жанру, где в первую очередь используется подобный материал. Большинство работ Иконникова, начиная с магистерской диссертации о Максиме Греке, написаны именно в плане личных биографий и характеристик. Есть любопытное свидетельство М. И. Семевского о себе самом и об Иконникове: «...еще на школьной скамье было нами прочитано и привязало нас к русской исторической литературе сочинение в пяти частях Д. Н. Бантыш-Каменского «Словарь достопамятных людей Русской земли, содержащий в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов православной церкви, отличных литераторов и ученых, известных по участию в событиях Отечественной войны» (М., 1836), где было собрано 502 биографии»¹⁸. Видимо, отсюда брали начало истоки интереса Иконникова к биографиям и к справочной литературе вообще.

Третья книга состоит из введения и трех отделов: «Обзор мемуаров русских людей и лиц, служивших в России», «Переписка русских людей и лиц, служивших в России» и «Иностранные известия о России». Автор путем хронологически параллельных очерков дает в последовательном изложении историю возникновения, развития, публикации и изучения избранных им видов источников начиная с древнейших времен и кончая временем написания данной работы, т. е. примерно 1910-ми годами. Так как в ближайшие годы вряд ли осуществимо издание этого насыщенного ценными сведениями труда, нам представляется необходимым более или менее подробное ознакомление с основным его содержанием. В настоящей статье мы ограничиваемся знакомством с отделом I рукописи.

Введение по существу является предисловием не ко всей книге, а к ее отделу I — «Обзору мемуаров русских людей и лиц, служивших в России». Здесь автор ставил несколько общих вопросов о возникновении мемуаров и характеризовал их как исторический источник. Он называл мемуары особым видом литературы, знакомившим «в живых чертах с внутреннею жизнью и домашним бытом, которых нельзя найти в произведениях, основывающихся только на свидетельствах и документах»¹⁹. Этот вид лите-

¹⁶ ЛО ААН, ф. 9, оп. 1, д. 1003, л. 40—40 об.

¹⁷ Там же, д. 1099, л. 19.

¹⁸ Семевский М. И. Дм. Ник. Бантыш-Каменский.— РС, 1888, ноябрь, с. 516.

¹⁹ ЛО ААН, р. II, оп. 1, д. 255, л. 27; ср. д. 249, л. 1 и сл.

ратуры, писал автор, возник вслед за городскими хрониками в тех странах, где городская и общественная жизнь достигла раннего процветания. Отдельные воспоминания относятся к XIII в., но большинство их принадлежит XIV, XV и более поздним столетиям. Иконников имел в виду Италию и особенно Францию, где мемуарная литература стала преобладающей. В сноске он упоминал и Плутарха, видевшего в жизнеописаниях современников род мемуаров. «Рим,— продолжал он,— также богат был подобной литературой, хотя позднейшие историки и невысокого мнения о ней, как зараженной духом партий и сплетнями»²⁰.

Возникновение мемуарной литературы, с одной стороны, содействовало развитию исторических произведений, а с другой — способствовало знакомству читателей с родной историей. Это положение Иконников иллюстрировал противопоставлением Франции и Германии: в исторические сочинения Франции мемуары внесли «жизнь, движение, национальность, когда немцы еще должны были довольствоваться латинскими хрониками и историей с бесконечными Regesten»²¹. Но в этом удалении от простого летописного изложения он видел и опасность: мемуары «часто превращали историографию то в собрание анекдотов, то в скандальную хронику»²². Поэтому историк, пользуясь подобными источниками, подчеркивал Иконников, должен относиться к ним с осторожностью, особенно когда их сведения не подтверждаются другими лицами и официальными документами. При конкретном изучении подобного источника Иконников рекомендовал анализировать и сам документ, и обстоятельства его происхождения, и личность автора с его индивидуальными особенностями. И он показывал возможные пути такого изучения.

Прежде всего он советовал обращать внимание на форму мемуарной литературы — дневник ли это, который до известной степени соответствует летописи, или повествование о прошлом, написанное по истечении времени, когда автор вольно или невольно терял нить повествования под влиянием более поздних событий, а возможно, и самолюбивых целей. Подобные записки часто заранее обдуманы, «приноровлены к той или другой задаче и носят на себе следы зрелости мысли, заменяющей в них свежесть впечатлений, развязность и откровенность слова, свойственные молодости»²³. Записки, написанные по памяти, предупреждал Иконников, редко представляют события в том свете, в каком они происходили.

Необходимо учитывать, считал Иконников, и свойства личной памяти автора, ибо она имеет преобладающее значение при воспроизведении многих деталей личной жизни и при передаче известий о событиях из поколения в поколение. Для пояснения своей мысли Иконников привлек авторитетное мнение крупнейшего медика XIX в. Н. И. Пирогова: «Для беспамятного, хотя бы остроумного и здравомыслящего человека, его прошедшее почти не существует». Память бывает двух родов: «... одна общая, более идеальная и мировая, другая частная и более техническая (как память музыкальная, память цветов, чисел и т. п.). Первая именно-то и удерживает различного рода впечатления, получаемые в течение всей жизни, и события, пережитые каждым из нас. Глубокомысленный и гениальный человек может иметь очень развитую и специальную память, не обладая почти вовсе общею памятью... Память собственных ощущений требует сверх того еще и культуры, а к этому еще необходимо и внимание... Внимание необходимый атрибут памяти...»²⁴

Обращал внимание Иконников и на авторскую психологию, от которой в значительной степени зависит правдивость рассказа. Даже при желании быть искренним, предупреждал он, нелегко действительно ис-

²⁰ Там же, д. 255, л. 27.

²¹ Там же.

²² Там же, л. 27 об.

²³ Там же, л. 28 об.

²⁴ Там же, л. 27 об.

крепне и объективно изложить свой рассказ. Большинство людей, если и писали о своих неблагоприятных поступках или о дурных наклонностях, то оправдывали их либо удальством, либо неправильно понятыми инстинктами.

Не следует упускать из виду и вкусы публики, которые, замечал Иконников, тоже накладывают свой отпечаток на повествование. Ей, публике, обычно нравятся самообличения, но она еле выносит самовосхваления. Даже чистосердечное признание авторами своих положительных черт и действий вызывает у нее раздражение и оценивается ею как неуместное тщеславие.

Несмотря на все сложности изучения, Иконников признавал мемуары одним из удивительных видов источника. Он солидаризировался с А. С. Пушкиным, сказавшим о подобной литературе, что «простые рассказы иногда вносят такую черту в историю, какой нигде не дороешься». Иконников приводил мнения поклонников этого источника, среди которых, кроме Пушкина, называл Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого²⁵. Не умалчивал он и о скептическом отношении к этому роду литературы, упоминая, например, румынскую королеву погтессу Кармен Сильву, великого Гёте, назвавшего свои воспоминания «Правда и вымысел»²⁶, приводил и стихи М. Ю. Лермонтова:

«Свои записки ныне пишут все,
И тот, кто славно жил и умер славно,
И каждый лжет, хоть часто слишком явно,
Чтоб выставить себя во всей красе.
Увы! — Дела их, чувства, мненья
Погибнут без следа в волнах забвенья!»²⁷

Как сторонник возможно более полного, бестенденциозного изложения событий, Иконников критически относился к мемуарной литературе, которая отражала накал политических страстей. Он писал, что «эти источники заключают в себе один существенный недостаток: они написаны в духе партий; они дорожат не столько истиной, сколько проведением известных взглядов, защитой известных интересов», напоминая адвокатскую защиту, а не беспристрастное изложение. Великая французская революция вызвала к жизни богатую памфлетную литературу, отражающую различные фазы политической борьбы. С недоверием относился Иконников к этой литературе, считая, что в ней факты и особенно речи исторических деятелей передаются в таких «разнообразных редакциях, что потребовалась бы целая критическая работа для восстановления наиболее вероятного текста»²⁸.

Исторические «прикрасы», приписывание некоторым лицам никогда не произнесенных ими фраз, поступков и даже сочинений были характерны для самых разных эпох. И Иконников не скупился на примеры, упоминая изречения Юлия Цезаря, рассказ Герберштейна о немце Иордане, легенды о Мирабо, сон Рылеева и многое другое. Вообще, замечал он, анекдотический элемент в обилии пропагандируется мемуарами.

²⁵ ЛО ААН, р. II, оп. 1, д. 255, л. 29.

²⁶ Так тонко перевел В. С. Иконников заглавие Гёте «Wahrheit und Dichtung». В русском переводе обычно фигурируют воспоминания Гёте под названием «Из моей жизни. Поэзия и правда».

²⁷ Видимо, случайно Иконников опустил третью строку стиха: «И тот, кто кончил жизнь на колесе». Приведенные строки не были опубликованы в то время в сочинениях поэта, так как не вошли в окончательный вариант поэмы «Сашка». Этот текст из утраченной ныне «Черновой тетради Лермонтова» был опубликован в «Библиографических записках», 1861, № 18. Подробнее об этом см.: *Лермонтов М. Ю. Сочинения в 6-ти томах*, т. IV. М.—Л., 1955, с. 397. Сам текст — там же, с. 340.

²⁸ ЛО ААН, р. II, оп. 1, л. 255, л. 29 об.

В связи с этим Иконников отводил место историческому анекдоту. «Как бы ни был неверен анекдот, как изложение факта, как бы он ни был преувеличен, как изображение характера, тем не менее, если он действительно современный анекдот, он имеет некоторую ценность, даже как изображение того человека, о котором он рассказывает. Обычно в нем преувеличиваются и извращаются действительные черты характера личности, но зато очень редко приписываются ей свойства, противоположные действительным»²⁹. Но историки редко имеют дело с современной версией, ибо при переходе из уст в уста она так сильно изменяется, что в результате забываются условия места и времени, и анекдот теряет свое значение. Поэтому Иконников приходил к заключению: «...в теории анекдот составляет часть современного источника, на практике он бывает редко источником»³⁰.

Коротко резюмируя все вышесказанное, Иконников рекомендовал при пользовании таким источником, как мемуары, прежде всего обратить внимание на форму записок — являются ли они «дневником» или «прагматическим описанием» события. «Если первый составляет как бы продолжение летописного способа изложения, как по своей краткости (простая запись), так и часто по отсутствию мотивов, то второе является более развитою формою подробного сказания или повести и претендует на более обширное значение и широкий круг читателей»³¹. Чтобы объективно разобраться в этом сложном источнике, необходимо, как неоднократно подчеркивал Иконников, уяснить себе черты личности автора, изучить его жизнь и время, проследить его деятельность и взаимоотношения, сопоставить его данные с показаниями других современников и иными материалами. Здесь он имеет в виду официальные документы, переписку и т. п. Только при сочетании всех этих условий можно получить до известной степени правильное суждение о степени достоверности сведений, сообщаемых автором мемуаров. При дальнейшем изложении Иконников, как увидим ниже, сам часто знакомил читателя с личными чертами авторов, главными обстоятельствами их жизни и особенностями эпохи (естественно, он не мог детально останавливаться на всех лицах, писавших воспоминания; в особенности это относится к XIX в., когда объем подобной литературы стремительно возрастал).

«Если западная историческая литература может похвалиться обилием этого рода материала и даже выражает своего рода сетования на преобладающее его значение, то в русской историографии, — писал Иконников, — приходится отмечать и более позднее появление, и сравнительную бедность этого отдела исторических источников»³². Видимо, указанное обстоятельство и побудило его приняться за выявление и разработку подобного материала, относящегося к истории России.

Тема отдела I — «Обзор мемуаров русских людей и лиц, служивших в России» — непосредственно соприкасается и перекликается с II томом «Опыта русской историографии», в частности с его отделом V³³, где содержалась характеристика средневековых биографий, сказаний и повестей, а также приводились сведения об их издании и использовании позднейшими историками. Если же в разбираемой нами рукописи автор вновь возвращался к этим произведениям, то он говорил о них теперь сжато, подчеркивая элементы мемуарности, обращая внимание на те части сказаний, которые писались по памяти как воспоминания. В подобной связи Иконников упоминал сказания А. Курбского, Казанский летописец, повести о Смутном времени (произведения А. Палицына, И. Тимофеева, И. Хворостинина и др.). XVI век Иконников называл пере-

²⁹ Там же, л. 30 об.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, л. 31.

³² Там же, л. 31—31 об.

³³ *Иконников В. С. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908.*

ломным «в способе изложения исторического повествования; оно становится более подробным, в частности, пополняется литературными обращениями и украшениями, причем риторизм нередко берет верх над историческим изложением — признак более широкого литературного образования и вкусов времени»³⁴. Писал он и о влиянии на пробуждение исторического интереса событий Смутного времени, глубоко потрясших весь государственный организм страны. Вместе с тем многие повествования сохраняли еще старый стиль, хотя иногда допускались и светские описания разных событий. В качестве примера Иконников приволил записки кн. С. И. Шаховского, упоминал повести об осаде Азова, «Описание Турецкой империи», «Историческое сказание о путешествии ... Алексея Михайловича с царицею на поклонение мощам...», «Путешествие из Вологды в Москву архиеп. Маркела», указывал на житийную, а также на раскольническую литературу и на сказания, касающиеся стрелецких бунтов в Москве. Но во всех этих произведениях, писал он, можно найти лишь отдельные черты мемуарной литературы, поэтому Иконников ограничивался суммарной характеристикой этих памятников. «Ряд собственно мемуаров открывается в произведении Г. К. Котошихина»³⁵. Ему-то и посвящена почти вся первая глава.

Остановимся на характеристике, данной Иконниковым личности Г. К. Котошихина и его сочинению, чтобы показать, как разбирал ученый исторические памятники. (Подобным же образом он строил и последующее изложение.)

Достаточно полно и подробно на фоне крупнейших событий второй половины XVII в. Иконников изложил историю жизни Григория Котошихина, начиная рассказ с его отца — Карпа Котошихина. Представлял он читателю и тех лиц, с которыми Котошихину приходилось соприкасаться. Иконников полагал, что Посольский приказ, где с юных лет служил Котошихин сначала писцом, а потом, подьячим, оказал на его образование большое влияние: недаром Петр I находил «слог этого приказа образцом современного литературного языка»³⁶. Участие в заграничных посольских делах еще более развило его любознательность и критическое отношение к действительности. Видимо, уже тогда возникала у него мысль описать Московское государство. Причину бегства Котошихина из России Иконников склонен был видеть в семейных неприятностях его отца, а также в контактах со шведами. В Швеции по настоянию канцлера Делагарди Котошихин принялся за составление труда о России. Иконников приходил к заключению, что он довольно быстро составил свое сочинение: в марте 1666 г. он был принят на шведскую службу, а в начале ноября 1667 г. был уже казнен за убийство, совершенное им в нетрезвом виде. «И несмотря на то, — писал Иконников, — что им и его трудом интересовались лица, занимавшие важные посты (Делагарди, Браге и др.), смягчение его участи не последовало»³⁷.

Привлекая отзывы людей, лично знавших Котошихина, Иконников показывал его как человека острого ума, обладавшего политической опытностью, отличавшегося замечательной памятью и наблюдательностью; именно последнее обстоятельство дало основание Иконникову подходить к сочинению Котошихина как к мемуарам. Не скрывал Иконников, однако, и неприятные личные черты Котошихина, например склонность к наживе, неуживчивость.

Закончив биографию Котошихина, Иконников переходил к анализу его труда. Прежде всего он ознакомил с его структурой, а затем подробно, глава за главой (а внутри глав по статьям), передавал основное содержание всех 13 глав этого ценнейшего источника, насыщенного обильными

³⁴ ЛО ААН, р. II, оп. 1, д. 255, л. 32.

³⁵ Там же, л. 33.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, л. 34.

и многообразными сведениями. Иконников считал, что Котошихин представил хотя и односторонние, но любопытные черты частной жизни москвитян и дал обстоятельные очерки административного строя Московского государства, «восполняя официальные данные обилием недоступных для частного лица сведений, которые остались бы без его труда совершенно неизвестными»³⁸. Иконников находил, что Котошихину удалось последовательно и логично построить свое повествование.

Довольно подробно останавливался Иконников на значительном круге источников, использованных Котошихиным. Он обращал внимание на авторские ссылки на хроники и Соборное уложение 1649 г. Трудно допустить, рассуждал Иконников, чтобы Котошихину как служилому человеку, часто исполнявшему важные поручения, не были бы известны русские летописи, хронографы, разрядные книги, статейные списки, указы, грамоты и т. п. и, наконец, «сочинения Петрея, к которому он отсылает своего читателя за более подробными сведениями»³⁹.

Затем он переходил к авторскому стилю и констатировал, что сочинение Котошихина написано деловым языком с употреблением характерных для того времени полонизмов и шведских слов. Как писатель XVII в., продолжал он, Котошихин «не чужд был того, чтобы объяснить [события.— *Р. К.*] влиянием воли божией или кознями дьявола; но подобные обращения,— тут же спешил добавить Иконников,— свойственны и иностранному его современникам, как католическим, так и протестантским писателям»⁴⁰.

Закончив характеристику памятника — его внутреннего содержания, внешних особенностей, источников, языка и авторского стиля, Иконников говорил о последующей судьбе произведения Котошихина. Этот труд вскоре был переведен на шведский язык и стал хорошо известен как в административной среде Швеции, так и среди ученых. С него было сделано несколько списков, хранившихся в разных библиотеках Швеции, а подлинник перешел в руки шведского ученого Спарвенфельдта, знавшего русский язык. Он-то и прочел имя автора как «Котошихин», пропустив буквы под титлом; под этим именем автор стал сначала известен и в России, где его сочинение первоначально было издано на шведском, а потом уже на русском языке. Появление этого сочинения, писал Иконников, вызвало своего рода сенсацию. Со свойственной ему обстоятельностью он приводил ряд различных оценок этого источника, знакомил с его последующими изданиями, с литературой о Котошихине и его труде.

Затем в рукописи идет обзорный перечень сочинений XVII в.: записок П. И. Сафонова, В. Даудова, Н. Г. Спафария и др. Важно подчеркнуть, что Иконников, касаясь повествования Петра Золоторева, отмечал наличие в нем сведений о восстании под предводительством Степана Разина⁴¹.

Стрелецкие бунты и раскольниковое движение конца XVII в. нашли отражение во множестве записок современников, как русских, так и иностранных. Интересующихся религиозной стороной событий Иконников адресовал к специальной литературе и к опубликованному II тому «Опыта», а здесь предпочитал сосредоточить внимание на записках, авторы которых освещали политические события. Первое место он отводил Сильвестру Медведеву. Изложение этой темы строилось по тому же плану, что и разбор сочинения Котошихина. Отмечал автор и споры исследователей, шедшие вокруг «Созерцания...» Медведева.

Иное освещение тех же событий, каких касался Медведев, давал А. А. Матвеев; о нем-то и писал далее Иконников. Затем он переходил к запискам Б. И. Куракина, И. А. Желябужского, Н. М. Зотова и

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, л. 71.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, л. 72.

других, о каждом из которых приводил соответствующую литературу. Завершался раздел 1682—1725 гг. общей библиографией, как и все другие более или менее крупные темы.

Далее рассмотрение мемуарных источников шло по периодам: 1725—1762 гг., 1761—1801 гг., 1825—1855 гг. и 1855—1912 гг. Вряд ли есть необходимость подробно характеризовать все эти периоды — изложение везде построено примерно по одному и тому же плану.

Говоря о XVIII в., Иконников называл А. И. Герцена как издателя записок Екатерины II, Е. Р. Дашковой и М. М. Щербатова. Далеко не все историки, пользовавшиеся герценовскими изданиями, открыто называли это имя. Иконников был одним из тех, кто не только использовал, но и всегда ссылался на издания Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Более того, в своей монографии «Граф Н. С. Мордвинов» Иконников впервые в России напечатал фрагмент письма Мордвинова к Александру I и «Мнение господина Мордвинова» со ссылками на «Исторические сборники»⁴².

Живо, не без юмора Иконников нарисовал характеры Екатерины II и Дашковой, отметил известную тенденциозность их записок. Одновременно знакомил он и с теми сведениями, какие можно почерпнуть из этих источников.

Интересные данные приводил Иконников об истории написания мемуаров, их редакции, копирования и издания. Так, например, он говорил о двух ранних редакциях (Брюса и Черкасова) записок Екатерины II; о том, что, с подлинника, написанного на французском языке, после прочтения его Павлом I была снята копия А. Б. Куракиным, с которой впоследствии, в 1818 г., снял список А. И. Тургенев⁴³ — брат известного декабриста Николая Тургенева. От этой копии пошли другие. Экземпляр, который хранился в Одессе в библиотеке гр. М. С. Воронцова, пользовался А. С. Пушкин. Читали записки и многие другие лица: М. М. Сперанский, М. Н. Лонгинов, В. А. Черкасский, Н. Н. Раевский, Н. М. Карамзин, что не пришлось по вкусу Николаю I, и он попытался изъять все экземпляры. Однако скупить их не удалось — слишком дорого они были оценены. Несколько позднее стали появляться новые копии. Впервые их напечатала Вольная русская типография Герцена и Огарева; как указывал Иконников, рукопись вместе со своим переводом доставил П. И. Бартенев. Писал Иконников и о недостатках этого издания, возникших в силу дефектов перевода, плохой транскрипции и ряда других неисправностей текста. Это была, писал он, четвертая редакция воспоминаний Екатерины II. Заканчивал он информацией об их издании Академией наук, предпринятом по всем сохранившимся материалам.

Говоря о записке М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России», Иконников обращал внимание на то, что «до последнего времени мемуар кн. Щербатова печатался с значительными пропусками» и поэтому заграничное, т. е. герценовское, издание, несмотря на некоторые неисправности, продолжало сохранять свое значение⁴⁴.

Записки, воспоминания, записные книжки посла Я. И. Булгакова, фрейлины Е. И. Чернышевой, поэта Г. Р. Державина, Г. С. Винского, П. З. Хомякова, И. Г. Григорьева, Е. Ф. Комарова, адмирала А. С. Шишкова, гр. Ф. В. Ростопчина, Н. О. Котлубицкого, Г. Г. Кушелева и многих других чередой проходят в рукописи Иконникова, снабженные аннотациями и данными о публикации. Упомянул он здесь и «Путешествие из

⁴² Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов. СПб., 1873, с. 37—42, 119; Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. III. М., 1971, с. 35, 143.

⁴³ Свою копию Тургенев передал в Археографическую комиссию для опубликования. Иконников неоднократно указывал на деятельность А. И. Тургенева по снятию копий с некоторых исторических памятников, в частности с труда Г. Котшихина (ЛЮ ААН, р. II, оп. 1, д. 255, л. 71).

⁴⁴ ЛЮ ААН, р. II, оп. 1, д. 250, л. 92.

Петербургу в Москву» А. Н. Радищева с оговоркой рассмотреть его особо, так как произведение Радищева относится к области публицистики. Вероятно, Иконников предполагал написать о публицистических работах отдельно. А пока он ограничился отсылкой к сочинению П. Е. Щеголева «Исторические этюды» (СПб., 1913) ⁴⁵.

При рассмотрении воспоминаний менее значительных деятелей Иконников опускал их биографии и сразу переходил к содержанию записок. Иногда он даже вводил специальный раздел «Эпизодические и менее важные записки» ⁴⁶.

XIX век Иконников делил на три эпохи: «Время Александра I», «Время Николая I» и последний период — с 1855 г. примерно до 1910-х годов, который он просто называл позднейшими известиями.

В основном Иконников строил изложение последовательно, переходя от одного автора записок к другому. Но по мере приближения к XIX и тем более к XX в. Иконников в силу обилия материала не мог уже вести повествование таким образом — только для очень крупных личностей было сделано исключение. Он стал группировать материал внутри периодов по темам. Часто им указывалось то или иное событие, кратко характеризовалось, а потом назывались воспоминания разных лиц, которые запечатлели его в своих дневниках или записках. Покажем это на примере раздела об эпохе Николай I.

Тему декабристов Иконников не рассматривал внутри царствования Николая, а выделял ее как самостоятельный рубеж между царствованием Александра I и его преемника. После краткого описания эпохи была дана общая, суммарная характеристика записок декабристов. Движение декабристов вызвало появление обширной литературы. Иконников писал: «Записки участников декабрьских событий выясняют нам связь тайных обществ к масонским ломам, образование двух обществ *Северного* и *Южного*, отличавшегося более крайними стремлениями и целями, ход этого движения, отношение к польским тайным обществам, открытое выступление в Петербурге 14 декабря, как военного восстания, а затем на юге, как бунта Черниговского полка, привлечение к следствию и суду участников, последствия приговора, жизни осужденных в Сибири и на Кавказе, с участием жен декабристов, также оставивших записки, и судьбу отдельных лиц до возвращения из ссылки и оставшихся в живых, в царствование Александра II» ⁴⁷. В мемуарах декабристов также нашли отражение, продолжал он, настроения современного им общества, политические обстоятельства, административный порядок, бытовые условия и характеристики отдельных лиц ⁴⁸. Эти мемуары Иконников высоко оценивал и как важнейший исторический источник, и как произведения, обладающие замечательными литературными достоинствами.

После описания общих черт мемуаров, принадлежащих перу декабристов, Иконников переходил к конкретным воспоминаниям; начинал он это знакомство с записок кн. С. П. Трубецкого. Однако представляется странным, что мемуары Николая Тургенева (и дополнения к ним его братьев Андрея и Александра) Иконников рассматривал в отрыве от общедекабристской литературы, хотя и указывал, что автор «останавливается особенно подробно на своих отношениях к тайному обществу и декабристам и сообщает сведения о Южном обществе в оправдательном для себя смысле» ⁴⁹.

После темы декабристов Иконников, рассматривая мемуарную литературу времени Николая I, выделял для этого периода восемь крупных пунктов, вокруг которых и группировал собранный материал.

⁴⁵ Там же, л. 117.

⁴⁶ Там же, д. 251, л. 8.

⁴⁷ Там же, л. 26 об.— 27.

⁴⁸ Там же, л. 27.

⁴⁹ Там же, д. 250, л. 194 об.

Первый включал в себя мемуары о Николае I, о его внутреннем управлении Россией и внешней политике. Таким образом сразу создавался довольно широкий исторический фон.

Второй посвящался народным движениям и волнениям в армии. «Военные события,— писал Иконников,— сопровождались рядом народных движений и бунтов в военных поселениях», и он называл воспоминания, где можно найти сведения об этих волнениях⁵⁰. Собранные вместе сведения принимали внушительный вид. «Кроме того, большой интерес представляют записки, относящиеся к политическим движениям в царствование Николая I»,— отмечал Иконников и далее давал необходимую информацию о мемуарной литературе, в которой затрагивались подобные события. Речь здесь шла, например, о записках о Виленском университете и заговоре Ш. Конарского, о записках по делам Царства Польского, воспоминаниях петрашевцев и о петрашевцах и т. п.

Говорил Иконников и о многочисленной литературе, оставленной участниками борьбы за обладание Кавказом и содержащей данные как о военных действиях, так и о гражданском устройстве этого края. При этом он указывал не только отдельные издания воспоминаний, но и публикации в периодической печати и в местных сборниках.

В третьем пункте Иконников собрал мемуарную литературу, характеризующую действия Николая I как «защитника наследственных прав» различных династий на Востоке и на Западе. «Верный идее легитимизма,— писал он,— имп. Николай, как поддерживающий Турцию в борьбе с Египтом (1833 г.), увенчанный тогда памятником в Константинополе, так в 1849 г. он выступил в защиту Австрии против Венгрии». Иконников подчеркивал несправедливый эгоизм и западноевропейской дипломатии, отодвигавшей «на задний план права народностей и даже необходимое и естественное стремление к освобождению от многовекового гнета»⁵¹. Относя к этому пункту воспоминания о военных действиях, он рассматривал и записки, отразившие на своих страницах военный быт того времени.

В следующем, четвертом пункте собраны мемуары, содержащие сведения о быте и нравах так называемого служилого класса. Присутствует здесь и тема крепостного права. Среди воспоминаний на эту тему указаны «Записки крепостной девки», воспоминания крепостной, мемуары о горнозаводской службе на Урале. Тему крепостного права Иконников подчеркивал и в более ранних воспоминаниях. Например, в записках Дашковой он отмечал следующее обстоятельство: ее убеждение в том, что отмене крепостного права должно предшествовать просвещение, «не мешало ей заявлять ненависть деспотизму и тирании и сочувствие английским учреждениям»⁵². Обращал он внимание и на отношение декабристов к крепостному праву. «В дневнике А. А. Тучкова за 1818 г. дается яркая картина помещичьего произвола»,— писал Иконников и для сравнения отсылал к аналогичным местам в записках С. Г. Волконского⁵³. Указывал он и другие воспоминания, где говорилось о притеснении крестьян помещиками, обобщил и литературу более позднего времени, названную крестьянской реформой.

Мемуарной литературе о придворной и великосветской жизни Иконников отводил место после темы о крепостном праве. На наш взгляд, и в этом проявился известный демократический настрой автора. Он достаточно резко критиковал придворную литературу, что особенно чувствуется на примере мемуаров А. О. Смирновой. Он писал: «...у подобных авторов всегда есть один герой, которому они поклоняются, и один советник — это они сами. Подобный материал в значительной степени не пригоден для историка, если он не расположен писать ходульной ис-

⁵⁰ ЛО ААН, р. II, оп. 1, д. 251, л. 68—71.

⁵¹ Там же, л. 77, 79.

⁵² Там же, д. 250, л. 23.

⁵³ Там же, л. 275 об.

тории или официального панегирика»⁵⁴. В этом же пункте помещал Иконников и воспоминания, в которых отразилась «жизнь дворянства, отношения крестьян и помещиков, городская и семейная жизнь в их главных чертах»⁵⁵.

В отдельном пункте охарактеризованы записки, воспроизводящие быт духовенства как высшей, так и низшей иерархии, освещающие различные стороны церковной жизни, преимущественно монашеской, а также вопросы духовного образования и т. п.

Под седьмым пунктом объединена литература о просвещении, состоянии университетов, вопросах воспитания. Иконников классифицировал воспоминания по крупнейшим учебным заведениям России, начиная с университетов Московского, Петербургского, Казанского, Киевского, Харьковского, Варшавского и Новороссийского. Затем он переходил к Нежинскому лицей, Военно-медицинской академии, училищу правоведения, пажеским корпусам, гимназиям, женским и военным учебным заведениям.

В восьмом пункте рассматривались мемуары выдающихся писателей и поэтов (о каждом дана соответствующая биографо-библиографическая справка), воспоминания о литературных влияниях и общественных настроениях. Важно подчеркнуть, что Иконников начинал с А. И. Герцена, отмечая, что он сосредоточился «на публицистике и политической литературе, в которой значительное место отведено России и политическим движениям на Западе»⁵⁶.

Заканчивается раздел 1825—1855 гг. описаниями и путешествиями. Подобным же образом построено изложение материалов следующего периода.

Даже беглый обзор тем показывает, насколько широко и разнопланово подходил Иконников к мемуарной литературе. Им была проделана громадная работа по выявлению, собиранию, классификации, осмыслению и по подаче всего этого огромного и сложного материала. Иконников проявил себя в этом труде и как историк и как библиограф. Ему удалось сочетать строгий библиографизм с историческим повествованием, в котором через судьбы и повседневную жизнь людей самых разных сословий проходит перед читателями история России.

(Окончание в следующем томе)

⁵⁴ Там же, л. 102—102 об.

⁵⁵ Там же, л. 103.

⁵⁶ Там же, л. 129.

СПИСОК ТРУДОВ Е. А. ЛУЦКОГО (К 70-летию со дня рождения)

8 декабря 1977 г. исполнилось 70 лет видному историку, специалисту в области аграрной истории, археографии и источниковедения советского периода доктору исторических наук профессору Евгению Алексеевичу Луцкому. 9 декабря 1977 г. состоялось заседание Ученого совета МГИАИ, открывшееся вступительным словом ректора профессора Н. П. Красавченко. С приветствиями и поздравлениями выступили руководители кафедр и представители общественных организаций института, представители ИМЛ при ЦК КПСС, научных учреждений Академий наук СССР и БССР, архивов, вузов и др.

Публикуя список научных трудов Е. А. Луцкого¹, редколлегия «Археографического ежегодника» и Бюро Археографической комиссии от души поздравляют юбиляра и желают ему дальнейших творческих успехов.

1932

К вопросу о периодизации гражданской войны и «военного коммунизма». — В кн.: Музей Революции СССР. Сб. статей, вып. IV. М., с. 138—191.

За большевистскую четкость в вопросах истории гражданской войны. (*Рец. на кн.: Голубев А. Гражданская война 1918—1920 гг. М., 1932.*) — Книга и обзора СССР, № 17-18, с. 7—10.

1935

Рец. на кн.: Бессонов Ю. Рабочие Верхисетского завода в гражданской войне 1918 г. (Свердловск, 1935. 182 с.). — За большевистскую книгу, № 19-20, с. 28—29.

1936

По залам Музея Революции СССР. (Материалы к 19-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции). — В помощь партийной учебе, № 29-30, октябрь, с. 4—7.

1937

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в сентябре 1917 г. — Исторический журнал, № 9, с. 11—24.

Предисл. к публ.: Великая социалистическая революция и крестьянство. Подгот. Е. Осокин. — Исторический журнал, № 10, с. 158—159.

1938

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в сентябре 1917 г. — Исторические записки, т. 2, с. 49—78.

Партия большевиков в период гражданской войны. — Комсомольский пропагандист и агитатор, № 8, март, с. 6—8; № 9, март, с. 2—5.

Виттевская дума. — Там же, № 34, декабрь, с. 3—5.

Русско-японская война 1904—1905 гг. — Там же, № 35, декабрь, с. 6—7.

Последнее подполье В. И. Ленина. — Советский музей, № 11, с. 15—21.

1939

Русско-японская война 1904—1905 гг. — Исторический журнал, № 2, с. 94—108.

Разгром интервентов. (По залам Музея Революции СССР). — Советский музей, № 2, с. 8—16.

Третьеиюньский переворот и столыпинская реакция. — Молодой большевик, № 7, май, с. 33—41.

Столыпинская аграрная политика. — Исторический журнал, № 6, с. 100—108.

Партия большевиков в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). Путеводитель по залам № 23, 24, 25 и 26 Музея Революции СССР. М. 18 с.

15 лет Музея Революции СССР. — Советский музей, № 6, июнь, с. 8—11.

Экскурсия на Куликово поле. — Советский музей, № 9, сентябрь, с. 36—40.

1940

Извращение М. Н. Покровским истории иностранной интервенции и граждан-

¹ Составитель И. Е. Тамм. В список не включены свыше 20 названий небольших газетных статей, методических материалов и рецензий.

ской войны в СССР (1918—1920 гг.).— В кн.: Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Сб. статей, ч. II. М.—Л., с. 457—485.

Куликово поле.— Исторический журнал, № 9, с. 44—54.

1941

Ред.: Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та. Т. II. Каф. истории СССР, вып. 1. М. 240 с. (совместно с В. И. Лебедевым).

Извлечение М. Н. Покровским истории иностранной интервенции и гражданской войны в СССР (1918—1920).— Там же, с. 137—168.

Куликово поле.— Там же, с. 169—182.

1947

Борьба вокруг декрета «О земле» (ноябрь—декабрь 1917 г.).— ВИ, № 10, с. 15—39.

Экспедиция Мироновича и Голуна. (Из истории борьбы крестьянства за захват помещичьих земель в 1917 г.).— Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та. Т. II. Каф. истории СССР, вып. 2. М., с. 171—199.

1948

Закон о социализации земли.— ВИ, № 10, с. 21—38.

К истории конфискации помещичьих имений в 1917—1918 гг.— ИАН. Сер. ист. и филос., т. V, № 6, с. 508—515.

Классические труды В. И. Ленина по аграрному вопросу.— Правда, 29 марта.

1949

Передел земли весной 1918 г.— ИАН. Сер. ист. и филос., т. VI, № 3, с. 227—245.

Пояснительный текст в кн.: Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война 1917—1920 гг. Альбом наглядных пособий по истории СССР, вып. 10. М. 48 с. (ВПП при ЦК ВКП(б)).

1953

Распоряжение № 3 (к истории земельных комитетов в 1917 г.).— Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та. Т. XXVI. Каф. истории СССР, вып. 3. М., с. 76—102.

1955

Рец. на кн.: Краев М. А. Победа колхозного строя в СССР. (М., 1954. 720 с.)— ВИ, № 3, с. 142—146.

Рец. на кн.: Материалы по истории СССР, вып. 1. Документы по истории советского общества. (М., 1955. 520 с.)— ИА, № 5, с. 208—215.

1956

Главы III—XI в кн.: История СССР. 1861—1917 гг. Пособие для учителей. Под ред. А. М. Панкратовой. М., с. 116—374.

О сущности уравнительного землепользования в Советской России.— ВИ, № 9, с. 59—71.

Рец. на кн.: Гладков И. А. Очерки советской экономики 1917—1920 гг. (М., 1956. 720 с.).— ВИ, № 6, с. 160—164.

1957

Всероссийский съезд земельных комитетов в январе 1918 г.— Докл. и сообщ. Ин-та истории АН СССР, вып. 11, с. 57—71.

Ликвидация Главного земельного комитета (1917—1918 гг.).— ТМГИАИ, т. IX. М., с. 17—45.

Развитие социалистической революции в деревне летом и осенью 1918 г.— История СССР, № 5, с. 56—85.

1958

Местные публикации о победе Великой Октябрьской социалистической революции в России.— ИА, № 5, с. 184—194.

1959

Ред.: ТМГИАИ, т. XIII. М., 400 с. (совместно с Е. С. Мельцером).

Политика Советской власти по отношению к земельным комитетам.— Там же, с. 133—162.

1960

Экономические основы аграрной программы партии большевиков в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. М. 51 с.

1961

Основные принципы периодизации развития советской исторической науки.— История СССР, № 2, с. 102—115.

1962

Обращение Петроградского военно-революционного комитета «К гражданам России!».— ПИ, вып. X. М., с. 3—18. Социально-экономические основы аграрной программы большевиков в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции.— В кн.: Особенности аграрного строя России в период империализма. М., с. 86—116.

1963

Воспроизведение текста декрета «О земле» в советских публикациях.— ПИ, вып. 11. М., с. 3—45.

Инструкция для проведения закона о социализации земли.— АЕ за 1962 г. М., с. 347—358.

Ред.: ТМГИАИ, т. XVII. Вопросы источниковедения истории СССР. М. 467 с. Ред.: Программа курса «Источниковедение истории СССР» для МГИАИ. М. 48 с.

1964

Новые исследования по аграрному вопросу в России периода империализма [О трудах А. М. Анфимова].— ВИ, № 2, с. 130—135.

1965

История аграрного законодательства Октябрьской революции в трудах В. И. Ленина.— В кн.: Тезисы докл. и сообщ. на Всесоюзной науч. сессии «В. И. Ленин и историческая наука». Киев, с. 100—105.

Методика статистического изучения изменений в землепользовании классовых групп крестьянства в итоге аграрной революции 1917—1918 гг.— В кн.: Тезисы докл. и сообщ. VIII (Моск.) сессии симпозиума по аграрной истории Вост. Европы. М., с. 185—187.

Развитие исторической концепции М. Н. Покровского.— В кн.: История и историки. Сб. статей. М., с. 334—370.

1966

Первый советский сборник документов.— АЕ за 1965 г. М., с. 153—161.

Подготовка проекта Декрета о земле.— В кн.: Октябрь и гражданская война в СССР. М., с. 233—248.

Ред.: ТМГИАИ, т. XXIV. Вопросы источниковедения истории СССР, вып. 2. М. 278 с.

1967

Андрей Васильевич Шестаков.— История СССР, № 3, с. 134—141.

Источниковедческий анализ статьи В. И. Ленина «Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие».— В кн.: Тезисы сообщения научного совещания ленинградских историков, посвященного источниковедению истории Великой Октябрьской социалистической революции (15—16 июня 1967 г.). Л., с. 5—7.

Рец. на кн.: *Карел Малы. Земельные законы Октябрьской революции* (Прага, 1965).— История СССР, № 1, с. 213—214.

Ред.: ТМГИАИ, т. XXV. Вопросы методологии исторической науки. М. 199 с. (совместно с Б. А. Бельм, А. И. Вербиным и О. М. Медушевской).

1968

Аграрное законодательство Октябрьской революции в трудах В. И. Ленина.— В кн.: В. И. Ленин и историческая наука. М., с. 372—386.

Крестьянские наказания 1917 г. о земле.— В кн.: Источниковедение истории советского общества, вып. 2. М., с. 113—161.

Ред.: ТМГИАИ, т. XXVI. М., 325 с. (совместно с А. А. Абрамовым).

Ленинский декрет «О земле» в советской исторической литературе 1917—начала 1920-х годов.— Там же, с. 250—284.

Рец.: ВИД (вып. 1. Л., 1968).— СА, № 4, с. 109—112 (совместно с Е. И. Каменцевой и А. Т. Николаевой).

1969

[Выступление на обсуждении кн. «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде» в редак-

ции журн. «История СССР».]— История СССР, № 3, с. 166—167.

Заметки В. И. Ленина о названии, программе и структуре Советского правительства (25 октября 1917 г.).— В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., с. 5—34.

Земельный законопроект 105 депутатов во II Государственной думе.— В кн.: Тезисы докл. и сообщ. XI сессии симпозиума по аграрной истории Вост. Европы (Одесса, ноябрь 1969 г.). М., с. 325 а—325 д. (Ин-т истории СССР АН СССР, ротапринт).

В. И. Ленин в Октябрьские дни 1917 г. (Советская историография последних лет).— В кн.: Научная конференция по проблеме «В. И. Ленин и историческая наука». Материалы конференции. М., с. 365—383 (МГИАИ, ротапринт).

Новая советская литература по истории аграрной революции в России.— История СССР, № 1, с. 127—134.

Статья В. И. Ленина «Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие».— ВИД, вып. 2. Л., с. 5—34.

1970

Источники ленинского декрета «О земле». Автореф. дис. на соискание учен. степени д-ра ист. наук. М. 30 с.

Статья В. И. Ленина «Новый обман крестьян партии эсеров».— ВИД, вып. 3. Л., с. 47—72.

1971

И. И. Минц. К 75-летию со дня рождения.— СА, № 1, с. 121—122 (совместно с В. А. Кондратьевым).

Ленинский декрет «О земле».— В кн.: Проблемы аграрной истории советского общества. М., с. 18—24.

Первый советский тематический сборник произведений В. И. Ленина.— АЕ за 1970 г. М., с. 13—27.

Рец. на кн.: В. И. Ленин в октябре и в первые годы Советской власти. Л., 1970. 348 с.— История СССР, № 2, с. 160—162.

1972

Рец. на кн.: *Кравчук Н. А. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября* (март—октябрь 1917 г. По материалам великорусских губерний Европейской России) (М., 1971. 278 с.).— ВИ, № 9, с. 167—170.

1973

Ленинская инструкция крестьянам. (История и источниковедческий анализ письма В. И. Ленина «Ответ на запросы крестьян»).— ВИД, вып. 5, с. 12—29.

1974

Библиографический аппарат в научно-историческом произведении. Уч. пособие. М. 25 с. (МГИАИ)

К итогам изучения истории совхозов в

первое десятилетие Советской власти (по поводу книги И. Е. Зеленина).— История СССР, № 6, с. 188—193.

Ред.: ТМГИАИ, т. XXX, вып. 1. Исторнография и источниковедение истории СССР. М. 208 с. (совместно с В. Е. Илерицким).

1975

Воспоминания Г. К. Орджоникидзе о подполье В. И. Ленина в июле 1917 г.— В кн.: Исторический опыт Великого Октября. М., с. 332—343.

1976

Библиография произведений В. И. Ленина и литературы о В. И. Ленине. Уч. пособие. М. 26 с. (МГИАИ)

Экспроприация крупных землевладельцев и ликвидация класса помещиков.— В кн.: Изменения социальной структуры советского общества. М., с. 186—202 (гл. VI, § 2).

Рец.: ВИД (вып. 6. Л., 1974).— СА, № 1, с. 106—109 (совместно с Е. И. Каменцевой).

Ред.: Программа курса «Источниковедение истории СССР». М. 42 с. (МГИАИ)

1977

История изучения письма В. И. Ленина членам ЦК 24 октября 1917 г. [Тезисы доклада].— В кн.: Всесоюзная научно-практ. конференция по проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция и освещение ее всемирно-исторического значения в преподавании обществ. наук и ист. дисциплин в высшей пед. школе», вып. 1. М., с. 7—11 (ротапринт).

Рец. на кн.: Кострикин В. И. Земельные комитеты в 1917 г. (М., 1975. 336 с.).— ВИ, № 3, с. 158—161.

Рец. на кн.: Смирнов А. С. Большевики и крестьянство в Октябрьской революции. (М., 1976. 232 с.).— История СССР, № 5, с. 190.

Первые публикации документов крестьянских организаций периода Великой Октябрьской социалистической революции.— В кн.: Социалистические преобразования и социалистическое строительство северной деревни. (Вопросы

источниковедения и археографии). Северный археографический сборник, вып. V. Вологда, с. 7—12.

Статьи в энциклопедиях:

БСЭ, изд. 1, т. 52, 1947: Столыпинская аграрная программа.

БСЭ, изд. 2, т. 16, 1952: Земельные комитеты.

БСЭ, изд. 3, т. 1, 2, 5, 8, 9, 12, 1970—1973: Аграрная программа большевизма; Аграрный вопрос (в дореволюционной России, раздел в статье); «Архив истории труда в России»; Всероссийское совещание Советов; Второй Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов; Декрет о земле; Земельные комитеты; Комитеты бедноты.

МСЭ, изд. 3, т. 7—9, 1959—1960: Первый Всероссийский съезд крестьянских депутатов; Румчерод; Советы крестьянских депутатов; Советы рабочих и солдатских депутатов; Фабрично-заводские комитеты.

СИЭ, т. 1—3, 5—11, 13, 16, 1961—1963, 1964—1968, 1971, 1976: Аграрная программа большевизма; Аграрный вопрос (в дореволюционной России, решение аграрного вопроса в СССР, важнейшие направления в теории аграрного вопроса в России); «Анналы»; Аренда земли; Артель сельскохозяйственная; «Архив истории труда в России»; «Борьба классов»; «Библиотека по истории падения монархии в России»; Всероссийский съезд земельных комитетов; Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов; Второй Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов; Декрет о земле; Земельные комитеты; «Историческая литература»; «Исторический журнал»; Комитеты деревенской бедноты; Конфискация помещичьих имений в России; Крестьянский наказ о земле; Муниципализация земли; Первый Всероссийский съезд крестьянских депутатов; Покровский Михаил Николаевич (совместно с В. А. Муравьевым); Социализация земли; Шестаков Андрей Васильевич.

Философская энциклопедия, т. 3, 4, 1964, 1967: Крестьянство; Покровский.

О. А. Князевская

**НОВАЯ КНИГА
О ПЕРГАМЕННЫХ РУКОПИСЯХ БИБЛИОТЕКИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

Выход в свет книги, раскрывающей содержание уникального фонда славяно-русских рукописей¹, представляет значительное событие. Завершен многолетний труд авторов, в результате которого специалисты получили необходимые данные о 195 рукописях, причем сведения о некоторых рукописях являются первыми в научной литературе. Известно, что славянская коллекция пергаменных рукописей БАН, являясь одной из самых значительных по объему и чрезвычайно интересной по составу, до сих пор не имела полного описания. В ранее опубликованных двух томах «Описания Рукописного отделения Библиотеки Академии наук» (т. 1. СПб., 1910; т. 2. Пг., 1914) были кратко описаны только 79 рукописей, т. е. 40,5%.

По сути дела рецензируемая книга представляет собой совершенно новое самостоятельное описание коллекции, построенное по единому плану с идентичным набором сведений, сообщаемых по каждой единице хранения. Состав сообщаемых данных о каждой рукописи намного превышает сведения в ранее опубликованных описаниях.

Славянские пергаменные рукописи БАН чрезвычайно разнообразны по времени написания (с XI по XVI в.) и по содержанию. В коллекции имеются весьма редкие древнейшие, очень ценные образцы славянской письменности и более новые рукописи, представленные значительным количеством экземпляров. Считаем, что принятое в книге расположение рукописей по хронологическому принципу вполне правомерно и позволяет представить не только всю коллекцию в целом, но и хорошо отражает эволюцию славянского письма. В указаниях на время написания недатированных рукописей, а их большинство в коллекции, сообщаются установленные и общепринятые сведения. Внутри каждого хронологического раздела, охватывающего рукописи одного века и переходного периода между двумя столетиями, рукописи классифицируются по содержанию. Выделяются при этом следующие пять классов источников: 1) библейские тексты, 2) богослужебные книги, 3) агиографические сочинения, 4) патристика, 5) грамоты. В пределах каждого класса в свою очередь рукописи располагаются в порядке алфавита названий. Такое расположение источников вытекает в значительной мере из их содержания; кроме того, эта последовательность вполне соответствует традиции описаний собраний древних славяно-русских рукописей. Систематический принцип классификации рукописей в рецензируемой книге соблюдается с достаточной строгостью. Заметим, что, на наш взгляд, принятое авторами систематическое расположение материала для читателя, недостаточно искушенного в специфике содержания рукописей, создаст опре-

¹ Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI—XVI веков. Составители: Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Под ред. В. Ф. Покровской. Л., 1976, 234 с.

деленные затруднения при пользовании книгой. Думается, что расположение рукописей внутри хронологических разделов в порядке алфавита названий источников для ряда специалистов в известной степени упростило бы отыскание необходимых сведений в книге.

Отличительной особенностью состава пергаменного собрания БАН, как известно, является преобладание в нем рукописных фрагментов, они составляют 134 единицы хранения из 195. Авторы книги проделали огромную работу по атрибуции каждого отрывка с точки зрения его содержания, кодикологии, палеографии. Именно благодаря такой углубленной исследовательской работе удалось идентифицировать ряд отрывков между собой, установив их принадлежность к одной рукописи, или «привязать» фрагменты БАН к рукописям других коллекций (см., например, замечания о рукописях: 4.9.13; 4.9.27а, 4.9.44 — с. 156—158; Археогр. ком. 159 — с. 23, 24.4.12 — с. 40). В некоторых случаях авторы установили, что издавна существовавшие единицы хранения следует разъединить, так как они относятся к разным рукописным книгам (см., например, замечания о рукописи 4.9.17а — с. 109). Следует отметить, что при идентификации рукописей БАН авторы не ограничивались собственными заключениями, но использовали все наблюдения специалистов по этому поводу, в том числе и не опубликованные в печати, но внимательно проверенные составителями (см., например, замечания о рукописях: 4.5.23, 24.4.7 и 4.5.24 — с. 17—19; 24.4.10 — с. 45; Археогр. ком. 189 — с. 79).

Краткие описания отдельных единиц хранения содержат необходимые сведения, полученные в результате комплексного исследования каждой рукописи с палеографической, кодикологической, графико-орфографической стороны, а также с точки зрения содержания. Разнообразие видов памятников коллекции, различия в методике их использования специалистами разных профилей закономерно привели авторов книги к детальному изучению содержания каждого источника. Стремясь к полноте и точности информации, составители дают полистное раскрытие состава памятников, описывая последовательно содержание каждой статьи. Следует подчеркнуть, что раскрывается полистное содержание всех рукописей, без исключения, в том числе и литургических сочинений (евангелий, апостолов и подобных). Самой высокой оценки заслуживает большая и чрезвычайно трудоемкая текстологическая работа, которую выполнили авторы при определении особенностей содержания имеющихся списков, выявлении типов и редакций отдельных произведений. Благодаря углубленной исследовательской информации рецензируемая книга с этой точки зрения служит не только фиксацией содержания данного фонда, но может оказать существенную помощь специалистам при исследовании аналогичных источников. Кроме того, подробное описание содержания каждой единицы хранения очень важно для общей работы по идентификации отрывков (иногда значительных по своему объему), находящихся в других хранилищах, с рукописями БАН. С этой точки зрения безусловно представляет не меньшую ценность краткая характеристика каждого источника с внешней стороны: сведения о размерах площади, занимаемой текстом, о расположении текста в один или в два столбца, о количестве строк, размерах строчных букв, о специфике орнамента и об употреблении красок. В краткой форме сообщается, как попала рукопись в коллекцию, указываются предыдущие владельцы, приводится материал о записях и приписках.

На первом месте каждого описания весьма кратко сообщаются основные сведения о рукописи: дата, размер листа, объем, наличие переплета, тип почерка и характеристика извода. Заметим, что ряд сведений (кроме содержания источника) приводится, на наш взгляд, с не вполне оправданной лаконичностью, в частности, наше замечание относится к определению извода и времени написания рукописей. Заметим, кстати, что

авторы, к сожалению, ничего не сообщают о принятых ими принципах определения датировки и извода языка рукописей.

В конце каждого описания приводится «основная библиография по рукописи» (см. с. 5). К сожалению, критерии выделения «основной» литературы, как нам кажется, не всегда четко соблюдаются. Так, например, для читателя остается не ясным, почему отсутствуют ссылки на книгу П. А. Лаврова «Палеографическое обозрение кирилловского письма» (Энциклопедия славянской филологии, вып. 4, СПб., 1914, на переплете — 1915), в которой содержится обзор многих югославянских рукописей БАН. Среди них находим, например, Македонский листок (24.4.16), с. 42; Слепчанский апостол (24.4.6), с. 62; Жеравинский устав (Триодь постная 24.4.10), с. 89; Мануиловский апостол (24.4.7), с. 92—93; Минея Григоровича (24.4.12), с. 94—95 и некоторые другие. Также остается не понятным, почему не относится к «основной» литературе альбом под редакцией Н. М. Каринского «Образцы глаголицы (25 автотипических снимков с рукописных и печатных памятников и транскрипция текстов кирилловскими буквами)» (СПб., 1908), в котором под № 9 приводится фотокопия и кирилловская транскрипция текста Македонского листа (24.4.15), а под № 6 — Синайского служебника (24.4.8). Последний, кстати, в альбоме Каринского назван «Листком Михайловского», это название в рецензируемом описании отсутствует.

Несомненно самым взыскательным требованиям отвечает справочный аппарат книги, в нем содержатся разнообразные, тщательно обработанные указатели и очень ценное приложение с образцами почерков. Кроме обязательных для подобного рода изданий перечня шифров рукописей собраний БАН (с. 6—7) и указателя сокращений (с. 207—208) в книге имеются указатели имен (с. 212—225), географических названий (с. 226—227) и памятников (с. 228—234). Ценным новшеством является включение в именной указатель не только сведений о всех именах, упоминаемых в рукописи и ее описании: от имен писцов и лиц, встречающихся в записях и приписках, но и об именах тех персонажей, о которых говорится в тексте произведений. В данном случае чрезвычайно полезны сведения о персонажах христианской литературы. В именном указателе сообщаются также данные об исследователях памятников и о владельцах рукописей. Высокой оценки заслуживает указатель памятников, раскрывающий особенности содержания описываемых рукописей. Экономно и достаточно выразительно выделяются с помощью шрифта авторские имена и названия произведений в рукописях БАН. Полагаем, что указатели к описанию, в особенности указатель имен и указатель памятников, кроме своей прямой функции — облегчения ориентации читателя в рецензируемой книге — несомненно могут служить общим справочным пособием.

Особо важную роль в справочном аппарате книги имеет приложение, в котором представлены 65 фотокопий образцов письма рукописей в размере подлинников. Этот раздел благодаря наличию большого количества фрагментов в коллекции весьма полезен исследователям для работы как с рукописями данной коллекции, так и, что особенно важно, с рукописями из других хранилищ при идентификации почерков и датировке недатированных источников. Альбом фотокопий имеет самостоятельное научное значение, хорошо показывая этапы развития письма восточных и южных славян (преимущественно кириллического) в той степени, в которой его отражает коллекция пергаменных рукописей БАН. Таким образом, рецензируемая книга не только раскрывает перед читателями состав данной коллекции, вводит в научный оборот сведения о ранее не описанных памятниках и существенно дополняет материал ранее опубликованных описаний, но и является надежным научным справочным пособием при обращении к рукописям из других собраний.

Я. Д. Исеевич

НОВЫЕ КАТАЛОГИ КНИГ КИРИЛЛИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

В последние годы все чаще высказывается мнение о необходимости преодолеть разобщенность в деле изучения рукописной и печатной книги. Реальным шагом в этом направлении было проведение в Москве научной конференции, по материалам которой опубликован сборник «Рукописная и печатная книга» (М., 1975). Хотя комплексное исследование обеих форм книги еще только начинается, уже сейчас потребности исследований такого плана должны учитываться при составлении описаний рукописей и старопечатных изданий. Одна из целей настоящего обзора — рассмотрение с этой точки зрения недавно опубликованных каталогов коллекций старопечатных книг.

Если история старопечатной книги должна быть поставлена «в ряд истории книги вообще», подчеркивал недавно Д. С. Лихачев, то в первую очередь это надо сделать «в части самой важной для книги — в истории книжных текстов»¹. Между тем хотя работы по методике описания старопечатных книг предусматривают характеристику состава каждого издания, в существующих каталогах основное внимание уделяется внешнему виду. Состав текста описывается лишь в отдельных случаях, причем подробно описывают чаще всего только дополнительные статьи — посвящения, предисловия, послесловия, разного рода приложения.

Каталог белорусских изданий XVI—XVII вв., хранящихся в ГПБ², имеет перед другими печатными каталогами то преимущество, что в нем дается не только общая характеристика редакций текста, но и перечень всех частей и разделов книги так же подробно, как это делалось в лучших описаниях рукописных сборников. Это позволило составителю выявить миграции текстов изданий, сделать интереснейшие наблюдения о связях между центрами белорусского, украинского и русского книгопечатания. Не приходится доказывать, что наличие перечней разделов книг дает возможность использовать каталог также при сравнительном изучении рукописных и печатных редакций текста.

Так же подробно, как содержание, охарактеризованы внешние признаки изданий — шрифты, приемы набора, художественное оформление. Перечисляются также индивидуальные особенности экземпляров собрания ГПБ, приводятся имеющиеся в них записи. На основании анализа состояния гравированных досок автору во многих случаях удалось уточнить датировку и место издания книг, выявить несколько изданий, неизвестных в библиографии. Ряд атрибуций В. И. Лукьяненко существенно обогащает и уточняет наши представления об историко-литературном

¹ Лихачев Д. С. Задачи изучения связи рукописной книги и печатной. — В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 7.

² Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII вв. Сост. В. И. Лукьяненко. Ред. Е. Э. Гранстрем, вып. 1—2. Л., 1973—1975.

процессе и общественно-политической жизни. Например, доказано, что произведение Максима Грека «О крестном знамении» вышло не в Остроге, а в виленской типографии Мамоничей. Так называемая виленская «Книга о вере», которую ранее датировали 1602 г., определена как издание братской типографии св. духа 1596 г. Совершенно справедливо указывается Евве (Вевис) как наиболее вероятное место печатания книг, в которых в части тиража указана типография Виленского братского монастыря, а в другой части — Еввейского монастыря. К приведенным в каталоге аргументам можно было бы добавить еще один: в Евангелии 1644 г. с «виленским» титульным листом под списком опечаток подписаны имена еввейского игумена и типографа Гавриила Ивановича³.

Не совсем последовательно составлены в каталоге перечни библиографических источников: очень часто названы работы, содержащие лишь беглые упоминания изданий, в то же время не указаны публикации полного текста «Книги о вере»⁴ и «Казанья об Антихристе» С. Зизания⁵. Говоря о переводе на белорусско-украинский язык Евангелия учительного (Евве, 1616), следовало указать переводчика — Максентия (т. е. Максима-Мелетия) Смотрицкого. При описании изданий белорусского текста Литовского статута могли оказаться полезными работы М. Цитовской и В. Рауделюнаса⁶. Однако недостатков такого рода в каталоге очень мало. В целом каталог издан вполне удовлетворительно, но технически материал подан не совсем четко. Дело вовсе не в том, что он напечатан путем офсетного репродуцирования машинописного оригинала. Книга могла бы удовлетворить требованиям самого взыскательного читателя, если бы при подготовке оригинала для воспроизведения были применены специфические для машинописи приемы организации текста: выделение прописными буквами и подчеркиванием заглавий книг и заголовков их структурных частей, выключение части текста вправо, различные интервалы между строками и т. п. Визуальная дифференциация элементов описания внутри одной позиции и одинаковое оформление однотипных элементов разных позиций очень облегчают пользование каталогами. Это надо учесть при переиздании рецензируемого каталога, тираж которого был столь мал, что его не хватило даже для крупнейших научных библиотек.

Если каталог, составленный В. И. Лукьяненко, представляет собой подробнейшее поэкземплярное описание одной (правда, очень богатой) коллекции, то подготовленный Ф. Ф. Максименко обзорный каталог украинских изданий до конца XVIII в. описывает все собрания г. Львова⁷. В частности, описаны богатейшие коллекции Львовского музея украинского искусства и отдела редкой книги Львовской научной библиотеки АН УССР им. Стефаника, а также меньшие по объему, но тоже весьма интересные по составу коллекции Львовского исторического музея, Научной библиотеки Львовского государственного университета им. Ив. Франко, Музея книги — отдела Львовской картинной галереи, Центрального государственного исторического архива УССР в г. Львове, Львовского музея истории религии и атеизма. В предисловии автор дает сведения по истории перечисленных собраний.

³ См. об этом: *Исаевич Я. Д.* Роль братств в издании и распространении книги на Украине и в Белоруссии (конец XVI—XVIII в.). — В кн.: Книга и графика. М., 1972, с. 131.

⁴ Архив Юго-Западной России, ч. 1, т. 8. Киев, 1914, с. 59—124.

⁵ Памятки полемічного письменства кінця XVI і поч. XVII в. Видав Студинський К., т. I. Львів, 1906, с. 31—200.

⁶ *Cytowska M.* Bibliografia druków urzędowych XVI w. Wrocław, 1961, N 158—161; *Raudeliūnas V.* Pirmieji Lietuvos Statuto leidimai (1588—1600). — Rusų knygos spausdinimo pradžia ir Lietuva (Bibliotekininkystė ir bibliografija, t. 3). Vilnius, 1966, p. 119—159.

⁷ *Максименко Ф. П.* Кириличні стародруки українських друкарень, що зберігаються у львівських збірках (1574—1800). Зведений каталог. Львів, Видавництво при Львівському університеті, 1975.

Описание каждой позиции в каталоге сокращенное: автор, название, формат, число листов или страниц, указание о наличии гравюр, библиографические и литературные источники. Включены издания украинских типографий кириллической печати всех разновидностей шрифта: старославянского (церковнославянского), курсивного (применявшегося в Вильне в XVI в., в Почаеве и в Румынии в XVIII в.) и гражданского. Составитель в соответствии с вполне обоснованным мнением А. Г. Шицгала и ряда других исследователей считает гражданский шрифт одним из начертаний кириллицы⁸. Издания гражданского шрифта, обнаруженные Ф. Ф. Максименко, сравнительно немногочисленны, однако большинство их не отражено А. С. Зерновой и Т. Н. Каменевой в «Сводном каталоге русской книги XVIII в.» (М., 1968). Описаны также не учитываемые в большинстве отечественных библиографий напечатанные кириллицей разделы книг, основная часть которых была напечатана латиницей. Новшеством является и введение в каталог (с особыми пометами) не только оригинальных изданий, но и имеющихся в описываемых коллекциях репродукций, полностью воспроизводящих текст и украшения старопечатных книг, а также перепечаток всего текста старопечатных книг в археографических публикациях, монографиях, журналах. Это вполне оправданно, так как во многих случаях репродукции и перепечатки могут заменить для исследователя непосредственное ознакомление с оригиналом. Группировка изданий по типографиям удобна для исследователей, комплексно рассматривающих продукцию отдельных издательских центров. К сожалению, издательство исключило из каталога подготовленный составителем алфавитный указатель названий и общий хронологический перечень книг.

Отдельные неточности в каталоге обусловлены состоянием изучения описываемых изданий. В частности, книги «О тайнах церковных» и «Почтение новопосвященному иереви» (Львов, 1642) не являются произведениями Арсения Желиборского: первое из них — перепечатка «Дидакалии» Сильвестра Косова, второе — публикация памятника XIII в., сохранившегося в рукописях XIV—XVI вв. и ранее печатавшегося Семеном Будзыной по заказу львовского епископа Гедона Балабана, а М. Слезкой — для луцкого епископа Афанасия Пузыны. Вслед за И. Крипякевичем составитель каталога датирует 1640 г. бланк подтвердительной грамоты о посещении Киево-Печерской лавры, напечатанный за подписью архимандрита Иосифа Тризны⁹. Однако последний был архимандритом с 1647 по 1656 г., следовательно, грамота напечатана не ранее 1647 г. (и не позже 1649 г., так как в сохранившемся экземпляре напечатано \overline{XVI} и оставлено место для последней цифры; от руки дата переправлена на 1650 год)¹⁰. В некоторых случаях неточно указано число листов оригинальных изданий (№ 21, 199, 202) или их поздних перепечаток (№ 193). Встречаются опечатки в датах и ссылках на библиографические источники (№ 156, 183, 196) и при передаче заглавий книг (№ 156, 194).

В 1975 г. были опубликованы также каталоги, охватывающие все кириллические издания двух собраний — Научной библиотеки Томского университета и Горьковского историко-архитектурного музея-заповедни-

⁸ Деление кириллического шрифта на старославянский и гражданский (или «кирилловскую антикву», как его называют в Болгарии) соответствует делению латинского шрифта на готический и антикву (Шицгал А. Г. Русский типографический шрифт. М., 1974, с. 8; Йончев В. Шрифт през вековете. София, 1964, с. 167). Наименование «кириллический» более обоснованно, чем «кирилловский»: от «кириллица», а не от «Кирилл», так как не доказано, что кириллическая письменность изобретена Кириллом.

⁹ № 239. Ср.: Крипякевич И. Невідомий київський стародрук 1640 р.— Українська книга, 1938, № 8-10, с. 129—130.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 120 (Белгородский стол), д. 264, л. 75.

ка¹¹. В Томском собрании имеются виленское Евангелие П. Мстиславца 1575 г., Острожская библия, хорошо представлены книги украинских писателей второй половины XVII — начала XVIII в. (И. Гаятовский, И. Гизель, Л. Баранович, А. Радивиловский, И. Максимович и др.), а также старообрядческие издания конца XVIII в. Описание составлены весьма тщательно, для книг с фиктивными выходными данными указывается подлинная дата их напечатания, если ее удалось установить¹². Приводятся записи на книгах. Некоторые из них весьма любопытны. Так, на экземпляре острожского сборника 1598 г. имеется запись 1635 г. Киприана Старорушанина, бывшего сибирского архиепископа, о пожертвовании книги в тобольский Софийский собор (описание № 6). Кроме основных библиографических пособий, иногда указаны статьи, содержащие упоминания об отдельных изданиях. Не отмечено, однако, исследование В. Н. Перетца об описанной в каталоге книге И. Гизеля «Мир с богом человеку»¹³, не указаны также переиздания острожских сборников 1588¹⁴ и 1598 гг.¹⁵

Каталог Горьковского собрания открывает обстоятельная статья В. А. Кучкина и М. Я. Шайдаковой «О книгах кириллической печати в собрании Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника». Здесь приведены весьма ценные сведения по истории собрания и его составных частей, дан обзор наиболее интересных книг. Среди них федоровские Учительное евангелие (Заблудов, 1569) и Библия (Острог, 1581), дефектный экземпляр второго киевского издания Акафистов (1629)¹⁶, второе издание Букваря В. Бурцова 1637 г., уникальный экземпляр московской Троицы постной 1742 г., выявленный в фондах музея Т. Н. Каменевой. Для каждой книги в каталоге даны листовая формула, сведения о размере шрифта, количестве и характере орнаментальных украшений, описание переплета, приведены тексты записей. Наиболее важные записи прокомментированы во вступлении и на этом основании сделаны интересные наблюдения об изменениях социального состава владельцев книг в XVII—XVIII вв. и о географии размещения экземпляров. Горьковский каталог оформлен изящно и даже роскошно: переплет, хорошая бумага, высокое качество печати иллюстраций.

Рассмотренные издания представляют разные типы каталогов: подробное описание тематически ограниченной части старопечатного фонда крупной библиотеки (сост. В. И. Лукьяненко), описание всех старопечатных книг сравнительно меньшего собрания (сост. В. В. Лобанов, М. Я. Шайдакова), каталог всех собраний одного города (сост. Ф. Ф. Максименко). При всем их различии каждый из каталогов облегчает составление в будущем полных описаний, сводных в масштабах страны или международных. Но и при наличии таких описаний не отпадает потребность в каталогах коллекций (отдельных или совместных для всех коллекций города, региона), являющихся лучшим средством информации о книжных фондах и способствующих активизации их использования. Од-

¹¹ Славянские книги кирилловской печати XVI—XVIII веков. Сост. В. В. Лобанов. Томск, 1975. Шайдакова М. Я. Описание коллекции книг кириллической печати XVI—XX вв. Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника. Под ред. В. А. Кучкина. Горький, 1975.

¹² Дальнейшие исследования, по-видимому, позволят расширить круг изданий с ложными выходными сведениями.

¹³ Перетц В. Н. Опыт характеристики общественной и бытовой морали в украинской литературе XVII в. — В кн.: Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв. М.—Л., 1962, с. 183—205.

¹⁴ Памятники полемической литературы, т. 2. СПб., 1882, стб. 600—938.

¹⁵ Малышевский И. И. Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах русской церкви, т. 2, приложение. Киев, 1876, с. 1—48.

¹⁶ Составитель называет книгу «Акафистом богородице» и не ссылается на описание более полных экземпляров (Каратаев И. П. Описание славянорусских книг, т. 1. СПб., 1883, № 337; Титов Х. Материали для истории книжной справи на Україні в XVI—XVIII вв. Київ, 1924, с. 230—233).

нако схема описания должна быть различной для каталогов разного вида. В сводных каталогах всех кириллических книг определенного периода и в сводных описаниях книг отдельных типографий (или всех типографий города, региона, страны) наиболее важны полная библиографическая характеристика издания в целом и его вариантов, а также аннотация, дающая сведения о тексте книги примерно в таком объеме, как они даны в «Каталоге белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII вв.». Весьма желательны в таких каталогах репродукции титульных или начальных листов и одной-двух страниц текста каждого издания, последнее очень облегчило бы идентификацию экземпляров без титульных листов¹⁷. Для ранних и наиболее редких изданий обязательны перечни (цензы) всех экземпляров и публикация имеющихся в них записей. Важность этих данных для науки доказана на практике исследованиями Е. Л. Немировского, в которых материалы поэкземплярного описания привлекаются для освещения вопросов истории книги и историографии ее изучения¹⁸. Однако полное описание всех экземпляров старопечатных книг — задача недостижимая для составителей сводных каталогов и описаний. Каталоги отдельных коллекций и сводные каталоги всех коллекций города (региона) могут и должны давать описание особенностей своих экземпляров более полно, чем это возможно в общих сводных каталогах¹⁹. С другой стороны, вряд ли нужно в каталогах коллекций и групп коллекций повторять все те библиографические данные, которые имеются в общих сводных описаниях. В. И. Лукьяненко была вынуждена пойти на это, так как сводного описания белорусской книги нет, и каталог ГПБ благодаря полноте ее собрания может в определенной степени заменить сводный²⁰. Но вот горьковское собрание включает в огромном большинстве книги московской печати, библиографическое описание которых уже имеется в описаниях, составленных А. С. Зерновой²¹. Для этих изданий формулу полистного состава тетрадей, сведения о количестве гравюр, размере шрифта и т. п. следовало давать только в том случае, если они отличались от приведенных в сводных описаниях. Ведь для большинства читателей каталога (в том числе для историков и филологов, не специализирующихся в области книговедения) эти данные не нужны, а книговеды и библиографы все равно не смогут обойтись без сводных описаний. Если из каталогов коллекций исключить узкоспециальные элементы общего описания книги, высвободится место для более полного учета особенностей внешнего вида экземпляров и публикации записей. Анализ всех записей, связанных с определенным регионом, может быть полезен и для краеведческих исследований и для решения более общих проблем истории культуры. Это дополнительный аргумент в пользу составления общих каталогов всех коллекций города (региона), а не отдельных каталогов каждой коллекции. Каталоги в масштабах города или региона позволяют также ввести

¹⁷ В приложениях и библиографии венгерских изданий до 1600 г. даны сильно уменьшенные репродукции титульных (или, при их отсутствии, начальных) листов всех изданий. Это позволило в библиографических описаниях ограничиться лишь сокращенными вариантами названий. См. Régi magyarországi nyomtatványok 1473—1600. Budapest, 1971.

¹⁸ Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964; *Он же*. Начало славянского книгопечатания. М., 1971; *Он же*. Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров. М., 1974.

¹⁹ Определенное неудобство представляет применение термина «сводный каталог» как для каталогов, дающих общую сводку всех экземпляров книг, так и для каталогов, являющихся сводными лишь в масштабах города (региона). Возможно, в первом случае следует говорить о «сводных описаниях».

²⁰ Имея это в виду, следовало бы дать в приложении к этому каталогу перечень изданий, отсутствующих в ГПБ, однако известных по достоверным библиографическим источникам

²¹ Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. Сводный каталог. М., 1958 и др.

в оборот сведения об экземплярах, хранящихся вне коллекций, и о мелких коллекциях, для которых отдельные каталоги издавать нецелесообразно.

В последнее время отдел редкой книги ГБЛ разработал усовершенствованную методику описания старопечатных книг и развернул подготовку к составлению сводного каталога ранних кириллических и глаголических изданий²². Это, без сомнения, будет способствовать активизации работ по составлению каталогов коллекций кириллических книг.

Новые каталоги существенно восполнят научную информацию о старой печатной книге, станут предпосылкой более широкого использования ее исследователями древней рукописной и печатной книжности.

²² *Немировский Е. Л.* Сводный каталог славянской старопечатной книги кирилловского и глаголического шрифтов XV—XVII вв.— В кн.: Всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX века». Л., 1976, с. 10—11.

Ю. В. Андриюшайтите

ЦЕННОЕ ИЗДАНИЕ О КНИЖНЫХ ПЕРЕПЛЕТАХ

История русского переплета, особенно обиходного, изучена очень мало¹. История переплетного дела в Литве по существу не исследована. В связи с этим большое значение приобретает выход монографии Э. Т. Лауцявичюса «Книжные переплеты XV—XVIII веков в библиотеках Литвы»² (126 с.+598 илл.) на литовском языке (резюме на русском и английском языках). Это вторая³ фундаментальная работа историка культуры Э. Т. Лауцявичюса (1906—1973). Она издана посмертно Центральной библиотекой АН Литовской ССР (редколлегия: А. Ивашквичюс — отв. ред., Ю. Марцинквичюс — председатель, К. Чяпене).

В вводном разделе «Из истории переплетного дела» автор приводит некоторые сведения о возникновении и развитии этого ремесла, связанного с искусством оформления книги.

В первом из основных разделов книги «Переплетчики Литвы» кратко излагается история переплетного дела в Литве. Попутно анализируется польская и немецкая историография вопроса. Учитывая скудость архивных материалов (в середине XVII в. в ходе войны погибли цеховые книги и архив магистрата г. Вильнюса), автору пришлось преодолеть большие трудности в поисках сведений и удалось установить фамилии 130 переплетчиков, работавших в Литве в XVI—XVIII вв., а также основные вехи деятельности вильнюсского цеха переплетчиков с конца XVI в.

Способы изготовления переплетов, материал, которым пользовались местные умельцы, и особенности их мастерства излагаются в разделе «Техника переплетного дела». Обобщив данные советских и зарубежных авторов, Э. Лауцявичюс специально рассматривает вопрос об установлении места и времени изготовления переплета книги.

В самом большом разделе монографии «Отделка книжных переплетов» автор описал виды украшений книжных переплетов в зависимости от того материала, из которого они сделаны. Отдельно рассмотрены книжные переплеты из библиотек великих князей литовских. На основе неопубликованных данных из архивов и библиотек СССР и зарубежных стран, а также работ других авторов в труде описано около 600 переплетов книг XV—XVIII вв. из библиотек Литвы. Одновременно исследуется вопрос о влиянии на литовских переплетчиков мастеров из

¹ Клепиков С. А. Описания древних русских обиходных переплетов.— В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 2, ч. 1. М., 1976.

² Laucevičius E. XV—XVIII a. knygų įrišimai Lietuvos bibliotekose. Vilnius, 1976.

³ Первая двухтомная монография автора «Бумага в Литве в XV—XVIII вв.» (на лит. яз.) издана в Вильнюсе в 1967 г. В Археографической комиссии подготовлен ее перевод на русский язык.

соседних стран; анализируются мнения советских и зарубежных ученых по изучаемой проблеме.

Особую ценность изданию придают многочисленные иллюстрации — образцы переплетов книг и их деталей, каждый из которых описан в тексте книги. В приложении опубликовано семь документов на литовском языке (в переводе с польского и латинского), относящихся к истории переплетного дела в Вильнюсе.

Монография Э. Т. Лауцявичюса в значительной степени восполняет пробел в изучении истории переплетного дела в Литве. Она содержит ценный материал по книговедению и истории культуры не только литовского, но и других народов нашей страны, а также соседних стран Европы. Книга будет с интересом встречена специалистами.

А. А. Кондрацкий, П. П. Панченко

КНИГА О СОВЕТСКОМ АРХИВНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ НА УКРАИНЕ В 1917—1973 ГГ.¹

Рассматриваемая работа практически является первой попыткой освещения архивного строительства на Украине с 1917 г. до наших дней.

В ней раскрывается многогранный процесс развития правовых принципов и организационных форм архивного строительства УССР за годы Советской власти. Архивное строительство Украинской ССР рассматривается как составная и неотъемлемая часть архивного строительства в стране. Оно осуществляется на основании советского архивного законодательства, последовательно и творчески развивающего на каждом новом этапе ленинские принципы организации архивного дела.

Достоинством рецензируемого издания представляется то, что оно опирается на весьма широкую документальную базу материалов центральных и областных государственных архивов республики, и в первую очередь Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства УССР. При написании книги изучены протоколы и материалы заседаний Президиума и Секретариата ВУЦИКа, Большого и Малого Совнаркома УССР, рассматривавших вопросы развития архивного дела на Украине, принятые по этим вопросам постановления и распоряжения. Проанализированы документы Архивного управления при Совете Министров УССР, в которых отражено архивное строительство на Украине. Использованы также публикации из периодической прессы, многих изданий архивных учреждений страны. При написании работы приняты во внимание методические пособия, разного рода обзоры и инструкции по вопросам архивного дела, разработанные и принятые архивными учреждениями. На Украине за годы Советской власти создана система государственных архивов, которая включает 6 центральных, 25 областных, 588 городских и районных архивов и более 54 тыс. ведомственных архивов, общее и научно-методическое руководство которыми осуществляет Главное архивное управление при Совете Министров Украинской ССР. Государственные архивы республики имеют теперь мощную материально-техническую базу. Впервые в истории республики ее документальные богатства, собранные в архивах, четко, на научной основе упорядочены и сохраняются как всенародное достояние.

О масштабах работы архивов республики позволяют судить, в частности, следующие данные. Только за 1960—1973 гг. на государственное хранение ими принято свыше 15 млн. дел. За это же время в читальных залах архивов работало более 77 тыс. исследователей, затребовавших около 2,2 млн. дел. Десятки тысяч копий документов демонстрировались на выставках, использованы в радио- и телевизионных передачах, опубликованы в периодической печати. В книге сообщается об участии архивов республики в подготовке такого уникального издания, как «История го-

¹ *Мітюков О. Г.* Радянське архівне будівництво на Україні. 1917—1973. Київ, 1975, 271 с.

родов и сел Украинской ССР» в 26 томах. В книге рассмотрены и сравнительно мало известные аспекты деятельности. Например, показано, как налаживаются и постоянно расширяются международные связи архивных учреждений Украинской ССР, представители которых принимали участие в работе международных конгрессов архивов, международных конференций «Круглого стола архивистов». Ставятся вопросы развития архивного дела в республике, освещается развитие районных, городских, областных государственных архивов, упорядочение сети архивов, совершенствование их научно-методической работы, укрепление материально-технической, научно-исследовательской базы. Предвидится принятие действенных мер к усовершенствованию научно-справочного аппарата документов государственных архивов, повышению информационного уровня всех его видов, к подготовке и изданию серийных публикаций документов по проблеме истории социалистического и коммунистического строительства.

Не обходятся сложные и недостаточно разработанные теоретические проблемы архивоведения, высказывается мнение по некоторым дискуссионным вопросам, в частности о периодизации архивного строительства на Украине.

Рецензируемая книга — первая монографическая работа столь обширного плана не только с точки зрения ее хронологии, но и суммы поднятых в ней вопросов. Поэтому географическая «локальность» темы не уменьшает масштабности ее научно-прикладного значения, поскольку архивы Советской Украины занимают важное место в системе архивов СССР. Ученым предшествующие работы по теме, но думается, что историографические экскурсы могли бы быть более основательными и глубокими. Неоспоримо, что книга обогащает советскую историографию, в ней выдвинуты новые аргументы в пользу предлагаемой периодизации архивного строительства на Украине, достаточно полно освещены основные этапы его неуклонного развития и совершенствования. Это представляет значительный научный и практический интерес, ибо дает возможность проследить, как происходило становление и развитие единого государственного архивного фонда УССР, выявить наиболее общие закономерности и тенденции этого процесса.

В рамках разработанной периодизации прослеживается становление и развитие архивного дела на всех этапах строительства социализма и коммунизма в республике.

Монография снабжена весьма полезным научно-справочным аппаратом: резюме на русском, английском и французском языках, хроникой советского архивного строительства на Украине, именным указателем и указателем архивных учреждений. Все это дает читателю довольно исчерпывающую ориентацию в материалах и поднимает общий научный уровень монографии.

Весьма интересное издание по проблемам советского архивного строительства на Украине тем не менее не содержит даже общей характеристики основных фондов, хранящихся в архивах республики. Хотя этот вопрос весьма значителен и требует, разумеется, специального исследования, но включение данного сюжета в монографию только повысило бы ее научную ценность.

Все вышесказанное позволяет выразить пожелание о переиздании книги, которая вышла небольшим тиражом (1500 экз.). Его желательно осуществить на русском языке с целью приобщения к содержанию книги более широкого круга читателей и специалистов, которые проявляют интерес к настоящей проблеме.

III. ПУБЛИКАЦИИ

ДОКОНЧАЛЬНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА С ГАЛИЦКИМИ КНЯЗЬЯМИ

После выхода в свет монографии Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV веков»¹ и публикации духовных и договорных грамот XIV—XVI вв.² мы имеем фундаментальное и ставшее уже классическим исследование основных великокняжеских актов этого времени.

В своих работах Л. В. Черепнин подробно анализирует состав архива галицких князей XV в., дошедшего до нас среди документов московского великокняжеского архива. Л. В. Черепнин доказал, что остатки этого архива, как и архивов князей Можайско-верейских, серпуховско-боровских, попали в Москву «после победы Василия II над своими противниками во время известной феодальной усобицы 30—40-х годов XV в.»³ Более детально им определено время поступления в Москву архива галицких князей. Конфискация «последовала или после взятия Василием II в 1450 г. Галича, или, вернее, после смерти Дмитрия Шемяки в 1453 г. в Новгороде»⁴.

Л. В. Черепнин выявил и проанализировал около десятка грамот из архива Юрия Дмитриевича и его сына Дмитрия Шемяки, сохранившихся в подлинниках в составе московского великокняжеского архива. Среди них «одна из договорных грамот Василия II с Дмитрием Шемякой и его братом Дмитрием Юрьевичем Красным... представлена в московском великокняжеском архиве только одним экземпляром, который является московским противнем: грамота закрепляет крестоцелование обоих Дмитриев московскому великому князю»⁵.

В настоящей публикации предлагается другой, галицкий противень этой грамоты, являющийся крестоцелованием Василия II галицким князьям Дмитрию Юрьевичу Шемяке и Дмитрию Юрьевичу Красному.

Грамота сохранилась в списке третьей четверти XV в. в сборнике Отдела рукописей ГПБ⁶. Рукопись в четверку, на 84 л. Переплет картонный с кожаным корешком, на нем вытеснен шифр библиотеки. Водяной знак — варианты головы быка (типа Брике, № 14960 — 1439—1440 гг. и № 15068 — 1462 г.). Рукопись написана разными почерками, на полях есть правка, сделанная тем же почерком, которым написан основной текст, а также другим почерком и чернилами. Сборник реставрирован, листы подклеены на сгибах, водяной знак иногда плохо просматривается.

Характеризуя этот сборник, Л. В. Черепнин отмечал, что в нем находится ряд документов, касающихся московско-галицких отношений, не

¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.—Л., ч. 1, 1948; ч. 2, 1951.

² ДДГ. М.—Л., 1950.

³ Черепнин Л. В. Указ. соч., ч. 1, с. 93.

⁴ Там же, с. 96.

⁵ Там же, с. 94.

⁶ ГПБ, QXVII, 58, л. 37—38 об.; 42—42 об.

сохранившихся в подлинниках. Среди них текст докончания Василия с Юрием Дмитриевичем, «написанный от имени последнего», договорная грамота «Василия II, Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного, с одной стороны, и Василия Косого — с другой» и ряд грамот, касающихся отношений московских князей с тверскими и рязанскими⁷.

Текст докончания галицких князей с Василием Васильевичем записан в рукописи не полностью; он обрывается на полуфразе, а сохранившийся отрывок несколько короче московского противеня. В двух местах со слов «А патци вы мои...» до слов «мнѣ та порук с него то свести» (л. 42) и со слов «А где пошлю которого города...» до слов «...пойти с моим воеводою» (л. 42 об.) грамота повторяет форму московского противеня — она написана от лица Василия II.

Трудно сказать, имеем ли мы дело с копией черновика галицкого противеня, где нечетко выдержан формуляр и который был не окончен, или с копией подлинника, сохранившейся в отрывке. В сборнике вообще перепутаны листы, публикуемый документ помещен в двух разных местах (л. 37—38 об. и 42 об.) и, возможно, утрата окончания связана с дефектом рукописи.

В своей монографии Л. В. Черепнин подробно остановился на датировке докончания, убедительно доказав, что московская грамота относится ко второй половине 1434 г.⁸ А. А. Зимин уточнил эту дату — после 5 июня 1434 г. и до 6 января 1435 г.⁹ Очевидно, галицкий противень надо датировать тем же временем.

Текст грамоты публикуется по правилам, принятым в издании «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». В примечаниях оговариваются исправления и вставки, сделанные в рукописи, чернила и почерк исправлений оговариваются лишь тогда, когда они отличаются от чернил и почерка основного текста.

М. Е. Бычкова

* * *

1434 г., 5 июня — 1435 г., 6 января. — Докончальная грамота галицких князей Дмитрия Юрьевича Шемяки и Дмитрия Юрьевича Красного с московским великим князем Василием Васильевичем

4. 37 Б(о)жнѣю м(и)л(о)стию и пр(е)ч(и)стыю его м(а)т(е)ри на сем г(о)с(по)ди не и брате старѣишии княз(ь) великии Василии Васильевич целуи к нам кр(е)сть къ своеи брати молодшеи кн(я)зю Дмитрею Юрьевич(у) и княз(ю) Дмитрею Юрьевич(у).

4. 37 об. Имѣти ти нас собѣ братею молодшею и нам, г(о)с(поди)не, под тобою¹ держати твое велик(о)е княжение ч(е)стно и грозно, без обиды. А тобѣ г(о)с(поди)не, нас княз(ей) велик(их) держат(ь) в братствѣ // и в любви и въ ч(е)сти², без обиды, а держати ти нас по том(у), как держал о(те)цъ твой княз(ь) велик(и) Василии Дмитриевич своего брат(а) молодшаг(о) нашег(о) о(т)ца княз(я) Юрии Дмитриевич(а), по грамотам по д(о)кончальным. А добра т(и) нам хотѣти во всем вездѣ, в Ордѣ и на Рус(и). А што ти слышеш о нашем добрѣ и о лисѣ от кр(е)стьянина или от иноврѣца, то ти нам повѣдат(ь) в правдоу, бес примышленки. А нам³ тобѣ, великому княз(ю), добра хотѣти въ всем, вездѣ, в Ордѣ и на Рус(и). А што нам слышеш о твоём добрѣ и о лисѣ от кр(е)стьянина или от иноврѣца, и то нам тобѣ повѣдати в правдоу, бес примышлен(ь)ки. А кто бу-

⁷ Черепнин Л. В. Указ. соч., ч. 1, с. 78, 84, 109, 121; ч. 2, с. 351.

⁸ Там же, ч. 1, с. 94, 118—119.

⁹ Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. — ПИ, вып. VI. М., 1958, с. 300.

¹ Буквы то вписаны над строкой.

² В рукописи чти без титла.

³ Дальше зачеркнуто том.

дет, г(о)с(поди)не, тобѣ, великом(у) княз(ю), друзг, то и намъ друг. А хто теб(е) недруг, то и намъ недруг. А хто будет нам друг, и тоб(е) друг, а кто нам недруг, то и тоб(е) недругъ. А не канчивати ти, г(о)с(поди)не, без нас ни с кѣм. А нам не канчивати без тоб(я) ни с кѣм. А с кѣм будеш(ь) в докончаниѣ, и тобѣ нас оучинит(и) с тѣм в докончании.

А гдѣ г(о)с(поди)не, княз(ь) велик⁴ вамъ, всадеши(ь) на конь, и нам пойти с тобою. А гдѣ будетъ пригоже(е) // нас послати, и нам пойти без ослоушаниа. А гдѣ пошлеш(ь) своих воевод и⁵ нам послат(ь) своих воевод⁵.

А вотчины ти нашей под нами, чѣм нас бл(а)г(о)с(ло)в(и)ль о(те)ць н(а)шъ княз(ь) Юрии Дмитриевич своею вочиною и города и волостми и селы, тако ж и тог(о), чѣм еси нас пожаловал, дал ес(и) нам в очин(у) княж Костантиа⁴ оудѣл Дмитриевич(а), Ржеву и Оуглеч с Московским жеребьи, и с волостми, и сел, и со всѣми с тѣми, што было за нашим дадею за княз(е)мъ Костантином Дмитриевичем, и Бѣжицкий Верхъ и съ всѣм с тѣм, што сѧ еси былъ отступил нашему о(т)цю княз(ь) Юрию Дмитриевич(у) и с волостми и с селы, опрочъ Шачебада и Ликоурги и Адномы, Ивановских сел Дмитриевич(а), Алабузина и Есъска, и Новосельский с деревнами, и со всѣм с тѣм, што к тому потагло, и судом и з данию, и за ту дань даводим князю великом(у) в тысячной оклад по полутретия р(у)б(л)я. А в Олабузин и въ Еское в Новоселки данных люди из Бѣжицков(о) Верха не примати. А Москва нам с тобою держати по дѣ//да нашег(о) грамотѣ по д(у)ш(е)вной, великог(о) княз(я), Дмитриия Иванович(а). А того ти, г(о)с(поди)не и брата старѣшой княз(ь) велики, подѣ нами блюсти всег(о), а не обидѣти, ни вступатис(ь).

А Бѣжицкий Верхъ нам держати с Новым городом по старинѣ.

А в Орду нам без твоег(о) вѣдан(ь)ю, великог(о) княз(я), не слати никаким(и) дѣлы. А Орда оуправливати тобѣ самому, великом(у) княз(ю). А нас тобѣ имат(ь) выход по старым дефтерем по кр(е)стному целован(ь)ю. А Галицкие ти выти не взат(и) три годы в выход. А перемѣнитсѧ какими дѣлы Орда, а не даши(ь) выход в Орду и тобѣ оу нас не взат(ь).

А половъ ти галицкой отдати. А сыскати ег(о) по кр(е)стному целованию.

А што будет наши люд(и), которые нам служатъ пени старые или суды, и кто от соудов и пен(ь) и от порук оутекли в наше нелюбие межи нас и наших люди и соуды и воины и грабеж и тому всему дерть по наше-м(у) докончанию.

А Ватка по о(т)ца нашего по послѣднее докончан(ь)е.

А натци вы мои, которые оу вас сѣ//дат, тѣх вы отпустити слободных. А которые на поруцѣ, с тѣх вам порук свести. А на которыхъ⁶ будете поимали кабалы или серебро перевели, и то вам с них свести опроч Василию Вепрева.

А что было о(т)цю вашему отдати, что оу мен(я) поимали или моеи м(а)т(е)ри и кр(е)сты ч(е)стныя и иконы, и что иное по тому докончанию, и чего будет не отдал о(те)ць вашъ, и что будет оу васъ и вамъ то все отдат(ь) по кр(е)стному целованию. Також иных что будете взяли на Москву новешним приходом оу мене и оу моеи матери, и оу моих княз и оу бокаръ и оу дѣтеи бокарскихъ и что будет оу вас и вам то отдат(ь).

А что из княз(ь) велик(и) взал на поручник(е) на княж на Дмитриев Раполовского на Петрѣ пятдесят рублев и мнѣ то отдати. А что княз(ь) Иванъ Засѣка на поруч во стѣ рублев, и мнѣ та порук с нег(о) свести. А что ввел зат(ь) твои княз(ь) Олександръ Иванович о(т)цю нашем(у) четыре села, два Гавриловские да Юрышов да Ивановское в пятисот рублев, и то то//бѣ великому княз(ю) оправити по д(о)кончанию.

⁴ Так в рукописи.

⁵ Вставка на верхнем поле другим почерком и другими чернилами.

⁶ Буквы ор вписаны над строкой более темными чернилами.

А князеи вам с очинами не приимат(ь).

А бокром и дѣтем бокрьскимъ межи нас волным вола. А осада городнак гдѣ кто живеть, тутъ тотъ и сѣдит, опроч(ь) бокрь введеных и путников. А гдѣ боудет ити нашим ратем и гдѣ ⁷ кто живет в очие и в отчинѣ и кому кто служить, и тотъ идет своим осподарем. А гдѣ поплю которог(о) города своег(о) воеводу и которые люд(и) вам служат того город(а), и тѣм людем поит(и) под вашим воеводою. А вашему воеводѣ поити с моим воеводою. А кто служит тобѣ, велик(о)му князю, а живеть в нашей вочинѣ, и гдѣ пошлем своихъ воевод и тѣмъ людем поити под твоим воевод(о)ю. А нашим воеводам поити с твоим воевод(о)ю. А которые люд(и) служат нам, а живут в твоеи вотчинѣ въ великом княж(е)нии⁸...

ГЛБ, QXVII, 58, л. 37—38 об.; 42—42 об.

⁷ Слово вписано над строкой.

⁸ На поле карандашом запись «NB. Кажется не дописана».

ПОКАЗАНИЯ А. И. УЛЬЯНОВА ПО ДЕЛУ 1 МАРТА 1887 Г.

Публикуемые впервые показания А. И. Ульянова от 27 марта и 10 апреля, хранящиеся в ЦГАОР СССР, позволяют более полно проследить ход следствия по делу 1 марта 1887 г. и оттенить некоторые стороны революционной деятельности Александра Ильича, известные отчасти по другим источникам.

Первый документ¹ является одним из семи автографов показаний на дознании руководителя «Террористической фракции партии «Народная Воля»». Шесть из них давно введены в научный оборот² и хорошо известны в историографии. В 1929 г. в предисловии к одной из статей в журнале «Пролетарская революция» А. И. Елизарова, первый биограф и исследователь революционной деятельности А. И. Ульянова, указала на копию его показания от 27 марта и использовала ее для уточнения даты отъезда члена группы О. М. Говорухина из Петербурга накануне покушения³. Тем не менее это показание не вошло в новую публикацию следственных материалов, где датой последнего допроса А. И. Ульянова неверно указывается 21 марта 1887 г.⁴ Заверенная копия показания А. И. Ульянова от 10 апреля, оригинал которой, видимо, не сохранился, не использовалась в литературе. Публикуемые документы свидетельствуют о конспиративных приемах, применявшихся А. И. Ульяновым, который еще с конца 1886 г. находился под наблюдением петербургской охранки и расценивался ею как «политически неблагонадежный»⁵. Как видно из показания Александра Ильича от 27 марта, избежать провала при выполнении самой опасной работы по организации покушения он сумел благодаря тому, что заметил слежку. Поэтому для переписки он использовал адреса лиц, не вызывавших подозрения полиции. Интересные данные приводит источник о внимании А. И. Ульянова к судьбе О. М. Говорухина: после успешного перехода последним границы для Александра Ильича из Вильно была послана условная телеграмма. Документ содержит важное указание на то, что А. И. Ульянов поддерживал связи с

¹ Ссылки на этот источник (без указания даты допроса) встречаются в работах: Крикунов В. П. А. И. Ульянов и революционные разночинцы Дона и Северного Кавказа. Нальчик, 1963, с. 128; Итенберг Б. С., Черняк А. Я. Жизнь Александра Ульянова. М., 1966, с. 130. См. об этом: Альтман И. А. К вопросу о показаниях А. И. Ульянова на следствии как историческом источнике.— СА, 1977, № 3.

² Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. Под ред. А. И. Ульяновой-Елизаровой. М.—Л., 1927, с. 368—375. Для публикации были использованы копии показаний А. И. Ульянова с 3 по 21 марта, прилагавшиеся к донесениям министра внутренних дел и директора департамента полиции Александру III (ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 249, д. 9).

³ Никонов С. А. Из воспоминаний об А. И. Ульянове (с предисловием А. И. Елизаровой).— Пролетарская революция, 1929, № 2-3, с. 174.

⁴ Коваленко Н. Б., Козочкина А. М. К биографии Александра Ульянова.— СА, 1966, № 2, с. 69.

⁵ Семанов С. Н. А. И. Ульянов под наблюдением Петербургского охранного отделения.— ИА, 1960, № 2, с. 202—204.

революционерами других городов, адреса которых были зашифрованы в его записной книжке. Объяснению одного из них и посвящено показание А. И. Ульянова от 10 апреля. Особую ценность имеет указание Александра Ильича о его намерении при необходимости покинуть Петербург, т. е. перейти на нелегальное положение для продолжения революционной деятельности.

Показания А. И. Ульянова публикуются в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1969).

И. А. Альтман

* * *

Показания А. И. Ульянова по поводу письма О. М. Говорухина от 27 февраля 1887 г. из Цюриха

26 марта 1887 г.

Приблизительно в январе этого года я обратился к моему знакомому по университету князю Николаю Александровичу Тенишеву¹ с просьбой позволить мне сообщить его адрес некоторым из моих знакомых, чтобы они могли через него писать мне, объясняя это тем, что я думаю переместить квартиру и не могу поэтому дать своего постоянного адреса. На самом же деле я, зная, что за мной следит полиция, хотел иметь на случай более надежный адрес, чем мой собственный. Николай Тенишев согласился на эту просьбу, и я получил через него, сколько помнится, два письма, из них одно было из Харькова, другое же, кажется, из Москвы. От кого были эти письма, я отказываюсь сказать².

Орест Говорухин³ отправился за границу через Вильно; из Петербурга он выехал 20 февраля, в пятницу, с 5-ти часовым поездом. Я содействовал его отъезду, доставши ему для проезда денег⁴ и указавши ему некоторых лиц в Вильно⁵, которые могут ему помочь переправиться за границу. Мы условились с ним, что тотчас по проезде через границу он телеграфирует мне в следующих условных выражениях: «сестра выехала, встречай». Такая телеграмма была действительно получена Брониславом Пилсоцким⁶, который мне и сообщил^{**} ее содержание числа 27 или 28 февраля⁶. Лиц, на которых я указывал в Вильно, я назвать не желаю. Я сообщил Говорухину адрес Тенишева с тем, чтобы по нему он писал мне первые письма, но я не получил от него ни одного письма. Предъявленное мне письмо, помеченное: «Пятница, 11 м[арта] (27 ф[евраля]) Цюрих» за подписью «graf Г. А. Кот-ч-ч» писано, судя по почерку, Орестом Говорухиным мне; буквы «И» в заголовке письма обозначает мое отчество. Из числа лиц, обозначенных в этом письме различными буквами и прозвищами, я могу объяснить, что Р. А.— обозначает Раису Абрамовну Шмидову⁷, Е. Л.— вероятно, Евгению Ларионовну Хлебникову⁸, что же касается остальных, то я не желаю^{***} их назвать. Телеграмма, о которой говорилось в письме Говорухина, есть именно та^{****}, которую Бронислав Пилсоцкий получил из Вильно и о которой я говорил выше.

Сергея и Александра Зарудных⁹ я совершенно не знаю и адреса их для моей переписки никто мне не сообщал. С Михаилом Сосновским я знаком¹⁰.

Александр Ульянов
Ротмистр Лютов
Товарищ прокурора
[судебной] палаты Котляревский

ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 649, л. 307—308. Подлинник.

* Так в тексте.

** Далее зачеркнуто об этом.

*** Далее зачеркнуто и.

**** Далее зачеркнуто о.

10 апреля 1887 г.

Находящийся в моей записной книге план квартиры Александра Сергеевича Зарудного в Петербурге и квартиры Сергея Сергеевича Зарудного в Москве получены мною по следующему поводу. Предполагая, что мне или кому-нибудь из моих знакомых придется уехать из Петербурга¹¹, я искал безопасный адрес для переписки со знакомыми. Для этой цели лицо, которое я не желаю назвать¹², дало мне петербургский и московский адреса братьев Зарудных и начертило план их квартиры, который я перенес в мою записную книжку для того, чтобы из предосторожности не записывать их адресов. Были ли предупреждены Зарудные, что на их адрес могут быть посылаемы письма, мне неизвестно, да в этом предупреждении не было и надобности. Я лично этими адресами не пользовался и никому их не передавал. С Зарудными я не знаком и никогда с ними не виделся.

Подлинный за надлежащими подписями. С подлинным верно:

Отдельного корпуса жандармов поручик *

ЦГАОР СССР, ф. 102, 7-го, 1887 г., оп. 184, д. 47, т. 3, л. 98—98 об. Заверенная копия.

Примечания

¹ Н. А. Тенишев уже после ареста А. И. Ульянова передал в департамент полиции письмо О. М. Говорухина из Цюриха. Говорухин писал о благополучном переходе границы, а также просил сообщить более надежный адрес для переписки (Поляков А. С. Второе 1 марта. М., 1919, с. 50—51). ² Можно предположить, что А. И. Ульянов вел переписку с М. А. Уфляндом и С. С. Зарудным (Итенберг Б. С., Черняк А. Я. Указ. соч., с. 130). ³ О. М. Говорухин (1863—1936) за границей работал в типографии группы «Освобождение труда», затем жил в Болгарии. В 1925 г. вернулся в СССР. ⁴ Для отъезда О. М. Говорухина А. И. Ульянов заложил золотую медаль, которой он был награжден на III курсе Петербургского университета. Это было выяснено на суде. ⁵ Перейти границу О. М. Говорухину помог вилениский революционер А. Д. Гнатовский. ⁶ Б. И. Пилсудский (1866—1918) — студент Петербургского университета. Предоставил свою квартиру в Петербурге для печатания программы группы. Был осужден на 15 лет каторги. ⁷ Р. А. Шмидова (1864—1942) — член группы А. И. Ульянова, осуждена на поселение в «отдаленнейшие места Восточной Сибири». ⁸ Е. Л. Хлебникова — курсистка, выслана на родину, в Кубанскую область, по делу 1 марта 1887 г. (Крикунов В. П. Указ. соч., с. 161). ⁹ С. С. Зарудный (1866—1898) — студент московской Петровской земледельческой и лесной Академии, член местного народофильского кружка, поддерживавшего связи с революционерами Петербурга, Тулы. Был сослан на три года в Западную Сибирь. А. С. Зарудный (1863—1934) — помощник секретаря Петербургского окружного суда, впоследствии известный адвокат; министр юстиции Временного правительства. После революции юрисконсульт Ленинградского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. ¹⁰ М. И. Сосновский — студент Петербургского университета. Принимал участие в составлении программы группы, автор гектографированной прокламации о 1 марта 1887 г. Сослан в Восточную Сибирь на 5 лет. ¹¹ 19 марта генерал П. Оржевский сообщал Александру III, что А. И. Ульянов «в словесных объяснениях с лицами, производившими дознание», заявил, что некоторые члены группы выехали из Петербурга «уже после исполнения той работы, которая выпала на их долю и когда присутствие их в Петербурге могло только увеличить число арестованных. Сам Ульянов остался для издания террористической программы...» (ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 249, д. 9, л. 220). ¹² Вероятно, М. И. Сосновский (Итенберг Б. С., Черняк А. Я. Указ. соч., с. 130).

* Подпись неразборчива.

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ (ноябрь 1976—1977)

15 ноября 1976 г. состоялось заседание Археографической комиссии, посвященное работе VIII Международного конгресса архивов, состоявшегося в Вашингтоне 27 сентября—1 октября 1976 г.¹ На нем выступили представители советской делегации, которые ознакомили слушателей с ходом работы конгресса и его результатами.

Начальник историко-дипломатического управления МИД СССР чл.-кор. АН СССР С. Л. Тихвинский рассказал о принципах работы конгресса, созываемого МСА раз в четыре года, охарактеризовал состав его участников, и в том числе состав советской делегации. Конгресс открыл президент МСА Ф. И. Долгих, который отметил значение работы, проделанной МСА и национальными архивами за период, истекший со времени VII Международного конгресса архивов, состоявшегося в Москве в 1972 г. Общая тема конгресса — «Революция в современном архивном деле» — была разделена на четыре подтемы, которые обсуждались на четырех пленарных заседаниях: «Радикальные изменения в предархивной обработке документации», «Технический прогресс в архивном деле», «Расширение доступа к архивной документации» и «Архивное дело в развивающихся странах». Среди докладов по первой теме С. Л. Тихвинский отметил доклад американского архивиста А. Рикса «Руководство работой по отбору, хранению и использованию документации» и доклад бывшего директора Национального архива Франции Ги Дюбоска. Первый из этих докладов содержал широкую постановку проблемы научно-административного заведования делопроизводственными документами от их создания до уничтожения или передачи архиву на постоянное хранение. Доклад Дюбоска показал место так называемых «центров предварительного хранения материалов» в современной организации архивных служб различных стран. Доклад директора на-

циональных архивов Швеции А. Кромноу «Экспертиза ценности при отборе документации на постоянное хранение» был посвящен проблеме проведения экспертных оценок поступающих в архивы или хранящихся там материалов на предмет уничтожения не представляющих ценности документов с целью предохранить архивохранилища от переполнения и уменьшить расходы на их содержание.

С. Л. Тихвинский отметил большой интерес участников конгресса к докладу директора ВНИИДАД А. П. Курантова, в котором на основе изучения опыта различных национальных архивных служб, и главным образом опыта Советского Союза, были детально рассмотрены сложившиеся к настоящему времени основные аспекты управления архивами: научно-организационный, научно-исследовательский и научно-информационный. В докладе было подчеркнуто, что в Советском Союзе основы специализированной государственной архивной службы были положены еще в 1918 г. ленинским декретом «О реорганизации и централизации архивного дела». По теме «Технический прогресс в архивном деле» были также заслушаны доклады Л. Белла (Англия) «Машинчитаемые документы и архивы» и К. Креспо (Испания) «Новое в строительстве архивохранилищ и развитии архивной репрографии».

Особенно активная дискуссия развернулась по теме «Расширение доступа к архивной документации». В докладе директора Государственного архива Венгерской Народной Республики И. Борса рассматривался процесс расширения клиентуры архивов в период после второй мировой войны и отмечалась необходимость модернизации поисковых указателей и их систем с целью удовлетворения растущих запросов расширяющегося контингента посетителей. Директор Национального архива Индии С. Н. Прасад особенно подробно остановился на трудностях, связанных с ограничением доступа к документам, и на проблеме взаимоотношений в этой связи организаций, создающих документы, архивистов и исследователей. В докладе было подчеркнут-

¹ О нем см.: *Капран М. Я., Михайлов О. А.* VIII Международный конгресс архивов. — СА, 1977, № 1.

то значение опыта Советского Союза для облегчения работы ученых в архивах и подвергнута критике система доступа к архивам в таких организациях, как Лига Наций и ООН. Значительное внимание в докладе С. Н. Прасада было уделено также введению в научный оборот важнейших для истории развивающихся стран национальных архивных источников.

В прениях по этой теме выступили делегаты от ФРГ, США и СССР. Американская архивистка П. Гримстед поделилась опытом своей плодотворной работы в различных советских государственных архивах и рассказала о составленных ею путеводителях по ряду советских архивов.

Выступив на заседании конгресса, С. Л. Тихвинский уделил особое внимание вопросу о расширении доступа и введению в научный обиход архивных материалов, которые могут способствовать укреплению мира и безопасности. Подчеркнув значение рекомендаций Совещания в Хельсинки о развитии международных связей в области культуры и науки, он указал на тот вклад, который могут вносить в укрепление мира и связей между странами различные формы деятельности архивных служб: рост обмена документами, публикации внешнеполитических документов, совместные публикации архивными службами разных стран документов из истории двусторонних отношений между странами, проведение национальных и международных выставок архивных материалов. Воздействие таких мер не только на исследователей, но и на широкие слои общественности является важным вкладом в дело либерализации доступа к архивам.

По теме «Архивное дело в развивающихся странах» были заслушаны доклады директора Национального архива Федеративной Республики Нигерии С. О. Соувулу «Всеобщая революция в архивном деле», Г. Капта (Республика Берег Слоновой Кости) «Особенности деятельности архивов в развивающихся странах» и А. Таноли (Аргентинская Республика) «Помощь архивам развивающихся стран».

Члены советской делегации Н. Б. Волкова, М. Я. Капран, А. Г. Митюков, О. А. Михайлов, Д. Р. Рамазанова и другие выступили в качестве официальных участников дискуссий по докладам на пленарных заседаниях, а также на заседаниях различных комиссий конгресса.

В заключение сообщения на заседании комиссии С. Л. Тихвинский сообщил о результатах перевыборов руководящего состава МСА, отметив, что Ф. И. Долгих, которого сменил на посту председателя МСА директор Национального архива США Дж. Б. Роудс, был избран почетным членом исполкома МСА.

Выступивший вслед за ними начальник Отдела внешних сношений ГАУ М. Я. Капран коснулся ряда вопросов, поднимавшихся в докладах конгресса.

Он уделил большое внимание обсуждению проблемы состояния архивного дела в развивающихся странах и оказания им технической помощи со стороны архивных служб развитых государств. Выступившие на конгрессе по этому вопросу представители (М. Я. Капран, Д. Р. Рамазанова) изложили позиции Советского Союза в деле оказания технической и другой помощи развивающимся государствам, в том числе и в области архивного дела. Ими было указано на имеющиеся возможности обучения студентов из этих государств в высших учебных заведениях СССР, приезда архивистов из развивающихся стран для ознакомления с опытом работы государственных архивов СССР, обмена архивоведческой литературой, а также проведения при содействии ЮНЕСКО и МСА семинаров архивистов этих стран.

М. Я. Капран особенно подробно остановился на принятых конгрессом рекомендациях по обсуждавшимся проблемам. Была провозглашена важность дальнейшей реализации рекомендаций, принятых на предыдущих конгрессах, в частности на VII Международном конгрессе архивов в Москве в 1972 г. При этом указывалось на необходимость обратить особое внимание на усовершенствование подготовки национальных кадров архивистов, развитие научно-исследовательской работы в архивах, расширение публикаторской работы по вопросам архивоведения и особенно по проблемам научного управления архивами. Признавая важное значение проведения исследований в области современной научной архивной терминологии, конгресс рекомендовал создать комитет по подготовке международного словаря архивной терминологии. М. Я. Капран отметил, что председателем образованного в 1976 г. комитета МСА по работе архивов литературы и искусства была избрана Н. Б. Волкова — директор ЦГАЛИ.

Конгресс рекомендовал исполкому МСА приступить к изучению проблемы возможного использования в архивах ЭВМ для автоматического поиска информации, связывая эту работу с другими системами поиска информации, применяемыми в библиотечных и других центрах документации, а также разработать с учетом опубликованных рекомендаций проект международного соглашения об юридической силе микрорепродукций архивных документов.

По предложению советской делегации в рекомендациях конгресса отмечается историческое значение в жизни народов Заключительного акта Хельсинкского совещания глав государств и в связи с этим рекомендуется широко использовать документальные материалы архивов в интересах социального прогресса, мира и дружбы между народами.

Было также принято решение о проведении в 1978 г. международной «Недели архивов».

Директор ЦГАЛИ Н. Б. Волкова под-

черкнула, что значительное внимание на конгрессе было уделено работе с фондами личного происхождения. В выступлениях говорилось о сложности получения этих материалов и особенностях их использования. В решении конгресса было записано: рекомендовать МСА включить в свою исследовательскую программу проблемы сохранности, описания и использования частных архивов.

В 1976 г. президентом МСА был учрежден комитет по работе архивов литературы и искусства. Во время конгресса состоялось предварительное заседание комитета (так как состав членов еще не был утвержден), на котором обсуждались вопросы его будущей работы, в том числе: роль архивов литературы и искусства в рамках организации архивов, библиотек и музеев; возможности сотрудничества этих учреждений; сохранность частных архивов и коллекций; создание специальных отделов в архивах по работе с личными фондами.

Для участников конгресса было устроено несколько приемов. На одном из них члены советской делегации встретились с сотрудниками Института изучения СССР им. Кеннана при Международном центре ученых им. Вудро Вильсона. В 1975—1976 гг. институт занимался выявлением архивных материалов, имеющих отношение к России и Советскому Союзу, которые находятся в государственных хранилищах, а также частных архивах и коллекциях. Были обследованы не только широко известные коллекции, но и собраны данные о малоизученных. Среди обнаруженных материалов привлекают внимание переписка С. Рахманинова, рукописи П. Лаврова и Г. Юдина, письма К. Бальмонта и Л. Толстого, И. Тургенева, А. Фета, П. Чайковского. Найдены также документы об участии русских в американской революции и гражданской войне, об освоении ими Аляски и русских поселениях в Калифорнии, о русско-американских дипломатических отношениях. Собранные сведения должны войти в справочник, который был бы чрезвычайно полезен в деле обмена архивными материалами.

С интересом осмотрели члены советской делегации Библиотеку Конгресса. Кроме 17 миллионов книг она располагает значительным количеством рукописей, карт и планов, гравюр и рисунков, фотографий и микрофильмов. Особое внимание было привлечено к отделу, в основу которого легло большое книжное и рукописное собрание, принадлежавшее красноярскому купцу Г. В. Юдину и приобретенное в 1913 г. Сейчас в отдел поступают книги и журналы из Советского Союза и других социалистических стран.

Большое впечатление, отметила Н. Б. Волкова, осталось и от посещения Национального архива США. Его осмотру предшествовал показ документального фильма о работе архива и его материалах. Затем члены делегации смогли ознакомиться с условиями хранения, служ-

бой реставрации, читальным залом и каталогом архива. Кроме пяти фондовых отделов, где хранятся материалы правительственных учреждений, гражданских и военных служб, кино-фоно-фотодокументации, картографические документы, имеется также отдел экспертизы ценности документов и центральный справочный отдел, который занимается также обслуживанием исследователей. В связи с 200-летним юбилеем американской революции в архиве была развернута выставка уникальных исторических документов. Кроме этих учреждений делегации удалось ознакомиться с Национальной галереей искусств, Хиршорнским музеем, где собрана современная живопись и скульптура, а также с рядом других музеев, общественных зданий и памятников Вашингтона.

Закрывая заседание, председатель Археологической комиссии С. О. Шмидт поблагодарил докладчиков за богатую и разнообразную информацию о конгрессе. VIII Международный конгресс архивов показал, как велико значение решений VII конгресса, состоявшегося в Москве, чьи рекомендации об установлении связей ведомств и учреждений с архивами во многом определили собою проблематику последнего конгресса. С. О. Шмидт особо отметил действенную роль советской делегации на этом представительном международном форуме.

6—8 декабря 1976 г. в Москве состоялась первая Всесоюзная конференция по полевой археологии².

29 декабря 1976 г. на заседании Археологической комиссии был заслушан доклад члена-корреспондента Академии педагогических наук А. Н. Алексеева и А. Д. Вартаньян (ВНИИДАД) «Анализ эффективности использования документальных изданий в идейно-пропагандистской работе в свете решений XXV съезда КПСС».

Расширение издательской деятельности архивов и рост общественного интереса к ней выдвигают задачу анализа эффективности этой деятельности. Исследование эффективности публикационной работы должно включать в себя как экономический анализ затрат на нее, так и анализ организации этой работы и по стране в целом и в каждом издающем документе учреждении, вопросы взаимодействия служб издания и сбыта публикаций и, наконец, изучение читательских интересов различных групп населения.

Оценка публикационной работы основывалась до сих пор преимущественно на таких характеристиках, как широта и актуальность тематики изданий, их количество и тиражи. Предпринимались также попытки установить объем нераспроданного тиража, подсчитать число сносок на документальные издания в научно-справочном аппарате исследований. Изучение же эффективности изданий для развития исторической науки, для работы идеологических учреждений и учеб-

² См. с. 370—373 наст. изд.

ных заведений не проводилось. Так как необходимость таких исследований назрела, то встает вопрос о разработке научно обоснованной методики их проведения. Очевидно, что для определения эффективности каждого типа издания и использования его в соответствующих сферах деятельности потребуются свои методы, отвечающие специфике типа издания.

При анализе использования документальных изданий в идейно-пропагандистской работе ведущее место должны занять социологические методы исследования: интервьюирование и анкетирование идеологических учреждений (домов и кабинетов политического просвещения, организаций общества «Знание», библиотек и др.) и лиц, ведущих идейно-воспитательную работу (пропагандистов, лекторов, партийно-комсомольского актива).

Обращение к методам социологических исследований диктуется спецификой самих документальных изданий, подавляющее большинство которых предназначено не для разового прочтения, а для постоянного или периодического обращения к ним как к источнику. Для установления частоты обращения к каждому изданию в библиотеке необходимо обследование книжных формуляров или получение соответствующих данных от библиотекарей.

Для получения более полных сведений о степени удовлетворения потребности идеологических учреждений в документальной информации необходимо обращение непосредственно к ее потребителям, что позволит лучше узнать действительные потребности в документальных публикациях (по тематике изданий, по методике подачи документального материала, по характеру дополнительных сведений и т. д.) различных идеологических учреждений, различных читательских аудиторий, т. е. получить те данные, которые необходимы для повышения эффективности и улучшения качества публикационной деятельности. Исследование эффективности использования документальных изданий в идейно-пропагандистской работе должно основываться на тех критериях эффективности пропаганды, которые разработаны в теории идеологической работы: выработка знаний, идейной убежденности, трудовой и общественно-политической активности, формирование нравственного облика человека. Анализ этого комплекса вопросов требует методики, опирающейся на длительный психолого-педагогический эксперимент. Поэтому исследования в области использования документальных изданий в идейно-пропагандистской работе следует вести поэтапно.

На первом этапе могут быть выяснены вопросы интенсивности и форм использования документальных изданий учреждениями и лицами, ведущими идейно-пропагандистскую работу в массах.

На втором этапе исследование может быть расширено до изучения читатель-

ских интересов массовых читательских аудиторий.

На третьем этапе возможно выяснение того, какое место занимают документальные издания в обеспечении эффективности идейной пропаганды, как влияют на выработку знаний и убеждений лиц, являющихся объектом пропагандистского воздействия.

На всех трех этапах исследование целесообразно вести как комплексное: на первом — желательное включение его в те обследования состояния идеологической работы, которые проводятся партийными организациями во всех регионах; на втором — в исследования круга и характера чтения, проводимые государственными библиотеками; на третьем — в исследования психологов и педагогических учреждений.

Для первого этапа исследования ВНИИДАД разработал методику, которая прошла рецензирование специалистов и была опробована в ходе пилотажного (экспериментального социологического) исследования в 14 домах и кабинетах политического просвещения, 10 комитетах по телевидению и радиовещанию, в 35 библиотеках, на 4 предприятиях. Пропагандистами и лекторами общества «Знание» заполнено 40 анкет, разработанных для данного исследования. Отзывы специалистов и архивных учреждений (всего поступило 24 отзыва) и анализ материала, собранного в ходе пилотажного исследования, свидетельствуют о том, что данная методика соответствует целям и задачам первого этапа исследования.

В ходе исследования, которое провел ВНИИДАД, сформулированы следующие условия, обеспечивающие эффективность использования документальных изданий в идейно-пропагандистской работе: подготовка публикаций с учетом задач и особенностей идейно-воспитательной работы; информирование об имеющейся документной базе заинтересованных учреждений и лиц; разработка методики использования документальных изданий в идейно-пропагандистской работе.

В настоящее время еще не все эти условия в достаточной мере обеспечены: методика использования документальных изданий в пропагандистской работе не сформулирована даже в общих чертах; сведения о документальных публикациях в методических и библиографических изданиях, подготовленных за последние десять лет библиотеками, институтами и другими учреждениями, отражены недостаточно; учет специфики требований основного звена идеологической работы — сети партийного просвещения — при подготовке документальных публикаций учитывается только отдельными коллективами археографов.

Использование социологических методов на первом этапе исследования даст архивным учреждениям возможность активно влиять на формирование всех вышеуказанных условий; установление

контактов с идеологическими учреждениями позволит не только выяснить потребности в документной информации данного круга учреждений, но и будет способствовать улучшению постановки пропаганды документальных публикаций и обобщению опыта работы с ними, накопленного лекторами и пропагандистами.

Выступившие в прениях Т. В. Батаева (УДН), М. Н. Черноморский, В. М. Хевролина (МГИАИ), Л. Н. Крючкова (Институт конкретных социальных исследований), Л. И. Панин (ГАУ), С. Л. Богина (ВНИИДАД), С. О. Шмидт (Археографическая комиссия) одобрили основные направления предпринятого исследования, обратив вместе с тем внимание на его трудности, на необходимость привлечения к нему наряду с археографами и пропагандистами также социологов и психологов.

18 февраля 1977 г. на заседании Археографической комиссии был заслушан доклад чл.-кор. АН СССР В. Л. Янина «Старая граммофонная пластинка как объект источниковедения». Доклад сопровождался демонстрацией редких граммофонных записей из коллекции В. Л. Янина. Написанная на основе доклада статья публикуется в настоящем издании³.

31 марта состоялось совместное заседание сектора археографии ВНИИДАД и Археографической комиссии, на котором с докладом «Эффективность использования документальных изданий в исследованиях по отечественной истории» выступил О. Ф. Козлов (ВНИИДАД). Он рассказал о предпринятой сектором археографии работе по определению критериев оценки эффективности использования этих изданий в исследованиях по истории крестьянского движения в России в XIX в. Были изучены результаты использования учеными таких публикаций, как многотомная документальная серия «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в.» (М.—Л., 1959—1968), документальные издания «Крестьянское движение 1827—1869 гг.» (вып. 1—2. М.—Л., 1931), «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права» (ч. 1—2. М.—Л., 1949), «Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы. 1861—1862 гг.» (М.—Л., 1950). Ввиду многочисленности литературы по данной проблеме были рассмотрены исторические исследования, созданные за последние 15 лет такими авторами, как Н. М. Дружинин, Х. С. Гуревич, П. А. Зайончковский, И. И. Игнатович, Б. Г. Литвак, А. С. Нифонтов, В. А. Федоров, М. Б. Фридман и др. Изучение показало, что документальные издания не только послужили источником стержнем рассмотренных работ, но и явились основой целого ряда важных выводов и наблюдений. Большой комплекс опубликованных документов, ка-

ким является серия «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в.», и наличие в нем сводной хроники крестьянского движения сделали возможным применение статистического метода. Кроме того, документальные публикации определили характер и направление поисков недостающих источников. Обобщив результаты проведенной работы, О. Ф. Козлов заключил, что эффективность использования изданий документов в исторических исследованиях определяется интенсивностью их использования и тем влиянием, которое они оказали на выводы и обобщения, имеющие большое значение для развития историографии проблемы. В обсуждении приняли участие М. Н. Черноморский, В. М. Хевролина, Д. М. Эпштейн (МГИАИ), В. А. Черных (Археографическая комиссия), М. Г. Белогуров (ЦГАОР СССР), И. А. Георгиевская (ГАУ), В. Р. Копылов (ВНИИДАД). В их выступлениях было одобрено проведенное исследование и определен ряд вопросов, подлежащих изучению при дальнейшей разработке данной проблемы.

8 апреля состоялось заседание Археографической комиссии, на котором выступил болгарский ученый профессор К. М. Кувев с докладом «Собирание и изучение русскими учеными памятников южнославянской письменности на Балканах». Он подробно осветил историю обнаружения, изучения и издания русскими историками и филологами памятников древней письменности болгарского происхождения, находившихся на Балканском полуострове. Большой интерес многих крупных русских ученых к истории и культуре братского болгарского народа, проявившийся уже с начала XIX в., определил собою огромное значение их трудов в этой области. В докладе был дан общий очерк археографической деятельности в этом направлении К. Ф. Калайдовича, В. И. Григоровича, О. М. Бодянского, М. П. Погодина, А. В. Горского, В. М. Ундольского, А. Н. Попова, П. А. Лаврова, М. Г. Подруженко, Г. А. Ильинского и др. Благодаря их усилиям были открыты и изучены такие выдающиеся памятники IX—XIII вв., как сочинения Иоанна Экзарха, «Сказание черноризца Храбра», «Азбучная молитва» Кирилла, Учительное евангелие Константина Преславского, Паннонские легенды с пространными житиями Кирилла и Мефодия, сборник, содержащий имена всех болгарских князей и царей, «Беседа» пресвитера Козьмы, а также древние рукописи Охридского и Слепенского апостолов, Мариинского, Боянского и Карпинского евангелий. Вместе с работами болгарских ученых эти труды заложили основы современных представлений об истории славянской культуры.

Выступивший в прениях В. П. Козлов (ВНИИДАД) отметил особый интерес доклада, показавшего богатые традиции научных и культурных связей русской и

³ См. с. 27—37.

болгарской науки. Он подчеркнул также заметную роль Румянцевского кружка в пробуждении и развитии интереса к истории славянской письменности. А. И. Рогов (ИСБ) отметил, что лучшие русские слависты, как дореволюционные, так и советские, занимались также историей России и археографией. Одним из таких ученых был М. Н. Тихомиров, в котором, как ни в ком другом, воплотились эти традиции отечественной науки. Созданная им Археографическая комиссия успешно их продолжает. Подготавливаемый ею Сводный каталог рукописей, хранящихся в СССР, включает большое количество сведений о болгарских письменных памятниках. О. А. Князевская (Археографическая комиссия) и К. В. Горшкова (МГУ) указали на важность того, что история русской археографии столь плодотворно исследуется болгарскими учеными. С. О. Шмидт (Археографическая комиссия) особо подчеркнул научную актуальность и многогранность исследования К. М. Куева, сообщил данные о некоторых трудах по этой тематике, выявленных при подготовке Археографической комиссии Каталога личных архивных фондов историков и ученых смежных областей знания. Исследование проф. К. М. Куева, известного специалиста по истории культуры славянских народов, важно как показатель все расширяющихся связей народов наших стран.

26 мая в Археографической комиссии состоялись традиционные Тихомировские чтения⁴.

6 октября состоялось заседание Археографической комиссии, на котором выступил чл.-кор. АН СССР В. Л. Янин с докладом «Новые берестяные грамоты Великого Новгорода. (Открытие художественной мастерской конца XII века)».

С 1973 по 1977 г. Новгородская археологическая экспедиция вела работы на Троицком раскопе, где исследовалась расположенная на древней Черницыной улице Людина конца усадьба. Еще в 1973 г. здесь была найдена берестяная грамота № 502 конца XII в., адресованная Олисею Гречину, которая позволила в предположительной форме отождествить владельца усадьбы рубежа XII—XIII вв. с Гречином, известным летописцу под 1193 г. Летописный Гречин был одним из претендентов на архиепископскую кафедру, церковная же принадлежность раскапываемой усадьбы несомненна: на нее указывал как комплекс вещевых находок, так и берестяные грамоты, в числе которых обнаружен ряд церковных поминаний.

Летом 1977 г. в слоях рубежа XII—XIII вв. на этой усадьбе было найдено еще 19 берестяных грамот, в числе которых снова встретились церковные поминания и три документа, адресованные Гречину. Грамота № 546 содержала только его имя, грамоты № 549 и 553 оказались заказами на изготовление икон: «Поклоняние от попа къ Грциноу. На-

пиши ми шестокриленая ангела 2 на довоу икоунокоу на верьху деисусоу. И цлоую ты, а бог за мездоу, или лади вься» (№ 549); «От попа от Минь ко Грциноу. А боуди семо ко Петровоу дени съ икоунами с тримо» (№ 558). Кроме того, грамота № 553 на обороте обычного поминального списка содержала запись иконописной композиции (Христос с предстоящими Анной, Григорием, Феодосием и Захарией), а грамота № 552, написанная по-гречески («Меркурию стратилату»), указывает на греческую принадлежность писавшего. Эти находки концентрируются внутри и около большого сруба производственного назначения и сопровождаются остатками иконных досок, кусками краски, материалами для производства краски, керамическими сосудами, в которых она разводилась, многочисленным янтарем для изготовления олифы, а также большим скоплением осколков глиняной тары, применявшейся для транспортировки растительных масел. Иконописание на усадьбе сопровождалось побочными производствами: изготовлением басменных иконных окладов и утилизацией отходов этой деятельности. Очевидно также, что в грамоте № 549 речь идет о заказе на храмовые иконы для расширения алтарной преграды.

Обнаруженные материалы заставляют обратить внимание на упоминание под 1196 г. художника Гречина Петровича, расписывавшего фресками надвратную Пречистенскую церковь в Детинце, и отождествить с ним Олисея Гречина Троицкого раскопа. Гречин Петрович — один из трех новгородских художников, упомянутых летописью (двое других — Исайя Гречин и Феофан Грек). В заключение В. Л. Янин выразил надежду, что технологическое исследование остатков красок и установление их рецептуры и гаммы позволит в будущем искать произведения Гречина в наличном материале фресковой и станковой живописи Новгорода конца XII — начала XIII в.

Н. В. Сеницына (Институт истории СССР АН СССР) в своем выступлении подчеркнула большой интерес доклада и отметила, что высказанные в нем гипотезы достаточно убедительны. Она связала материал доклада с содержащимися в одной из ранних работ Д. А. Ровинского сведениями о том, что в средние века как в Западной Европе, так и в России сами церковные иерархи нередко занимались иконописанием и перепиской рукописей. Является установленным фактом, например, что иконы писал митрополит Макарий (XVI в.). В то время иконописание и переписка рукописей еще не превратились в ремесло. Все это подтверждает гипотезу В. Л. Янина.

А. Л. Хорошкевич (Институт истории СССР АН СССР) отметила важность того факта, что археологи впервые обнаружили художественную мастерскую древнего Новгорода. Она затронула вопрос о национальной принадлежности художни-

⁴ См. с. 221—247 наст. изд.

ка, отметив необычность формы «гречин» в отличие от формы «грек». Доклад В. Л. Янина по-новому освещает вопрос о принадлежности усадеб в древнем Новгороде. В совокупности с работами искусствоведов (в частности, Э. С. Смирновой) он помогает определить место Новгорода в общем потоке византийской культуры.

И. П. Шаскольский (ЛОИИ) сказал, что находка новгородских археологов является первой после того, как М. К. Каргер свыше 40 лет назад обнаружил землянку древнего художника. По его мнению, суффикс «ин» в слове «гречин» обозначает этнический признак, следовательно художник был греческого происхождения. Он отметил важность того, что В. Л. Янину удалось проследить связь усадьбы Неревского конца с югрой, чья церковь находилась рядом с мастерской художника.

М. Е. Бычкова (Институт истории СССР АН СССР) сказала, что доклад В. Л. Янина внес существенные коррективы в сложившееся представление о большой устойчивости новгородской боярской усадьбы, показав ее переход в собственность церкви. Она сопоставила этот факт с приобретением Антонием Римлянином земли у Новгорода для монастыря.

С. О. Шмидт отметил, что доклад В. Л. Янина с яркостью продемонстрировал «родственные» связи археологии и археографии, явился примером комплексного источниковедческого исследования. Весьма важны сведения о связях Новгорода с византийской культурой, представителем которой, возможно, был владелец усадьбы. Далее С. О. Шмидт остановился на вопросе о социальном происхождении художников-иконописцев, а также переписчиков рукописей. Работы Г. К. Вагнера, М. В. Кукушкиной, Н. Н. Розова, Н. В. Синицыной показали активное участие представителей высшей церковной иерархии в изготовлении рукописных книг и писании икон. Доклад В. Л. Янина отодвинул хронологическую границу этого явления к XII в.

25—27 октября в Ереване состоялась конференция по истории средневековой письменности и книги, организованная Археографической комиссией и Институтом древних рукописей им. М. Маштоца — Матенадараном при Совете Министров Армянской ССР. К конференции были изданы тезисы докладов (см. с. 367 наст. изд.; СА, 1978, № 4, с. 122—123).

М. П. Мироненко

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

«Археографический ежегодник за 1975 год». М., 1976. 375 с. (Академия наук СССР. Отделение истории. Археографическая комиссия). Редколлегия. Отв. редактор С. О. Шмидт.

«Археографический ежегодник за 1976 год». М., 1977. 336 с. (Академия наук СССР. Отделение истории. Археографическая комиссия). Редколлегия. Отв. редактор С. О. Шмидт.

«Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР», вып. 2, ч. I, II, М., 1976. 484 с. (ротапринт). (Отделение истории АН СССР. Институт истории СССР АН СССР. Археографическая комиссия АН СССР). Редколлегия. Отв. редактор Л. П. Жуковская. Этот выпуск, так же как и первый¹, имеет целью дать необходимые сведения и рекомендации для выявления, описания и изучения древнейшего славянского рукописного наследия в нашей стране. Часть статей посвящена общим вопросам описания рукописей. Сборник открывается списком наименований памятников письменности и рукописей, рекомендуемых для Сводного каталога. Далее идут работы о методике

выявления филиграней в рукописях форматом 4°, сведения, необходимые для определения русских переплетов. Большинство статей посвящено отдельным памятникам древней славянской письменности: русским летописям XI—XV вв., хронографам, патерикам, ветхозаветным апокрифам и другим источникам, сочинениям древних писателей — русских, болгарских и византийских, различным видам древней книжной письменности (церковным и монастырским уставам, служебникам и требникам, октоихам, триодам, апостолам). Помещены также материалы о песнопениях древних славяно-русских книг и о математических текстах в древнерусских рукописях XI—XV вв.

«Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области). (К методике изучения истории советского исторического краеведения)». М., 1976. 125 с. (ротапринт). (Археографическая комиссия АН СССР. Институт истории СССР АН СССР. Совет Московского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры). Сост. С. Б. Филимонов. Под ред. С. О. Шмидта. Издание основано на тщательном исследовании деятельности Общества изучения Московской губернии (1925—1930), и в частности входившей в нее секции «Старая Москва» (действ-

¹ Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР», вып. 1. М., 1973.

вовавшей с 1909 г. в качестве комиссии и влившейся в Общество в 1926 г.) и Культурно-исторической секции. Центральную часть издания занимают указатели к протоколам заседаний этих секций: списки докладчиков и сделанных ими сообщений, именной и предметно-географический указатели к протоколам заседаний «Старой Москвы».

«Конференция по истории средневековой письменности и книги. К 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. 25—27 октября 1977 г. Тезисы докладов». Ереван, 1977. 123 с. (ротапринт). (Археографическая комиссия АН СССР. Институт древних рукописей им. Маштоца — Матенадаран при Совете Министров Армянской ССР).

«Опись архива Посольского приказа 1626 года», вып. 1, ч. 1 и 2. М., 1977 (ротапринт). (Памятники отечественной истории). (Главное архивное управление при Совете Министров СССР. Центральный государственный архив древних актов. Археографическая комиссия АН СССР). Подготовил к печати В. И. Гальцов. Под ред. С. О. Шмидта. Издание хронологически и тематически продолжает «Опись Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года» (М., 1960). В первой части содержатся вступительная статья и текст описи. Вторая часть открывается приложением,

включающим описательные статьи черновой описи 1626 г., полностью или частично не вошедшие в беловой вариант описи 1626 г. Здесь также помещены именной, географический и предметно-терминологический указатели.

«О сборе и использовании документальных памятников по истории и культуре родного края» (Рекомендации учителю — руководителю поисковой и музейной работы). М., 1977. 26 с. (ротапринт). (Министерство просвещения СССР. Центральная детская экскурсионно-туристская станция. Археографическая комиссия АН СССР). Сост. И. А. Верба, А. А. Курносов, В. Е. Туманов. Под ред. С. О. Шмидта. Рекомендации имеют целью совершенствование методики собирательской работы школьников-краеведов, участников Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Они знакомят с методикой выявления и собирания документальных материалов, а также их учета, хранения и использования в школьных и народных краеведческих музеях. В приложении даны образцы ведения полевой описи, тетради фотофиксаций, инвентарной книги, акта приема-передачи материалов школьного музея, а также список рекомендуемой литературы.

В ОТДЕЛЕНИЯХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Ленинградское

23 ноября 1976 г. состоялось заседание Ленинградского отделения Археографической комиссии, посвященное итогам археографических экспедиций 1976 г. Н. В. Понырко (ИРЛИ) сообщила о результатах поездки в Гомельскую область, предпринятой по приглашению коллекционера рукописей Е. В. Бобкова, а также для посещения другого коллекционера Ф. Г. Шклярова. В результате этой поездки в ИРЛИ поступило 60 рукописей XVI—XX вв. И. И. Гумницкий (ИРЛИ) рассказал об экспедиции в Верхнетоемский, Виноградовский и Красноборский районы Архангельской области. В результате поездки привезено 45 рукописей XVI—XX вв. Наиболее древняя среди них — сборник XVI в., полученный от жительницы д. Городок Е. В. Парфеновой. В Пучуге В. П. Колодкин передал экспедиции старообрядческий сборник XVIII в. Рукопись орнаментирована дедом дарителя известным на Двине художником И. Ф. Колодкиным. Многочисленные владельческие записи позволяют проследить историю многих книг.

Экспедиция привезла также написанные карандашом письма с фронтов Великой Отечественной войны, найденные в одной из деревень Архангельской об-

ласти. Г. В. Маркелов (ИРЛИ) сообщил о работе экспедиции в эстонском Причудье. Экспедиция в этот район была организована после пятнадцатилетнего перерыва. Доставлено 42 рукописи XVI—XX вв. Для района Причудья характерно существование при церквях и моленных общинных библиотек, книги в которых поступают в дар от умерших членов общины. Оформление книг в местной книжной традиции и само причудское письмо требуют изучения, так же как и местный фольклор.

В. П. Бударягин (ИРЛИ) рассказал, что в Древлехранилище ИРЛИ в этом году благодаря налаженным В. И. Малышевым многолетним связям с коллекционерами поступило 75 рукописей из разных городов Советского Союза. Наиболее ценными являются Хронограф 1620 г. особого состава и Космография 1681 г. Ботера (пер. с польск.), бывшая в библиотеке патриарха Адриана. Всего за 1976 г. собрание Древлехранилища ИРЛИ увеличилось на 222 единицы.

Н. Ю. Бубнов (БАН) охарактеризовал находки экспедиции в районе Каргополя. Результат экспедиции — 58 старопечатных книг из Каргопольского районного архива, 11 из которых относятся к XVII в., 10 рукописей и 3 старопечатные книги, найденные у населения. 16 названий книг из числа привезенных в

этом году в БАН не было. Интересны владельческие и вкладные записи, свидетельствующие о принадлежности, цене, миграции книги. Например, Пролог на сентябрь — ноябрь 1675 г. имеет пять владельческих записей. Среди книг, найденных на р. Кене, Миняя общая с праздничной 1638 г., принадлежавшая кн. Д. П. Пожарскому-Лопате, родственнику и сподвижнику кн. Д. М. Пожарского. И. Ф. Мартынов (БАН) рассказал об экспедиции, обследовавшей государственные и частные собрания рукописных и старопечатных книг в 27 населенных пунктах Краснодарского и Ставропольского краев, Дагестанской АССР, Астраханской области. Привезено в БАН 12 рукописных книг XVIII—XX вв. В результате деятельности экспедиции в БАН создано территориальное Казачье собрание. При обследовании Астраханской областной библиотеки было установлено, что там имеются фонды рукописных и старопечатных книг, которые дирекция библиотеки согласна передать в БАН.

В обсуждении сообщений приняли участие Л. А. Дмитриев (ИРЛИ), А. А. Амосов (БАН), председатель Археографической комиссии АН СССР С. О. Шмидт, председатель Ленинградского отделения Археографической комиссии А. И. Копанев. Н. Н. Розов (ГПБ) проинформировал присутствующих о своей поездке в Болгарию по приглашению Комитета искусства и культуры при Совете Министров Народной Республики Болгарии, где им был прочитан ряд лекций о болгарских рукописных книгах в хранилищах Ленинграда, об истории сложения славяно-русской палеографии в России и ее современном состоянии в СССР.

16 декабря 1976 г. состоялось совместное заседание Ученого совета ЛОИИ и Ленинградского отделения Археографической комиссии АН СССР, посвященное памяти доктора исторических наук С. Н. Валка. На заседании присутствовали сотрудники ЛОИИ, Археографической комиссии АН СССР, БАН, ГПБ и других учреждений Ленинграда, преподаватели высших учебных заведений, гости из Москвы. Во вступительном слове зам. директора ЛОИИ Н. Е. Носов отметил заслуги С. Н. Валка в развитии советской исторической науки. Жизненный и творческий путь большого ученого, прекрасного педагога и человека необыкновенной доброты и обаяния осветила в своем докладе В. Г. Чернуха (ЛОИИ). Доклад Ю. А. Ахапкина о работе С. Н. Валка по изданию документов В. И. Ленина зачитала сотрудник ЦПА ИМЛ А. С. Масальская. А. И. Копанев (ЛОИИ) рассказал о последней незавершенной работе С. Н. Валка, посвященной деятельности А. С. Лаппо-Данилевского по изданию грамот Коллегии экономики, которая явилась важным этапом в развитии отечественной археогра-

фии. В. Н. Гинев (ЛОИИ) сообщил о документах архива С. Н. Валка по истории «Народной Воли», о взаимоотношениях с народолюбцами, автором предисловий к мемуарам которых был С. Н. Валк. В. М. Паняех (ЛОИИ) рассказал о работах С. Н. Валка по дипломатике частного древнерусского акта и о его заслугах в развитии этой вспомогательной исторической дисциплины. А. Н. Цамутали (ЛОИИ) осветил вопросы истории СССР XIX в. в трудах С. Н. Валка: движение декабристов, петрашевцев, народолюбцев и др. Председатель Археографической комиссии АН СССР С. О. Шмидт поблагодарил организаторов заседания, по-новому осветившего многие стороны деятельности С. Н. Валка, отметил различные аспекты изучения творческого наследия его как новатора в археографии и источниковедении, организатора науки, воспитателя и предложил начать работу по подготовке к изданию трудов С. Н. Валка и материалов его деятельности. Я. С. Лурье (ИРЛИ) говорил о той блестящей плеяде ученых, представителем которой был С. Н. Валк — продолжатель лучших традиций русской исторической школы. В. И. Иванова (ЛОИИ) сделала обзор документов фонда С. Н. Валка, поступившего в Архив ЛОИИ и обратилась к присутствующим с просьбой передать в архив Сигизмунда Натановича или копии с них. В заключение Н. Е. Носов поблагодарил всех выступавших и предложил обратиться в дирекцию Института истории СССР АН СССР с просьбой издать труды С. Н. Валка в двух томах.

В 1977 г. научные учреждения Ленинграда продолжали полевые археографические исследования. Экспедиции БАН работали в Архангельской, Вологодской и Кировской областях, а также в Латвийской ССР. Среди находок — фрагменты Евангелия первой половины XIV в., обнаруженные в районе Сольвычегодска; две рукописи XV в., полученные в районе Риги. Сотрудники Древлехранилища ИРЛИ продолжали работы на Северной Двине, а также в Ленинградской области. Экспедиция ОР ГПБ предприняла археографические разведки в Чечено-Ингушской АССР. Итоги полевого сезона 1977 г. подведены на заседании Ленинградского отделения Археографической комиссии 23 декабря 1977 г., материалы которого будут помещены в «Археографическом ежегоднике за 1978 год».

Ленинградским отделением Археографической комиссии совместно с ЛОИИ издан сборник «Материалы по истории крестьянского хозяйства и повинностей XVI—XVII вв.» (М.—Л., 1977, роталит). Составители: Н. П. Воскобойникова, А. И. Копанев, Г. А. Победимова. Отв. ред. А. Г. Маньков. Содержание публикуемых памятников передано сокращенно в виде таблиц.

Северное

При Вологодском областном отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры создана секция учета, сбора и хранения письменных памятников, которую возглавил председатель Северного отделения Археографической комиссии П. А. Колесников. Секцией проведено обследование условий хранения письменных памятников в Вологодском и Вытегорском краеведческих музеях. Оказана помощь в научной систематизации и описании хранящихся рукописей. В этой работе принял участие аспирант Археографической комиссии С. А. Морозов. Ведется работа по составлению свода памятников культуры Вологодской области. Вышел в свет сборник «Археография и источниковедение» («Северный археографический сборник», вып. IV. Сыктывкар, 1977, отв. ред. П. А. Колесников), подготовленный Северным отделением совместно с другими учреждениями.

Состоялось годичное общее собрание Северного отделения Археографической комиссии, посвященное обсуждению итогов первой Всесоюзной конференции по полевой археографии и задачам развития археографических исследований на Севере.

Проведена археографическая экспедиция с участием студентов ВГПИ в г. Устюжну Вологодской области.

Уральское

Археографическая лаборатория УГУ продолжала полевые исследования в Свердловской и северной части Челябинской областей. В г. Нижнем Тагиле и его окрестностях собраны 41 рукописная и 38 старопечатных книг XVII—XIX вв. Житель села Большая Лая Г. М. Витюнин передал участникам экспедиции книжное собрание своих покойных родителей М. Р. и М. И. Витюниных, насчитывающее 37 рукописных и старопечатных книг. Собрание выделено в отделе редких книг и рукописей Уральского университета как пример крестьянской библиотеки. В Красноуфимском районе получены рукописная Псалтырь XVI в., печатный часовник 1618 г., лицевой сборник конца XVIII в., украшенный 48 миниатюрами (подарен жителем д. Сарана Г. Р. Калининым), большое количество «четыях» рукописей конца XVIII — середины XIX в. В итоге летней экспедиции 1976 г. собрание университета пополнилось 176 рукописными и 129 старопечатными книгами.

Пермская областная публичная библиотека им. М. Горького провела археографическую экспедицию в северных районах Пермской области. Получено 25 рукописных и старопечатных книг XVII—XIX в. Пермской секцией Уральского отделения Археографической комиссии совместно с государственным и партийным архивами Пермской области в 1977 г.

изданы сборники документов: «В буднях великих строек», «Письма революционного подполья», «Песни революционного подполья»; сдан в издательство сборник «Герои гражданской войны в Прикамье».

В октябре 1977 г. в Челябинске состоялись IV Бирюковские чтения с докладами и сообщениями по археографии, текстологии и источниковедению истории литературы Урала.

Южноуральское

Вышли в свет «Южноуральский археографический сборник», вып. 2 (Уфа, 1976, отв. ред. Р. Г. Кузеев), сборники статей и публикаций: «Археография Южного Урала» (Уфа, 1976, отв. ред. Р. Г. Кузеев), «Археография и лингвистическая текстология на Южном Урале» (Уфа, 1977, отв. ред. Р. Г. Кузеев).

ИИЯЛ БФАН провел две археографические экспедиции на территории республики. Собрано 150 рукописных и свыше 50 старопечатных книг на тюркском и арабском языках.

Оренбургский краеведческий музей совместно с областным советом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры провели первую археографическую разведку районов бывшего Уральского казачьего войска со старообрядческим населением. Разведка показала перспективность археографического изучения этих районов.

В ноябре 1976 г. состоялось совместное заседание Южноуральского отделения Археографической комиссии и Научного совета Архивного управления при Совете Министров Башкирской АССР, посвященное задачам собирания и использования документов личного происхождения. В марте 1977 г. проведен семинар по методике изучения тюркских рунических надписей.

Отдел рукописных и старопечатных книг при Научном архиве Башкирского филиала АН СССР, созданный в 1976 г. по инициативе Южноуральского отделения Археографической комиссии, насчитывает уже 1227 рукописей и 720 печатных изданий с конца XVI до начала XX в. на арабском, персидском, старотатарском, башкирском, казахском, татарском языках. Среди них несколько полных произведений «Юсуфа и Зулейхи», списки произведений Саади, Абая, Дж. Руми, М. Кулуя, Г. Ялчигула и др. В ноябре 1977 г. отдел реорганизован в группу археографии и текстологии ИИЯЛ БФАН.

Сибирское

В 1976—1977 гг. отделение продолжало координировать работу академических учреждений, вузов, музеев и библиотек по выявлению, приобретению, хранению и введению в научный оборот памятников письменности и печати на территории Сибири. Вышел в свет сборник «Источниковедение и археография

Сибири», вып. 2 (Новосибирск, 1977, отв. ред. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская), содержащий статьи о разных типах источников по истории Сибири XVIII—XIX вв., публикации документов и научные описания рукописей. Подготовлены к печати 3-й выпуск сборника, включающий описание коллекции рукописей Тобольского краеведческого музея, а также археографический справочник «Синайский патерик. Указатель». Продолжается работа по научному описанию рукописных сборников, а также старопечатных изданий XVI в., хранящихся в Новосибирске.

Состоялись археографические экспедиции в Тувинскую и Якутскую АССР,

Красноярский край, Хакасскую автономную область, Иркутскую, Томскую, Восточно-Казахстанскую области. Приобретено, в частности, ценное собрание, включающее редкие старопечатные издания (Триодь постная 1589 г. Андроника Невежи, Псалтырь с воследованием 1625 г., Каноник В. Бурцова 1641 г.), рукописные полемические сочинения и письма, представляющие интерес как источник по истории сибирского старообрядчества XVIII—XIX вв.

ИОН БФ СО АН предпринял археографические экспедиции в районы Бурятской АССР. Собрано более 200 рукописей и ксилографов на бурятском, тибетском и монгольском языках.

ПЕРВАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПОЛЕВОЙ АРХЕОГРАФИИ

6—8 декабря 1976 г. в Москве проходила Всесоюзная конференция по полевой археографии, организованная Археографической комиссией АН СССР. Конференция была посвящена итогам археографических экспедиций 1971—1976 гг., методике и научным перспективам полевых археографических исследований. В работе конференции приняли участие сотрудники научных учреждений — историки, филологи, искусствоведы, архивисты, музейные работники, преподаватели вузов, учителя, методисты и др.¹

Пленарное заседание было открыто вступительным словом председателя Археографической комиссии С. О. Шмидта. От Отделения истории АН СССР конференцию приветствовал академик Б. А. Рыбаков, пожелавший археографам искать, находить, изучать и издавать ценные памятники письменности. С докладами о состоянии и задачах советской полевой археологии выступили: В. А. Черных (Археографическая комиссия АН СССР) — по кириллической книжности, А. А. Курносов (Археографическая комиссия АН СССР) — по документам нового времени и истории советского общества, Г. Ф. Гирс (ИВАН) — по рукописям, написанным на восточных языках. Затем были заслушаны доклады И. В. Поздеевой (МГУ) «Задачи и методика комплексных археографических экспедиций», чл.-кор. АН СССР В. Л. Янина «О взаимосвязи археологии и археологии», С. В. Житомирской (ГБЛ) «Личные архивы как объект собирания государственными хранилищами»².

¹ О конференции см. сообщения А. А. Курносова и В. А. Черных (ВИ, 1977, № 4) и М. П. Мироненко и В. В. Морозова (СА, 1977, № 2).

² Доклады В. А. Черных, А. А. Курносова, И. В. Поздеевой, А. М. Панченко, А. Б. Халидова, Н. Б. Халимова легли в основу статей, публикуемых в данном издании.

На заседаниях секции кириллической книжной традиции были заслушаны и обсуждены доклады Л. А. Дмитриева (ИРЛИ) «Археографические экспедиции Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР», М. В. Кукушкиной и Н. Ю. Бубнова (БАН) «Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР», Н. С. Демковой (ЛГУ) «Археографические экспедиции филологического факультета Ленинградского государственного университета», Е. М. Сморгуновой (Всесоюзный научно-исследовательский институт технической информации, классификации и кодирования) «Лингвистические проблемы в рамках комплексных археографических исследований», С. Е. Никитиной (ИЯ) «Изучение фольклора как одно из направлений комплексных археографических исследований», Н. Н. Розова (ГПБ) «Опыт Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина по оказанию методической помощи периферийным хранилищам в собирании и изучении рукописных и старопечатных книг», Е. И. Дергачевой-Скоп (НГУ) «Вопросы подготовки кадров полевых археографов». Были также сделаны сообщения А. А. Амосовым (БАН) «Полевые и археографические исследования в Каргополье и их перспективы», В. Н. Алексеевым (ГПНТБ) «Археографические экспедиции Сибирского отделения АН СССР и формирование книжных собраний Государственной публичной научно-технической библиотеки СО АН СССР», Л. В. Тигановой (ГБЛ) «Проблемы собирания частных коллекций рукописных книг», М. В. Богомоловой (Таджикский государственный институт искусств) «Изучение певческих рукописей в ходе комплексных археографических экспедиций», Н. А. Кобяк (НБ МГУ) «Территориальные книжные коллекции и их значение в составе фондов Научной библиотеки Московского государственного университета», М. М. Леренман (МГУ) «Научное

значение коллекции кириллических книг XVI—XVIII вв., собранных археографическими экспедициями МГУ, А. Х. Горфункелем (НБ ЛГУ) «Находки археографов и дополнения к Сводному каталогу русской книги XVI—XVII вв.», Н. Н. Барминской (Пермская областная библиотека) и Т. Ф. Волковой (Сыктывкарский ГУ) «Археографические экспедиции Пермской областной библиотеки им. М. Горького», Р. Г. Пихоя (УГУ) «Итоги и перспективы археографических исследований в Свердловской области», Е. Н. Клитиной и Л. М. Спириной (Загорский музей-заповедник) «Собирание рукописей и старопечатных книг Загорским государственным историко-художественным музеем-заповедником», Т. А. Кругловой (МГУ) «Коллекция украинско-молдавских рукописных книг, собранная археографическими экспедициями Московского государственного университета», П. Т. Ганенко и В. Г. Фармажу (Государственная республиканская библиотека Молдавской ССР) «Археографические экспедиции в Молдавской ССР и перспективы сбора памятников молдавской письменности», Б. А. Сутыриным (УГУ) «Археографические экспедиции и специализация по полевой археографии в Уральском государственном университете», Н. П. Визирем (ЦНБ АН УССР) «Из опыта собирания рукописей Центральной научной библиотекой АН Украинской ССР», С. В. Чирковым (ЛГПИ) «К истории собирания памятников древнерусской письменности научными учреждениями России в начале XX века (Академия наук и Археографическая комиссия)», В. П. Козловым (ВНИИДАД) «Археографические экспедиции и комплектование частных собранных историческими источниками в конце XVIII — начале XIX в.». На этой секции также выступали: И. Ф. Мартынов (БАН), Л. А. Петрова (БАН), Н. А. Литвинова (УГУ), Н. П. Парфентьев (УГУ), С. А. Попов (Оренбургский краеведческий музей).

В прениях выступили: А. А. Амосов, Н. Ю. Бубнов, Л. А. Дмитриев, О. А. Князевская (Археографическая комиссия АН СССР), А. И. Копанев (ЛЮИИ), Е. В. Красильникова (ИРЯ), М. В. Кукушкина, В. И. Кусков (Винницкая областная библиотека), Р. Г. Пихоя, И. В. Поздева, Н. Н. Покровский (Сибирское отделение Археографической комиссии АН СССР), Б. А. Сутырин, А. Д. Червяков (ГБЛ), С. О. Шмидт. Одно из заседаний секции проходило в МГУ, где участники ознакомились с постоянной выставкой книжных и рукописных находок археографических экспедиций университета. От НБ им. А. М. Горького МГУ конференцию приветствовала Н. И. Сафонова.

На заседаниях секции документов по истории нового времени и истории советского общества с докладами выступили В. М. Мамонов (ГАУ) «Собирание документальных материалов личного про-

исхождения государственными архивами СССР», М. С. Веселина (ЦПА ИМЛ) «Выявление историко-партийных документов в семейных архивах», Н. Б. Волкова (ЦГАЛИ) «Некоторые проблемы собирания личных фондов деятелей литературы и искусства», К. В. Калинин (ЦГМР СССР) «Собирание документов по истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР», П. А. Колесников (Северное отделение Археографической комиссии АН СССР) «Собирание, учет и использование рукописных фондов районных и народных краеведческих музеев», И. А. Верба (ЦДЭТС) «Итоги и перспективы собирательской работы школьных музеев в ходе Всесоюзной туристско-краеведческой экспедиции «Моя Родина — СССР», чл.-кор. АН СССР В. Л. Янин «Собирание фотоматериалов как памятников истории культуры», Сообщения сделали А. М. Блинов (ЛГАЛИ) «Методика отбора документов личного происхождения на государственное хранение», М. В. Чарушикова (ГБЛ) «Некоторые замечания о собирании личных архивных фондов, связанные с подготовкой 3-го тома справочника «Личные архивные фонды в хранилищах СССР», М. Я. Ржевникова (ААН) «Особенности собирания личных архивов советских ученых», А. А. Новикова (ЦГАОР СССР) «Особенности собирания личных архивов деятелей народного хозяйства», чл.-кор. АН Киргизской ССР А. Г. Зима «О подготовке сборника документов и воспоминаний о Великой Октябрьской социалистической революции в Киргизии», Н. Я. Эйдельман (Союз писателей СССР) «Архивный и внеархивный поиск документов по истории общественной мысли и литературы России XIX века», М. Н. Никольская (ВГПИ) «Собирание и публикация писем с фронтов Великой Отечественной войны», Д. М. Эпштейн (МГИАИ) «Собирание документов по истории комсомола (из опыта создания документальных публикаций по истории ВЛКСМ)», Т. М. Прохорова (Архивный отдел при Совете Министров Татарской АССР) и А. Д. Тарасова (ГА Калуж. обл.) «Собирание документов и воспоминаний ветеранов труда (в ходе подготовки документальных изданий «Герои труда Татарии» и «Славная судьба колхоза)», Т. А. Леонтьева, Н. М. Силаева (КГУ) «Собирание документов по истории новостроек IX пятилетки (работа археографических экспедиций Казанского университета на КАМАЗе)», Е. И. Розенталь (ГИМ) «Собирание документов по истории пролетариата дореволюционной России», Г. С. Усыскин (Ленинградский дворец пионеров) «Методика сбора историко-революционных материалов школьными музеями и внешкольными учреждениями Ленинграда», Н. С. Асонов (ГА Калинин. обл.) и М. А. Ильин (Архивный отдел исполкома Калининского облсовета) «Некоторые организационные и методические вопросы выяв-

ления и сбора исторических документов, находящихся в личной собственности граждан», Г. Т. Рябков (СГПИ) и М. Н. Левитин (ГА Смол. обл.) «Из опыта работы по созданию комплекса источников о социально-экономическом преобразовании сел и деревень Смоленской области», А. И. Копанев (ЛОИИ) «О сборе документальных материалов о сельских поселках, планомерно сводимых в крупные поселения», Т. М. Пигулевская (ЦГАКФФД) «Собрание фотоматериалов личного происхождения», Л. И. Арапова (ЦГМР СССР) «Собрание источников по истории международного коммунистического и рабочего движения», Г. В. Мамонова (ААН) «О сотрудничестве Архива АН СССР с зарубежными архивами в области собирания документов по истории Академии наук», В. Ю. Афиани (Археографическая комиссия АН СССР) «Из истории собирания исторических источников в начале XIX века», С. Б. Филимонов (Симферопольский ГУ) «Собирательская деятельность краеведческих обществ 1920—1930-х годов». Были заслушаны выступления А. В. Островского (ВГПИ), В. А. Зориной (ЧГИК), И. Д. Микеладзе (Тбилисский дворец пионеров и школьников), Б. Т. Уткина (ЧГИК), Б. Г. Литвака (Институт истории СССР АН СССР), Е. Н. Лукьяновой (ПГУ). В прениях выступили: М. Г. Белогуров (ЦГАОР СССР), А. И. Белый (УПИ), Н. В. Бржостовская (ВНИИДАД), Н. С. Зелов (ЦГАОР СССР), Е. И. Индова (Институт истории СССР АН СССР), П. А. Колесников, Б. Г. Литвак, Л. П. Петровский (ЦГВИА), Л. Н. Растопчина (Археографическая комиссия АН СССР).

На секции восточных рукописей был сделан доклад А. Б. Халидова (ЛО ИВАН) «Некоторые проблемы сбора, хранения и изучения арабских рукописей в СССР». Были также сделаны сообщения В. В. Лебедева (ГПБ) «О сборе восточных рукописей среди населения (предварительные соображения и некоторые итоги)», Б. Л. Чукасяна (Матенадаран) «Полевые археологические исследования в Армянской ССР», В. И. Силогавя (Институт рукописей АН ГССР) «Древнегрузинские письменные памятники, выявленные Сванетской научно-комплексной экспедицией в 1972—1975 гг.», Ш. Ш. Абилова (ИЯЛИ КФАН) «Археографические экспедиции Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР», М. А. Усманова (КГУ) «Археографические экспедиции Казанского государственного университета», Г. Б. Хусанова (ИИЯЛ БФАН) «Археографические экспедиции Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР», Х. А. Омарова, М. С. Саидова, А. Р. Шихсаидова (ИИЯЛ ДФАН) «Археографические экспедиции Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР», Д. Д. Васильева (ИВАН) «О подготовке Корпуса памятников тюркской

рунической письменности бассейна Енисея», В. М. Плоских (Институт истории АН Киргизской ССР) «О сборе памятников письменности в Киргизии», Н. Б. Халимова (ИЯЛ АН ТССР) «О сборе археографических рукописей в Туркменистане», А. М. Мухтарова (Институт истории АН ТаджССР) «О сборе памятников письменности в Таджикистане». Заслушаны были также запланированные выступления Р. Г. Кузеева (Южноуральское отделение Археографической комиссии АН СССР) и А. М. Шарипова (ИЯЛИ КФАН). В прениях выступили: Г. Ф. Гирс, Р. Г. Кузеев, С. Б. Певзнер (ИВАН), В. М. Плоских, М. А. Усманов, Б. Л. Чукасян и др.

На заключительном пленарном заседании были сделаны доклады А. М. Панченко (ИРЛИ) «Владимир Иванович Малышев как археограф», Н. Н. Покровского (Сибирское отделение Археографической комиссии АН СССР) «Археографические экспедиции и проблемы изучения народной культуры», А. С. Мыльникова (Ленинградская часть ИЭ) «Книга и культура: некоторые вопросы собирания и изучения». В прениях на пленарных заседаниях выступили: М. А. Усманов, Н. Н. Розов, Г. В. Мамонова.

В заключение было зачитано письмо академика Д. С. Лихачева, в котором он приветствовал конференцию археографов, чей благородный труд «сохраняет будущим поколениям самое ценное в любой культуре, а в русской особенно, — книги, рукописи, — слово». Д. С. Лихачев подчеркнул в своем обращении, что с археологии начинаются все науки, изучающие русскую культуру. Он пожелал «дружного успеха в дружной работе» конференции. С заключительным словом выступил С. О. Шмидт.

В рекомендациях конференции было подчеркнуто, что вдохновляющие решения XXV съезда КПСС и принятый 29 декабря 1976 г. Верховным Советом СССР Закон об охране и использовании памятников истории и культуры — это новые яркие свидетельства заботы Коммунистической партии и Советского правительства о сохранении культурного наследия народов нашей страны. Конференция выдвинула задачу дальнейшего развития собирания, изучения и использования документальных памятников истории культуры, стоящую перед Археографической комиссией АН СССР и ее отделениями, архивными учреждениями, библиотеками, музеями, научно-исследовательскими учреждениями и вузами, а также обществами — охраны памятников истории и культуры, любителей книги. В рекомендациях отмечалась необходимость улучшения координации полевых археографических исследований, оказания помощи центральными государственными архивами и рукописными хранилищами местным архивам и музеям, важность подготовки методических пособий по полевой археологии. Был высказан так-

же ряд пожеланий об улучшении подготовки кадров археографов, повышении их квалификации, о техническом оснащении учреждений, ведущих полевые археографические исследования.

Конференция отметила успешную деятельность отделений Археографической

комиссии АН СССР, созывающих научные конференции и издающих ежегодники и сборники, вносящие значительный вклад в советскую археографию.

М. П. Мироненко

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ ИСТОРИИ ВЛКСМ¹

4—8 января 1977 г. по решению ЦК ВЛКСМ в Москве в рамках Всесоюзной школы молодых ученых прошла конференция по проблемам источниковедения истории комсомола. Она проводилась на базе созданного в ноябре 1976 г. Научно-исследовательского центра Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. Целью этого первого совещания источниковедов-исследователей проблем молодежи было определение степени разработанности и изученности теоретических и конкретных вопросов источниковедения истории ВЛКСМ, расширение источниковой базы исследований в этой отрасли исторической науки.

На конференции было заслушано 29 докладов и сообщений. С основными проблемами науки участники познакомили профессора: М. А. Варшавчик (Киевский ГУ) «Актуальные проблемы историко-партийного источниковедения», О. М. Медушевская (МГИАИ) «Проблемы теоретического источниковедения», М. Н. Черноморский (МГИАИ) «Мемуары старых большевиков и комсомольцев как исторический источник», С. Ф. Шмидт (Археографическая комиссия АН СССР) «Проблемы современного источниковедения и задачи археографии».

Разнообразной была тематика выступлений участников конференции. В. В. Козленко (ОГУ) попытался решить важный вопрос о классификации источников изучения истории ВЛКСМ. О значении общесторических источников в исследовании истории комсомола говорила М. В. Резницкая (Днепропетровский инженерно-строительный институт). С. А. Педан (ЛГУ) посвятил свое сообщение такому историческому источнику, как произведения видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства. Обобщающий характер носило выступление В. Е. Максимовой «Документы партийных органов и организаций как источник изучения истории ВЛКСМ» (Ленинградский государственный педиатрический медицинский институт).

Вопросы выявления и использования источников по истории республиканских комсомольских организаций нашли отражение в сообщениях Г. А. Думберг (РГПИ), Ж. Завецкене (ВГУ), Ф. Зикриева (ТГИИ), Т. Ш. Саяпова (ИИЯЛ БФАН) и др.

Всеобщий интерес вызвали доклады сотрудников ЦГАНХ Т. И. Ардовой и Г. Н.

Зиминой о материалах архива, которые могут быть использованы историками комсомола, М. И. Богатовой (ЦГМР) «Комсомольский билет как исторический источник (по фондам Музея Революции СССР)», В. В. Никаноровой (ЦГА РСФСР) «Письма комсомольцев Н. К. Крупской в ЦГА РСФСР (1922—1939 гг.)». Обзоры фондов обкомов КПСС и ВЛКСМ в партийных архивах содержали выступления Л. А. Каплана (ТГУ) и Т. Б. Сычевой (ВГПИ).

Часть сообщений была посвящена характеристике комплексов источников по различным проблемам истории ВЛКСМ. Среди них выступления В. А. Динеса (Саратовский экономический институт) об источниках по истории комсомола в первые годы нэпа, В. В. Кудинова (КГПИ) «Некоторые источники исследования проблемы подготовки кадров пионерских работников (1922—1932 гг.)», М. К. Козыбаева (Алма-Атинский зооветеринарный институт) и С. Н. Якаева (Кубанский ГУ) о материалах по истории партийного руководства комсомолом в годы Великой Отечественной войны, В. П. Касаткина (Карагандинский ГУ) «Некоторые вопросы источниковедения проблемы «Партийное руководство комсомолом Казахстана в условиях развитого социализма».

Результатами изучения статистических источников 20-х годов о численности и составе комсомола, опубликованных в справочниках тех лет, поделился с участниками конференции В. А. Зубков (ЛГУ). А. И. Аврус (Саратовский ГУ) выступил с сообщением «Отражение интернациональной деятельности ВЛКСМ в 20—30-е годы в сборниках документов по истории местных комсомольских организаций».

Проблемы собирания и сохранности документальных материалов по истории ВЛКСМ затронули в своих сообщениях С. К. Лорберг (ИИ АН ЭССР) и А. П. Финадеев (ГАЧО). С. К. Лорберг рассказала о деятельности комиссии по истории комсомола Эстонии и методике сбора исторических источников. А. П. Финадеев поднял вопрос о значении краеведческой работы школьников в создании источниковой базы истории ВЛКСМ.

В выступлениях участников конференции содержится много интересных предложений по расширению документальной базы исследований истории комсомола, более эффективному использованию различных видов источников, улучшению

¹ О ней см.: СА, 1977, № 2.

археографической работы центральных и местных научных учреждений. Материалы конференции изданы в виде сбор-

ника «Актуальные проблемы источниковедения истории ВЛКСМ» (М., 1976, ротапринт)².

Л. В. Бадя

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА МАЛЫШЕВА

25 апреля 1977 г. в ИРЛИ состоялись первые Чтения, посвященные памяти крупного советского ученого-археографа заслуженного деятеля науки РСФСР доктора филологических наук Владимира Ивановича Малышева.

Утреннее заседание открыл А. М. Панченко. В его докладе «Владимир Иванович Малышев как собиратель древнерусских рукописей» была дана характеристика личности ученого, отмечен подвижнический характер его деятельности, подчеркнута большое общественное и культурное значение возрожденной им в 30-х годах работы по разысканию и сохранению рукописного наследия Древней Руси. В сообщении С. С. Гречишкина «Письма А. Ремизова к В. И. Малышеву» были использованы материалы личного архива ученого, позволяющие воссоздать одну из поздних страниц биографии писателя.

Новым данным о литературном труде пустозерских «соузников» посвятила свое выступление «Об атрибуции одного текста Пустозерского сборника Дружинина» Н. С. Демкова. Малоизвестное произве-

дение начала XVIII в. «Хождение старца Леонтия» дало убедительный материал для стилистических сопоставлений, сделанных Н. В. Поньрко в докладе «Сочинение старца Леонтия и школа протопопа Аввакума». Рукописям с Северной Двины, позволившим, в частности, проследить сохранение в рукописной и печатной книге XVI—XX вв. мартовского летоисчисления, было посвящено сообщение В. П. Бударagina «Северодвинская рукописная традиция (по материалам Древлехранилища)». Основные характеристики рукописной традиции Причудья осветил в сообщении «Причудские книжники» Г. В. Маркелов. На вечернем заседании с воспоминаниями о В. И. Малышеве выступили Л. М. Лотман, В. М. Морозов, чл.-кор. АН СССР В. Г. Базанов, А. Х. Горфункель, Н. С. Демкова. В Большом конференц-зале Института была открыта выставка, посвященная В. И. Малышеву, а в Древлехранилище — выставка новых поступлений за 1976 г.

В. П. Бударagina

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ ДРЕВНЕРУССКОГО ПЕВЧЕСКОГО ИСКУССТВА

30 и 31 марта 1977 г. в Ленинграде ОР ГПБ и Ленинградской консерваторией была проведена научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения крупнейшего советского ученого, музыковеда-палеографа, исследователя древнерусской музыкальной письменности Максима Викторовича Бражникова. В конференции приняли участие молодые исследователи Москвы, Киева, Ленинграда, Новосибирска. Было заслушано 15 докладов и сообщений, посвященных изучению и публикации научного наследия ученого, вопросам типологии и описания певческих рукописей, проблемам семиографии, расшифровки, характеристике ряда певческих памятников.

Обзору материалов по изучению древнерусского певческого искусства, содержащихся в фонде М. В. Бражникова (ГПБ, ф. 1147), был посвящен доклад А. Н. Кручининой (Ленинград). О подготовке к печати неопубликованных научных работ М. В. Бражникова шла речь в сообщении Н. С. Сергиной (Ленинград).

Эстетическим установкам А. В. Преображенского, учителя М. В. Бражникова, было посвящено сообщение А. С. Белоненко (Ленинград). Нерешенные вопросы научного описания и типологии древнерусской певческой книги были предметом выступления С. В. Фролова (Ленинград). Особенностям формирования певческой книги «Обиход» посвящено сообщение Е. Л. Буриллиной (Ленинград). С обзором киевского собрания певческих рукописей выступила Т. Ф. Самборская (Киев).

Подробно проанализировал палеографические особенности и содержание двознаменного учебно-теоретического ру-

² На научной конференции 1975 г. «Актуальные проблемы научной разработки и изучения истории ВЛКСМ» обсуждались вопросы историографии истории ВЛКСМ (см. Историография истории ВЛКСМ. Научные сообщения, ч. 1—3. М., 1975—1976; Молодежь в СССР и за рубежом. Указатель авторефератов и диссертаций. 1945—1975 гг. М., 1975. Ротапринт).

ководства XVII в. из собрания Ф. А. Толстого Г. А. Никишов (Ленинград). Б. А. Шиндин (Новосибирск) представил разработанную им систематизацию знаков кондакарной нотации. В сообщении И. Б. Коляшко (Ленинград) говорилось о расшифровке демественных партитур. Т. Ф. Владышевская (Москва) сообщила о типах напевного чтения, проиллюстрировав основные положения воспроизведением записей, сделанных докладчиком в экспедициях. О музыкальных и стилистических особенностях русских и болгарских песнопений древнейшего периода шла речь в сообщениях А. М. Рать-

ковой (Ленинград), Г. Н. Бегуновой (Москва), К. Ю. Кораблевой (Москва), Л. Е. Мазуревич (Ленинград), И. Ф. Безугловой (Ленинград).

В дни работы конференции мужской группой хора Ленинградской консерватории (дирижер — преподаватель кафедры хорового дирижирования К. Н. Никитин) исполнены произведения древнерусской музыки, расшифрованные М. В. Бражниковым и участниками конференции. В ОР ГПБ была открыта выставка древнерусской певческой книги.

А. Н. Кручинина

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ ПО СОХРАННОСТИ ДРЕВНИХ РУКОПИСЕЙ И РЕДКИХ КНИГ (октябрь 1975 г.)

21—24 октября 1975 г. Ватиканская библиотека отметила свой 500-летний юбилей созывом Международного коллоквиума по вопросам сохранности и воспроизведения древних рукописей и редких изданий.

На коллоквиум были приглашены директора и ответственные хранители рукописных отделов 22 крупнейших библиотек мира. Среди них: Британская библиотека, Библиотека Конгресса США, Королевская библиотека Бельгии, Баварская государственная библиотека (Мюнхен), Национальная библиотека Франции, Австрийская национальная библиотека, Национальная библиотека Испании, Ягеллонская библиотека (Краков), Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), Государственный музей книги (Прага), ряд итальянских библиотек: две из Флоренции — Национальная и Лаврентьевская, Амброзианская (Милан), Национальная библиотека (Неаполь), Национальная библиотека (Рим) и др.

Коллоквиум был немногочисленным по количеству приглашенных лиц. В его работе приняли участие всего 52 человека, из них 16 сотрудников Ватиканской библиотеки.

Ватиканская библиотека готовила коллоквиум более полутора лет. В начале 1974 г. всем предполагаемым участникам были разосланы приглашения с указанием основной проблемы коллоквиума — «Как обеспечить использование древних рукописей и редких книг, не нарушая их сохранности». В июне того же года были выработаны общие темы и составлены к ним конкретные вопросы, на которые все участники должны были ответить, чтобы будущие докладчики смогли обобщить опыт участвующих библиотек.

Восемь библиотек согласились подготовить доклады и сообщения по следующим вопросам:

1) Административные, юридические и финансовые вопросы фотографического

обслуживания (Национальная библиотека в Риме при участии фотослужбы Библиотеки Конгресса США).

2) Охранный архив и архив службы фотографирования (Баварская государственная библиотека в Мюнхене совместно с Прусской государственной библиотекой Западного Берлина).

3) Общие правила получения фотографий и обычные требования (Британская библиотека).

4) Правила выполнения фоторепродукций для опубликования их в качестве иллюстраций и для фототипических изданий (Австрийская национальная библиотека).

5) Внутренняя фотодокументация и научные институты, систематически собирающие фотоматериалы (Национальная библиотека Испании).

6) Сотрудничество между библиотеками (Королевская библиотека Бельгии).

Тема 7-го доклада касалась выдачи рукописей и редких книг вне библиотек как по межбиблиотечному абонементу, так и на международные выставки и была предложена Национальной библиотекой Франции. Она же составила вопросник к этой теме, разосланный всем библиотекам, участвующим в коллоквиуме.

8-й доклад, вернее, сообщение, был предложен Публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Сохранность и воспроизведение рукописей и редких книг в ГПБ».

Каждый доклад широко обсуждался; велся синхронный перевод на рабочие языки коллоквиума: итальянский, французский, английский и немецкий. Все заседания происходили в зале Синода библиотеки Сикста IV, расположенном под знаменитой Сикстинской капеллой.

В конце работы коллоквиума был выработан проект рекомендаций, который после утверждения администрацией всех участвующих библиотек должен быть передан в международные организации (ФИАБ или ЮНЕСКО) для сообщения всем библиотекам мира.

Все материалы коллоквиума: вопросы, циркулярные письма Ватиканской библиотеки, список участвующих библиотек, программа коллоквиума, доклады и сообщения, дискуссии, а также принятые решения на четырех языках опубликованы в очередном номере «Трудов Ватиканской библиотеки» (*Studi e Testi*, 1976, v. 276).

Переводы на русский язык некоторых рекомендаций, принятых Международным коллоквиумом по вопросам «Сохранности и воспроизведения рукописей и редких книг», заслуживают быть приведенными здесь, поскольку они представляют интерес не только для хранителей рукописных фондов, но и для их исследователей:

«Фотолаборатория

1. Члены коллоквиума высказали пожелание, чтобы библиотеки:

а) создали свою собственную фотолабораторию, которая должна находиться в ведении одного из научных сотрудников учреждения;

б) располагали необходимыми средствами для удовлетворения быстро растущего количества заказов с учетом постоянного совершенствования техники воспроизведения. [...]

Фотоархивы

3. Участники коллоквиума высказали пожелание, чтобы библиотеки во избежание повторного обращения к ценным документам использовали бы такие средства фотографирования, которые позволяют создать фотоархивы для последующего воспроизведения.

4. Участники коллоквиума утверждают необходимость создания библиотеками охраняемых (защитных) архивов для их ценных материалов.

Предоставление фотовоспроизведений

5. Члены коллоквиума считают желательным, чтобы библиотеки:

а) оставляли за собой в каждом случае право решающего голоса в вопросе уместности осуществления и предоставления фотовоспроизведения ценных документов для того, чтобы обеспечить их сохранность для будущих читателей;

б) оставались обладателями по крайней мере одного негатива или же воспроизводимого оригинала, каким бы ни

был тип предоставляемого воспроизведения;

в) поощряли по мере возможности издание печатных воспроизведений (фотографических изданий), которые представляют все желаемые технические и научные гарантии, для того чтобы обеспечить более широкое распространение и лучшую защиту ценных и ветхих документов [...]

Выдача ценных документов

[...] 7. Члены коллоквиума считают:

а) что выдача по межбиблиотечному абонементу, предоставляемая для удовлетворения отдельных заказов, сделанных с научно-исследовательской целью, должна быть как можно более сокращена в тех случаях, когда речь идет о рукописях-уникумах или же любых редких документах. Такая выдача должна осуществляться лишь в совершенно исключительных случаях и только после того, как будет убедительно доказано, что предоставление фотовоспроизведения явилось бы основной преградой для продолжения ведущегося исследования.

б) особенно желательно, чтобы специальной комиссией был разработан практический справочник различных мер предосторожности, которые должны сопровождать всякую выдачу ценных документов на выставки, организуемые вне библиотеки. [...]

Сотрудничество между библиотеками

8. Участники коллоквиума, сознавая, что вопросы, поднятые на нем, отражают их общие заботы, высказывают пожелание, чтобы библиотеки расширяли и углубляли свое сотрудничество с целью выработки общей практики в этой области.

9. Члены коллоквиума утверждают необходимость осуществления широкого обмена информацией между библиотеками по вопросам о технике воспроизведения, позволяющей обеспечить лучшую защиту ценных документов [...].

В заключение нельзя не отметить, что принятые решения были подчинены основной задаче коллоквиума — заботе о сохранности ценных рукописей и редких изданий для будущих поколений.

Т. П. Воронова

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ СУПРАСЛЬСКОЙ РУКОПИСИ

В честь 1300-летнего юбилея создания Болгарского государства и 1150-летия со дня рождения Кирилла (Константина) в болгарском городе Шумен 28—30 сентября 1977 г. состоялся международный симпозиум, на котором предметом обсуждения была Супрасльская рукопись. В настоящее время 285 листов пергамента Супрасльской рукописи — древнейшего сборника житий, слов и поучений, созданного в X—XI вв. в Преславе, нахо-

дятся в трех собраниях: в СФРЮ (Любляна), в ПНР (Варшава) и в СССР (Ленинград). Симпозиум, организованный Высшим педагогическим институтом г. Шумена и Институтом болгарского языка АН НРБ (София), вызвал активный интерес и поддержку славистов разных стран мира. В симпозиуме наряду со многими болгарскими исследователями приняли участие лингвисты, литературоведы, историки из ГДР, ПНР, СССР,

ЧССР, Австрии, Италии и Новой Зеландии. Заслушали и обсудили свыше 30 докладов и сообщений. На открытии симпозиума выступил председатель Шуменского областного совета И. Йорданов и от имени оргкомитета проф. Й. Заимов прочитал приветствие на древнеболгарском языке. В докладах К. Куева (София) и А. И. Рогова (Москва) были высказаны ряд интересных предположений о судьбе рукописи после ее написания, в частности о тех обстоятельствах, при которых она могла попасть в Супрасльский монастырь. К. Куев обратил внимание собравшихся на труды Й. Бобровского, открывшего рукопись, и подчеркнул необходимость разыскания и изучения его архива. По мнению Д. Ивановой-Мирчевой (София), в лексике рукописи нашли отражение особенности двух древних переводческих школ: Кирилло-Мефодиевской (позднее — Охридской) и Преславской. Новые данные, изложенные в этом докладе, существенно пополняют наши представления о древнеболгарских переводческих школах. К. Иванова (София), М. Капалдо (Рим) и В. Пандурски (София) рассматривали состав Супрасльской рукописи в сравнении с греческими источниками. М. Капалдо аргументировал положение о том, что оригинал минейной части (за март) рукописи — компиляция разновременных источников. Л. Мошински (Гданьск) и П. Пенев (Пловдив) исследовали встречающиеся в рукописи цитаты из евангелия и апостола. В докладах Р. М. Цейтлин (Москва), Э. Благовой (Прага), Д. Фрейданка (Галле-Заале), А. Давидова, П. Ковачевой (Велико-Тырново), М. Тиховой (Шумен) рассматривались лексические вопросы памятника в сравнении с другими древнеславянскими источниками. Адаптация греческих личных имен была темой сообщения С. Смядовского (София). Анализу наименований монет посвятил свое выступление Б. Плакидов (София). И. Добрев (София) охарактеризовал специфику перевода греческих слов в рукописи и высказал соображения о второй редакции богослужебных книг эпохи болгарского царя Симеона. А. Милев (София) посвятил свое выступление ана-

лизу техники перевода с греческого языка на древнеболгарский. Й. Заимов (София) на основании употребления эпитетического «Л» в рукописи аргументировал ее создание в восточно-болгарской диалектной области. Синтаксические особенности языка рукописи были рассмотрены в докладах К. Ходовой (Москва), Е. Дограмаджиевой, А. Минчевой (София). Вопросам морфологии были посвящены сообщения А. Атанасова, А. Икономовой-Недялковой, С. Славчевой (София). Темой доклада Б. Велчевой (София) было описание графика-орфографической системы рукописи и связь ее с некоторыми глаголическими памятниками (с Зографским евангелием). Е. Коцева (София) охарактеризовала Супрасльскую рукопись с палеографической стороны; сравнение с другими древнейшими памятниками доказывает, по ее мнению, что рукопись могла быть написана в конце X в. В сообщении П. Димитрова (Шумен) был представлен обширный материал, характеризующий староболгарскую литературу после эпохи царя Симеона. Сообщение Л. Боевой и архимандрита Горазда (София) были посвящены литературным вопросам эпохи Супрасльской рукописи.

Доклады и сообщения вызвали оживленные обсуждения. Среди выступавших были Л. Мошински, Е. Коцева, В. Пандурски, Б. Велчева и др. Р. М. Цейтлин обратила внимание на заслуги А. Х. Востокова, впервые датировавшего Супрасльскую рукопись XI в. О. А. Князевская (Москва) говорила о необходимости тщательного палеографического исследования всей рукописи и проверки по подлиннику издания С. Н. Северьянова, что ставит вопрос о целесообразности архивных разысканий материалов Северьянова. Й. Заимов сообщил о готовящемся в настоящее время АН НРБ новом издании Супрасльской рукописи. Международный симпозиум, посвященный Супрасльской рукописи, показал, что подобные встречи, посвященные проблематике одной из древнейших болгарских рукописей, чрезвычайно полезны и плодотворны.

В. П. Василев

ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ ЧЕРЕПНИН

(1905—1977)

12 июня 1977 г. после четырех месяцев тяжелой болезни на 73-м году жизни скончался выдающийся советский историк академик Лев Владимирович Черепнин, возглавлявший (с 1951 г.) сектор истории СССР периода феодализма и (с 1969 г.) Отдел истории докапиталистических формаций на территории СССР в Институте истории СССР АН СССР. Л. В. Черепнин родился 30 марта (12 апреля) 1905 г. в Рязани в семье потомственных историков. Его дед был известным археологом и нумизматом, отец имел высшее историко-филологическое и юридическое образование. Л. В. Черепнин получил высшее историческое образование в Рязанском педагогическом институте и Московском государственном университете, окончил аспирантуру Института истории РАН ИОН. Он рано проявил склонность к самостоятельному научному творчеству и еще совсем молодым человеком написал ряд исследо-

ваний, отличавшихся глубиной анализа источников и блеском исторических построений. Всего Л. В. Черепниным опубликовано 350 научных трудов, в том числе монографии, посвященные реконструкции состава и истории феодальных архивов XIV—XV вв., берестяным грамотам, истории образования Русского централизованного государства, развитию русской историографии, историческим взглядам русских писателей XIX — начала XX в. и т. д. Незадолго до болезни он закончил новую монографию — о земских соборах XVI—XVII вв.¹

¹ Список научных трудов Л. В. Черепнина и литературы о нем (до 1975 г. включительно) см. в двух сборниках статей, опубликованных в его честь: 1) Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 7—28; 2) Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 344—347.

С момента основания Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР (1956 г.) Л. В. Черепнин был ее постоянным членом. В «Археографическом ежегоднике» издан ряд работ Л. В. Черепнина, а также очерк о его научной деятельности².

Л. В. Черепнин был талантливым исследователем источников. В своем капитальном труде «Русские феодальные архивы XIV—XV веков» (ч. I—II. М.—Л., 1948—1951), который составил эпоху в развитии отечественного источниковедения, Л. В. Черепнин заново исследовал все княжеские акты этого времени, предложил новую датировку многих из них и выяснил политические причины их возникновения. В этой работе заложены основы новой методики анализа публично-правовых актов, имеющие значение не только для русской, но и для мировой исторической науки в целом. Большой вклад внес Л. В. Черепнин в изучение законодательных источников (Русской Правды, Псковской и Новгородской судебных грамот, Судебника 1497 г., Соборного уложения 1649 г.) и летописей.

Л. В. Черепнин был крупным специалистом в области вспомогательных исторических дисциплин. Его перу принадлежат оригинальные учебники по русской хронологии, метрологии и палеографии.

Л. В. Черепнин уделял также много внимания историческому синтезу. Он глубоко исследовал процессы образования Древнерусского государства IX—XII вв., Русского централизованного государства XIV—XV вв., историю формирования различных категорий зависимого населения IX—XV вв.

В работах Л. В. Черепнина получил дальнейшее развитие сравнительно-исторический метод. На базе изучения источников он сравнивал особенности русского и французского, русского и молдавского типов феодализма.

Л. В. Черепнин являлся составителем и редактором значительного числа фундаментальных сборников документов. Им самим были подготовлены к печати «Духовные и договорные грамоты вели-

ких и удельных князей XIV—XVI вв.» и два тома актов русского митрополитского дома XIV—XVII вв. Л. В. Черепнин возглавлял издание «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.», «Актов Русского государства» (XVI в.). Он редактор III—V и VII выпусков «Памятников русского права» и других публикаций источников.

Л. В. Черепнин проявлял глубокий и постоянный интерес к истории исторической науки в России, СССР и за рубежом. Он автор книг, статей и глав в обобщающих трудах на эту тему. По инициативе и под редакцией Л. В. Черепнина осуществлено переиздание «Истории России» С. М. Соловьева. При его активном участии переиздавалось научное наследие Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, М. Н. Покровского и др. Большое историографическое и воспитательное значение имели написанные Л. В. Черепниным очерки о творческом пути выдающихся советских историков, источниковедов и археографов. Л. В. Черепнин был редактором многих книг советских авторов по истории России, деятельным членом редколлегии многих изданий. Его влияние на развитие исторической мысли было, если можно так выразиться, каждодневным, и в этом смысле вся его жизнь в науке составляет целую эпоху в изучении истории феодальной России.

Л. В. Черепнин вел активную преподавательскую деятельность. Лекции Л. В. Черепнина отличались четкостью построения, глубиной мысли и блеском ораторского мастерства, а научное руководство — спокойствием, доброжелательностью, требовательностью и верой в творческие силы молодежи.

Л. В. Черепнин часто представлял советскую историческую науку за рубежом. Он был не только участником многочисленных международных конгрессов, конференций, симпозиумов и комиссий, но также читал лекции иностранным студентам (в Сорбонне в 1959 г.), занимался в библиотеках и архивах Швеции и Франции, ведя поиск документов по истории России.

Огромная культура и талант сочетались у Льва Владимировича с неиссякаемым трудолюбием, целеустремленностью, требовательностью к себе и колоссальной ответственностью за выпол-

² Горский А. Д. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в творчестве Л. В. Черепнина (к 70-летию со дня рождения). — АЕ за 1975 год. М., 1976, с. 163—171.

няемое дело. Талант его был многогранен. Лев Владимирович так же замечательно говорил, как и писал, с блеском, остроумием и мягким юмором вел заседания сектора. Дар обобщения, умение творчески подвести итоги дискуссии, нестандартность мысли восхищали всех, кто его слушал. Как руководитель сектора Л. В. Черепнин в основном убеждал, доказывал, а не приказывал. Он верил в своих сотрудников, в их научную и человеческую совесть. Его научный и нравственный авторитет являлся наиболее действенным фактором руководства и воспитания. Все в облике Льва Владимировича было ярким и значительным: и его красивое, благородное лицо, и цель-

ность его характера, лишенного мелочности и суетности. Широкий масштаб научного творчества Л. В. Черепнина гармонировал с широтой его подхода к людям, их интересам и взглядам. Научная и преподавательская деятельность Льва Владимировича стимулировала творческую активность всех тех, кто интересовался историей России и занимался ее изучением.

Уход из жизни Л. В. Черепнина долго будет ощущаться как невосполнимая утрата для исторической науки, а его творчество, несомненно, явится объектом постоянного внимания многих поколений историков.

С. М. Кашинов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН	— Архив Академии наук СССР
АД	— «Архивное дело»
АЕ	— «Археографический ежегодник»
АОН	— Академия общественных наук при ЦК КПСС
БАН	— Библиотека Академии наук СССР
БСЭ	— «Большая советская энциклопедия»
ВА	— «Вопросы архивоведения»
ВГПИ	— Вологодский государственный педагогический институт
ВГУ	— Вильнюсский государственный университет
ВИ	— «Вопросы истории»
ВИД	— «Вспомогательные исторические дисциплины»
ВНИИДАД	— Всесоюзный научно-исследовательский институт документо- ведения и архивного дела
ВМОИДР	— «Временник Московского общества истории и древностей рос- сийских»
ВОИДР	— «Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете»
ГААО	— Государственный архив Астраханской области
ГАВО	— Государственный архив Волгоградской области
ГА Калин. обл.	— Государственный архив Калининской области
ГА Калуж. обл.	— Государственный архив Калужской области
ГА Костр. обл.	— Государственный архив Костромской области
ГА Сарат. обл.	— Государственный архив Саратовской области
ГА Смолен. обл.	— Государственный архив Смоленской области
ГАУ	— Главное архивное управление при Совете Министров СССР
ГАФКЭ	— Государственный архив феодально-крепостнической эпохи
ГАЧО	— Государственный архив Челябинской области
ГАЯО	— Государственный архив Ярославской области
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГПБ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова- Щедрина
ГПНТБ	— Государственная публичная научно-техническая библиоте- ка СССР
ГУ	— Государственный университет
ДАН	— «Доклады Академии наук СССР»
ДДГ	— «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.»

- ДОР — «Декреты Октябрьской революции»
 ДРВ — «Древняя российская вивлиофика»
 ДСВ — «Декреты Советской власти»
 ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества»
 ЗГАД — «Записки, издаваемые государственным Адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности»
 ЗГД — «Записки Гидрографического департамента Морского министерства»
 ИА — «Исторический архив»
 ИАН — «Известия Академии наук»
 ИВАН — Институт востоковедения АН СССР
 ИВГО — «Известия Всесоюзного географического общества»
 ИГУ — Иркутский государственный университет
 ИЗ — «Исторические записки»
 ИИ АН ЭССР — Институт истории АН ЭССР
 ИИЯЛ БФАН — Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР
 ИИЯЛ ДФАН — Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
 ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
 ИОН БФ СО АН — Институт общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР
 ИОРЯС — «Известия Общества русского языка и словесности Академии наук»
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
 ИРЯ — Институт русского языка АН СССР
 ИСБ — Институт славяноведения и балканистики АН СССР
 ИЭ — Институт этнографии АН СССР
 ИЯ — Институт языкознания АН СССР
 ИЯЛ АН ТаджССР — Институт языка и литературы Академии наук Таджикской ССР
 ИЯЛ АН ТССР — Институт языка и литературы Академии наук Туркменской ССР
 ИЯЛИ КФАН — Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР
 ИЯЛИ ЯФ СО АН — Институт языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР
 КГПИ — Костромской государственный педагогический институт
 КГУ — Казанский государственный университет
 КСИА — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР»
 КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР»
 ЛГАЛИ — Ленинградский государственный архив литературы и искусства
 ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет
 ЛО ААН — Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР
 ЛО ИВАН — Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
 МАКИД — Московский архив Коллегии иностранных дел
 МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
 МГУ — Московский государственный университет
 МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР»
 МСА — Международный совет архивов
 МСНК — Малый Совет Народных Комиссаров
 МСЭ — «Малая советская энциклопедия»
 НБ — Научная библиотека
 НГУ — Новосибирский государственный университет
 НЗЛ — Новгородская Забелинская летопись

- НКТ — Народный Комиссариат труда
 НКТП — Народный Комиссариат торговли и промышленности
 НПЛ — Новгородская Погодинская летопись
 НИЛ — Новгородская III летопись
 НУЛ — Новгородская Уваровская летопись
 ОГУ — Одесский государственный университет
 ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея
 ОР БАН — Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР
 ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
 ОР ГИМ — Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея
 ОР ГПБ — Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 ПГУ — Пермский государственный университет
 ПИ — «Проблемы источниковедения»
 ПСЗ — «Полное собрание законов Российской империи»
 ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей»
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 РВ — «Русский вестник»
 РГПИ — Рижский государственный педагогический институт
 РИС — «Русский исторический сборник»
 РК — «Разрядная книга»
 РС — «Русская старина»
 СА — «Советские архивы»
 САГУ — Среднеазиатский государственный университет
 Сб. ОРЯС — «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук»
 СГГД — «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел»
 СГПИ — Смоленский государственный педагогический институт
 СИЭ — «Советская историческая энциклопедия»
 СУ — Собрание узаконений РСФСР
 СЭ — «Советская этнография»
 ТГИИ — Таджикский государственный институт искусств
 ТГУ — Томский государственный университет
 ТИВАН — «Труды Института востоковедения АН СССР»
 ТМГИАИ — «Труды Московского государственного историко-архивного института»
 ТНИИМ — «Труды научно-исследовательского института музееведения»
 ТОДРЛ — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР»
 УГУ — Уральский государственный университет
 УДН — Университет дружбы народов им. П. Лумумбы
 УПИ — Уральский педагогический институт
 ФИАБ — Международная федерация библиотечных ассоциаций
 ЦГА — Центральный государственный архив РСФСР
 ЦГАВМФ — Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
 ЦГАКФФД — Центральный государственный архив кино-фото-фонодокументов СССР
 ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
 ЦГАНХ — Центральный государственный архив народного хозяйства СССР
 ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР

- ЦГАОРЛ — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Ленинграда
- ЦГАОРМ — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Москвы
- ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР
- ЦГМР СССР — Центральный государственный музей Революции СССР
- ЦДЭТС — Центральная детская экскурсионно-туристическая станция Министерства просвещения СССР
- ЦНБ — Центральная научная библиотека
- ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
- ЧГИК — Челябинский государственный институт культуры
- ЧГУ — Челябинский государственный университет
- ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете»

БИБЛИОТЕКА
 ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
 ИН-ТА ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

<i>А. А. Курносое, В. А. Черных, С. О. Шмидт.</i> О состоянии и задачах советской полевой археографии (К итогам Первой Всесоюзной конференции по полевой археографии)	3
<i>А. В. Добровская, С. Т. Плешаков.</i> ЦГАОР СССР как научное учреждение	15
<i>В. Л. Янин.</i> Старая граммофонная пластинка как объект источниковедения	27
<i>А. А. Формозов.</i> Археология и архивы (К вопросу об изучении археологической документации)	38
<i>М. Н. Воробьев, А. И. Рогов.</i> К выходу «Предварительного списка славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в СССР» (для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР)	49
<i>И. В. Поздеева.</i> Задачи и особенности работы экспедиций, собирающих памятники кириллической книжности (Из опыта работы археографов Московского государственного университета)	56
<i>А. Б. Халидов</i> (Ленинград). Арабские рукописи в СССР и их изучение	62
* * *	
<i>Е. А. Рыбина.</i> Повесть о новгородском посаднике Добрыне	79
<i>В. А. Буров.</i> Новгородские свадебные документы XIV в. на бересте	86
<i>Е. В. Кудряшов</i> (Кострома). К биографии Любима Агиева	88
<i>С. С. Илизаров.</i> История создания и публикации первого русского географического словаря	90
<i>Н. А. Козлова, Н. Н. Бантыш-Каменский</i> и некоторые вопросы актов археологии второй половины XVIII в.	98
<i>А. А. Сопочко</i> (Владивосток). К вопросу о публикации вахтенных журналов (по материалам изданий XIX в.)	102
<i>К. Ф. Шаццлло.</i> Новые сведения о псевдонимах в журнале «Освобождение»	111
<i>Е. А. Луцкий.</i> Документы А. В. Шестакова по работе большевиков среди крестьянства в 1905 г.	115
<i>Г. М. Головкин</i> (Волгоград). Отчеты о денежных сборах на легальную партийную печать как источник (по материалам Нижнего Поволжья 1917 г.)	122
<i>Б. Д. Гальперина</i> (Ленинград). Источники об общем собрании Петроградского Совета 23 октября 1917 года	131
<i>Б. С. Илизаров.</i> Новое в изучении первых публикаций Декрета о земле	139
<i>В. В. Журавлев.</i> К источниковедческому изучению декретов Советской власти о национализации промышленности (октябрь 1917 — февраль 1918 г.)	151
<i>Н. Н. Ершов, Ю. Я. Синцов.</i> Публикации воспоминаний крестьян о встречах с В. И. Лениным в конце 1920—1921 г.	174

А. П. Купайгородская (Ленинград). Многотиражные газеты ленинградских предприятий первой половины 20-х годов	183
<u>Л. В. Черепнин</u> . Из истории археографии и других специальных (вспомогательных) исторических дисциплин накануне и после Октября 1917 г. (Иван Филиппович Колесников)	192
А. И. Ют. Об изданиях «Истории Российской» В. Н. Татищева	201
А. М. Панченко (Ленинград). В. И. Малышев как археограф	214
Н. Б. Халимов (Ашхабад). О собирании и изучении арабографических рукописей в Туркменской ССР	219

Тихомировские чтения 1976 года

А. И. Копанев (Ленинград). О сокращенных изданиях массовых источников XVII в.	221
Б. Г. Лигаак. Приемы формализации содержания массовой документации и регесты (по материалам XIX в.)	226
А. И. Вдовин, А. К. Соколов. Некоторые вопросы изучения и публикации массовых источников по истории рабочего класса СССР (на историческом факультете МГУ)	233
М. П. Мироненко. Хроника заседания	238

Тихомировские чтения 1977 года

С. Е. Князьков. Хроника заседания	248
---	-----

II. Обзоры, описания, библиография

Р. Павлова (София, НРБ). Среднеболгарская псалтырь XIII в.	253
Х. Мейер (Утрехт, Нидерланды). Славянские рукописи Лейденской университетской библиотеки в Нидерландах	259
С. А. Морозов. Обзор списков редакций Повести о пленении Великого Новгородца Иваном Грозным	268
Ю. Н. Мельников (Ульяновск). Описание местнических дел 80-х годов XVI в.	275
В. В. Лукьянов (Ярославль). Пополнения коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области	286
П. Гофман (Берлин, ГДР). О переписке Г. Ф. Миллера и А. Ф. Бюшинга	290
Л. Л. Альбина (Ленинград). Читательские пометы Вольтера и опыт работы над их публикацией	296
Н. И. Ананьич (Ленинград). Материалы лекционных курсов Н. Х. Бунге 60—80-х годов XIX в.	304
П. И. Шлемин. Дневник К. К. Арсеньева	312
Р. А. Киреева. Неизданный том «Опыта русской историографии» В. С. Иконникова	323
Список трудов Е. А. Луцкого (к 70-летию со дня рождения)	336
О. А. Князевская. Новая книга о пергаменных рукописях Библиотеки Академии наук СССР	340
Я. Д. Исавич (Львов). Новые каталоги книг кириллической печати	343
Ю. В. Андрушайтите. Ценное издание о книжных переплетах	349
А. А. Кондрацкий (Киев), П. П. Панченко (Киев). Книга о советском архивном строительстве на Украине в 1917—1973 гг.	351

III. Публикации

Докончальная грамота великого князя Василия Васильевича с галицкими князьями (подготовила М. Е. Бычкова)	353
Показания А. И. Ульянова по делу 1 марта 1887 г. (подготовил И. А. Альтман, г. Владимир)	357

IV. Хроника

<i>М. П. Мироненко</i> . Деятельность Археографической комиссии (ноябрь 1976—1977)	360
Новые издания Археографической комиссии	366
В отделениях Археографической комиссии	367
<i>М. П. Мироненко</i> . Первая Всесоюзная конференция по полевой археографии	370
<i>Л. В. Бадя</i> . Конференция по источниковедению истории ВЛКСМ	373
<i>В. П. Бударагин</i> (Ленинград). Чтения памяти Владимира Ивановича Малышева	374
<i>А. Н. Кручилина</i> (Ленинград). Научная конференция по проблемам древнерусского певческого искусства	374
<i>Т. П. Воронова</i> (Ленинград). Международный коллоквиум по сохранности древних рукописей и редких книг (октябрь 1975 г.)	375
<i>В. П. Василев</i> (София, НРБ). Первый Международный симпозиум, посвященный Супрасльской рукописи	376
<i>С. М. Каштанов</i> . <u>Лев Владимирович Черепнин</u> (1905—1977)	378
Список сокращений	381

SOMMAIRE

I. Articles et information

A. A. Kournossov, V. A. Tchernykh, S. O. Schmidt. L'état et les problèmes de «l'archéographie en campagne» soviétique (Sur les résultats de la Première Conférence de l'URSS sur l'archéographie en campagne)	3
A. V. Dobrovskáia, S. T. Pléchakov. Les Archives de la Révolution d'Octobre de l'U.R.S.S. (TsGAOR) comme institution scientifique	15
V. L. Ianine. Vieux disque de phono comme objet d'étude en tant que source historique	27
A. A. Formozov. L'archéologie et les archives (Sur la question de l'étude de la documentation archéologique)	38
M. N. Vorob'iov, A. I. Rogov. A propos de l'édition de la «Liste préliminaire des manuscrits vieux-russes du XV ^e siècle conservés en U.R.S.S.» (pour le Catalogue général des manuscrits conservés en U.R.S.S.)	49
I. V. Pozdéeva. Les tâches et les particularités du travail des expéditions pour la collecte de monuments de l'écriture cyrillique (sur l'expérience du travail des archéographes de l'Université à Moscou)	56
A. B. Khalidov (Léningrad). Les manuscrits arabes en U.R.S.S. et leur étude	62

* * *

E. A. Rybina. Le récit sur Dobrynia, le possadnik de Novgorod.	79
V. A. Bourov. Documents nuptiaux écrits en écorce de bouleau à Novgorod au XIV ^e siècle.	86
E. V. Koudriachov (Kostroma). Sur la biographie de Lioubime Aguiève	88
S. S. Ilizarov. L'histoire de l'élaboration et de la publication du premier dictionnaire géographique russe	90
N. A. Kozlova. N. N. Bantych-Kaménski et certaines questions concernant l'archéographie des actes durant la deuxième moitié du XVIII ^e siècle	98
A. O. Sopotzko (Vladivostok). Sur la question de la publication des journaux du bord (d'après les matériaux des éditions du XIX ^e siècle)	102
K. F. Chatzillo. Les données nouvelles sur les noms de plume dans la revue «Osvobodjénii»	111
E. A. Loutzki. Les documents de A. V. Chestakov se rapportant à la propagande des bolchéviks parmi les paysans en 1905	115
G. M. Golovkine (Volgograd). Les comptes-rendus de collecte d'argent pour la presse du Parti en tant que source historique (D'après les matériaux de la région de la Basse Volga en 1917)	122
B. D. Galpérina (Léningrad). Les sources sur l'assemblée générale du Soviet de Petrograd le 23 octobre 1917	131
B. S. Ilizarov. Du nouveau dans l'étude de premières publications de Décret sur la terre	139

V. V. Jouravlev. Sur l'étude des décrets du Pouvoir soviétique sur la nationalisation de l'industrie (octobre 1917 — février 1918) comme sources historiques	151
N. N. Erchov, Iu. Ia. Sintzov. Publications des mémoires des paysans concernant leurs rencontres avec V. I. Lénine dans les années 1920—1921	174
A. P. Koupaïgorodskaiia (Léningrad). Journaux à fort tirage des entreprises de Léningrad durant la première moitié des années 1920	183
<u>L. V. Tchérépnine.</u> Sur l'histoire de l'archéographie et des autres disciplines historiques spéciales (auxilières) à la veille et après l'Octobre 1917 (Ivan Filippovitch Kolesnikov)	192
A. I. Ioukht. Sur les éditions de «L'Histoire de la Russie» de V. N. Tatichtchev	201
A. M. Pantchenko (Léningrad). V. I. Malychev comme archéographe	214
N. B. Khalimov (Achkhabad). Sur la collecte et l'étude des manuscrits de la graphie arabe dans la R.S.S. de Turkménistan	219

Les lectures Tikhomirov, 1976

A. I. Kopanev (Léningrad). Sur les éditions abrégées des sources volumineuses du XVII ^e siècle	221
B. G. Litvak. Méthodes de la formalisation du contenu de la documentation volumineuse et les «regesta» (D'après les documents du XIX ^e siècle)	226
A. I. Vdovine, A. K. Sokolov. Certaines questions de l'étude et de la publication des sources nombreuses sur l'histoire de la classe ouvrière (à la faculté d'histoire de l'Université à Moscou)	233
M. P. Mironenko. Chronique de la séance	238

Les lectures Tikhomirov, 1977

S. E. Kniazkov. Chronique de la séance	248
--	-----

II. Aperçus, descriptions, bibliographie

P. Pavlova (Sofia, Bulgarie). Le psautier bulgare du XIII ^e siècle	253
H. Meyer (Utrecht, Pays-Bas). Manuscrits slaves dans la bibliothèque de l'Université à Leyden (Pays-Bas)	259
S. A. Morozov. Aperçu des copies de rédactions du Récit sur la captivité de Novgorod le Grand par Ivan le Terrible	268
Iu. N. Melnikov (Oulianovsk). Description des procès sur le droit de préséance des années 1580 ^e	275
V. V. Loukianov (Iaroslavl). Complètement de la collection des manuscrits des Archives d'Etat de la région d'Iaroslavl	286
P. Hofmann (Berlin, R. D. A.). Sur la correspondance de H. F. Müller et A. T. Büsching	290
L. L. Albina (Léningrad). Les marginales de Voltaire et l'expérience du travail de leur publication	296
N. I. Ananitch (Léningrad). Les cours de N. Kh. Bunge dans les années 1860—1880	304
P. I. Chlémine. Le journal de K. K. Arseniev	312
R. A. Kiréeva. Le volume inédit de «L'Essai de l'historiographie russe» de V. S. Ikonnikov	323
Liste des travaux de E. A. Loutski (A l'occasion de son 70 ^e anniversaire)	336
O. A. Kniazevskaïa. Un livre nouveau sur les manuscrits en parchemin conservés dans la Bibliothèque de l'Académie des sciences de l'U.R.S.S.	340
Ia. D. Issaévitch (Lvov). Catalogues nouveaux des livres imprimés en caractères cyrilliques	343
Iu. V. Andriušaitite. Une édition précieuse sur les reliures des livres	349
A. A. Kondratzki (Kiev), P. P. Pantchenko (Kiev). Le livre sur édification des archives soviétiques en Ukraine. 1917—1973	351

III. Publications

Le traité du grand-prince Vassili Vassiliévitch avec les princes de Galitch (publication de <i>M. E. Bytchkova</i>)	353
Les dépositions d'A. I. Oulianov sur l'affaire du 1 mars 1887 (publication d' <i>I. A. Altmann, Vladimir</i>)	357

IV. Chronique

<i>M. P. Mironenko</i> . Activité de la Commission archéographique	360
Éditions nouveaux de la Commission archéographique	366
Dans les filiales de la Commission archéographique	367
<i>M. P. Mironenko</i> . La Première Conférence de l'U.R.S.S. sur l'archéographie en campagne	370
<i>L. V. Badia</i> . Conférence sur l'étude des sources de l'histoire du Komsomol	373
<i>V. P. Boudaraguine</i> (Léningrad). Les lectures consacrées à la mémoire de Vladimir Ivanovitch Malychev	374
<i>A. N. Kroutchinina</i> (Léningrad). Conférence scientifique sur les problèmes de l'art de chant vieux-russe	374
<i>T. P. Voronova</i> (Léningrad). Un colloque international sur la conservation des manuscrits anciens et des livres rares	375
<i>V. P. Vassilev</i> (Sofia, Bulgarie). Le Premier sympose international, consacré à l'étude de Manuscrit de Souprasl	376
<i>S. M. Kachtanov</i> . <u>Lev Vladimirovitch Tchérepnine</u> (1905—1977)	378
Liste des abréviations	381

**Археографический ежегодник
за 1977 год**

*Утверждено к печати
Археографической комиссией
при Отделении истории СССР
АН СССР*

Редактор издательства Р. И. Коробейникова
Художественный редактор Н. Н. Власин
Технические редакторы Н. Н. Плохова и А. П. Гусева
Корректоры Е. Н. Белоусова, Ф. Г. Сурова

ИБ № 5266

Сдано в набор 4.07.78. Подписано к печати 26.12.78.
Т-18391. Формат 70×108¹/₈. Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 34,3. Уч.-изд. л. 36.
Тираж 2150 экз. Тип. зак. 695.
Цена 4 руб.

Издательство «Наука».
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

А 076

АРХЕОГРА
ФФИЧЕСКИ
ЕЖЕГОДНИК

НАСАВЕДЕНИЕ КЪ РАУРА

1977